«Новая книга из легендарного цикла «Меч Истины»!»

Терри Гудкайнд

Девятое Правило Волшебника

Терри Гудкайнд

Век Дракона

Девятое Правило Волшебника

Век
Дракона

TERRY GOODKIND

«Chainfire»

Терри Гудкайнд

Девятое Правило Волшебника, или Огненная цепь

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Г93

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Terry Goodkind
CHAINFIRE

Перевод с английского А. Немировой

Серийное оформление С. Герцевой и А. Кудрявцева

Художник М. Калинкин

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 14.11.06 г.Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 20000 экз. Заказ № 4408 Э.

Гудкайнд, Т.

Г93 Девятое Правило Волшебника, или Огненная цепь: [фантаст. роман] / Терри Гудкайнд. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 703, [1] с. — (Век Дракона).

ISBN 5-17-040869-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-3685-1 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9762-1877-6 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Сколько крови должно пролиться, прежде чем наконец настанет мир?

Сколько еще друзей и соратников предстоит потерять легендарному Ричарду Сайферу, лорду Ралу, Искателю Истины?

Быть может, что-то решит наконец открытая битва с безжалостным Сноходцем Джеганем, завоевывающим все новые земли и утверждающим на них ужасную власть Тьмы?

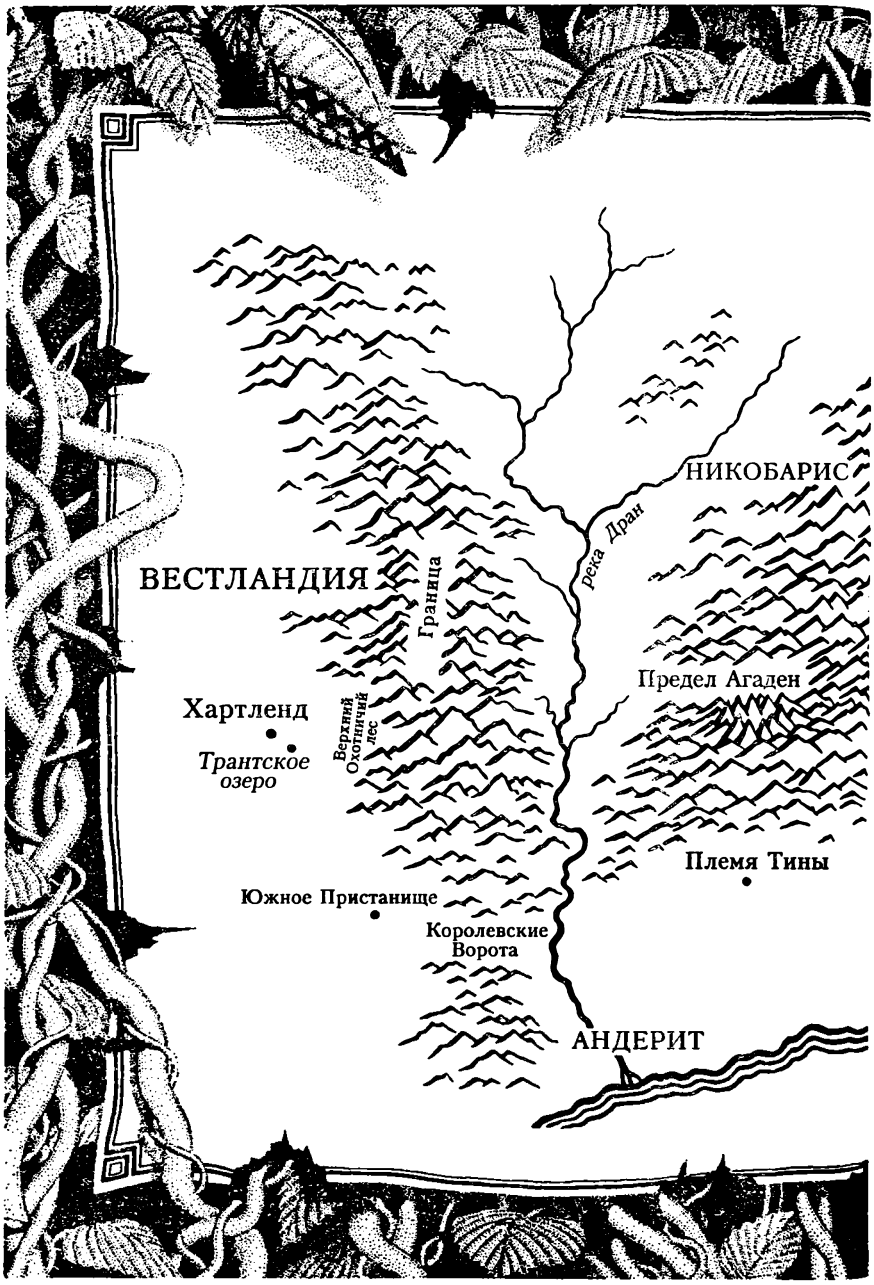
На этот вопрос не могут — или не желают — ответить Исповедницы, для которых нет тайн.

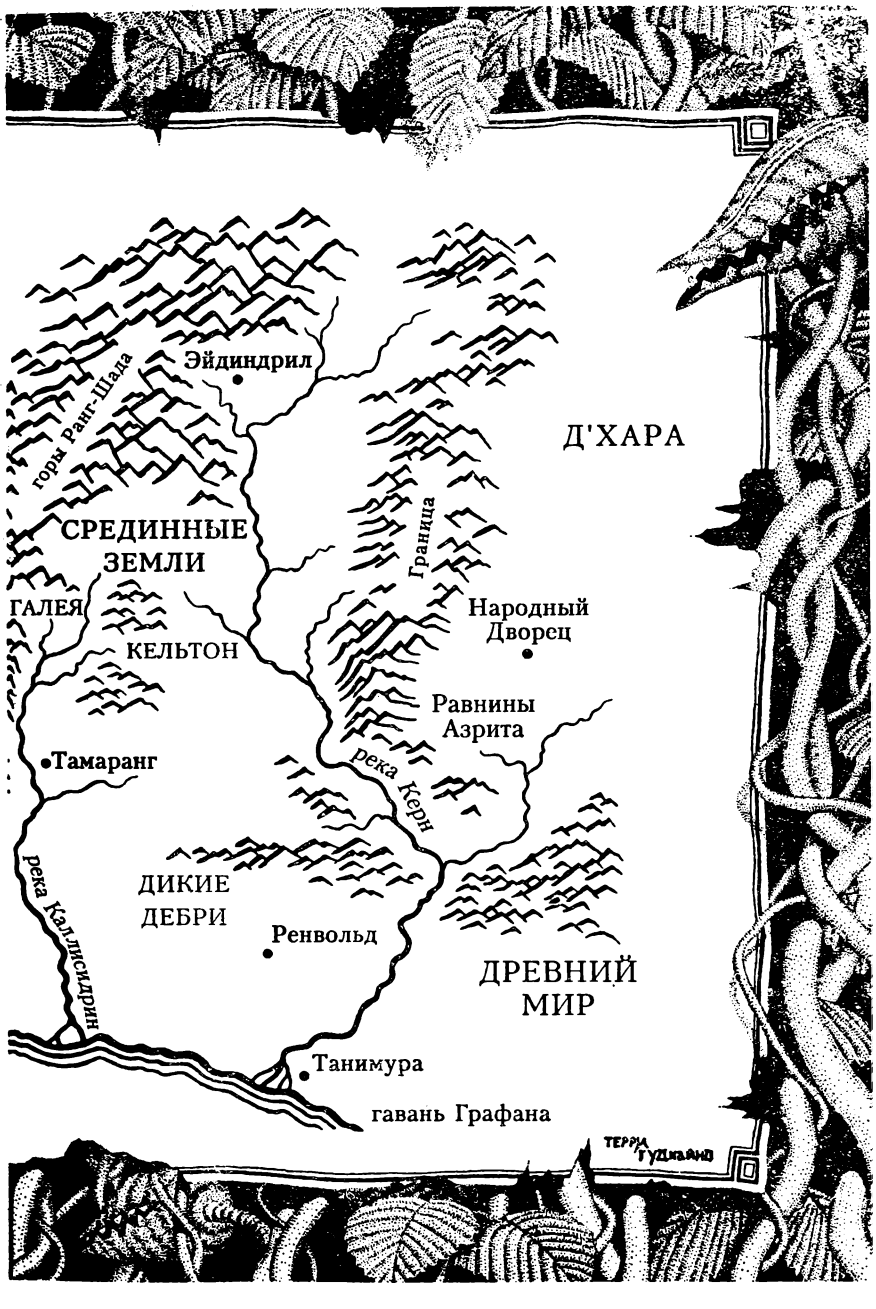
Значит, Ричарду предстоит вновь выйти на бой с повелителем Мрака — и в громе оружия и молчании павших познать Девятое Правило Волшебника...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Terry Goodkind, 2005
© Перевод. А. Немирова, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

Винсенту Касселла, человеку вдохновляющего интеллекта, остроумия, силы и мужества — другу, который всегда со мной.

ВЕСТЛАНДИЯ
Граница
Верхний Охотничий лес
Хартленд
Трантское озеро
Южное Пристанище
Королевские Ворота
река Дран
НИКОБАРИС
Предел Агаден
Племя Тины
АНДЕРИТ

горы Ранг-Шала
Эйдиндрил
Д'ХАРА
СРЕДИННЫЕ ЗЕМЛИ
Граница
ГАЛЕЯ
КЕЛЬТОН
Народный Дворец
Равнины Азрита
Тамаранг
река Керн
река Каллисидрин
ДИКИЕ ДЕБРИ
Ренвольд
ДРЕВНИЙ МИР
Танимура
гавань Графана
ТЕРРА ГУДКАЙНД

Глава 1

— И сколько здесь его крови, а сколько чужой? — спросила женщина.

— Боюсь, почти вся его, — отозвалась другая.

Они обе говорили на ходу и потому запыхались.

Ричард пытался удержать улетающее сознание, и эти голоса слышались ему словно из туманной дали. Он не помнил, кто эти женщины. Он понимал, что хорошо знает их, но сейчас это было совсем несущественно.

Отчаянно болела левая сторона груди, а удушье доводило его до панического ужаса. Он мог думать только о том, как сделать еще один вздох... еще один... — каждый из их был решающим и казался последним.

И все же еще больше его волновало другое.

Ричард попытался высказать свою тревогу вслух — но слова не выговаривались, ему удалось только застонать. Он вцепился в руку склонившейся над ним женщины, пытаясь остановить ее, заставить выслушать. Но она поняла его неправильно и, напротив, велела носильщикам поторопиться — хотя они уже и без того дышали с натугой, шагая по каменистой тропе в глубокой тени под огромными соснами. Эти люди старались двигаться как можно ровнее, чтобы не причинять раненому неудобство, но не рисковали замедлить шаг.

Где-то неподалеку тишину нарушило пение петуха — как будто это утро было самым обыкновенным, как всякое другое.

Ричард наблюдал за кипевшей вокруг него лихорадочной деятельностью со странным ощущением отстраненности. Реальной

казалась только боль. Он вспомнил чьи-то слова: «Сколько бы людей ни было вокруг, когда ты умираешь, все равно умираешь в одиночку». Вот сейчас он и чувствовал это смертное одиночество.

Когда носильщики вышли из лесу на покрытое островками травы редколесье, Ричард увидел над головой свинцовое небо, в любую минуту грозившее разразиться основательным ливнем. Вот только ливня ему сейчас не хватало. Или, быть может, пронесет?..

Гонка продолжалась; промелькнули некрашеные стены деревянного домишки, за ними — кривая изгородь загона для скота, выбеленная дождями до серебристого цвета.

Перепуганные куры с кудахтаньем прыснули во все стороны. Мужские голоса выкрикивали какие-то приказы. Ричард едва разглядел бледные лица людей, смотревших, как его проносят мимо; его так растрясло дорогой, что тошнота подкатывала к горлу. Боль разрывала тело на части.

Его пронесли сквозь узкую дверь, и дневной свет потух. Теперь вокруг царил мягкий полумрак; казалось, он гасит даже шаги и голоса.

— Сюда, — сказала первая из женщин. Ричард с удивлением узнал голос Никки... да, это ее голос. — Положите его сюда, на стол. И живее!

Ричард услышал звяканье — кто-то убирал со стола чашки.

Какие-то мелкие предметы со стуком посыпались на грязный пол. Хлопнули отворяемые ставни, и немного света проникло в затхлую комнату.

Кажется, это был заброшенный деревенский дом. Стены накренились так, будто им трудно стоять и они вот-вот упадут. Здесь когда-то жили люди, здесь был их приют — теперь они ушли, и от стен веяло ожиданием смерти.

Люди подняли Ричарда, держа его за ноги и под руки, и бережно опустили на грубо отесанную столешницу. Он хотел было задержать дыхание, чтобы умерить безумную боль в левом боку, но обойтись без воздуха не мог — легким его отчаянно не хватало.

Ему нужен был воздух, чтобы заговорить.

На стенах блеснул отсвет молнии. Мгновение спустя раскатился тяжелый удар грома.

— Повезло! — сказал один из мужчин. — Успели забраться под крышу до дождя.

Никки рассеянно кивнула, склонившись к Ричарду, и стала внимательно ощупывать его бок. Он вскрикнул, выгнулся дугой и ударился головой о твердые доски в тщетной попытке увернуться от ее пытливых пальцев. Вторая женщина тут же прижала его плечи к столу, чтобы он не дергался.

Тогда Ричард попытался заговорить. Попытка почти удалась, но вместе со словами рот наполнился густой кровью. Он чуть не задохнулся и забился снова, охваченный жарким ужасом. Женщина, державшая его за плечи, повернула ему голову набок.

— Сплюнь, — велела она, склонившись к его лицу.

Ричард попытался последовать ее совету. Женщина засунула пальцы ему в рот, расчищая доступ воздуху. С ее помощью он сумел наконец откашляться и выплюнуть достаточно крови, чтобы вдохнуть хоть немного воздуха.

Никки прощупала место вокруг стрелы, торчащей из его левого бока, и еле слышно выругалась.

— Добрые духи, — пробормотала она, разрывая залитую кровью рубашку, — пусть окажется еще не поздно!

— Я побоялась выдернуть стрелу, — сказала другая женщина. — Не знала, что получится, не знала, стоит ли. Ну и решила — пусть торчит, пока я тебя не разыщу.

— Молодец, что побоялась, — сказала Никки, подкладывая руку под спину Ричарду, корчащемуся от боли. — Если бы ты ее выдернула, он бы уже умер.

— Но ты ведь можешь вылечить его?

Это прозвучало не как вопрос, а как мольба. Никки ничего не ответила.

— Ты можешь вылечить его!

На этот раз слова прозвучали сквозь стиснутые зубы. По властному тону, скрывающему нетерпение, Ричард признал Кару. Он не успел перед нападением рассказать ей все. Однако она сама должна бы знать. Но если знает, тогда почему не сказала? Почему не успокоила его?

— Если бы не он, мы бы попались, как кур в ощип, — сказал кто-то, стоящий поодаль. — Он спас нас всех, когда остановил тех солдат, что шли за нами.

— Вы должны были помочь ему, — возразил другой.

Никки нетерпеливо взмахнула рукой.

— Убирайтесь отсюда, вы все! Здесь и без того тесно. Я сейчас не могу отвлекаться. Оставьте меня в покое!

Молния сверкнула снова, как будто добрые духи вознамерились отказать ей в просьбе. Громыхнул раскат, предвещая приближение жестокой грозы.

— Ты пришлешь Кару, когда что-то выяснится? — спросил один из мужчин.

— Да, да. Ступайте!

— И проверьте, нет ли здесь поблизости еще солдат, — добавила Кара. — Прячьтесь, если они найдутся. Мы не можем допустить, чтобы нас обнаружили— во всяком случае, сейчас.

Люди пообещали выполнить приказ. Открылась дверь, мутный свет пролился на грязную беленую стену. Силуэты выходящих казались призрачными в этом свете, словно добрые духи спешили покинуть дом.

Ричарду вспомнилось, как по пути сюда один человек коснулся его плеча, вложив в это краткое прикосновение и утешение, и призыв к мужеству. Лицо этого человека показалось ему смутно знакомым. Ричард Рал не видел этих людей уже очень давно и сейчас подумал, что для долгожданной встречи обстановка сложилась не самая лучшая.

Дверь закрылась, свет опять исчез — единственное окно пропускало мало света, и комната вновь погрузилась в полумрак.

— Никки, — негромко и настойчиво повторила Кара, — ты можешь исцелить его?

Ричард направлялся на встречу с Никки, когда вражеские войска, идущие на подавление восстания против жестокой власти Имперского Ордена, случайно наткнулись на его тайную стоянку. Как раз перед тем, как солдаты бросились на его отряд, он подумал: нужно найти Никки. Искра надежды вспыхнула во тьме неистовой тревоги: именно Никки могла помочь ему.

Но теперь Ричарду нужно было, чтобы она его выслушала.

Когда она низко нагнулась, приподнимая его руку, — видимо, желая выяснить, как глубоко проникла стрела, — Ричарду удалось вцепиться в ее черное платье у плеча. Он заметил, что его рука блестит от крови. И лицо тоже все в крови — очевидно, из-за кашля.

— Все будет в порядке, Ричард. Лежи смирно. — Прядь светлых волос соскользнула с другого плеча Никки, когда он попытался притянуть ее ближе к себе. — Я здесь. Успокойся. Я тебя не оставлю. Лежи смирно. Все хорошо. Я тебе помогу.

Она говорила уверенно, но не смотрела ему в глаза, а в голосе прорывалось отчаяние. С ободряющей улыбкой не вязались и слезы, блестевшие в глазах волшебницы. Ричард понял, что ее целительских способностей может не хватить на такую рану, как у него. Но тогда тем более важно, чтобы она его выслушала!

Ричард открыл рот, пытаясь выговорить хоть слово. Увы, для этого требовалось набрать достаточно воздуха. А это никак не получалось. Его трясло от озноба, и с губ слетал только влажный клекот. Слезы заливали глаза. Он не мог позволить себе умереть — не здесь, не сейчас...

Никки мягко придавила его к столу.

— Лорд Рал, — сказала Кара, — не шевелитесь, пожалуйста. — Она разжала его руку, вцепившуюся в платье Никки, и крепко стиснула ее. — Никки позаботится о вас. Вы выздоровеете. Только полежите тихо и дайте ей сделать все, что для этого нужно.

Светлые волосы Никки были распущены и сейчас рассыпались по плечам, а у Кары — заплетены в косу. Ричард видел, что Кара сильно озабочена, и все же в каждом ее движении чувствовалась твердость, черты лица и глаза цвета стали выказывали несокрушимую силу воли. Именно сейчас эта сила, эта уверенность в себе стали той твердой почвой, куда он мог выбраться из зыбучих песков ужаса.

— Стрела наружу не вышла, — сказала Никки Каре, вытащив руку из-под его спины.

— Я же тебе говорила — ему удалось немного отклонить ее мечом. Это хорошо, правда? Хорошо, что она не проткнула его насквозь, да?

— Нет, — очень тихо возразила Никки.

— Нет? — Кара склонилась к ней. — Но как может быть хуже оттого, что спина осталась цела?

Никки коротко взглянула на Кару.

— Это арбалетный болт. Если бы он торчал из спины или застрял близко от поверхности кожи, нам достаточно было бы только немного потянуть, сломать зазубренный наконечник и выдернуть все древко из тела.

Она так и не сказала вслух, что же им предстоит сделать сейчас.

— Кровотечение не столь уж сильное, — заметила Кара. — По крайней мере, с этим мы справились.

— Снаружи — да, — признала Никки. — Но в груди кровотечение продолжается. И в левом легком скапливается кровь.

Теперь уже Кара вцепилась в рукав Никки:

— Но ты же должна что-то сделать! Ты будешь...

— Разумеется, — огрызнулась Никки, высвободив плечо из захвата Кары. Ричард мучительно застонал. Новый прилив панического ужаса грозил затопить его. Никки положила обе руки ему на грудь, удерживая на месте и успокаивая одновременно.

— Кара, — сказала Никки, — почему бы тебе не подождать снаружи, вместе со всеми?

— Об этом и речи быть не может. Не мешкай, берись за дело!

Никки одарила Кару одобрительным взглядом, потом наклонилась и снова взялась за древко, торчащее из груди Ричарда. Он ощутил покалывание: магическая сила проникла глубоко внутрь, определяя положение стрелы. Ричард узнал эту силу, отличавшую Никки — точно так же, как узнавал ее особенный, серебристый голос.

Он знал, что должен действовать безотлагательно. Если она начнет процедуру, никто не сможет предсказать, когда он проснется... если проснется вообще.

Собрав остаток сил, Ричард приподнялся, схватил ее за ворот платья и потянул, чтобы она склонилась к его лицу и могла услышать.

Он должен спросить, знают ли они, где сейчас Кэлен. Если нет, тогда — попросить Никки, чтобы помогла найти ее.

Но он смог выдохнуть одно-единственное слово.

— Кэлен!.. — прошептал он, и силы его исчерпались.

— Все в порядке, Ричард. Все в порядке, — Никки взяла его за запястья и отвела руки от платья. — Слушай меня!

Она плотно прижала его спину к столу.

— Слушай. У нас нет времени. Ты должен успокоиться. Лежи тихо. Просто расслабься и не мешай мне работать.

Она откинула его волосы и мягко, нежно коснулась рукою лба, а другой рукой снова сжала проклятую стрелу.

Ричард отчаянно боролся, хотел сказать «Нет!», хотел предупредить, что нужно найти Кэлен,— но поток магии уже нарастал, и боль обездвижила его.

Ричард застыл, подчиняясь неодолимой силе, взрывающей тело. Он еще успел увидеть лица Никки и Кары, склонившиеся над ним. А потом мертвенная тьма выжгла комнату.

Никки уже лечила его прежде. Ричард знал, как воздействует ее сила. Но сейчас что-то изменилось. Опасно изменилось.

Кара ахнула:

— Что ты делаешь?

— То, что должна сделать, если хочу спасти его. Иного пути нет.

— Но ты ведь не можешь...

— Если ты предпочитаешь отдать его в лапы смерти, тогда я с тобой соглашусь. Если нет, позволь мне выполнить все необходимое, чтобы он остался с нами.

Кара только взглянула на рассерженную Никки, глубоко вздохнула и кивнула головой.

Ричард потянулся к запястью Никки, но Кара перехватила его и прижала обратно к столу. Его пальцы коснулись золотой проволоки, свивающейся в слово «ИСТИНА» на рукояти меча. Он снова выговорил имя Кэлен, но на этот раз совершенно беззвучно.

Кара нахмурилась и наклонилась к Никки.

— Ты слышала, что он сказал?

— Слышала, но не знаю что. Какое-то имя. Кажется, «Кэлен».

Ричард попытался крикнуть «Да!» — но сумел только хрипло застонать.

— Кэлен? — переспросила Кара. — Кто такая Кэлен?

— Понятия не имею, — пробормотала Никки и снова сосредоточилась на своей задаче. — Видимо, он бредит из-за потери крови.

Ричард уже не мог даже дышать, не в силах противиться внезапному взрыву боли.

Опять вспыхнула молния, раскатился гром и наконец-то разразился ливень. Крупные капли забарабанили по крыше.

Против воли Ричарда вставшая перед глазами дымка заволокла лица женщин.

Он успел только еще раз прошептать имя Кэлен, прежде чем Никки обрушила на него поток ничем более не сдерживаемой магической силы.

Мир растворился в изначальном хаосе.

Глава 2

Отдаленный волчий вой вырвал Ричарда из мертвого сна. Унылый звук пробудил в горах эхо, но остался без ответа. Ричард неподвижно лежал на боку, ничего не различая в потусторонней рассветной мгле. Он вслушивался, дожидаясь ответного воя — но так и не дождался.

Он ни за что не мог заставить себя открыть глаза дольше, чем на один медленный удар сердца. Еще труднее было собраться с силами, чтобы поднять голову. В мутной темноте ветви густых крон, казалось, двигались сами по себе.

Отчего такой обычный звук, как отдаленный волчий вой, разбудил его? Странно...

Он вспомнил, что Кара должна стоять на часах в третью очередь. Уже скоро ему сменять ее.

С огромным усилием он заставил себя перекатиться на спину. Ему нужно было прикоснуться к Кэлен, обнять, и тогда можно будет снова уснуть, надежно укрыв ее — еще на несколько восхитительных минут. Но его рука нащупала только холодную землю. Кэлен не было.

Где она? Куда подевалась? Может, проснулась раньше и пошла поболтать с Карой?

Ричард сел. Инстинктивно проверил, на месте ли меч. Ощутив под пальцами гладкую поверхность ножен и обмотку надежной рукояти, успокоился. Меч лежал на земле рядом.

Ричард расслышал мягкий шорох медленного, упорного дождя. Вдруг припомнилось: недавно по какой-то причине ему не хотелось, чтобы шел дождь. Но если он все-таки идет, тогда почему это не чувствуется? Почему у него сухое лицо? Почему земля сухая?

Он сел и протер глаза, пытаясь сообразить, где находится, разогнать туман в голове и собрать мысли, разбежавшиеся во все стороны, как стадо без пастуха. Вглядевшись в темноту, понял, что находится под крышей. В слабом сером полусвете, брезжащем за единственным маленьким окошком, он разглядел запущенную комнату, пропахшую сырым деревом и гнилью. В очаге у оштукатуренной стены, прямо перед ним, под слоем золы дотлевали последние багровые угольки.

Сбоку от очага висела черная от старости деревянная ложка, с другой стороны была прислонена облысевшая метла — но других вещей, по которым можно было бы судить о хозяевах дома, Ричард не увидел. Уже рассвело, и судя по всему, довольно давно — просто солнце не показывалось. Неумолчный шорох дождя по крыше обещал пасмурный и сырой день. Струйки воды лились сквозь дыры прохудившейся крыши, просачивались в щели вокруг печной трубы, пятная новыми потеками и без того грязную штукатурку.

Глядя на эту стену, очаг и громоздкий дощатый стол, Ричард уловил призрачные обрывки воспоминаний. Подгоняемый желанием узнать, где Кэлен, пошатываясь, он поднялся на ноги. Притаившаяся боль напомнила о себе, и он прижал одну руку к груди, а другой вцепился в край стола.

Комната была слабо освещена; Кара, сидевшая на стуле напротив кровати, только по звуку догадалась, что он делает, и стремительно вскочила:

— Лорд Рал!

Ричард увидел свой меч на столе. Но он же только что...

— Лорд Рал, вы очнулись!

Даже при таком скудном освещении Кара выглядела великолепно. Ричард узнал ее боевое одеяние из красной кожи.

— Волк завыл и разбудил меня.

Кара покачала головой.

— Я сидела тут, не спала, присматривала за вами. Никакие волки не выли. Вам, наверное, приснилось. — Она снова улыбнулась. — Вам уже лучше!

Он вспомнил, как недавно не мог дышать. Рискнул сделать пробный вдох, поглубже, и обнаружил, что дышится легко. Призрак жестокой боли еще преследовал его — но в действительности она уже почти не ощущалась.

— Да, пожалуй, со мной все в порядке.

Обрывочные картинки беспорядочно замелькали перед его мысленным взором. Он вспомнил, как стоял один, неподвижно, в неверном свете раннего утра, а темный прилив солдат Имперского Ордена заливал лес. Он вспомнил их яростный напор, блеск вскинутых клинков. Вспомнил, как завел плавный танец со смертью. Ливень стрел и арбалетных болтов обрушился на него, а потом, наконец, другие люди вступили в бой.

Ричард оттянул подол рубахи и внимательно рассмотрел его, не понимая, почему его одежда совершенно цела и девственно чиста.

— Ваша рубашка совсем испортилась, — объяснила Кара, заметив его недоумение. — Мы вас вымыли, побрили, а потом надели на вас чистую рубашку.

«Мы». Это слово заслонило в его сознании все прочие. Мы. Кара и Кэлен. Очевидно, именно это Кара имела в виду.

— Где она?

— Кто?

— Кэлен, — сказал он. И оторвавшись от стола — такой надежной опоры — сделал несколько шагов вперед. — Где она?

— Кэлен? — губы Кары изогнулись в обаятельнейшей улыбке. — Да кто это такая — Кэлен?

Ричард вздохнул с облегчением: Кара не стала бы так поддразнивать его, если Кэлен ранена или с ней что-то еще случилось — это он знал наверняка.

Чувство потрясающего облегчения развеяло его жуткую тревогу и приободрило, как вино. С Кэлен все в порядке.

Он не мог не оживиться еще и потому, что Кара состроила такую шаловливую гримаску. Ему нравилось, когда она так беспечно улыбалась — отчасти потому, что это случалось редко. Обычно

улыбка всякой морд-сит служила грозной прелюдией к чему-то очень неприятному. Особенно когда они одевались в красную кожу.

— Кэлен — это моя жена, ты же ее знаешь, — сказал Ричард, поддерживая игру. — Где же она?

Носик Кары сморщился в чисто женской лукавой усмешке. Это выражение веселья было настолько не свойственно Каре, что Ричард не только удивился, но и не удержался от ответной улыбки.

— Жена-а, — протянула она жеманно. — Оказывается, лорд Рал женат! Вот это новость!

То, что он стал лордом Ралом, правителем Д'Хары, иногда все еще казалось Ричарду сказкой. Ни о чем подобном лесной проводник, выросший в глуши Вестландии, не мог бы и помыслить, даже в самых смелых фантазиях.

— Да, ведь кто-то из нас должен был рискнуть первым! — Он провел рукой по лицу, словно пытаясь снять налипшую паутину — его все еще морочил сон. — Где она?

Кара улыбнулась еще шире.

— Ах, Кэлен? — Она склонила голову и взглянула на него, приподняв изогнутую бровь. — Твоя жена, значит.

— Да, Кэлен, моя жена, — сказал Ричард небрежно. Он давно уже усвоил, что не стоит доставлять Каре удовольствие, показывая, что ее озорные выходки его задевают. — Разве не помнишь? Умница, с зелеными глазами, высокая, волосы длинные... И, конечно же, она самая красивая женщина из всех, каких я видел в жизни.

Кара выпрямилась и сложила руки на груди. Кожаный костюм скрипнул.

— Надеюсь, ты хочешь сказать — самая красивая после меня?

Когда она улыбнулась, ее глаза блеснули. Но он не попался на наживку.

— Ладно, хватит, — сказала наконец Кара со вздохом. — Похоже, долгий сон подарил вам очень странные видения, лорд Рал.

— Долгий сон?

— Вы спали два дня после того, как Никки излечила вас.

Ричард запустил пятерню в немытые, свалявшиеся волосы.

— Два дня... — повторил он, пытаясь согласовать между собою обрывки воспоминаний. Его начинала выводить из себя затянувшаяся игра Кары. — Ну, где она?

— Ваша жена?

— Да, моя жена! — Ричард уперся стиснутыми кулаками в бедра и придвинулся к упрямице. — Она же Мать-Исповедница.

— Мать-Исповедница! Ой-ой, лорд Рал, если уж вы спите, то во снах на мелочи не разменниваетесь. Разумница, красавица, да еще и Мать-Исповедница в придачу! — Кара пригнулась с насмешливым видом. — И, разумеется, она также по уши в вас влюблена?

— Кара!..

— Да погодите же! — Она вскинула руку, останавливая его, и сразу стала серьезной. — Никки велела позвать ее, если вы проснетесь. Она очень на этом настаивала — сказала, что должна взглянуть на вас, как только вы проснетесь. — Кара повернулась и пошла к единственной закрытой двери в глубине комнаты. — Она прилегла всего часа два назад, но очень рассердится, если ей не сообщат, что вы уже не спите.

Кара пробыла в другой комнате лишь несколько минут — а Никки уже выскочила из темноты и застыла на мгновение в дверях, схватившись за косяк.

— Ричард!

Прежде чем Ричард успел сказать хоть что-то, Никки, просияв от радости, подлетела к нему и схватила за плечи так, словно он был не человеком, а добрым духом, явившимся в мир живых, — и если не держать его крепко, то он тут же исчезнет.

— Я так беспокоилась! Как ты себя чувствуешь?

Она была словно выжатая, и Ричард это почувствовал. Светлая грива растрепана, черное платье выглядело так, будто она в нем спала. Но эта небрежность по контрасту лишь подчеркивала ее безупречную красоту.

— Да в общем неплохо, только слабость сильная и голова кружится — хотя Кара и говорит, что я долго спал.

Никки беспечно взмахнула тонкой рукой:

— Этого следовало ожидать. Отдохнешь — снова войдешь в полную силу, и очень скоро. Ты потерял много крови. Чтобы полностью поправиться, нужно время.

— Никки, мне нужно...

— Тихо! — Она приложила одну ладонь к его спине, а другую — к груди. Ее тонкие брови сошлись на переносице.

По виду Никки была одних лет с Ричардом или года на два-три старше — но она много лет прожила в общине сестер Света, во Дворце Пророков, а в стенах этого дворца время текло совсем иначе. Ее очаровательные манеры, проницательный и ласковый взгляд голубых глаз, особенная потаенная улыбка — всегда сопровождающаяся пристальным многозначительным взглядом — поначалу обескураживали, потом волновали, но сейчас ему просто было радостно видеть знакомое лицо.

Ричард поморщился, ощутив, как сила Никки проникает, покалывая, глубоко в его грудь, от одной руки к другой. Ощущение было не из приятных. Сердце затрепыхалось, прилив тошноты подступил к горлу.

— Все держится, — пробормотала Никки про себя. — Сосуды целы и хорошо наполнены.— Проблеск удивления в глазах женщины выдал, насколько она была не уверена в успехе. Теперь она смогла успокаивающе улыбнуться: — Да, отдых необходим, но ты выздоравливаешь, Ричард, на самом деле выздоравливаешь!

Он кивнул. Приятно узнать, что ты здоров. Даже если сама целительница этому удивляется. Но теперь он хотел избавиться наконец от своих тревог.

— Никки, где Кэлен? Каре сегодня вздумалось пошутить, и она не говорит...

— Кто? — растерянно спросила Никки.

Ричард схватил ее за руку и гневно потребовал ответа:

— Что с ней? Она ранена? Где она?

Кара объяснила Никки:

— Лорд Рал во сне обзавелся женой!

Удивленная Никки, нахмурившись, глянула на Кару:

— Женой? Откуда?

— Помнишь то имя, что он называл, когда бредил? — Кара заговорщически улыбнулась. — Так вот, во сне он на ней женился. Она красива — ну, и умна, конечно.

— Красива, — машинально повторила ошеломленная Никки. — И умна.

Кара изогнула бровь:

— Вот-вот. Да к тому же она — Мать-Исповедница.

Никки все еще не понимала.

— Мать-Исповедница?

— Хватит, — сказал Ричард, оттолкнув руку Никки. — Мне надоело. Говорите! Где она?

Обе женщины сразу поняли, что его обычное чувство юмора испарилось. Ярость в голосе, не говоря уже о взгляде, заставила их замолчать.

— Ричард, — осторожно сказала Никки, — ты был очень тяжело ранен. Поначалу я даже не думала... — Она уложила выбившуюся прядку волос за ухо и начала по-другому: — Понимаешь, когда человек получает такую рану, она может отразиться на рассудке. Так уж устроено тело. Я сталкивалась с такими случаями и раньше. Когда эта стрела тебя пронзила, ты не мог дышать. А если воздуха не хватает, как, скажем, когда тонешь, то получается...

— Да что с вами обеими? Что происходит? — Ричард не мог понять, почему они упрямятся. Его сердце билось так, словно вот-вот разорвется. — С ней что-то случилось? Скажите мне!

— Ричард, — продолжала Никки спокойно, стараясь утихомирить его, — арбалетный болт прошел в опасной близости от сердца. Если бы он его задел, я ничего бы не смогла поделать. Я не умею воскрешать мертвых. К счастью, этого не случилось, но стрела наделала много бед. Обычно люди с такими ранениями не выживают. Я не могла бы вылечить тебя обычными способами, они здесь не годились. Не было времени даже вытащить стрелу другим способом. У тебя было внутреннее кровотечение. Мне пришлось...

Она осеклась, взглянув ему в глаза. Ричард наклонился к ней.

— Что тебе пришлось?

Никки застенчиво дернула плечом.

— Я применила Магию Ущерба.

Никки была умелой колдуньей и могла многое — но ее исключительная особенность заключалась в том, что она умела использовать потусторонние, темные силы. Когда-то она служила этим силам. Тогда ее даже называли «госпожа Смерть». Целительство в общем-то даже не было ее основной специальностью.

Ричарда сразу охватило подозрение:

— Зачем?

— Чтобы вынуть из тебя стрелу.

— Ты уничтожила стрелу с помощью Магии Ущерба?

— Не было ни времени, ни другого способа. — Она снова положила руки ему на плечи, теперь уже с выражением сочувствия. — Если бы я не сделала этого, ты умер бы за считанные минуты. Вот так...

Ричард взглянул на Кару — теперь она хмурилась — и снова на Никки.

— Ну что ж, наверное, это разумно.

По крайней мере, это звучало разумно. Он не знал наверняка, так ли это. Он вырос в бескрайних лесах Вестландии и не сильно разбирался в магии.

— И еще я удалила часть твоей крови, — тихо добавила Никки.

Ричарду не понравилась ее интонация.

— Что?

— Кровь скапливалась внутри грудной клетки. Я увидела, что сердце сместилось в сторону. Одно легкое уже залило совсем. От давления главные артерии могли разорваться. Нужно было убрать кровь, чтобы легкие и сердце могли работать как следует. А они уже отказывали. Ты был в состоянии шока и бредил. Еще чуть-чуть, и умер бы... — Голубые глаза Никки наполнились слезами. — Я так боялась, Ричард! Кроме меня, здесь некому было помочь тебе, и я очень боялась, что не справлюсь. Даже когда я сделала все возможное, то не была уверена, что ты очнешься...

Ричард увидел отражение того страха на ее лице, почувствовал его силу по дрожанию ее пальцев в своей руке. Далеко же она зашла с тех пор, как отказалась от своей веры в дело сестер Тьмы и позже — Имперского Ордена!

По осунувшемуся лицу Кары он прочел, насколько отчаянным было его положение. Он-то сам крепко спал, а вот из них ни одна, судя по всему, не позволила себе надолго сомкнуть глаза. Это бдение далось им нелегко.

Дождь без устали барабанил по крыше. Больше ничто не нарушало мертвую тишину дома. И все же покинутое жилище еще

хранило отголоски былого существования. От этого ощущения у Ричарда холодок пробежал по спине.

— Ты спасла мне жизнь, Никки. Я помню, что очень боялся умереть. Но ты меня спасла. — Он прикоснулся кончиками пальцев к ее щеке. — Спасибо тебе. Прости, не знаю, как лучше сказать, лучше выразить, как я ценю то, что ты сделала, у меня просто не хватает воображения!

Слабая улыбка Никки и кивок убедили его, что она осознала всю искренность его чувства. Но тут до него дошло кое-что другое.

— Ты хочешь сказать, что использование Магии Ущерба причинило мне... какой-то вред?

— Нет-нет, Ричард! — Никки стиснула его руки, словно пытаясь унять его страх. — Нет, я не думаю, чтобы тебе это повредило.

— То есть в каком это смысле «не думаешь»?

Поколебавшись немного, она объяснила:

— Я прежде не делала ничего подобного. И даже не слыхала, чтобы такое делали другие. Духи предобрые, я и не знала, что кто-то мог такое сделать. Ты же сам представляешь, что пользоваться Магией Ущерба таким образом рискованно — мягко говоря. Все живое, что попадет под ее действие, разрушится. Мне пришлось использовать само древко стрелы как путь внутрь твоего тела. Я старалась действовать как можно осторожнее, чтобы удалить только стрелу... и просочившуюся внутрь кровь.

Ричард задумался: что происходит с телами или предметами под воздействием Магии Ущерба? Куда делась кровь из его грудной клетки? Но голова уже и так шла кругом от всей этой истории, и он очень хотел наконец-то добраться до сути.

— Но все это вместе, — добавила Никки, — ранение, большая потеря крови, затрудненное дыхание, удар Магии Приращения, когда я лечила тебя — не говоря уж о неизвестном нам влиянии Магии Ущерба — это жестокий кризис, с непредсказуемым результатом. Столь сложное стечение обстоятельств может иметь самые неожиданные последствия.

Ричард все еще не понимал, к чему она клонит.

— Что за неожиданные последствия?

— Определить их нельзя, то-то и оно! У меня не было выбора, я должна была применить самые крайние меры. Ты тогда перешел уже через все пороги. Пожалуйста, попытайся понять: на какое-то время ты перестал быть самим собою...

Кара засунула большой палец за красный кожаный пояс и вмешалась:

— Никки права, лорд Рал. Вы были не в себе. Вы боролись с нами. Мне пришлось вас держать, чтобы Никки могла помочь вам. Я видала многих людей на грани смерти. С ними случаются очень странные вещи. Поверьте мне, вы очень долго пробыли в таком состоянии в ту первую ночь!

Ричард очень хорошо знал, что стоит за ее словами о людях на грани смерти. Все морд-сит были мастерицами по части пыток — пока он не покончил с прежним порядком вещей. Денна, одна из них, когда-то испробовала свое искусство на нем самом. В торжественный миг освобождения она отдала ему свое страшное оружие, эйджил — в знак благодарности за избавление от безумия ужасной службы... хотя знала, что ценою свободы будет удар мечом, пронзающий сердце. Именно тогда Ричард почувствовал, как далеко завела его судьба от мирных лесов, где он провел детство. Он сберег тот эйджил...

Никки вскинула руки, будто умоляя его напрячься хорошенько и понять.

— Ты потерял сознание, а потом надолго уснул. Я поддержала твои силы настолько, чтобы ты смог попить воды и бульону — но для заживления раны требовался долгий, глубокий сон. Потому я применила усыпляющее заклинание. Ты потерял много крови; если бы я позволила тебе проснуться слишком рано, ты мог бы не выдержать и ускользнуть от нас.

Умер бы — вот что она подразумевала. Он мог умереть. Ричард глубоко вздохнул. Он понятия не имел о том, что происходило в последние три дня. Разрозненные картинки битвы — и сразу пробуждение от волчьего воя.

— Никки, — сказал он, пытаясь убедить ее, что может спокойно рассуждать и все понимает, хотя ни того, ни другого не было, — какое отношение все это имеет к Кэлен?

Ее лицо исказило мучительное сочетание сочувствия и тревоги.

— Ричард, эта женщина, Кэлен, — всего лишь порождение твоего разума, она возникла, когда ты был в потрясенном состоянии, перед тем, как я смогла излечить тебя!

— Никки, при чем тут воображение, я не...

— Ты находился на краю смерти, — сказала она, вскинув руку, чтобы заставить его молчать и слушать. — В мыслях у тебя было желание найти кого-то, кто помог бы тебе — кого-то вроде этой особы, Кэлен. Пожалуйста, верь мне, это вполне объяснимо. Но теперь ты очнулся и должен взглянуть правде в глаза. Она — лишь видение больного тела.

Ричард потерял дар речи. Уши слышали, но разум отказывался воспринимать эти слова. Он повернулся к Каре, умоляя ее вернуться к здравому смыслу, если уж она не спешила его спасти.

— Как ты могла додуматься до такого? Как я мог бы поверить в это?

— Разве не приходилось тебе, когда что-то тебя сильно пугало, видеть во сне, как твоя мать, давно уже умершая, приходит и помогает тебе? — Немигающие глаза Кары смотрели мимо него. — Неужели ты не помнишь, как, просыпаясь после таких снов, чувствовал, что это была реальность, что мать ожила и готова помочь тебе? Ты не помнишь, как тебе хотелось удержать это чувство? Как отчаянно мечтал, чтобы оно оказалось реальностью?

Никки слегка нажала на то место, где прежде торчала стрела, а теперь была гладкая кожа.

— После того, как ты немного поправился и худший момент миновал, наступил долгий сон. И эти образы отчаяния остались при тебе. Ты видел их, добавляя к ним новые подробности, ты жил среди них дольше, чем бывает в обычном сне. Это длительное видение, эта утешительная иллюзия, это божественное состояние успело проникнуть во все уголки твоего сознания, пропитать мысли, и потому стало для тебя реальным. Кара верно сказала насчет снов — а тут, из-за того, что ты спал долго, видение стало еще крепче. Теперь же тебе сложно сразу отделить сновидение от яви.

— Никки права, лорд Рал. — Ричард не видал еще, чтобы Кара была столь серьезной. — Вам все просто привиделось — в

том числе и волчий вой. Судя по всему, сон был приятный: эта женщина, ваша жена, и все такое... Но все же остается тем, чем был — просто сном.

Мысли Ричарда совсем перепутались. Представить себе, что Кэлен — попросту сон, творение горячечной фантазии, было страшно. И страх внезапно вспыхнул в его душе. Если женщины сказали правду, тогда не стоило пробуждаться. Если это правда, тогда напрасно Никки вылечила его. Он не хотел жить в мире, где нет места для Кэлен...

Он попытался нащупать прочную почву в темной трясине смятения — слишком ошеломленный, чтобы бороться со столь бесформенной угрозой. Его смущало, что из разрозненных клочков воспоминаний не восстанавливается точная картина. Он уже начинал сомневаться в надежности того, что считал достоверным.

Он собрался с духом. Помня, что страх оживает, если поверить в него, Ричард не хотел поддаваться панике. Каким образом Никки дошла до таких чудовищных предположений, оставалось пока неясным, но он знал наверняка, что Кэлен — не видение.

— Как можете вы обе утверждать, что Кэлен мне приснилась, — после всего, что пережили вместе с нею?

— Вот именно, — сказала Никки. — Если бы то, что ты говорил, было правдой, разве мы посмели бы огорчать тебя?

— Лорд Рал, мы никогда не позволили бы себе так жестоко обманывать вас в том, что вам дорого!

Ричард обвел их обеих недоверчивым взглядом. Могло ли так быть? Он безуспешно пытался отыскать хоть какое-нибудь подтверждение тому, что они говорят правду. Его кулаки сжались сами собой.

— А ну-ка бросьте это, обе!

Это был всего лишь призыв вернуться к здравомыслию. Он не хотел никому угрожать, но так уж вышло. Никки отступила на полшага. Лицо Кары слегка побледнело.

Ричард не мог утихомирить дыхание, не мог укротить бешено бьющееся сердце.

— Я никогда не запоминаю своих снов! — Он по очереди взглянул на каждую из них. — Даже в детстве не запоминал. И не

помню, чтобы видел сны, когда лежал раненый или когда спал. Никогда. Сны лишены смысла. Кэлен дает смысл всей моей жизни. Прошу вас, не поступайте так со мной! Это ничему не помогает, становится только хуже. Пожалуйста, если с Кэлен что-то случилось, я должен знать.

В этом наверняка все дело: с нею что-то случилось, а они боятся, что он еще недостаточно окреп, чтобы перенести такое известие.

Тут он припомнил, как Никки сказала, что не умеет воскрешать мертвых, и ему стало совсем невмоготу. Возможно, они пытаются оградить его от этого?

Он заскрежетал зубами, сдерживаясь, чтобы не наорать на них, сохранить видимость спокойствия.

— Где Кэлен?

Никки осторожно наклонила голову, словно просила у него пощады.

— Ричард, она существует лишь в твоем мозгу. Я знаю, что такие вещи могут казаться истинными, но это не так. Ты выдумал ее для себя, пока болел... и ничего более!

— Я не выдумывал Кэлен! — Он снова обратился к мордсит. — Кара, ты провела вместе с нами более двух лет. Ты сражалась рядом с нами, сражалась за нас. А в те дни, когда Никки была еще сестрой Тьмы и привела меня сюда, в Древний мир, ты, заменив меня, защищала Кэлен. Она же защищала тебя. Вы вместе прошли сквозь такие испытания, какие и не снились большинству людей. Вы подружились. — Он указал на эйджил, грозное оружие, с виду напоминающее просто короткую и тонкую палочку, оплетенную красной кожей, свисающую с запястья Кары на тонкой золотой цепочке. — Ты даже назвала Кэлен сестрой по эйджилу.

Кара стояла неподвижно, молча. А ведь тогда, назвав Кэлен «сестрой по эйджилу», она, по сути, совершила пусть и не формальный, но глубоко торжественный обряд, превративший прежнего смертельного врага в подругу, которой она отдала свое уважение и доверие!

— Кара, поначалу ты была просто телохранительницей лорда Рала, но стала близким другом и мне, и Кэлен. Ты стала нам родной.

Кара охотно, без колебания отдала бы жизнь, защищая Ричарда. Она была не только безжалостна, но и бесстрашна в бою. Единственное, чего Кара боялась — это разочаровать, подвести его. И сейчас этот страх был отчетливо виден в ее глазах.

— Спасибо, лорд Рал, — сказала она наконец слабым голосом. — Спасибо за то, что мне нашлось место в вашем чудесном сне!

Ричард весь покрылся гусиной кожей от приступа леденящего ужаса. Потрясенный, он прижал руки ко лбу, откинув волосы. Эти две женщины не выдумывали историю, боясь сообщить ему дурные новости. Они говорили правду — правду, доступную им. Правду, каким-то образом превращенную в кошмар. Он не мог совместить свое знание с этим, не мог уловить смысл.

После всего, что они разделили с Кэлен, всего, что пережили за долгое время, для него было немыслимо слышать такое от этих двух женщин.

И тем не менее они это сказали.

Пусть он пока не постиг причину, что-то несомненно было не так. И очень плохо. Удушающее предчувствие овладело им. Казалось, будто весь мир перевернулся вверх дном и теперь уже невозможно сложить разлетевшиеся осколки. Нужно было что-то делать — то, к чему он готовился как раз перед тем, как напали солдаты. Может быть, время еще не упущено?

Глава 3

Ричард опустился на колени рядом с расстеленным одеялом и принялся запихивать одежду в дорожный мешок. Судя по холодной мороси за маленьким окошком, дождь зарядил надолго, и он не стал упаковывать плащ.

— Ну, и что ты собираешься делать? — спросила Никки.

Он заметил валяющийся на полу кусок мыла и сунул в кармашек.

— Неужели тебе не ясно, что я собираюсь делать?

Он и так уже потерял много времени — несколько дней. Далее терять его нельзя. Он засунул в мешок свертки с сухими травами

и специями, мешочек урюка, и взялся поспешно сворачивать одеяло. Кара оставила расспросы и возражения и вместо этого принялась упаковывать свои вещи.

— Я не о том, и ты это знаешь. — Никки присела на корточки рядом с ним и, взяв его за руку, заставила повернуться к ней. — Ричард, ты не можешь сейчас уйти. Тебе нужен отдых. Я же говорила — ты потерял много крови. Ты еще недостаточно окреп, чтобы отправляться на охоту за призраками...

Он подавил негодующий ответ и туго перевязал скатку с постелью кожаным шнурком.

— Я отлично себя чувствую.

Он, конечно, преувеличил — но самочувствие и вправду было вполне приличное.

Никки провела несколько дней, усердно спасая его жизнь. Она не только беспокоилась за него — она выложилась до предела и, возможно, не в состоянии мыслить здраво. Все вместе заставляет ее полагать, что он поступает безрассудно. И все же он разозлился на ее недоверие.

Никки настойчиво дернула его за рубашку, когда он взялся затягивать второй ремешок.

— Ты даже не осознаешь, насколько на самом деле слаб, Ричард. Ты подвергаешь опасности свою жизнь. Чтобы твое тело исцелилось, требуется время и отдых. Ты же не выдержал и половины срока, необходимого для восстановления сил!

— А какой срок отпущен Кэлен? — Он схватил Никки за руку над локтем и, разгоряченный тревогой, притянул ее к себе. — Она где-то там, и ей плохо. Ты не признаешь этого, Кара не признает этого, но я-то знаю! И ты думаешь, я способен валяться здесь, когда женщина, которую я люблю больше всего на свете, подвергается опасности?

Он перевел дыхание.

— Никки, вот попади ты сама в переплет, обрадовало бы тебя, если б я из благоразумия не пришел на помощь? Или все-таки захотелось бы, чтобы я попробовал тебя выручить? Не знаю, что именно там случилось, но что-то несомненно есть. И если я прав — а я

прав, — то даже приблизительно не могу предположить, насколько тяжелыми могут быть последствия.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот посмотри: если права ты, тогда я просто путаю сны и явь. Но если прав я — при том, что вы с Карой, очевидно, не могли сразу и одинаково сойти с ума, — это будет означать, что у происходящего имеется некая причина — и отнюдь не благоприятная. Я не могу промедлить и, рискуя потерять все, пытаться убедить вас, насколько серьезно наше положение. Слишком много времени уже пропало зря. И слишком велики ставки...

Потрясенная Никки не нашла, что ответить. Ричард отпустил ее и отвернулся, чтобы застегнуть верхний клапан своего мешка. Ему некогда было ломать голову над поведением Никки и Кары.

Наконец к Никки вернулся голос:

— Ричард, неужели ты не видишь, что с тобой происходит? Ты начинаешь выдумывать нелепые доводы, лишь бы подтвердить то, во что хочешь верить. Ты сам сказал: мы с Карой вдвоем не могли одновременно сойти с ума. Останься и отдохни. Мы сможем разобраться в природе этого сна, который так глубоко укоренился в твоем сознании, и, надеюсь, все расставим по местам. Возможно, это я сама что-то натворила, пытаясь вылечить тебя. Если так, пожалуйста, прости меня, Ричард... и останься!

Она не могла думать ни о чем, кроме этой своей проблемы. А он... он тоже думал лишь о своей. Старый Зедд, помогавший воспитывать Ричарда и оказавшийся его родным дедом, говаривал во дни его юности: «Размышляй не о проблеме, размышляй о ее решении!» И ему сейчас нужно было сосредоточиться и решить, как найти Кэлен, прежде чем станет слишком поздно. Как жаль, что Зедда нет рядом — он уж точно подсказал бы, где ее искать.

— У тебя еще могут случиться серьезные осложнения, — повторила Никки, стряхивая капли дождевой воды, просочившиеся сквозь дырявую крышу. — Чрезмерные усилия могут привести к...

— Я понимаю, хорошо все понимаю. — Ричард осмотрел охотничий нож и сунул в ножны на поясе. — И не собираюсь отмахиваться от твоих советов. Постараюсь не слишком напрягаться.

— Ричард, послушай меня, — сказала Никки, растирая пальцами виски, словно у нее болела голова. — Дело не только в этом... — Она примолкла и пригладила рукой волосы, видимо, подыскивая слова поубедительнее. — Ты не всесилен. Пусть ты носишь этот меч, он не сможет всегда служить тебе защитой. Твои предки, все прежние правители династии Рал, хоть и владели особым даром, всегда держали под рукой телохранителей. Ты унаследовал дар по рождению, но даже будь ты вполне искусен в обращении с ним, это не дало бы тебе ни полной неуязвимости, ни постоянной защиты — особенно в такое время, как сейчас. И вот, в тебя попали стрелой! Теперь-то ты понимаешь, насколько на самом деле беззащитен? Ты, несомненно, особенный человек, Ричард, быть может, даже великий. Но ты всего лишь человек. И ты очень нужен нам. Отчаянно нужен...

Ричард отвернулся, чтобы не видеть страдание в голубых глазах Никки. Он очень хорошо знал, насколько уязвим. Жизнь была для него высшей ценностью; он по возможности берег ее. Он почти никогда не возражал, чтобы Кара находилось рядом. Она, как и остальные морд-сит, другие телохранительницы, унаследованные им, уже не один раз доказывали, что недаром едят свой хлеб. Но это не означало, что сам он беспомощен и осторожности ради может не исполнить то, что необходимо.

Более того, он уловил и другой смысл, стоящий за словами Никки. Во Дворце Пророков он выведал у сестер Света, что, по их убеждению, существует глубинная связь между ним и древним пророчеством. Они считали, что он — центральная фигура, вокруг которой закручиваются нити всех событий.

Если верить сестрам, светлые силы могли восторжествовать над темными, противостоящими им, только если Ричард поведет их к победе. Пророчество гласило, что без него все пропадет. Аббатиса Аннелина Алдуррен потратила многие годы, подстраивая события так, чтобы он мог выжить, вырасти и повести их в бой. Если послушать Энн, так все ее надежды, все, что ей дорого, держится на плечах одного Ричарда. Спасибо Кэлен, она по меньшей мере убавила у Энн прыти в этом отношении.

Ричард возглавил движение людей, которые просто стремились жить свободно. Их было много, сотни тысяч, и все они считали его своим предводителем — потому что изначально он побудил их к действию. Ричард побывал в подвалах Дворца Пророков и видел там самые знаменитые, тщательно хранимые книги пророчеств, дошедшие из древности. Он убедился, что их речения порой совершенно невразумительны. Тем не менее он видел, как люди отыскивают в пророчествах намеки на то, что больше всего хотят услышать. Ему самому пришлось столкнуться с пророчествами, касающимися их с Кэлен; особенно задели его прорицания ведьмы Шоты. Но, судя по его личному опыту, от пророчеств обычно бывало мало проку и много неприятностей.

И все-таки Ричард заставил себя улыбнуться:

— Никки, ты рассуждаешь прямо как сестра Света. — Она не восприняла эти слова как шутку. — Со мной будет Кара, — добавил он, пытаясь успокоить ее, и тут же сообразил, что Кара была рядом с ним в тот момент, когда стрела свалила его. А может, не была? Где она была во время схватки? Он не помнил. Кара не могла испугаться; даже целый эскадрон кавалерии не заставил бы ее отступить и оставить его без защиты. Конечно же, она была рядом, он просто не запомнил этого.

Он подобрал с пола свой широкий кожаный пояс и надел его, туго затянув пряжки. Этот пояс и другие части снаряжения, прежде принадлежавшего древнему волшебнику, он добыл в замке Волшебника, где теперь правил Зедд, защищая свою твердыню от императора Джеганя и его орды пришельцев из Древнего мира.

Никки нетерпеливо вздохнула — Ричард хорошо знал, что так прорывается наружу непреклонность ее характера. Но он также знал, что сейчас ею владеет искренняя забота о его благополучии.

— Ричард, мы просто не можем позволить тебе отвлекаться. Ведь мы должны обсудить очень важные вещи. Я хотела встретиться с тобой именно ради этого. Разве ты не получил письма от меня?

Ричард замялся. Письмо... письмо...

— Да, — сказал он, припомнив. — Твое письмо я получил. Кстати, я тоже посылал тебе весточку — с солдатом, к которому Кэлен прикоснулась своею силой.

Ричард уловил беглый взгляд, брошенный Карой на Никки — судя по удивленному выражению, она не помнила ничего подобного. Лицо Никки осталось непроницаемым.

— Твой ответ до меня не дошел.

Несколько удивленный, Ричард взмахнул рукой в сторону Нового мира.

— Главной его задачей было пойти на север и убить императора Джеганя. Он был подчинен силою Исповедницы; вздумай он отказаться от исполнения этого приказа, смерть немедленно настигла бы его. Если бы он не смог найти тебя, то должен был отправиться к Джеганю. Но, быть может, в дороге с ним что-то случилось. В Древнем мире много гибельных ловушек.

Выражение лица Никки свидетельствовало, что она восприняла сказанное как еще одно доказательство его безумия.

— Неужели ты думаешь... ты можешь хотя бы вообразить, что сноходца можно так легко достать?

— Ну конечно же, нет. — Он заметил, что котелок в мешке слишком выпирает сбоку, и перепаковал его как следует. — Мы рассчитывали, что этот солдат, безжалостный убийца, сам будет убит при покушении на императора. Мы отправили его к Джеганю, потому что он заслуживал смерти. Но ведь была и некая вероятность успеха такой попытки. Я хотел по меньшей мере испортить Джеганю сон — пусть знает, что любой из его людей может оказаться убийцей!

Лицо Никки оставалось преувеличенно спокойным. — Она явно думала, что вся эта история — также лишь часть его сложного сновидения. Но тут Ричард вспомнил еще кое-что.

— Никки, боюсь огорчить тебя, но знай: на нас напали вскоре после того, как Сабар вручил мне твое письмо. И в этом бою он погиб.

Она искоса взглянула на Кару. Та утвердительно кивнула.

— Духи милостивые! — горестно сказала Никки, опечаленная известием о смерти юного Сабара.

Ричард разделял ее чувства. Он вспомнил, как Никки настоятельно предупреждала его в письме, что Джегань начал использовать людей, наделенных даром. Так делалось три тысячи лет назад, в годы великой войны. Известие это было воистину безрадостным.

Считалось, что вновь сделать такое невозможно — но Джегань нашел способ использовать сестер Тьмы, которых держал в плену. Во время нападения на лагерь письмо Никки попало в костер и сгорело. Ричард не успел прочесть его полностью. Но и прочитанного было достаточно, чтобы понять, как велика опасность.

Когда он подошел к столу, где лежал его меч, Никки встала перед ним.

— Ричард, я знаю, как это трудно, но ты должен отложить дело, навеянное сном. На это нет времени. Нам надо поговорить. Если ты получил мое письмо, ты хотя бы знаешь, что не можешь...

— Никки, — перебил ее Ричард, — я должен это сделать.

Он положил руку на ее плечо и заговорил со всем доступным ему терпением — немалым, если учесть, как снедала его тревога, но своим тоном давая понять, что не намерен продолжать препирательства:

— Если ты отправишься вместе со мной, тогда мы сможем поговорить позже, — выберем время, когда это ничему не помешает. Но прямо сейчас у меня времени нет — и у Кэлен тоже.

Ричард отстранил Никки и подошел к столу.

Взяв в руки блестящие ножны, он вдруг вспомнил картинку из сна и удивился: почему, проснувшись от волчьего воя, он решил, что меч лежит на земле рядом с ним? Может, этот как раз и был обрывок сна? Полный нетерпения, он отогнал мимолетную мысль. Просунув голову в кожаную перевязь старинной работы, Ричард быстро приладил ножны на левом бедре, проверил прочность крепления. Потом двумя пальцами вытянул оружие за рукоять с загнутыми вниз концами гарды — не только чтобы убедиться, что он свободно выходит из ножен, но и проверяя состояние клинка. Он не помнил всех подробностей боя и не думал, что сам прятал меч на место.

Полированная сталь блеснула сквозь пленку засохшей крови.

Отдельные моменты боя вихрем пронеслись в его памяти. Все случилось внезапно и неожиданно — но после того, как он, разгневанный, выхватил меч, это стало несущественно. А вот численное превосходство врага осталось существенным. Ричард прекрасно понимал, как права Никки, напомнив ему, что непобедимых полководцев не бывает.

Вскоре после того, как они с Кэлен встретились, Зедд по праву Первого волшебника назначил Ричарда Искателем и вручил ему меч. Ричард неправильно понял, что представляет собою это оружие, и потому поначалу возненавидел его. Зедд объяснил, что Меч Истины — так он назывался — просто орудие, как и всякий другой, но смысл его действиям придает воля человека, который его держит. И уж к этому мечу утверждение волшебника относилось в наибольшей степени.

Теперь меч был накрепко связан с Ричардом, с его намерениями, действовал для достижения его целей. С самого начала его целью и намерением была защита тех, кого любил Ричард, кто был ему дорог. Постепенно он осознал, что для этого должен помочь создать такой мир, где люди могли бы жить в покое и безопасности. Именно эта цель и придавала мечу ценность в его понимании.

Клинок с присвистом опустился в ножны.

Намерением Ричарда сейчас было — найти Кэлен. Если меч сможет помочь в этом, тогда он без колебаний пустит клинок в ход.

Ричард поднял упакованный мешок и закинул привычным движением за спину, внимательно осмотрев почти пустую комнату — не забыл ли чего полезного. На полу рядом с очагом он увидел сушеное мясо, дорожные лепешки и много всякой другой еды. Простые деревянные миски Ричарда и Кары тоже были там, в одной — похлебка, в другой — остатки овсяной каши.

— Кара, — сказал он, связывая ремешками три бурдюка с водой и вешая их себе на шею, — собери всю провизию, которая может выдержать дорогу. И миски не забудь!

Кара кивнула. Она убедилась, что Ричард не намерен оставлять ее здесь, и теперь методично укладывала вещи.

Никки схватила его за рукав.

— Ричард, говорю совершенно серьезно, мы должны сосредоточиться, дело очень важное...

— Тогда делай, как я предложил: собирайся, и пойдем со мной! — Он снял с крючка свой лук и колчан. — Если не будешь меня задерживать, можешь на ходу высказать все, что пожелаешь.

Кивнув в знак капитуляции, Никки наконец прекратила спор и бросилась в заднюю комнату собирать вещи. Ричарда вовсе не

тяготила мысль о том, что волшебница последует за ним. Помощь Никки могла стать неоценимой; ее дар имел шанс пригодиться при поисках Кэлен. Ведь и тогда, когда он проснулся перед нападением и заметил, что Кэлен нету, первым его побуждением было добраться до Никки и попросить помощи.

Ричард набросил на плечи лесной плащ с капюшоном и направился к двери. Кара оглянулась — она торопливо собирала последние принадлежности, — и кивком дала ему знать, что надолго его не задержит. Сквозь распахнутую дверь задней комнаты он видел, что Никки тоже отчаянно торопится, чтобы не дать ему уйти далеко.

Подогреваемая страстным желанием найти Кэлен, фантазия Ричарда разыгралась и уже начинала подминать волю. Ему чудилось, что он видит ее раненой, страдающей. При мысли о том, что Кэлен, одинокая, где-то попала в беду, сердце начинало бешено биться от ужаса. Против воли всплывали в памяти гнетущие воспоминания о тех днях, когда она едва не умерла от ран. Тогда он бросил все остальное и увез ее далеко в горы, где никто не мог найти их. Там, в полной безопасности, Кэлен выздоровела. Тот краткий промежуток лета, с момента, когда здоровье стало возвращаться к ней, и до появления Никки, решившей силой увести его с собой, стал одним из лучших в жизни Ричарда. Как Кара могла забыть то замечательное время — это казалось ему непостижимым.

Привычным движением еще раз проверив, легко ли вынимается меч из ножен, он распахнул дощатую дверь хижины.

Сырой воздух и тусклый утренний свет приветствовали его. Вода, стекающая по крыше, сочилась с карниза и хлюпала под сапогами. Холодная морось покалывала лицо. Но уж лучше это, чем проливной дождь. Плотные облака нависали низко, цепляясь за верхушки дубов, стеною стоящих на дальнем конце небольшого пастбища, а над блестящей от воды травой колыхались, будто призраки, пряди тумана. За массивными корявыми стволами прятались тени. Ричарда раздосадовало то, что именно теперь их преследуют дожди. Если бы не дождь, у него было бы гораздо больше шансов на успех. Впрочем, он и так может справиться: на земле, камнях и деревьях всегда находятся какие-нибудь знаки и следы.

Читать следы станет затруднительно — но даже затяжной дождь не сможет смыть их полностью. Ричард сызмала обучен выслеживать зверей и людей по лесам, и дождь ему в этом не помеха. Потребуется больше времени и усилий, нужно будет получше сосредоточиться — вот и все.

И тут до него дошло: когда он найдет следы Кэлен, у него появятся доказательства, что она существует. Никки и Каре не останется ничего иного, как наконец-то поверить ему.

Каждое живое существо оставляет особые, непохожие на других следы. Ричард знал, как выглядят следы Кэлен. Он также знал, каким путем они шли. И там найдутся следы и его собственные, и Кары, и Кэлен, любой сможет их увидеть. В сердце его затеплилась надежда, хотя до радости еще было далеко.

Как только он отыщет несколько отчетливых отпечатков и покажет их Никки и Каре, спорить станет не о чем. Они сообразят, что ему ничего не приснилось и искажено не его сознание, а ход реальных событий.

Тогда он сможет пойти по следам Кэлен, начиная от места последней стоянки, и найти ее. Дождь замедлит дело, но не остановит его — к тому же возможно, что умения Никки помогут ускорить поиски.

Люди, сновавшие туда-сюда по лугу, заметили, как он выходит из хижины, и стали сбегаться отовсюду. Они не были солдатами в точном смысле слова — возчики, мельники, столяры и каменщики, фермеры и торговцы, которые много лет боролись за свою жизнь под гнетом Ордена, перебивались, добывая хлеб насущный, чтобы прокормить семьи. Для большинства этих работяг жизнь в Древнем мире означала постоянное сосуществование со страхом. Любой, кто осмеливался вслух осудить правление Ордена, вскоре подвергался аресту, предавался суду за подстрекательство к бунту и шел на казнь. Поток обвинений и арестов не иссякал; сколько среди них было ложных, а сколько истинных преступников — никто не проверял. Такое правосудие, скорое на расправу, держало людей в страхе — и в узде.

Одновременно с этим в головы народа, особенно молодежи, непрерывно вбивалось учение Ордена, и уже немалая часть насе-

ления фанатически веровала в его истинность. Детям с рождения внушали, что самостоятельно мыслить вредно и лишь пылкой верой и бескорыстным служением на благо будущего добра можно заслужить славное воздаяние после смерти, войти в сияние света Создателя и избежать вечных мук в темных безднах подземного мира, под безжалостной рукою Владетеля. Любое другое направление мысли считалось дурным.

Искренне верующие очень старались сохранить существующее положение вещей. Простым людям был обещан справедливый раздел жизненных благ, а сверхблагочестивые сторонники Ордена постоянно искали случая попробовать крови отступников в надежде получить свою долю их имущества. Ведь эти мерзавцы, как учил Орден, являлись эгоистичными угнетателями — то есть грешниками, заслужившими свою судьбу. Из среды праведников постоянно шел приток молодых парней, добровольно желающих служить в войсках, стать частью благородной борьбы по сокрушению неверующих, наказать злодеев, отобрать неправедно нажитые богатства. Никто не запрещал им грабить, никто не сдерживал их жестокости; насилие над теми, кто не принял новой веры, считалось само собой разумеющимся. Именно здесь вырос особо опасный и заразительный вид фанатизма. А уже на его основе была выпестована армия разнузданных дикарей.

Именно таковы были солдаты Имперского Ордена. Они проложили себе путь в Новый мир и теперь почти безнаказанно бесчинствовали на родных землях Ричарда и Кэлен. Мир стоял у порога очень темных времен.

И именно с этой угрозой, по убеждению Энн, должен сразиться Ричард, для этого он рожден. Аббатиса и многие другие верили предсказанию, согласно которому у свободных людей были шансы выжить в этой великой битве и одержать победу только в том случае, если Ричард возглавит их.

Люди, собравшиеся здесь, осознали всю негодность идей и пустоту обещаний Ордена. Они поняли, что за возвышенными словами стоит тирания. Они решились отвоевать свое право на жизнь. И это сделало их воинами, борцами за свободу.

Тишину раннего утра нарушили возгласы радости и удивления. Люди сходились со всех сторон, гомоня и наперебой спрашивая, как он себя чувствует и вполне ли здоров. Их искренняя забота растрогала Ричарда. Подавив нетерпение, он заставил себя улыбаться и принялся пожимать руки тем, кого знал по событиям в городе Алтур-Ранг. Ведь им хотелось именно такой встречи...

С кем-то из этих людей Ричард вместе работал, многих знал по имени, но дело было даже не в этом. Он понимал, что стал для них символом избавления — лорд Рал из Нового мира, лорд Рал из краев, где люди свободны. Он показал им, что такое возможно и для них, и нарисовал картину жизни, какой они прежде не ведали. Но сам Ричард не видел особой разницы между собою нынешним, Искателем и владыкой империи Д'Хара, и прежним лесным проводником. Хотя ему довелось пройти через много опасностей и жестоких испытаний с тех пор, как он покинул дом, в душе он остался тем же человеком с теми же убеждениями. Если прежде Ричарду приходилось давать отпор деревенским подонкам, то ныне ему противостояли целые армии. Масштаб был разный, но суть — одна и та же.

Однако теперь ему важно было одно: найти Кэлен. Без нее весь прочий мир — и жизнь вообще — теряли для него всякую ценность.

Неподалеку стоял, опираясь на столб, мускулистый человек, чья улыбка скорее напоминала угрожающий оскал, видимо, привычный — морщины на лбу и щеках не разглаживались. Волосы его были подстрижены так коротко, что голова казалась бритой. Капли дождя оседали на ней. Сложив могучие руки на груди, человек смотрел, как другие приветствуют Ричарда. А тот, пожимая на ходу десятки рук, спешил пробиться сквозь толпу к этому хмурому кузнецу.

— Виктор!

Угрюмость сменилась по-детски искренней улыбкой. Они с Ричардом крепко обнялись.

— Никки и Кара позволили мне навестить тебя только два раза. Если бы они и нынче утром не пустили меня, я бы им на шеи свернутые кочерги понадевал!

— А тогда, в первое утро, ты был тут? Ведь это ты прикоснулся к моему плечу, выходя из дому?

Виктор улыбнулся еще шире и кивнул.

— Я, а то кто же? Я помогал перенести тебя сюда. — Он осторожно сжал одной рукой плечо Ричарда и попробовал потрясти его. — Ну, похоже, тебя хорошо заштопали. Только бледный ты еще. У меня есть лярд: поешь — и наберешься сил!

— Благодарю, я вполне здоров. Позже обязательно попробую. Спасибо, что помог меня дотащить. Слушай, Виктор, а где Кэлен?

Виктор удивленно поднял брови, собрав морщины гармошкой:

— Кэлен?

— Да, моя жена.

Виктор молча уставился на него.

— Ричард, когда это ты успел обзавестись женой?

Обеспокоенный Ричард оглянулся через плечо на других людей:

— Кто-нибудь из вас видел Кэлен?

На лицах отразилось полное недоумение. Одни отворачивались, другие озадаченно переглядывались. Пасмурное утро вновь притихло. Они не понимали, о ком он говорит. Между тем многие из этих людей знали Кэлен и должны были помнить. Но и они сейчас отрицательно вертели головами или пожимали плечами.

Ричард приуныл; положение оказалось хуже, чем он думал. Выходит, что-то случилось не только с памятью Никки и Кары. Он отвернулся от притихшей толпы и посмотрел прямо в глаза мастера-кузнеца:

— Виктор, у меня случилась беда, и нет времени подробно объяснять. Я даже не знаю, как вообще можно объяснить... Мне нужна помощь.

— Что я могу сделать?

— Отведи меня туда, где мы приняли бой.

— Запросто!

Виктор тут же повернулся и зашагал в сторону темного леса.

Глава 4

Никки отвела в сторону мокрую ветку смолистой пихты, торопясь догнать мужчин, идущих без оглядки по густому лесу. Выбравшись на край поросшей лесом гряды холмов, они двинулись вниз

по тропе, петляющей из стороны в сторону, приспосабливаясь к крутизне склона. Камень был мокрый и предательски скользкий.

Этот путь был короче того, по которому раненого Ричарда несли на заброшенную ферму. Добравшись до дна лощины, мужчины стали пробираться по каменным осыпям и грудам валунов, обходя заболоченный участок; мертвые кедры, выбеленные временем и непогодами до серебристого блеска, молчаливыми часовыми возвышались над затхлой водой.

Ручейки, стекающие по мшистым берегам, проточили в лесной почве глубокие промоины, на дне которых виднелась крапчатая гранитная основа. Дождь, лившийся непрерывно несколько дней, заполнил все ямы и буераки, в них образовались стоячие лужи, а кое-где и целые озера. В лесу от дождя стоял приятный запах влажной земли — но здесь, внизу, мокрая преющая растительность отдавала гнилью.

От быстрой ходьбы и сложного спуска Никки немного разгорелась, и все равно ее пальцы и уши стыли на влажном, холодном воздухе. Она знала, что здесь, на дальнем юге Древнего мира, тепло и влажность скоро возвратятся — и впору уже будет тосковать по этой необычной прохладе.

Никки выросла в городе и редко выходила погулять на свежем воздухе. Во Дворце Пророков, где она провела большую часть жизни, «свежим воздухом» считались подстриженные лужайки и сады, покрывающие часть острова Халзбанд. Сельская местность всегда казалась ей враждебной — это было просто препятствие, отделяющее один город от другого, нечто, чего следует избегать. Города и здания она воспринимала как убежище от немыслимых опасностей дикой природы — а главное, именно в городах она трудилась на благо человечества. Трудам ее не было ни конца, ни края, а до лесов и лугов ей не было никакого дела.

Никки не чувствовала и не ценила красоту холмов, деревьев, ручьев и гор — до тех пор, пока не познакомилась с Ричардом. Даже на города она теперь смотрела по-новому, глазами Ричарда. Он показал ей, как много есть в жизни чудес.

Осторожно пробираясь по скользким темным камням очередного короткого подъема, она наконец-то заметила своих спутни-

ков: они спокойно поджидали ее под раскидистым старым кленом. Чуть подальше Ричард, пригнувшись, изучал землю под ногами, потом выпрямился и окинул взглядом простирающиеся перед ним леса. Кара, как неотступная тень, стояла рядом. Среди ласкающей глаз зелени красный кожаный костюм морд-сит выделялся, словно сгусток крови на скатерти чайного стола.

Никки понимала, почему Кара так свирепо и страстно защищает Ричарда. Кара, как и она сама, была когда-то его врагом. Сделавшись лордом Ралом, Ричард не просто обрел слепое преклонение Кары — он сумел завоевать ее уважение, доверие и преданность. Цвет кожаного костюма был выбран специально для устрашения, он обещал жестокое наказание всякому, кто дерзнет хотя бы мысленно причинить вред лорду Ралу. И обещание это не было пустым. Всех морд-сит с ранней юности обучали быть абсолютно безжалостными. Основной их задачей было захватывать в плен носителей волшебного дара и подчинять их — но они были вполне способны применить свои умения к любому противнику. Даже люди, которые знали Кару и доверяли ей, инстинктивно старались держаться от нее подальше, когда она одевалась в эту красную кожу.

Никки знала, что значило для Кары вырваться из круга бессмысленного, сводящего с ума служения и научиться снова ценить жизнь.

Издалека, из сумеречной чащи, наполненной шорохом стекающей с листьев воды, доносилось хриплое карканье воронов. Никки уловила тошнотворную вонь гниющей плоти. Оглядевшись и внимательно осматривая местность, как учил ее Ричард, она заметила у основания отдельно торчащей скалы сосну очень необычной формы: часть ее раздвоенного ствола изгибалась, почти касаясь земли, и напоминала кресло. Она узнала это место — за полосой кустарника скрывалось поле битвы.

Никки не успела добраться до Ричарда — он нырнул под низко нависающие ветви и скрылся в подлеске. Вынырнув по другую сторону лощины, он замахал руками и заорал как оглашенный. Из влажной тени между высокими елями раздалось хлопанье крыльев: сотни огромных черных птиц разом поднялись в воздух, негодующе каркая. Поначалу казалось, что они смогут одолеть того, кто помешал им

пировать — но когда воздух запел, приветствуя взлетевший из ножен меч Ричарда, птицы ретировались, растворившись в темноте между деревьев, словно знали, что это за оружие, и боялись именно его. Их сердитые выкрики угасли в туманной дымке. Ричард, так удачно выступивший в роли пугала, пошумел еще немного, потом вернул меч в ножны и наконец обратился к своим спутникам:

— Будьте добры, не ходите пока сюда! — Его голос отразился эхом от высоких сосен. — Подождите там, пока я вернусь!

Кара, считавшая себя главнее всех в вопросах безопасности Ричарда, не обратила на эту просьбу ни малейшего внимания. Она последовала за ним, держась близко, но не попадаясь на глаза. Так они выбрались на небольшую поляну ниже по склону.

Никки не осталась ждать с молчаливыми мужчинами под кленом; она продралась сквозь путаницу молодой поросли и мокрых папоротников к березовой рощице на пригорке, ограждающем поляну с одной стороны. Узкие черные глазки следили за ней с белых стволов, пока Никки, переходя от дерева к дереву, не остановилась на самом краю обрыва. Опершись рукой на ствол одной из берез и ощутив шелковистую гладкость шелушащейся коры, она заметила, что из ствола торчит арбалетный болт. Из других деревьев тоже торчали стрелы и болты.

А внизу, у подножия пригорка, поляна была завалена мертвыми телами. От вони разложения Никки чуть не стошнило. Вороны улетели, но мухи, которым никакой меч не был страшен, продолжали пировать и размножаться вовсю. Да и первые партии червячков-личинок уже взялись за работу.

У многих тел были отсечены головы или конечности. Некоторые лежали в лужах. Вороны и дикие звери успели основательно попировать на трупах — а зияющие раны облегчали им задачу. Панцири из толстой кожи, пояса с металлическими бляхами, кольчуги и разнообразное оружие были теперь бесполезны для убитых. Здесь и там одежда на вздувшихся телах еще держалась на оставшихся пуговицах — как если бы они пытались сберечь свое достоинство там, где никакого достоинства быть не может.

Все это — и тела, и отчаянная вера этих людей, и их отвага — обречено было теперь лежать и гнить здесь, в глухой лесной чащобе.

Никки следила сверху, как Ричард ходит по поляне, бегло осматривая трупы.

В то утро он успел убить очень много вражеских солдат, прежде чем Виктор со своими людьми подоспел ему на помощь. Она не знала, сколько времени сражался Ричард со стрелой в груди — но такую рану даже он вряд ли мог вытерпеть долго.

Люди из отряда Виктора, их было около двух дюжин, сгрудились под пологом ветвей огромного клена. Поплотнее запахнувшись в плащи, они терпеливо ждали.

Повсюду в притихшем лесу мокрые ветви сосен и елей гнулись к земле, тихо роняя капли на разбухшую землю. Время от времени то тут, то там поникшие ветви клена, дуба или вяза теряли свою ношу от дуновения ветра и сразу же взлетали вверх — выглядело так, будто деревья приветственно машут кому-то. Влажный воздух проникал всюду, куда не затекал дождь, и всем было не по себе.

Ричард пересек стоячую лужу и снова согнулся, внимательно исследуя поверхность почвы. Никки даже придумать не могла, что он ищет.

Никто из людей, ожидающих под деревом, не выказывал никакого интереса к полю боя, где они недавно сражались; никто не хотел смотреть на мертвецов. Они предпочитали ждать, стоя на месте. Убийство казалось этим людям противоестественным и давалось с трудом. Они боролись за свои права и делали все, что для этого требовалось — но не находили наслаждения в войне. У них были иные ценности. Они похоронили своих троих убитых, но оставили без погребения почти сотню вражеских солдат — которые охотно убили бы их, если бы не Ричард.

Никки вспомнила, как утром в тот день была удивлена, обнаружив Ричарда с мечом в окружении груды мертвых тел и не понимая, кто изрубил их в таком количестве. Потом она увидела, как Ричард скользит между вражескими солдатами и меч его движется с текучей грацией, будто танцуя. Зрелище было завораживающее. С каждым рубящим или колющим ударом умирал еще один враг. Там было полно солдат, они роились как мухи; оторопь брала этих людей, когда они видели, что их товарищи один за другим падают наземь. В большинстве своем то были крепкие парни,

всегда побеждавшие за счет силы мышц, из тех, кто любит запугивать более слабых. Они крутились, прыгали, замахиваясь и бросаясь на Ричарда с разных сторон — но их удары неизменно запаздывали на мгновение, и каждый раз он уходил от опасности. Его плавные движения не напоминали той грубой рубки, к которой они были привычны, и им начало казаться, что сами духи обрушились на них. В некотором смысле так оно и было.

И все же их приходилось слишком много на одного, даже если этот один являлся Ричардом с Мечом Истины. Достаточно было какому-то из этих невежественных и тяжело дышащих жилистых молодчиков удачно взмахнуть секирой — или одной-единственной стреле попасть в цель. Ричард не был ни непобедим, ни бессмертен.

Виктор и его ребята поспели очень вовремя — за несколько мгновений до того, как сама Никки тоже взялась за дело. Бойцы Виктора ввязались в схватку, отвлекая внимание противника от Ричарда — а Никки завершила эпизод, сразив слепящей вспышкой своей колдовской силы всех, кто еще стоял на ногах.

Опасаясь не только надвигающейся грозы, но и еще больше — возможной новой стычки с вражескими солдатами, которые могли обрушиться на них в любой момент, Никки велела отнести Ричарда вглубь леса, на заброшенную ферму. Во время этой ужасной гонки она смогла только подкрепить его силы ниточкой своего Хань, надеясь поддержать его жизнь, пока не сможет оказать ему настоящую помощь.

Никки сглотнула комок в горле, отгоняя тяжелые воспоминания. А Ричард тем временем все ходил кругами по поляне, почти не обращая внимания на мертвые тела, но дотошно осматривая почву, особенно на опушке. Что он надеялся там обнаружить? Вдруг он перестал кружить, двинулся вперед, вернулся на несколько шагов и вновь пошел в ту же сторону. Так, описывая все более широкие дуги, Ричард постепенно стал удаляться от поляны. Время от времени он опускался на четвереньки. И наконец — уже около полудня — Ричард скрылся в лесу.

Виктору надоело молчаливое бдение; он прошел, раздвигая перистые листья папоротника, чуть колышущиеся под тихим моросящим дождем, туда, где ждала Никки.

— Что происходит, ты можешь сказать? — поинтересовался он.

— Он что-то выискивает.

— Это я и сам вижу. Я спрашиваю про эту историю... насчет жены. Как это понимать?

Никки устало вздохнула.

— Не знаю.

— Но предположить можешь?

Никки мельком заметила Ричарда — но он тут же снова исчез за деревьями, уже довольно далеко от места битвы.

— Он был очень тяжело ранен. Люди в таком состоянии иногда испытывают приступы безумия.

— Но теперь-то он выздоровел! Никакой лихорадки не видно ни в словах, ни в делах. Кроме этой фантазии, во всем прочем он вполне нормально ведет себя. Но, видать, в нем это видение крепко засело. Никогда еще не видел Ричарда таким...

— Я тоже, — призналась Никки. Она знала, что Виктор ни за что не выказал бы тревоги по пустякам; значит, он был глубоко обеспокоен. — Но мы сейчас должны отнестись к этому со всем возможным пониманием и подождать — есть надежда, что вскоре он сам сумеет навести порядок в своих мыслях. Он пережил очень тяжелое испытание. Лежал в беспамятстве несколько дней. Он ведь и очнулся-то лишь сегодня утром. Дадим ему время на то, чтобы сознание прояснилось...

Виктор обдумывал ее слова несколько минут, потом вздохнул и кивнул, соглашаясь. Она порадовалась, что он не спросил, как быть, если Ричард опомнится не скоро.

Тут Ричард снова появился в поле ее зрения, вынырнув из-за пелены дождя и лесных теней. Никки и Виктор пошли через поле боя ему навстречу. Лицо его закаменело от напряжения и ничего не выражало, но Никки хорошо знала его и видела, что с ним происходит что-то очень нехорошее.

Ричард подошел к ним, отряхивая со штанов листья, мох и труху.

— Виктор, этих солдат не посылали отбить Алтур-Ранг.

— Как это? — изумился Виктор.

— А вот так. Для выполнения такой задачи им потребовались бы тысячи солдат — а может, и десятки тысяч. А этот небольшой

отряд ничего подобного сделать не мог. И потом, если у них было такое намерение, чего ради они пробирались бы сквозь заросли на таком расстоянии от города?

Виктор скривился, как от кислого: приходилось признать, что Ричард прав.

— Что же тогда, по-твоему, они тут делали?

— Когда они появились здесь, еще не рассвело. Можно предположить, что они вели рекогносцировку. — Ричард взмахнул рукою, указывая направление. — Где-то там есть дорога. Мы пользовались ею, возвращаясь с юга. Я думал, мы достаточно далеко отошли от нее, чтобы спокойно переночевать. Выходит, я ошибся.

— Мы слыхали, что ты был на юге, — сказал Виктор. — По дороге ехать быстрее, поэтому мы решили использовать тропы, чтобы сократить путь и выйти на дорогу поскорее.

— Эта дорога очень важна, — добавила Никки. — Это один из основных трактов — тех, что велел построить Джеганъ. Благодаря хорошим дорогам перемещение войск ускорилось, и он смог подчинить весь Древний мир правлению Имперского Ордена.

Ричард посмотрел в ту сторону, где лежала дорога — так, словно мог увидеть ее сквозь стену деревьев и лиан.

— Тракт также позволяет ему обеспечивать постоянный подвоз провианта. Думаю, здесь происходило вот что. Находясь так близко от Алтур-Ранга и зная, что там вспыхнуло восстание, они, вероятно, обдумывали возможность нападения на Алтур-Ранг с этой стороны. Но пока скопления войск здесь явно не наблюдается — то есть эти солдаты, скорее всего, были посланы с более важным поручением. Думаю, они прикрывали движение обозов на север, к войскам Джеганя. Ему необходимо сокрушить последние очаги сопротивления в Новом мире, прежде чем у него дома запахнет жареным...

Ричард повернулся к Виктору:

— Еще точнее я бы сказал, что эти солдаты были разведчиками — прочесывали местность, чтобы обоз мог пройти безопасно. Они вышли в предрассветный час — несомненно, рассчитывая захватить повстанцев спящими.

— А мы-таки спали, — недовольно буркнул Виктор, складывая мускулистые руки на груди. — Мы и духом не чуяли, что солдаты могут оказаться здесь, в глуши. Спали как младенцы. Если бы ты не явился сюда и не перехватил их, они вскоре добрались бы до нас. И тогда мы, а не они стали бы поживой для мух и воронов!

Они помолчали, пытаясь представить себе, что могло бы случиться.

— У тебя были какие-нибудь сведения о продвижении обозов на север? — спросил Ричард.

— Конечно, — сказал Виктор. — Ходит много слухов о больших партиях всякого добра, отправляемого на север. Иногда обозы идут под охраной свежих войск, направляемых на войну. Похоже, твоя догадка насчет зачистки местности для прохождения обоза имеет смысл.

Ричард присел на корточки и ткнул пальцем в землю:

— Видишь эти отпечатки? Здесь кто-то прошел вскоре после схватки. Отряд был немаленький — видимо, других солдат послали отыскать этих, пропавших. Дошли они только до этого места, дальше следов я не нашел, только обратные — а углубленные носки и смазанные края, здесь и здесь, показывают, что солдаты развернулись. Выглядит так, будто они пришли, увидели мертвых и убрались. Притом, судя по следам, сильно торопились...

Ричард встал и положил левую руку на рукоять меча.

— Если бы вы не унесли меня сразу же после боя, эта компания наткнулась бы на нас. К счастью, они отправились восвояси и не стали обыскивать лес.

— Как ты думаешь, почему они так поступили? — спросил Виктор. — Почему не попытались даже похоронить убитых и сразу ушли?

— Они могли опасаться, что здесь спрятался в засаде большой отряд — а значит, им следовало вернуться, поднять тревогу и обеспечить надежную охрану обоза. Только такая настоятельная необходимость могла заставить их бросить своих соратников непогребенными.

Виктор хмуро посмотрел на следы, потом на убитых солдат.

— Ладно, — сказал он и провел рукой по голове, сбрасывая капли воды, — мы хотя бы сможем воспользоваться этим положением. Пока Джеганъ занят войной, у нас есть время выбить здесь почву из-под ног Ордена, лишить их опоры...

Ричард покачал головой:

— Джеганъ, возможно, и занят войной — но это не остановит его попыток восстановить свою власть здесь. Если мы и знаем что-то достоверное о сноходце, так это о его способности методично уничтожать все и всяческое сопротивление.

— Ричард прав, — сказала Никки. — Было бы опасной ошибкой считать Джеганя просто жестоким мерзавцем. Да, жестокости ему не занимать — но он также чрезвычайно умный человек и блестящий тактик. За многие годы он набрался опыта. Припугнуть его и заставить действовать импульсивно почти невозможно. Он может проявить храбрость — когда имеет основания считать, что именно храбрость принесет ему победу, — но предпочитает рассчитывать свои кампании. Его побуждают к действию твердые убеждения, а не оскорбленное самолюбие. Он не будет возражать, если ты подумаешь, что победил — думай себе на здоровье, лишь бы он мог спокойненько рассчитать, как и когда прирежет тебя. Умение выжидать — самое опасное из его свойств.

Она перевела дыхание и продолжила:

— Когда он нападает, ему все равно, много ли потерь понесет его войско — лишь бы оставшихся в живых хватило, чтобы выиграть. Однако в начале своего пути — во всяком случае, до того, как он решил завоевать Новый мир, — он старался сократить потери по сравнению со своими противниками. И ему это удавалось, потому что он отказался от наивных принципов ведения войны, освященных обычаем — от прямого столкновения с врагом на поле боя, от понятия чести. Он любит нападать, имея такое число бойцов, чтобы стереть противника в порошок без особого ущерба для себя. А о том, что делают его орды с побежденными, ходят мрачные легенды. Поэтому для тех, кто оказывается на его пути, ужас ожидания становится невыносимым. Ни один человек в здравом уме не захочет остаться живым, чтобы попасться в лапы к живодерам Джеганя. По этой самой причине многие предпочитают встретить его с рас-

простертыми объятиями, благословляя как освободителя, умоляя о позволении обратиться в новую веру и присоединиться к Ордену...

Единственным звуком, нарушавшим тишину лесного убежища, был тихий шелест слабого дождя. Виктор не сомневался в правоте Никки — она была свидетельницей подобных событий. Сознание того, что она когда-то была причастна к этому извращенному учению, разделяла чудовищные верования, превращавшие людей в дикарей и убийц, порой заставляло ее желать смерти. Никки считала, что вполне этого заслуживала. Но сейчас она обрела неповторимую возможность и средства для того, чтобы обратить успехи Ордена против него же. Восстановление человечного порядка вещей стало единственной целью, которая придавала жизни смысл, подстегивала и поддерживала ее.

— В общем, новый поход Джеганя на Алтур-Ранг — это лишь вопрос времени, — сказал Ричард, нарушая тишину.

— Да, — кивнул Виктор. — Думая, что восстание ограничивается Алтур-Рангом, Джегань, ясное дело, приложит все усилия, лишь бы снова захватить город и полютовать там вовсю, как говорила сейчас Никки. Но мы сделаем все, чтобы этого не случилось...

Он хмуро улыбнулся Ричарду.

— Мы разжигаем огонь во всех городах и поселках, где только можем, повсюду, где люди готовы сбросить ярмо. Мы раздуваем мехи и распространяем пламя восстания и свободы так, что Джегань не сможет охватить весь очаг и загасить его.

— Не обманывай себя, — предупредил Ричард. — Алтур-Ранг — его родной город. И именно там начался бунт против Ордена. Народное восстание в том самом городе, где Джегань построил свой огромный дворец, подрывает саму основу учения Имперского Ордена. Ведь именно этот город, этот дворец предназначались стать тем местом, откуда Джегань и высшие иерархи Ордена правили бы всем человечеством во имя Создателя. А люди разрушили дворец и обрели свободу. Нет, Джегань не допустит, чтобы такое попрание его власти осталось безнаказанным. Он должен задушить мятеж там, если хочет, чтобы Орден сохранил власть над Древним миром — да и над Новым. Для него это будет вопросом принципа и веры; сопротивление Ордену и его способам

управления он считает святотатством против Создателя. Он захочет преподать другим кровавый пример — и, не задумываясь, направит туда своих самых свирепых и опытных воинов. И нападение последует скорее раньше, чем позже.

Виктор расстроился, но отнюдь не удивился.

— А еще не забывай, — добавила Никки, — что братья Ордена, которым удалось бежать, будут среди тех, кто постарается восстановить власть Ордена. Эти люди, наделенные даром, — не обычные враги. Мы ведь едва начали искоренять их.

— Все это правда, но ты не можешь обработать железо, пока не разогреешь его докрасна. — Виктор стиснул кулак и вскинул его, словно вызывая врага на бой. — Но мы по крайней мере начали делать то, что должно быть сделано!

Никки заставила себя кивнуть и слегка улыбнуться, чтобы както смягчить жуткую картину, обрисованную ею. Она знала, что Виктор прав: кто-то, где-то должен начать первым. Он уже помог выковать свободу людям, совсем потерявшим надежду. Она просто хотела, чтобы он не утратил ощущение реальности и не забывал, какие трудности ждут впереди.

Ричард очень логично рассуждал о злободневных вопросах, но Никки не испытала облегчения от этого, — она уже слишком хорошо его изучила. Когда Ричарда беспокоило нечто, жизненно важное для него, он мог при необходимости заниматься второстепенными делами — но ошибся бы тот, кто подумал, что он уже не сосредоточен на своей заветной цели. По сути, Ричард Рал ограничился лишь самыми общими предостережениями для Виктора — в расчете на то, что далее тот будет думать сам. Никки видела по глазам Ричарда, что он озабочен чем-то гораздо более важным для него.

А Ричард наконец перевел свой взгляд на Никки.

— Ты была вместе с Виктором и его ребятами?

Внезапно Никки поняла, почему вопрос о солдатах и обозе с провиантом так его занимал: этот вопрос попросту составлял часть более сложной задачи. Ричард пытался определить, входил ли обоз в его видения.

— Нет, — сказала Никки. — Мы не получили известий и не знали, что с тобой случилось. В мое отсутствие Виктор отправил-

ся искать тебя. Вскоре после этого я возвратилась в Алтур-Ранг. Там я узнала, куда направился Виктор, и уехала, чтобы присоединиться к нему. К концу второго дня пути я все еще отставала, поэтому на третий день выехала до зари, надеясь вскоре встретиться с ним. Прошло часа два, и тут я услышала звуки боя. Поспела как раз, когда все уже шло к концу.

Ричард задумчиво кивнул.

— Я проснулся и увидел, что Кэлен нет. Поскольку мы были близко от Алтур-Ранга, я прежде всего подумал о тебе — надеялся, что ты поможешь мне найти Кэлен. Тогда-то я и расслышал, как солдаты крадутся по лесу. — Ричард жестом указал на каменистый подъем. — Они проходили мимо этих деревьев, вон там, и меня не заметили. Темнота сыграла мне на руку, я смог испугать их.

— Но почему ты не спрятался? — спросил Виктор.

— За теми, первыми, шли другие, и с той же стороны, и с другой. Шли врассыпную — то есть прочесывали лес. Поэтому прятаться было рискованно. Я не знал, много ли их там — но бежать не мог, не зная, что с Кэлен и не нужна ли ей помощь. Если бы я спрятался и выжидал, пока солдаты ненароком не наткнутся на меня, то потерял бы преимущество неожиданности. Да к тому же и рассвет приближался. Из-за того, что Кэлен пропала, я не мог себе позволить терять ни мгновения. Если они ее схватили, я должен был их остановить.

Комментариев не последовало. Теперь Ричард обратился к Каре:

— А где была ты?

Кара удивленно заморгала. Ей пришлось немного подумать, прежде чем ответить:

— Я... Я не совсем уверена.

— Не уверена? — нахмурился Ричард. — Что же ты помнишь?

— Я стояла в карауле. Отошла на какое-то расстояние от лагеря — наверное, уловила что-то подозрительное, раз решила проверить, все ли спокойно. Я почуяла запах дыма и пошла посмотреть, откуда он, — когда услышала крик и поняла, что на нас напали.

— Тогда ты побежала обратно?

Кара перебросила косу за плечо, оттягивая ответ. Ей явно приходилось напрягать память.

— Нет... — поморщившись, вспомнила она. — Нет, я услышала звон стали и вопли умирающих и поняла, что на вас напали. Но тут я сообразила, что запах дыма шел от стоянки Виктора и его людей. Я находилась к ним намного ближе, чем к нашему лагерю, и подумала, что разумнее всего будет поднять их и тогда бежать к вам на помощь.

— Правильно, — сказал Ричард, отряхивая ладонью дождевую воду с лица.

— Все так и было, — сказал Виктор. — Кара прибежала аккурат в тот момент, когда я тоже расслышал звон стали — я ведь не спал, а только лежал тихо.

Брови Ричарда сошлись на переносице. Он остро взглянул на кузнеца:

— Так ты не спал?

— Нет. Волчий вой разбудил меня.

Глава 5

Ричард, внезапно напрягшись, подался всем телом к кузнецу:

— Ты слышал, как выли волки?

— Нет, — уточнил Виктор, хмуря брови в попытке вспомнить. — Слышен был только один волк.

Трое друзей молча ждали, что ответит Ричард — но он смотрел куда-то мимо них, словно пытаясь сложить в уме части замысловатой головоломки.

Никки посмотрела через плечо на людей, ожидавших под кленом. Кое-кто зевал от скуки. Несколько человек, пристроившись посидеть на стволе поваленного дерева, тихо переговаривались между собой. Остальные, сложив руки, прислонились к стволам деревьев и выжидательно поглядывали на окрестные леса.

— Это было не сегодня, — прошептал Ричард про себя. — Но сегодня, когда я просыпался... еще в полусне... я не видел, а вспоминал — то утро, когда исчезла Кэлен.

— Утро перед сражением, — мягко поправила Никки. Погруженный в свои мысли Ричард, кажется, даже не заметил этой поправки.

— Да, меня почему-то беспокоили мысли о том утре, позавчерашнем. — Он внезапно повернулся к ней и схватил за руку. — Когда вы меня несли на ферму, прокукарекал петух.

Удивленная резкой переменой темы и не зная, к чему он клонит, Никки пожала плечами.

— Ну, мог и кукарекать. Я не помню. А что?

— Ветра не было. Я помню, что услышал крик петуха, взглянул вверх и увидел неподвижные ветви деревьев. Ветра не было совсем. Я помню, какая стояла мертвая тишь.

— Вы правы, лорд Рал, — сказала Кара. — Я тоже помню: когда я прибежала в лагерь Виктора, дым от костра поднимался прямо вверх — значит, воздух был неподвижен. Думаю, именно поэтому мы смогли услышать шум боя с такого расстояния — шум ветра нам не мешал.

— Не знаю, пригодится ли это тебе, — сказал кузнец, — но я помню, что когда мы притащили тебя на ферму, по лугу бродило несколько кур. И петух там был, и действительно он кукарекал. Нам нужно было соблюдать осторожность, чтобы нас не накрыли, пока Никки тебя лечит — и я побоялся, что петух может привлечь чье-то нежелательное внимание... ну, я и велел ребятам свернуть ему шею.

Выслушав отчет Виктора, Ричард снова задумался. Постукивая пальцем по нижней губе, он укладывал на место еще одну деталь головоломки. Казалось, он вообще забыл, что здесь кто-то есть, кроме него. Никки придвинулась поближе к нему и кашлянула.

— Ага! — Он моргнул и наконец заметил ее. — Вот оно как! Понимаешь, я действительно не случайно нынче вспоминал то утро. У меня была причина. Знаешь, так бывает — что-то кажется неправильным в прошедшем дне, вот и вспоминаешь.

— И какая же причина была на этот раз? — спросила Никки.

— Ветер. В то утро здесь не было ветра. Но я помню, что, проснувшись, в том смутном свете — и свет был, кстати, тоже странный, ведь до настоящей зари еще оставалось несколько часов — так вот, я заметил, что деревья качались, как от ветра.

Никки смущали не столько эти навязчивые рассуждения о ветре, но общее состояние его рассудка.

— Ричард, ты спал и проснулся внезапно. Было темно. Тебе могло почудиться все, что угодно!

— Возможно, — только и сказал он.

— А может, это солдаты шли и задевали за ветки? — предположила Кара.

— Нет, — Ричард раздраженно взмахнул рукой, отбрасывая ее предположение, — солдаты пришли позже, уже после того, как я обнаружил исчезновение Кэлен.

Видя, что ни Виктор, ни Кара не намерены спорить, Никки решила тоже придержать язык. Да и Ричард вроде бы сам бросил ломать голову над этой загадкой. Он взглянул на троих друзей с чрезвычайной серьезностью:

— Сейчас я должен кое-что вам показать. Но сперва вы все должны понять — хотя бы постараться понять, — что я знаю, о чем говорю. Я не надеюсь, что вы безоговорочно поверите, но помните: я был следопытом всю жизнь, имею немалый опыт и многократно применял его на деле. Я доверяю каждому из вас в ваших умениях. Доверяйте же моему умению тоже! Не отворачивайтесь от того, что я покажу вам.

Никки, Кара и Виктор переглянулись. Виктор, удержавшись от замечаний, кивнул Ричарду и обратился к своим людям:

— Ну, парни, теперь глядите в оба. — Он обвел пальцем круг в воздухе. — Здесь неподалеку могут ошиваться вражьи солдаты, потому сидите тихо, но не зевайте. А ты, Ферран, тщательно осмотри окрестности!

«Парни» оживились, очевидно, довольные тем, что могут наконец чем-то заняться, а не сидеть и мокнуть. Четверо разошлись в стороны и стали под деревьями — караулить. Ферран отдал свой мешок и скатку одному из остающихся и, положив стрелу на тетиву, тихо исчез в зарослях. Этот юноша обучался у Виктора ремеслу кузнеца. Выросший на ферме, он также имел врожденные задатки разведчика и умел бесшумно ходить по лесу. Он обожал Виктора. Никки знала, что Виктор тоже любит подмастерье — но именно поэтому относится к нему жестче, чем ко всем остальным. Однажды, когда Никки попеняла ему за эту жесткость, Виктор сказал ей: «Чтобы железо стало прочным, по нему нужно бить

молотом, и если хочешь сделать из него что-то стоящее, приходится основательно потрудиться!»

После боя Виктор не забыл выставить караулы и послать людей в дозор, а Феррана с несколькими людьми отправил разведать, что делается в лесах. Никому не хотелось, чтобы по их недосмотру вражеские солдаты неожиданно напали, пока Никки пыталась спасти жизнь Ричарда. После того, как она сделала все, что могла, для Ричарда, Никки исцелила глубокую рану на ноге одного из повстанцев и еще с полдюжины менее серьезных ран у других. С того утра, когда разразился бой и Ричард был ранен, она очень мало спала и теперь вымоталась совсем.

Убедившись, что его люди отправились выполнять полученные приказы, Виктор хлопнул Ричарда по плечу:

— Вот теперь веди нас и показывай, что хочешь!

Кара, Виктор и Никки прошли следом за Ричардом мимо поляны с мертвецами и углубились в лес. Он выбирал дорогу между деревьями, где подлеска было меньше. На вершине пологого подъема он остановился и наклонился к земле, став на одно колено.

В этой позе — в плаще, ниспадающем округлыми складками, с мечом на бедре, с откинутым капюшоном, открывающим влажные пряди волос, прилипшие к мускулистой шее, с луком и колчаном за левым плечом, — Ричард выглядел как настоящий король-воин, но в то же время оставался обыкновенным лесным проводником из дальних земель, каким и был изначально. Его пальцы уверенно и привычно перебирали опавшую хвою, веточки, сухие листья, обломки коры и комки глины. По этому касанию Никки могла ощутить, насколько глубоко понимает он язык этих, казалось бы, простых вещей, как попало рассыпанных природой перед ними — только ему одному они раскрывали свои секреты.

Наконец Ричард опомнился и жестом подозвал друзей к себе. Они подошли и присели на корточки рядом с ним.

— Здесь, — сказал он, указывая пальцем. — Видите? — Он осторожно очертил еле заметное углубление в упругой лесной подстилке. — Это — след Кары.

— В этом нет ничего удивительного, — сказала Кара. — Здесь мы проходили, свернув с дороги, чтобы стать лагерем на ночь.

— Верно, — Ричард немного переместился и указал на другое углубление. — Видите, здесь, и потом дальше, вон там? Это все твои следы, Кара. Видишь, как они выстраиваются в линию, показывая, где ты проходила?

Кара недоверчиво пожала плечами.

— Предположим...

Ричард подвинулся вправо, и спутники его подвинулись тоже. Он снова очертил какое-то углубление, чтобы они могли его разглядеть. Никки вообще не могла сообразить, что видит, пока он не обвел пальцем край следа, почти касаясь земли. Казалось, будто следы на земле появляются как по волшебству.

— А вот это — мой след, — сказал он, не сводя со следа глаз, словно боялся, что тот может исчезнуть. — Дождь их размыл, там сильнее, тут слабее — но они не исчезли совсем. — Двумя пальцами он осторожно приподнял мокрый бурый дубовый лист, закрывавший середину отпечатка. — Посмотрите, здесь видно, что под нажимом моей ноги эти тонкие веточки сломались. Ясно? С этим дождь ничего поделать не может. — Он взглянул на них, чтобы убедиться, что они слушают внимательно, и указал на землю, тонущую в туманной дымке: — Видите, мои следы идут в этом направлении, к нам, так же, как и следы Кары. — Он вытянул руку и быстро очертил еще два смутных отпечатка. — Вот, они все еще заметны.

— Что же все это значит? — спросил Виктор.

Ричард снова оглянулся через плечо, прежде чем указать на лесной ковер между рядами следов.

— Посмотрите, какое расстояние разделяет следы Кары и мои! Когда мы шли сюда, я держался левой стороны, а Кара шла справа от меня. Но между нами здесь большое расстояние, видите?

— Что с того? — спросила Никки, натягивая капюшон так, чтобы защитить лицо от моросящей мерзости. Потом она спрятала руки под плащ и засунула под мышки, чтобы хоть немножко согреться.

— Они так разделены, — сказал Ричард, — потому что, когда мы шли, Кэлен находилась между нами!

Никки снова уставилась на мокрую землю. Не будучи знатоком, она и не надеялась разглядеть какие-то следы без подсказки. Но на этот раз, по-видимому, Ричард тоже не мог ничего увидеть.

— И ты можешь показать нам следы Кэлен? — спросила она.

Ричард взглянул на Никки так яростно, что у нее на мгновение перехватило дух.

— В этом-то все и дело. — Он поднял палец с такой же значительностью, с какой поднимал свой клинок. — Ее следы исчезли. Не смыты дождем, а исчезли... как если бы их тут и не бывало.

Виктор очень тихо и очень печально вздохнул. Кара, если и была потрясена, хорошо это скрыла. Никки знала, что Ричард сказал им далеко не все, и потому постаралась тщательно подбирать слова:

— Ты хочешь показать нам, что здесь следов этой женщины нет?

— Именно. Я обыскал все. Следы мои и Кары сохранились во многих местах — но там, где должны быть следы Кэлен, их нет.

Настало неловкое молчание — никто не хотел говорить первым. Наконец Никки рискнула:

— Ричард, ты должен понимать, что это значит. Неужели ты до сих пор упрямишься? Тебе все приснилось. Следов этой женщины здесь нет потому, что она вообще не существует!

Не поднимаясь с колен, он взглянул на нее, и вся невыразимая боль его души открылась Никки во взгляде этих глаз. Она могла бы в ту минуту отдать все за возможность просто утешить его. Но этого она не могла себе позволить. Сделав усилие над собою, Никки продолжала:

— Ты сам сказал, что разбираешься в лесной науке — и тем не менее даже ты не нашел следов этой женщины. На этом тебе следует успокоиться. Убедись наконец, что ее просто не существует — и никогда не существовало. — Она высунула руку из-под плаща и мягко коснулась его плеча в попытке умерить жесткость своих слов. — Ты должен оставить эти мечты, Ричард.

Он отвел глаза и, прикусив нижнюю губу, сказал сквозь зубы, очень спокойно:

— Все не так просто, как ты пытаешься изобразить. Я прошу вас всех посмотреть — только посмотреть — и попытаться понять значение того, что я вам показываю. Посмотрите, как далеко отстоят следы Кары от моих. Неужели не понятно, что здесь, между нами, шел еще кто-то третий?

Никки устало потерла глаза.

— Ричард, люди не всегда ходят бок о бок. Может, вы с Карой разошлись, выискивая что-то опасное, а может, наоборот, просто устали и не обращали внимания на дорогу. Я могла бы привести много разных простых объяснений, почему вы не держались рядом.

— Когда два человека идут рядом, они никогда не расходятся так далеко. — Ричард указал назад. — Посмотри, как мы шли сюда. Кара снова шла справа от меня. Видишь, эти новые следы расположены близко друг к другу? Вот именно так обычно люди вдвоем и ходят. Вы с Виктором шли за нами. Ваши следы так же сближены. А эти следы, старые, расположены совсем по-другому. Все их особенности показывают, что между ними шел третий человек!

— Ричард... — начала Никки и осеклась. Она не хотела спорить. Ее тянуло промолчать и оставить его в покое. И все же промолчать — значило подкармливать ложь, подменять жизнь иллюзией. Ей было больно видеть, как он страдает, не хотелось противоречить, но она не могла позволить ему обманываться, так как этим нанесла бы еще больший вред. Он останется во власти болезни, никогда не обретет былого здоровья, пока не осознает истину в полной мере. Помочь ему вернуться к реальности — такова единственно возможная помощь.

— Ричард, — сказала она тихо, стараясь донести до него эту истину без излишней резкости и снисходительности, — твои следы здесь, и следы Кары тоже здесь. Мы это видим, ты все убедительно нам показал. Но больше здесь нет ничего. Ты и это показал нам. Если она была между тобою и Карой, почему же тогда следов нет?

Сутулясь от холода и сырости, трое ждали ответа. Ричард сумел сдержаться и произнес ясным, твердым голосом:

— Я думаю, следов Кэлен нет потому, что их стерли при помощи магии.

— Магии? — переспросила Кара с неожиданной злостью.

— Да. Похититель Кэлен, видимо, стер ее следы магическим способом.

Никки была ошеломлена и даже не пыталась это скрыть. Виктор недоуменно переводил взгляд с Никки на Ричарда и обратно.

— А такое возможно?

— Да, — уверенно сказал Ричард. — Судьба впервые свела меня с Кэлен, когда нас обоих преследовали слуги Даркена Рала. Они шли за нами по пятам. Если б Даркен Рал захватил нас, мы бы пропали. Зедду, Кэлен и мне пришлось бежать. Зедд — волшебник. Хотя могуществом он уступал Даркену Ралу, но у него имелся волшебный порошок: Зедд посыпал им тропу и таким образом сумел скрыть наши следы. Здесь тоже было сделано нечто подобное. Кто бы ни похитил Кэлен, он скрыл свои и ее следы при помощи магии.

Виктор и Кара вопросительно посмотрели на Никки. Виктор, будучи кузнецом, вообще никогда не имел дела с магией. Мордсит магии не любили и подчеркнуто не интересовались, как она действует; обостренный инстинкт лишь побуждал их неумолимо уничтожать всякого носителя магии, если он представлял хотя бы потенциальную угрозу для лорда Рала. Теперь и Виктор, и Кара хотели услышать мнение Никки.

А Никки колебалась. Она училась колдовской науке долго и основательно, но это не означало, что она знает о магии все. Не следовало быть слишком самоуверенной...

— Я думаю, в теории подобное применение магии возможно, хотя никогда не слышала о таком на практике... — Никки заставила себя ответить на ждущий взгляд Ричарда. — Предполагаю, что отсутствие следов объясняется проще, и ты должен это знать, Ричард.

Ричард не смог скрыть своего разочарования.

— Ну да. Просто глядя на это и не имея понятия о характере следов, не ведая, что они открывают, сложновато увидеть, о чем я толкую. Но это еще не все. Я должен показать вам еще кое-что, чтобы вы смогли увидеть картину в целом. Пойдемте!

— Лорд Рал, — сказала Кара, заталкивая мокрую прядь волос под капюшон темного плаща и избегая смотреть на него, — а не лучше ли нам заняться другими, более важными делами?

— То, что я хочу показать вам, очень важно. Но, быть может, ты предпочтешь подождать здесь, пока я свожу туда Виктора и Никки?

Ее голубые глаза обиженно вспыхнули:

— Конечно, нет!

— Прекрасно. Тогда идем!

Без дальнейших возражений вся троица последовала за ним. Он быстро зашагал на север, уводя их вглубь леса. Перепрыгивая с камня на камень, они пересекли широкое ущелье; под камнями текла темная вода, закручиваясь водоворотами. Никки оступилась и чуть не упала, но Ричард ухватил ее под руку и помог выбраться. Его большая рука была теплой, но не от лихорадки, и то хорошо. Еще лучше было бы, если б он замедлил шаг и не напрягал так свое еще хрупкое здоровье...

Противоположный склон оказался пологим, его подъем становился заметен лишь постепенно, пока они забирались все выше, прорываясь сквозь сетку дождя и клочья ползущих по вершине облаков. Слева нависала темной тенью крутая скала. Никки расслышала плеск падающей вниз воды.

Когда они углубились в густые зеленые заросли, затянутые туманом, огромные птицы взлетели с ветвей и, широко расправив крылья, бесшумно скользнули по небу подальше от шумных пришельцев.

Пронзительные вскрики невидимой живности далеко разносилось по сумрачным чащам. Ветви елей и пихт, переплетенные между собою, отмершие нижние сучья древних дубов, задрапированные полотнищами паутины и мха, молодая поросль, тянущаяся к ускользающему свету, морось дождя, плети плюща, — все это порядком мешало видеть дальше вытянутой руки. Только ниже, над самой землей, куда почти не попадал солнечный свет, растительность становилась реже.

В самой чаще промокшего леса кустарник исчез; темные стволы деревьев с густыми кронами стояли здесь рядами, будто следя за людьми, пробирающимися сквозь расположение их неподвижной армии. В уголке, куда Ричард привел их, идти было легче, — почву покрывал гладкий упругий ковер опавшей сосновой хвои. Никки представила себе, как это выглядит летом — наверное, даже в самый солнечный день лишь тонкие лучики света достигали почвы. По сторонам здесь и там она замечала почти непроходимые валы кустарника и извивающихся узловатых корней молодых сосен. Только между старыми громадными деревьями пролегала ничем не помеченная естественная дорога.

Наконец Ричард остановился и раскинул руки в стороны, предупреждая, чтобы его спутники не шли дальше. Теперь перед ними лежала прогалина, покрытая скудной растительностью, пробившейся сквозь толстый ковер бурых игл. Все трое, подчиняясь его знаку, присели на корточки рядом с ним.

Ричард указал рукою за правое плечо.

— Неподалеку отсюда то место, где Кара, Кэлен и я спускались ночью, когда разбили лагерь — чуть в стороне от места боя. В нескольких местах вокруг лагеря остались мои следы, когда я стоял вторую стражу, и следы Кары — ее стража была третья. Кэлен стояла на страже первой. От этого следов не осталось. — Он посмотрел в упор на каждого из троих по очереди, приказывая без слов сперва выслушать его, а уж потом возражать.

— Вон в той стороне, — сказал он, указав направление рукой, — вошли в лес вражеские солдаты. Вот отсюда, Виктор, ты со своими ребятами подоспел к бою. Примерно там же остались следы людей, несших меня на ферму. Там, где я уже показывал вам, прошел другой отряд, который явился лишь затем, чтобы найти своих товарищей мертвыми. А вот здесь не было никого из нас, и солдаты тоже не ходили.

Он немного помолчал.

— То есть здесь следов нет. Оглядитесь — и вы найдете только те свежие следы, что оставил я нынче утром, когда приходил сюда. И искать отпечатки чьих-либо других ног, казалось бы, не имеет никакого смысла...

Виктор потер большим пальцем стальную рукоять привешенной к поясу булавы, обдумывая ответ.

— Но ты ведь думаешь иначе?

— Да. Хотя обычных следов не видно, кто-то все-таки здесь проходил. И эти кто-то оставили отметины. — Ричард пригнулся и коснулся пальцем гладкого камня размером с ломоть хлеба. — Торопясь пройти, они наступили на этот камень.

Виктор явно заинтересовался:

— Откуда ты можешь это знать?

— Рассмотри внимательно поверхность камня! — Виктор пригнулся, и Ричард стал показывать: — Видишь здесь, сверху,

где камень был подвержен действию воды и воздуха, он стал коричневато-желтым, на нем нарос лишайник. А здесь — вроде как на корпусе лодки ниже ватерлинии — он темно-коричневый, и эта разница показывает, насколько глубоко камень сидел в земле.

Но он теперь не лежит на прежнем месте,— продолжил Ричард после паузы. — Его что-то выдернуло из прежнего гнезда, он лежит рядом с вот этой ямкой и повернут темной стороной вверх. Притом случилось это совсем недавно, иначе и эта сторона обесцветилась бы, и на ней тоже завелась бы растительность. Но этого пока не случилось.

Ричард поманил Виктора пальцем.

— А теперь взгляни сюда. Видишь, здесь еще один камешек, он лежит в своем гнезде, но немного сдвинут, и между ним и краем ямки осталось пустое место. А с другой стороны за счет смещения образовался небольшой валик из грязи и лесного сора. И снова мы видим, что случилось это недавно, иначе валик размыло бы дождем. Поскольку щель образовалась с этой стороны, ближе к нам, а валик — с противоположной, значит, человек, потревоживший камни, уходил от нашего лагеря на север.

— Но тогда где же остальные следы? — спросил Виктор. — Обычные отпечатки ног?

Ричард всей пятерней зачесал наверх мокрые волосы.

— Их стерли магическим способом. Я все обыскал; здесь нет других следов, кроме вот таких. Посмотри на этот камень еще раз. На него наступили с такой силой, что он выпал из ямки, где благополучно торчал много лет. И на нем непременно осталась бы отметина от обуви. Но таких отметин нет. Понимаешь? Движение было — а след его исчез!

Никки откинула капюшон и снова ринулась в спор:

— Ты перекручиваешь все находки, подгоняя под идею, в которую тебе хочется верить, Ричард. Ты противоречишь самому себе! Если для стирания следов этих неизвестных была применена магия, тогда как же ты можешь обнаружить их по камням?

— Никакого противоречия нет. Магию использовали для стирания отпечатков ног — и только. Тот, кто это делал, явно не был обучен разбираться в следах и способах их обнаружения. Я не ду-

маю, что такие люди часто бывают на свежем воздухе. Применяя магию для уничтожения своих следов, они вряд ли сообразили, что нужно вернуть на место и потревоженные камни!

— Ричард, несомненно....

— Оглянись, — перебил он ее и вскинул руку. — Посмотри, как ровно лежит лесная подстилка!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Виктор.

— Она слишком гладкая. Ветки, листья и кора разложены слишком правильно. Природе такая правильность не свойственна!

Никки, Виктор и Кара попытались понять, но им это не удалось. Никки видела обыкновенный лес. Здесь и там мелкие растеньица — молодые сосенки, тонкие стебли трав, проросток дуба с тремя листочками — пробивались сквозь слой опавшей листвы, мха, гнилой коры и обломков ветвей, разбросанных по ковру хвои. Она очень плохо разбиралась в лесной науке, почти ничего не знала о чтении следов — Ричарду всегда приходилось оставлять на деревьях отметины, когда он хотел, чтобы Никки следовала за ним и не заблудилась. Но окрестности выглядели так, будто никто и никогда не ходил здесь, и никакого особого совершенства, увиденного Ричардом, она не замечала — хотя честно попыталась сравнить этот участок леса с другими. Виктор и Кара тоже казались обескураженными.

— Ричард, — сказала Никки, едва сдерживаясь, — я уверена, что можно отыскать много объяснений, почему камень сдвинулся с места. Например, на него мог наступить лось или олень. Они тут паслись, потом ушли, а следы со времени сгладились и...

Ричард возмущенно потряс головой:

— Нет. Посмотри на ямки. Обе они не потеряли четкой формы. Со временем края осыпаются, ты права. Время — и особенно дождь — разъедает кромки углублений и заполняет их. Но здесь они даже не размыты. Лось или олень могли выбить камешки из почвы — но если бы это случилось на днях, то вокруг было бы полно их следов, таких же свежих. Более того, их копыта оставили бы на камнях такие же отметины, как и каблуки сапог. Я точно знаю: три дня назад кто-то споткнулся об эти камни!

Никки взмахнула рукой:

— Ну, вон та сухая ветка могла упасть и выбить камень!

— Тогда лишайник на камне был бы поврежден, и на ветке остался бы след от удара о твердую поверхность. Этого нет — я проверял.

— А может, белка спрыгнула с дерева и приземлилась тут? — вмешалась Кара.

— Не настолько тяжела белка, чтобы сдвинуть такой камень! — отрезал Ричард.

Никки устало вздохнула.

— Тебя послушать, так получается, что отсутствие здесь следов этой женщины, Кэлен, доказывает, будто она существует!

— Не приписывай мне то, чего я не думаю! Если взять все замеченные мною признаки вместе, в совокупности, мое мнение подтверждается.

Никки подбоченилась, стиснув кулаки. Их ждали важные дела, а они торчали здесь, занимаясь чепухой. Оставалось очень мало времени для принятия серьезных решений — вместо того, чтобы разглядывать камушки посреди лесов. Кровь прилила к ее лицу.

— Это просто смешно! Все эти твои находки, Ричард, доказывают, что эта женщина и была, и остается плодом твоего воображения. Она не существует. Она не оставила следов — но ничего таинственного не случилось. И никакой магии здесь никто не применял. Все это ты увидел во сне!

Ричард внезапно вскочил на ноги. В мгновение ока он изменился: перед нею стоял уже не упрямствующий безумец, а вождь, полный силы и пробуждающегося гнева. У нее дух захватило от этой перемены. Но вместо того, чтобы обрушиться на Никки, он обошел ее, сделал несколько шагов в ту сторону, откуда они пришли, и застыл. Настороженный и молчаливый, Ричард вглядывался в чащу леса.

— Что-то случилось, — сказал он негромко.

Кара взяла наизготовку эйджил. Виктор, нахмурившись, стиснул булаву.

Издалека, перекрывая шорох дождя, до Никки донесся дикий гомон вспугнутых воронов. И тут же послышались другие звуки, денящие душу: крики смертельно испуганных людей.

Глава 6

Ричард мчался сквозь лес туда, где его ждали люди, где раздавались ужасные крики. Он несся опрометью, уворачиваясь от летящих на него стволов, петляя между кустами, ныряя под низко нависшие ветви пихт, ломая кустарник, папоротники, разрывая побеги плюща. Он перепрыгивал через гниющие бревна и валуны. В зарослях молодых сосен и цветущего кизила за ним оставалась дорожка. Не замедляя бега, он отбрасывал в сторону побеги тамариска. Отсохшие нижние ветви елей цеплялись за одежду, острые сучья, словно копья, то и дело грозили проткнуть его, но он ухитрялся уворачиваться в последний момент.

Бежать так быстро через густой лес, тем более в дождь, было рискованно: на бегу не всегда успеешь распознать опасность и избежать ее. Любая торчащая ветка могла выколоть глаз. Поскользнувшись на мокрой листве, на мху или камне, можно было упасть и свернуть себе шею, а нога, застрявшая в расщелине скал, легко ломалась и потом трудно заживала. Ричард когда-то знал одного парнишку, который попался подобным образом. Его сломанная нога и разбитая лодыжка срослись неправильно, и он навсегда остался калекой.

Ричард сосредоточился на выборе правильного пути, стараясь не снижать скорость. Он не осмеливался замедлить бег.

Страшные стоны и крики, визг и тошнотворные хлюпающие звуки не утихали, подстегивая его. Он слышал, как Кара, Виктор и Никки бегут следом. Они не могли угнаться за ним, он не останавливался подождать. С каждым длинным шагом, с каждым прыжком Ричард удалялся. Он уже задыхался, ловил ртом воздух, удивляясь, почему устает и выдыхается быстрее, чем прежде. Раздосадованный, он не сразу вспомнил причину: ведь Никки предупреждала, что он еще не вполне здоров; потеряв много крови, он должен был отдыхать дольше.

Это не остановило его. Сколько силы есть, столько он и выложит. Тем более что бежать осталось недолго, а люди нуждались в помощи — те люди, которые выручили его, когда он был в беде.

Ричард не знал, что происходит, но не сомневался, что его спасители на краю гибели.

Если б он знал, как призвать свой дар, то мог бы остановить врага в то утро, когда на них напали, — прежде чем подоспел Виктор со своим отрядом и еще до того, как трое ребят погибли в этом бою. Правда, если бы Ричарда вообще там не было, никто не задержал бы солдат, и тогда Виктору со всем отрядом довелось бы принять смерть спящими, прямо у себя в лагере.

Ричард никак не мог подавить чувство, что ему следовало сделать больше. Он хотел сберечь всех этих людей; он бежал, сколько хватало духу, готовый выложиться без остатка. Силы он сможет восстановить и попозже. А потерянные жизни не воротишь...

Снова он сожалел о том, что не знает больше о своем главном даре, не может прибегнуть к нему, когда требуется. Увы, его дар действовал совсем не так, как у других. Никки — та умела пользоваться своей силой в любой момент, но Ричарду для этого нужно было попасть в непредвиденную ловушку и сильно разгневаться.

Другие учились пользоваться даром с детства. Ричарда воспитывали в мире и безопасности, это позволило ему выжить, вырасти и научиться глубоко ценить жизнь. Но при таком воспитании он остался в полном неведении относительно собственного таланта.

Теперь Ричард вырос, и учиться ему уже было труднее, чем в юности, — тем более что его скрытый талант оказался чрезвычайно редким, необычным. Ни Зедду, ни сестрам Света не удалось научить его сознательно управлять своей силой.

Только Натан Рал, пророк, объяснил ему, что его сила воспламеняется гневом и особыми, отчаянными обстоятельствами, распознавать или вызвать которые Ричард был не в состоянии. Каждый раз пробуждение дара происходило совершенно по-иному.

Ричард знал также, что использование магии не допускает произвола и прихотей. Никаким усилием воли, никаким самым жгучим желанием нельзя достичь результата.

Даже очень способные волшебники иногда рылись в книгах, чтобы убедиться в правильности своих действий, если задумывали какой-то особенный магический ход. В юности Ричард имел дело с одной из таких книг. За «Книгой Сочтенных Теней» охо-

тился Даркен Рал после того, как вздумал ввести в игру шкатулки Одена.

В то утро, когда исчезла Кэлен, солдаты Имперского Ордена навалились со всех сторон; Ричард взялся за меч, а не стал взывать к своему дару. В отличие от дара, меч был всегда при нем, и он знал, что может на него положиться. Отбиваясь от бесчисленных, как казалось, вражьих солдат, Ричард спасал жизнь — свою и товарищей. Отчаянная боевая работа довела его до грани изнеможения. Разум при этом блуждал далеко за пределами поля боя, затуманенный тревогой за Кэлен. Он знал, как глупо и опасно отвлекаться... но ведь Кэлен пропала! Тревога за нее стиснула сердце и не отпускала.

Если бы его ярость не передалась оружию, если бы дар не пробудился, ливень стрел, внезапно обрушившийся на него, стал бы в десятки раз опаснее.

Он не видел, как летел предназначенный ему арбалетный болт. Только когда тот был готов впиться в его тело, в самый последний момент Ричард осознал угрозу — но непременно нужно было свалить троих напавших на него солдат, и у него хватило сил и времени лишь отвести движение болта от сердца, но не остановить его.

Он уже, наверное, тысячу раз прокрутил все эти воспоминания в мыслях, перебрал все «может быть» и «должно быть», которые могли предотвратить случившееся. Как сказала Никки, непобедимых не бывает.

Ричард все бежал и не сразу заметил, что в лесу восстановилась тишина. Даже эхо жутких воплей утихло. Туманная зеленая чаща вновь осталась наедине с тихим шорохом дождя, стекающего по листве. Ричарду уже не верилось, что ужасные звуки действительно послышались ему. И все же, усталый до крайности, он не замедлил шаг. На бегу он прислушивался, но не мог расслышать почти ничего, кроме собственного тяжелого дыхания, ударов сердца, отдающихся в ушах, и торопливых движений. Сзади долетало еще потрескивание веток — друзья пытались догнать его, но все-таки порядком отставали.

Почему-то нереальная тишина пугала сильнее, чем те крики. Поначалу кричали только вороны — сперва недовольное хриплое карканье, потом безумные предсмертные вопли птиц... а потом к ним

присоединились люди, да, кое-где слышались возгласы крайнего ужаса. Теперь же здесь царило лишь угрожающее молчание.

Ричард пытался не думать ни о чем, кроме движения — но от этой неестественной, давящей тишины мурашки пробегали по коже.

Добежав до края поляны, Ричард наконец выхватил меч. Пение высвобожденной стали вспороло тишину лесной глуши. И в тот же миг жар ярости потек от клинка к нему, пронизывая все его существо, в ответ на гнев, вспыхнувший в душе. Ричард отдался на волю знакомого волшебства. Преисполненный силою меча, он жаждал узнать источник угрозы и покончить с ним.

Давным-давно миновало время, когда страх и нерешительность мешали ему довериться буре, порождаемой древним, волшебной работы клинком. Прежде он сдерживался, не отвечая на призыв, но теперь охотно предавался яростному наслаждению боя. Он научился использовать этот праведный гнев, он умел теперь направлять эту силу согласно своей воле.

В прошлом находились завистники, мечтавшие захватить этот меч ради исполнения своих грабительских замыслов, но в слепой жажде власти они забывали, что тем самым навлекают на себя ужасную погибель. Вместо того, чтобы стать повелителями магии меча, они становились слугами его гнева — и собственной неуемной алчности. Кое-кому удавалось использовать силу чудесного оружия в темных целях. Меч нельзя было в этом винить. Будет ли меч служить добру или злу, предоставлялось сознательному выбору человека, завладевшего им, и вся ответственность падала лишь на него.

Пробившись сквозь стену стволов, кустарника и лиан, Ричард остановился на краю поляны, где лежали мертвые тела. Не выпуская меча из руки, он пытался вздохнуть поглубже — сейчас ему годился даже этот воздух, воняющий падалью; главное — перевести наконец дух и успокоить сердцебиение.

Рассматривая невероятное зрелище, открывшееся перед ним, он не сразу осознал, что, собственно, видит. Мертвые вороны валялись повсюду. Не просто мертвые, но разорванные на куски. Крылья, головы, скелеты птиц усыпали всю поляну. Тысячи перьев, будто черный снег, засыпали истлевающие тела солдат.

Все еще тяжело дыша, потрясенный Ричард замер лишь на мгновение, но сразу понял, что искал не это. Проскочив через поле боя, он помчался вверх по невысокому подъему, по затоптанной траве между деревьями — туда, где его должны были ждать.

Ярость меча бурлила в сердце, заставляя забывать, что он устал, что задыхается, что еще не совсем выздоровел, — готовя его к предстоящей схватке. Сейчас для Ричарда важно было одно: добраться до товарищей, вернее, до того, что им угрожало.

Убивая служителей зла, Ричард испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. Тот, кто не решился бросить вызов злу, тем самым поощрял его. А уничтожение зла было торжеством жизни.

Вот здесь и крылась сущность той ярости, которой меч требовал — и вызывал сам. Ярость преодолевала ужас убийства, подавляла естественное нежелание убивать, оставляя лишь жестокую необходимость, стремление к истинной справедливости.

Добежав до березовой рощицы, Ричард снова застыл, пораженный видом того старого клена, под которым он недавно оставил своих людей. Листва с нижних ветвей дерева была начисто ободрана, словно здесь промчался ураган. Там, где совсем недавно росли молодые хвойные деревца, теперь валялись лишь груды щепы. Большие ветви с блестящими влажными щеточками хвои лежали сверху, вразброс. Сломанные стволы торчали из земли, как копья, забытые на поле боя.

Под кленом творилось нечто такое, чего Ричард не сразу смог осознать. Все, что перед его уходом было зеленым — с разными оттенками тусклого, желтоватого или яркого, — теперь было окрашено красным.

Ричард стоял, тяжело дыша, с тяжело бьющимся сердцем, стараясь сосредоточить внимание на угрозе, которую не мог определить. Он обвел взглядом все затененные, темные провалы между деревьями, выискивая малейшие признаки движения и одновременно пытаясь разобраться, что же он видит на земле перед собой.

Кара выбежала на поляну слева от него, готовая к бою. Через минуту Виктор стал справа, зажав булаву в кулаке. Никки подоспела спустя еще минуту, и хотя оружия у нее не было, Ричард

ощутил, что даже воздух вокруг нее потрескивает от силы, готовой вырваться на волю.

— Духи милостивые! — прошептал кузнец. Вскинув шестопер, ужасное оружие, выкованное им самим, он двинулся вперед.

Но Ричард преградил ему дорогу мечом.

Упершись грудью в клинок, кузнец неохотно подчинился безмолвному приказу и остановился.

Невероятная картина стала наконец-то ясна, слишком ясна. Мужская рука — половина, без кисти, но все еще в коричневом фланелевом рукаве — лежала на смятых папоротниках у ног Ричарда. Неподалеку стоял тяжелый башмак со шнуровкой, из него торчала зазубренная белая кость с оборванными жилами и мышцами. В стороне, среди жестких листьев кизила, лежал кусок торса, вспоротый так, что виднелся позвоночник и ребра. Мотки розовых кишок обвили бревно, где раньше сидели люди. Лохмотья волос и кожи были разбросаны по камням, по траве и кустарникам.

Ричарду не приходило в голову, что могло причинить этот ужасный разгром. Но, может быть... Он взглянул через плечо на Никки.

— Сестры Тьмы?

Никки медленно покачала головой:

— Кое-что здесь напоминает их методы — но в целом они убивают по-другому.

Ричард не мог бы ответить, утешило его это сообщение или нет.

Медленно, с оглядкой он пошел вперед между окровавленных останков. Судя по всему, это был не бой, а бойня; здесь никто не орудовал мечами или секирами, не видно было ни стрел, ни брошенных дротиков. Лежащие вокруг тела были не разрублены, а буквально разорваны на части. Зрелище оказалось настолько ужасающим, настолько непостижимым, что все чувства отказывались служить, а душа немела.

Ричард даже не пытался строить предположения, что же могло не просто уничтожить людей, но и разорить землю. Сквозь кипящий гнев волшебного меча в душе его уже пробивалось мучительное сожаление, что он не сумел уберечь товарищей, и он знал, что боль будет еще расти. Но сейчас он хотел только расправиться с тем, кто — или что — сотворило это.

— Ричард, — шепнула Никки, подойдя ближе, — я думаю, лучше будет, если мы поскорее уйдем отсюда.

Непринужденно спокойный тон ее голоса не скрывал настоятельности предупреждения.

Но Ричард, подстрекаемый яростью меча и собственным гневом, не слушал волшебницу. Торжество смерти требовало отмщения. Если опасность еще таилась поблизости, он хотел это узнать. И вдруг тут еще остался кто-то живой?

— Живых здесь нет, — пробормотала Никки, как бы отвечая на его мысли.

— Кто мог сотворить такое? — прошептал Виктор, явно не желая уходить, пока не накажет виновного.

— Людям это не под силу, — заметила Кара спокойно, как судья, выносящий приговор.

Ричард продолжил путь среди останков. Тишина окрестных чащ давила, словно тяжкое бремя. Птицы молчали, не жужжали насекомые, не трещали белки. Низко нависшие облака и медленный дождь еще усугубляли эту тишь.

Кровь стекала каплями с листьев, веток и согнувшихся стеблей травы. Кровь испятнала стволы деревьев. В морщинах шершавой коры ясеня застряли волоконца ткани. Кисть руки с бессильно раскрытыми пальцами, без оружия, лежала ладонью вверх на каменистой осыпи под широкими листьями горного клена.

Ричард нашел много следов там, где они все утром взошли на холм, — и свои собственные следы в том месте, где он недавно проходил с Никки, Карой и Виктором. Останки убитых лежали и в нетронутом лесу, где не ходил никто из них. Ничьих чужих следов Ричард не увидел, если не считать необъяснимых рытвин в дерне, где земля была словно взрезана ножом — кое-где в этих выемках виднелись переломанные толстые корни.

Присмотревшись внимательнее, Ричард понял, что в тех местах, где зияют эти прорехи, кто-то швырял людей оземь с такой силой, что взрывал плотный дерн. Кое-где сохранились обрывки плоти, насаженные на острые расщепы сломанных корней.

Кара схватила его за плечо, пытаясь остановить.

— Лорд Рал, я хочу, чтобы вы ушли отсюда!

Ричард высвободил плечо:

— Тихо! Помолчи!

Бессчетные голоса тех, кто пользовался мечом в прошлом, нашептывали ему в глубине сознания: не останавливайся на том, что видишь, не задумывайся, что случилось. Выясни, что вызвало беду и может ли она повториться. Ты должен сейчас быть бдительным...

Ричард вряд ли нуждался в таком предупреждении. Он стиснул рукоять меча так, что выпуклые буквы слова «ИСТИНА», выложенного на рукояти золотой проволокой, отпечатались на его ладони с одной стороны и на кончиках пальцев с другой.

Он чуть не наткнулся на голову, уставившуюся на него из зарослей. Черты лица застыли в немом вопле. Ричард знал этого человека. Его звали Нури. Все, чему этот юноша учился, все, что он пережил, все, что надеялся совершить — весь его мир, едва зародившийся, в одно мгновение обратился в ничто. И для всех, кто полег сегодня, мир перестал существовать; их жизни, единственные и неповторимые, прервались навеки.

Мучительная боль этой потери, эта ужасная определенность могли загасить ярость меча и погрузить Ричарда в пучину скорби. У всех погибших были родные; их любили, их ждали дома. И каждого будут оплакивать, вспоминать с сердечной болью — тень их смерти необратимо изменит и судьбы живых.

Ричард заставил себя двигаться дальше. Сейчас нельзя было поддаваться скорби. Сейчас следовало найти виновных и воздать им за содеянное зло прежде, чем они нападут еще на кого-нибудь. Только после этого оставшиеся в живых смогут себе позволить скорбь по дорогим, безвременно ушедшим душам.

Ричард обошел окрестности по широкому кругу, но не нашел никого — то есть ни единого целого тела, позволяющего узнать, что здесь произошло. Только раскиданная по земле жуткая смесь разрозненных останков. В прилегающем лесу они тоже кое-где встречались; видимо, люди пытались убежать — но ни один не ушел далеко. Исследуя почву между деревьями, чтобы найти хоть какие-то следы убийц, Ричард не забывал поглядывать на чащу, тонущую в тумане.

Он отыскал следы бежавших людей, но их преследователи не оставили вообще никаких следов. Обходя вокруг громадной ста-

рой сосны, Ричард натолкнулся на верхнюю половину человеческого тела, свисающую с расщепленной ветви вниз головой. То, что оставалось от лишенного рук торса, было зацеплено за торчащий сук высоко над головой Ричарда, как туша в мясной лавке. Лицо было сведено гримасой безграничного ужаса. Слипшиеся от крови волосы свисали так, будто встали дыбом от страха.

— Духи милостивые!.. — прошептал Виктор, лицо его передернулось от гнева. — Это же Ферран...

Ричард снова присмотрелся к окрестностям, но в тенях не было никакого намека на движение.

— Что бы здесь ни стряслось, я не думаю, чтобы кто-то уцелел.

Он заметил, что под деревом, там, куда капала кровь Феррана, не было никаких следов.

И следы Кэлен исчезли тоже. Ужасное видение Кэлен, погибающей от той же напасти, пронзило его такой болью, что он едва устоял на ногах. Даже ярости меча не хватало, чтобы избавить его от этой муки.

Никки, стоявшая за его спиной, сказала еле слышно:

— Ричард, нам нельзя оставаться здесь. Пойдем!

— Я согласна! — Кара стала плечом к плечу с Никки.

Виктор вскинул булаву. Он стиснул ее так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— Я хочу видеть тех, кто это сотворил. Можешь ты выследить их? — спросил он Ричарда.

— Я не думаю, что это правильная мысль, — возразила Никки.

— Правильная или нет, — сказал Ричард, — но я никаких следов не вижу. — Он посмотрел прямо в голубые глаза Никки. — Может, ты попробуешь убедить меня, что я и это выдумал?

Она не отвела взгляд, но и брошенный ей вызов не приняла.

Виктор все смотрел на Феррана.

— Я обещал его матери заботиться о нем. Что я теперь скажу семье? — Слезы душевной боли и гнева блеснули в глазах кузнеца, когда он указал булавой на другие останки. — Что я скажу их матерям, и женам, и детям?

— Что они пали жертвой зла, — сказал Ричард. — И что ты не будешь знать отдыха, пока не отомстишь.

Виктор кивнул, гнев его сменился печалью.

— Мы должны похоронить их.

— Нет, — сказала Никки угрюмо, но решительно. — Я понимаю твое желание почтить память друзей, но они уже давно не здесь, не в этих кусках изуродованных тел. Твои друзья теперь отдыхают в мире добрых духов. А нам пока не время присоединяться к ним!

Виктор снова рассердился:

— Но мы должны...

— Нет, — перебила Никки. — Оглядись. Здесь побывал кровожадный безумец. Мы не хотим стать новыми его жертвами. А погибшим мы помочь никак не можем. Нам нужно уйти отсюда!

Прежде чем Виктор успел возразить, Ричард резко обернулся к колдунье:

— Что ты знаешь об этом?

— Я же говорила тебе, Ричард, что нам нужно многое обсудить. Но здесь не время и не место для этого.

— Верно, — проворчала Кара. — Мы должны убираться, и поскорее.

Отвернувшись от трупа Феррана, Ричард снова посмотрел на кровавое месиво под кленом и вдруг ощутил подавляющее одиночество. Он до боли тосковал по Кэлен. Ему недоставало ее утешения. Он хотел, чтобы ей ничто не угрожало. Жива ли она еще? Мучительное неведение изводило его невыносимо.

— Кара права. — Никки настойчиво дернула Ричарда за руку. — Мы не знаем, с чем столкнулись — но что бы это ни было, я боюсь, что ты еще слишком слаб, чтобы твой меч мог оградить нас от опасности. И я сейчас тоже не способна на такое. Если убийца прячется в лесах, ныне не время противостоять ему. Справедливый суд и мщение должны свершиться. Но для этого нам нужно остаться в живых.

Виктор отер тыльной стороной ладони слезы, текущие по щекам.

— Как ни противно мне признавать это, но я думаю, что Никки права.

— Чудовище искало вас, лорд Рал, — проворчала Кара. — Я не хочу, чтобы вы торчали здесь, пока оно не вздумает вернуться!

Ричард мельком отметил, что красный кожаный костюм Кары больше не выделялся на фоне леса — так много было вокруг крови. Он еще не был готов отказаться от поисков чудовища, сгубившего столько хороших людей, и вдобавок ощущал смутную, нарастающую тревогу. Ричард хмуро взглянул на морд-сит.

— С чего ты взяла, что оно искало меня?

— Я уже говорила, — процедила Никки сквозь зубы, говоря вместо Кары, — сейчас не время и не место для разбирательств. И сделать что-то еще здесь мы не сможем. Мертвым не поможешь...

Не поможешь. Относилось ли это также к Кэлен? Он не мог позволить себе даже подумать так.

Ричард посмотрел на север. Он не знал, где искать ее. Из того, что к северу от их лагеря нашлась пара сдвинутых с места камешков, вовсе не следовало, что похитители увели Кэлен именно в том направлении. Они могли просто пойти на север, чтобы избежать столкновения и с отрядом Виктора, и с солдатами, охраняющими обоз с провиантом, чтобы уйти незамеченными из этой местности. А потом могли повернуть куда угодно....

Но куда?

Ричард понимал, что без помощи не обойдется. Он попытался сообразить, кто способен чем-то помочь ему в этих обстоятельствах. Кто поверит ему? Зедд поверил бы — но Ричард не был уверен, что дед мог предложить ему решение такой сложной задачи. Добираться до Зедда нужно очень долго, и если такая поездка кончится ничем... Но кто же может и захотеть помочь, и знать что-то полезное?

Неожиданно Ричард повернулся к Виктору.

— Где я могу достать лошадей? Мне нужны лошади. Где они есть ближе всего?

Вопрос застал Виктора врасплох. Он отпустил булаву и отер со лба дождевую воду, обдумывая ответ, шевеля бровями от напряжения.

— Алтур-Ранг, пожалуй, ближе всего, — сказал он наконец.

Ричард спрятал меч в ножны.

— Хорошо. Пойдемте. Нам нужно поторопиться.

Обрадованная этим решением, Кара подтолкнула Ричарда в направлении Алтур-Ранга. В глазах Никки сквозило подозрение —

но она так спешила уйти прочь от побоища, смердящего смертью, что даже не спросила, зачем ему лошади.

Забыв об усталости, четверо друзей поспешно зашагали прочь. Как ни тошно было им уходить, бросив тела товарищей непогребенными, все они понимали, что задерживаться слишком опасно.

Как только Ричард спрятал меч, гнев утих. Его место заняла щемящая скорбь по мертвым. Казалось, даже лес оплакивает их.

Еще хуже были мысли об исчезновении Кэлен. Хоть бы представить, что могло с нею случиться... Ищи решение, напомнил сам себе Ричард.

Чтобы найти Кэлен, ему нужна помощь. Чтобы добраться до того, кто сможет помочь, нужны лошади. Вот на этой непосредственной задаче и нужно сосредоточиться. Они могут идти еще целых полдня, пока не стемнеет. И не стоит зря тратить ни одной минуты.

Ричард вел своих спутников напрямик через густые леса без остановок, почти бегом. Никто не жаловался.

Глава 7

Пользуясь угасающим светом дня, Ричард и Кара выдергивали из рыхлой почвы корешки сосны — прочные и гибкие, как проволока. Набрав большую вязанку, они вернулись к найденному убежищу и принялись связывать корешками тонкие стволики молодых деревьев. Виктор и Никки бродили у подножия склона, густо заросшего лесом, обрубая и складывая в кучу ветви пихты. Убежище представляло собой нависающий над склоном скальный выступ, к которому они теперь прилаживали стенку. Ричард придерживал жерди, Кара переплетала их и связывала корешками. Обрезав излишек корешков, Ричард спрятал нож в чехол на поясе, проверил прочность получившейся рамы и стал выкладывать на ней стенку из пихтовых веток. Кара для большей надежности связывала торчащие наружу побеги. Виктор и Никки таскали снизу все новые охапки веток и складывали под рукой у Ричарда. На одну ночь этой постройки должно было хватить.

Под выступ скалы дождь не затекал, но улечься удобно здесь было затруднительно. Плетеная стенка позволяла расширить укрытие. Рассчитывать на тепло без костра не приходилось, но будет хотя бы сухо...

На протяжении дня изморось превратилась в тихий, упорный дождь. Быстрая ходьба утомляла, но она же и согревала; теперь, остановившись на ночлег, путники попали в бессердечные объятия холода. В сущности, погода была всего лишь прохладной — но люди промокли, обессилели и были не в состоянии согреться теплом своих тел. Ричард знал, что долгое пребывание в мокром виде даже при умеренной прохладе могло истощить путников, довести до болезни, а то и до смерти. Никки и Кара почти не спали в предыдущие три дня, сам Ричард еще не вполне выздоровел, а потому признал необходимость ночевки в тепле и сухости — иначе они не выдержат дороги. А он не мог допустить никаких задержек.

Весь остаток дня и вечер они шли, постепенно приближаясь к Алтур-Рангу. Воспоминание о зверском убийстве соратников было еще слишком свежо, поэтому никто из них не мог даже думать о еде. Но теперь требовалось подкрепиться, чтобы хватило сил на завтрашний путь; поэтому они достали вяленое мясо и сухари и откусывали понемногу, не прекращая работы.

Ричард от усталости едва держался на ногах. Он выбрал путь по нехоженым чащам, чтобы сократить расстояние и избежать опасности столкновения с врагом, но ходьба напрямик, без троп, давалась нелегко. День выдался изнурительный. Болела голова, спина, ноги. Зато, если завтра выйти спозаранку и идти так же быстро, к концу дня можно добраться до Алтур-Ранга. А потом они добудут лошадей, путь станет легче и намного быстрее.

Он сожалел, что придется ехать так далеко, но другого выхода не видел. Нельзя бесконечно скитаться по лесам в тщетной надежде найти еще один потревоженный камешек и определить, куда увели Кэлен. Но даже если бы камешки нашлись и определилось бы какое-то направление, кто поручится, что Кэлен именно там? Похитители могли сколько угодно раз сворачивать, не потревожив ни единого камня в окрестностях.

Ричард работал машинально, не задумываясь над тем, что делает. В вечерних сумерках Кара старалась не спускать с него глаз. Ей казалось, что он может упасть в любой момент, и тогда она должна будет подхватить его.

Работая, Ричард обдумывал отдаленную, но вполне реальную возможность того, что солдаты Имперского Ордена сейчас прочесывают леса, чтобы схватить их. Его беспокоило и то неведомое чудовище, которое уничтожило отряд Виктора — а теперь, быть может, охотилось за ними. Он размышлял, какие еще меры предосторожности можно предпринять и сможет ли он в случае чего побороть тварь, способную на такое зверство...

Все эти рассуждения не помогали, однако, подавить грызущую тревогу за Кэлен. Снова и снова вспоминал он все, до мельчайших подробностей. Думал, не допустил ли какой-то оплошности. Представлял, какие страхи и сомнения испытывает она, удивляясь, почему он не приходит на помощь и успеет ли прийти раньше, чем похитители убьют ее.

Он пытался отделаться от грызущего страха, от мысли о том, что она, возможно, уже мертва. О том, как обращаются с пленницей, он тем более старался не думать — это могло быть бесконечно ужаснее, чем простая казнь. У Джеганя имелись веские резоны желать ей долгой жизни — но это была бы жизнь, полная боли... Ведь Кэлен с самого начала прилагала все усилия к тому, чтобы укротить амбиции Джеганя и обратить его успехи против него же. Первый экспедиционный корпус войск Имперского Ордена, отправленный в Новый мир, помимо прочего, уничтожил всех жителей большого галеанского города Эбиниссии. Кэлен побывала там вскоре после того, как результаты этого жуткого нашествия обнаружил отряд галеанских новобранцев. Ослепленные болью и гневом, юные воины, хотя их и было вдесятеро меньше, чем врагов солдат, стремясь к мести и славной победе, порывались встретиться на поле боя с мерзавцами, которые пытали, насиловали и убивали их родных и близких.

Кэлен встретилась с этим отрядом, которым командовал капитан Бредли Райан, как раз когда они готовились к бою, задуманному по учебникам, по представлениям о благородной старине —

и поняла, что там юноши все и полягут. Отважные, но неопытные, они были убеждены, что задуманная тактика сработает и принесет им победу, несмотря на огромное численное преимущество врага.

А Кэлен знала, как умеют сражаться закаленные солдаты Имперского Ордена. Она понимала, что, если позволить отчаявшимся мальчикам исполнить задуманное, они попадут в настоящую мясорубку и погибнут все до одного — а из-за их недальновидности войска Имперского Ордена пройдут, не встретив никакого сопротивления, к другим городам и продолжат убивать и грабить ни в чем не повинных людей.

Поэтому Кэлен приняла командование на себя и постаралась разубедить Райана и его храбрецов в применимости благородства при борьбе с таким врагом. Она заставила их понять как следует, что главное — убивать захватчиков всеми доступными средствами. Как именно будет достигнута победа — все равно. Когда убиваешь, речь идет не о славе, а о спасении. И если уж приходится убивать, то пусть это будет ради жизни, а не ради смерти. Кэлен подсказала юношам, как можно справиться с превосходящим по численности противником, и под ее руководством они стали взрослыми, способными выполнить тяжелую задачу.

Ночью перед началом боя Кэлен одна отправилась во вражеский лагерь и убила тамошнего мага, а заодно и нескольких офицеров. Наутро обученные ею пять сотен юных бойцов, следуя ее советам, все-таки сумели — пусть и с тяжелыми потерями — начисто уничтожить пятитысячный авангард Имперского Ордена. Деяний, равных этому, история знает немного.

Таков был первый из многих ударов, которые Кэлен нанесла Джеганю. Немудрено, что он отправил убийц на охоту за ней. Но у них ничего не вышло.

В отсутствие Ричарда — когда Никки увела его в самое сердце Древнего мира — Кэлен присоединилась к Зедду и силам Д'харианской империи. Люди впали в уныние, отступая после поражения в битве, длившейся три дня. Заменив Ричарда, отдавшего ей Меч Истины, Мать-Исповедница заставила армию приободриться и немедленно повела ее в контрнаступление, застав врага врасплох и основательно пустив ему кровь. Именно Кэлен вдохновила

войска Д'Хары на битву, вернула им стойкость и воодушевление. Капитан Райан со своим отрядом присоединился к ней в борьбе против захватнических орд Джеганя. И почти целый год после этого Кэлен руководила всеми действиями Д'Хары, мешая Джеганю быстро подчинить Новый мир. Она гнала и преследовала его безостановочно, используя всякую возможность нанести врагу новый ущерб, заставив армию Джеганя терять десятки и сотни тысяч людей.

Кэлен обескровила силы Имперского Ордена и добилась того, что они застряли под Эйдиндрилом. Зимою она вывела оттуда всех жителей и под защитой своих воинов отправила через перевалы на земли Д'Хары. Затем войска Д'Хары наглухо перекрыли перевалы и тем самым на время заставили Имперский Орден отказаться от своей конечной цели — завоевать Д'Хару и окончательно подчинить Новый мир жестокой власти Ордена.

Лишь одного человека Джегань ненавидел сильнее, чем ее — Ричарда. Недавно сноходец отправил на охоту за ними очень опасного мага по имени Николас. В этот раз Ричард и Кэлен едва избежали пленения, хотя в итоге дело обернулось еще одним поражением Джеганя и его людей.

Ричард знал, что братья Ордена всегда старались причинить пленникам самые чудовищные муки и получали от этого великое наслаждение. И никого, кроме самого Ричарда, император Джегань так сильно не желал бы подвергнуть пыткам, как Мать-Исповедницу. Он не экономил усилий, чтобы захватить ее — и уж наверняка приготовил бы для Кэлен самые изощренные испытания...

Ричард вдруг осознал, что застыл на месте, дрожа и стиснув в руках охапку пихтовых веток. Кара молча наблюдала за ним. Он опустился на колени и снова взялся укладывать ветки на раму. Кара тоже вернулась к работе. Ричард постарался сосредоточиться и завершить наконец сооружение укрытия. Чем скорее они лягут спать, тем лучше отдохнут и тем быстрее пойдут завтра.

Хотя нигде в окрестностях не было ни торных дорог, ни троп, Ричард все-таки не рискнул развести костер, опасаясь, что вражеские разведчики могут учуять его. Увидеть дым костра сквозь заслон дождя и тумана они были не в состоянии — но из-за сыро-

сти этот дым расползался бы понизу над землей во все стороны, и патрули Имперского Ордена могли уловить запах издалека. Эта опасность была вполне вероятной, и его спутники не стали спорить. Лучше уж помучиться от холода, чем драться за свою жизнь!

Никки притащила еще одну охапку веток; Ричард продолжал крепить их к раме. Все молчали, подавленные тяжелыми мыслями. Всем, кроме Ричарда, было не по себе от того, что неведомое зло, погубившее их товарищей, могло затаиться и здесь, в сгущающейся тьме — между тем как они собирались лечь спать в хлипкой крепости, сложенной всего-навсего из веток пихты.

Первый день пути к Алтур-Рангу походил не столько на путешествие, сколько на бегство. Но нечто, убившее людей Виктора, не преследовало их. По крайней мере, Ричард так полагал. Он считал, что существо, наделенное такой силой и злобой, без труда нагнало бы путников, если бы захотело. Кроме того, находясь в лесу, Ричард обычно чувствовал, есть ли поблизости животные и где именно они находятся; присутствие людей поблизости он тоже, как правило, распознавал. Если бы Виктор со своим отрядом не остановился на ночлег так далеко от стоянки Ричарда, Кэлен и Кары, бывший следопыт тоже почуял бы его приближение. Это же чутье сигнализировало Ричарду, когда за ним кто-то шел. В бытность свою проводником он не раз находил по следам людей, потерявшихся в лесах — а иногда он и другие проводники устраивали состязания, выслеживая друг друга. Поэтому Ричард хорошо знал, как обнаружить преследование.

Но в этот день он чувствовал не опаску, а просто леденящий страх — как если бы за ними охотился кровожадный призрак. Этот страх беспрестанно подгонял, заставлял бежать. Но Ричард также знал, что очень часто именно бегство добычи побуждает хищника наброситься на нее. Поэтому он постарался не забыть обо всех возможных предосторожностях: вел своих друзей по руслам мелких ручьев, пока они не отошли на порядочное расстояние от места убийства, а потом старался выбирать путь по каменистой почве, где выследить идущих было значительно сложнее. И укрытие из веток также служило для того, чтобы сделать их незаметными. Даже проходя совсем рядом, это скопление веток трудно было признать делом человеческих рук.

Тем не менее Ричард отчетливо осознавал, что жаркое дыхание преследователей лишь чудится ему. Зедд учил его, что очень важно уметь понимать, почему возникают те или иные ощущения, и разбираться, вызваны ли они чем-то, заслуживающим внимания, или же нет. Кроме вполне объяснимого страха, вызванного жестокостью произошедшего убийства, никаких реальных признаков преследования Ричард не находил — и потому старался держать свои чувства в узде.

Страх как таковой часто становился величайшей опасностью. Он лишал человека способности рассуждать. От страха люди совершали бессмысленные поступки и только усугубляли трудности своего положения.

Еще подростком Ричард помогал найти людей, заблудившихся в обширных лесах вокруг Хартленда. Одного мальчишку он искал два дня — тот, испугавшись темноты, бежал вслепую, пока не свалился с обрыва. К счастью, обрыв оказался невысоким. Ричард нашел его у подножия холма с вывихнутой лодыжкой. Нога распухла, но не была сломана. Мальчик замерз, устал и был сильно напуган, но только и всего. Могло быть намного хуже, и он признал это — когда успокоился. Он был счастлив, когда появился Ричард, и всю дорогу домой крепко обнимал его за шею.

Имелось много способов умереть в лесу. Ричард слыхал о людях, заломанных медведем, растерзанных дикой кошкой или укушенных ядовитой змеей. Но по какой причине погибли люди Виктора? Ничего подобного ему прежде не приходилось ни слышать, ни видеть. Человеку — во всяком случае, обычному солдату, — такое явно не под силу. Сотворить это жуткое убийство мог кто-то, наделенный магическим даром, — но почему-то это объяснение тоже не казалось убедительным.

Тут он поймал себя на том, что уже создал в своем воображении образ чудовищного зверя.

Виктор приволок огромную вязанку веток и уложил их у ног Ричарда.

— Еще нужно?

Ричард подкинул ветки носком сапога, оценивая их густоту и размер.

— Нет, думаю, этого и той охапки, которую несет Никки, хватит, чтобы закрыть всю раму.

Никки уронила свою ношу наземь рядом с Виктором. Странно было видеть ее за такой работой. Даже перетаскивая срезанные ветки, Никки выглядела как королева. Кара тоже была очень красива — но ее дерзкие повадки не допускали и мысли о женской слабости, она возводила не просто укрытие — ощетиненный остриями редут, чтобы отгонять непрошеных гостей. А Никки, казалось, вот-вот пожалуется, что испачкала руки — хотя ничего такого никогда себе не позволяла. Дело было не в том, что она неохотно исполняла порученную ей Ричардом работу — нет, просто она выглядела совершенно не на своем месте. С такой благородной осанкой, с таким лицом она явно не была предназначена судьбой на роль сборщицы хвороста для постройки убогого шалаша среди лесов.

Услышав, что Ричард сказал «хватит», Никки застыла под ненадежным пологом дерева — сквозь крону его капал дождь — и, дрожа от холода, стала растирать плечи. Пальцы Ричарда тоже занемели от холода, но он продолжал быстро укладывать ветки. Кара, занятая укреплением постройки, то и дело совала руки под мышки, пытаясь согреть их. Только Виктор не выказывал никаких уступок холоду. Ричард подумал, что кузнецу хватит душевного жара, чтобы согреться.

— Почему бы вам троим не лечь поспать? — сказал Виктор, когда Ричард наконец закончил работу. — Если никто не возражает, я могу постоять на страже. Меня что-то в сон не клонит.

Судя по скрытому за внешним спокойствием гневу, Виктор еще долго не захочет спать, подумал Ричард. Он понимал, как терзает Виктора горечь утраты. Стоя на страже, он, наверное, попытается подобрать те слова, с которыми обратится к матери Феррана и родичам других погибших.

Ричард положил руку на плечо Виктора.

— Мы не знаем, чего опасаться. Если услышишь или заметишь что угодно странное, не жалей нас, буди. И не забудь все-таки попозже забраться внутрь и хотя бы немножко поспать — завтра нам предстоит долгий путь, и силы понадобятся всем!

Виктор кивнул. Ричард проследил, как кузнец натягивает на плечи плащ, а потом, цепляясь за висячие корни и плети лиан, карабкается по скале к тому месту над их укрытием, где он хотел устроиться. Глядя на него, бывший следопыт подумал, как все могло сложиться, если бы Виктор остался со своими ребятами. Но тут же перед его мысленным взглядом встали расщепленные деревья и глубокие рытвины в земле, выбитые с такой силой, что камни разлетались, а толстые корни рвались, подобно гнилым ниткам. Он вспомнил вспоротые кожаные панцири, разбитые кости и разорванные на куски тела — и порадовался, что Виктора там не было. Даже тяжелая булава в могучих руках разъяренного кузнеца не остановила бы той силы, что бушевала на поляне.

Никки прижала руку ко лбу Ричарда, проверяя, нет ли у него лихорадки.

— Тебе нужно отдохнуть. Стоять на страже сегодня ты не будешь. Мы трое можем меняться до утра.

Ричард хотел было поспорить, но признал, что она права. В этом деле, не в бою, они могли обойтись и без него. Он кивнул, соглашаясь. Кара, совершенно очевидно собиравшаяся встать на сторону Никки, если бы он вздумал возражать, отвернулась и полезла в укрытие. В сгустившихся сумерках отовсюду доносился странный шелест, нарастая и превращаясь в пронзительный стрекот. Этот звук слышался уже давно — но лишь теперь, завершив работу с укрытием, они обратили на него внимание. Казалось, по всему лесу кипит бурная деятельность.

— Что это за звук, а? — нахмурилась Никки.

Ричард подошел к ближайшему дереву и оторвал от ствола пустой кокон. По всему лесу деревья были покрыты желтовато-бледными шкурками размером с мужской большой палец.

— Цикады, — улыбнулся он, сворачивая на ладони тонкое, как паутинка, призрачное подобие существа, покинувшего кокон. — Это остается после того, как они линяют.

Никки взглянула на смятую шкурку в его руке и на дерево, где их было еще много.

— С тех пор, как я покинула Дворец Пророков, мне довелось немало поскитаться под открытым небом, много чего повидать.

Но эти насекомые, наверное, крайне редкие — не припомню, чтобы я их хоть раз видела, и голоса их не слышала!

— И не могла бы услышать. Я был мальчиком, когда в последний раз видел их. Этот вид цикад появляется из-под земли каждые семнадцать лет. Сегодня — первый день, когда они все разом полезли наружу. Они проживут несколько недель, пока все не спарятся и не отложат яйца. После чего их опять никто не увидит целых семнадцать лет.

— Неужели? — спросила Кара, высунув голову из шалаша. — Каждые семнадцать лет? — Она подумала и сердито скривилась. — Ладно, лишь бы они не мешали нам спать!

— По отдельности-то они тихие, но их так много, что создается особый звук, его ни с чем не спутаешь. Когда огромные стаи цикад разом испускают свои трели, то можно различить изменение тона их песни — он то выше, то ниже, и словно волнами проходит по лесу. В тишине ночи их стрекотание поначалу кажется оглушающим, но на самом деле оно отлично убаюкивает!

Довольная тем, что шумливые насекомые не заставят ее бодрствовать не в свою очередь, Кара снова скрылась под скалой.

Ричард вспомнил, как Зедд, гуляя с ним по лесу, показал ему этих новорожденных существ и рассказал об их семнадцатилетнем цикле жизни. Ричард, еще совсем маленький, дивился этому как чуду и запомнил надолго. Тогда же Зедд сказал ему, что следующий раз они появятся, когда он станет совсем взрослым. Ричард припомнил, что пообещал себе в этот следующий раз понаблюдать за редким явлением как следует.

Ему вдруг стало очень грустно оттого, что время невинных забав миновало. Явление цикад он воспринял в детстве как самое невероятное событие в природе — и ждать семнадцать лет, пока они вернутся, казалось ему таким тяжелым испытанием! И вот они вернулись. И он уже совсем взрослый...

Ричард выбросил смятый кокон.

Сбросив мокрый плащ, он пролез в укрытие, стараясь не задеть Никки, а потом задвинул за собой ветки так, чтобы в их уютном убежище не осталось дыр. Пихтовые ветви не пропускали ни дождя, ни ветра, и в нише под скалой было хоть и не тепло, но

сухо. Из-за густого сплетения веток пение цикад слышалось приглушенно. Непрерывное жужжание нагоняло сон.

Часть веток они уложили на голую землю, получилась относительно мягкая и сухая подстилка. Но от сырости защиты не было; дыхание образовывало в воздухе мгновенно тающие облачка.

Ричарда раздражала эта сырость. Работая с ветками, он весь покрылся кусочками коры, иголками и грязью, а ладони стали липкими от смолы. Грязь и песок прилипли к влажной коже и промокшей одежде. Давно уже он не чувствовал себя так паршиво. Радовал только приятный запах сосновой и пихтовой смолы, пропитавший все укрытие.

Он мечтал вымыться горячей водой и надеялся, что хотя бы Кэлен сейчас тепло, сухо и ничего страшного с ней не происходит.

Несмотря на усталость и усыпляющее звучание колыбельной песни цикад, Ричард не смог успокоиться. Оставались вещи, намного более важные для него, чем сон, чем простые детские восторги. Нет, все-таки слишком много совпадений для случайного события. Сперва исчезновение Кэлен. Потом схватка с вражескими солдатами. Потом — жуткая расправа с людьми Виктора. Ведь и она произошла рядом с тем местом, где Ричард, Кэлен и Кара ночевали несколькими днями раньше.

Еще важнее было отсутствие следов Кэлен, ее похитителей и неизвестной твари-убийцы. Ричард, конечно, вел поиски в очень большой спешке, но не поверхностно, и если там осталось что-то, кроме тех сдвинутых камней, он уж точно нашел бы эту вещь. Требовалось выяснить, что знает Никки о причинах гибели отряда Виктора. А уж потом он позволит себе уснуть.

Глава 8

Ричард отвязал скатку от мешка, расстелил одеяло в тесном пространстве между лежащими женщинами и улегся, коснувшись головой скалы. Никки оказалась от него справа, Кара, свернувшаяся клубочком — слева.

— Никки, когда мы стояли на том месте, где нашли убитых, ты что-то говорила о кровавом безумии. Что ты имела в виду?

Никки кое-как села, завернувшись в одеяло.

— Это не простое убийство. Разве тебе не очевидно?

Он думал точно так же. Ему еще не приходилось видеть зрелища столь неукротимой ярости. Но он хорошо понимал, что колдунья должна знать намного больше.

— Я же тебе говорила, — бросила Кара, обращаясь к Никки, — он ничего не знал и не знает до сих пор.

Она уже почти заснула, но теперь, подложив под голову локоть, приготовилась внимательно слушать. Ричард недоуменно посмотрел на морд-сит, потом на колдунью.

— Чего это я не знаю?

Никки отвела пальцами мокрые волосы, упавшие на лицо. Она выглядела несколько озадаченной.

— Ты говорил, что получил письмо, которое я отправила!

— Да, получил. — Казалось, это было сто лет назад. Сквозь туман усталости и тревоги он попытался припомнить содержание письма Никки. Там было что-то о Джегане, превращающем людей в орудия убийства. — Твое письмо оказалось очень кстати, оно помогло мне представить общую картину происходившего с нами. А еще я оценил твое предупреждение насчет того, что для своих темных дел Джегань начал использовать людей, владеющих даром. Этот Николас Скользящий, видимо, был одной из таких штучек.

— Николас! — Никки словно выплюнула это имя и вздрогнула так, что ей пришлось поправлять одеяло, сползшее с плеч. — Да он всего лишь мелкая блоха на загривке волка!

Ну, если Николас был лишь блохой, то Ричард надеялся никогда не столкнуться с тем волком. Прозванный Скользящим, Николас был магом, которому сестры Тьмы дали качества, далеко превосходящие все возможности человека. Прежде считалось, что искусство наложения таких чар на людей утеряно, а может быть, вообще относится к области легенд. Ведь, помимо прочего, для этого бесчестного дела требовалось применять не только Магию Приращения, но и Магию Ущерба. Врожденных способностей к Магии

Ущерба не наблюдалось много сотен лет, пока не появился на свет Ричард. Но кое-кто — очень немногие — сумели, не имея врожденного дара, научиться использовать эту разновидность магии. Одним из таких был покойный Даркен Рал. Рассказывали, что он продавал невинные детские души Владетелю потустороннего мира в обмен на разные одолжения — в том числе и на способность пользоваться Магией Ущерба.

Ричард также предполагал, что первые сестры Тьмы тоже могли пообещать какие-то услуги Владетелю — и таким образом обрели знания о Магии Ущерба, которые и стали тайно передавать своим ученикам.

Когда пал Дворец Пророков, Джегань захватил в плен многих волшебниц — как сестер Света, так и сестер Тьмы, но с тех пор число их постоянно убывало.

Судя по тому, что узнал Ричард, сноходец умел проникать во все уголки сознания людей и тем самым подчинять их себе. Не оставалось ни единой личной мысли, которой он бы не знал, ни единого тайного поступка, свидетелем которого он бы не стал. Невозможно представить себе более полное насилие. Еще хуже то, что от взгляда сноходца нигде нельзя было укрыться, но при этом жертва даже не всегда могла заметить, что Джегань проник в ее сознание.

Никки рассказывала, что от этого бесцеремонного вторжения сноходца несколько сестер потеряли рассудок. Ричард знал, что, установив такую связь, Джегань мог причинить пленникам жесточайшую боль — а если пожелает, то и довести до смерти. Поэтому он мог заставить сестер делать все, что ему потребуется.

В древности один из предков Ричарда, желая защитить свой народ от сноходцев того времени, разработал защитные магические приемы — и с тех пор те, кто приносил клятву верности лорду Ралу, не поддавались этому злу. Унаследовав дар, Ричард унаследовал также и эту способность. Когда в Новом мире вновь объявился сноходец, она оберегала всех, кто хранил верность правителю Д'Хары, — Джегань не мог прокрасться в их сознание и поработить их.

Хотя формальную преданность лорду Ралу изъявили все люди Д'Хары, магическая защита реально действовала только в том случае, если человек поклялся в этой верности совершенно искрен-

не. И Энн, аббатиса сестер Света, и Верна, которую Энн назначила своей преемницей, пытались спасти своих сестер, прокравшись в лагерь Имперского Ордена. Сестрам, попавшим в плен, предлагали установить эту защитную связь, для этого они лишь должны были всем сердцем принять верность Ричарду. Но в большинстве своем пленницы были уже настолько запуганы Джеганем, что отвергали возможность обрести свободу. Да и не все они стремились стать свободными: ведь свобода требовала не только усилий, но и риска. Кое-кто предпочитал обманывать себя и воспринимать свои цепи как защитные доспехи.

Никки долго находилась в услужении у Ордена: сперва — у сестер Света, потом — у сестер Тьмы, и наконец — у самого Джеганя. Она ушла от них; она приняла любовь к жизни — веру Ричарда. Непоколебимая верность ему и его убеждениям вырвала ее из когтей сноходца; более того, она покончила с рабским служением кому бы то ни было. Теперь ее жизнь принадлежала лишь ей самой, и недаром она теперь выглядела так ярко и горделиво.

— Но до конца я не дочитал, — признался Ричард. — Тут как раз началось нападение тех солдат, которых Николас прислал, чтобы схватить нас. Я уже говорил тебе — вскоре Сабар был убит, а письмо попало в огонь и сгорело...

— Добрые духи, — пробормотала Никки, откидываясь к скале. — А я-то думала, ты знал...

Только усталость помешала Ричарду выйти из себя:

— Знал — что?

Никки уронила руки на колени и устало вздохнула.

— Джеганъ придумал, как взятые им в плен сестры Тьмы могут применить свои способности для создания живых орудий из людей — как это делалось во времена великой войны. Во многих смыслах он человек выдающийся. Он любит и умеет находить новые знания и усваивать их. К нему свозят книги из всех разграбленных земель. Я видела часть этих книг. Помимо всевозможных пророчеств, там были древние учебники по магии времен великой войны.

— Однако будучи весьма умен и являясь сноходцем, сам он даром не владеет, — продолжила она после паузы. — Поэтому

его понимание сути дара в лучшем случае поверхностно. Он не постиг, что такое Хань и как действует эта великая сила жизни. Человеку, не владеющему магией, трудно глубоко осознать такие понятия. Ты имеешь дар — и то не все понимаешь, не знаешь, как он на самом деле работает. Но Джеганъ, вообще не умея пользоваться магией, жестоко заблуждается, требуя, чтобы какие-то вещи осуществлялись лишь потому, что ему привиделось во сне — и он, великий император, желает воплотить свои видения в жизнь.

Ричард потер пальцами лоб, пытаясь стереть грязь.

— Не стоит недооценивать его. Возможно, он знает об этих вещах больше, чем тебе кажется.

— То есть?

— Я, может, и не сильно разбираюсь в магии, но кое-что усвоил твердо. Например, магию можно считать не столько наукой, сколько искусством. И художеством — прости, не подберу лучшего слова — могут создаваться такие виды магии, каких никто отродясь не видывал.

Никки уставилась на него в полном недоумении:

— Ричард, не знаю уж, где ты этого нахватался, но она просто не может работать таким образом!

— Знаю, знаю. Кэлен тоже думает, что меня заносит. Она выросла среди магов, знает многое об их науке и постоянно твердит, что я ошибаюсь. Но это не так. Я в этом не раз убеждался. Пользуясь своим даром по-новому, необычно, я выбирался из таких ловушек, где иначе пропал бы!

Никки рассматривала его характерным для нее изучающим взглядом. Он вдруг понял, почему: не из-за его мнения о магии. Он снова упомянул Кэлен — женщину, которой не существовало, женщину из сна. Ну а судя по выражению лица Кары, мордсит просто молча переживала за него.

— И все-таки послушай, — сказал Ричард, настойчиво возвращаясь к сути дела. — Пусть у Джеганя нет дара, это не означает, что он не умеет в своем сне придумывать разные кошмары — вроде Николаса. И вот именно за счет такого необычного подхода рождаются самые жуткие монстры, неуловимые, неодоли-

мые обычными средствами. Мне кажется, примерно так поступали маги древности, превращая людей в орудия своей борьбы.

Возмущение Никки уже переливалось через край.

— Ричард, магия так не работает, и точка. Ты можешь увидеть во сне что угодно, выполнить любые свои желания. Магия же основывается только на законах природы, как и все остальное в Новом мире. Ты не сделаешь доски из дерева лишь силой своего желания; дерево нужно будет обработать. Если ты строишь дом, кирпичи и доски не улягутся на места по твоему хотению, тебе придется приложить к стройке руки...

Ричард нагнулся поближе к колдунье:

— Да, но именно при помощи человеческого воображения эти конкретные действия не просто становятся возможными, но и реализуются. Строители не направляют фантазию на формы дома или амбара — они делают то, что уже делалось до них, просто потому, что ничего другого не требуется. Поэтому они действуют бездумно и никогда не придумывают ничего нового. Они ограничиваются повторением и оправдываются тем, что то-то и то-то делалось так всегда. Но и магия обычно используется так же — люди, владеющие даром, просто повторяют уже неоднократно использованные приемы или заклинания и верят, будто так и надо, лишь потому, что так делалось всегда.

— Ты пойми, — продолжил он, — прежде чем будет воздвигнут огромный дворец, он сперва возникает в воображении кого-то дерзкого, кто осмелился увидеть его и воплотить. Но ведь дворец не возникнет в мгновение ока, к изумлению мастеров, собравшихся создать амбар. Только сознательное осмысление фантазии может сделать ее реальностью — ведь даже творческое воображение не может нарушить законы природы, определяющие возможность постройки дворца. Напротив, человек, задумавший не только пофантазировать, но и осуществить свое видение, должен глубоко проникнуть в эти законы, ознакомиться с природой тех материалов, которые будут ему нужны для работы. Он должен знать все это лучше, чем мастер, воздвигающий амбары. Иначе дворец попросту рухнет. В общем, тут дело не в желании, выходящем за пределы

законов природы, но в умении нетривиально применять эти самые законы.

Ричард перевел дыхание.

— Я вырос среди лесов, в окрестностях Хартленда, и никогда не видал дворцов. — Он развел руки, как бы показывая, сколько всего он увидел потом, покинув родину. — Пока я не увидел замок в Тамаранге, твердыню Волшебника, дворец Исповедниц в Эйдиндриле и Народный Дворец в Д'Харе, я понятия не имел, что такие здания существуют, что они вообще могут существовать. Они выходили за пределы моего тогдашнего мышления. Но другие-то люди смогли все это выдумать, и они возникли, эти дворцы. Мне кажется, что великие творения существуют еще и затем, чтобы вдохновлять других творцов...

Никки все-таки захватил поток его рассуждений, ей стало по-настоящему интересно.

— То есть ты хочешь сказать, что искусство может применяться и в области магии?

Ричард улыбнулся:

— Никки, ты не могла постичь всю важность жизни, пока я не вырезал ту статуэтку в Алтур-Ранге. Когда отвлеченное понятие обрело зримую форму, ты наконец смогла свести воедино все, чему научилась на протяжении жизни, и уловить скрытое значение. Произведение искусства затронуло твою душу. Вот про это я только что и говорил. Ты прониклась вдохновением, постигла красоту жизни и благородство людей — и захотела освободиться. А ведь прежде тебе и в мысли такое не приходило. И народ Алтур-Ранга также увидел в той статуе то, что может и должно существовать — увидел и возмутился против тирании. И получилось это вовсе не путем копирования известных статуй, не подражанием общепринятым канонам Древнего мира, требующим показывать человека слабым и беспомощным — но благодаря той идее красоты и благородства, которая побудила меня вырезать статую по собственному разумению.

— При этом я изучил свойства камня и узнал, как обрабатывать мрамор, — продолжал он. — Я попросил Виктора сделать для меня новые инструменты, чтобы достичь желаемого результата. И тогда в реальности появилось нечто, чего прежде не существовало. А если

что-то подобное происходит в области магии, то вновь созданные орудия оказываются чрезвычайно действенными именно потому, что они новые, о них никто ничего не знает. Но тогда другая воюющая сторона должна напрячь свои творческие силы, чтобы в свою очередь создать столь же новый магический противовес этим орудиям. Если в старину это удавалось, тогда противники немедленно брались за обдумывание каких-нибудь новых магических ужасов.

Ричард тоже привстал на постели и подтянулся вверх, опершись спиной о скалу и продолжая говорить:

— Сама подумай — если бы маги былых времен черпали знания исключительно из прошлого опыта или из книг, откуда бы брались новые орудия? Если уж на то пошло, где мог обучиться самый первый из магов? Или, быть может, он все-таки использовал свои творческие способности? Ну а если Джеганъ умен и учен, почему бы ему ради достижения собственных целей не придумать что-то новое в магии? Или хотя бы по-новому применить древнюю науку? Один пример нам уже известен — Николас, но могут быть и другие, вовсе невиданные, а служащие ему знатоки магии вполне могут реализовать его сновидения! Они как бы станут каменщиками и плотниками, которые прежде строили дома и амбары, а теперь, по его замыслу, выстроят дворец...

Никки слегка кивнула, взвешивая его слова.

— Знаешь, в твоих словах больше смысла, чем мне сперва показалось. Но подобных рассуждений мне до сих пор слышать не доводилось. Мне еще придется хорошенько подумать. Возможно, ты первый вскрыл суть замыслов Джеганя — или, точнее, смысл творений древних магов. С такой точки зрения объясняется многое из того, что мучило меня много лет.

В словах Никки звучало уважение; она услышала нечто новое для себя, но полностью уловила смысл сказанного. Никто из говоривших прежде с Ричардом о магии не относился к его идеям с таким вниманием. По сути, сейчас она впервые по-настоящему поняла, что он имел в виду.

— Ну, — сказал он, — с творениями Джеганя мне приходилось сталкиваться. Тот же Николас, скажем, доставил нам кучу неприятностей.

Никки попыталась всмотреться в его лицо, но было уже почти совсем темно.

— Ричард, из того, что мне удалось выяснить, — сказала она мягко, — создание Николаса не было конечной целью Джеганя. Николасом он занимался, чтобы поупражняться.

— Поупражняться? — Ричард резко дернул головой и стукнулся о каменную стенку. — Вот уж не сказал бы, Никки. Николас был чудовищем, и над его созданием основательно потрудились. Ты ведь не знаешь всего, что он натворил!

Никки пожала плечами:

— Ты его победил.

Ричард удивленно моргнул:

— Тебя послушать, так он был просто кочкой на дороге! Чушь какая! Говорю тебе, он был жуткой тварью и чуть не убил нас!

Никки медленно покачала головой.

— А я тебе говорю, каким бы чудовищем ни казался Николас, на его создании Джегань не остановился. Ты советовал не недооценивать сноходца — а сам именно это сейчас и делаешь. Он никогда не считал, что Николас сравняется с тобой. Твои слова о творческом воображении очень подходят к этому случаю. Кое-что становится понятно. Из тех немногих сведений, которые мне удалось раздобыть, следует, что первоначально Николас предназначался лишь для подкрепления способностей сестер, исполняющих волю Джеганя. Наблюдая за Николасом, они могли судить, какие в дальнейшем потребовались бы переделки, усовершенствования... Этот эксперимент был важен потому, что число сестер постоянно уменьшается. Правда, пока их еще достаточно, чтобы делать новые опыты.

У Ричарда мурашки поползли по спине, когда до него стал доходить смысл того, что говорила Никки.

— Значит, создавая Николаса, Джегань как бы заставил своих работников строить дом, чтобы потом приступить к постройке чего-то более сложного, вроде дворца?

Никки улыбнулась:

— Совершенно верно, так и есть.

— Но зачем же тогда он поручил Николасу править целой областью, дал ему войска и одновременно велел охотиться за нами?

— А ему так было удобнее. Джегань внушил Николасу стремление поймать тебя — но оно составляло часть назначенного ему испытания. Сноходец вовсе не рассчитывал, что тот сумеет выполнить его запредельные требования. Как бы император ни ненавидел тебя за то, что ты препятствуешь его завоеваниям в Новом мире, сколько бы ни считал тебя недостойным соперником и развратным язычником, заслуживающим лишь смерти, у него хватает ума правильно оценить твои способности. Ты недавно рассказал, как отправил одного из плененных солдат убить Джеганя. Но ты же на самом деле не рассчитывал, что одинокий солдат сумеет подобраться к императору, окруженному многочисленной охраной? А ведь ни на что другое тот солдат не годился, и ты подумал: если есть хоть малейший шанс на успех, пусть пробует — а я пока попробую придумать что-то более надежное. А если бы солдата убили, он всего-навсего получил бы то, что его и так ожидало.

Никки улыбнулась.

— Так вот, Николас и был таким же солдатом. В общем раскладе он не представлял особой ценности для Джеганя, вот он и проверил его в деле. Если бы Николас добился успеха, Джегань выиграл бы — но убив Николаса, ты не повредил императору.

Ричард почесал в затылке. Рассуждения Никки его обескуражили. Он-то попрекал ее неумением увидеть общую картину, а теперь сам оказался близоруким!

— Тогда скажи, — спросил он, — может ли Джегань сотворить кого-то худшего, чем Николас Скользящий?

Неумолчный треск цикад вдруг показался ему назойливым, угрожающим, словно они окружали его, как враги.

— Я думаю, он уже что-то сотворил, — сказала Никки уверенно, подтягивая одеяло к горлу. — Именно с этим его творением и столкнулись в лесу наши люди.

Ричард наклонился к ней совсем близко, чтобы рассмотреть в темноте выражение лица.

— Что ты знаешь об этой твари Джеганя?

— Немногое, — призналась Никки. — Лишь несколько слов, сказанных мне шепотом одной из моих бывших сестер перед тем, как она отправилась в странствие.

— В какое странствие?

— Далеко. В мир мертвых.

Сказав это, она отвернулась, и Ричард не захотел расспрашивать, что же заставило неизвестную женщину отправиться так далеко.

— Ну, и что же она тебе поведала?

Никки с трудом подавила очередной вздох. От усталости голос ее звучал монотонно:

— Джегань использовал для опытов как пленников, так и добровольцев. Среди молодых магов есть немало таких, кто искренне верит, что жертвует собой ради доброго дела. Плачевное заблуждение... — Никки покачала головой. — Та сестра объяснила мне, что Николас стал для его величества лишь первой ступенью в восхождении к истинным и благородным целям. — Никки снова посмотрела на Ричарда, проверяя, слушает ли он. — Она сказала, что Джегань уже вплотную подошел к созданию некого существа, описанного в древних рукописях, но в улучшенном варианте, намного более сильного, убийственного и непобедимого.

Ричарда передернуло:

— Что это существо собою представляет?

— Это зверь. Непобедимый зверь.

Ричард сглотнул, прочищая горло.

— Каковы возможности этого зверя? На что он похож? Тебе удалось выяснить что-нибудь?

Отчего-то он понизил голос, не в силах заставить себя громко произносить это слово — «зверь», как будто мог вызвать его появление из ночной тьмы.

Никки отвела взгляд, пряча собственный страх.

— Соскальзывая в объятия смерти, сестра улыбнулась так, как, наверное, улыбается сам Владетель, получая сразу много душ, и сказала: «Когда Ричард Рал использует свою силу, зверь узнает его. И тогда он найдет Ричарда — и убьет. Жизнь Рала так же кончена, как и моя сейчас!»

Ричард зажмурился.

— Может быть, она сказала что-то еще?

Никки покачала головой.

— В этот момент у нее началась агония. Когда пришла смерть, в комнате потемнело — Владетель выхватил ее душу в уплату за сделки, заключенные ею когда-то...

В убежище повисло тягостное молчание.

— Меня сильно беспокоит вопрос, как тварь сумела найти нас, — добавила Никки после паузы. — Но все же положение наше вряд ли совсем отчаянно. У нас нет убедительных доказательств, что именно эта тварь напала на наших людей. Ведь ты не пользовался своей силой, и у Джеганева зверя не было никакой возможности найти тебя.

Ричард зачем-то принялся осматривать свои сапоги.

— Когда на нас напали, — сказал он негромко, обводя пальцем подметку, — я использовал дар, чтоб отклонять летящие стрелы. И только с последней у меня вышло неудачно.

— Вы ошибаетесь лорд Рал, — вдруг подала голос Кара. — Я думаю, вы отклоняли стрелы силою меча.

— Тебя не было там, откуда же тебе знать! — хмуро возразил Ричард. — Силу меча я направлял на солдат; не мог же я использовать ее еще и на то, чтобы отклонять десятки стрел! На это я пустил свой собственный дар.

Никки внезапно села прямо:

— Тебе удалось призвать свой дар? Как это получилось?

Ричард досадливо пожал плечами. Он и сам желал бы узнать больше о своих способностях.

— Наверное, как всегда — очень нужно было... Я же не знал, как оно потом аукнется.

Она нежно коснулась его руки.

— Не вздумай обвинять себя! Это глупо. Никто ничего не мог заранее предвидеть. А если бы ты не защитился, то уже давно лежал бы мертвый. Ты свою жизнь спасал, а про зверя не знал ничего. Да и вообще, возможно, винить нужно не тебя.

Ричард нахмурился:

— Что ты сказала?

Никки откинулась к стенке.

— Боюсь, это я помогла чудовищу найти нас.

— Ты? Но как?

— Я применила Магию Ущерба, чтобы удалить кровь из твоей грудной клетки и спасти тебя. Та сестра ничего прямо не говорила — но у меня тогда возникло нехорошее ощущение, что эта тварь может быть как-то связана с миром мертвых. Значит, применив Магию Ущерба, я могла, сама того не понимая, сообщить зверю, так сказать, вкус твоей крови.

— Ты все сделала правильно, — сказала Кара. — Сделала единственное, что оставалось. Если бы лорд Рал умер, Джеганъ получил бы дорогой подарок!

Никки кивнула, благодарная Каре за поддержку. Ричард вспомнил, что нужно дышать, и выпустил воздух сквозь зубы.

— Что еще известно об этой твари?

— Ничего существенного, увы. Сестра сказала мне, что Скользящим занимались несколько сестер; они не придавали Николасу большого значения, и все же часть из них умерла, выполняя эту задачу. Если учесть, сколько их уже умерло раньше, скоро Джеганю придется беречь оставшихся. Но покамест он вовсю использует их всех, чтобы добиться своего. Очевидно, создать зверя было значительно труднее, чем Скользящего, — но итог, как мне было сказано, стоил того. Подозреваю, что в ходе работы Джеганъ потребовал обеспечить зверю возможность быстро перемещаться по короткому пути через мир мертвых. Если мы намерены победить эту тварь, нужно разведать о ней побольше — и поскорее, прежде чем она нападет на нас. Судя по тому, что она выделывает с людьми, не думаю, что у нас есть много времени.

Ричард уловил подспудный смысл ее слов: он должен забыть бессмысленные, по ее мнению, мечты о Кэлен и посвятить все свои усилия борьбе с опасным созданием Джеганя.

— Я должен найти Кэлен, — сказал он спокойно и твердо, пресекая дальнейшие уговоры.

— Ты ничего не сможешь сделать, если умрешь, — парировала Никки.

Ричард стащил через голову перевязь и уложил блестящие ножны с Мечом Истины рядом с собою, под каменной стенкой.

— Между прочим, мы даже не уверены, это ли чудовище убило наших ребят или какое-то другое.

— Что-что? — переспросила Никки.

— Смотри: если зверь способен найти меня, когда я применяю дар, почему же он напал не на меня? Да, именно на том месте я пользовался даром — но нападение произошло лишь три дня спустя! Мы предположили, что зверь может распознавать меня, зачем ему уничтожать других людей?

— Может, он чуял, что ты среди них? — предположила Кара.

— Знаешь, Кара, возможно, права, — согласилась Никки.

— Возможно, — сказал Ричард. — Но если он способен улавливать действие моего дара, да к тому же ты познакомила его со вкусом моей крови, мог ли он не заметить, что меня там нет?

Никки пожала плечами.

— Не знаю. Возможно, отголосок твоей силы указал зверю общее направление, но ты прекратил ею пользоваться, и тварь как бы ослепла. Может быть, не найдя тебя, тварь разозлилась до такой степени, что пошла убивать всех подряд. Если верно последнее, тогда я подозреваю, что ей придется подождать, пока ты снова воспользуешься даром — но уж тогда она сразу тебя словит.

— Но тебе сказали, что как только я воспользуюсь даром, зверь меня узнает. Тогда ему незачем ждать следующего раза.

— Разные вещи — знать и найти, — возразила Никки. — Но, зная твои приметы, зверь, вероятно, нуждается только в новом сигнале, чтобы броситься на тебя.

В этом была своя, пугающая логика.

— Значит, хорошо, что я не завишу от моего дара!

— Вы лучше не мешайте нам защищать вас, — вставила Кара. — Я думаю, вам следует остерегаться любых действий, которые даже ненароком могут вынудить вас применить магию.

— Я согласна с Карой, — сказала Никки. — Не уверена, известен ли чудовищу вкус твоей крови — но твой дар точно притягивает его. Сестра не стала бы выдумывать в смертный час. Пока зверь охотится за тобой, а мы не знаем о нем ничего и не можем устранить угрозу, ты не должен пользоваться даром ни под каким предлогом.

Ричард кивнул, соглашаясь, — хотя не знал, возможно ли подобное воздержание. Не умея вызывать дар сознательно, он не

умел также останавливать его произвольные вспышки. Дар возникал сам, в ответ на гнев или острую необходимость, вот и все.

Предложение женщин разумно, но удастся ли последовать ему? Есть и другая опасность: а вдруг тварь уже выследила его и точно знает, где он находится, а людей поубивала из природной кровожадности? Тогда почему бы ей не залечь в лесах, выжидая, а потом подкрасться к их укрытию — пользуясь шумом цикад, заглушающим шаги?

Он умолк, перебирая в мыслях возможности — одну мрачнее другой. Никки снова протянула руку и почти на ощупь, в темноте, прикоснулась к его лбу.

— Ты весь дрожишь от холода, — сказала она, откинувшись назад. — Давай хоть немного отдохнем. От такого состояния недалеко и до лихорадки. Ложись. Мы втроем тут согреемся. Но сперва тебе нужно просушиться.

Кара приподнялась на локте и удивленно спросила:

— Но как ты высушишь его без огня?

Никки отмахнулась и велела:

— А ну-ка, ложитесь вы оба!

Ричард послушно улегся; Кара, поколебавшись, последовала его примеру. Никки склонилась, почти касаясь их, и положила правую руку на голову Ричарда, а левую — на голову Кары. Ричард ощутил покалывание магической силы, но приятное, теплое — не такое, как при лечении раны. Над головою Кары он увидел слабое свечение и подумал, как это удивительно: Никки так доверяет Каре, что использует магию, помогая ей! Обычно применение магии к одной из морд-сит давало им возможность перехватить магическое воздействие и подчинить себе человека, владеющего даром. Еще более удивительным показалось Ричарду то, что Кара доверяет Никки, позволяя применять к себе магию. Морд-сит очень не любили магов.

Никки медленно повела руками вниз, чуть-чуть не касаясь их тел. Когда она остановила руку над сапогами Ричарда, он вдруг обнаружил, что и тело, и одежда его совершенно сухие.

— Ну, как вам это? — спросила Никки.

— Я бы предпочла оставаться мокрой, — сердито фыркнула Кара.

Никки подняла брови дугой:

— Если желаешь, могу устроить!

Кара промолчала и, сложив руки, повернулась на бок. Довольная тем, что Ричарду ее помощь понравилась, Никки немножко позаботилась и о себе: медленно провела обеими руками сверху вниз по платью, как бы отжимая из него влагу. Закончив это действие, она задрожала, зубы у нее застучали от холода — но и она сама, и ее черное платье стали сухими.

Ричарду показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Он снова сел и осторожно взял ее за руку.

— С тобой все в порядке?

— Я просто очень устала, — призналась она. — Несколько дней почти без сна, и это после того, как я вытягивала тебя... А потом все, что сегодня случилось, и наша гонка по лесам... Все это меня сильно задело. Сейчас я лишь слегка воспользовалась магией, и сразу замерзла и осталась без сил. Но если я посплю, все пройдет. А тебе, Ричард, даже если ты сам не чувствуешь, отдых нужен еще больше. Ложись и спи, прошу тебя, сейчас же! Нам легко будет согреться в этой тесноте.

Сухой, но усталый и все еще замерзший, Ричард завернулся в одеяло. Никки прижалась к нему всем телом. Она права: ему требовалось отдохнуть. Просто отдохнуть. Он не сможет прийти на помощь Кэлен, если не восстановит силы.

Кара тут же прижалась к нему с другой стороны, готовая согреть его собственным телом.

Угревшись, он понял, насколько же сильно промерз. Тепло было истинным наслаждением. И все-таки он пока не мог отрешиться от забот.

— Никки, как думаешь, могла эта тварь забрать Кэлен, чтобы добраться до меня? — спросил он, нарушая сонный покой укрытия.

Ответила Никки не сразу.

— Этому порождению тьмы вовсе не нужны такие замысловатые способы, чтобы добраться до тебя, Ричард. Судя по словам той сестры, довольно уже и моих ошибок, и использования твоей силы.

Чувство вины тяжелым камнем легло на душу Ричарда. Если бы не он, все остались бы живы. В горле у него стоял комок. Эх, если бы можно было как-то переделать случившееся, вернуть людей к жизни, возвратить им будущее...

— Лорд Рал! — прошептала Кара. — Я хочу кое в чем признаться, если вы поклянетесь, что никому не расскажете...

Ричард никогда не слыхал от нее подобных речей, но ответил спокойно:

— Хорошо. Что же ты намерена мне поведать?

Она долго молчала и наконец ответила так тихо, что Ричард бы не услышал, не лежи он так близко.

— Мне страшно...

Противореча всем доводам рассудка, Ричард высунул одну руку, обнял ее за плечи и притянул к себе.

— Не бойся. Эта тварь ищет меня, не тебя.

Она приподняла голову и хмуро взглянула на него.

— Потому-то мне и страшно. Посмотрев, что сделал зверь, я боюсь за тебя, боюсь не суметь защитить...

— Ох, вот оно как, — сказал Ричард. — Ну, если тебе от этого станет легче, признаюсь — мне тоже страшно!

Кара опустила голову на его плечо, утешенная теплом крепкой руки. Цокот цикад снаружи не утихал, и отчего-то Ричард чувствовал себя беззащитным, прислушиваясь к нему. Насекомые всего лишь подчинялись закону своей жизни, семнадцатилетний цикл приходил неизбежно, неумолимо, неотвратимо. Так и зверь, созданный Джеганем. Куда спрячешься от такого создания?

— Слушай, — спросила Никки, явно желая развеять слишком тяжелое настроение в укрытии, — где ты познакомился с той женщиной из сна?

Ричард не понял, пытается ли она смягчить вопрос каплей юмора или придает ему саркастический смысл. Не знай он ее так хорошо, мог бы допустить, что ею движет ревность.

Глядя в темноту, он восстановил в памяти тот день.

— Я шел по лесу, искал убийцу отца — то есть Джорджа Сайфера, который меня вырастил и заменил отца. И вдруг углядел Кэлен — она быстро шагала по тропе над берегом Трантского

озера. За нею крались четыре человека — убийцы, подосланные Даркеном Ралом. Они к тому времени уже убили всех остальных Исповедниц. Она теперь — последняя.

— И вы спасли ее? — спросила Кара.

— Я ей помог. Вдвоем мы сумели разделаться с убийцами. Она пробиралась в Вестландию, чтобы отыскать давным-давно пропавшего волшебника. Оказалось, что ищет она Зедда — звание Первого волшебника все еще оставалось за ним, хотя он оставил Срединные Земли и бежал в Вестландию еще до того, как я родился. Я рос, понятия не имея о том, что Зедд — волшебник, да к тому же мой родной дед. Но я считал его своим лучшим другом во всем мире.

Он чувствовал, что Никки смотрит на него; ее тихое, теплое дыхание касалось его щеки.

— Почему она искала этого волшебника?

— Даркен Рал ввел в игру шкатулки Одена. Все боялись этого, как худшего из кошмаров. — Ричард ясно вспомнил, какой страх вызвало у него это известие. — Его нужно было остановить, прежде чем он откроет нужную шкатулку. Кэлен послали отыскать давно потерянного Первого волшебника и просить его назначить Искателя. В тот день, когда я впервые увидел ее у Трантского озера, моя жизнь необратимо изменилась.

— Значит, это была любовь с первого взгляда? — спросила Кара, не дав тишине застояться.

Они развлекали его, пытаясь отвлечь от мыслей об ужасной смерти товарищей и о чудовище, посланном Джеганем, чтобы убить его. А он все думал, не лежат ли где-то в глухом лесном углу растерзанные останки Кэлен. Эта мысль причиняла ему такую боль, что слезы потекли по щекам.

Ричард не стал вытирать их. Но Никки быстрым, ласкающим касанием пальцев осушила его лицо.

— Давайте наконец спать, — сказал он.

Никки повернулась на бок и опустила голову на его руку. Но Ричард никак не мог заставить себя смежить веки, хотя глаза жгло от усталости. Вскоре в темноте послышалось ровное дыхание Кары — она поддалась сну. Никки мягко потерлась щекой о его плечо, устраиваясь поудобнее в тепле, созданном их телами.

— Никки... — прошептал он.

— Что?

— Каким пыткам Джегань подвергает пленных?

Он услышал, как Никки глубоко вздохнула и медленно выдохнула.

— Ричард, я не намерена отвечать на этот вопрос. Уверена, ты и без того знаешь, что Джегань заслуживает, чтобы его убили.

Ричард не мог не задать этот вопрос — но испытал облегчение оттого, что Никки по доброте душевной не стала отвечать на него.

— Когда Зедд вручил мне меч, я сказал ему, что не хочу становиться убийцей. С тех пор я научился различать убийства по их сути и понял, что, убивая злых людей, служу сохранению жизни. Хотел бы я, чтобы изгнать Имперский Орден из Нового мира было так же просто, как убить Джеганя!

— Знал бы ты, сколько раз я жалела, что не убила его, когда имела возможность! Хотя, ты прав, войны бы это не остановило. И я желала бы перестать думать обо всех упущенных случаях, обо всем, что должна была сделать — и не смогла...

Ричард обнял ее и крепко сжал дрожащие плечи. Она понемногу расслабилась. Наконец дыхание ее замедлилось, и она погрузилась в сон.

Ричард тоже закрыл глаза. Еще одна слеза скатилась из-под сомкнутых век. Ему ужасно не хватало Кэлен. Воспоминание о первой встрече не оставляло его. Тогда он увидел Кэлен в гладком белом платье — и лишь позже узнал, что так одеваться дозволялось только Матери-Исповеднице. Оно прекрасно облегало ее тело, подчеркивало благородство осанки. Длинные волосы словно стекали по плечам, окружая ее ореолом в полумраке леса. Он взглянул в ее прекрасные зеленые глаза — ум и мудрость светились в них. Он помнил, как почувствовал с этого мгновения, с первого взгляда, будто знал ее всегда.

Он сказал, что ее преследуют четыре человека. Она спросила: «Ты готов помочь мне?» Он, не задумываясь, ответил: «Да!» И с тех пор ни разу не пожалел, что так ответил. А теперь ей нужна помощь...

Погружаясь в тяжелый сон, он все еще думал о Кэлен.

Глава 9

Энн торопливо подвесила простой жестяной фонарь на крючок снаружи у двери. Сотворив из частицы своего Хань маленький цветок пламени, распустившийся над ладонью, она вошла в небольшую комнату и, слегка подбросив огонек, направила его к фитилю стоявшей на столе свечи. Когда свеча загорелась, женщина закрыла дверь.

Давно уже она не получала сообщений в своем дорожном журнале. Ей не терпелось скорее добраться до него.

Комната была обставлена скудно. Простые беленые стены без окон, небольшой стол и деревянный стул с прямой спинкой — когда его внесли по просьбе Энн, он почти заполнил пространство, не занятое кроватью. Вообще-то комната служила спальней, но отлично исполняла и роль святилища, места, где Энн могла посидеть одна, где могла думать, вспоминать и молиться. Здесь также было удобно пользоваться потаенным дорожным журналом.

На столе ее ждала тарелочка с сыром и нарезанными фруктами. Наверное, это Дженнсен поставила ее сюда, прежде чем пойти с Томом поглазеть на луну.

Из года в год Энн неизменно испытывала теплое чувство, замечая влюбленные взгляды, которыми обменивалась такие парочки. Они всегда считали, что отлично скрывают свои чувства от посторонних. Скажи им кто-нибудь, насколько это для всех очевидно, они, наверно, залились бы смущенным румянцем.

Иногда Энн жалела про себя, что у них с Натаном никогда не было времени пожить вот так, погрузившись в море полной, простой, беззаветной любви. Однако считалось, что аббатисе приличествует скрывать все чувства.

Энн остановилась, задумавшись, где же на самом деле она успела прийти к таким убеждениям. Во времена обучения им никто не внушал на уроках: «Если ты когда-нибудь станешь аббатисой, тебе пристало всегда скрывать свои чувства!» Кроме неодобрения, разумеется. Хорошей аббатисе полагалось одним лишь взглядом вызывать у людей неудержимую дрожь в поджилках. Она не

помнила, где научилась этому, — но, пожалуй, ей всегда удавалось достичь требуемого эффекта.

Возможно, по замыслу Создателя ей было предназначено стать аббатисой, и Он внушил ей черты характера, необходимые для такой работы. Порою ей становилось тоскливо без прежних занятий.

Более того, она никогда не позволяла себе сознательно рассмотреть свои чувства к Натану. Он — пророк. Когда она была аббатисой сестер Света и самодержавно правила во Дворце Пророков, он был ее пленником. Да, положение пророка никогда не называлось столь жесткими словами — но при всех попытках обеспечить мягкость этого заключения суть его не менялась. Издавна существовало убеждение, будто мужчины-пророки слишком опасны, чтобы позволить им свободно жить среди обычных людей.

Держа Натана в заключении с малолетства, сестры отрицали существование свободной воли, считая заранее, что он причинит зло — хотя никто не давал ему даже шанса сделать сознательный выбор. Его объявили виновным, не предоставив возможности совершить преступление. Этого древнего и иррационального убеждения Энн бездумно придерживалась почти всю свою жизнь. Ей не хотелось думать о том, как это характеризует ее саму.

Но теперь они с Натаном оба состарились, жили вместе — сколь бы маловероятным это ни могло показаться в прошлом, — и их отношения нельзя было назвать беззаветной любовью. Ведь она провела большую часть жизни, еле сдерживая раздражение от его выходок и надзирая за тем, чтобы он не мог ускользнуть ни из ошейника, ни из запертых комнат дворца. Тем самым она лишь подстегивала непредсказуемость его поведения — а в ответ он разжигал гнев сестры, отчего в свою очередь его еще больше заносило, и так снова и снова, по кругу.

Хотя пророк способен был учинить всевозможные каверзы — то ли случайно, то ли намеренно, — что-то в нем вызывало у Энн потаенную улыбку. Порою он вел себя как ребенок — ребенок примерно тысячи лет от роду. Ребенок-волшебник. Ребенок, обладающий даром пророчества. А пророку достаточно лишь открыть рот и изречь пророчество в присутствии невежественного люда —

и сразу вспыхнет как минимум мятеж, а то и война. Так, во всяком случае, издавна считалось...

Энн была голодна, но отставила тарелку с сыром и фруктами в сторону. Это могло подождать. Сердце ее сильно билось в предвкушении того, что она найдет в послании Верны.

Энн села и вместе со стулом подвинулась ближе к столу. Достав небольшую книжку с кожаным переплетом, она стала листать страницы, пока заметила записанные строки. В комнате было не только тесно, а еще и темно. Она прищурилась, чтобы лучше разглядеть надпись, потом пришлось подвинуть ближе толстую свечу.

«*Дорогая моя Энн,* — так начиналось послание Верны, — *надеюсь, вы с пророком вполне благополучны. Я помню ваши слова, что Натан способен внести ценный вклад в наше общее дело, но все еще беспокоюсь из-за того, что вы живете с ним рядом. Надеюсь, его содействие не перестало быть полезным с тех пор, как я получила предыдущую весточку от вас. Признаюсь, мне трудно вообразить его послушным без ошейника. Но я полагаюсь на вашу предусмотрительность. Никогда не слыхала, чтобы пророк был вполне искренен — особенно если он улыбается!*»

Энн улыбнулась тоже. Она все прекрасно понимала — но Верна не знала Натана так, как Энн. Он мог иногда причинить больше неприятностей, чем десять мальчишек, принесших лягушек в столовую, и все же, после всего сказанного и сделанного, после стольких столетий общения с пророком, ни с кем больше не было у нее столько общего.

Энн вздохнула и вернулась к чтению.

«*Мы приложили много сил к тому, чтобы не пустить Джеганя через перевалы в Д'Хару,* — писала Верна, — *но справились с этой задачей хорошо. Может, даже слишком хорошо. Аббатиса, если вы прочли это, пожалуйста, ответьте!*»

Энн нахмурилась. Как можно «слишком хорошо» остановить орды грабителей, не дать им пробиться сквозь заслон, убить защитников и поработить свободный народ? Она нетерпеливо придвинула свечу еще ближе. На самом деле ей сильно не терпелось узнать о том, что поделывает Джегань теперь, когда зима прошла и весенняя распутица окончилась.

Сноходец был терпеливым врагом. Его войска набирались далеко на юге, в Древнем мире, и не были привычны к холодным зимам Нового мира. Многие не выдержали суровых условий жизни в зимнем лагере, многих унесли болезни. Но даже несмотря на потери в боях, от болезней и прочих причин, все новые и новые захватчики являлись на север, и войско Джеганя неуклонно увеличивалось. И все же он не позволял себе растрачивать эти огромные силы в бессмысленной и бесполезной зимней кампании.

Конечно, Джегань заботился не о жизнях солдат, а лишь об успешном завоевании Нового мира; поэтому он отправлял войска в поход, когда погода этому не препятствовала. Джегань не любил бесполезного риска. Он просто решительно и неуклонно стирал своих врагов в порошок.

Подмять весь мир под свой сапог — только это имело для него значение, а сколько продлится война, его не интересовало. Мир виделся ему сквозь призму верований Ордена. Жизнь отдельного человека, в том числе и его собственная, не имела ценности; важна была только польза, которую эта жизнь могла принести Ордену.

Судьба Д'харианской империи, противостоящей столь огромному войску в Новом мире, зависела теперь от того, каковы будут дальнейшие действия сноходца. Д'Хара, несомненно, обладала значительными силами, но их явно не хватало даже на то, чтобы остановить напор бесчисленных армий Имперского Ордена, а уж тем более обратить их вспять — до тех пор, пока Ричарду не удастся изменить ход войны.

Пророчество гласило, что Ричард — «камешек в пруду»; тот камешек, от которого расходятся кругами волны, задевая даже самые отдаленные предметы. В пророчестве — во многих текстах, разными словами — говорилось также, что лишь тогда будет у них шанс победить, если Ричард сам поведет их в последнюю битву.

В случае же, если Ричард не возглавит силы свободного мира в этой решительной битве, все будет потеряно — пророчество утверждало это ясно и без разночтений.

Энн потерла кулаком живот, унимая голодное бурчание, и выдернула спрятанное в корешке книжки стило — точно такое же, каким писала Верна.

«Я здесь, Верна, — написала она, — *но аббатиса теперь ты, а мы с пророком давно умерли и похоронены».*

Такая уловка помогла им спасти многие жизни. Порою Энн тосковала по тем временам, когда была аббатисой, скучала по пастве, по сестрам. Она любила многих из них — тех, кто сумел удержаться от соблазна и не стать сестрами Тьмы. Эти же предали не только ее, но и самого Создателя, и жгучая боль от измены не унималась.

И все же, освободившись от давящей ответственности, она получила возможность заняться иной, более важной работой. Хоть ей и жаль было прежнего образа жизни, власти аббатисы и Дворца Пророков, призвание влекло ее к более высокой цели — за пределы четырех стен, в которых ей не давали покоя заботы об управлении обширным хозяйством, сестрами, послушницами и обучение подрастающих магов. Истинным призванием ее было сбережение Света жизни. И для того, чтобы она могла этим заняться, пусть лучше и сестры Света, и все остальные думают, что они с Натаном умерли.

Энн напряглась, когда строчки, написанные рукою Верны, побежали по странице:

«Энн, мне очень радостна встреча с вами, хоть и на страницах этой книжки. Нас осталось так мало... Честно говоря, иногда я жалею, что ушли в прошлое мирные дни в нашем дворце, дни, когда все было намного легче и осмысленнее, и мне лишь казалось, что жизнь трудна. Свет, несомненно, переменился с тех пор, как родился Ричард».

С этим Энн не могла спорить. Она кинула в рот кусочек сыру и, склонившись над книжкой, принялась писать.

«Я молюсь, чтобы порядок и покой вновь установились в мире, и мы могли бы жаловаться только на плохую погоду.

Верна, ты меня смутила. Как понимать, что вы „слишком хорошо" справились с обороной перевалов? Объясни, пожалуйста. С нетерпением жду ответа!»

Энн откинулась на спинку стула и съела ломтик груши, ожидая появления новой записи. Дорожные журналы ее и Верны были близнецами — все, написанное в одном из них, тотчас проявлялось в другом. Журналы были очень древним магическим изобретением — одним из немногих уцелевших из богатств Дворца Пророков.

Слова Верны снова проявились на чистой странице:

«Наши разведчики и следопыты докладывают, что Джеган зашевелился. Не сумев пробиться через перевалы, император разделил свои силы и отправляет часть войск на юг. Генерал Мейфферт уже давно опасался чего-то в этом духе.

Стратегию врага нетрудно разгадать. Джеган, без сомнения, намерен повести большое войско по долине реки Керн и затем на юг, в обход гор. Там ничто не будет препятствовать его продвижению, и он нападет на южные пределы Д'Хары, а затем отправится на север.

Ничего худшего для нас не придумаешь. Мы не можем бросить перевалы без защиты, потому что другая часть его армии засела здесь, выжидая удобного случая. И в то же время не можем позволить Джеганю вторгнуться с юга. Генерал Мейфферт говорит, что нам придется оставить здесь достаточно сил, чтобы они могли отстоять перевалы, пока основная наша сила направится на юг, навстречу захватчикам.

Выбора у нас нет. При таком разделении сил Джеганя Народный Дворец оказывается точно посередине между двумя армиями. Джеган наверняка уже роняет слюнки от такой перспективы.

Энн, боюсь, у меня не хватит времени закончить письмо. По всему лагерю идут поспешные сборы. Только что отдан приказ сворачивать лагерь и выступать на юг. Ну, а мне придется срочно решать, кого из сестер оставить здесь, кого отправить с уходящими. Делить будет трудно — нас осталось так мало! Иногда мне кажется, словно мы с Джеганем состязаемся — у кого уцелеет последняя из сестер...

Страшно подумать, что станется с этими добрыми людьми, если все мы погибнем. Только поэтому я еще живу — иначе с радостью оставила бы этот мир и присоединилась бы к Уоррену в мире духов.

Генерал Мейфферт говорит, что нам нельзя терять ни минуты, и мы должны выйти в путь с первыми проблесками зари. Мне предстоит бессонная ночь сборов и распоряжений: я должна убедиться, что здесь будет достаточно

воинов и сестер для защиты каждого перевала, и проверить сохранность магических щитов. Если северная армия Ордена прорвется здесь, нас всех ждет скорая смерть.

Если у вас нет важных вопросов, требующих немедленного обсуждения, то мне, простите, нужно идти».

Энн зажала рукою рот, чтобы не вскрикнуть. Новости и впрямь были удручающими. Не желая задерживать Верну, она тут же написала:

«Нет, дорогая, у меня — ничего срочного. Ты же знаешь, что для тебя всегда есть место в моем сердце».

Ответ пришел почти мгновенно.

«Сдерживать врага удавалось потому, что перевалы узкие, и численное превосходство Имперского Ордена тут ничего не дает. Я надеюсь, что их и дальше не пропустят. Джеган злится оттого, что не сумел перейти через горы, а нам это дает выигрыш во времени: ему придется пройти с армией далеко на юг и потом обратно к границам Д'Хары, а это даже при хорошей погоде далекий путь для них и более короткий — для нас. Поскольку наибольшая опасность будет там, я ухожу с нашим войском на юг.

Молитесь за нас. Нам предстоит столкнуться с ордами Джеганя на открытой равнине, где он может развернуть все свои силы. Очень высока вероятность того, что, если только обстоятельства не переменятся, у нас не будет шансов уцелеть в таком сражении.

Хочу надеяться, что Ричард успеет исполнить предсказание прежде, чем мы все погибнем».

Сглотнув комок в горле, Энн ответила:

«Верна, верь, я сделаю все от меня зависящее, чтобы такого не случилось. Знай: мы с Натаном посвятили себя задаче выполнения пророчества. Пожалуй, никто, кроме тебя, не поймет в полной мере, как я хотела этого и как трудилась более полутысячи лет. Я не оставлю своих усилий; я сделаю, что смогу, для того, чтобы Ричард сделал то, что может лишь он один. Да пребудет Создатель с тобою и всеми нашими отважными защитниками. Я буду молиться за тебя ежедневно.

Храни веру в Создателя, Верна. Ты теперь — аббатиса. Поддерживай веру в своих соратниках».

Через мгновение по листу побежали слова:

«Спасибо вам, Энн. В походе я буду проверять свой журнал каждый вечер. Новости о Ричарде присылайте мне сразу. Скучаю без вас. Надеюсь, мы еще встретимся в этой жизни».

Энн тщательно выписала последнюю фразу:

«Я тоже скучаю, дитя. Доброго пути!»

Энн оперлась локтями на стол и потерла виски. Новости были невеселые, но и не совсем плохие. Джегань хотел прорваться через перевалы, чтобы быстро закончить войну, но его заставили переменить планы. Теперь ему придется предпринять долгий и утомительный поход. Энн постаралась не думать о плохом исходе событий. Время еще есть. Можно перепробовать множество всяких способов. Обязательно что-нибудь да придумается. Да и Ричард может что-то сделать.

Она не могла позволить себе даже подумать, что зло восторжествует и затмит Свет.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Она прижала руку к тяжело бьющемуся сердцу. Сила Хань не предупредила ее, что за дверью кто-то есть.

— Кто там?

— Энн, это я, Дженнсен, — послышался приглушенный голос.

Энн спрятала перо и засунула журнал за пояс. Отодвинула стул, расправила юбки и глубоко вздохнула, успокаивая сердцебиение.

— Входи, дорогая, — сказала она, открыв дверь, и улыбнулась сестре Ричарда. — Спасибо за угощение. — Она указала рукою на тарелку с фруктами. — Хочешь присоединиться к трапезе?

Дженнсен покачала головой:

— Нет, спасибо. — Лицо девушки, обрамленное вьющимися рыжими локонами, было явно озабоченным. — Энн, меня прислал Натан. Он хочет, чтобы вы пришли, и притом поскорее. Хочет, и все тут. Вы же знаете, как с Натаном бывает, когда он разволнуется: глаза сразу становятся большие и круглые...

— Да-а... — протянула Энн. — Когда он становится таким, жди какой-нибудь каверзы!

Дженнсен заморгала, несколько смущенная:

— Боюсь, вы правы. Хотя он велел мне совершенно определенно найти вас и привести к нему немедленно.

— Натан всегда ожидает, что человек вскрикнет, когда он ущипнет! — Энн жестом предложила молодой женщине указывать путь. — Полагаю, лучше всего уступить ему. Где же наш пророк сейчас?

Дженнсен сняла с крючка фонарь и вышла из маленькой комнаты.

— На кладбище.

Энн шагнула за девушкой и схватила ее за рукав:

— На кладбище? И он хочет, чтобы я тоже пришла туда?

Дженнсен оглянулась через плечо и кивнула.

— Чем же он там занят?

— Когда я его спросила, — ответила Дженнсен опасливо, — он сказал, что выкапывает мертвецов.

Глава 10

Спрятавшись среди ветвей плакучей ивы на поросшем травою склоне над кладбищем, птица-пересмешник издавала пронзительные вопли — видимо, чтобы защитить свою территорию от вторжения чужаков. Обычно эти звуки, хотя они и предназначались для отпугивания других птиц, казались Энн даже приятными — но в мертвой тишине ночи раскатистый свист, треск и уханье неприятно дергали ее нервы. Где-то в отдалении другой пересмешник тоже сыпал угрозами. Даже птицам не дано было жить в мире.

Пробираясь сквозь высокую спутанную траву, Дженнсен подняла фонарь, а другой рукой указала направление:

— Том сказал, что мы можем найти его вон там, внизу.

Взмокшая после долгой быстрой ходьбы, Энн вгляделась в темноту. Она не могла сообразить, что затеял пророк. За время, что она его знала, он никогда не делал ничего подобного. Бывало, он чудил — но совсем в другом духе. Он был уже не молод и, если подумать, должен бы избегать преждевременных визитов на кладбище.

Энн двинулась следом за младшей сестрой Ричарда по склону холма, стараясь не отставать. Казалось, они шли уже половину ночи, и бывшая аббатиса совсем запыхалась. Энн не знала о существовании этого кладбища, затерянного среди необитаемых пустошей. Она жалела, что не прихватила с собой еду, оставленную на тарелке в комнате.

— Ты уверена, что Том еще там?

Дженнсен снова оглянулась через плечо.

— Должен быть. Натан поставил его сторожить.

— Зачем? Прогонять других похитителей скелетов?

— Не знаю, может, и так, — сказала Дженнсен, слегка усмехнувшись.

Энн не очень-то умела смешить людей. Она была мастерицей доводить их до дрожи в коленках — но с юмором у нее дело обстояло неважно. Хотя, пожалуй, кладбище темной ночью было не лучшим местом для шуток. Зато для дрожи в коленках здесь имелись все условия.

— Может быть, Натану просто нужна компания, — предположила Энн.

— Не думаю, что дело в этом. — Дженнсен нашла дыру в ограде, окружающей обитель усопших, и пролезла в нее. — Натан попросил меня привести вас сюда, а Тома — посторожить и обойти все кладбище — наверное, чтобы убедиться, что вокруг нет никого незнакомого.

Натан любил командовать. А чего еще можно ждать от Рала, владеющего магическим даром? Весьма вероятно, все это затеяно лишь затем, чтобы заставить Дженнсен, Тома и Энн суетиться, исполняя его приказы. У пророка имелась склонность к театральным эффектам, а кладбище способствовало созданию драматического настроения.

На самом деле Энн была бы счастлива, если б все свелось к очередной дурацкой выдумке Натана. К сожалению, сосущее ощущение под ложечкой подсказывало ей, что простым и безобидным фарсом сегодня не обойдется.

На протяжении многих столетий их знакомства Натан бывал и скрытным, и обманщиком, порою даже опасным, но никогда он не

преследовал злых целей — хотя это и не всем казалось очевидным. Очень часто во времена своего заключения во Дворце Пророков он испытывал терпение сестер, доводя их до того, что они орали и рвали на себе волосы — но не проявлял ни злобы, ни презрения к обычным людям. Ему была свойственна врожденная ненависть к тирании и почти детская любовь к жизни. Сердце у Натана оставалось добрым при всех его выходках.

Почти с самого начала, несмотря на тяжелые обстоятельства, он стал другом и союзником Энн против Владетеля, стараясь не допустить его к власти в мире живых и не давая слугам зла чинить произвол. Он много сделал, чтобы остановить продвижение Джеганя. А главное — именно он первым показал ей предсказание о Ричарде за пять столетий до того, как мальчик появился на свет.

Энн поймала себя на том, что предпочла бы находиться в менее темном месте — и уж точно не на кладбище. И чтобы у Дженнсен были ноги покороче и меньше прыти.

Вдруг до Энн дошло, зачем Натан захотел, чтобы Том посторожил и «убедился, что вокруг нет никого незнакомого», как выразилась Дженнсен. Местные жители, люди Бандакара, как и Дженнсен, от природы не имели даже крупицы магии. Они были лишены той бесконечно малой искры дара Создателя, которой обладали остальные люди в мире. Все, кроме них, знали о реальности и природе магии. Но для бандакарцев магия не существовала.

Отсутствие этого врожденного, стихийного зерна дара приводило не только к тому, что эти люди были нечувствительны к воздействию магии; взаимодействовать с тем, что для них не существовало, они не могли — и тем самым становились невидимыми для магической силы.

Это качество передавалось потомству, даже если дара был лишен только один из родителей. Ради сохранения магических способностей у рода человеческого таких людей в старину изгоняли из общества. Решение, бесспорно, жестокое — но благодаря ему дар сохранился, а иначе магия давным-давно прекратила бы существование.

Поскольку пророчества основаны на магии, люди, лишенные дара, ускользали также и от взгляда предсказателей. Ни в одной из

книг ни слова не говорилось о них, о будущем человечества и магии после того, как Ричард нашел этот народ и покончил с его изоляцией. Что теперь будет, неоткуда было узнать.

Энн полагала, что Ричард не мог бы поступить иначе. Свою связь с пророчеством он воспринимал без восторга. Что бы там про него ни говорилось, Ричард то и дело отказывался считаться с предопределением. Он верил в свободную волю. Смутно представляя себе понятие детерминизма, он не желал ознакомиться с ним поглубже.

Все сущее в мире, и особенно в мире магии, должно находиться в равновесии. В этом смысле своеволие Ричарда служило противовесом пророчеству. Он был стержнем целого водоворота сил. Касаясь Ричарда, пророчество пыталось предсказать непредсказуемое. И все же это следовало пытаться сделать.

Хуже всего было то, что свободная воля Ричарда делала его темной картой в раскладе даже тех пророчеств, которые касались его лично. Он представлял собою хаос среди расчисленных путей, беспорядок среди системы устойчивых связей. Он был прихотлив и непредсказуем, как молния. Но все же он прислушивался к истине и руководствовался разумом, а не капризами или случайностями, и вдобавок не был склонен к произволу. Каким образом ему удавалось вносить хаос в пророчества и в то же время вести себя разумно, было для Энн загадкой.

Бывшая аббатиса очень беспокоилась о Ричарде, потому что такие противоречия в личности владеющего даром могли привести к безумию. А человек в таком состоянии не способен возглавить силы Света...

Но все эти соображения относились к области чистой науки. Важнее всего сейчас, не теряя времени, удостовериться, что он ступил на путь, предначертанный пророчествами, и проследить, чтобы он не уклонился от своей судьбы. Если они опоздают, если он подведет, тогда все будет потеряно.

Сообщение Верны маячило в глубине сознания Энн, словно тень смерти.

Том, заметив издали свет их фонаря, бросился навстречу, приминая высокую траву.

— А, вот и вы, Энн! — воскликнул он, выскочив из темноты. — Натан будет счастлив, что вы наконец прибыли. Пойдемте, я покажу, куда идти!

Ей хватило даже беглого взгляда в слабом желтоватом свете фонаря, чтобы заметить неподдельную тревогу на лице Тома.

Рослый д'харианец повел их между рядами округлых могильных холмиков, обведенных кругами из камней. Наверное, эти могилы были поновее прочих, потому что дальше, насколько могла видеть Энн, не было ничего, кроме высокой травы, скрывшей и камни, и сглаженные временем холмики. В одном месте виднелись небольшие гранитные надгробия, сильно выветренные — видимо, самые древние. От тех могил, которые когда-то были отмечены только досками с вырезанными на них именами, не осталось вообще ничего, и большая часть кладбища выглядела просто как зеленый луг.

— Ты не знаешь, что это за здоровенные насекомые — те, что так шумят? — спросила Дженнсен у Тома.

— Точно не скажу, — отозвался Том. — Никогда прежде таких не встречал. Они вдруг взялись откуда-то все сразу...

— Это цикады, — просветила их Энн, улыбнувшись про себя.

— Что-что? — переспросила Дженнсен, нахмурившись.

— Цикады. О них вам неоткуда было узнать. Когда они последний раз выводились, ты, наверное, была еще младенцем и ничего не могла запомнить. Жизненный цикл этих цикад, так называемых «красноглазок», — семнадцать лет.

— Семнадцать лет! — удивилась Дженнсен. — Вы хотите сказать, что они появляются один раз в семнадцать лет?

— Да, неукоснительно. После того, как самки спарятся с этими шумными молодцами, они отложат яйца на тонких веточках деревьев. Когда личинки выведутся, они упадут с деревьев и зароются в почву, чтобы появиться лишь спустя семнадцать лет и прожить свою короткую взрослую жизнь.

Дженнсен и Том, бормоча что-то в большом удивлении, без остановки шли дальше по кладбищу. Энн почти ничего не видела, кроме огонька, мерцающего в фонаре Дженнсен, да темных силуэтов деревьев, чьи ветви покачивались в такт легкому дыханию влажного ветерка. Хоры цикад гремели в темноте, не умолкая ни

на минуту. Энн попробовала при помощи Хань проверить, нет ли поблизости еще кого-нибудь, но не обнаружила ни единой живой души, кроме Тома и где-то на расстоянии еще одного человека — наверное, Натана. Дженнсен, лишенную дара, при помощи Хань она обнаружить не могла.

У Ричарда и Дженнсен был общий отец — Даркен Рал. Рождение лишенных дара потомков — таких, как Дженнсен, — было непредсказуемым и случайным побочным эффектом той магической сущности, к которой принадлежали все носители дара из дома Ралов. В древности, когда такие случаи участились, неодаренных отпрысков этой семьи, как и прочих подобных, отправляли в край забвения — Бандакар. Но впоследствии всех детей лорда Рала, лишенных дара, стали просто предавать смерти.

В отличие от всех прежних владык из дома Рал, Ричард обрадовался, обнаружив, что у него имеется сестренка. Он ни за что не допустил бы ее убийства — более того, он счел, что ни ей, ни другим лишенным дара нельзя запрещать жить, где вздумается.

Хотя Энн уже долго жила среди этих людей, она все еще не привыкла к их особенностям и ориентировалась с трудом. Даже когда кто-то из них стоял прямо перед нею, чувства Энн уверяли ее, что там никого нет. Это была своего рода слепота, и она вызывала мучительное ощущение потери врожденной способности, которая, казалось бы, не должна была исчезнуть никогда.

Дженнсен приходилось широко шагать, чтобы не отставать от Тома, а Энн и вовсе перешла на рысцу.

Наконец они приблизились к небольшому бугорку, на котором вырисовывался из темноты каменный памятник. Свет фонаря упал на одну сторону прямоугольного основания, высотою чуть больше Энн, но ниже Дженнсен. Грубый камень был весь изъеден временем и непогодами; если его когда-либо полировали, от этого не сохранилось и следа, но в квадратных углублениях на боковых сторонах еще уцелела вычурная каменная резьба. Свет падал на потемневшую, выщербленную поверхность, покрытую пятнами желтовато-зеленого лишайника. Внушительное основание венчала вырезанная из камня урна со свисающими сбоку побегами виноградной лозы. Виноград был любимым лакомством Натана.

Том обошел вокруг памятника, и Энн с изумлением обнаружила, что один из прямоугольных блоков выступает из ряда. Из-под него сочился слабый свет.

Оказалось, что весь памятник был сдвинут в сторону, а там, где прежде находилось его основание, виднелись крутые каменные ступени, уводящие под землю — туда, где мерцал источник света.

Том многозначительно покосился на ступеньки:

— Он там, внизу.

Дженнсен слегка наклонилась и заглянула в глубину:

— Натан внизу? Под этими ступеньками?

— Боюсь, что да, — вздохнул Том.

— А что это за место? — спросила Энн.

Том виновато пожал плечами:

— Понятия не имею. Я даже не знал, что тут такое есть, пока Натан не указал мне, где искать. Он велел направить вас к нему, как только вы появитесь. Сильно настаивал. При этом он не хочет, чтобы кто-нибудь еще узнал про это открытие. Стой, говорит, и следи, отгоняй, если кто-то сюда заявится. Хотя, честно, я не думаю, чтобы сюда и днем люди ходили, а уж тем более ночью. Жители Бандакара не особо любят приключения.

— Чего не скажешь о Натане... — пробормотала Энн и, погладив мускулистую руку Тома, добавила: — Спасибо тебе, мой мальчик. Сделай все, как сказал Натан, покарауль, а я спущусь и погляжу, что происходит.

— Я с вами, — сказала Дженнсен.

Глава 11

Холодея от тревожного любопытства, Энн двинулась вниз по пыльным ступенькам. Дженнсен шла за нею по пятам. От первой площадки лестница повернула направо. Второй пролет, третий — на четвертом снова поворот налево. Пыльные каменные стены сходились все ближе, потолок нависал низко, даже для Энн; Дженнсен уже приходилось пригибаться. У Энн возникло неприятное чувство, будто заплесневелая пасть заглатывает ее, и она вот-вот окажется в чреве кладбища.

Лестница кончилась, и Энн застыла, не веря своим глазам. Дженнсен за ее спиной тихонько присвистнула. Перед ними был не подвал, не склеп, но чрезвычайно странное, ни на что не похожее помещение. Каменные стены, наклоненные под разными углами, располагались зигзагами, каждая была оформлена по-своему, независимо от других; часть поверхности стен была даже оштукатурена. Ряд выступающих углов тянулся вдаль, и этот длинный зал казался следом от проползшей под землей змеи.

Все в целом производило странное и малоприятное впечатление хорошо рассчитанного беспорядка. Тут и там темные ниши в оштукатуренных стенах были отмечены странными символами или обведены каймой выцветшего орнамента, кое-где краска давно осыпалась. Встречались и целые слова — но они слишком поблекли и без специальной реставрации не читались. В нескольких местах углы были заставлены книжными полками и древними столами, сплошь покрытыми пылью.

Пыль скопилась даже на неподвижно застывших полотнищах паутины. Они свисали где попало, будто забытые мастером драпировки. Несколько горящих свеч торчали на столах и даже в пустых нишах — но свет рассеивался, придавая всей картине потусторонний оттенок. Казалось, будто мертвые, покоящиеся над головою Энн, вот-вот соберутся здесь, чтобы обсудить вопросы, важные лишь для них, и приветствовать новоприбывших членов их вечного ордена.

Сквозь прозрачные занавеси паутины виднелись четыре массивных стола, сдвинутых вместе. За ними стоял Натан, окруженный беспорядочно нагроможденными высокими стопками книг. Они занимали все четыре стола.

— Ага, вот и вы! — вскричал Натан, выглядывая из-за своей книжной крепости.

Энн искоса взглянула на Дженнсен.

— Я тут прежде не была, — сказала девушка, отвечая на вопрос, так и не слетевший с языка Энн. Блики свечного пламени плясали в ее голубых глазах. — Я и не подозревала вообще, что такое место существует.

Энн снова огляделась.

— Сомневаюсь, чтобы за последние несколько тысяч лет хоть кто-то об этом подозревал. Но вот как *он* ухитрился найти его?

Натан резко захлопнул книгу и положил на стопку позади себя. Прямые белоснежные волосы взвились над широкими плечами, когда он повернулся к ним. Темно-синие глаза из-под нависших бровей уставились на Энн.

Она уловила невысказанный смысл в его взгляде и обратилась к Дженнсен:

— Не лучше ли тебе, дорогая, подняться наверх и побыть с Томом? Стоять на часах в кладбищенской обстановке в одиночку неприятно!

Лицо Дженнсен выказало разочарование — но она, кажется, поняла, что им нужно заняться делом вдвоем.

— Хорошо, — улыбнулась она. — Побуду наверху. Если понадоблюсь, зовите!

Выждав, пока отзвуки шагов Дженнсен по каменным ступеням отдалились и стали еле слышны, Энн пробралась сквозь заслоны паутины и шепотом спросила:

— Натан, ради Создателя, скажи, что это такое?

— Здесь незачем шептать, — отозвался он. — Видишь, как стены развернуты под разными углами? Они гасят эхо.

Энн с удивлением обнаружила, что он прав. Обычно эхо в каменных помещениях сильно мешает разговору. Однако здесь, в змееобразном зале, царило мертвое безмолвие.

— Форма этого зала кажется мне странно знакомой...

— Заклинание сокрытия, — небрежно сказал пророк.

— Что? — нахмурилась Энн.

— Расположение частей этого помещения соответствует словам заклинания сокрытия. — Заметив ее недоумевающий взгляд, он раскинул руки в стороны. — Речь идет не об общем плане подземелья, не о сочетании комнат, залов и коридоров — как в Народном Дворце. Заклинание вплетено в линию стен, как если бы его сперва начертили огромными буквами на земле, возвели по этим линиям стены, а потом уж обустроили все остальное. Стены по всей протяженности одинаковой толщины — то есть наружная их сторона также повторяет форму заклинания, что дополнительно

усиливает его воздействие. Хитро придумано, ничего не скажешь. Чтобы такое заклинание сработало, оно должно быть начертано кровью, и притом человеческими костями. Вот уж этого добра здесь достаточно под рукой!

— Кто-то, несомненно, затратил огромные усилия, — сказала Энн, снова оценив размеры подземелья. Теперь она различила некоторые линии и сочетания углов. — Для чего же это служило?

— Мне самому хотелось бы об этом узнать, — признался он со вздохом. — Я не знаю, предполагалось ли навсегда похоронить эти книги вместе с мертвецами или просто спрятать их, а может быть, преследовалась какая-то вовсе неведомая цель. — Натан призывно взмахнул рукой. — Иди сюда. Позволь показать тебе кое-что.

Энн пошла за ним; миновав несколько зигзагов и поворотов, пройдя мимо полок, уставленных пыльными книгами, они остановились возле ряда ниш трех футов высотой.

— Смотри сюда! — Натан указал длинным пальцем вниз, на одно из низких арочных отверстий в стене.

Энн пригнулась и заглянула внутрь. Там лежали человеческие останки.

От тела не осталось ничего, кроме костей, едва прикрытых обрывками одежды. Кожаный пояс охватывал талию, к нему крепилась перевязь, переброшенная через плечо. Руки скелета были сложены на груди. Вокруг шеи обвились золотые цепи. С одной из цепочек свисал медальон. По тому, как он блестел, отражая свет, Энн догадалась, что Натан, видимо, приподнимал его, чтобы рассмотреть, и пальцами стер пыль.

— Ты можешь предположить, кто это был? — спросила она, выпрямившись и сложив руки на животе.

Натан наклонился к ней:

— Я полагаю, он был пророком.

— Ты, кажется, говорил, что шептать незачем?

Он вскинул бровь и выпрямился во весь свой немалый рост.

— Здесь погребено еще много других людей. — Он взмахом руки указал в темноту. — Вон там.

Энн подумала: могли ли все они быть пророками?

— А книги?

Натан снова нагнулся и снова прошептал:

— Пророчества.

Она нахмурилась и оглянулась.

— Пророчества? Ты хочешь сказать — это все, все эти книги — пророчества?

— По большей части.

Волнение вскипело в ее душе. Книги пророчеств бесценны. Они — редчайшие сокровища. Такие книги могут послужить руководством, дать ответы на важные вопросы, заполнить пробелы в их знаниях, избавляя от лишних усилий. Сейчас эти ответы нужнее, чем когда-либо прежде. Нужно узнать как можно больше о решающей битве, которую Ричарду предстояло возглавить.

До сих пор они не сумели определить, когда настанет срок этой битвы. Туманные пророчества можно было трактовать и так, что до битвы оставалось еще много лет — возможно, она произойдет тогда, когда Ричард уже состарится. За последние несколько лет им пришлось преодолеть немалые трудности, и теперь оставалось лишь надеяться, что времени еще достаточно и они успеют приготовиться. Новые пророчества могли пригодиться для этой подготовки.

Подвалы Дворца Пророков когда-то заполняли тысячи томов пророчеств — но все они погибли вместе с дворцом, были уничтожены, чтобы не достались императору Джеганю. Нельзя было позволить злу коснуться их страниц — хотя бы и такой ценой.

Но об этом подземелье никто не знал. Заклинание сокрытия хранило его. Открывались такие возможности, что у Энн закружилась голова.

— Натан... Это замечательно!

Она обернулась и взглянула на пророка. Он смотрел на нее так, что ей стало не по себе. Она положила руку ему на плечо:

— Натан, здесь их больше, чем где бы то ни было! На такое я и надеяться не могла!

— Их не просто много, — сказал он таинственно и, зашагав в обратную сторону, вдруг добавил с угрюмым взмахом руки: — Здесь есть книги, заставляющие меня сомневаться в здравости своего рассудка.

— Наконец-то даже ты дошел до этой мысли! — подколола его Энн.

Он остановился и, обернувшись, прожег ее взглядом:

— Здесь не до шуток!

Энн почувствовала, что покрывается гусиной кожей.

— Хорошо, тогда покажи мне их, — сказала она уже вполне серьезно. — Что же ты нашел?

Натан потряс головой, словно отгоняя мгновенную вспышку дурного настроения. Но когда он протиснулся между столами, сдвинутыми квадратом, его обычное цветистое красноречие не вернулось; было видно, что ему приходится сдерживаться.

— Я пока ни в чем не уверен, — буркнул он. — Я тут сортировал книги...

Энн хотелось подстегнуть его, скорее добраться до сути дела — но она знала, что Натана в таком настроении лучше не трогать и дать ему возможность объяснить все по-своему, особенно когда речь шла о магических исследованиях.

— Сортировал?

Он кивнул.

— Вот в этой стопке никакой реальной пользы для нас нет. Либо пророчества давно устарели, либо касаются несущественных предметов, либо же записи сделаны на неизвестных языках — ну и так далее... — Он повернулся и хлопнул рукою по другой стопке, подняв облако пыли. — А все эти книги были и у нас во дворце. — Он очертил круг над высокими кипами книг у себя за спиной. — И эти тоже. Весь стол.

Расширенными от удивления глазами Энн взглянула на полки и ниши, тянущиеся вдоль стен странной залы.

— Но там намного больше книг, чем на столах! Это лишь малая доля!

— Разумеется. Я не успел даже заглянуть в них. Хотел сперва дождаться, пока Том приведет тебя. Того, что я уже открыл, пока достаточно. Тут есть что почитать. Я вытаскивал книги по одной, просматривал и раскладывал на столах.

Энн подумала: сколько знаний из этих книг еще можно применить, могут ли они пригодиться после тысячелетнего лежания под

землей? Ей случалось и прежде находить книги, пострадавшие от времени и стихий, особенно от плесени и воды. Она внимательно осмотрела стены и потолок, но не увидела следов просочившейся влаги.

— Судя по виду, эти книги вовсе не пострадали от сырости; — произнесла она. — Разве может быть так сухо в подземелье? Обычно вода рано или поздно просачивается сквозь стыки между камнями. Здесь все должно было отсыреть и заплесневеть. Между тем книги выглядят совершенно целыми!

— «Выглядят» в данном случае есть самое значимое слово, — пробормотал Натан еле слышно.

— О чем ты? — обернувшись к нему, нахмурилась она.

Он раздраженно махнул рукой.

— Минуточку внимания! Представь себе: швы на потолке и стенах обработаны свинцом, и воде сюда ходу нет. Кроме того, все подземелье прикрыто магическим щитом для дополнительной защиты. И вход также был защищен.

— Но жители Бандакара не знают магии, а земля их была закрыта для пришельцев из других стран. Зачем здесь защищаться магией от кого бы то ни было?

— Однако запрет с их земли был в конце концов снят, — напомнил Натан.

— Да, верно. — Энн похлопала пальцем по подбородку. — Интересно, кто и зачем создал это место?

— Сейчас это не столь важно, — пожал плечами Натан. — Хотя мне тоже любопытно... — Он щелкнул пальцами, словно отсекая тему. — Важен сам факт, что это было сделано. Тот, кто вздумал прятать книги, хотел, чтобы они оставались здесь скрытыми и невредимыми — и для этого проделал немалую работу. Здешним людям, лишенным дара, магические щиты не помешали бы войти, но тяжелый каменный памятник стал для них достаточным препятствием сам по себе. Но главное — они вообще не вздумали бы сдвигать его с места, поскольку не имели никаких оснований полагать, что под ним что-то есть. И с чего бы им такое заподозрить? Подземелье явно никто не тревожил уже много лет, а значит, никто так и не догадался о его существовании. Поэтому я уверен, что

магические щиты были установлены в предвидении появления в Бандакаре чужаков, захватчиков вроде людей Джеганя.

— Пожалуй, это разумно, — пробормотала она, подумав. — Не имея прямых указаний на то, что Бандакар перестанет когда-то быть запретным, кто-то установил щиты просто из предосторожности.

— Или на основании пророчества, — добавил Натан.

— Да, наверное, — тут же согласилась Энн. Для того, чтобы взломать подобные щиты, потребовался бы волшебник уровня Натана. Даже Энн в некоторых случаях не хватало сил. Она знала также, что в древние времена иногда ставились щиты, которые снимались лишь с помощью Магии Ущерба.

— Впрочем, возможно, что книги спрятали здесь просто затем, чтобы сберечь столь ценные сочинения — на случай, если что-то случится с другими их экземплярами.

— Ради этого предпринимать подобные труды? Ты действительно так думаешь? — спросила она.

— Вспомни: все книги во Дворце Пророков пропали, ведь так? Книги пророчеств всегда подвергаются риску. Одни погибли, другие попали в руки врага или попросту исчезли. Укрытия вроде этого служат для сохранения дубликатов — особенно если какое-то пророчество указывает на такую необходимость.

— Пожалуй, ты прав. Я слыхала о редких находках пророчеств, которые прятали для большей сохранности или подальше от глаз непосвященных. — Она покачала головой, не отрывая взгляда от бесчисленных сокровищ. — Но про столь богатые находки мне прежде не приходилось слышать.

Натан подал ей книгу в старинном кожаном переплете, некогда красном, а теперь выцветшем почти до коричневого. И все же в ней было что-то очень знакомое, вплоть до тусклого золотого тиснения на корешке. Энн приподняла обложку и взглянула на титульный лист.

— Ого! «Глендхиллская Книга по Теории Отклонений»! Как приятно снова взять ее в руки! — Она закрыла книгу и прижала к груди. — Будто встретила старого друга, воскресшего из мертвых!

Это было одно из ее любимейших пособий по разветвленным предсказаниям. Поскольку этот основополагающий труд содер-

жал ценные сведения о Ричарде, она изучила его и так часто ссылалась на него на протяжении столетий, ожидая, когда предсказанный мальчик родится, что практически знала наизусть. Она страшно расстроилась, когда пришлось уничтожить его вместе со всеми остальными книгами из хранилищ Дворца Пророков. Там было еще очень много полезных сведений о возможностях дальнейшего развития событий...

Натан выдернул из стопки еще одни томик и повертел им перед ее глазами, вскинув брови:

— «Книга Обратных Преобразований и Двойной Спирали»!

— Нет! — Она вырвала книжку из его рук. — Не может быть!

Никто не знал наверняка, существовало ли вообще это таинственное сочинение. Энн сама охотилась за ним по просьбе Натана всюду, куда ее заносили странствия. Она и сестрам поручала искать его. То и дело возникали какие-то указания — но все они заводили поиски в тупик.

Она вскинула глаза на пророка.

— Неужели это правда? Ведь многие авторы отрицают существование этой книги!

— А другие называют безвозвратно утерянной. Я немножко полистал ее — судя по разветвлениям пророчеств, с которыми согласуется текст, это может быть только оригинал или же очень точно выполненная копия. Для дальнейших суждений нужно прочесть ее всю — но из того, что я уже увидел, можно сделать вывод, что текст подлинный. Да и какой смысл прятать подделку? Подделки изготовляют для того, чтобы обменять их на золото.

С этим трудно было спорить.

— И все это время она лежала здесь — погребенная под костями...

— В компании огромного множества других творений — вероятно, не менее ценных.

Энн в который раз обвела взглядом ряды книг и прищелкнула языком:

— Натан, ты открыл сокровище. Сокровище неоценимое, бесценное!

Ее переполняло чувство благоговения, граничащего с испугом.

— Возможно, — сказал он. Встретив ее озадаченный взгляд, он снял увесистый том с другой стопки. — Ты, наверное, не поверишь, что это. Вот. Открой и прочти заглавие сама!

Энн неохотно отложила «Книгу Обратных Пребразований и Двойной Спирали» и взяла у Натана из рук тяжелый том. Положив его на стол, она склонилась ниже и очень осторожно откинула обложку. Тут же, изумленно заморгав, она выпрямилась и уставилась на пророка:

— «Седьмая Задача Селлерона»! — выдохнула она. — Но я думала, что у нее был только один экземпляр, и тот погиб!

Натан приподнял уголок рта в иронической усмешке и взял другую книгу.

—Это «Двенадцать Оброненных Слов». Я нашел также список «Близнеца Горы». — Он ткнул пальцем в высокую стопку. — Где-то там!

Энн пришлось сделать усилие, чтобы заговорить:

— А я думала, мы потеряли их навсегда...

Натан, странно улыбаясь, наблюдал за нею. Она схватила его за руку.

— Неужели нам повезло, и здесь есть копии?

Натан кивнул, подтверждая ее догадку. Улыбка его угасла.

— Энн, — сказал он, подавая ей «Двенадцать Оброненных Слов», — взгляни на это и скажи мне, что ты думаешь.

Озадаченная угрюмым выражением его лица, она уложила книгу на свободном уголке стола и принялась бережно листать страницы. Чернила немного выцвели — но не больше, чем в любой книге такого возраста. При такой древности текст был в хорошем состоянии и вполне читабелен.

«Двенадцать Оброненных Слов» содержали двенадцать основных пророчеств и ряд подчиненных им разветвлений. Сами по себе двенадцать основных пророчеств были не столь важны — но их следствия, если правильно сочетать их друг с другом, связывали реальные события с содержанием многих других пророчеств, которые иначе невозможно было расположить хронологически. Эти следствия определяли, как соединены между собою стволы и ветви дерева пророчеств; именно поэтому книгу считали столь ценной.

Хронология зачастую доставляла много затруднений тем, кто работал с пророчествами. Невозможно было определить, сбудется ли такое-то пророчество завтра или через сто лет. События в мире шли непрерывной чередой. Привязать пророчество к определенному моменту времени бывало очень важно не только затем, чтобы знать, когда оно осуществится. То, что могло иметь чрезвычайное значение в один год, могло оказаться лишь второстепенным и незначительным событием на следующий год. Не зная, к какому году привязано пророчество, невозможно было судить, предвещает ли оно опасность либо же является просто примечательным фактом.

Большинство пророков, составляя свои предсказания, предоставляли потомкам определять их место в потоке событий реального мира. Среди знатоков не было единого мнения насчет того, делалось ли это сознательно, по небрежности, или потому, что пророк, погруженный в созерцание своих видений, не задумывался, насколько важно и сложно будет позднее привязать их к определенному времени. Наблюдая за Натаном, Энн часто замечала, что для самого пророка предсказание было настолько отчетливо и ясно, что он просто не осознавал, до чего трудно будет другим прочесть его и поставить на надлежащее место в головоломке жизни.

— А вот теперь погоди, — сказал Натан, когда она перевернула несколько страниц. — Вернись на страницу назад!

Энн исподлобья взглянула на него и пролистала книгу в обратном порядке.

— Вот здесь, — сказал Натан, ткнув пальцем в страницу. — Посмотри. Видишь, тут недостает нескольких строчек?

Энн смотрела на маленький пробел в тексте, не понимая, что в нем особенного. В манускриптах часто оставались пробелы по самым разным причинам.

— Ну и что?

Вместо ответа он взмахнул рукой, побуждая ее листать дальше. Когда на очередной странице показался еще один пробел, Натан похлопал по нему, привлекая ее внимание, а потом снова велел продолжать.

Энн заметила, что пробелы стали попадаться чаще, и наконец появились целые пустые страницы. Однако и в этом не было ничего

особенного. Существовало немало книг, которые обрывались на середине. Считалось, что это происходило, когда пророк, работавший над книгой, умирал, а преемники не решались вмешиваться в ход его рассуждений либо предпочитали заниматься теми ответвлениями пророчеств, которые больше всего их интересовали или же казались более важными.

— «Двенадцать Оброненных Слов» — одна из немногих книг, содержащих хронологию, — негромко напомнил ей Натан.

Конечно же, она знала об этом ценном качестве книги. Однако зачем пророк решил подчеркнуть его?

— Ладно, признаю, это странно, — сказала Энн со вздохом, дойдя до конца. — Что ты хотел мне сказать?

И снова вместо ответа он вручил ей еще одну книгу.

— «Ветвление от Беркеттового Корня». Взгляни.

Энн перелистала и эту бесценную находку, уже готовая увидеть нечто из ряда вон выходящее. Однако нашла она лишь три пустые страницы, за которыми следовали новые пророчества.

Игра, затеянная Натаном, уже начала раздражать ее.

— Что, по-твоему, я должна увидеть?

Натан ответил не сразу, и в голосе его зазвучали такие ноты, что Энн пробрала дрожь.

— Энн, эта книга была у нас в хранилище.

Она все еще не улавливала, что его так волнует.

— Конечно, была, я хорошо ее помню.

— В нашем экземпляре не было пустых страниц.

Она нахмурилась и вернулась к книге. Пролистав ее снова, Энн обнаружила большой пробел.

— Ладно, — сказала она, изучив место, где кончалось одно из пророчеств, а после пустых страниц начиналось изложение совершенно другого ответвления. — Я допускаю, что переписчик этого экземпляра по какой-то причине решил не включать часть текста. Быть может, он определил, что это ответвление ведет в тупик, и не захотел выводить сухую ветвь дерева, а просто отсек ее. Такое случается. Однако, не желая обманывать читателей, переписчик оставил пустое место там, где она располагалась.

Синие глаза пророка упорно смотрели на нее. Энн почувствовала, что между лопатками у нее течет пот.

— Посмотри теперь на «Глендхиллскую Книгу по Теории Отклонений», — сказал он тихо, не отводя взгляда.

Энн с трудом заставила себя взяться за любимую книгу и пролистала ее намного быстрее, чем предыдущие.

И здесь были пустые страницы, притом гораздо больше.

Она пожала плечами:

— Не слишком точная копия, сказала бы я.

Натан нетерпеливо протянул длинную руку и перекинул страницы к титульному листу. Там, над заглавием, виднелась подпись автора — маленький значок, все еще поблескивающий — магическая сила, вложенная в него автором, до сих пор не рассеялась

— Создатель милостивый! — прошептала Энн, холодея. — Это не копия! Оригинал...

— Вот именно. А если помнишь, как раз у нас в хранилище лежала копия.

— Да, помню.

Она не возражала против приобретения копий. Книги не теряли ценности, когда их копировали. Копии проверялись и сопоставлялись с оригиналом уважаемыми учеными, которые ставили на книгах свои знаки, удостоверяющие точность копирования. Главное в книгах пророчеств — это содержание, чьей бы рукою оно ни записывалось, и гоняться за оригиналами было вовсе не обязательно.

И все же увидеть оригинал книги, которую она так любила, было очень радостно. С волнением Энн подумала, что на этих листах пергамента остались следы рук того пророка, которому были ниспосланы столь знаменательные видения.

— Натан, знаешь... Это огромное удовольствие для меня. Ты же понимаешь, как много эта книга мне дала...

— И пустые страницы тоже? — спросил Натан со вздохом бесконечного терпения.

Энн повела плечом:

— Этого я не понимаю. Пока не знаю, как объяснить. Короче, чего ты от меня добиваешься?

— Посмотри на те места, где есть пробелы.

Энн сосредоточилась на книге. Прочла несколько строк, предшествующих одному из пробелов, потом — то, что следовало за ним. Это было очередное пророчество о Ричарде. Она наугад выбрала другой пробел, повторила ту же проверку. Опять текст касался Ричарда. Проверив третий пробел, она сказала:

— Похоже на то, что пустые страницы появляются там, где речь идет о Ричарде.

Натан раздражался все сильнее.

— Так получается потому, что в «Глендхиллской Книге» говорится в основном о Ричарде. Если ты посмотришь другие книги, эта закономерность не соблюдается.

Энн всплеснула руками:

— Тогда я сдаюсь. Я не вижу того, что видишь ты.

— Мы оба ничего не видим, в том-то и загвоздка! Пробелы — вот в чем суть дела!

— Что заставляет тебя думать так?

— А то, — с ударением произнес он, — что у этих пробелов оч-ч-чень странные свойства!

Энн заправила прядку седых волос, выбившуюся из узла, закрученного, как всегда, на затылке. Намеки Натана доводили ее до изнеможения.

— Странные? Например?

— А вот скажи мне... Я не сомневаюсь, что «Глендхиллскую Книгу» ты знаешь назубок и можешь свободно цитировать.

— Что же из этого? — Энн пожала плечами.

— О, и я тоже *могу* цитировать ее. Во всяком случае, тот экземпляр, что был у нас в хранилище. И вот я стал вспоминать эту книгу, проверяя свою память.

От волнения у Энн подвело живот. Ей стало страшно: а вдруг экземпляр, хранившийся во дворце, содержал ложное пророчество на пустом месте, оставленном автором оригинала? Но такой ужасный обман не укладывался в ее сознании.

— И что же ты обнаружил? — спросила она осторожно.

— Я могу цитировать этот оригинал в точности. Ни больше, ни меньше.

Энн облегченно вздохнула.

— Натан, это прекрасно! Это значит, что в нашей копии не было сфабрикованных пророчеств. Даже если ты не можешь припомнить содержание пустых страниц, что за беда? Они же пустые, здесь ничего нет! И запоминать нечего!

— В нашем экземпляре не было пробелов.

Энн задумалась, вспоминая.

— И впрямь не было. Я хорошо помню. — Она тепло улыбнулась пророку. — Но как же ты не видишь — если ты можешь цитировать и из этого экземпляра, но запомнил это все по нашей копии, значит, тот, кто делал копию, просто совместил текст, чтобы не воспроизводить бессмысленные пробелы, оставленные пророком в оригинале. Возможно, автор решил оставить их на случай, если его осенят новые видения, продолжающие тему предыдущих пророчеств, и придется делать новые записи. Очевидно, этого не случилось — и пробелы остались пробелами.

— Я твердо знаю, что в нашей копии здесь были исписанные страницы.

— Кажется, я снова чего-то не уловила?

На этот раз руками всплеснул Натан.

— Энн, будь внимательнее! Посмотри! — Он развернул книгу в ее сторону. — Здесь мы видим предпоследнюю ветвь пророчества. Она занимает одну страницу. Далее следуют шесть пустых. Можешь ты припомнить хоть *одну* столь короткую ветвь пророчества в нашей копии «Глендхиллской Книги»? Все они занимали по несколько страниц. Они были очень сложными. Вот так: ты знаешь, что пророчество было длиннее, и я это знаю, но в моей голове так же пусто, как на этих страницах! То, что отсутствует здесь, в книге, пропало также из памяти. Попробуй процитировать хорошо известную тебе часть пророчества — в твоей памяти оно сохранилось?

— Натан, однако я... просто не знаю, где... — в полном смятении пролепетала Энн.

— Возьми вот это, — сказал он, выхватив книгу из другой стопки. — «Собрание Истоков». Уж это ты должна наизусть помнить!

Энн благоговейно приняла книгу из его рук.

— О, Натан, конечно, я ее помню! Просто невозможно забыть такую короткую, но замечательную книгу!

«Собрание Истоков» представляло собой чрезвычайно редкий образец пророчеств, записанных в виде связных прозаических рассказов. Энн любила эту книгу. Склонность к романтике была ее слабым местом, хотя она никому в этом не признавалась. Поскольку эти романтические повести одновременно служили пророчествами, она по служебному положению обязана была ознакомиться с ними.

С умиленной улыбкой Энн раскрыла обложку маленькой книжицы.

Страницы были пусты. Все до одной.

— Итак, — сказал Натан тихо и властно, как свойственно всем мужчинам из дома Ралов, — расскажи мне, о чем повествует «Собрание Истоков»?

Энн раскрыла рот, но не издала ни звука.

— Произнеси же, — продолжал Натан глубоким, грозным голосом, казалось, способным дробить камень, — хотя бы одну строку из любимого тобою сочинения. Расскажи, о ком оно толкует. Отрывок из начала, с конца или из середины!

Она ощутила полнейшую пустоту в памяти. Пронзительный взгляд Натана не отпускал ее.

— Ну, хоть что-нибудь ты помнишь? — нависая над нею, требовательно спросил он.

— Натан, — наконец сумела прошептать она, широко раскрыв глаза. — Натан, ты ведь подолгу держал эту книгу в своей комнате. Ты знаешь ее лучше, чем я. Что ты помнишь о «Собрании Истоков»?

— Ни-че-го.

Глава 12

Энн сглотнула комок в горле.

— Натан, как могли мы оба забыть книгу, которую так любим? И почему забытые части текста соответствуют пробелам в здешних книгах?

— Вот это наконец *правильный* вопрос!

— Заклинание! — ахнув, вдруг догадалась она. — Видимо, на книги наложено заклятие!

Натан состроил гримасу:

— Что?

— Многие книги защищают заклятиями. С книгами пророчеств так не делают, но содержание пособий по обучению магии часто прикрывают подобным образом. Это место создавалось как тайное укрытие. Возможно, здесь применили еще и этот способ защиты...

Такие заклинания вступали в действие, когда кто-либо, кроме человека, имеющего на это право и необходимые умения, открывал книгу. Иногда заклятия даже снабжались ключом, настроенным на определенную личность. Правда, обычный способ защиты, если книгу брал кто-то другой, заключался в том, что все увиденное просто стиралось из его памяти. Человек смотрел на книгу и тут же забывал о ней. По крайней мере, этот способ встречался Энн чаще всего.

Натан не ответил, но его сердитый взгляд смягчился, когда он обдумал ее предположение. Она видела, что он сомневается в правильности этого вывода, но не хочет спорить — во всяком случае, сейчас; ему явно хотелось перейти к более серьезному вопросу.

И в самом деле, он постучал пальцем по небольшой стопке книг, лежащих отдельно от прочих.

— Все эти книги, — сказал он многозначительно, — посвящены в основном Ричарду. Большую часть из них я никогда прежде не видел. Мне не нравится, что такие книги кто-то спрятал в подобном месте. И в большинстве из них есть обширные пробелы.

То, что столь большое количество книг пророчеств, тем более о Ричарде, не попало в свое время во Дворец Пророков, и в самом деле настораживало. Пять столетий подряд Энн прочесывала мир в поисках хотя бы копий любых книг, где хоть что-то говорилось про Ричарда, а они пылились тут...

Размышляя над возможными последствиями, Энн почесала бровь:

— Что-нибудь новое узнать удалось?

Натан снял томик с верха стопки и раскрыл его.

— Ну, во-первых, вот этот символ, здесь, очень меня беспокоит. Такая форма пророчества встречается крайне редко. Обычно пророки прибегают к ней, когда их посещает великое озарение и видения обрушиваются лавиной, а они не успевают записывать, боясь упустить проносящиеся в мозгу образы. Так возникают символические рисунки, наподобие этого.

Энн имела лишь смутное представление о рисованных пророчествах. Она видела всего несколько образцов в хранилищах дворца — но Натан прежде никогда не упоминал при ней, что они существуют; видимо, другие о них тоже мало что знали. Еще один маленький секретик Натана, тысячелетней выдержки!

Склонившись пониже, она рассмотрела сложный рисунок, занимавший почти целую страницу. Ни одной прямой линии — лишь дуги, завитки, спирали, росчерки, объединяющие завихрения в круг. И казалось, будто круг этот движется. Здесь и там под яростным нажимом руки расщепленный конец пера разделялся и врезался в пергамент, прочерчивая по нему глубокие царапины. Энн поднесла книгу поближе к свече, обнаружив посреди рисунка засохшую чернильную кляксу и впившийся в лист крохотный осколок металла: здесь перо воткнулось в пергамент, сломалось, и пишущий не удосужился вынуть застрявшее острие. Дальше неизвестный выводил линии новым пером — намного чище, но с той же поспешностью.

Ничто в этом чернильном наброске не напоминало никакого определенного предмета — просто клубок кривых линий, — и все же отчего-то он навевал такую тревогу, что сердце Энн стискивало, как у птицы, завидевшей хищника. Казалось, она вот-вот различит нечто знакомое, но смысл ускользал за пределы ее сознания.

— Что это? — Она положила на стол книгу, раскрытую на рисунке. — Что это означает?

Натан приложил палец к своей впалой щеке:

— Объяснить смысл рисунка довольно трудно. Не могу точно подобрать слова, чтобы описать картинку, возникающую передо мною, когда я рассматриваю его.

— А ты не думаешь, — Энн стиснула руки жестом преувеличенного терпения, — что мог бы, как следует постаравшись, хоть как-нибудь описать мне эту картинку?

Натан искоса взглянул на нее.

— Единственные подходящие слова, какие мне приходят в голову, это «зверь грядет».

— Зверь?

— Да. Я не знаю, что это означает. Пророчество частично затуманено: то ли случайно, то ли с каким-то непонятным мне намерением, а может, из-за связи с пустыми страницами — без содержавшегося на них текста рисунок не становится вполне осмысленным.

— Что же этот грядущий зверь должен сделать?

Пророк приподнял книгу и показал Энн обложку; она прочла название: «Камешек в Пруду» — и холодный пот проступил у нее на лбу.

— Этот рисунок — символическое предупреждение, — сказал Натан.

Пророчества часто обозначали Ричарда как «камешек в пруду». Такой пространный текст наверняка оказался бы неоценимым подспорьем. Если бы только не был стерт.

— То есть это предупреждение для Ричарда, что он столкнется с каким-то зверем?

— По сути это все, что я смог извлечь из рисунка, — кивнул Натан. — Да еще смутное ощущение ореола жути вокруг этой твари.

— То есть зверя?

— Да. Текст, предваряющий рисунок, очень помог бы нам понять природу этого зверя, но он отсутствует. Последующее ветвление — тоже. Поэтому определить место предупреждения в потоке времени и в канве событий невозможно. Насколько я могу судить, оно может касаться как чего-то, с чем Ричард уже столкнулся и победил, так и совсем неизвестной угрозы, способной одолеть его в старости. Без поддержки хотя бы нескольких текстов других пророчеств гадать просто бесполезно.

Энн не спорила. Без хронологии пророчество оставалось неопределенным — но ужас, испытанный ею при виде рисунка, заставлял думать, что Ричард еще не сталкивался с такой угрозой.

— А если это метафора? Войско Джеганя ведет себя, словно зверь, и чувство жути уж точно вызывает. Они убивают все на своем пути. Для свободных людей, и особенно для Ричарда,

Имперский Орден — зверь, грядущий, чтобы уничтожить их самих и все, что им дорого.

Натан пожал плечами.

— Возможно и такое объяснение. Я просто не знаю.

Помолчав, он добавил:

— Я нашел здесь еще один тревожный намек — не только в этой книге, но и в нескольких других. — Здесь он многозначительно глянул на Энн. — В книгах, никогда прежде мною не виданных.

Энн промолчала, но сама по себе неожиданная находка книг, так долго пролежавших под землей, на кладбище, вызывала у нее беспричинную тревогу.

Натан снова указал на четыре больших стола, заваленные книгами.

— Да-да, хоть я и показал тебе ряд томов, хорошо знакомых нам обоим, то, что здесь хранится, в большинстве своем ново для меня. Такое существенное отклонение от классического состава библиотек — неслыханное событие! Во всякой библиотеке, конечно, найдется несколько уникальных вещей, но это хранилище как будто явилось из другого мира. Здесь почти каждый том — потрясающая находка!

Энн насторожилась. Она чуяла, что Натан наконец-то добрался до центра лабиринта, по которому бродил его разум. И сразу слово, только что сказанное им, всплыло у нее в памяти.

— Ты упомянул какой-то «намек», — напомнила она подозрительно. — Отчего не говоришь подробнее?

— Не намек, а скорее совет. Читателю предлагают, если он заинтересован не в общих сведениях, но ищет более подробных и особых знаний по данному предмету, поискать недостающие тома среди костей.

Энн сурово нахмурилась:

— Среди костей?

— Да. Это словосочетание относится к неким «главным местам», — Натан пригнулся к ней и зашептал, словно какая-нибудь прачка, передающая свежую сплетню: — Эти «главные места» упоминаются неоднократно в разных местах, но я пока нашел только одно указание на то, где оные укрытия находятся. Это — ката-

комбы, расположенные ниже подвальных хранилищ во Дворце Пророков.

— Катакомбы?! — У Энн от удивления отвисла челюсть. — Это ни с чем не сообразно. В подземельях Дворца Пророков не было ничего подобного...

— Мы ничего там не находили, — очень серьезно возразил Натан. — Это не означает, что их там нет.

— Но... — запинаясь, пробормотала Энн. — Но этого просто не может быть. Потому что не может быть. Такое место не осталось бы незамеченным. Сестры так долго жили там! Мы обязательно узнали бы!

— Люди тоже долго жили здесь, — отпарировал Натан. — И никто так и не узнал, что лежит под костями.

— Но непосредственно здесь никто не жил!

— А если сведения о катакомбах под дворцом просто были утеряны или намеренно скрыты? В конце концов, мы весьма мало знаем о чародеях древности — и не намного больше о тех людях, которые строили Дворец Пророков. Возможно, у них были причины скрывать наличие особых помещений, как скрывали вот это! — Натан насмешливо поднял бровь. — Что, если основное назначение дворца — обучение молодых волшебников — было лишь частью сложной уловки, скрывающей существование секретного хранилища?

Кровь бросилась Энн в лицо.

— Ты хочешь сказать, что наше служение было бессмысленным? Да как ты смеешь даже подумать, что все наши жизни были посвящены какому-то обману! Как можешь ты забыть, что если бы не мы, одаренные люди погибали бы и...

— Я ничего подобного не думаю. Сестер никто не обманывал, и благодаря им мальчики, наделенные даром, действительно оставались в живых и получали воспитание. Я утверждаю только, что в книгах содержится указание на неизвестные нам доселе моменты. Что дворец создавался не только с намерением дать сестрам приют и возможность жить в согласии с призванием — но был также частью более обширного замысла. Если угодно, подумай о кладбище здесь, наверху. У него есть свое разумное предназначение, но оно же обеспечивает удобную оболочку для этого подземелья.

Он вздохнул, успокаиваясь.

— Катакомбы же могли быть сознательно спрятаны тысячи лет назад. Если так, по ныне существующим строениям мы бы никогда не догадались об их существовании. И записей о секретном хранилище никто бы не делал. А просмотрев эти книги, я имею основания полагать, что в древности существовали сочинения с весьма серьезным содержанием — в некоторых, видимо, имелись опаснейшие заклинания. Доступ к ним следовало ограничить из предосторожности. Потому было решено спрятать их в нескольких потаенных «главных местах». Благодаря этому они и продолжали существовать, и в то же время исключались из оборота: их не станут переписывать, как большинство других пророчеств, они не попадут в нечистые руки. Поскольку об этих «главных местах» во всех ссылках говорится как о «книгах, спрятанных под костями», «среди костей», они все могут оказаться такими же катакомбами, как и эти, но находящимися под Дворцом Пророков.

Энн медленно покачала головой, пытаясь освоиться с новыми сведениями и понять, может ли все это оказаться правдой. Одно было несомненно: все эти горы книг, громоздящиеся на столе, посвящены Ричарду, и большую часть из них она не видела и не читала.

— И здесь действительно есть настолько опасные вещи?

— Несомненно, — отозвался Натан. — Я уже жалею, что прочитал кое-какие из них.

Энн схватила его за рукав, затеребила:

— Почему? Что там такого страшного? Что, говори!

Он, казалось, опомнился и, бегло улыбнувшись, сменил тему.

— Что касается пробелов в книгах, меня больше всего обеспокоила некая общая черта, объединяющая их — при том, что отнюдь не все пророчества, содержащие пробелы, относятся к Ричарду...

— И что же это за черта?

Натан поднял указательный палец, подчеркивая важность своих слов:

— Все недостающие куски пророчеств относятся ко времени после рождения Ричарда. Ни в одном из пророчеств, описываю-

щих более ранние времена или непосредственно год рождения Ричарда, пробелов нет.

Скрестив руки, Энн задумалась над новой загадкой.

— Послушай, — наконец сказала она, — есть один момент, который мы можем проверить. Я могу попросить Верну отправить гонца к Зедду, в Эйдиндрил. Он там защищает замок Волшебника, чтобы длинные руки Джеганя вновь не дотянулись до него. Пусть Верна попросит Зедда проверить по своим экземплярам тех книг, которые лежат здесь, есть ли в них такие же пробелы в тех же текстах.

— Хорошо придумано, — согласился Натан.

— В замке огромная библиотека, там наверняка имеются все классические книги по пророчествам, те же, что и здесь, — продолжила Энн.

Лицо Натана посветлело.

— Еще лучше, если бы мы могли попросить Верну послать кого-нибудь в Народный Дворец в Д'Харе. В бытность мою там я провел много времени в дворцовой библиотеке и видел ряд этих книг. Если кто-то их проверит, тогда мы сможем судить, находятся ли здешние книги под заклятием, как ты предположила, и ограничиваются сложности именно этими экземплярами — или же мы имеем дело с более широким явлением. Пусть Верна немедленно отправит гонца в Народный Дворец!

— Это будет нетрудно. Верна как раз собирается отправиться на юг. По дороге они обязательно пройдут мимо Народного Дворца.

— У тебя есть известия от Верны? — нахмурился Натан. — И она сказала, что направляется на юг? Почему?

У Энн сразу испортилось настроение.

— Я получила известие от нее сегодня вечером — как раз перед тем, как пришла сюда.

— И что же молодая аббатиса сообщила тебе? Зачем она едет на юг?

Понимая, что промолчать не удастся, Энн сокрушенно вздохнула.

— Увы, новости не из лучших. Она сказала, что Джегань разделил армию. Он надумал повести часть своих головорезов в обход

гор, чтобы ворваться в Д'Хару с юга. Соответственно, силы Д'Хары также разделились. Верна будет сопровождать большой отряд, который должен перекрыть путь войскам Ордена и принять бой с ними.

— Что ты сказала? — прошептал Натан, бледнея так, словно вся кровь отхлынула от его лица.

— Джегань разделил свою армию, — повторила Энн, озадаченная его испугом.

Она не думала, что такое возможно, но лицо пророка сделалось совсем пепельным.

— Духи милостивые, спасите нас, — прошептал он. — Как не вовремя! Мы не готовы...

Энн почувствовала, что душа у нее уходит в пятки. Волосы едва не стали дыбом.

— Натан, о чем ты? Что случилось?

Он отвернулся и принялся лихорадочно пересматривать корешки книг, разложенных по столам. Найдя то, что искал, в середине стопки, он выдернул книгу, не заботясь о том, что остальные повалились на стол. Бормоча невнятно себе под нос, он торопливо перелистал книгу.

— Здесь! Вот оно! — сказал он, ткнув пальцем в страницу. — В этом подземелье, в книгах, никогда мною прежде не виданных, содержится огромное количество разных пророчеств. Те из них, что касаются последней битвы, затуманены — то есть я не могу представить их в видениях, но и слова сами по себе достаточно зловещи. Вот это — наиболее обобщенное и ясное из всех.

Низко нагнувшись, он подвинул свечу поближе к книге и прочел:

— «В год явления цикад, когда сеятель смерти и страданий, поднявший знамя Добра и Света, наконец разделит свой рой, то будет знаком, что пророчество пробудилось и близится последняя решающая битва. Будьте осторожны, ибо все истинные развилки и производные от них сцеплены в этом корне. Лишь один ствол произрастает из этого спаянного истока. Если *fuer grissa ost drauka* не возглавит последнюю битву, тогда мир, уже стоящий на грани тьмы, падет пред властью ужасной тени».

Fuer grissa ost drauka — так древние книги называли Ричарда. Это именование, одно из многих, содержалось в широко известном пророчестве, написанном на древне-д'харианском наречии. Значило оно «несущий смерть». Называя его так, неизвестный пророк связывал свое предсказание с другим, образуя логическую развилку.

— Если цикады появятся в этом году, — сказал Натан, — мы будем знать, что это пророчество не только истинное, но и действенное.

Энн почувствовала слабость в коленях.

— Натан, цикады появились сегодня.

Натан вперил в нее взгляд сверху вниз, словно Создатель, изрекающий приговор:

— Значит, время определено. Все пророчества стали на свои места. Ряд событий выстроен. Близится конец всему.

— Добрый Создатель, спаси нас и сохрани, — прошептала Энн.

Натан сунул книгу в карман.

— Мы должны разыскать Ричарда.

Она с готовностью согласилась:

— Да, ты прав. Нельзя терять время.

— Мы, конечно же, не можем забрать все эти драгоценные книги с собой, — сказал Натан, обводя взглядом подземелье. — Но и сидеть здесь, читая их, у нас нет времени. Значит, нужно запечатать подземелье, как было прежде, и уходить немедленно.

Не успела Энн высказать свое согласие, а Натан уже вскинул руку, и свечи все разом погасли — кроме фонаря, стоявшего на углу стола. Натан подхватил его и воскликнул:

— Идем!

Он шагал так размашисто, что Энн пришлось почти бежать, чтобы не остаться вне маленького круга света, покидая странное подземелье, погруженное во мрак.

— Ты уверен, что ни одной из этих книг не нужно брать?

Пророк уже взбирался по узким ступеням, свет полукружиями ложился на стены.

— Они тяжелые, и с ними мы пойдем медленнее. Да и потом, какую выбрать? — Он приостановился на минуту и оглянулся через плечо. Лицо его в резком освещении казалось составленным из острых углов и теней. — Мы уже знаем суть пророчеств, а главное — впервые точно знаем время. Мы должны добраться до Ричарда. Он должен быть на месте, когда армии столкнутся, иначе все будет потеряно.

— Да, если мы обеспечим его присутствие, тем самым предсказание сбудется!

— Ну, значит, договорились, — сказал пророк и, повернувшись, помчался вверх по ступеням. Лестница напоминала скорее узкий и низкий туннель, и он то и дело цеплялся о стены.

Наконец они выбрались наружу, к свежему воздуху ночи и пронзительному стрекоту цикад. Деревья слабо колыхались от влажного ветерка. Натан окликнул Тома и Дженнсен. Казалось, они не отзывались целую вечность, хотя в действительности почти мгновенно вынырнули из темноты.

— Что случилось? — запыхавшись, еле выговорила Дженнсен. Том темным силуэтом высился рядом с нею. — Какие-то неприятности?

— Да, и очень серьезные, — подтвердил Натан и вытащил из кармана книгу, взятую в хранилище.

Энн подумала, что ему не стоило бы откровенничать, но положение было настолько серьезным, что секретность становилась бессмысленной. Натан раскрыл книгу на пустом развороте с исчезнувшими пророчествами и всунул в руки Дженнсен.

— Скажи, что это означает?

— Что это означает? — она нахмурилась. — Но, Натан, здесь ничего не написано!

Он проворчал недовольно, глядя на Энн:

— Так, значит, здесь замешана Магия Ущерба. Это магия потустороннего мира, основанная на силе смерти, поэтому она влияет на нее так же, как и на нас.

Снова обернувшись к Дженнсен, Натан пояснил:

— Мы нашли новое пророчество про Ричарда и теперь должны как можно скорее найти его, иначе Джегань выиграет войну.

Дженнсен ахнула, Том тихо присвистнул.

— Ты знаешь, где он? — спросил Натан.

Том, не колеблясь, повернулся вполоборота и указал рукою в темноту. Энн всмотрелась туда, но напрасно — ночь была непроницаема. Однако опыт подсказал солдату то, что они не могли определить при помощи дара.

— Он в той стороне. Не слишком далеко отсюда, но и не близко тоже.

— Нам нужно собрать вещи. Выйдем на рассвете, — сказала Энн.

— Он в пути, — сказал Том. — Сомневаюсь, что вы найдете его в том месте, когда туда доберетесь.

Натан выругался про себя.

— И никак нельзя узнать, куда парень направляется?

— Полагаю, он возвращается в Алтур-Ранг, — сказала Энн.

— Да, но что, если он там не задержится? — Пророк положил руку на плечо Тома. — Тебе придется пойти с нами. Ты — один из тайных защитников лорда Рала. Это очень важно.

Энн разглядела, что рука Тома легла на рукоять кинжала, висящего на поясе. Серебряную рукоять кинжала украшала буква «Р», обозначая принадлежность к дому Ралов. Редкой работы кинжал, и носили их лишь очень немногие — те, кто незримо трудился, охраняя жизнь лорда Рала.

— Разумеется, — сказал Том.

— Я тоже пойду! — взволновалась Дженнсен. — Мне нужно только...

— Нет, — перебил ее Натан. — Нам нужно, чтобы ты осталась здесь.

— Зачем?

— Затем, — сказала Энн более сочувственным тоном, чем Натан, — что через тебя Ричард связан со здешним народом. Им нужно помочь понять, что творится в мире, лишь недавно открывшемся перед ними. Иначе они могут легко поддаться Имперскому Ордену, и тогда их используют против нас. Ведь они уже сделали свой выбор, став на нашу сторону и присоединившись к империн

Д'Хары. Ричарду нужно, чтобы ты оставалась здесь, а вот место Тома сейчас с нами — так велит его долг перед Ричардом.

— Но я... — с ужасом в глазах она посмотрела на Тома.

— Дженнсен, — сказал Натан, обняв ее за плечи, — посмотри сюда! — Он указал на вход в подземелье. — Ты знаешь, что здесь хранится. Если с нами что-то случится, а Ричарду понадобится узнать об этом, кто ему скажет? Ты должна охранять это место ради него. Это важно — ничуть не меньше, чем задача Тома. Требуя, чтобы ты осталась, мы вовсе не оберегаем тебя от опасности — на самом деле здесь может оказаться опаснее!

Дженнсен посмотрела на Натана, на Энн — и с неохотой признала, насколько серьезна ситуация.

— Хорошо, если это пойдет на пользу Ричарду, я остаюсь.

Энн кончиками пальцев прикоснулась к подбородку девушки.

— Спасибо за благоразумие, дитя мое!

— Мы должны скрыть следы нашего вторжения, чтобы все выглядело, как до находки, — нетерпеливо взмахнул руками Натан. — Я покажу вам затвор и объясню, как он работает. Потом вернемся в город и соберемся в дорогу. Поспать до рассвета нам удастся всего несколько часов, но с этим ничего не поделаешь.

— От Бандакара нам предстоит далекий путь, — сказал Том. — После того, как пройдем перевал, придется найти лошадей, если хотим догнать лорда Рала.

— Разумно. Договорились, — сказал пророк. — Давайте же закроем эту гробницу сокровищ и возьмемся за дело!

Энн внезапно нахмурилась.

— Натан, это хранилище книг было спрятано под могильным камнем не одну тысячу лет. И за все это время никто его здесь не обнаружил. Как же тебе удалось найти его?

Натан насмешливо поиграл бровями.

— А вот как раз это особого труда не составило. — Он обошел вокруг постамента памятника, подождал, пока Энн подойдет поближе, и высоко поднял фонарь.

Ей сразу бросились в глаза два слова, выбитые на древнем камне: НАТАН РАЛ.

Глава 13

Полдень уже давно миновал, когда Виктор, Никки, Кара и Ричард, пересекая длинные тени деревьев, вступили в масличные рощи, покрывающим холмы вокруг Алтур-Ранга. Весь день Ричард не сбавлял хода, и трудное, хотя и не слишком долгое путешествие вымотало всех четверых. На смену прохладному дождю пришли давящая духота и влажность. От ходьбы путники взмокли так, словно дождь все еще поливал их.

И все же Ричард чувствовал себя лучше, чем пару дней назад. Несмотря на сильное напряжение, он понемногу выздоравливал.

Радовало его также и то, что чудовищный зверь никак не заявлял о себе. Несколько раз Ричард оставлял своих спутников и возвращался по следам на некоторое расстояние, проверяя, не преследует ли их кто-либо. Он так и не заметил никого и ничего, и ему стало чуть легче дышать. Он также успел поразмыслить над сообщением Никки; если Джеганю действительно удалось создать такое чудовище, вовсе не обязательно оно же убило бойцов Виктора. И нападение как таковое не означало, что чудовище уже вышло на охоту за Ричардом. Но никакого иного объяснения, даже приблизительного, он придумать не мог.

По дорогам, ведущим в город, оживленной чередой двигались тележки, фургоны и отдельные пешеходы. Видимо, торговля успела заметно развиться со времен отбытия Ричарда из Алтур-Ранга. Люди прибывали как из ближайших поселков, так и, судя по одежде, издалека. Кое-кто из пешеходов узнавал то Виктора, то Никки. Восстание сделало их обоих известными в городе. Многие узнавали и Ричарда — одни видели его в Алтур-Ранге в ночь, когда началось освободительное восстание, другие замечали его меч. Люди, выросшие в Древнем мире, под властью Ордена, непривычные к красивым вещам, сразу запоминали это уникальное оружие в блестящих, отделанных серебром и золотом ножнах.

Проходя мимо четверки, люди улыбались, приподнимали шляпы или дружески кивали. Непривычно было видеть столько улыбок в Алтур-Ранге. Кара относилась к этим знакам внимания подозрительно.

Ричарда порадовало бы оживление, царящее в Алтур-Ранге, не будь он так сосредоточен на вещах, гораздо более важных для него. Но день уже клонился к вечеру, и до темноты маловероятно было успеть приобрести лошадей, заготовить провизию и все, что нужно для путешествия. Нехотя он признал, что без ночевки в Алтур-Ранге не обойтись.

Теперь Ричард с большим вниманием поглядывал по сторонам. Раздумывая, где закупать припасы, он заметил, что на перекрестках дорог, прежде бывших лишь тропами и проселками, возникли скопления торговых палаток. В них продавали всевозможные товары, от различных овощей до вязанок дров и женских украшений. В предместьях проезжим предлагали сыры, колбасы, булки — а в окраинных кварталах народ толпился у прилавков, приценяясь к отрезам тканей или проверяя качество кожаных изделий.

Ричард вспомнил, как приходилось им, когда Никки впервые привела его в Алтур-Ранг, простаивать день напролет в очереди, чтобы получить краюху хлеба — и бывало, что запас заканчивался гораздо раньше, чем очередь доходила до них. Хлеб был дешев — но его, как и всех прочих продуктов, вечно не хватало.

Ричарду казалось крайне нелогичным называть что-то несуществующее доступным. Хотя законы и повелевали накормить голодных, призрак голода витал над улицами и унылыми домами города. А теперь хлеб в изобилии продавался на каждом углу, и голод стал не более чем тяжелым воспоминанием.

Те, кто распространял идеи Ордена, оставались преступно слепы к бесчисленным страданиям и смерти, сопутствовавшим этим идеям. Но эти люди в большинстве своем потерпели поражение — либо были убиты, либо бежали.

Те, кто боролся за свободу и обрел ее, имели все основания дорожить ею. Ричард надеялся, что у них хватит сил удержать свои завоевания — столь наглядные и важные для всех.

Добравшись до старых кварталов города, он заметил, что многие кирпичные домики, в прошлом замызганные, теперь были вычищены и сияли, как новенькие. Ставни, выкрашенные в яркие цвета, поблескивали в послеполуденной солнечной дымке. Дома, сгоревшие во время восстания, уже восстанавливались. Ричарду,

помнившему прежние картины Алтур-Ранга, казалось чудом, что город так преобразился и стал таким жизнерадостным.

Когда они вышли на широкую улицу, уводящую к центру города, Виктор остановился на углу одного из перекрестков.

— Мне нужно навестить семью Феррана и родственников других ребят. Если не возражаешь, Ричард, я сперва поговорю с ними сам. Трудно совместить горе от нежданной потери с приемом важных гостей...

Ричарду неловко было слышать, что его считают «важным гостем» — особенно в семьях, только что переживших потерю близких. Но сейчас было не время оспаривать такое отношение к себе.

— Я понимаю, Виктор.

— Но я надеюсь, что как-нибудь попозже ты скажешь им несколько слов. Для них будет немалым утешением, если ты расскажешь, какими храбрыми были их родные, воздашь им почести.

— Я постараюсь.

— Я и другим сообщу, что мы вернулись. Все захотят встретиться с тобою.

Ричард кивком указал на Кару и Никки.

— Я хочу показать им кое-что, — он махнул в сторону центра. — Вон там.

— На площади Свободы?

Ричард кивнул.

— Тогда я найду тебя, как только освобожусь.

Ричард проследил взглядом, как Виктор уходит по узкой, мощеной булыжником улочке.

— Что вы хотите показать нам? — спросила Кара.

— То, что может подхлестнуть вашу память.

Ричард понимал, что здравый смысл велит сперва найти пристанище, отдохнуть или хотя бы оставить дорожные мешки — но сердечная тоска подгоняла его, а женщины молча, не жалуясь, следовали за ним. Завидев величественную статую, вырубленную из наилучшего белого каватурского мрамора, сверкающую в янтарном свете закатного солнца, он едва удержался на ногах. Никки схватила его за руку:

— Ричард, с тобой все в порядке?

Он знал досконально каждый изгиб этой фигуры, каждую складку ниспадающих одежд. Знал, потому что сам вырезал исходную модель. Не сводя глаз со статуи, возвышающейся над зелеными лужайками, он едва сумел прошептать:

— Все хорошо...

Это обширное открытое пространство ранее было строительной площадкой, где возводился дворец для правящей клики Имперского Ордена. Именно сюда Никки когда-то привела Ричарда, чтобы он потрудился во славу дела Ордена — в надежде, что он научится ценить самоотречение и постигнет всю мерзость человеческой природы. Вместо этого она сама научилась ценить жизнь во всех ее проявлениях.

Будучи пленником Никки, Ричард несколько месяцев трудился на стройке. Все, что успели тогда возвести, теперь было разрушено, стерто с лица земли. Только полукруг колонн главного входа остался стоять, будто часовые, вокруг беломраморной статуи, поставленной на том месте, где впервые среди тьмы порабощения вспыхнуло пламя свободы. Это место теперь стало священным для горожан.

Статую исполнили после того, как восстание смело власть Ордена, ее посвятили народу Алтур-Ранга и памяти тех, кто отдал свои жизни за его свободу. По предложению Виктора это место назвали площадью Свободы.

В лучах низко спустившегося солнца статуя горела, как маяк.

— Что видите вы обе, а? — спросил Ричард.

Кара тоже положила руку на его плечо:

— Лорд Рал, эту статую мы видели, когда в прошлый раз приезжали сюда.

Никки кивнула, соглашаясь с нею:

— Это статуя, созданная камнерезами после восстания.

Ричарду больно было смотреть на статую. Женственность стройного тела, изгибы и выпуклости отчетливо проступали под текучими складками каменного одеяния. Мраморная женщина казалась живой.

— А где камнерезы взяли модель для работы? — спросил Ричард. Обе женщины непонимающе уставились на него.

Никки откинула согнутым пальцем прядь волос, брошенную на лицо влажным ветром.

— На что ты намекаешь?

— Для того, чтобы создать большую статую, опытные резчики соразмерно увеличивают небольшую модель. Вы помните, какая она была?

— Да, — сказала Кара, и лицо ее посветлело от воспоминания, — вы сами ее сделали.

— Верно, Кара. Мы с тобою вдвоем искали материал для маленькой статуэтки. И ты нашла ореховое дерево. Оно росло на склоне над широкой долиной, но поваленная ветром ель свалила его. Ты была со мной, когда я срубил часть этого отбеленного непогодами сухого ствола. Ты видела, как я вырезал из него маленькую фигурку. Мы тогда часами просиживали на берегу ручья, беседовали, и я вырезал ее.

— Да, я помню, как вы занимались этим, пока мы торчали на природе. — Тень улыбки промелькнула по лицу Кары. — Ну и что с того?

— Мы жили в домике, который я сам построил. Зачем мы поселились там?

Кара взглянула на него удивленно, как если бы вопрос был слишком очевиден.

— После того, как жители Андерита решили стать на сторону Имперского Ордена, оставив вас и Д'Хару, вы отказались возглавить борьбу против Ордена. Вы сказали, что насильно тащить людей к свободе не станете, пусть сперва они сделают свой выбор.

Ричарду было трудно спокойно напоминать об этих событиях женщине, которая должна была знать все не хуже его самого — но он понимал, что упреками ее память не подстегнуть. К тому же, какова ни была причина их забывчивости, он не сомневался, что Никки и Кара вовсе не обманывают его нарочно.

— Это одна из причин, — сказал он. — Но была и другая, намного более важная, из-за чего мы жили в тех безлюдных горах.

— Более важная причина?

— Кэлен была избита до полусмерти. Я нашел укромное место, где она могла бы спокойно выздоравливать. Мы с тобой провели

несколько месяцев, ухаживая за ней, пытаясь вернуть ей здоровье. Но ей не становилось лучше. Она впала в глубокое уныние, отчаялась когда-либо поправиться, вновь ощутить радость жизни...

Он не смог заставить себя открыть главную причину подавленности Кэлен: когда злые люди избивали ее, она была беременна — и потеряла ребенка.

— И тогда вы запечатлели ее, вырезав статуэтку? — спросила Кара.

Он поглядел на горделивую фигуру, тянущуюся ввысь, к синему небу. Вырезая деревянную статуэтку, он не стремился придать ей прямое сходство с Кэлен. Эта женщина, в одежде, летящей по ветру, с гордо вскинутой головою, стояла выпрямившись, стиснув кулаки опущенных рук, словно готовясь дать отпор невидимой силе, пытающейся покорить ее. Но это была не Кэлен — не внешность ее, нет, а ее жизненная стойкость, ее душа. И великолепное творение, высящееся перед ними, воплотило дух Кэлен в камне.

— Я запечатлел другое, — наконец проговорил Ричард. — Отвагу Кэлен, ее любовь, ее решимость. Поэтому я и назвал статую «Сильная духом». Когда Кэлен ее увидела, то сразу поняла, что я задумал. И она захотела снова стать сильной и независимой. С того дня и началось ее выздоровление.

Лица обеих женщин выражали более чем сильное сомнение, но спорить они не стали.

— Так вот, — сказал Ричард и пошел вперед по лужайке, — если бы вы спросили мастеров, которые воздвигали монумент, где сейчас та маленькая статуэтка, сделанная мною и послужившая им моделью, они бы не смогли отыскать ее или объяснить, куда она подевалась.

Никки поспешила догнать его.

— И где же она тогда?

— Та статуэтка, вырезанная из орехового дерева летом в горах, очень многое значила для Кэлен. Она жаждала получить ее обратно, когда мастера закончат работу. Вот Кэлен ее и получила.

Никки, глядя себе под ноги, сокрушенно вздохнула.

— Ну конечно, получила.

— И ты не споришь? — хмуро усмехнулся он.

— Ричард, когда человек впадает в бред, его разум стремится заполнить пустоты сознания, связать разорванные нити памяти. Только так удается придать какой-то смысл их путанице.

— Хорошо, тогда где, по-вашему, статуэтка? — спросил он сердито.

— Вот уж не знаю. — Кара пожала плечами. — Я не помню, что с ней случилось. Но большая, мраморная — вот она, и это главное!

— И я не знаю тоже, Ричард, — сказала Никки, когда он поглядел на нее. — Может, если резчики поищут, они сумеют ее найти.

Казалось, она не улавливала, к чему он клонит, и обе они думали, что ему просто хочется найти свою работу.

— Нет, они не сумеют ее найти. В этом-то все и дело. Именно это я и хочу, чтобы вы поняли: маленькая модель — у Кэлен. Я помню, как она радовалась в тот день, когда ее вернули. Не понимаете? Никто не сможет ни найти мою статуэтку, ни вспомнить, куда она делась. Неужели вы не видите, что части истории не стыкуются одна с другой? Не замечаете, что происходит нечто странное? Что все идет не так, как надо?

Они остановились у подножия широкой лестницы.

— Хочешь, я скажу напрямик? Ничего такого нет. — Никки указала рукою на статую и полукруг колонн за нею. — После того, как статую закончили и модель стала не нужна, ее, наверное, выбросили или сломали. Кара сказала правильно, главное — статуя из камня!

— Но я вижу важность той статуэтки совсем в ином смысле! Я помню, куда она делась, а никто другой — нет! Я пытаюсь доказать вам, что Кэлен не приснилась мне, что связь событий каким-то образом нарушена, и вам нужно просто поверить...

Никки засунула большой палец под лямку своего дорожного мешка, надеясь чуть-чуть облегчить его тяжесть.

— Ричард, все прекрасно укладывается, если посмотреть с другой стороны! Я не могу поверить тебе, потому что обладаю знаниями и опытом, и знаю, как ведет себя подсознание больного: статуи нет, ее выбросили или сломали, и ты это помнишь — но подсознание использует этот момент, чтобы придать правдоподобие

бредовому видению, и вот тебе уже чудится, будто все было иначе. Именно чудится, потому-то никто другой тебе не верит.

Ричард глубоко вздохнул, сдерживая бессильную ярость. Он понял, что не сможет переубедить своих спутниц. Дело не в непонимании — о нет, они прекрасно все поняли, но просто не желали верить. Какие же придется искать доводы, чтобы они осознали свою ошибку?

— Но зачем мне было выдумывать эту историю?

— Ричард, — сказала Никки задушевно, поглаживая его по локтю, — пожалуйста, давай оставим эту тему! Я уже сказала достаточно, но только рассердила тебя.

— Я задал тебе вопрос. Изволь отвечать! По какой именно причине я мог захотеть выдумать эту историю?

Никки искоса взглянула на Кару и рискнула высказаться откровенно:

— Если уж тебе хочется узнать правду, Ричард, слушай. Во-первых, все, что связано с этой статуей, очень важно для тебя, потому как происходило сразу после восстания. Во-вторых, работа над нею дала тебе заряд высоких, радостных чувств. Поэтому, когда ты был ранен, когда стоял на краю могилы, эти воспоминания, свежие и приятные, естественно, вплелись в твои видения. А поскольку мужчине свойственно связывать хорошие и радостные чувства с образом женщины, то и возник образ женщины, якобы жены, послуживший тебе опорой. Чтобы придать ей достоверность, твое сознание использовало различные случаи из жизни, а также знания, хранящиеся в твоей памяти. Все это связалось вместе, пока ты лежал в бреду, и теперь статуя напоминает тебе не о реальных событиях, а о твоих снах, мечтах — называй как угодно.

— Что? — еле выговорил потрясенный Ричард. — Сны и мечты? Но почему...

— Потому, — сказала Никки, подбоченившись, — что теперь, в обратном направлении, те самые частички реальности будут напоминать тебе «о ней»!

Ричард моргнул, не находя слова для ответа.

Никки отвернулась. Она уже сожалела о своей вспышке, и голос ее упал до шепота:

— Прости меня, Ричард.

Его гнев тоже угас. За что ее прощать — за искреннюю убежденность в своей правоте? Он скорее себя не простит за то, что не сумел внушить ей понимание...

Боясь, как бы голос не задрожал, он промолчал и пошел вверх по широким крутым ступеням, вряд ли осознавая, что делает. Он не мог смотреть в глаза Никки, не мог смотреть в глаза человеку, считающему его безумным.

Остановившись наверху, на просторной площадке, выложенной мрамором, он услышал, как Никки и Кара бегом догоняют его. Только сейчас он заметил, что на пространстве бывшего дворца очень мало людей. С высоты площадки виднелась река, пересекающая город. Над ней носились стайки птиц. Сквозь огромные колонны позади статуи в жаркой дымке млели зеленые холмы, поросшие деревьями.

Горделивая фигура «Сильной духом» высилась прямо перед ним. Он оперся рукой на прохладный, гладкий камень. Душевная боль становилась невыносимой.

Никки и Кара добрались до верхней площадки и с облегчением сбросили с плеч мешки. Усталость брала свое — легкий груз казался теперь неподъемным. Кара подошла к Ричарду, надеясь перевести разговор на деловую тему о ночлеге, но он тоскливо посмотрел в ее голубые глаза и сказал:

— Ты думаешь точно так же, верно? Думаешь, я все выдумал про болезнь Кэлен, про то, как мы с тобой ухаживали за нею? И эта статуя ничего не пробуждает в твоей памяти? Не помогает что-то вспомнить?

Кара внимательно посмотрела на статую, будто ожидая от нее подсказки.

— Сейчас, когда вы заговорили об этом, лорд Рал, я вспомнила, как нашла то дерево. Вы еще улыбнулись мне, когда я показала его вам. Помню, вы были довольны мною. Я вспомнила даже, как вы, занимаясь резьбой, рассказывали мне разные истории и слушали, как я вам свое рассказывала. Но вы много всяких фигурок вырезали тем летом!

— А потом пришла Никки и увела меня с собой, — добавил он.

— Да.

— Но если Кэлен существует лишь в моем воображении, как удалось Никки захватить меня и увести, если рядом была ты?

Кара запнулась, озадаченная резкостью его вопроса.

— Она применила магию.

— Магию? Какую?

— Не знаю какую, не разбираюсь я в магических штучках. Только она применила магию, вот и все!

— Но разве морд-сит не борются с магией? Ведь ваше основное предназначение — защищать лорда Рала от носителей магии, которые могут причинить ему вред. В тот день, когда Никки нашла нас, она намеревалась причинить мне вред. Ты была там. Почему ты не остановила ее?

В голубых глазах Кары нарастал ужас.

— Я подвела вас. Должна была остановить ее, но не смогла. Не выполнила свой долг. Не проходит и дня, чтобы я не сожалела об этом. Лучше бы вы меня наказали! — Лицо ее залилось краской стыда до самых корней светлых волос. — Из-за меня Никки захватила вас и увела почти на год. Будь на вашем месте ваш отец, он предал бы меня казни — но лишь после того, как я до хрипоты молила бы его о смерти... И он поступил бы правильно — меньшего я не заслуживаю. Я подвела вас.

Ричард уставился на нее в недоумении:

— Кара! Ты ни в чем не виновата. Я к тому и веду. Ты должна помнить, что ничего не могла сделать, чтобы остановить Никки.

Кара стиснула кулаки:

— Должна была, но не сделала. Я подвела вас!

— Кара, ты не права. Никки связала Кэлен заклятием. Если бы кто-то из нас попытался остановить ее, это убило бы Кэлен.

— Что? — возмутилась Никки. — Что за чушь ты несешь?

— Ты связала Кэлен с собою. Заклятие соединило тебя с Кэлен, и действие его определялось твоими намерениями. Если бы я не пошел с тобою, ты могла бы убить Кэлен в любой момент, лишь подумав об этом. Вот почему ни я, ни Кара не могли ничего поделать.

Никки уперлась руками в бедра:

— И какое же, по-твоему, заклятие могло подействовать подобным образом?

— Материнское заклятие.

— Чего? — Никки явно не поняла его.

— Материнское заклятие. Оно создавало как бы родственную связь, и все, что происходило с тобой, должно было случиться и с нею. Если бы я или Кара ударили или убили тебя, та же судьба постигла бы Кэлен. Мы были беспомощны. Мне пришлось подчиниться твоему приказу. Я должен был пойти с тобой, иначе Кэлен могла умереть. Так действовало заклятие.

Никки недоверчиво потрясла головой и, ничего не ответив, отвернулась, как будто отдаленные холмы за статуей чрезвычайно заинтересовали ее. Даже здесь, в уголке мира и покоя, спокойствие бежало от нее.

— Не печалься, Кара! — Ричард поднял голову морд-сит за подбородок, чтобы взглянуть в полные слез глаза. — Никто из нас не мог бы ничего поделать, и ты не виновата.

— И я должна вам поверить? Неужели вы думаете, что я согласилась бы, даже будь это правдой?

Ричард схватил Никки за руку и притянул к себе:

— Какой магией ты пользовалась? Как тебе удалось захватить меня? Отвечай! Почему ни я, ни Кара не остановили тебя?

— Ричард, но это же было... да, полтора года назад! Я не помню точно, какими заклинаниями воспользовалась тогда. Это было вовсе не трудно. Ты не умеешь управлять своим даром, не умеешь и защищаться от тех, кто опытнее тебя. Я могла бы связать тебя крепкими магическими узлами и посадить на лошадь без всякого усилия.

— И все же — почему Кара даже не пыталась остановить тебя?

— Потому, — сказала Никки, морщась от необходимости вспоминать неприятные подробности, — что я подчинила тебя своей силе, и Кара знала, что стоит ей шевельнуться, и я сразу убью тебя. Бывают и более сложные задачи, чем эта!

— Все правильно, — сказала Кара. — Никки зачаровала вас. Я не могла ничего поделать — ведь она напала на вас. Если бы она применила свой дар против меня, я обратила бы его против нее, но она обратилась к вам и тем связала мне руки!

Ричард отер пот со лба.

— Тебя учили убивать голыми руками. Ты могла бы, скажем, запустить ей в голову камнем!

— Она попала бы в тебя, — ответила Никки вместо Кары. — Могла убить. Мне достаточно было заметить, что она замахивается...

— И тогда Кара уничтожила бы тебя, — напомнил Ричард.

— В то время я готова была пожертвовать собой. Мне было все равно, ты же знаешь.

Ричард действительно знал, что так оно и было прежде. Никки ни в грош не ставила не только чужие жизни, но и свою. И это делало ее крайне опасной.

— Ошибка моя заключалась в том, что я не напала на Никки сразу же, пока она не добралась до вас, — сказала Кара. — Тогда ее магия сработала бы против нее. Именно так положено поступать морд-сит. Но я не сумела....

— И не смогла бы, — сказала Никки. — Я сковала вас обоих сразу. Кара, пойми, у каждого случается момент бессилия. Вы оба тогда попали в безвыходное положение, а я оказалась на высоте!

Ричард окончательно убедился в безнадежности любых попыток. Всякий раз, когда он, казалось бы, загонял женщин в угол, они легко ускользали от его аргументов. Вот если бы узнать, какова причина их забывчивости — тогда, быть может, удастся избавиться от нее? Он лихорадочно обдумывал разные возможности, и вдруг в голову ему пришла та мысль, что лишь промелькнула в его собственном рассказе, когда они укрывались от дождя позавчера ночью.

Глава 14

Щелкнув пальцами, Ричард сказал:

— Магия! В этом все дело! Помните, я рассказывал вам, что Кэлен появилась в лесах возле Хартленда, поблизости от моего дома, потому что ей нужно было найти давно исчезнувшего великого чародея?

— И что же? — спросила Никки.

— Кэлен пришлось искать его повсюду, потому что Зедд бежал из Срединных Земель еще до моего рождения. Даркен Рал изнасиловал мою мать, и Зедд хотел увезти ее подальше, в безопасные края.

Кара недоверчиво сдвинула брови.

— Примерно так же, как вы якобы увезли ту женщину, свою жену, в безлюдные горы, где она могла безопасно прийти в себя после избиения?

— Ну, примерно так, но...

— Замечаешь, что ты делаешь, Ричард? — перебила Никки. — Обе истории складываются одинаково. Только одна произошла на самом деле, а другую ты сочинил на той же основе! Любые сны строятся по этому образцу. Разум использует все, что в него уже вложено — слышано или увидено.

— Нет, здесь не тот случай. Выслушайте же меня наконец!

Никки выразила согласие коротким кивком, но стала в позу строгой учительницы, уламывающей упрямого ученика: руки заложены за спину, подбородок вздернут.

— Возможно, какие-то черты сходства тут есть, — честно признал Ричард, поеживаясь под проницательным взглядом Никки, — но в некотором смысле это лишь подчеркивает мою правоту. Зедд был сыт по горло общением с упрямыми членами Совета Срединных Земель — а я отказался помогать людям, которые предпочитали верить в лживые посулы Ордена. Разница в том, что Зедд захотел оставить их, чтобы они сами расхлебывали последствия своих глупостей. Он не хотел, чтобы его когда-нибудь нашли и попросили помощи в борьбе с бедами, которые сами же и накликали. Когда он покидал Срединные Земли, чтобы поселиться в Вестландии, то раскинул магическую сеть, заставившую всех забыть о нем.

Ричард надеялся, что женщины поймут его, но они смотрели по-прежнему недоверчиво.

— Зедд применил особое заклинание, чтобы все забыли его имя, забыли, кто он был, и не могли отыскать его. Видимо, нечто подобное случилось с Кэлен. Кто-то похитил ее и применил магию для того, чтобы уничтожить не только следы, но и всякую память о ней. Потому-то вы и не можете ее вспомнить. И никто не сможет.

Кару удивило его предположение. Она взглянула на Никки. Никки облизала губы и тяжко вздохнула.

— Ничего другого не придумаешь, — с нажимом сказал Ричард. — Это и есть искомый ответ!

— Ричард, — тихо сказала Никки, — здесь ничего подобного нет. Даже проблеска смысла в твоих выдумках не вижу.

Ричард не мог понять, как Никки, будучи сама чародейкой, не видела простой истины.

— Да что ты? Магия заставила всех забыть Зедда. Кэлен рассказала мне при первой же нашей встрече, что разыскивает великого чародея, но никто не мог припомнить его имя из-за того, что он накинул на себя магическую сеть забвения. Почему же не могли применить магию для того, чтобы забыли Кэлен?

— Все, кроме одного? — сказала Никки, хмуря брови. — Заклинание, похоже, забыли распространить на тебя — ведь ты ее вспоминаешь без труда!

Именно такого возражения Ричард и ожидал.

— Может быть, заклинание на меня не подействовало оттого, что я обладаю особым даром?

Никки снова глубоко, терпеливо вздохнула.

— Ты говорил, что эта женщина, Кэлен, искала некоего «старого волшебника», так?

— Так.

— Ты не видишь противоречия, Ричард? Она знала, что ищет давно исчезнувшего старого волшебника.

— И это верно, — кивнул Ричард.

— Заклинания такого рода весьма трудно создавать, — веско произнесла Никки, склоняясь к нему. — Они сопряжены с рядом осложнений, которые необходимо учитывать, но в остальном не представляют ничего особенного. Трудно, да, но не более того.

— Тем более не удивительно, если его испробовали на Кэлен. Кто-нибудь — да хоть один из чародеев Ордена, сопровождающий обоз с провиантом, — увел ее и навел на нас заклятие, чтобы мы о ней забыли и не преследовали их.

— Зачем такие сложные затеи? — спросила Кара. — Почему бы им просто не убить ее? Какой смысл захватывать кого-то и потом заставлять всех на свете забыть про него?

— Этого я не знаю. Быть может, они просто хотели уйти спокойно, без преследования. Или им вздумалось подчинить волю Кэлен, чтобы когда-нибудь показать своим подданным как доказательство своего могущества, позволяющего скрутить каждого, кто им сопротивляется. Так или иначе, она исчезла, и никто, кроме меня, не помнит ее. И мне кажется вполне разумным объяснение, что здесь не обошлось без заклинаний, подобных тому, которое использовал Зедд.

Никки потерла двумя пальцами переносицу, как будто от глупостей, произносимых Ричардом, у нее разболелась голова.

— Твоего деда искали все, кому не лень, — сказала она. — Люди помнили, что он был великим чародеем, высокопоставленной особой, даже то, что он родом из Срединных Земель. Не могли только вспомнить его имя — ну и, вероятно, внешность. Потому-то и было трудно отыскать его. Понимаешь, Ричард? Отнюдь не все знания о нем были утеряны. Заклинание стерло только имя. Мы же не помним о совместных странствиях с Кэлен. Ничего не помним, одним словом. Она не существует нигде, кроме твоей памяти!

Ричард признал это различие, но не собирался сдаваться.

— Здесь могло быть, скажем, более сильное заклинание! И по-другому направленное: кому-то нужно, чтобы ее забыли все, кто знал.

Никки сочувственно положила руки ему на плечи.

— Ричард, я допускаю, что такой человек, как ты, выросший в среде, где никто не понимает сути магии, счел бы это объяснение разумным. Да, оно весьма изобретательно, не спорю — однако, увы, в реальном мире заклинания так попросту не работают! Одно дело — заставить людей забыть только имя человека, другое — полностью вычеркнуть его из реальной жизни. Разница примерно такая же, как между походным костром и молнией в небе! Даже первая из этих задач, при всей кажущейся простоте, под силу лишь горстке наиболее способных чародеев, притом обладающих обширными знаниями. А кто мог бы справиться с задачей полного забвения — даже вообразить трудно.

— Я все еще этого не понимаю. — Ричард прошелся по площадке мимо статуи туда и обратно. — Мне кажется, что в обоих случаях воздействие примерно одинаковое.

— Подумай о том, как много связей создает в жизни любой человек, не говоря уже о такой важной особе, как Мать-Исповедница. Ее влияние сказывалось на жизни целых государств. Духи милостивые, Ричард, она имела решающий голос в Высшем Совете Срединных Земель! Она принимала решения, затрагивавшие все страны.

Ричард вернулся к волшебнице, ничуть не успокоенный:

— Какая разница? Зедд — Первый волшебник. Он тоже был важной особой и влиял на судьбы многих людей.

— Но люди забыли только его имя. Попытайся хотя бы на минутку представить себе, что случится, если заклинание заставит всех позабыть самого простого человека. — Никки отошла на несколько шагов и вдруг резко обернулась. — Возьмем некоего Фаваля, угольщика. Не имя забыть, но забыть вообще самого человека — как, по-твоему, нас заставили забыть эту Кэлен. Что случится при этом с семьей Фаваля? Как дети объяснят, почему у них нет отца? А откуда жене узнать, кто ее обрюхатил, откуда у нее дети, если она не помнит Фаваля? Куда подевался этот таинственный муж, зачем он бросил семью? Возможно, чтобы избавиться от страха и заполнить пустоту, она придумает другого мужчину. А что подумают все друзья семьи, какая сумятица возникнет в их мозгах? И что случится, когда обнаружатся расхождения между историями, которые все они придумают, сшивая разорванную ткань воспоминаний? Глядя на угольные ямы вокруг своего дома, жене и детям придется догадываться, как их занесло в эту хижину и кто же заготовил весь этот уголь. Далее — как обойдутся без Фаваля в той литейной мастерской, куда он поставлял уголь? Неужели Приска, владелец мастерской, решит, что корзины с углем возникли у него в подвале по мановению волшебной палочки?

Она немного помолчала, затем продолжила:

— Видишь, я только начала перечислять первые и очевидные последствия исчезновения памяти о Фавале, если бы твое фантастическое заклинание забвения коснулось его. Но круги пойдут дальше, расширяясь, и последствия будут все более сложными: денежные расчеты, размещение заказов, договоры с дровосеками и другими работниками, подписанные Фавалем бумаги, данные им обязательства и все прочее. Подумай, какую путаницу и замеша-

тельство внесет в мир исчезновение всего лишь незначительного человечка, живущего в хижине, на отшибе! — Никки подняла руку, подчеркивая важность следующих слов. — Но если такое случится с Матерью-Исповедницей?... — Она уронила руку. — Какая невообразимая смута должна была бы сопровождать ее исчезновение? Даже самая буйная фантазия не поможет вообразить такое!

Светлые волосы Никки, гривой рассыпавшиеся по плечам, красиво выделялись на фоне темной зелени отдаленных деревьев. Длинные вьющиеся локоны, изящная фигура, черное платье — все казалось милым, по-домашнему уютным, но от нее веяло такой силой, что никому не пришло бы в голову отнестись к ней легкомысленно. Сейчас, освещенная лучом заходящего солнца, она была воплощением убедительности и безупречного научного авторитета. Ричард застыл, потеряв дар речи, а Никки продолжала наставительным тоном:

— Именно из-за этого каскадного сцепления событий и невозможно подобное заклинание. От любого, даже самого незначительного действия Матери-Исповедницы покатятся последствия, нарастая как снежный ком — и даже те события, в которых она лично не принимала участия, лишь косвенно относящиеся к ней, тоже будут искажены. Мощность воздействия, сложность и размах последствий непостижимы. А для того, чтобы эти последствия сгладились и создалась новая цепь воспоминаний, исключающих ее, заклинание должно быть еще сильнее. То есть выходит, что сила заклинания, предназначенного для управления событиями, растрачивается на устранение его последствий. Если же в какой-то точке силы заклинания не хватит на подавление нарастающего вихря последствий, оно угаснет, словно свеча, залитая водой.

Кара, морщась, как от зубной боли, пыталась вникнуть в рассуждения волшебницы. Никки же, войдя в привычную роль наставницы, продолжала, ткнув пальцем в грудь Ричарда:

— И при всем том я еще не учитываю самое вопиющее противоречие твоего бреда. Тебе привиделась еще более сложная картина. Мало того, что ты выдумал эту женщину, жену, которую, кроме тебя, никто не помнит — ты пошел дальше, намного дальше, не осознавая роковых последствий. Твоя призрачная жена оказалась

не простой, никому не ведомой деревенской девчонкой, а широко известной особой. В рамках сна в этом нет ничего особенного — однако в реальных условиях возникает несоответствие. Но ты и на этом не успокоился. В бредовом состоянии ты добрался до самой Матери-Исповедницы, почти легендарной личности, весьма влиятельной — но притом живущей где-то далеко, так что ни мы с Карой, ни Виктор не можем знать ее. Мы не родились и не проживали в далеких Срединных Землях, то есть не можем при помощи точных фактов развенчать твою мечту. И все же она неизбежно потерпит крах, это лишь вопрос времени: твой мир, столь тщательно выстроенный, не выдержит столкновения с реальным. Для этого достаточно будет вернуться в Срединные Земли либо встретиться с приехавшими оттуда. Выбрав себе в спутницы знаменитую женщину, ты обрек свои идиллические мечты на скорый конец. Любой человек, знающий правду, станет для тебя стрелком, затаившимся в тени, но на этот раз все стрелы попадут тебе в сердце!

Никки подняла его голову за подбородок и заставила посмотреть себе в глаза.

— А ведь все может оказаться еще хуже! Что, если настоящая Мать-Исповедница умерла?

Ричард отпрянул от нее:

— Но она жива!

— Лорд Рал, — вмешалась Кара, найдя наконец возможность поддержать Никки, — я помню, как несколько лет назад Даркен Рал разослал лазутчиков убить всех Исповедниц. А его лазутчики всегда справлялись со своими задачами.

Ричард сердито взглянул на морд-сит.

— Но Кэлен им убить не удалось!

— Ричард, — мягко сказала Никки, вновь привлекая к себе его внимание, — а вдруг ты однажды приедешь в Срединные Земли и обнаружишь, что настоящая Мать-Исповедница не такова, как ты воображал — например, стара и некрасива? Между прочим, такие молодые женщины, как твоя возлюбленная, Исповедницами не становятся. Мать-Исповедница могла состариться и давным-давно умереть. Скажи честно, как бы ты поступил, столкнувшись с такой правдой?

У Ричарда все во рту так пересохло, что ему пришлось облизать губы, иначе слова не шли:

— Не знаю...

— Наконец-то честный ответ, — грустно улыбнулась Никки, но и такая улыбка далась ей с трудом и сразу угасла. — Я боюсь за тебя, Ричард, за твой рассудок, если ты будешь упорствовать в своих фантазиях. Они могут затмить настоящую жизнь. Когда тебе было плохо, Ричард, когда ты приблизился к краю пропасти, где ждала смерть, душа твоя отчаянно нуждалась в утешении. Ты хотел, чтобы рядом стоял кто-то любящий, способный отогнать страх и одиночество. Это вполне оправдано и понятно, и я не стану — не смогу — относиться к тебе хуже оттого, что ты нашел такой выход из тенет предсмертной тоски. Но теперь все миновало, и тебе пора побороть это состояние.

— Никки, только потому, что ты не можешь предвидеть...

— Ричард, — сказала она, тихо, но решительно перебив его. — Я — волшебница. Я была и сестрой Света, и сестрой Тьмы. Я кое-что знаю о магии. И я заверяю тебя, что придуманное тобой объяснение не укладывается в рамки настоящих знаний. Мало ли какие фокусы вытворяет разум отчаявшегося человека! В реальном мире им места нет.

— Никки, я не сомневаюсь в твоей учености, но даже ты не знаешь всего. И если не знаешь, как что-то делается, это еще не значит, что действие невозможно. Просто тебе его никогда не показывали. А ты из чистого упрямства не хочешь признать, что способна ошибаться. Хотя ошибались и волшебники куда опытнее тебя — вспомни хотя бы Даркена Рала! И только из самолюбия ты хочешь...

Стиснув кулаки, женщина буквально взвилась:

— Из самолюбия? Вот так, значит? По-твоему, я *хочу* противостоять тебе? Мне, по-твоему, нравится внушать тебе очевидную истину? Чудно! Скажи еще, будто мне вообще приятно идти против тебя!

— Я твердо знаю одно: кто-то, каким-то способом заставил вас обеих начисто забыть про Кэлен. Я также знаю, что она существует, и намерен отыскать ее. Даже если тебе это не нравится.

Никки отвернулась, скрывая слезы, и бросила короткий взгляд на статую, возвышающуюся над нею. Кара крутила кончик косы, не зная, куда деться от разгоревшейся в ее присутствии ссоры.

— Ричард, я не стала бы оспаривать твою мечту, будь в моих силах сделать ее явью. Ты даже не представляешь себе, чего бы я ни отдала, лишь бы у тебя было все... лишь бы ты был счастлив!

Выпалив это признание чуть ли не против воли, Никки поспешно отвернулась, сложила руки и уставилась невидящим взглядом в далекий горизонт. Кара посмотрела в другую сторону, якобы привлеченная видом людей, гуляющих по территории бывшего дворца.

Ричард поднял глаза к небу, стараясь остудить излишний гнев и обиду. Облака на горизонте из белых превращались в сиреневые, потом в серые; наступали сумерки. Все вокруг было мирным до нереальности.

— Никки, — Ричард наконец нарушил напряженное молчание, — можешь ты объяснить все это как-либо иначе? Не подскажет ли тебе наука хоть какую-то иную причину, кроме болезненного бреда? Какие магические приемы, какое волшебство поможет разрешить эту загадку?

Он смотрел ей в спину, ожидая, ответит ли она. Длинная тень пересекла изогнутый бронзовый диск солнечных часов у подножия статуи, подтверждая и без того очевидное: день угасал, драгоценное время уходило напрасно.

Никки все-таки обернулась к нему. Ее гневный порыв утих.

— Ричард, прости, но помочь тебе я не могу. — Она стряхнула слезу, пролившуюся на щеку. — Прости, что подвожу тебя.

Кара угрюмо посмотрела на Никки.

— Похоже, между нами есть нечто общее!

Ричард нежно коснулся кончиками пальцев статуи «Сильной духом». Вскинутое к небу лицо ее потемнело — последние лучи солнца, опустившегося за холмы, уже не доставали до него.

— Никто из вас не подводит меня, — сказал он. — Ведь вы говорите то, во что верите. Но Кэлен — не мечта, не бред. Она так же реальна, как ее дух, запечатленный в этом камне.

Глава 15

Подчеркивая окончание разговора, Ричард посмотрел вдаль и наконец заметил, что лужайка вокруг монумента уже не пустует: горожане со всех сторон приходили сюда отдохнуть после трудового дня. Но сверху было видно, что одна группа людей целенаправленно движется к монументу — гуляющие оглядывались на них, вероятно, интересуясь, что они затевают. Ричард понял их намерения, никого не спрашивая, потому что вел эту небольшую толпу человек, которого он очень хотел увидеть — Ицхак.

Еще издали тот замахал рукой и закричал:

— Ричард, Ричард!

Несмотря на тяжелое настроение, Ричард не мог удержаться от улыбки, глядя на старого приятеля — приземистого, все в той же забавной красной шляпе с узкими полями. Поняв, что Ричард его заметил, он ускорил шаг и чуть ли не рысцой понесся по траве.

— Ричард! — снова крикнул он. — Ты вернулся, как обещал!

Когда вся компания принялась взбираться по ступеням на холм, Ричард пошел им навстречу. Внизу уже собиралась большая толпа любопытных, сквозь нее уверенно прокладывал путь рослый здоровяк, и Ричард узнал Виктора. Достигнув мраморной площадки, Ицхак бросился к Ричарду и потряс его руку, сияя от великой радости.

— Ричард, как я счастлив снова видеть тебя в Алтур-Ранге! Ты теперь станешь возчиком в моей конторе перевозок, да? У меня куча заказов, не знаю, как управиться — и тут ты! Сможешь завтра приступить к работе?

— И я рад тебя видеть, Ицхак.

Ицхак все еще тряс руку Ричарда

— Значит, договорились? Станешь моим партнером. Будем делить все поровну, ты и я!

— Ицхак, если вспомнить, сколько денег ты мне должен...

— Деньги! — фыркнул Ицхак. — При чем тут деньги? Работы полно и будет еще больше, так зачем беспокоиться о деньгах?

Забудь про них. Мы вдвоем заработаем, сколько тебе угодно. Мне нужен толковый человек. А хочешь, пусть я буду твоим партнером, так даже лучше — всегда будем при деле. Про тебя все спрашивают. «Где же Ричард?», так и твердят. Послушай, Ричард, если ты...

«Как было бы просто и замечательно, — подумал Ричард. — Грузить фургон, ездить с места на место, получать деньги, неспешно обедать и каждый день мирно ложиться спать, не думая, как спасти мир..». То, что Ицхак по наивности забыл, с кем имеет дело, его посмешило бы — но сейчас было не до смеху. Не в силах долго подготавливать почву, он сразу отрубил:

— Ицхак, ничего не получится. Мне нужно разыскать Кэлен.

— Кэлен? — непонимающе заморгал Ицхак.

— Его жену, — сердито пояснил Виктор, остановившись рядом с Ицхаком.

Ицхак, разинув рот, взглянул на Виктора и вновь обернулся к Ричарду.

— Жену? — Он сдернул красную шляпу с головы. — Жену? Но это чудесно! — Ицхак широко развел руки. — Чудесно! — Он обнял Ричарда, крепко прижал, смеясь и пританцовывая на цыпочках. — Ты женился! Это событие следует отметить. Мы устроим пир горой и...

— Она пропала, — сказал Ричард, высвобождаясь из объятий Ицхака. — Я ее ищу. Мы не знаем, что с ней случилось.

— Пропала? — Ицхак пригладил черные волосы и снова надел шляпу. — Я помогу. Поеду с тобой. — Его темные глаза сразу стали серьезными. — Скажи, что я могу сделать?

Эти слова не были пустым проявлением вежливости. Ицхак был искренне готов помочь. У Ричарда потеплело на сердце: он знал, что этот человек ради него бросит все. Но сейчас был неподходящий момент для объяснений, и Ричард сказал только:

— Все не так просто.

— Ричард, — протиснувшись вперед, вмешался Виктор, — у нас неприятности...

Ицхак раздраженно прервал Виктора:

— У Ричарда жена пропала. Зачем морочить ему голову еще какими-то неприятностями?

— Не кипятись, Ицхак, Виктор уже знает про Кэлен, — Ричард положил левую руку на рукоять меча и обратился к Виктору:

— Что случилось?

— Только что вернулись разведчики. Они обнаружили отряды Имперского Ордена, которые идут в нашем направлении.

Ицхак снова сдернул шляпу с головы:

— Войска?

— Еще один обоз с провиантом? — спросил Ричард.

— Нет. Боевые подразделения, и они движутся на нас.

— Солдаты идут? — округлив глаза, воскликнул Ицхак. — И скоро они тут будут?

По растущей толпе прошел шумок: люди передавали друг другу тревожную новость.

— Судя по скорости марша, им потребуется еще несколько дней. У нас есть время подготовить оборону. Но времени не слишком-то много.

Никки подошла к Ричарду. Прямая, с высокой поднятой головой и пронзительным взглядом, она привлекла всеобщее внимание. Гомон толпы утих. Даже люди, не знавшие, кто такая Никки, обычно умолкали в ее присутствии — не понимая, почему такая привлекательная женщина пугает их.

— Разведчики точно определили направление? — спросила она. — Возможно, они пройдут мимо нас, направляясь на север?

— Они не направляются на север, — буркнул Виктор, уверенно мотнув головой. — Они *идут* с севера.

Пальцы Ричарда крепче стиснули рукоять меча.

— Идут с севера? Ты не ошибаешься?

— Это закаленные боевые части, — подтвердил Виктор. — Еще хуже, что по дороге они подобрали одного из своих жрецов.

Люди заволновались. Раздались возбужденные голоса, и каждый, желая быть услышанным, старался перекричать другого.

Никки вскинула руку, призывая к тишине. Других усилий ей не потребовалось — на склоне темнеющего холма, на мраморных ступенях мгновенно все стихло. Брови Никки сошлись на переносице, словно у ястреба, высмотревшего добычу. Подойдя вплотную к угрюмому кузнецу, она прошипела:

— С ними идет чародей?

Виктор не попятился — один из немногих — и ответил:

— Говорят, что он — жрец высокого ранга в Братстве Порядка.

— А в братстве вообще все чародеи, — заметил Ицхак. — Эту новость доброй не назовешь. Нет в ней ничего доброго!

— Это уж точно, — вздохнул Виктор. — Судя по донесениям разведчиков, там несомненно есть чародей.

В толпе снова поднялся гомон. Одни уверяли, что в любых обстоятельствах сумеют отразить попытку Ордена вновь захватить Алтур-Ранг. Другие, не столь самоуверенные, задавали растерянные вопросы.

Никки, обдумав новости, обратилась к Виктору:

— Удалось ли разведчикам узнать имя или какие-нибудь подробности, определить, кто он?

Засунув пальцы за пояс, Виктор кивнул утвердительно:

— Этого жреца зовут Кронос.

— Кронос... — задумчиво повторила она.

— Наши ребята поработали с умом, — сказал Виктор. — Они ухитрились незамеченными опередить солдат и, прикинувшись местными жителями в городишке, лежавшем на пути легиона, дождались их прихода. Солдаты стали лагерем на краю городка на несколько дней, для отдыха и пополнения припасов. Понятно, что горожан они обобрали дочиста. Напившись допьяна, солдаты выболтали достаточно, чтобы мои ребятки уловили суть их намерений. А они намерены не только положить конец восстанию в Алтур-Ранге. Они получили приказ сокрушать крамолу повсюду и не проявлять при этом излишнего милосердия. Учинить, так сказать, образцовую расправу. Задача не представляется им слишком сложной — и они заранее предвкушают, как позабавятся после победы.

Глухое молчание воцарилось в толпе.

— А как там насчет чародея? — спросил Ицхак.

— Видимо, этого Кроноса считают весьма благочестивым. Он среднего роста, голубоглазый. С солдатами не пил. Зато долго и нудно проповедовал горожанам о необходимости следовать истинным заветам Создателя и жертвовать всем, что они имеют, на благо ближних — то есть Имперского Ордена и возлюбленного императора. Но

когда он не проповедует, то занимается совсем иными делишками. Он распутник, и, судя по всему, ему все равно, какая женщина ему попадается и хочет ли она этого. Одну девушку по приказу Кроноса схватили прямо на улице, ее отец возмутился, поднял шум и собрал толпу; тогда добрый брат вышел и вспышкой своей силы поджег отцу кожу. Оставил его в назидание другим кричать и корчиться от боли, а сам пошел дальше развлекаться с дочерью. Бедняга умирал несколько часов. Мои ребята говорили, что ничего страшнее не видывали. После этого, понятное дело, никому уже не хватало духу возражать, когда Кронос выбирал себе новую женщину.

Толпа зароптала. Многих потряс и возмутил этот рассказ. Мысль о том, что орденские изверги собирались «образцово» покарать их самих, также не прибавила никому радости.

Никки не удивило сообщение об этой жестокой выходке. Она надолго погрузилась в задумчивость, потом покачала головой:

— Этого брата Ордена я не знаю — их много, и я не могу знать всех.

Темные глаза Ицхака перебегали с Ричарда на Никки.

— Что будем делать? Войска и чародей.... Это плохо. Но вы что-то придумаете, да?

Из толпы раздались возгласы одобрения и согласия с Ицхаком. Люди хотели знать, что думает Ричард. А он считал, что тут обсуждать нечего.

— Вы боролись за свободу и победили, — сказал Ричард. — По-моему, сдаваться вам нельзя!

Люди и с этим согласились. Они знали очень хорошо, каково жить под пятою Ордена, и уже распробовали вкус свободы. И все же страх начал закрадываться в сердца народа.

— Но вы здесь, с нами, лорд Рал, — послышалось из толпы. — Вы видали переделки и похуже, чем эта. С вашей помощью мы победим вражеских солдат!

Однако среди сгустившихся сумерек раздались совсем не те слова, каких ожидали все.

— Боюсь, что остаться здесь я не смогу, — медленно проговорил Ричард. — У меня есть неотложное и крайне важное дело. Мне придется уехать завтра на заре.

Потрясенное молчание стало ему ответом.

— Но войско противника будет здесь через два-три дня! — наконец воскликнул кто-то другой. — Лорд Рал, уж столько-то вы можете подождать!

— Если бы мог, то остался бы с вами и устроил достойную встречу этим солдатам, как раньше устраивал — но сейчас не могу себе позволить даже лишнего часа промедления. Битва ждет меня в другом месте. Но враг у нас один, и душою я буду здесь, с вами.

Ошеломленные люди не сводили с него глаз; он понял, что нужно объясниться подробнее.

— Неужели вы не способны просчитать, что случится дальше? Если я останусь, и мы победим тех солдат, которые сейчас идут убивать вас, вскоре придут другие, и в большем числе. Не можете же вы задерживать меня здесь до бесконечности, чтобы спасать вам свободу всякий раз, когда Джегань будет присылать своих солдат на захват Алтур-Ранга? Вы более не рабы — но, научившись вести житейские дела, теперь вы должны научиться самостоятельно защищаться. В мире полно таких мест, как Алтур-Ранг, и всем им предстоят такие же испытания. Раньше или позже вам придется взять ответственность на себя — так почему бы не сейчас?

— Значит, вы покидаете нас, когда мы больше всего нуждаемся в вашем присутствии? — прозвучал голос из толпы.

Его никто не поддержал, но было ясно, что многие подумали то же самое. Кара незаметно придвинулась ближе к Ричарду. Но прежде чем она успела стать, заслоняя его, он исподтишка взмахнул рукой, предупреждая, чтобы она не двигалась.

— Ну-ка опомнитесь, люди! — прорычал Виктор. — Ричард никого не покидает, и я не допущу подобной болтовни! — Стоявшие рядом горожане попятились, учуяв угрозу в его тоне. От одного только гневного взгляда Виктора бывало, бледнели здоровяки вдвое крупнее его. — Он уже сделал для нас больше, чем кто бы то ни было прежде. Всю свою жизнь прожили мы под властью Ордена. Ричард показал нам, кто мы на самом деле, доказал, что мы — гордые люди и можем сами устраивать свою судьбу. Мы взяли на себя ответственность за наши собственные жизни и добились свободы. Это не он пришел и даровал нам ее. Мы выковали ее сами!

Люди, стоящие на ступенях лестницы и внизу, на траве, выслушали эту отповедь молча; кое-кто пристыженно поглядывал на соседей. Но как только Виктор договорил, собрание взорвалось возбужденными выкриками согласия, предложениями, что нужно предпринять. Никки дернула Ричарда сзади за рукав и отвела его в сторонку, где можно было поговорить вполголоса.

— Ричард, эту битву сейчас следует считать наиболее важной!

— Я не могу остаться.

Ее голубые глаза сверкнули еле сдерживаемым гневом:

— Здесь твое настоящее место, ты должен возглавить народ! Ты — лорд Рал. Они рассчитывают на тебя!

— Независимость означает ответственность. Мы все боремся за то, во что верим. Они сделали свой выбор, когда подняли восстание, я — свой. Я намерен сделать то, что считаю своим первостепенным долгом.

— Ты бежишь от боя с врагом ради погони за фантомами?

Ее язвительные слова остались без ответа. Ричард отошел от чародейки и обратился к народу:

— И Древний, и Новый мир охвачены войной. — Разговоры в толпе мало-помалу стихли, люди поворачивались к Ричарду, чтобы и слышать, и видеть его. — Войско, идущее сюда, состоит из вояк, закаленных и испытанных в этой войне. Проходя по разным землям севера, они разоряли их, они орудовали своими мечами, секирами и булавами, убивая и вооруженных, и безоружных людей Нового мира. Эти войска набрались опыта в захвате городов и убиении мирных жителей. Явившись сюда, они будут пытать, насиловать и убивать граждан этого города, как они поступали и с теми городами... если вы не сумеете их остановить.

Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

— Но даже если вам удастся выстоять, на этом не кончится. Орден пришлет новых солдат. Если вы победите и их, в следующий раз придет еще большее войско.

— Ричард, как тебя понимать? — спросил Ицхак, нарушив всеобщее молчание. — Значит ли это, что положение безнадежно и нам нужно сдаться?

— Нет. Я хочу, чтобы вы отчетливо осознавали, что значит воевать против Имперского Ордена — видели подлинные размеры предстоящей вам работы. Если вы хотите остаться свободными перед лицом такого противника, недостаточно просто стоять на месте и оборонять город. Ни одна война еще не была выиграна обороной. Вам нужно дать врагу такой отпор, чтобы отбить у него охоту снова посягать на вашу свободу. Заботясь о себе, вы поможете и всему миру избавиться от Имперского Ордена.

Ричард медленно покачал головой.

— Сейчас только Д'Хара, земля, которой я правлю, еще противостоит Ордену, Но в одиночку у нас нет шанса на успех. Как только Д'Харианская империя падет, император Джеганъ использует освободившиеся от этой войны войска и со всей силой обрушится на те островки сопротивления идеям Ордена, какие еще останутся. И первым в списке непокорных будет Алтур-Ранг. Это его родной город. Он не позволит, чтобы здесь оставались противники его убеждений. Он напустит на вас своих самых свирепых псов — уроженцев Древнего мира. Вас окружит и обескровит войско Джеганя, составленное из ваших же соплеменников. Вы умрете все до единого, ваших сыновей вырежут, а ваши жены, сестры и дочери станут наградою для тех мерзавцев, чьей силой поддерживается власть Ордена.

В потрясенной толпе не слышно было ни звука. Страх читался на всех лицах, белеющих в сумерках. Накануне битвы они ожидали бодрых, хвастливых речей, а не этой суровой правды.

Виктор прокашлялся

— Ты еще что-то хочешь сказать нам, Ричард?

Ричард посмотрел на море голов, окружающее площадку, где он стоял, и кивнул.

— Да. Я пытаюсь объяснить, что просто стоять и защищаться, когда к вам придут, недостаточно. Вы должны сами нанести болезненный удар Имперскому Ордену и способствовать его падению.

Ицхак поднял руку:

— Способствовать его падению? Каким образом?

— Как все вы хорошо знаете, под властью Ордена у народа было мало работы, мало еды, мало надежд... кроме надежды на лучшую жизнь в посмертии — но только в обмен на самоотвер-

женное служение в этой жизни. Жрецам Братства Порядка нечего предложить вам, кроме нищеты — потому они возводят страдание в ранг добродетели и великодушно обещают вам неслыханные, вечные наслаждения в неком ином мире. Эту награду нельзя заранее увидеть, об этом мире ничего не известно никому — кроме, якобы, самих жрецов. Никто из вас не стал бы продавать даже собаку за такие пустые обещания — и все же набрались целые легионы обманутых, готовых отдать свои жизни, единственные и неповторимые, в этой нечестной сделке!

Ричард оглядел примолкшую толпу и продолжил:

— Джеганъ взывает к воле Создателя. Он призывает бороться за будущее всего человечества и объявляет уничтожение всех, владеющих особым даром, весомым поводом для вторжения войск Древнего мира в Новый мир. Он убеждает своих подданных, что жители далекого севера — развратные язычники, и ради любви к Создателю их следует покорить. Но на самом же деле Джеганъ всего лишь отводит внимание народа от бедности и безработицы, к которым привели действия и учение Имперского Ордена. Вину за падение Древнего мира он возлагает на предателей — например, таких, как вы, — и на их сообщников на севере, якобы еще более злобных. Так Джеганъ дает отчаявшимся молодым людям выход, предмет, который можно ненавидеть, которому можно мстить за их собственные несчастья. Вы сами видели, как много таких юных и преданных «благородному делу» ребят покинули Алтур-Ранг, чтобы присоединиться к армии Джеганя. Они полностью уверовали в учение Ордена и теперь считают, что во всех их бедах виноваты инакомыслящие. Большинство из них уже недоступно доводам разума или раскаянию.

Голос Ричарда звучал все громче:

— Поскольку война идет далеко от его основных владений, Джеганъ позволяет этим дикарям рыскать повсюду и грабить — надеясь, что, поживившись какой-нибудь добычей, они забудут, какое жалкое будущее ожидает их дома. Во имя Создателя и Порядка они подавляют всякое сопротивление и захватывают целые страны. Они поражают страхом всех, кто оказывается на их пути. Многие люди, не вынеся жуткого ожидания орды убийц Джеганя,

в надежде заслужить пощаду и избежать самой страшной расправы, предпочитают сдаться на их милость и добровольно присоединиться к делу Имперского Ордена. Но теперь, когда вы понимаете суть происходящей борьбы, нет нужды отчаиваться и пугаться. Прежде всего учтите, что Имперскому Ордену не удалось в полной мере устранить трудности, возникшие из-за отдаленности его земель. Несмотря на захват огромных богатств, войскам постоянно нужно пополнять всевозможные припасы — от муки для выпечки хлеба до перьев для изготовления стрел. Они не могут наскрести достаточно провианта для прокормления огромного числа солдат. Им нужны ремесленники и работники, им нужен постоянный приток пополнения рядового состава взамен множества погибших. Вести войну в чужой и отдаленной земле трудно. Даже потери от болезней у них огромны. Однако подкрепления неизменно приходят, и до сих пор им всегда удавалось более чем восполнить потери. С каждым днем войско их растет и множится. Но это означает, что и потребности все более возрастают...

Теперь вся толпа внимательно и напряженно слушала Ричарда. А он продолжал:

— Те обозы, что непрерывно тянутся на север, жизненно важны для Имперского Ордена сейчас, когда они завоевывают Новый мир. Вам может показаться, что дела этой отдаленной земли вас мало касаются — но в действительности эта угроза столь же близка, как и отряд, направляющийся прямо сюда. Как только убийцы закончат уничтожать моих сородичей на севере, они вернутся, чтобы уничтожить вас. Если Орден выиграет, все люди проиграют, где бы они ни жили. Спрятаться будет негде. И если вы хотите уцелеть, хотите не только прогнать врага, но и дожить до весны, до следующего года, если хотите прожить много лет, сохранить то, что зарабатываете, прокормить семью, добиться лучшей жизни для себя и своих детей, для внуков — тогда вы должны лишить Орден возможности выжить! Виктор и его ребята уже взялись за эту задачу — но их усилия можно сравнить с шепотом, когда нужно яростно кричать. Этот отряд должен быть намного многочисленнее. Нужны и другие отряды. Беспрерывно нападайте на обозы Ордена и разоряйте их. Убивайте солдат на марше. Ломайте повозки, зава-

лывайте дорогу, чтобы они не могли ехать дальше. Пусть Орден не дождется ни муки, ни оружия, ни подкреплений. Орден не сможет послать обратно в Древний мир тех, кто умрет от голода в необитаемых горах севера, и некому станет вонзать нож в ваше сердце!

Ричард обернулся, жестом указав на Кару и Никки.

— Но есть и другие способы добиться победы. Эти две женщины, стоящие сейчас рядом со мной, когда-то были моими врагами. Но я помог им понять, что сражаюсь за жизнь, за простое человеческое счастье, — за все, что цените и вы. И они, осознав истину, стали воительницами на стороне нашего дела... — Ричард обвел рукою людей, тесно стоящих на ступенях лестницы и на лужайке. — Вспомните, не так уж давно все вы были врагами Нового мира. Многие из вас с детства верили обманам Ордена. Но когда перед вами, словно яркое пламя, вспыхнул образ иной жизни — реальной и достойной человека, — у вас хватило духа избрать новый путь. И вот я стою среди бывших врагов, в сердце вражеской страны — но как же все изменилось! Как много друзей я обрел среди вас! Значит, можно открыть глаза и тем, кто сейчас трудится ради победы Ордена. Если кто-то из них постигнет, как чудесна и прекрасна эта жизнь, значит, станет на одного меньше желающих убить вас. Я мечтаю о том, чтобы истина открылась всем, и весь мир зажил спокойно и радостно.

Он снова несколько понизил голос:

— Но есть и такие, кто потерян для истины, для разума. Они ненавидят все, что вы считаете прекрасным. Этих фанатичных последователей Ордена остается лишь убивать, потому что уж они-то при первом же удобном случае убьют вас и разрушат все, что вам дорого. Поэтому распространяйте вашу борьбу повсюду, не оставляйте ни единого уголка, где проповедники смерти чувствовали бы себя в безопасности. Да, вам придется беспощадно убивать фанатиков с горящими глазами, сражающихся за Орден. Но еще важнее другое: чтобы вырвать эту заразу с корнем, нужно уничтожать тех, кто внушает им учение Имперского Ордена — своими речами они развращают и отравляют умы, не способные думать. Если их не остановить, не заткнуть им рот — они и дальше будут воспитывать одинаковых, как отчеканенные монеты,

убийц, грозящих вам и вашим семьям. Сердца этих людей настолько пропитаны ненавистью, что они не признают никаких границ. Они не позволят вам существовать, потому что ваше процветание демонстрирует лживость их учения!

Голос Ричарда вновь окреп и сейчас далеко разносился над собравшейся толпой. Люди слушали его, боясь шелохнуться.

— Эти учителя ненависти должны узнать, что для них нет на вашей земле безопасного места, — продолжал он. — И они узнают, что нормальные люди не потерпят их бесчинств, и вы не успокоитесь, пока не настигнете их всех. Все вы храбро сделали первый шаг и сбросили оковы. Все вы достойно прошли испытание. Но сейчас дело не в том, чтобы выиграть еще одну битву. Речь идет о будущем. Многие уже пали в борьбе за общее дело, и еще больше погибнет в новых боях. И все же победа над злом возможна и вполне в ваших силах. Но вы должны понимать, что война за вашу мечту далеко еще не закончена. Свободу всегда трудно сохранить и легко утратить. Для этого достаточно простого равнодушия. — Ричард показал рукою на статую, словно излучающую теплое сияние в последнем свете дня. — Вот что напомнит вам о настоящей жизни, о ценности свободы — дух этой статуи, которой все мы восхищаемся!

— Лорд Рал, — жалобно произнес пожилой горожанин, — для нас это слишком большая задача. Мы люди простые, не воины. Если б вы повели нас, было бы по-другому, а?

— Я тоже был простым проводником в лесах, — сказал Ричард, положив руку на грудь, — когда мне пришлось принять вызов, брошенный судьбой. И тоже не хотел становиться лицом к лицу со злом. Оно, казалось, повсюду преследовало меня. Но мудрая женщина — та, чьим подобием является эта статуя — доказала мне, что сдаваться нельзя. Я не лучше вас, не сильнее вас. Я просто человек, который сумел понять, что с тиранией нужно неустанно бороться. Я взялся за это дело потому, что больше не хотел жить в страхе, но стремился отстоять право жить, как мне хочется. Я дал себе обещание, что буду смело сражаться за свою родину и лучше умру, чем поступлюсь свободой, бросив тем самым на произвол судьбы будущее моего народа.

— В Новом мире, на севере, люди сражаются и погибают день за днем, — продолжил он после паузы. — Такие же простые люди, как вы. Никто из них не желает воевать, но им приходится, ибо иначе они умрут. На севере действительность сталкивает нас с чудовищными зверствами солдат Ордена. Они не люди, которых можно мерить масштабом цивилизации. Они превратились в дикие орды с низменными инстинктами и жаждой крови, которую мы ни представить, ни объяснить себе не можем. Они не ведают никакой пощады и получили от своего императора полную свободу убийств и разрушений на нашей земле. Беззащитные старики, женщины и дети будут зарезаны, угнаны в рабство, а их добро бессмысленно разграблено и разрушено. А завтра судьба этих несчастных станет и вашей судьбой. Ни у кого нет надежды устоять и победить в одиночку. Когда придет ваше время, то же случится и с вами. Вам нужно ощутить единство с другими свободными людьми и вместе дать отпор тем, кто готов набросить тень тьмы на весь мир!

Один из тех, кто стояли в первом ряду, выкрикнул:

— Но не то же ли самое внушал нам Орден — насчет самопожертвования на благо человечества?

Ричард улыбнулся наивности вопроса.

— Те, кто призывают вас к всеобщему благу, на деле ненавидят всякое благо вообще. У каждого человека есть какие-то цели, и многие ради личной выгоды способны совершать подлости. Но это не значит, что следует заставить всех людей отрешиться от своих интересов, как уверяют нас проповедники Ордена. Нужно научить человека видеть шире, дальше собственного носа, осознать и право каждого на личный интерес, прочувствовать единство желаний всех людей мира. Просвещенный таким сознанием, я поднял меч против Имперского Ордена — и эта борьба стала моим личным интересом. И вам ради собственного блага, ради тех, кого вы любите, нужно вступить в борьбу, и пусть каждый сделает то, что ему по силам, ради достижения общей цели. Я не заставляю вас бороться за все человечество, но хочу, чтобы вы поняли — ваша борьба за жизнь и есть частица общей борьбы... Ведь нет ничего постыдного в личных интересах. Без них человек не смог бы выжить. Но нужно уметь различать, в чем заключается

этот интерес в тех или иных условиях. А сейчас он заключается именно в необходимости подняться и нанести сокрушительный удар Ордену. Для усиления наших сил, и в особенности — для ведения беспощадной борьбы там, где враг хочет ступить на нашу землю, — я призываю всех способных носить оружие мужчин к участию в борьбе. Весь Древний мир надеется на нас. Призванные в самое тяжелое время к защите родины, мы не успокоимся до тех пор, пока не будут завоеваны победа и мир и упрочена наша свобода. А после обретения полной свободы каждый из вас сможет вернуться к частным делам.

Сколько хватало глаз, Ричард повсюду видел темные фигуры людей, и многие кивали, соглашаясь с его словами. Виктор, внимательно следивший за толпой, с улыбкой обратился к Ричарду.

— Лорд Рал, думаю, мы согласны с вами. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы так и получилось.

Виктор крепко пожал Ричарду руку, и толпа разразилась приветственными возгласами.

Теперь народ на площади Свободы принялся обсуждать, как лучше справиться с задачей, и Ричард наконец смог отвести Никки в сторону. Кара шла за ним по пятам.

— Ричард, я признаю правоту всего, что ты сейчас сказал и сделал — но ты все-таки нужен здесь и...

— Никки, — перебил он, — завтра утром я уезжаю. Кара отправится со мной. Я не собираюсь подсказывать, приказывать — но думаю, что тебе лучше остаться и помочь народу. И без того им трудно будет справиться с имперскими солдатами, а ведь там есть еще и чародей! Ты намного лучше меня знаешь, как справиться с такой угрозой. Ты очень поможешь горожанам.

Никки долго смотрела ему в глаза, потом взглянула на толпу внизу.

— Мне нужно быть с тобой, — сказала она сдержанно, но он уловил мольбу в ее словах.

— Я уже сказал — это твоя жизнь, и я не стану указывать тебе, что делать. Однако и ты не пытайся указывать мне!

— Тебе следовало бы остаться и помочь, — упрямо повторила она и, отвернувшись, добавила: — Но, в конце концов, ты —

Искатель. — Она снова посмотрела на людей, оживленно беседующих с Виктором. — Сейчас они не высказали возражений, но будут обдумывать твою речь и вполне могут, столкнувшись с вражескими солдатами, после жестокой и кровавой битвы, решить, что с них довольно...

— Я, собственно, надеялся, что если ты останешься и поможешь им справиться и с чародеем, и с войском, его сопровождающим, это прибавит веса моим речам и поддержит убежденность народа. Ведь здешним жителям хорошо известно, как много ты знаешь о характере Ордена. Они отнесутся со вниманием к твоим советам, особенно после того, как ты поможешь спасти город и их семьи.

Подождав, пока она взглянет на него, Ричард продолжал:

— А тогда ты сможешь покинуть их и присоединиться к нам с Карой.

Она внимательно посмотрела на него и, сложив руки на груди, уточнила:

— Значит, тебе будет приятно, если я поступлю, как ты предлагаешь, и останусь помочь городу?

— Несомненно, — подтвердил Ричард, пожав плечами.

Никки раздраженно вздохнула.

— Ну что ж, тогда я останусь и постараюсь справиться с наступающей угрозой. Но после этого — когда мы разобьем войско и устраним чародея — ты позволишь мне присоединиться к вам?

— Я же сказал — да, позволю!

Она сдалась наконец и кивнула:

— Я остаюсь.

— Отлично. — Ричард повернулся и позвал: — Ицхак!

— Я тут, — подбегая, отозвался тот. — Что случилось?

— Мне нужно шесть лошадей.

— Шесть? Ты возьмешь с собой кого-то еще?

— Нет, едем только мы с Карой. Но нам нужны будут запасные лошади, чтобы ехать быстро, не переутомляя их. Только нам нужны не твои тяжеловозы, а верховые, быстроногие лошади. И упряжь для них, — добавил Ричард.

— Верховые лошади... — Ицхак снял шляпу и той же рукой почесал в затылке. — Когда вы отправляетесь?

— Мне нужно уехать как можно скорее, лучше всего на рассвете.

Ицхак подозрительно взглянул на Ричарда:

— Я полагаю, это зачтется как частичное погашение моего долга?

— Я хотел успокоить твою совесть относительно начала выплаты, — усмехнулся Ричард.

Ицхак подавил короткий смешок.

— Будет тебе все, что требуется. Да еще я присмотрю, чтобы вас снабдили провизией.

Ричард положил руку на плечо Ицхака:

— Спасибо, друг. Большое спасибо. Надеюсь, когда-нибудь я смогу сюда вернуться и перевезти для тебя парочку грузов, чтобы вспомнить былые времена.

Лицо Ицхака просветлело:

— Вернешься, когда мы все освободимся окончательно?

— Окончательно, — повторил Ричард и посмотрел на небо — звезды уже усеяли его. — Ты не подскажешь, где найти тихое местечко, чтобы мы могли перекусить и поспать до утра?

Ицхак взмахом руки указал на холмы за площадью, где прежде располагались хижины строителей дворца.

— С тех пор, как ты приезжал в последний раз, у нас появились гостиницы. Народ отовсюду валом валит взглянуть на площадь Свободы, и всем нужен ночлег. Во-он там я выстроил домик и сдаю комнаты. Поверь, лучших нигде не найдете! — Он назидательно поднял палец. — Такая уж у меня репутация — я предоставляю лучшее из имеющегося, будь то фургоны для перевозки или комнаты для усталых путешественников.

— Чувствую я, что твой долг быстро убывает...

— Много есть желающих посмотреть на эту замечательную статую, — тонко улыбнулся Ицхак. — Комнату найти нелегко, потому они недешевы!

— Ну, в этом я и не сомневался!

— Но услуги соответствуют цене, — настаивал Ицхак. — Все справедливо! И еще у меня там есть конюшня, и я поставлю там ваших лошадок, как только найду. Уже иду!

— Вот и хорошо. — Ричард подобрал с мраморных плит свой мешок и забросил за спину. — Хоть и дороговато, зато близко идти!

Ицхак широко развел руки:

— И ты еще недоволен? Да один вид из окон на заре дорогого стоит! — Он ухмыльнулся. — Но для вас, Ричард, госпожа Кара и госпожа Никки, все бесплатно!

— Нет, нет! — Взмахнув рукою, Ричард предупредил возможные возражения. — Будет лишь справедливо, если ты получишь какую-то прибыль за вложенные средства. Вычти стоимость нашего пребывания из суммы долга. Что касается прибыли, я уверен, что она основательно округлилась!

— Прибыль? Округлилась?

— Разумеется, — сказал Ричард, поворачиваясь в сторону далекой гостиницы. — Ты воспользовался моими деньгами. Будет лишь справедливо, если я получу за это компенсацию, как ты полагаешь?

Глава 16

Никки, Кара и Ричард наскоро пообедали в маленькой столовой. Джемила, управлявшая заведением, — еще одна партнерша Ицхака — получила от него указания устроить им царский прием. Круглолицая разбитная хозяйка предложила приготовить все, что они пожелают. Но Ричард не хотел, чтобы вокруг них суетились, к тому же разогретая баранья похлебка, оставшаяся от обеда, позволяла им справиться с едой поскорее и сразу залечь спать. Джемила явно расстроилась оттого, что ей не представился шанс блеснуть кулинарным мастерством. Но по сравнению с тем, как они питались в походе, миска горячей жирной похлебки и свежий, с хрустящей корочкой хлеб, обильно нагруженный маслом, показались Ричарду самым роскошным лакомством в жизни. Если бы его так не донимали тревожные мысли, он еще больше насладился бы обедом.

Войдя в свою комнату, Ричард с радостью увидел там умывальник с тазом, кувшином и всеми прочими принадлежностями. Конечно, ванна была бы лучше — но все-таки здесь можно вымыться

перед сном. Он запер дверь на засов, хотя в этой маленькой гостинице мог чувствовать себя в полной безопасности. Снаружи и внутри гостиницы поставили стражу, и даже по улицам, прилегающим к зданию, расхаживали караулы. Ричард не думал, что стоит отвлекать от дел так много людей — но Виктор и другие горожане настаивали на повышенной бдительности, ведь вражьи войска были совсем неподалеку. В конце концов, ценя возможность мирно и тихо выспаться, Ричард перестал возражать.

Он так вымотался, что едва держался на ногах. Все суставы ныли от долгой ходьбы по бездорожью. Неожиданная встреча с народом на площади Свободы потребовала сильнейшего напряжения чувств, и теперь он был совершенно опустошен.

Ричард сбросил с плеч мешок. Уронив его на пол в изножье узкой кровати, подошел к умывальнику и стал плескать водою в обветренное лицо. Прикосновение прохладной воды показалось ему настоящим блаженством.

Он знал, что Кара и Никки нуждаются в отдыхе не меньше, чем он сам, и потому настоял, чтобы каждый спал в своей комнате. Женщины, разумеется, намеревались разместиться вместе с Ричардом, чтобы присматривать за ним и быть на всякий случай рядом. Он представил себе, как обе они будут стоять, скрестив руки, у его постели, пока он будет спать, и решительно отказался. Пришлось доказывать, что на втором этаже с ним ничего не случится, тем более при наличии такой охраны. Они сдались, но неохотно и лишь после того, как он напомнил, что отдохнувшие и свежие они будут ему более полезны. Имело смысл воспользоваться редкой возможностью отдохнуть, не стоя по очереди на часах.

Виктор пообещал навестить Ричарда и Кару, проводить их рано утром. Ицхак уверил их, что лошади будут стоять наготове в конюшне задолго до этого. И Виктор, и Ицхак сожалели об его отъезде, но понимали, что иначе нельзя. Ни один из них не спросил, куда он направляется, — видимо, им было неловко говорить о женщине, в существование которой они не верили. Он уже заметил, как отдаляются от него люди, если он упоминал при них о Кэлен.

Из высокого окна перед Ричардом открывался захватывающий вид на статую «Сильной духом» — в долине у подножия хол-

ма, на котором стояла гостиница. Фитиль лампы был прикручен и не мешал рассматривать беломраморную фигуру в кольце огней, горящих в чашах на высоких железных опорах. Ему припомнилось, как много раз смотрел он с этого самого склона на строящийся дворец императора Джеганя. Казалось, будто теперь он оказался в совсем ином мире, неизвестном, устроенном по каким-то своим законам. Может, он и в самом деле теряет рассудок?

Никки, занявшая комнату на нижнем этаже у входной двери, наверное, не могла видеть статую — но у Кары, поселившейся в соседней с ним комнате, перед глазами был тот же вид. Интересно, любуется ли она, и какие мысли вызывает у нее созерцание статуи? Ричард не мог понять, почему она лишь урывками вспоминает историю создания статуи, не помнит, как много эта работа значила для него — и для Кэлен. Может, и она тоже чувствует, что живет не своей жизнью... или сомневается в собственном рассудке?

Если поначалу у Ричарда еще оставалась слабая надежда, что жители Алтур-Ранга припомнят Кален, теперь ему стало окончательно ясно, что непостижимой забывчивостью страдают не только те, кто находился рядом с нею, когда она исчезла. Значит, какова бы ни была причина недуга, он успел распространиться широко...

Ричард прислонился к стойке умывальника и, прикрыв глаза, покрутил головой. Шея и плечи еще не отошли от тяжести ноши, которую он почти не снимал несколько дней, пробираясь по густым, бесконечным лесам. Во время этого трудного и спешного похода даже разговоры давались с трудом. Когда он зажмурился, перед ним вновь замелькали бесконечные ряды однообразных стволов. Казалось, ноги все еще продолжали шагать. Так славно, что можно наконец остановиться!

Зевая, Ричард стянул через голову перевязь и пристроил Меч Истины на стуле рядом с умывальником. Сбросил рубашку и швырнул ее на постель. Мелькнула мысль, что хорошо бы постирать вещички, но он слишком устал. Ему хотелось только помыться и рухнуть на кровать.

Намылившись мягкой мочалкой, он снова подошел к окну. Ночь была тихая, не считая беспрестанного стрекота цикад. Он не смог отказать себе в желании еще раз взглянуть на статую. Она так

напоминала Кэлен, что сердце его сжималось от боли. Ему приходилось делать усилие, чтобы не думать, с какими ужасами она могла столкнуться, какую боль, быть может, терпит. Пытаясь отвлечься, он постарался вспомнить улыбку Кэлен, ее зеленые глаза, тепло ее рук, обнимающих его, вкус поцелуев.

Он должен найти ее.

Он окунул мочалку в воду, выжал ее и следил, как грязная вода стекает в таз; тут он заметил, что руки его трясутся.

Он должен найти ее.

В новой попытке думать о другом Ричард уставился на таз и стал изучать цветочный орнамент, вьющийся по краю. Гирлянды были синие, а не зеленые — наверное, их подбирали в тон синим цветам, нарисованным по трафарету на стенах. Такие же синие цветочки были и на простеньких занавесках, и на покрывале кровати. Ицхак очень постарался превратить свою гостиницу в уютный и привлекательный уголок.

Внезапно вода в тазу, неподвижная, как лесной омут, без всякой видимой причины пошла кругами.

Ричард замер, не сводя с нее глаз. Круги расходились правильными волнами.

И тут все здание содрогнулось с глухим грохотом, будто сверху упало что-то тяжелое. Оконное стекло со звоном треснуло и осыпалось мелкими осколками. Потом, почти сразу, с дальнего конца дома донесся приглушенный звук ломаемого дерева.

Ричард застыл, согнувшись, с широко раскрытыми глазами, не в силах понять, что происходит.

Сперва он подумал, что на дом упало большое дерево — но сразу же вспомнил, что в окрестностях нет больших деревьев.

Мгновение спустя после первого сотрясения раздался новый удар — на этот раз громче. Ближе. Дом зашатался, трещала раздираемая в щепки древесина. Ричард посмотрел вверх, боясь, что потолок может рухнуть.

Еще быстрее третий удар потряс дом до основания. Доски, балки хрустели, скрипели, визжали, будто живые существа, раздираемые заживо.

БУМ-М! ХР-Р-РУМ! Все громче, все ближе.

Ричард оперся ладонью о пол, стараясь удержать равновесие, когда дом содрогался от чьей-то чудовищной поступи. Что-то быстро продвигалось сюда с дальнего конца здания.

БУМ-М! ХР-Р-РУМ! Совсем близко.

Ночную тишину разорвали пронзительные вопли. Полы тряслись. Вода из таза выплеснулась через край, расписанный синими гирляндами. Звуки ломаемых стен слились в единый непрерывный грохот.

Вдруг стена слева от Ричарда — стена смежной комнаты, где отдыхала Кара, — выпятилась внутрь и словно взорвалась с оглушающим шумом, подняв облака пыли.

Что-то черное, огромное, едва вместившееся в комнату, протиснулось сквозь стену, раскидывая во все стороны куски штукатурки и обломки дранки.

От напора воздуха дверь сорвалась с петель, разлетелись вдребезги остатки стекол и наличники окна.

Расщепленные куски досок, длинные и зазубренные, разлетелись по комнате. Один проткнул стул, где лежал меч, другой воткнулся в противоположную стену. Меч отлетел в сторону, и дотянуться до него не удалось. Одна деревяшка так саданула Ричарда по ноге, что он упал на одно колено.

Живая тьма гнала перед собою обломки, все летело, кружилось, заслоняя свет и создавая нереальные, вихрящиеся сумерки.

Леденящий ужас сковал Ричарда. Тяжело дыша, он с трудом поднялся на ноги и увидел, что дыхание его вырывается, будто на морозе, облачком холодного пара.

Тьма, подобная смерти, надвигалась. Ричард глубоко вдохнул, но воздух впился в легкие, будто ледяные иглы. От боли горло перехватило.

Ричард знал, что жизнь и смерть балансируют сейчас на лезвии бритвы, на протяжении бесконечного мгновения.

Собрав все силы, он бросился к окну так, как бросаются в полынью во льдах. Боком он коснулся непроницаемого сгустка тьмы и ощутил обжигающий холод.

Выскочив из окна и вспомнив, что падать будет высоко, Ричард успел уже на лету ухватиться за раму — только левой рукой,

зато намертво. От резкого движения тело раскачалось, и его приложило к стене дома с такой силой, что чуть дух не вышибло. Он повис, ушибленный этим ударом, пытаясь вдохнуть.

Но влажный ночной воздух, словно в сговоре с тем жестоким холодом, что заставил его выброситься из окна, лишь усилил удушье. Краем глаза он заметил статую, озаренную живым пламенем светильников — все такую же величаво-спокойную, готовую принять вызов врага. И такова была сила, исходящая от нее, что Ричард наконец сумел вдохнуть, закашлялся, вдохнул еще и попытался найти опору для ног. Однако опоры не было. Глянув вниз, он увидел, что земля ужасно далеко.

Судя по ощущениям, он вывихнул плечо. Вися на одной руке, он не решался отпустить раму, боясь при падении сломать ноги, а то и шею.

Сверху, из окна, раздался такой пронзительный вой, что волосы встали дыбом и каждый нерв отозвался резкой болью.

Звук этот был столь мрачен, столь ядовит, столь ужасен, словно преграда, отделяющая потусторонний мир, прорвалась и сам Владетель мертвых явился среди живых. Затем доносящийся из комнаты вой перешел в прерывистый отчаянный вопль, полный искренней ненависти.

Ричард осторожно глянул вверх и чуть не свалился. Но лучше уж упасть, подумал он, чем столкнуться с чудовищной тенью, вдруг появившейся в окне.

Темное, бестелесное нечто выливалось из разломанной рамы, словно дыхание зла.

У него не было ни контура, ни формы — и все-таки Ричард отчетливо понял, что перед ним не просто злобная тварь. Это было воплощение самой смерти, вышедшей на охоту.

Выскользнув из окна в ночь, тварь вдруг начала распадаться на тысячи дрожащих лоскутьев; разлетаясь во все стороны, клочья холодной тьмы исчезали, таяли, растворялись в ночных тенях.

Ричард все еще висел, тяжело дыша, не в силах пошевелиться, не сводя глаз с чернильного пятна, ожидая, что оно сейчас вновь возникнет у него перед лицом и разорвет на части.

Все вокруг замерло в мертвом молчании. Тень смерти растаяла в глубинах ночи. Замолчавшие было цикады снова застрекотали. Их тоненькое пение волнами расходилось над долиной, словно они спешили о чем-то предупредить «Сильную духом».

— Лорд Рал! — закричали снизу. — Держитесь!

Человек в такой же шляпе с узкими полями, как у Ицхака, бросился за угол дома, к входной двери. Ричард чувствовал, что дольше на одной руке висеть не сможет. Застонав от боли, он извернулся, ухитрившись другой рукой уцепиться за подоконник; ноги его болтались в воздухе на опасной высоте. К счастью, сняв часть нагрузки с левой руки, он смог умерить боль.

Он уже подтянулся грудью до края окна, когда в комнату влетели люди. Лампа, видимо, осталась под обломками, и ничего не было видно. Слышно было, как спасатели карабкаются, хрустя сапогами по обломкам, по кускам штукатурки, отбрасывая изломанную мебель и кашляя от известковой пыли. Сильные руки подхватили Ричарда под мышки, кто-то подцепил его за пояс, и так он наконец ввалился в обезображенную комнату. В почти полной темноте он не сразу определил, куда ступать, кто где стоит.

— Вы это видели? — еще не вполне отдышавшись, спросил Ричард. — Видели ту тварь, что вылетела из окна?

Послышались голоса с разных сторон — все уверяли, что не видели ничего.

— Сперва мы услышали шум, треск, и как бьются окна, — сказал один из них. — Мне показалось, что дом вот-вот завалится целиком.

Кто-то принес свечу и разжег фонарь. В теплом оранжевом свете открылась жуткая картина. Принесли еще один фонарь, и еще. Сквозь облако пыли виднелись следы полного разгрома. Кровать была опрокинута, умывальник торчал из пролома в дальней стене, на полу высилась груда мусора и обломков.

В мерцающем свете Ричард разглядел почти круглую дыру в стене. Изломы досок по ее краю были обращены внутрь комнаты, указывая направление вторжения. Но удивляло не это, а размеры дыры — от пола и почти до потолка. То, что недавно было стеной, рассыпалось теперь по всему полу. Невозможно было понять,

как тварь, проделавшая такую огромную брешь, смогла потом выскользнуть из окна.

Ричард нашел свой меч, высвободил его из-под переломанных досок и уложил на подоконник, где его легко было найти при необходимости — хотя он вовсе не был уверен, что меч помог бы против неведомого чудища, прошедшего сквозь стену лишь для того, чтобы раствориться в ночи.

Белая пыль оседала, покрывая все — и вещи, и одежду, и головы; люди бродили, словно сборище кашляющих призраков. Ричард увидел, что и он сам покрыт пылью, но у него еще к тому же сочилась кровь из десятков мелких порезов. В сочетании с белой пылью кровь смотрелась жутковато. Он наскоро отряхнул от известки волосы, лицо и руки.

Беспокоясь, не завалило ли кого-нибудь в соседних комнатах, Ричард взял фонарь у одного из стоящих рядом людей и взобрался на вершину кучи обломков. Высоко подняв фонарь, он осветил картину, потрясшую его, но не удивившую: ведь он слышал и ощутил сотрясение, когда неведомая сила ломилась сквозь стены.

Во всех стенах по прямой линии вплоть до конца дома зияли огромные дыры — такие же, как в комнате Ричарда. Сквозь круглое отверстие в дальней, наружной стене Ричард разглядел звезды.

Он спустился, осторожно ступая по куче ломаных досок с острыми зазубринами. Под его весом обломки подались, и пришлось вытаскивать ногу из щели. Люди последовали за ним, покашливая, но храня полное молчание — все с ужасом смотрели на разрушения, причиненные неведомым, сгинувшим в ночи существом.

Наконец сквозь завесу клубящейся пыли Ричард увидел Кару. Она стояла посреди комнаты, спиной к нему, в боевой стойке, с эйджилом в кулаке, глядя вдаль, на пролом в наружной стене.

В темноте проплыл огонек, дрожащий над женской ладонью — это явилась Никки. Влетев в комнату Ричарда сквозь дверной проем, она крикнула:

— Ричард! С тобой все в порядке?

Он потер левое плечо, пошевелил левой рукой и отозвался с высоты кучи мусора:

— Кажется, в порядке.

Никки сердито пробормотала что-то и полезла к нему, не глядя, куда ставит ногу.

— Вы поняли, что здесь произошло? — спросил кто-то.

— Не уверен, — сказал Ричард. — Кто-нибудь пострадал?

Люди переглянулись и ответили вразнобой: вроде бы все, кого они знают, на месте и целы. Кто-то вспомнил, что другие комнаты верхнего этажа пустуют.

— Кара! — позвал Ричард, просунувшись в темную дыру. — Как ты там?

Кара не ответила и даже не шевельнулась. Она все еще стояла в той же позе.

С возрастающей тревогой Ричард добрался до верха кучи и, упершись рукою в потолок, чтобы не потерять равновесия, проник в комнату Кары. Там царил еще больший разгром — ведь были пробиты две стены, хотя обломки второй упали в комнату Ричарда.

Стекла из окон вылетели и здесь, но дверь уцелела и висела на своем месте, хотя и криво. Кара стояла точно на линии, соединявшей обе дыры, но ближе к комнате Ричарда. Обломки лежали повсюду вокруг нее — но, благодаря костюму из плотной кожи, она не пострадала от разлетавшихся щепок.

— Кара! — снова позвал Ричард, спускаясь по шаткой груде дерева и штукатурки.

Кара по-прежнему не шевелилась, стоя в темноте, напряженно вглядываясь вдаль. Никки, одолев преграду, тоже пролезла в дыру и спрыгнула на пол, опершись на руку Ричарда.

— Кара, что с тобой? — сказал он, поднося огонек к лицу Кары.

Ричард поднял фонарь. Глаза Кары были широко открыты, однако она явно ничего не видела. Слезы оставили влажные дорожки на щеках, припудренных пылью. Она так и не изменила своей боевой стойки, но теперь, стоя рядом, Ричард заметил, что она дрожит всем телом. Он схватил ее за руку, но тут же испуганно отпрянул.

Она была холодна, как лед.

— Кара! Ты нас слышишь? — Никки коснулась плеча Кары и тоже отдернула руку.

Кара не отзывалась. Выглядело так, будто она и впрямь заледенела на месте. Никки осмотрела морд-сит, усилив свой огонек.

Кожа ее казалась бледной до голубизны, но под слоем белой пыли трудно было о чем-то судить.

Нужно было увести ее отсюда. Ричард попытался подхватить Кару на руки. Ощущение было такое, словно он прикоснулся к ледяной глыбе. Он подавил инстинктивное желание бросить ее, но тут же понял, что в одиночку с задачей не справится — вывихнутая рука напомнила о себе резкой болью. Оглянувшись, он увидел белеющие в проломе лица.

— Кто-нибудь, помогите мне поднять ее!

Люди полезли в дыру, поднимая новые тучи пыли. Света теперь стало достаточно, и Никки, загасив огонек, подошла вплотную к морд-сит. Горожане, сгрудившись в углу, молча следили за действиями чародейки.

Сосредоточенно нахмурившись, она прижала ладони к вискам Кары и тут же, вскрикнув, отшатнулась.

Свободной рукой Ричард удержал Никки за локоть, чтобы она не упала на кучу лома.

— Милостивые духи! — прошептала Никки, тяжело дыша, как от внезапной боли.

— Что? — спросил Ричард. — Что с ней?

Чародейка прижала руки к сердцу и еле выговорила:

— Она едва жива!

Ричард подбородком указал на дверь.

— Давай уведем ее отсюда.

— Вниз, — выдохнула Никки. — В мою комнату.

Ричард, забывшись, приподнял Кару на руки и чуть не уронил. Заметив, как он морщится от боли, люди подскочили и помогли.

— Великий Создатель! — воскликнул один из них, прикоснувшись к ее ноге. — Она же холодная, как сердце Владетеля!

— Пойдем, — сказал Ричард, — помогите мне снести ее по лестнице.

Когда Кару подняли, тело ее обвисло, будто пустая оболочка. Кто-то распахнул настежь дверь. Ричард и его помощники, шаркая по мусору ногами, понесли Кару к выходу, потом по коридору, по узкой лестнице ногами вперед. Ричард держал ее за плечи.

Никки провела их к себе и поспешно раскрыла постель. Кару бережно уложили, и Никки тщательно укутала ее одеялами.

Голубые глаза Кары, не мигая, уставились в пустоту. Из уголков глаз то и дело скатывались слезинки и медленно сползали по щекам. Подбородок, плечи, руки дрожали.

Ричард разогнул стиснутые пальцы Кары, чтобы забрать эйджил, все еще зажатый мертвой хваткой. Ему пришлось перетерпеть сокрушительную боль, пока это удалось; эйджил повис, как обычно, на цепочке, надетой на запястье. Выражение глаз Кары не изменилось.

— Может, вам всем лучше выйти? — тихо сказала Никки. — Дайте мне понять, что я могу сделать!

Мужчины вышли, сказав, что пойдут караулить на улице или стоять на часах у входа, — если нужно, сразу прибегут.

— Если эта тварь вернется, — велел им Ричард, — не пытайтесь ее остановить. Позовите меня.

Один из них озадаченно склонил голову:

— Какая тварь, лорд Рал? Как она должна выглядеть?

— Понятия не имею. Мне удалось разглядеть лишь огромную тень, которая прошла сквозь стену и вылетела в окно.

— Если она проломила этакую дырку в стене, — сказал человек, взглянув наверх, — как же ей удалось проскочить в маленькое окно?

— Не знаю, — признался Ричард. — Но мне как-то неловко было рассматривать ее!

Усмехнувшись, человек снова посмотрел наверх, словно мог увидеть царящий там разгром.

— Ладно, будем смотреть в оба, вы не сомневайтесь!

Тут Ричард вспомнил, что оставил свой меч в комнате. Без него он чувствовал себя неуютно. Нужно было бы сходить за ним, но ему не хотелось оставлять Кару.

Когда все вышли, Никки присела на постель и положила руку на лоб Кары. Ричард опустился на колени рядом.

— Что с ней, как ты думаешь? — спросил он.

— Пока не знаю, — не отрывая руки ото лба Кары, отозвалась Никки.

— Но помочь сможешь?

Никки ответила не сразу.

— Я ни в чем не уверена. Но все, что удастся, сделаю.

Ричард погладил холодную, все еще дрожащую руку Кары.

— Может быть, закроем ей глаза? За все это время она даже не моргнула!

— Пожалуй, это стоит сделать. — Никки одобрительно кивнула. — Я думаю, слезы у нее текут оттого, что пыль раздражает глаза.

Осторожно нажав на веки, Никки по одному закрыла глаза Кары. Ричарду отчего-то стало легче, когда Кара перестала смотреть в пустоту.

Никки снова положила одну руку на лоб Кары, другую — на грудь, над сердцем, потом — на запястье, на лодыжку, потом просунула пальцы под шею. Пока Никки занималась этим, Ричард подошел к умывальнику, смочил водой полотенце и аккуратно смыл пыль с лица Кары, заодно вытряхнув известку и крошки штукатурки из ее волос. Влажная ткань как будто заледенела от прикосновения к ее коже.

Ричард не мог понять, отчего она так застыла, хотя ночь была сырая и теплая. Но тут он припомнил, каким холодным стал воздух в его комнате, когда явилась та черная тень. И мимолетное прикосновение к ней в момент прыжка в окно тоже было болезненно холодным.

— Ты по-прежнему не знаешь, что с ней? — спросил Ричард.

Никки рассеянно покачала головой, — все ее внимание было сосредоточено на ощущениях, которые она получала, приложив ладони к вискам Кары.

— А что это за тварь, ломающая стены, знаешь?

— О чем ты? — Никки резко обернулась к нему.

— Я спросил, знаешь ли ты, что за тварь наделала все это? Что именно сломало стены?

Вопрос вывел Никки из терпения.

— Ричард, выйди отсюда, пожалуйста!

— Но я хочу остаться здесь, с нею!

Никки мягко обхватила его запястье и отвела его руку от Кары.

— Ты мешаешь. Пожалуйста, Ричард, предоставь это мне. Если не будешь смотреть мне через плечо, будет лучше.

Ричарду стало неловко за свою настойчивость.

— Ну, если это поможет Каре...

— Поможет, — отрезала она и повернулась к женщине, неподвижно застывшей на ее постели.

Он все-таки еще чуточку помедлил и посмотрел, как Никки прощупывает какие-то точки на шее Кары.

— Иди же, — пробормотала чародейка.

— Та тварь, что вторглась в наши комнаты, была очень холодная.

Никки глянула на него через плечо.

— Холодная?

Ричард кивнул:

— Такая холодная, что дыхание становилось паром. Даже рядом стоять, и то было больно.

— Спасибо за сообщение, — коротко ответила Никки и вновь повернулась к Каре. — Когда смогу, я выйду и все расскажу, обещаю тебе.

Ричард почувствовал себя беспомощным и бесполезным. В дверях он остановился посмотреть, как Кара дышит, но с расстояния в несколько шагов этого уже нельзя было заметить. Светлые волосы Никки, низко склонившейся над телом морд-сит, блестели в свете лампы.

Ричард отогнал мысль о том, что он знает причину болезни Кары. Он боялся, что ее коснулось дыхание самой смерти.

Глава 17

Отыскав под обломками свои вещи, Ричард наскоро привел себя в порядок, надел рубашку и опоясался мечом.

Он не знал, что за тварь побывала в доме — но было очень похоже, что приходила она по его душу. Понятия не имел он и о том, способен ли его меч сразить ее, но все же чувствовал себя несколько лучше, держа оружие под рукой.

Ночной воздух снаружи был теплым и неподвижным. Один из мужчин, увидев, что он вышел из дома, шагнул ему навстречу.

— Что с госпожой Карой?

— Мы пока не знаем. Но она по крайней мере жива — и это уже утешает.

Мужчина кивнул. Ричард узнал его по шляпе.

— Вы один из тех, кто видел, как я висел на окне?

— Верно.

— Вы успели рассмотреть, что на нас напало?

— К сожалению, нет. Я услышал шум, посмотрел вверх, а там вы висите на одной руке. Я подумал, как бы вы не сорвались. Больше ничего не видел.

— А темное существо, вылетевшее через окно?

Мужчина заложил руки за спину и, задумавшись на мгновение, ответил:

— Нет... Разве только чья-то тень. Мимолетная тень — это все. Меня больше заботило, как успеть подняться наверх до того, как вы упадете.

Поблагодарив собеседника, Ричард побрел прочь, сам не зная, куда идет. Ему было очень не по себе. В душе царил полный сумбур, мысли были темны и тяжелы, как жаркая летняя ночь. Казалось, все, что он знал и любил, рушится, а сам он беспомощен.

Звезды застилала густая мгла, а луна еще не взошла, но чтобы добраться до склона холма, ему было достаточно света огней, горящих повсюду в городе и разгоняющих влажную дымку. Он не мог помочь Каре и оттого чувствовал себя бесполезным. Столько раз она бывала начеку, чтобы помочь ему! Но в этот раз она столкнулась с врагом, превосходящим ее силы.

Ричард остановился на краю обрыва, пристально глядя на статую «Сильной духом» вдалеке. Он помнил, как Виктор делал кольцо опор для светильников. Кэлен, восхищенная его работой, большую часть дня провела в жаркой кузнице, глядя, как он придает форму раскаленному добела железу. В тот день Виктор не хмурился ни разу, зато вовсю улыбался, радуясь неподдельному интересу в ее глазах, когда он показывал, как обрабатывает металл для достижения желаемого результата.

Еще Ричард запомнил благоговение Кэлен, наблюдавшей, как ее фигурка, вырезанная из дерева, воспроизводится в величественном белом мраморе. Он помнил, как ей наконец вернули эту маленькую статуэтку из маслянистого, пахучего и податливого орехового дерева, и она прижала ее к груди. Он смотрел, как нежно ее пальцы скользили по ниспадающему одеянию. Ричард помнил еще, как она подняла взгляд, и ее глаза встретились с его глазами.

Из-за того, что никто не верил его рассказу о Кэлен, он чувствовал себя одиноким и покинутым. Никогда прежде ему не приходилось попадать в подобное положение: люди — те люди, которые искренне о нем заботились — приписывали все, о чем он говорил, больному воображению. Против непонимания он был беспомощен. Он ничем не мог разубедить их, не мог доказать, что не потерял связь с реальностью, и ему становилось страшно.

Но еще страшнее было думать о том, что могло произойти с Кэлен.

Он еще не знал, как ее найти. Но знал наверняка, что придется искать помощи. Быть может, помощь придет и не скоро — но он твердо решил сделать все необходимое, чтобы она точно пришла.

Некоторое время спустя он вернулся на постоялый двор. Джемила стояла на нижней ступеньке лестницы, выметая пыль и битую штукатурку. Когда он вошел, она уставилась на него.

— Тебе придется заплатить за это.

— Что ты имеешь в виду?

Она указала наверх концом метлы.

— За ущерб. Я видела, что там наверху. Ты должен оплатить ремонт.

Ричард был захвачен врасплох.

— Но я этого не делал!

— Это твоя вина.

— Моя вина? Я был в своей комнате. Не я причинил этот ущерб, и я не знаю, кто это сделал!

— В комнатах наверху никого не было, кроме тебя и женщины. И комнаты были в полном порядке, когда вы их сняли. Сейчас там беспорядок. Отремонтировать их обойдется дорого. Я не причиняла ущерба — почему я должна платить? Ты виноват, вот и плати — с учетом убытков из-за простоя комнат во время ремонта.

Ее беспокоил только ремонт комнат, она даже не додумалась спросить сначала, что с Карой, или хоть как-то выразить внимание к ней. Странно было видеть такую резкую перемену в доброй хозяйке, еще несколько часов назад радушно угощавшей их. Ричард невольно разозлился и бросил на женщину недобрый взгляд:

— Я разрешу Ицхаку вычесть деньги из той суммы, которую он мне должен. А теперь пропусти-ка...

Он отстранил ее и прошел, не оборачиваясь, в темный зал. Женщина неодобрительно фыркнула ему вслед и вернулась к уборке. Не зная, куда еще пойти, Ричард внимательно оглядывал зал. Джемила закончила уборку обломков со второго этажа и отправилась по другим делам, а он все ходил взад-вперед. В конце концов он присел на пол напротив комнаты Никки, опершись спиной о стену. Он не знал, что еще ему делать, и очень хотел видеть Кару.

Ричард подтянул колени, обхватил их руками и сцепил пальцы. Опустив подбородок на руки, он задумался о том, что сказала Джемила.

Простодушной женщине не пришло в голову, что не стоит так вести себя с лордом Ралом. Но, став свободной, она привыкла прямо выражать то, что думает, и заботила ее лишь вверенная ее попечению собственность. В каком-то смысле она была права. Тварь приходила за Ричардом. Не будь его здесь, ничего не произошло бы. Если бы кто-то еще оказался ранен или убит, он был бы виноват в том, что навлек на людей опасность. Из-за него пострадала и Кара.

Он заставил себя подумать об истинном виновнике. Это все Джегань и его подручные. Именно Джегань велел создать тварь, которая преследовала Ричарда. Кара просто оказалась у нее на пути. Кара попыталась защитить его от порождения Джеганя и сестер Тьмы.

Но тут Ричард вспомнил о людях Виктора, убитых несколькими днями раньше — возможно, той же самой тварью, — и не мог не ощутить ужасного груза вины.

Ко всему прочему тварь, побывавшая на постоялом дворе, самому ему не причинила вреда. Ричард не сомневался, что зверь не пощадил бы его — но тот просто-напросто исчез, не завершив своей страшной работы. Он не мог даже представить, чем это

объяснить. А почему тварь подбиралась к нему издали, проходя сквозь стены и ломая все преграды? В конце концов, если она покинула дом через окно, почему бы ей не ворваться таким же образом прямо в его комнату?

Так или иначе, зверь явно знал, где его искать. Если бы он проник через окно, то скорее всего управился бы с Ричардом прежде, чем тот понял бы, что происходит. Тварь, убившая людей Виктора, вела себя иначе. Кара не была, как они, разорвана в клочья — но тем не менее было ясно, что она серьезно пострадала.

Ричард задался вопросом: а было ли это в действительности то же самое создание, что убило людей Виктора? А если Джегань создал не одну тварь, не одного преследователя? Что, если сестры Тьмы вывели армию чудовищ для охоты на него? В голове крутился водоворот вопросов, но ответы не приходили.

Когда Никки коснулась его плеча, Ричард вздрогнул. Он и не заметил, как задремал.

— Что? — спросил он, протирая глаза. — Сколько времени прошло? Как долго...

— Несколько часов, — сказала Никки тихим усталым голосом. — Сейчас полночь.

Ричард вскочил на ноги.

— И Кара теперь здорова? Ты исцелила ее?

Никки пристально смотрела на него — казалось, целую вечность. Когда Ричард посмотрел в ее бездонные глаза, ему почудилось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди.

— Ричард, — сказала она наконец таким мягким и полным сочувствия голосом, что он затаил дыхание, — Кара не будет здорова.

Ричард поразился этим словам, пытаясь увериться в том, что правильно понял.

— Не понимаю... — Он прокашлялся. — Что ты хочешь этим сказать?

Никки нежно коснулась его руки.

— Я думаю, тебе стоит войти и увидеть ее, пока она еще с нами.

Ричард схватил ее за плечи.

— О чем ты говоришь?

— Ричард... — Никки опустила глаза. — Кара не выздоровеет. Она умирает. Она не переживет эту ночь.

Ричард попытался отодвинуться от чародейки, но наткнулся спиной на стену.

— Отчего? Что с ней?

— Я не знаю точно. Ее коснулось нечто такое, что... что обрекло ее на смерть. Не могу объяснить — не вижу, от чего она умирает. Какая-то сила разрушила естественную защиту тела, ее ауру, и с каждым мигом Кара уходит от нас все дальше.

— Но она сильная. Она с этим справится...

Никки покачала головой.

— Нет, Ричард, не справится. Я не хочу тешить тебя ложной надеждой. Она умирает. Не исключаю, что она даже хочет умереть.

Ричард шагнул вперед.

— Что? Это безумие! У нее нет причины желать смерти.

— Ты не должен так говорить, Ричард. Ты не знаешь, что она сейчас переживает. Не знаешь ее причин. Может быть, муки слишком тяжелы для нее. Может быть, она не может вытерпеть боль и хочет только, чтобы она прекратилась.

— Даже забывая о себе, Кара сделает все, чтобы остаться в живых и защищать меня!

Никки облизала губы, обнадеживающе сжав его руку.

— Может, ты и прав, Ричард.

Ричард не любил, когда его утешали. Подойдя к двери, он снова взглянул на чародейку.

— Никки, ты можешь ее спасти. Ты знаешь, как это делать!

— Послушай, лучше иди к ней, пока не...

— Ты должна что-нибудь сделать. Должна.

Никки скрестила руки. Она смотрела в сторону, на глаза навернулись слезы.

— Клянусь тебе, Ричард, я испробовала все, что знала, и все, что могла придумать. Ничто не помогло. Ее дух уже принадлежит смерти, и я не могу дотянуться до него. Она дышит, но едва-едва. Ее сердце ослабело и скоро остановится. Я даже не уверена, что

она на самом деле до сих пор жива — в том смысле, в каком мы думаем о живых людях. Ее жизнь висит на волоске, и этот волосок не продержится долго.

— Но неужели... — Он не нашел подходящих слов, чтобы скрыть накатывающую волну горечи.

— Пожалуйста, Ричард, — прошептала Никки, — зайди к ней, пока она не покинула нас. Скажи то, что должен, пока есть возможность. Ты всю жизнь будешь ненавидеть себя, если не сделаешь этого.

Когда Никки провела его в комнату, Ричард оцепенел. Этого не могло произойти. Просто не могло. Ведь это Кара. Кара — как солнце; она не может умереть. Она... она его друг. Она не может умереть.

Глава 18

Комнату освещали только два тусклых светильника. Тот, что поменьше, стоял на столе в углу, словно пытаясь спрятаться от проникшей в комнату смерти. Другой, на столе у кровати, возле стакана с водой и влажного полотенца, будто боролся с наползающими со всех сторон тенями. Кара была укрыта поверх одеяла еще и покрывалом из парчи с роскошной золотистой бахромой. Поверх него безвольно лежали ее руки. Край покрывала свисал с кровати прямо на пол.

Кара была сама не похожа на себя. Она казалась неживой. Даже в желтом свете лампы ее лицо было мертвенно-белым. Ричард не слышал ее дыхания.

Да и сам он дышал с трудом, чувствуя дрожь в коленях. К горлу подступил удушливый комок. Ему хотелось пасть к ее ногам и умолять проснуться.

Никки наклонилась к постели и ласково коснулась лица Кары. Ее пальцы скользнули по щеке. Ричард заметил, что Кара перестала дрожать. Он не был уверен, что это хороший признак.

— Она... Она...

Никки оглянулась через плечо.

— Она еще дышит. Но, боюсь, ее дыхание слабеет.

Ворочая языком, Ричард увлажнил нёбо, чтобы наконец выдавить из себя слова.

— Знаешь, Кара любит одного человека.

— Любит? В самом деле?

Ричард кивнул.

— Большинство людей считает, что морд-сит не могут никого по-настоящему любить, но это не так. Кара любит солдата. Генерала Мейфферта. Бенджамин тоже любит ее.

— Ты его знаешь?

— Да. Он хороший человек.

Ричард посмотрел на светлую косу, упавшую с плеча Кары на парчовое покрывало.

— Сто лет его не видел. Он сейчас в походе с армией Д'Хары.

Никки взглянула на него скептически.

— И она призналась тебе, что любит?

Глядя на родное лицо Кары, Ричард покачал головой. Некогда красивое, сейчас оно было бледным и истощенным, и казалось лишь призраком прежнего облика.

— Нет. Мне рассказала Кэлен. Они стали очень близки в течение того года, когда следовали за армией Д'Хары — а я тогда был у тебя в гостях, здесь, в Алтур-Ранге.

Глядя в сторону, Никки взялась поправлять одеяла, укрывающие Кару. Когда Ричард подошел ближе, Никки шагнула к столу, уступая ему дорогу. Ему казалось, будто он вырвался из собственного тела и глядит откуда-то со стороны, как Ричард, опустившись на одно колено, берет холодную руку Кары и прижимает к своей щеке.

— Милостивые духи, сжальтесь над ней, — шептал он. — Пожалуйста, — добавил он, задыхаясь от рыданий, — не забирайте ее.

Он посмотрел на Никки.

— Она хотела умереть как морд-сит, в бою, защищая нас — а не в постели...

Никки вымученно улыбнулась.

— Она получила то, что хотела.

Эти слова, прозвучавшие так, будто Кара уже мертва, ранили его как удар кинжала. Он не мог допустить этого. Просто не мог. Кэлен покинула его, а теперь еще и это...

Ричард, глотая слезы, приложил руку к холодному лицу Кары, как будто коснулся мертвого тела.

— Никки, ты же волшебница. Ты спасла меня, когда я был на волосок от смерти. Ты всегда находила выход там, где другие не могли ничего поделать. Именно ты спасла меня, а не кто-то другой. Неужели ты не можешь придумать, как помочь Каре?

Никки обошла стул и опустилась на колени рядом с ним. Взяла его руку, прижала к губам. Он почувствовал, как на руку ему скатилась ее слеза. Сейчас она была похожа на бедную служанку, молящую короля о прощении.

— Мне очень жаль, Ричард, но я не могу. Ты ведь знаешь, я бы сделала все что угодно, чтобы спасти ее, но не могу. Это выше моих сил. Мы все умрем, когда придет время. Ее время пришло, и я не могу с этим ничего поделать.

Ричард закрыл глаза и представил, что комната залита черной водой. Кровать, где лежала Кара, представилась ему лодкой, качающейся в лужице слабого света от двух огоньков, а к ней со всех сторон подступала тьма.

Он кивнул.

— Никки, оставь меня с ней наедине, пожалуйста. Я хочу быть с ней вдвоем, когда придет время... Дело не в тебе. Просто я думаю, что мне надо остаться с ней наедине.

— Я понимаю, Ричард.

Поднимаясь на ноги, Никки коснулась его спины, и, повернувшись, чтобы уйти, провела пальцами по его плечам, словно медля разорвать эту связь с миром живых.

— Я буду рядом, если понадоблюсь, — сказала она, когда эта нить все-таки оборвалась.

За его спиной мягко закрылась дверь, оставляя комнату в тишине. Хотя окно было завешено плотными шторами, снаружи до Ричарда доносилось беспрерывное пение цикад.

Он больше не мог сдерживать слезы. Рыдая и сжимая безвольную руку Кары, он опустил голову на ее тело.

— Кара, прости! Это моя вина. Чудовище приходило за мной, а не за тобой. Мне так жаль... Пожалуйста, Кара, не оставляй меня! Ты так нужна мне!

Кара была единственной, кто следовал за ним, безоговорочно веря в него. Быть может, она и согласилась с Никки в том, что он выдумал Кэлен, — но это не мешало ей по-прежнему верить в него. Для Кары в этом не было противоречия. В последние дни ему все чаще казалось, что только ее вера и держит его на плаву, помогая не впасть в отчаяние и сосредоточиться на том, что он должен сделать. Бывали ужасные минуты, когда он не понимал уже, верит ли сам в себя или нет. Так тяжело жить в мире, где все считают тебя безумным, и упорно делать то, во что веришь, когда почти никто не верит тебе! Но Кара верила, и в этой вере было что-то особенное, не сравнимое даже с тем уважением, которое питали к нему Никки или Виктор.

Он коснулся руками лица Кары и поцеловал в лоб.

Он надеялся, что она не страдает. Он надеялся, что хотя бы конец ее жизни будет спокойным, жизни, в которой было все, кроме покоя.

Она была так бледна, дыхание едва заметно...

Возненавидев холод, сковавший тело Кары, Ричард отбросил одеяло и обнял ее в надежде, что так она сможет отогреться.

— Возьми мое тепло, — шептал он ей на ухо. — Возьми все, что тебе нужно. Пожалуйста, Кара, забери мое тепло.

Сжимая ее в объятиях, Ричард впал в состояние, близкое к беспамятству. Он знал, как много этой женщине приходилось страдать. Знал, какова была ее жизнь. Знал, сколько тяжелых часов и дней выпало на ее долю. Он пережил то же, что довелось прежде пережить ей — во время безумного правления своего отца, Даркена Рала. Он прошел через ту же боль и ощущение безнадежности, что и она. Наверное, никто другой не мог бы понять ее лучше, чем он. Когда-то жестокие люди бросили ее одну в мире боли и безумия. Ричард знал, каково ей пришлось, потому что сам побывал там. И теперь он хотел любым способом вызволить ее из этого темного и отвратительного места.

— Возьми мое тепло, Кара. Я здесь для тебя.

Он открыл ей себя, открыл свое страдание, открыл себя ее страданию. Рыдая на ее плече, еще крепче обнял ее. Ему казалось, что если держать достаточно крепко, это не позволит ей сорваться в пропасть смерти. Ричард чувствовал, что она еще жива, и боялся не выдержать до конца. Он так жалел, что Никки не смогла ничего сделать! Если кто и заслужил исцеления, то именно Кара. В тот момент больше всего на свете ему хотелось, чтобы ее исцелили.

Всего себя, всю душу Ричард вложил в это желание.

Он весь превратился в сочувствие к этой женщине, которая столько для него сделала. Она не единожды рисковала жизнью, выполняя его приказы, и еще чаще рисковала жизнью ради него, открыто пренебрегая его приказами. Она следовала за ним по всему свету. Бессчетное количество раз она вставала на пути опасностей, грозивших ему или Кэлен. Кара заслуживала жизни, заслуживала всего лучшего, что только есть в жизни. Он не желал ничего, кроме ее исцеления. Чтобы осуществить это отчаянное желание, он хотел найти хотя бы искорку жизни, погружаясь в водоворот ее агонии. Стоило мелькнуть этой мысли — и его сознание оказалось рядом с ее душой, пораженной мучительной болью.

Он крепко стиснул зубы, задержал дыхание и впустил в себя эту боль. Отвести от нее страдание — вот все, чего он хотел. Он не пытался защититься от неожиданного удара. Он чувствовал все, что чувствовала она. Боль вошла в него настолько властно, что он прижался открытым ртом к плечу девушки, чтобы сдержать крик.

Они находились в пустом, темном, лишенном надежды пространстве... безжизненном пространстве. Его бил озноб, хотя пока что он принял на себя только часть ее ноши. Она держалась за боль, не хотела ею делиться, особенно с ним. Но ей трудно было сопротивляться, она была очень слаба; и он смог против ее воли отобрать еще частичку, и еще... Поднимая и раздвигая пласты страданий, он почувствовал ледяное прикосновение смерти, смерти внутри нее. Тьма и лед буквально пропитали все существо Кары. Ричард дрожал от муки, от ужаса, разделенного на двоих. Его разум содрогался от пульсирующей боли, и все свелось к жестокой, невыносимой борьбе за то, чтобы просто сохранить собственную волю к жизни.

Ричарда уносил бурный холодный поток горя и безнадежности. Казалось, ему не выдержать этого, но он выдержал и продвинулся дальше. Он хотел, чтобы она взяла взамен его силу, его жизненную энергию. Но для этого сначала надо было выдержать воздействие вливающегося в душу жгучего яда.

Время потеряло всякое значение. Боль превратилась в вечность.

— Смерть будет часто приходить, предлагая забрать тебя... желая забрать тебя, — шептал он ей на ухо. — Не принимай это предложение. Держись, Кара! Не принимай смерть!

— Я хочу умереть.

Это короткая фраза всплыла из глубин агонии и безысходности. Она потрясла и напугала Ричарда. Что, если стремление сохранить жизнь оказалось свыше ее сил? Что, если он взял на себя задачу невыполнимую, непосильную? Потребовал от нее большего, чем она может вытерпеть? Больше, чем имел право требовать или просить?

— Кара, — шептал он ей на ухо, — мне нужно, чтобы ты жила. Пожалуйста, живи, мне это очень нужно....

— Не могу...

— Кара, ты не одна. Я здесь, рядом с тобой. Держись. Ради меня, держись и позволь помочь тебе!

— Пожалуйста, отпустите меня. Позвольте мне умереть. Умоляю, если я вам дорога, оставьте меня... позвольте мне умереть.

Она ускользала, отдалялась. Он крепче сжал объятия. Он вобрал в себя еще больше ее страданий. В глубинах души она боролась с ним, крича от невыносимой муки.

— Кара, пожалуйста, — он задыхался в захлестнувшем его потоке боли, — позволь помочь тебе! Прошу, не покидай меня!

— Я не хочу жить. Я подвела вас. Я должна была вас спасти, когда Никки пришла за вами. Теперь ваши слова открыли мне глаза, я все поняла... Я погибла бы за вас — но я не исполнила свой долг, не выполнила обязательства перед самой собой. Мне незачем больше жить. Я недостойна быть вашей защитницей. Пожалуйста, отпустите меня!

Ричарда ошеломило, но еще больше испугало это безмерное отчаяние. Он взял на себя и эту боль, постарался справиться, отвести

ее прочь от Кары. Однако она цеплялась за свое последнее желание, вырывалась из его объятий и отдалялась все больше.

— Кара, я люблю тебя! — вырвалось у него. Снова и снова он твердил, как заклинание: — Не покидай меня! Ты нужна мне!

Как странно — ему пришлось отбирать у нее страдание с боем. Она сопротивлялась, расходуя последние силы, но он одолевал, она уже не могла остановить его. Он вырывал ее из плена смерти. Не задумываясь, Ричард нащупал единственно правильный путь — он открывал ей свое сердце, свой порыв, свою душу.

Она пронзительно закричала. От нее исходило чувство безграничного одиночества.

— Я с тобой, Кара! Ты не одинока!

Нелегко было, борясь с муками, порожденными тем злом, что коснулось Кары, одновременно утешать ее. Но он осознал: ее убивает не просто боль, а леденящий ужас. А теперь то же холодное опустошающее чувство медленно сокрушало и его — в то время как слепое сопротивление умирающей не пропускало к ней его исцеляющую силу.

Он вдруг почувствовал себя так, будто приплыл на помощь тонущему человеку, но вместе с ним подхвачен водоворотом, и теперь их обоих затягивало в темный омут смерти.

Отчего-то он твердо знал: в первую очередь нужно разделить с нею бремя боли, а если удастся, снять его совсем, освободить ее. Для этого пришлось не противиться боли, наоборот, приветствовать, всеми силами притягивать ее к себе.

Когда он ощутил ее горе и страдание во всей полноте, то вынужден был отчаянно бороться, чтобы сохранить собственную жизнь. И все-таки он не оставил для себя ни капли целительной мощи, он отдал Каре всю силу своего сердца. Ричарда никогда не обучали искусству исцеления, не учили, как направлять энергию; чутьем он улавливал, что Каре нужно тепло, и всеми мерами старался передать ей это тепло жизни.

— Я не хочу жить. Я подвела вас. Пожалуйста, позвольте мне умереть.

— Почему ты хочешь покинуть меня? Почему?

— Только так могу я послужить вам! У вас будет другой защитник, который не подведет...

— Кара, это неправда. Это неправильно. Здесь что-то выше нашего понимания. — Ричард произносил слова сквозь боль. — Ты не подвела меня. Ты должна мне поверить. Ты должна верить в меня. Вот что нужно мне больше всего на свете — чтобы ты была со мной и верила в меня. Это моя потребность, а не твое служение. Пожалуйста, ты нужна мне. Мне нужно, чтобы ты жила. Вот как ты можешь послужить мне — с тобою моя жизнь сделается лучше!

Всеми силами он стремился удержать Кару рядом с собой — но груз тьмы казался бесконечным. Когда чаша терпения переполнилась, он почувствовал, как будто тонет в жаркой пустоте, погружаясь все ниже, и понял, что на дне пропасти его ждет та тень, которая пришла сквозь стену по его душу. Он увидел это существо глазами Кары, ощутил ледяное острие ужаса, пронзившее ее, когда оно вломилось в комнату.

Ничто не могло быть ужаснее этой отвратительной твари, воплощения смерти, пришедшей за ним, но встретившей на своем пути Кару. Это было вовсе не постепенное растворение сознания в пустоте небытия. Эта была бесконечная вереница кошмаров, являющихся, чтобы разорвать нити, соединяющие душу с миром живых. Это была темная гибель, нависшая над Карой, — гибель в полном одиночестве и без всякой надежды, безжалостная жница душ, поджидающая своей добычи, с нетерпением ждущая момента, когда вместе с криком из несчастной уйдет жизнь.

Встав перед тварью и преградив ей путь, Кара приняла на себя смертельное прикосновение.

Он понял, что Кара воспринимает все это как возмездие за то, что подвела его когда-то давно, не вырвала из рук Никки — и сейчас стремится умереть, чтобы доказать верность клятве. Ею все еще управляло безумие.

Кара верила, что нависшая над ней смерть восстановит ее доброе имя в его глазах, потому-то и не хотела уклоняться от нее.

Когда неведомая тварь прошла сквозь стену в ее комнату, она попыталась заступить путь самой смерти.

Ричард почувствовал, как это мучительное прикосновение овладевает теперь им, топит во всепоглощающей муке. Оно было таким холодным, что от него заледеневало сердце.

Злая сила начала отпускать Кару, но обрушилась на Ричарда; все поплыло у него перед глазами, мир стал чернеть и таять.

Он погрузился в бездну боли того смертоносного прикосновения.

Глава 19

Ричард чувствовал себя так, будто провалился под лед, в ледяную темную воду быстрой реки. Все сильнее им овладевало чувство паники.

Он был истощен, запасы его сил исчерпались.

Когда вместе с предчувствием краха пришло понимание того, что мог означать для него этот крах, он собрал волю в кулак и с неимоверными усилиями начал пробиваться к далекому огоньку сознания. Он чувствовал, что частично уже пришел в себя, но все еще находился где-то слишком далеко и глубоко, из последних сил завершая путешествие. Он отчаянно рвался вверх, к жизни, но не мог пробиться.

Ричард все-таки попытался напрячься еще сильнее, но толку не было — слишком трудно, слишком далеко плыть. Впервые он подумал — не сдаться ли? Подумал всерьез, как думала Кара перед тем, как страшный противник сломил ее.

Смертоносные клыки поражения уже касались его горла. Но тут же перед ним встал образ того, что последует за поражением, и Ричард, подстегнутый страхом, собрал воедино оставшиеся силы, сконцентрировал волю и отчаянным рывком вернулся в мир живых.

Задыхаясь, он открыл глаза.

Боль была ужасной. Его тошнило, голова кружилась от встречи с неслыханной враждебностью. Его бил озноб — так велика была сила неведомого зла. Сердце билось в груди, словно молот, и Ричард боялся, что после такой тяжелой внутренней борьбы каждый удар его может стать последним. Мерзкое прикосновение оставило ему на память невыносимую вонь разложения, от которой было почти невозможно дышать.

Он побывал в глубине сознания Кары и ощутил чужеродную волю, проникшую туда, высасывающую ее жизнь, затягивающую в пучину забвения. Эта отнимающая силы мерзость была страшнее всего, что он когда-либо чувствовал, страшнее даже черной бездны вечности. Это было оскаленное, обнаженное воплощение невообразимого ужаса, который приходил за ним.

Сначала ему показалось, что он коснулся ледяного лица смерти — но теперь, несмотря на все отвращение, он понял: это была не просто смерть, а нечто другое.

Смерть была лишь составной частью чего-то большего.

Смерть была неодушевленной. А тут чувствовалось присутствие души.

Он так обессилел, что не знал, сумеет ли подняться, сумеет ли дальше жить. Кости ломило. Даже костный мозг, и тот, казалось, болел. Он не мог унять дрожь. Боль была не просто телесным страданием, это был яд, пропитавший душу.

Очертания комнаты перед его глазами начали наконец приобретать четкость. Лампы по-прежнему сдерживали натиск темноты. Цикады за окном без устали выводили свою песню.

Лежа на кровати и все еще бережно обнимая Кару, Ричард наконец смог сделать то, чего так хотел — вдохнуть полной грудью. Тотчас же он ощутил аромат волос Кары, вдохнул запах теплой и влажной кожи ее шеи, и в этот момент боль начала отступать.

Он почувствовал, что руки Кары крепко обнимают его. Мягкая, словно пуховая, прядь волос за ее ухом щекотала его лицо.

— Кара? — прошептал он. Она приподнялась и, не стыдясь своего порыва, прижала его к себе и нежно погладила по голове.

— Тсс... — успокаивающе сказала она ему на ухо. — Все в порядке.

Он никак не мог освоиться с происходящим.

Он растерялся, не понимая, почему обнимает Кару, почему ее руки так нежно обхватили его, что тела тесно прижались друг к другу, почти переплетясь. Но, в конце концов, это был пустяк по сравнению с той близостью, которую они оба испытали во тьме, борясь со злом, завладевшим ею.

Он облизал потрескавшиеся губы и почувствовал соленый привкус слез.

— Кара...

Она кивнула.

— Тсс... — снова шепнула она. — Все в порядке. Я с вами. Я не покину вас.

Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть ей в глаза. Они были голубыми и чистыми, в них отражалась глубина, прежде никогда не виданная. Кара всматривалась в его лицо с заботой и сочувствием.

И он вдруг ясно различил в ее глазах истинную сущность, увидел Кару такой, какой она должна была стать, если бы не жестокая судьба морд-сит. Сейчас внешняя оболочка опала и затерялось где-то в глубинах души. В тот миг Кара была женщиной, человеком — и больше ничем.

Он увидел ее в совершенно новом, необычном свете, как никогда раньше. И это было удивительно красиво.

— Вы необычайный человек, Ричард Рал.

Легкий вздох коснулся его лица и разогнал томительную боль так чарующе, как могли это сделать только ее руки, ее глаза, ее слова, сама ее жизнь — живое и теплое дыхание.

Но страдание, от которого он ее избавил, все еще жило в нем и выжидало подходящего момента, чтобы снова сбросить его во тьму и смерть. Где-то в глубинах сознания он боролся с ним, вооруженный любовью к жизни и радостью оттого, что Кара жива.

— Я волшебник, — прошептал он в ответ.

С удивлением покачав головой, она пристально посмотрела ему в глаза.

— Никогда прежде не было такого магистра Рала, как вы. Клянусь, никогда.

Обнимая его за шею, она придвинулась ближе и поцеловала его в щеку.

— Спасибо вам, господин мой Рал, за то, что вернули меня в этот мир. Спасибо за то, что спасли меня. Вы заставили меня снова осознать, что я хочу жить. Ведь именно мне полагалось бы защищать вашу жизнь — а вы рискнули своей жизнью ради меня!

Она снова смотрела ему в глаза с безмолвным раскаянием. Совсем не так, как всматриваются в лицо человека морд-сит, будто проникая взглядом прямо в душу. В тот миг у нее в душе родилось чувство признательности. Проще говоря, это была любовь — и она без всякого стеснения выказала перед ним свои чувства.

Он понимал, что после такого совместного переживания скромность будет бессмысленной. Но здесь проявилась и личность Кары: искренняя, бесстрашная, откровенная.

— Никогда прежде не было такого лорда Рала, как вы!

— Кара, ты не представляешь, как я рад, что ты снова со мной!

Она обхватила руками его голову и поцеловала в лоб.

— Представляю. Я знаю, что вам пришлось вытерпеть ради меня этой ночью. Я отлично знаю, как сильно вы хотели вернуть меня.

Она снова оплела руками его шею и крепко обняла.

— Мне никогда не было так страшно, даже когда я в первый раз...

Он коснулся пальцами ее губ, сдерживая слова, чтобы не прервать волшебного мгновения истины, не слишком быстро вернуть ее красивым голубым глазам взгляд морд-сит. Он не хотел сейчас вспоминать о безумных мучениях прошлого.

— Спасибо вам, магистр Рал, — с удивлением прошептала она, когда он убрал пальцы. — Спасибо за все, и за то, что не позволили заговорить о плохом. — Ее лицо исказила судорога боли. — Потому и не было никогда прежде такого магистра Рала, как вы. Они все создавали морд-сит. Все причиняли боль. Вы же отогнали ее.

Ричард не мог вымолвить ни слова, он просто убрал ее волосы со лба и улыбнулся. Ему не хватало слов, чтобы выразить, как радуется он ее воскрешению. Он обвел взглядом комнату, прикидывая, насколько сейчас поздно.

— Я не знаю, долго ли вы трудились, чтобы исцелить меня, — сказала она, заметив, как он посматривает на шторы в поисках хоть какого-нибудь знака, указывающего на время суток. — Но после этого вы совсем обессилели и провалились в сон. Я не могла... Я не хотела вас будить, — она все еще свободно обнимала его за шею и счастливо улыбалась, будто собиралась лежать так вечно. — Я и сама была так слаба, что тоже заснула.

— Кара, нам нужно выбираться отсюда.

— Почему?

Ричард вскочил, давая понять, что время не ждет. Его мутило, голова кружилась.

— Чтобы исцелить тебя, я использовал магию.

Она кивнула, неожиданно спокойно восприняв упоминание о магии. Ведь сейчас именно магия открыла для нее путь к радости. Но тут до нее дошло, к чему он клонит. Она резко села, но вынуждена была опереться рукой о постель, чтобы сохранить равновесие.

Ричард уже встал, хотя ноги у него подгибались. Он обнаружил, что меч все еще при нем, и был этому рад.

— Если зверь Джеганя рядом, он мог почувствовать, что я воспользовался своим даром. Не знаю, где он может быть, но мне бы не хотелось лежать здесь в тот момент, когда он вернется.

— Мне тоже. Одного раза хватит на всю жизнь.

Он подал ей руку и помог встать. На мгновение она застыла, боясь упасть, затем собралась с силами и сделала несколько шагов. Почему-то ему показалось удивительным, что на ней все тот же красный кожаный наряд. После того, как он так приблизился к ней, побывал внутри нее, эта одежда казалась ему несообразной, излишней.

Однако непостижимым образом Кара вновь окружила себя аурой морд-сит. Она улыбалась, и спокойная уверенность этой улыбки согрела его сердце.

— Со мной все в порядке, — сказала она, как будто просила не волноваться. — Я снова с вами.

В ее взгляде снова была сталь. Кара действительно вернулась. Ричард кивнул.

— Я тоже. Сейчас я чувствую, что просыпаюсь. — Он потянулся к ее мешку. — Собираем вещи и уходим.

Глава 20

Прижимая руки к груди, Никки стояла на краю холма. Ее взгляд скользил по далекой статуе из белого мрамора, ярко освещенной светильниками, — ибо народ Алтур-Ранга посчитал, что символу свободы не должно погружаться в темноту даже на мгновение.

Большую часть ночи Никки мерила шагами полумрак нижней залы гостиницы. Мысль о том, что по ту сторону двери беспомощно угасает чужая жизнь, не давала ей покоя. Все ее знания не смогли спасти Кару. Все было напрасно.

Никки не слишком хорошо знала Кару — но, разумеется, знала Ричарда. Причем лучше, чем любой человек на земле — за исключением, возможно, волшебника Зеддикуса, его деда. Ее не интересовали истории о детстве Ричарда; она знала взрослого мужчину. Знала самые сокровенные тайны его сердца. И не было человека, которого она знала бы лучше.

Она чувствовала, как тяжела ему будет потеря Кары. Дар позволял ей улавливать лишь отголоски его страданий — но и этого было достаточно, чтобы терзать сердце. Никки была готова на все, лишь бы избавить Ричарда от этой боли.

Был момент, когда ей хотелось войти и утешить Ричарда, разделить с ним его боль и одиночество. Но дверь не открывалась.

Это озадачило Никки, но она и не пыталась открыть дверь силой. Ощущения подсказывали ей, что внутри только Кара и Ричард, а то, что удалось ей услышать, говорило лишь о безграничной печали. Не в силах слушать стенания Ричарда над ложем угасающей Кары, Никки в конце концов вышла на свежий воздух — и вот теперь, сквозь беспроглядную ночь, смотрела на созданную Ричардом статую.

Быть с Ричардом или смотреть на удивительные творения его рук — больше ей не хотелось ничего.

Иногда смерть близких заставляет людей увидеть мир в новом свете, обратить внимание на что-то более важное. Никки было любопытно, встряхнет ли Ричарда смерть Кары, заставит ли прекратить гонку за призраками и встать рядом с людьми, сражающимися против Империи.

Раздались шаги, кто-то позвал ее по имени. Никки обернулась. К ней приближался Ричард, за ним шел кто-то еще, плохо различимый в темноте. Сердце Никки упало. Это могло означать только, что мучения Кары пришли к концу.

Но вот они приблизились, и Никки разглядела его спутницу.

— Милосердные духи! — в изумлении прошептала она. — Что ты сделал?

В неярком свете далеких светильников Кара смотрелась превосходно — и была вполне жива.

— Магистр Рал исцелил меня. — Кара небрежно пожала плечами, как будто это деяние было ничуть не сложнее, чем помощь на кухне.

Никки остолбенела.

— Но как?

Ричард выглядел изможденным, как после тяжелой битвы. Никки не удивилась бы, будь он залит кровью с ног до головы. Но за плечами у него был дорожный мешок, на поясе меч — он приготовился к отъезду.

— Я подумал, что нельзя не попытаться помочь Каре, — ответил он. — Видимо, сильного желания оказалось достаточно, и я смог это сделать.

Причина, по которой дверь не желала открываться, внезапно стала ясна. В каком-то смысле Ричард все же был залит кровью — только ее не было видно.

— Ты использовал свой дар, — нахмурилась Никки. Это было обвинение, а не вопрос. Однако он спокойно ответил:

— Думаю, да.

— Ты думаешь! — Никки изо всех сил старалась удержаться от насмешки. — Я перепробовала все, что знала. Все было напрасно. Я не смогла дозваться до ее сознания, не смогла исцелить. Что же сделал ты? Как смог коснуться своего Хань?

— Ну, не знаю... — Ричард смущенно пожал плечами. — Я держал ее и чувствовал, как она умирает. Я позволил себе — своему разуму — проскользнуть в нее, в самую глубину, туда, где таилась ее душа и где требовалась помощь. А когда мне удалось достигнуть соединения, я вобрал ее боль в себя — так, чтобы у нее хватило сил принять тепло жизни, передаваемое мною.

Никки хорошо понимала суть того сложного действия — можно сказать, чуда, — которое он совершил. Но ее слегка ошеломило то, какими обыденными словами он все это описал. С тем же успехом

она могла бы спросить его, как ему удалось сделать такую чудесную статую, и услышать в ответ: «Отсек от мраморной глыбы все лишнее». Довольно точное объяснение — и при этом настолько простое, что кажется абсурдным.

— То есть ты впустил внутрь себя то, что убивало ее?

— Мне пришлось сделать это...

Никки потерла виски кончиками пальцев. Даже она, со всей силой отпущенного ей дара, не говоря уже о годах тренировок, знаниях и опыте, не смогла бы проделать такого. Сделав несколько глубоких вдохов, она слегка успокоила колотящееся сердце.

— Ты хоть понимаешь, насколько это опасно?

Ричарда очень смутила ее горячность, но он только и сумел сказать:

— Никки, это был единственный выход.

— Единственный выход, — пробормотала Никки, не веря своим ушам. — Ты хоть понимаешь, сколько сил нужно, чтобы отправить собственную душу в такое путешествие? А чтобы вернуться? И насколько это опасно?

Она отчитывала его, как мальчишку. Насупившись, Ричард сунул руки в карманы и упрямо повторил:

— Другого пути не было — вот все, что я знаю.

— И у него получилось. — Кара ткнула пальцем в сторону Никки, привлекая внимание и защищая Ричарда. — Магистр Рал спас меня.

Никки прищурилась, глядя на морд-сит.

— Ричард ходил за тобой на границу мира мертвых... а, может, и дальше.

Кара искоса взглянула на Ричарда.

— Правда?

Никки медленно кивнула.

— Твоя душа уже ушла в царство теней. Я не могла дотянуться до тебя. Поэтому и не могла исцелить.

— Что ж, у лорда Рала получилось.

— Да, получилось. — Никки подошла ближе и потрепала Кару по подбородку. — Никогда не забывай, что этот человек сделал

для тебя. Помни об этом всю жизнь. Сомневаюсь, что в целом мире еще хоть кто-то отважится на такой поступок.

— Он не мог поступить иначе. — Кара ухмыльнулась. — Магистр Рал без меня не обойдется, и ему это прекрасно известно.

Ричард отвернулся, чтобы никто не видел его улыбки.

Никки не верилось, что можно так легко отзываться о столь важном свершении. Она еще раз глубоко вдохнула, чтобы не дрожал голос. Ей не хотелось создать ложное впечатление, будто она недовольна тем, что Ричард исцелил Кару.

— Подумаем о другом, Ричард. Ты использовал дар! Чудовище уже близко, а ты использовал свой дар...

— Я не мог поступить иначе. Мы бы потеряли ее.

Как же просто он все воспринимает! Ну, по крайней мере, он старается не выглядеть таким самоуверенным, как Кара. Подбоченясь, Никки подошла еще ближе.

— Ты вообще понимаешь, что натворил? Я же предупреждала тебя. Чудовище где-то рядом. Используя дар, ты прямо говоришь ему, где находишься!

— А что мне было делать? Позволить Каре умереть?

— Да! Она поклялась своей жизнью защищать тебя. Это ее дело и священный долг — а вовсе не приманивание чудовища. Мы могли потерять и тебя, и ее — не говоря уже об угрозе, которую ты сейчас пробудил. Ты столько значишь для жителей всей Д'Хары, и при этом рискуешь всем, чтобы спасти жизнь одного человека! Ты должен был позволить ей уйти. А теперь вы оба погибнете, потому что чудовище знает, где вы. Случившееся один раз теперь случится снова. Вот только в следующий раз спасения не будет. Ты спас жизнь Кары ценой собственной жизни — но никто не остался в выигрыше!

Еще не закончив свою горячую речь, Никки увидела огонек ярости, разгорающийся в глазах Ричарда, и поняла, что перегнула палку. Ее старания выразиться точнее ни к чему не привели. Глаза Кары, напротив, вспыхнули тревогой, чуть ли не паникой. Ричард обнял девушку и легонько сжал ее плечи, словно уговаривая не обращать внимания на слова Никки.

— Во-первых, это всего лишь твои предположения. — Он стиснул зубы так, что на щеках проступили желваки. — Такой

ход событий возможен, но не обязателен. Во-вторых, я не позволю умереть дорогому мне человеку только потому, что это может немного усилить мою безопасность. Охота уже началась. Я мог бы позволить Каре умереть — но это не остановило бы охотника.

Никки безвольно опустила руки. Ричард был не в настроении спорить по поводу спасения дорогого ему человека, и не было ни малейшего способа объяснить ему, какой опасности он сегодня избежал и какие силы пробудил к жизни. Как сказать ему об этом и не быть неверно понятой?

— Ричард, я не могу тебя винить. — Никки мягко положила руку ему на плечо. — На твоем месте я поступила бы так же. Однажды, когда у нас будет много времени, мы непременно поговорим об этом. Ты расскажешь мне, что именно сделал. Такое под силу только тебе — но, возможно, я бы смогла помочь тебе научиться управлять стихийными действиями и концентрироваться, чтобы уменьшить опасность.

Ричард кивнул, одобряя то ли ее предложение, то ли проявленную ею сдержанность — Никки так и не поняла, что именно.

Она видела по глазам Ричарда и Кары, что пережитое вместе потрясение сильно сблизило их. Вспомнив, что им вскоре предстоит уезжать, а ей — оставаться, она расстроилась, и вспышка радости от исцеления Кары угасла.

— Кстати, — пробормотал Ричард, глядя в темноту, — мы ведь до сих пор не знаем, имеет ли все это отношение к той твари в лесу.

— Конечно, имеет! — уверенно сказала Никки.

— Откуда ты знаешь? Та тварь разорвала людей на куски. Сегодня нападение выглядело совсем иначе. С чего вдруг нам утверждать, что в обоих случаях действовало именно то чудовище, сотворенное по приказу Джеганя?

— О чем ты говоришь? А кто же еще это мог быть? Это должно быть чудовище, которое вызвали сестры.

— Да я не говорю, что это не оно... вполне возможно, все обстоит именно так... но многое не сходится.

— Например?

Ричард почесал в затылке.

— Тварь в лесу напала на людей — но не напала на меня, хоть я был совсем рядом. А теперь оно не стало рвать на части Кару. Хотя мы знаем, что чудовище легко может убить меня. Почему сегодня оно не использовало свой шанс?

— Может быть, потому что я пыталась овладеть его силой? — хмыкнула Кара. — А, может быть, я представляла для него угрозу — или спугнула его, и оно решило удрать?

Ричард замотал головой.

— Ты не была ему угрозой. Твари хватило одного прикосновения, чтобы убрать тебя с дороги. А проломившись сквозь стену, она не сбежала от страха, а просто исчезла.

Никки заподозрила неладное. Ей впервые рассказали историю целиком.

— Ты находился в комнате, а чудовище просто так исчезло?

— Ну, не совсем. Я выпрыгнул из окна в тот же миг, когда тварь ворвалась в мою комнату. А потом увидел, как из окна вылетела и растворилась какая-то черная тень.

Никки теребила шнуровку корсажа, размышляя о словах Ричарда. Она пыталась сложить обрывки сведений, но стройной картины не получалось. Действия чудовища не имели смысла — если, конечно, это было то самое чудовище. Ричард был прав, многое здесь чересчур нелогично.

— Может, оно просто не заметило тебя? — задумчиво протянула Никки, обращаясь скорее к самой себе. Ричард скептически фыркнул:

— Другими словами, тварь нашла меня ночью в гостинице, проломилась сквозь стены точно в ту комнату, где находился я — а затем, когда мне удалось выскочить в единственное окно, внезапно растерялась и удрала восвояси?

Никки на мгновение задумалась.

— Оба нападения во многом совпадают. И там, и тут видна невероятная мощь — деревья сломаны, как сухие хворостинки, а стены оказались не надежнее бумаги.

— Да, это так, — печально вздохнул Ричард.

— А вот что мне действительно интересно, — продолжала Никки, складывая руки на груди, — так это почему чудовище не убило Кару.

Легкое колебание промелькнуло в его глазах, и Никки поняла, что Ричард чего-то не договаривает. Склонив голову набок, она терпеливо ждала, пока он найдет нужные слова.

— Когда я был там, внутри... когда забирал боль, вызванную прикосновением этого мерзкого существа, там было еще что-то, — тихо сказал Ричард. — Я думаю, оно хотело оставить мне послание... предупредить, что идет за мной, что найдет меня... и смерть покажется мне непомерной роскошью, когда это случится.

Никки посмотрела на Кару.

— Я не просила его идти за мной туда, в этот сумеречный мир! Не просила и не хотела, чтобы он это делал! — Морд-сит гневно сжала кулаки. — Но я не буду лгать и говорить, что предпочла бы быть мертвой.

Никки не смогла удержаться от улыбки, глядя на такую искренность.

— Кара, я рада, что ты жива. Правда-правда. Чего стоил бы человек, за которым мы следуем, если бы позволил другу умереть, не попытавшись сделать все для его спасения?

Кара выдохнула и расслабилась. Никки снова посмотрела на Ричарда.

— И все-таки интересно, почему Кара осталась жива. Понимаешь, это послание с тем же успехом могло быть передано лично тебе, ты же был почти в лапах чудовища. Если опасность реальна — а в этом нет никаких сомнений, — то у него было достаточно времени для осуществления угрозы. Более того, абсолютно бессмысленно врываться в твою комнату, а потом исчезать.

Ричард побарабанил пальцами по рукояти меча, обдумывая ее слова.

— Вопросы хорошие, но у меня нет хороших ответов. — Придерживая эфес меча левой рукой, он снова вглядывался в темноту, пытаясь различить хоть малейшее движение. — Мне кажется, нам с Карой следует продолжить путь. Когда я думаю о том, что случилось с людьми Виктора, мне страшно даже представить, что может начаться здесь, если тварь вернется. Кровавая ярость не должна затронуть город. Люди не должны гибнуть понапрасну. Что бы это ни было — чудовище Джеганя или нечто

иное, о чем мы не имеем ни малейшего понятия, — мне кажется, нам следует двигаться вперед, если мы хотим остаться в живых. Сидеть на одном месте... слишком уж похоже на ожидание собственной казни.

— Это звучит вполне логично, — признала Никки. — Хотя трудно быть в чем-то абсолютно уверенным!

— Тем не менее нам пора уходить. И по многим причинам — лучше раньше, чем позже. — Ричард поправил лямки своего мешка. — Нужно еще найти Виктора и Ицхака.

Никки махнула рукой куда-то за спину.

— Вскоре после нападения я сходила за ними и нашла вон там, в конюшне. Ты заказывал лошадей, Ицхак подготовил их. Люди помогали ему собирать припасы. — Она накрыла его руку своей. — А еще... Родственники убитых из отряда Виктора тоже там. Они хотели бы поговорить с тобой.

Ричард кивнул с глубоким вздохом.

— Надеюсь, я смогу им помочь. Горе еще свежо в моей душе. — Он быстро взглянул на Кару. — Но горе проходит.

Поправив висящий на плече лук, Ричард шагнул вперед и через несколько мгновений растворился в темноте.

Глава 21

Кара собиралась последовать за Ричардом, но Никки, удостоверившись, что Ричард не может их услышать, перехватила руку морд-сит и заставила ту остановиться.

— Кара, ты как? Только честно!

Кара спокойно встретила пристальный взгляд Никки.

— Я устала, но в полном порядке. Магистр Рал все сделал правильно.

Никки удовлетворенно кивнула.

— Кара, можно личный вопрос?

— Можно, но не обещаю на него ответить.

— Для тебя что-то значит человек по имени Бенджамин Мейфферт?

Даже в тусклом свете высоких светильников можно было увидеть, что залившаяся румянцем Кара стала краснее своей кожаной одежды.

— Кто рассказал тебе?

— А что, это секрет и никто не должен его знать?

— Да нет, я не об этом, — с запинкой проговорила Кара. — Я хочу сказать, что... ты хочешь подловить меня на чем-то и заставить проболтаться!

— Я не собираюсь заставлять тебя рассказывать что-либо. Тем более не хочу, чтобы ты лгала. Я просто спросила про Бенджамина Мейфферта.

Кара нахмурилась.

— Все-таки, кто же рассказал тебе?

— Ричард. — Никки удивленно приподняла бровь. — А что, это неправда?

Кара поджала губы и отвернулась, изучая ночную темноту.

— Правда.

— Ты говорила Ричарду о своем отношении к этому солдату?

— С ума сошла? Я бы никогда не сказала магистру Ралу об этом. Откуда он только узнал?

Молчание повисло в воздухе. Никки рассматривала морд-сит, слушая непрерывный стрекот цикад.

— От Кэлен.

Кара застыла с открытым ртом. Затем, опомнившись, потерла лоб, словно собираясь с мыслями.

— Это безумие какое-то... Видно, я же сама ему и рассказала. Думаю, потом я просто забыла. Мы так много говорили... сложно вспомнить все, что я ему рассказывала. Но я вспоминаю теперь — однажды ночью мы говорили о чувствах и таком прочем... наверное, тогда я и рассказала ему про Бенджамина. Видимо, я похоронила эти воспоминания в глубине памяти. А он нет. Мне нужно было бы научиться держать рот на замке!

— Не нужно бояться того, что ты рассказала Ричарду. Лучшего друга не найдешь в целом мире. И ты не должна беспокоиться из-за того, что я тоже это знаю. Он рассказал мне о твоих чувствах в минуту печали, чтобы я увидела в тебе не просто морд-сит, а живого чело-

века с нормальными человеческими желаниями. Говоря об этом, он гордился тобой. А я обещаю хранить твои чувства в секрете.

Кара нервно наматывала локон на палец.

— Знаешь, я никогда не рассматривала это с такой точки зрения — но если он гордился мной, это так... хорошо.

— Любовь — это стремление к жизни, которое хочется разделить с другим человеком. Ты любишь кого-то, кого считаешь совершенно особенным, и это чудесно. Он — отражение того, что ты больше всего ценишь в жизни. Любовь — величайшая награда, и не стоит стыдиться того, что ты влюблена в Бенджамина, — если это действительно так.

Кара задумалась.

— Мне не стыдно. Я морд-сит. — Она едва заметно вздрогнула. — Но я не уверена, что люблю. Не знаю точно. Я знаю, что хочу заботиться о нем. Но ведь это еще не любовь? Возможно, только первый шаг к ней... Знаешь, мне очень тяжело говорить о таких вещах. Непривычно разбираться в том, что я на самом деле думаю или чувствую.

Никки кивнула.

— Большую часть своей жизни я тоже не знала, что такое любовь. А вот Джегань воображал, будто любит меня.

— Джегань? Любит тебя? Ты это серьезно?

— На самом деле не любит. Он только так думает. Даже будучи тогда среди его подчиненных, я чувствовала, что на любовь он не способен — хотя и не понимала, почему. Теперь — понимаю. Джегань мерит все сущее двумя мерками — ненавистью и желанием, он искажает и разрушает все, что есть хорошего в жизни, и потому никогда не узнает настоящей любви. Однако он чует, что любовь существует, как можно в ночи чуять неуловимый аромат неодолимо притягательного и таинственного цветка — и наступить на него с размаху. Любовь — это нечто за гранью его восприятия, и именно поэтому он так к ней стремится. Знаешь, как ему вздумалось познать любовь? Он схватил меня за волосы, швырнул на кровать и изнасиловал. Вожделение он принял за любовь и считал, что я должна быть благодарна за то, что он испытывает ко мне столь сильную страсть, заставляющую отложить все дела. Он верил, что оказывает мне честь своим насилием.

— Похоже на Дариена Рала, — пробормотала Кара. — Они бы отлично поладили друг с другом. — Внезапно она задумалась. — Но ты же волшебница. Почему ты не испепелила этого ублюдка?

Никки тяжело вздохнула. Как же объяснить несколькими словами целую жизнь, исполненную предрассудков и заблуждений?

— Не проходит и дня, чтобы я не сожалела о тех возможностях убить этого мерзавца, которые упустила тогда. Но меня, как и его, воспитывал Имперский Орден. И я верила, что добродетель заключается только в самопожертвовании. Наш долг, учили нас, отдавать себя тем, кто в тебе нуждается. И мы не первые, кого лишали воли ради всеобщего добра, лучшего будущего для всех людей и безоговорочного подчинения воле Создателя. Орден учил нас жертвовать собой не ради лучших, а ради худших — именно потому, что те не заслужили такой жертвы. По словам Ордена, в этом и есть высшая добродетель, и это единственный путь к свету Создателя после смерти. Добродетельные должны жертвовать собою ради недостойных. Так это у них подается. Истинная же подоплека — жажда недостойных обрести незаслуженное — никогда не выходит наружу.

— Все желания и устремления Джеганя рождаются у него в паху, — продолжила Никки. — А поскольку у меня имелось то, в чем он нуждался, я была обязана потакать его прихотям. Тем более что он нес свет учения Ордена язычникам внешнего мира. Когда Джегань избил меня до полусмерти и бросил на кровать, я не сопротивлялась. Ведь все происходило именно так, как меня учили, — я жертвовала своим телом и тем самым выполняла свой долг. Мне казалось, что ненавидеть его насилие — это неправильно. А потому я, нехорошая, заслуживала не только побоев в этом мире, но и вечного наказания за гробом. Я не могла убить человека, который морально превосходил меня потому, что испытывал потребность во мне. Так учит Орден. Как можно причинить вред тому, кому ты должна подчиняться? Как можно жаловаться на причиненный ущерб, если я заслуживала даже большего наказания? Чего я могла бы добиться? Справедливости? В этом и состоит древняя и вечно новая ловушка всех учений, которые говорят о долге и великой цели.

Некоторое время они шли молча; Никки не сразу отогнала рой мрачных воспоминаний.

— Что же произошло потом? Почему ты изменилась? — спросила Кара.

— Ричард, — мягко ответила Никки. В это мгновение она была рада, что кругом так темно. По ее щекам текли слезы, но она гордо вскинула голову. — Он показал мне, что ни у кого нет прав на мою жизнь, даже на малую ее часть. Я никому не принадлежу.

Кара посмотрела на нее с пониманием и сочувствием.

— Ты пережила примерно то же, что и морд-сит под властью Даркена Рала. Д'Хара была когда-то местом тьмы, и Имперский Орден несет людям такую же тьму. Ричард не просто убил Даркена Рала — он навсегда избавил Д'Хару от рабства. Он дал нам то же, что и тебе — истинную жизнь. И я догадываюсь, почему лорд Рал смог понять нас — с ним поступали точно так же.

Никки озадаченно посмотрела на Кару.

— Точно так же?

— Он попал в плен к морд-сит по имени Денна. Когда-то нам вменялась в обязанность единственная задача — пытать до смерти врагов Даркена Рала. А Денна была лучшей из нас. Даркен Рал лично приказал ей захватить Ричарда и *обучить* его. Он упорно охотился за Ричардом, чтобы узнать нечто важное о шкатулках Одена. Денна должна была пытать Ричарда, чтобы тот с готовностью ответил на любой вопрос Даркена Рала.

Никки замедлила шаг и увидела, что глаза Кары блестят от слез. Морд-сит пристально смотрела на эйджил, крепко сжимая его в ладони. Никки знала, что именно Денна делала с Ричардом — но решила не говорить ни слова. Иногда людям стоит поговорить с собой даже больше, чем с кем-либо другим. Кара совсем недавно была на волосок от смерти — видимо, сейчас для нее наступил такой момент. Никки молча слушала дальше.

— Я была там, — прошептала Кара, глядя на эйджил. — Он не помнит. Денна пытала его до полной потери памяти, до бессознательного состояния... но я видела его там, в Народном Дворце, и видела, что она с ним делала... что мы все делали с ним.

У Никки перехватило дыхание. Она изумленно посмотрела на Кару.

— Вы все? Что ты имеешь в виду?

— Для морд-сит это обычная практика — меняться пленниками. Ведь у каждой есть свои отработанные приемы, а так пленникам сложнее привыкнуть к пыткам, они все время сбиты с толку и испытывают сильный страх. А страх — неотъемлемая часть пыток, это первое, что узнают морд-сит во время обучения... страх делает любую боль намного более сильной. Чаще всего Денна делила Ричарда с Констанцией. Но иногда отдавала его другим. — Кара смотрела на эйджил. — Это было вскоре после того, как его привезли в Народный Дворец. Ричард не помнит — он тогда не помнил собственного имени из-за того, что с ним делала Денна, — но один день он провел со мной...

Этого Никки не знала. Она застыла, не сообразив, что можно сказать.

— Денна... Денна спала с Ричардом, — продолжала Кара. — Думаю, она понимала любовь не лучше, чем Даркен Рал или Джегань. Но в конце концов смогла полюбить Ричарда. Я видела, как она переменилась. Ты правильно сказала: она нашла в нем что-то особенное. Она любила его так сильно, что попросила убить себя. Так он смог убежать. Но перед этим, когда пытки еще продолжались, я много раз видела его, беспомощно повисшего, окровавленного, умоляющего о смерти, как о милости. — По щеке Кары прокатилась слеза. — Милосердные духи, меня ведь он тоже умолял убить его... этого я добилась...

Внезапно Кара осознала, что говорит. Ужас заметался в ее глазах.

— Пожалуйста, не говори ему ни слова. Это было так давно! С тех пор все изменилось. Я не хочу, чтобы он знал... что я с ним делала. — По ее лицу катились слезы. — Пожалуйста...

Никки подошла ближе и взяла ее ладони в свои.

— Ну конечно, я ничего не скажу. Я понимаю, что ты чувствуешь; когда-то я тоже делала с ним страшные вещи. Но все прошло. — Никки глубоко вздохнула. — Думаю, мы все трое очень плохо знаем, что такое любовь.

Кара благодарно кивнула.

— Нам нужно поторопиться, если мы хотим найти лорда Рала.

Никки махнула рукой в сторону конюшни.

— Ричард разговаривает с родственниками убитых людей Виктора. Я чувствую это при помощи своего дара. — Она протянула ладонь и вытерла слезы с лица Кары. — Нужно немного успокоиться, прежде чем мы пойдем туда.

Сделав несколько шагов по направлению к конюшне, Кара остановилась и спросила:

— Никки, могу я сказать тебе... что-то личное?

Видимо, этой ночи суждено было стать ночью неожиданностей.

— Да, конечно.

— Понимаешь... — Кара с трудом подыскивала слова, — когда лорд Рал хотел исцелить меня... он был со мной.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, он лежал рядом со мной, в постели, и обнимал — словно защищал и хотел согреть. — Она поежилась, как будто воспоминания принесли с собой озноб. — Было так холодно. Понимаешь, я тоже обнимала его.

Никки повела бровью.

— Понимаю.

— Когда он был во мне, я это чувствовала — но если расскажешь ему об этом, я убью тебя, честное слово, убью!

Никки улыбнулась.

— Мы обе заботимся о нем. Я понимаю тебя, потому что сама чувствую то же самое.

— Да, верно. — Кара пожала плечами. — Когда он позвал меня обратно... или что он там сделал... казалось, он зовет изнутри, из моей головы. Как будто он стал частью меня. Такая близость ни на что не похожа... Лорд Рал прежде уже лечил меня от ран, но тут было по-другому. Кое-что совпадало: мое состояние, мои ощущения и его искренняя забота, но что-то было совсем другим. — Кара поежилась. — Тогда он лечил от раны мое тело. А сегодня... Как будто зло коснулось чего-то внутри, отравило меня, забрало мое желание жить.

Растерянная, она не знала, как объяснить свои чувства словами.

— Я понимаю, о какой разнице ты говоришь, — сказала Никки. — И на этот раз между вами была более тесная связь?

Кара закивала, радуясь пониманию.

— Да, именно так. Близкая связь, гораздо более близкая, чем обычно. Как будто моя душа лежала у него на ладонях, как будто... а, неважно.

Кара умолкла. Никки решила не переспрашивать, но спустя несколько мгновений Кара снова заговорила.

— Дело в том, что он чувствовал меня, чувствовал мои желания, помыслы... Никто и никогда...

Кара замолчала опять. Было видно, что она просто не может найти необходимых слов.

— Кара, я понимаю тебя, — успокоила ее Никки. — Правда, понимаю. Я лечила людей и знаю их ощущения, пусть и не так глубоко. Я никогда ни с кем не делала того, что сделал с тобой Ричард, но что-то похожее переживала. Особенно когда лечила самого Ричарда.

— Я рада, что ты понимаешь меня. — Кара пнула маленький камешек, подвернувшийся под ногу. — Думаю, лорду Ралу это вообще не интересно, просто... не только он читал мои мысли. Я тоже читала его. — Спохватившись, она испуганно махнула рукой. — Забудь, что я сказала.

Никки неуверенно посмотрела на Кару.

— Кара, если тебе неловко об этом говорить, не нужно. Ты знаешь, как мне дорог Ричард, но если чувствуешь, что чего-то говорить не нужно, или же ваши с ним отношения переходят какие-то границы, то просто следуй своему инстинкту.

Кара глубоко вздохнула.

— Наверное, ты права.

Никки никогда не видела Кару такой растерянной. Абсолютная уверенность в себе и своих силах, в любых обстоятельствах, — вот какое впечатление производила эта женщина. Конечно, Никки не всегда соглашалась с ней, да и с Ричардом тоже, но на Кару всегда можно было положиться. Ради Ричарда она была готова на все — неважно, какая опасность грозила при этом ей самой. Защищая Ричарда, она не взирала на последствия, включая даже возможное неудовольствие лорда Рала.

Идя по темному переулку, Никки, с помощью волшебного дара, могла слышать тихие голоса людей. Они были далеко, и она не старалась вслушиваться, достаточно было уловить общую нить

разговора. В конюшне собрались мужчины и женщины, они говорили по очереди. Никки разобрала голос Ричарда, тот мягко обращался к ним, отвечал на вопросы. Кто-то плакал.

На углу гостиницы, где дорога сворачивала направо к конюшне, Кара поймала Никки за руку и заставила остановиться, пока они еще не вышли из темноты.

— Послушай. И ты, и я начали с того, что хотели убить лорда Рала.

Никки не могла понять, о чем толкует Кара.

— Ну... в общем, да.

— У нас необычные отношения. Мне кажется, когда хочешь причинить кому-то боль, а этот кто-то дает тебе понять, насколько ты не права и насколько важна твоя собственная жизнь, то начинаешь думать и заботиться об этом намного сильнее, чем раньше.

— С тобой нельзя не согласиться.

Кара махнула рукой в направлении площади Свободы, откуда они пришли.

— Когда началось восстание, а лорд Рал был ранен и лежал при смерти, люди не хотели, чтобы ты исцелила его. Они боялись, что ты причинишь ему зло. Я одна поверила тебе. Я поняла, какое перерождение ты испытала, потому что со мной было то же самое. Я знала, что ты чувствуешь — единственная из всех в его окружении. И я приказала им дать тебе шанс. Я знала, что ты не навредишь ему. И ты спасла его.

— Все так, Кара. Мы обе заботимся о нем. Нас с ним связывают узы.

— Да, особые узы. Не такие, как у остальных.

Никки, все еще не понимая, к чему клонит Кара, развела руками:

— Так что ты хотела мне сказать?

Кара, прежде чем ответить, уставилась на носки своих сапог.

— Когда мы с лордом Ралом были единым целым, я ощутила его глубинные чувства. У него внутри неописуемо тяжелое, пылающее болью одиночество. Знаешь, я думаю, вся эта история про Кэлен — из-за одиночества.

Никки глубоко вдохнула и выдохнула, наскоро обдумывая, что же на самом деле учуяла Кара в душе Ричарда.

— Возможно, это одна из причин...

Кара прокашлялась.

— Никки, когда держишь мужчину в своих объятиях, когда вместе с ним испытываешь такое... то как-то лучше понимаешь, что он чувствует на самом деле.

Никки постаралась загнать свои чувства в дальний угол души.

— Не сомневаюсь, что ты права.

— Знаешь, я хотела бы вечно держать его в своих руках, утешая и оберегая от одиночества.

Никки задумчиво посмотрела на морд-сит и ничего не сказала, ожидая продолжения.

— Но не думаю, что я та, кто сможет помочь лорду Ралу.

Никки тщательно обдумала следующий вопрос.

— То есть ты — не та женщина, которая могла бы утолить... его одиночество?

— Я не могу.

— Из-за Бенджамина?

Кара пожала плечами.

— Частично. — Она подняла глаза и встретилась взглядом с Никки. — Я люблю лорда Рала. Жизнь за него отдам. Признаюсь, я держала его в своих объятиях и чувствовала... чувствовала себя так, как будто могла бы стать ему ближе, чем друг и телохранитель. Он был так близко, и я представляла себе, что я... — Кара умолкла, не в силах продолжать.

Никки судорожно сглотнула.

— Я понимаю.

— Но я — не его единственная. Я это знаю, хоть и не могу объяснить. Не разбираюсь я во всех этих сердечных делах, просто говорю, что думаю. Если бы он попросил, я бы тут же согласилась... но не потому, что страстно хочу этого. Понимаешь?

— Ты имеешь в виду, что сделала бы это из глубочайшего уважения и чувства заботы, а не потому, что хочешь быть его возлюбленной.

— Точно. — Кара облегченно вздохнула, благодарная за то, что не пришлось говорить это самой. — Вряд ли лорд Рал чувствует то же самое. Когда я ощущала его, я бы точно поняла, есть

ли у него такое желание, но желания не было. Он любит меня, но не так.

Никки осторожно перевела дыхание.

— Именно об этом ты и хотела мне сказать? Что его одиночество может исцелить какая-то необыкновенная женщина, и потому у него возникли такие фантазии?

Кара кивнула.

— Да... но не только это.

Никки окинула взглядом улицу, заметив людей, сходящихся к конюшне.

— А что еще?

— Думаю, ты могла бы стать такой женщиной для лорда Рала.

— Что?.. — Горло Никки перехватило, и слова не выговаривались.

Кара вскинула руки в предупредительном жесте.

— Не говори ничего. Не хочу, чтобы ты называла меня сумасшедшей. Сейчас — ни слова. Просто подумай. Мы скоро уйдем, и у тебя будет время все хорошенько обдумать до следующей встречи. Я ведь не прошу жертвовать собой ради него или еще о какой-нибудь глупости. Просто я думаю, что лорду Ралу нужна женщина, и ты можешь быть ею — если, конечно, эта мысль не вызывает у тебя отвращения.

Она замялась, подбирая слова.

— А я... я не та, кто ему нужна. Я — морд-сит. Лорд Рал — волшебник. Добрые духи, я ненавижу магию, а он и есть воплощенная магия! Мы во многом не подходим друг другу, хоть и по мелочам. А у вас с ним так много общего. Ты — колдунья. Лучше тебя его никто не поймет. Кто же поможет ему, если не ты? Я ведь помню ту ночь в лагере, когда вы оба говорили о Магии Приращения. Я и половины тогда не поняла — но видела и была поражена тем, как легко вы понимали друг друга, улавливали даже мысли, а это немногим дано. Вы так здорово смотрелись вместе...

Она вновь споткнулась.

— А еще помню, когда мы спали в убежище, чтобы сохранить тепло, как хорошо ты смотрелась рядом с ним. Словно женщина,

о которой заботится ее любимый мужчина. Я даже думала, что он поцелует тебя. Это было бы так естественно...

Сердце Никки рвалось из груди.

— Кара, я... — Слова снова отказали ей.

Кара царапнула ногтем по стене, отшелушивая с нее краску.

— Между прочим, ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видела. Лорду Ралу нужна жена ему под стать, а лучшей кандидатуры я пока не видела.

— Жена?..

— Тебе это кажется бессмысленным? Жена заполнит болезненную душевную пустоту. Принесет ему радость и счастье, избавит от горя. Рядом с ним будет кто-то, кто разделит его жизнь и его магию. И он не будет одинок. Просто подумай.

— Но Ричард не любит меня, Кара!

Кара уперлась в нее тяжелым и долгим взглядом. Никки припомнила, как Ричард рассказывал однажды, насколько невыносимым может быть взгляд морд-сит. Теперь Никки могла его понять.

— Может быть, он не чувствует этого сейчас. Но когда ты снова к нам присоединишься, возможно, следует попытаться намекнуть ему? Знаешь, иногда людям нужно просто открыть глаза. Поэтому я и говорю с тобой. Если бы ты позволила себе думать, что это возможно, то и он мог бы увидеть тебя в новом свете. — Кара улыбнулась. — Людям нужен какой-то особый момент, чтобы влюбиться. Они же не рождаются влюбленными в своих мужей или жен. Тебе просто стоило бы помочь ему посмотреть на тебя как-то по-новому. Может, он просто думает, что такая умница и красавица никогда не сможет воспринимать его серьезно? Знаешь, ведь мужчины порой настолько застенчивы, если рядом находится такая необычайная женщина.

— Кара, я не думаю, что он...

Кара заговорщически наклонилась к ней.

— Может быть, он думает, что ты им никогда не заинтересуешься, и поэтому придумывает себе какую-то другую женщину?

Никки облизнула губы.

— Знаешь, давай лучше зайдем в конюшню. А то он может уехать без нас.

Кара улыбнулась.

— Да, он такой. Никки, послушай, если хочешь, то забудь все, что я сказала. По-моему, ты неловко себя чувствуешь из-за этого. Наверное, вообще не стоило заговаривать...

— Тогда почему ты сказала?

Кара вздохнула и посмотрела на нее с тоской.

— Потому что я была рядом с ним, и чувствовала его боль и одиночество, и это разбило мне сердце. — Она снова посмотрела на Никки. — Не так-то просто разбить сердце морд-сит.

«Сердце колдуньи — тоже», — едва не сказала Никки.

Глава 22

Свисавшие с крепких балок фонари заливали конюшню приятным неярким светом. В воздухе между загородками и стойлами стоял аромат свежего сена. Мужчины и женщины, некоторые даже с детьми, толпились в проходах, а кое-где набились в загоны — несмотря на то, что Ричард уже поговорил с охваченными горем родственниками погибших и многие разошлись по домам, пожелав ему удачного путешествия.

До рассвета оставалось несколько часов. Невзирая на позднее время, множество людей пришли, чтобы задать вопросы о грядущей битве за город. Одни сидели на охапках сена, другие пристроились на лестницах. Ричард знал, что им следовало бы вернуться домой и заснуть — но немногие способны уснуть, если на город скорым маршем идут вражеские солдаты.

Виктор стоял рядом и выглядел угрюмо; он только что рассказал о храбрости своих людей и о том, как сильно ему будет их не хватать.

Многие рыдали, слушая его слова. Ричард понимал, что никакими словами не сможет облегчить их горе. Он сделал все, что мог. Теперь оставалось лишь сочувствие к их утрате. Все понимали, насколько ему жаль погибших, и все же он чувствовал себя ненужным и беспомощным.

Краем глаза Ричард увидел Кару и Никки, вошедших через ворота на дальнем конце. Ричарду было интересно, где они

задержались — но, окруженный людьми и вопросами, он никак не мог выйти поискать их в ночной темноте. В конце концов он решил, что Никки и Кара просто решили дать ему время поговорить с людьми, либо же Кара проверяла местность, чтобы убедиться, что все в порядке. В любом случае он был рад видеть их снова.

— Так ты, стало быть, думаешь, что эта тварь... ну, та, что проломила стены у Ицхака — приходила за тобой? — спросил старик по имени Хенден, глядя на Ричарда и опираясь локтем на перекладину загона. В руке он держал трубку с длинным резным чубуком. Его худое морщинистое лицо несло на себе печать прожитых лет, говорил он негромко и рассудительно.

Из уважения к его возрасту замолчали даже те, кто успел задать Ричарду свои собственные вопросы. Хенден сделал затяжку и выпустил клуб ароматного дыма, ожидая ответа Ричарда.

— Как я уже говорил, вероятнее всего, это так. И что бы это ни было, оно пришло за мной, потому мне как можно скорее нужно уходить. Если оно снова придет в город, могут пострадать люди.

Старик вынул трубку изо рта и ткнул ею в сторону Ричарда.

— Ты имеешь в виду — пострадать так же, как люди Виктора? Из-за того, что ты будешь рядом?

Виктор шагнул вперед.

— Хенден, послушай. Лорд Рал не виноват в том, что злые люди желают ему зла. Эти же люди мечтают прийти сюда и убить нас всех. Чудовище, не чудовище... Хенден, будешь ли ты винить себя, если сюда вломятся солдаты Джеганя, а лорд Рал пострадает, защищая тебя от них? Мои люди сражались против Имперского Ордена и были убиты неизвестным чудовищем. Но это зло наслал на нас Орден. Они сражались за мир для себя и своих близких. Мир, где можно жить свободно и без страха. Они сами выбирали борьбу вместо того, чтобы прожить жизнь в рабстве.

Хенден задумчиво пожевал трубку. Взгляд, устремленный на Виктора, был безмятежен.

— Я всего лишь спросил. Хочется знать, в чем дело и чего нам ждать.

Ричард отметил дружные кивки в толпе.

— Ты прав, это разумно, — ответил он прежде, чем Виктор перебил старика. — Я не могу запретить задавать вопросы, особенно касающиеся человеческой жизни. Но и Виктор тоже прав. Джегань хочет убить нас всех. Я уже говорил и скажу снова: мы должны разгромить его, или никому из нас не знать покоя.

Ричард видел, как Никки без всякого труда прокладывает путь сквозь толпу выходящих из конюшни людей. Ее пышные светлые волосы водопадом спускались на плечи. Черное платье с глубоким вырезом и шнурованным лифом выгодно подчеркивало великолепие фигуры. Но не платье и не осанка придавала ей вид королевы, а властность, сквозящая в каждом движении. Кара, одетая в красную кожу, смотрелась при ней как королевский эскорт.

Ричарду стало не по себе. Обе женщины смотрели на него с таким вниманием, будто не видели два месяца.

Неожиданно Хенден хлопнул Ричарда по плечу, отвлекая от навязчивых мыслей, и произнес, не выпуская трубку изо рта:

— Счастливого пути, лорд Рал. Спасибо за все, что ты для нас сделал. Мы будем ждать твоего возвращения в свободный город Алтур-Ранг.

— Благодарю, — с улыбкой ответил Ричард.

Хенден присоединился к толпе, увлеченной разговорами на пути к выходу из конюшни. Ричард смотрел им вслед, надеясь, что горожане понимают, что такое настоящая свобода и как ее сохранить.

Ицхак, стоя рядом с Ричардом, издали заметил Никки и Кару и замахал своей красной шапкой, подзывая их.

— Вот вы где! — завопил он. — С вами все в порядке, госпожа Кара? Ричард сказал, мол, у вас все хорошо, но я рад удостовериться собственными глазами.

Ицхак с восторгом устремился навстречу женщинам. Ричард последовал за ним.

— Мы в порядке, — ответила Кара. — Вы уж простите нас за разгром в вашей гостинице.

Ицхак только отмахнулся.

— Да ничего страшного. Доски и штукатурка. Чепуха. Людей чинить намного труднее.

— Верно, — кивнула Кара, встречаясь взглядом с Ричардом.

Ричард заметил Джемилу, стоящую в дальнем конце конюшни, у входа. Она сердито скривилась при упоминании о ремонте гостиницы. Беспечность Ицхака явно раздосадовала ее, но женщина сдержалась и промолчала. Она держала за руку маленькую девочку, и по круглому личику Ричард сразу понял, что это ее дочь. Малышка заразительно улыбнулась, и он не смог не улыбнуться в ответ.

— Ицхак, говорю тебе, вычти стоимость ремонта из того, что должен мне.

Ицхак снял шапку и почесал голову.

— Зачем ты так беспокоишься? Я же сказал, что починю.

Ричард не успел ответить. Снаружи послышался шум. Несколько человек — из тех, кого он отправил на улицы, чтобы осмотреть окрестности, — ввалились в двери, таща двух рослых мужчин. Голову одного украшала копна спутанных, сальных, грязных волос, голову другого — короткая щетина. Оба были одеты в широкие коричневые рубахи, как и многие обычные жители города.

Виктор наклонился к уху Ричарда и еле слышно прошептал:

— Шпионы...

Ричард согласно кивнул. Он уже разглядел широкие пояса под рубахами. Возможно, там же было спрятано и оружие. Армия Имперского Ордена приближалась, и можно было ожидать, что лазутчики будут высланы загодя — разузнать обстановку. Теперь, когда их поймали, они могли стать источником ценной информации о грядущем нападении.

Несмотря на трюк с переодеванием, оба шпиона выделялись среди обычных горожан. Их простая одежда была тесной и трещала по швам на литых плечах. Конечно, они не были гигантами и не бугрились чудовищными мускулами, но манера поведения выдавала их с головой — холодная, заносчивая, с осознанием собственной силы. Оба молчали, сосредоточенно осматривая место, куда они попали. Эти люди выглядели опасными, словно волки в стаде овец.

Как только их втолкнули внутрь, Ричард инстинктивно попробовал, легко ли меч выходит из ножен.

Отвлекшись, один из охранников повернул голову, и в тот же миг длинноволосый резко метнулся вбок, подсекая человека, об-

хватившего его сзади, сильным ударом по голени. Охранник закричал от боли и тяжело повалился на землю. Разорвав объятия, мужчина тут же несколькими точными ударами повалил еще двоих. Началась свалка.

Паника охватила конюшню. Женщины закричали. Плакали дети. Мужчины бранились. Страх и замешательство прокатились по толпе.

Освободившийся шпион, проложив себе дорогу в тесноте конюшни, испустил пронзительный вопль. И все увидели, что он держит за волосы маленькую дочку Джемилы.

В суматохе он успел выхватить у кого-то нож и теперь держал его у горла малышки. Девочка жалобно всхлипывала. Джемила кинулась на обидчика, но тут же повалилась наземь от сильного удара в голову. Еще один мощный удар ногой достался одному из охранников, который рванулся на помощь несчастной женщине.

Тем временем Ричард осторожно двигался сквозь толпу, сфокусировав внимание на внезапно возникшей угрозе.

— Все назад! — закричал мужчина, заставляя отступить тех, кто находился поблизости. Сальные пряди спадали ему на лицо. Глаза судорожно метались в поисках скрытой угрозы. Пот градом катился по лицу, тронутому оспой. Он даже не успел перевести дыхание.

— Все назад, или я перережу ей горло!

Девочка закричала от ужаса. Шпион держал ее за волосы, прижимая к собственному животу. Девочка безуспешно била по воздуху ножками — вырваться было невозможно.

— Отпустите его! — приказал негодяй тем, кто держал его напарника. — Быстро! Или ей не жить!

Ричарда захлестнула волна ярости. Все. Не будет ему ни переговоров, ни компромиссов.

Теперь он стоял неподалеку, слегка пригнувшись, правым боком к освободившемуся пленнику. Тот не мог увидеть меч, да и внимание его было приковано к стоявшим слева охранникам, которые держали другого шпиона. На Ричарда он даже не взглянул.

Детина, державший рыдающую девочку, и не догадывался, какая ему суждена участь. Ему было неведомо, что Ричард мысленно уже убил его.

Яростная магия меча вырвалась наружу еще до того, как лорд Рал прикоснулся к рукояти. Буря ворвалась в его кровь, мышцы налились невероятной силой, заставляя забыть обо всем, кроме желания чужой смерти. Через миг он уже не думал ни о чем, целиком поглощенный жаждой действия.

В этот момент Ричард жаждал только крови врага. Ничто не смогло бы остановить его. Сомнения исчезли. Меч Истины был всего лишь продолжением мысли Искателя, и сейчас эта мысль была простой и понятной любому. Смерть плясала в его глазах.

Его зрение сузилось до точки, до единственного луча, указывавшего на цель. Человек с ножом стоял так близко, что было слышно, как тяжело он дышит. Одно движение — и нож войдет в горло девочки. Но на это уйдет время, пусть и очень короткое, и к тому же на это нужно решиться. Пока жизнь шпиона накрепко связана с жизнью девочки; если она умрет, его щит утратит всякую ценность. Значит, ему придется делать выбор, придется решать — убивать или нет. Решение займет какое-то небольшое, но все же время.

Этого достаточно.

Свое решение Ричард уже принял. Цель была ясна. Теперь у него был краткий миг преимущества, и он не мог позволить ему ускользнуть. Мир сузился до размеров вязальной спицы.

Ричард опустил плечи, повернулся боком, притворяясь, что отодвигается вместе со всеми. Он понимал, что мужчину с ножом слишком многое отвлекает, он не может охватить взглядом всех и ожидает подвоха со спины или с боков, но не со стороны Ричарда.

Ричард вдохнул глубоко, втягивая воздух сквозь зубы. Он так крепко стиснул рукоять, что проволока обмотки отпечаталась на ладони. Все вокруг застыло в мертвой тишине.

Отклонившись, насколько можно, назад, он на мгновение застыл. Сердце стучало ровно и мощно.

Уже не обращая внимания на замерших вокруг людей, видя перед собой только человека с ножом, в оглушительной тишине, разрываемой детским криком, Ричард выпустил гнев на волю.

Пружина разжалась со страшной силой. Клинок вылетел из ножен, направляемый собственной яростью и губительной решимостью Ричарда. Вторя упоительному звону освобожденного клинка,

Ричард издал боевой клич. Весь свой гнев, всю ненависть, всю жажду крови он вложил в этот рев. Он ударил — так быстро, как только мог.

На один-единственный миг, прозрачный и ясный, Ричард устремил взгляд на человека с ножом. Этот миг был ценным достоянием, нельзя было потратить его впустую. Зрение обострилось так, что он видел изумление в глазах чужака, видел капли пота, разлетевшиеся крохотными бисеринками в ту секунду, когда мужчина повернул голову в сторону Ричарда. Капли еще не успели упасть, в оранжевом свете фонарей они блеснули, словно крошки янтаря. Ричард мог сосчитать каждый волосок в сальной гриве чужака, каждую точку отраженного света, услышать каждый вздох, пока меч с кажущейся медлительностью прочерчивал дугу в воздухе. Он понимал, что все взгляды устремлены на него в этот миг, и глаза девочки тоже, но это уже не имело значения. Он смотрел в глаза противнику, наконец-то заметившему его.

В темных глазах своей жертвы Ричард увидел зарождение некой, еще не оформившейся, мысли. Клинок меча со свистом прорезал пыльный воздух между ними, острое, как бритва, лезвие взблеснуло на свету, и эти блики отразились в глазах чужака. Он успел оценить серьезность угрозы, в ту же секунду мысль нашла свое воплощение и пришел черед для действия. Однако крик Ричарда заставил мужчину растеряться — всего на мгновение. Всего на мгновение его мышцы оказались скованы страхом.

Но этого оказалось достаточно.

Теперь все решали доли секунды — кто первым прольет чужую кровь? И в этой гонке нельзя было проиграть. Ричард разглядел страх в глазах противника, разглядел лезвие собственного меча, расплывшееся от невероятной скорости удара, почувствовал пьянящий восторг, заполняющий каждую клеточку его тела.

Ведомый нечеловеческой яростью, клинок снес полголовы, ударив прямо в ощеренный рот — как того и хотел Ричард.

Мир взорвался звуками и красками. Хруст костей, брызги крови, тяжелый стук ударившегося об пол черепа, оглушительный крик ребенка — все слилось в единую багровую пелену уходящего безумия, и в тот же миг жизнь покинула тело бандита. Ярость Ричарда

не позволила ему почувствовать чужой боли. Сожаления тоже не было.

Сила удара была такова, что рука с ножом не успела даже пошевелиться, прежде чем меч достиг своей цели. Безжизненное тело рухнуло на землю.

Ричард перевел дыхание. Сердце стало биться ровнее. Все вокруг, стряхнув оцепенение, разразились криками. Девочка, дрожа от пережитого ужаса, прильнула к матери. Отрубленная часть черепа прокатилась несколько шагов и остановилась, глядя в потолок стеклянными глазами.

Ричард развернулся, чтобы увидеть второго шпиона. Того крепко держали охранники, но он и не думал сопротивляться. Бежать было бесполезно.

Виктор, с булавой наперевес, протиснулся сквозь толпу. Кара словно вынырнула из-под земли, сжимая в кулаке эйджил. Никки, воздев руки, бежала по проходу, и Ричард только сейчас ее заметил.

— Нет! — кричала она. — Остановитесь!

Виктор застыл в недоумении. Никки так сильно махала руками, будто думала, что второго пленника вот-вот убьют.

— Стой, кузнец!

Виктор подумал и опустил булаву. Никки бросила гневный взгляд на Ричарда:

— Ты тоже, плотник! Шевельнешься, когда я скажу! Ты понял?!

Ричард моргнул. Плотник? Откуда вдруг взялся плотник?

Глава 23

Сквозь пелену еще не рассеявшейся ярости меча Ричард осознал, что Никки что-то задумала. Он не знал ее намерений — но то, что она обратилась к нему и Виктору по их ремеслам, а не по именам, не заметить было невозможно. Она подавала сигнал, но для чего? Приходилось положиться на нее.

Виктор не заметил хитрости. Видимо, потому, что все часто звали его «кузнецом». Он уже собирался что-то сказать, но Никки влепила ему оглушительную затрещину.

— Молчать! Меня не интересуют ваши оправдания!

Виктор в глубоком изумлении отступил назад. Непонимание быстро сменилось угрюмым раздражением, но он ничего не сказал. Никки, увидев, что он все понял, развернулась к Ричарду.

— А ты еще ответишь за это, плотник.

Ричарду было невдомек, к чему вся эта комедия — но, встретившись взглядом с Никки, он незаметно кивнул. Большего он сделать не мог, боясь испортить чужой план.

А Никки входила в раж.

— Да что с тобой стряслось? — кричала она на него. — Кто тебе позволил творить все, что заблагорассудится?

Ричард не знал, какой ответ она хочет услышать, поэтому просто пожал плечами, словно от стыда потерял дар речи.

— Да он спас мое дитя! — выкрикнула Джемила. — Этот человек хотел ее убить!

Никки с негодованием обрушилась на женщину.

— Откуда такое неуважение к ближнему? Как ты можешь судить о намерениях другого человека? Только Создатель знает, что было у него в сердце, но уж никак не ты. Может, ты ведьма и можешь видеть будущее? Нет? Тогда откуда ты знаешь, что он хотел ее убить? Получается, его нужно было убить только потому, что ты чего-то испугалась? Да даже если бы он и убил ребенка, никто из нас не имел бы права судить, хорошо или плохо он поступил!

Никки снова повернулась к Ричарду.

— А чего вы от него ждали? Их вдвоем втащили сюда, без всяких объяснений, будто животных — и еще удивляетесь, что он от испуга натворил глупостей? Как вы можете ожидать, что Джеггань Справедливый даст нам второй шанс исправить ошибки, если мы действуем подобным образом? У человека было право бояться за свою жизнь, оказавшись в такой ситуации!

Войдя в роль, она распалилась:

— Как жена мэра, я считаю ваше поведение недопустимым! Вы меня слышите?! Мэр будет весьма недоволен, когда узнает, что вы натворили этой ночью. В его отсутствие за вами присматриваю я. Да убери же меч! И кто тебе вообще позволил хвататься за такое оружие, плотник?

Начиная понимать, чего добивается Никки, Ричард молча вложил меч в ножны. И в ту же секунду ярость исчезла, вызывая легкую дрожь. Неважно, что было причиной, неважно, скольких он уже убил, — чужая смерть тяжким грузом ложилась на плечи. Не желая испортить спектакль Никки, Ричард понуро склонил голову.

Чародейка гневно набросилась на толпу. Все отшатнулись.

— Мы — мирные люди. Разве вы забыли наш долг по отношению к ближнему? Забыли волю Создателя? Как же вы можете надеяться, что император однажды сжалится и снова примет нас под свое покровительство, если мы ведем себя как животные?

Толпа застыла в молчании. Ричард искренне надеялся, что все понимают замысел Никки и никто не испортит дело раньше времени.

— Как жена мэра, я не позволю испортить будущее наших людей бессмысленной жестокостью.

Молодая девушка в толпе подняла голову, словно ища поддержки.

— Но они же...

— Мы никогда не должны забывать о нашем долге по отношению к человечеству, — возвысила голос Никки, — а не искать оправдания эгоистичным поступкам!

Виктор, перехватив ее взгляд, тут же все понял и потянул девушку обратно, вглубь толпы, чтобы та ничего больше не успела сказать.

Никки повернулась к охранникам.

— Наш долг — направлять своего товарища на истинный путь, но не убивать его. Один человек уже погиб этой ночью. Местные власти непременно об этом узнают и решат судьбу плотника. Вам придется присмотреть за ним. Как жена мэра, я не допущу, чтобы товарищ погибшего разделил его судьбу. Я знаю, что муж наверняка во всем разберется — но, по-моему, не стоит ждать утра, чтобы навести порядок. Все должно быть исправлено немедленно, поэтому вы сейчас же отведете этого гражданина за пределы городских стен и отпустите его. Пусть идет с миром. Мы не причиним ему вреда. А плотника держать под присмотром, пока власти с ним не разберутся.

Виктор понуро кивнул.

— Мудро, госпожа. Уверен, что господин мэр, ваш супруг, будет доволен вашим решением.

Никки холодно наблюдала за глубоким поклоном кузнеца. Затем чародейка подошла ко второму пленнику и отвесила тому не менее глубокий поклон.

Ричард отметил, что шнуровка ее корсажа немного разошлась. И пленник тоже это заметил. А когда Никки наклонилась, он смог вдоволь наглядеться на ее прелести. И даже когда она выпрямилась, он не сразу поднял взгляд.

— Надеюсь, вы примете наши извинения. Наше поведение было бесчеловечным. Поверьте, нас учили совсем не этому. Мы принимаем людей как равных. Все люди — братья.

Пленник скорчил понимающую рожу, словно раздумывая, принимать ли ему извинения.

— Чего ж удивляться, что ваши люди настолько грубы, если им хватило наглости восстать против Имперского Ордена!

— Восстать? — Никки всплеснула руками. — Глупости! Просто небольшое недоразумение. Некоторым рабочим, — она махнула рукой в сторону Ричарда, даже не повернув головы, — понравились слова этих жадных, эгоистичных людей, которые стремятся нахапать побольше для себя лично. Но сверх того — ничего серьезного. Муж часто объяснял мне, как расходятся, разрастаясь, слухи, и муха, так сказать, превращается в лошадь. Своекорыстные люди создали ненужную панику, а слухи разошлись далеко... Точно так же и этой ночью — ужасная трагедия произошла из-за непонимания, и одному из детей Создателя нанесли непоправимый ущерб. Мы сожалеем.

Перед тем, как ответить что-либо, пленник наградил ее долгим, задумчивым взглядом.

— И все в Алтур-Ранге считают так же?

Никки вздохнула.

— Ах, право, почти все — и господин мэр, мой муж. Он много потрудился, чтобы остудить горячие головы и прекратить беспорядки. Он и представители народа денно и нощно внушали тем немногим мятежникам, какую ошибку они совершили. Ведь они совершенно не заботились о высшем благе! По наущению моего мужа

предводители мятежа предстали перед судом народа и понесли надлежащее наказание. Большинство из них раскаялось. Сейчас он работает над перевоспитанием и просвещением темного народа.

Ее собеседник медленно кивнул.

— Пожалуйста, передайте вашему мужу, что он мудрый человек и имеет мудрую жену, которая знает, как трудиться на благо великого общего дела.

Никки поклонилась.

— Конечно, ради всеобщего блага. Муж часто говорит это. Несмотря на наши личные желания и чувства, превыше всего мы должны ставить долг перед обществом. Мы должны заботиться о других людях, забывая о собственном благе. Никто не имеет права ставить себя выше остальных.

Слова Никки, похоже, тронули душу мужчины — ее сентенции составляли самую суть философии Имперского Ордена. Никки хорошо понимала, за какие струны надо дергать.

— Совершенно верно, — сказал тот, рассматривая ее в упор. — Думаю, мне лучше уйти.

— Куда же вы направитесь? — спросила Никки и, как бы спохватившись, стыдливо прикрыла рукой распустившийся лиф.

Мужчина снова посмотрел ей в глаза.

— О, мы просто проезжали мимо. У нас семьи на юге. Хотели найти какую-нибудь работу. Да я этого парня вообще не знал. Просто ехали вместе пару дней.

— Ну, из-за того, что случилось этой ночью, — сказала Никки, — муж просто непременно предложил бы вам, для вашей же собственной безопасности, как можно скорее продолжить путешествие. Одной трагедии избежать не удалось; второй быть не должно.

Мужчина окинул толпу долгим недобрым взглядом, задержавшись на Ричарде. Но тот стоял молча, опустив глаза и даже не шелохнувшись.

— Да, сударыня. Поблагодарите мэра от моего имени за то, что он наставляет мятежников на истинный путь.

Никки сделала знак охранникам.

— Эй, вы, сопроводите этого человека! Возьмите с собой достаточно людей, чтобы убедиться, что он выйдет из города целым и

невредимым. Думаю, вам не нужно объяснять, насколько недоволен будет мэр и городской совет, если узнает, что с нашим гостем что-то произошло.

Охранники переглянулись и пробормотали невнятные обещания в том духе, что все будет хорошо. Ричард порадовался, как хорошо, судя по их поведению, все вошли в роль — им-то прекрасно помнилось, как вели себя люди под властью Ордена. Народ в конюшне стоял молча, наблюдая, как бывший пленник и его спутники растворяются в ночной темноте. Даже спустя несколько минут после того, как они скрылись с глаз, все продолжали стоять неподвижно и безмолвно, боясь пошевелиться или проронить хоть звук.

— Хорошо, — наконец промолвила Никки. — Надеюсь, он вернется к своим. Если это так, то мы удачно посеяли сомнения накануне битвы.

— Конечно, вернется, — прогудел Виктор. — Любому захотелось бы растрепать такие новости. Надеюсь, они окажутся доверчивы, и мы сможем их немного удивить.

— Будем надеяться, — кивнула Никки. — Этот невежда ни на минуту не задумался, откуда у простого плотника такой меч и умение им владеть. Гибель напарника вряд ли сильно его удручила, и рассказать о подробностях он наверняка забудет. На это вся надежда...

Люди, еще остававшиеся в конюшне, шумно заговорили, выражая одобрение маленьким спектаклем чародейки. Одни тут же удалились, пожелав доброй ночи. Другие столпились возле трупа.

Никки дружелюбно улыбнулась Виктору.

— Прости, что ударила тебя.

Виктор пожал плечами.

— Ладно, ведь ты старалась ради всеобщего блага!

Когда Никки посмотрела на Ричарда, она выглядела слегка неуверенной, будто опасалась критики или нотации.

— Я просто хотела, чтобы войска сочли нас легкой добычей, — пояснила она. — Самоуверенность заставляет ошибаться.

— Ты сделала и кое-что еще, — сказал Ричард.

Никки окинула быстрым взглядом людей, оставшихся в конюшне, и подошла поближе, чтобы никто больше не мог их подслушать.

— Ты говорил, что я смогу присоединиться к тебе, когда войска Ордена идущие на штурм Алтур-Ранга, будут разбиты.

— И что?

Ее голубые глаза стали холодными, как сталь.

— Я собираюсь обеспечить себе такую возможность.

Ричард задумчиво посмотрел на Никки. В конце концов он решил не вмешиваться. Пусть она сделает для народа Алтур-Ранга все, что может. Наверняка у нее есть план, как добиться своего. Знать бы вот только, что именно она задумала? Чем намерена рискнуть? Но Ричард предпочел не задавать вопросов прямо сейчас — ему и так уже было о чем волноваться.

Ничего не говоря, он потянул за концы шнурков на лифе Никки, затянул их и крепко завязал. Никки стояла неподвижно, опустив руки, наблюдая за его действиями.

— Спасибо, — сказала она, когда он закончил. — В этой суматохе я и забыла проверить, как выгляжу!

Ричард улыбнулся, словно не заметив ее лжи, и окинул взглядом толпу, отыскивая Джемилу. Женщина, с багровым кровоподтеком на лице, стояла на коленях, прижимая к себе плачущую от испуга девочку.

Ричард подошел ближе.

— Как она?

Джемила подняла глаза.

— Цела, невредима. Спасибо, лорд Рал. Вы спасли ей жизнь. Спасли мою золотую крошку! Большое спасибо. И не сердитесь за то... ну, когда я с вас деньги требовала. Просто я своим делом так дорожу...

Девочка, уцепившись за шею матери, с опаской смотрела на Ричарда, словно боясь, что он и ее зарубит. Она еще не забыла ту смерть, которую он держал в руке.

— Я понимаю. Рад, что все в порядке, — сказал Ричард Джемиле и улыбнулся девочке, но та в ответ лишь метнула сердитый взгляд исподлобья.

Никки сочувственно сжала его руку, но ничего не сказала. Услышав этот разговор, люди, еще оставшиеся в конюшне, спохватились и стали наперебой благодарить его за спасение ребенка. Было

видно, что большинство из них правильно истолковали гневные речи Никки, обращенные к нему, и теперь от души хвалили ее за удачную выдумку.

— Это должно их озадачить, — сказал кто-то.

Ричард догадывался, что Никки хочет чего-то большего, чем просто «озадачить». Но ее план пока оставался для него загадкой.

Он коротко посмотрел вслед конюхам, уносящим мертвое тело шпиона. Несколько человек, по указаниям Ицхака, взялись старательно оттирать кровь — ее запах заставлял лошадей нервно вздрагивать, и чем скорее они успокоятся, тем лучше.

Вскоре все разошлись, пожелав Ричарду доброго пути. Потом ушли и уборщики. Остались только Никки, Кара, Виктор и Ицхак. Конюшня умолкла и опустела.

Глава 24

Ричард осторожно огляделся, прежде чем пойти посмотреть на лошадей, отобранных Ицхаком. На конюшне стало слишком уж тихо. Ему вспомнилась тишина в комнате гостиницы, прежде чем зверь проломился сквозь стену. Теперь тишина, казалось Ричарду, сулила угрозу. Хотелось бы чувствовать, рядом ли чудовище, готовится ли оно к прыжку. Хорошо бы также узнать, как с ним сражаться. Его пальцы коснулись рукояти меча. По крайней мере, у него есть меч и заключенная в нем сила.

Он слишком хорошо помнил обещания боли и страданий, прятавшиеся в сознании Кары и ждавшие его. Тошнота и головная боль подступили при одном воспоминании об этом беззвучном шепоте и бессловесных угрозах. Чтобы перевести дыхание, ему пришлось остановиться и опереться о перегородку стойла.

Оглянувшись, чтобы еще раз посмотреть на Кару, он снова почувствовал безмолвное счастье от того, что она жива и здорова. Его воодушевила ее ответная улыбка. Он чувствовал глубокую связь с нею, возникшую в результате исцеления; теперь он немного лучше узнал женщину под броней морд-сит.

А сейчас нужно было помочь Кэлен, чтобы вновь увидеть и ее живой и здоровой.

Две лошади уже ждали оседланными, другие были нагружены припасами. Ицхак, как всегда, слов на ветер не бросал. Ричарду приглянулась более крупная гнедая кобыла; он вошел в стойло и провел ладонью по ее боку, прощупывая мышцы и предупреждая о своем приближении, чтобы она не вскинулась от испуга. Кобыла насторожила одно ухо.

После всех ночных перипетий, не говоря уже о запахе крови в воздухе, немудрено, что все лошади нервничали. Кобыла тряхнула головой и топнула передними копытами, почувствовав рядом незнакомца. Прежде чем повесить лук на седло, он потрепал кобылу по шее и негромко заговорил с нею. Потом взобрался в седло и нежно почесал ее за ухом. Его порадовало, что она быстро успокоилась.

Когда он вышел из стойла, Никки уже ждала его. Она выглядела растерянной и одинокой.

— Ты будешь осторожен? — спросила она.

— Не волнуйся, — сказала Кара, проходя со своими вещами к стойлу меньшей из двух оседланных лошадей. — Я прочитаю ему очень долгую лекцию относительно глупости его необдуманных действий этой ночью.

— Что за необдуманные действия? — спросил Виктор.

Кара положила руку на холку своей лошади, лениво пропуская гриву между пальцев, и повернулась к кузнецу.

— У нас в Д'Харе есть поговорка. Мы — сталь против стали, а лорд Рал — магия против магии. Это означает, что лорду Ралу глупо рисковать жизнью в поединках мечей. Это и мы можем. Но мы не можем сражаться против магии. Он — единственный, кто должен это делать. И чтобы делать это, он должен быть жив. Наша работа — хранить лорда Рала от оружия из стали, чтобы он мог хранить нас от магии. Это долг лорда Рала. Это его часть завета.

Виктор указал на меч Ричарда.

— Я бы сказал, у него по части меча все нормально.

Кара выгнула бровь.

— Иногда ему везет. Напомнить тебе, как он чуть не умер от попадания простой стрелы? Без морд-сит он был бы беспомощен, — наставительно заметила она.

Ричард молча округлил глаза, когда Виктор бросил в его сторону встревоженный взгляд. Ицхак, похоже, тоже взволновался — он уставился на Ричарда, словно видел впервые в жизни. Оба знали его около года просто как Ричарда, человека, разгружавшего повозки для транспортной конторы Ицхака и перевозившего железо для кузнечной мастерской Виктора. Долгое время они считали Никки его женой — и не подозревали, что в то время Ричард был ее пленником.

Узнав, что на самом деле он — лорд Рал, почти легендарный борец за свободу с далекого севера, эти славные люди были несколько сбиты с толку. Они привыкли считать его одним из своих, поднявшимся вместе с ними на борьбу с тиранией. И теперь при каждом упоминании о лорде Рале они нервничали, не зная, как вести себя с ним.

Кара продолжала упаковывать вещи в седельные сумки. Никки положила руку на плечо Ицхака.

— Извини, нам с Ричардом нужно поговорить наедине до его отъезда.

— Мы с Виктором будем снаружи. Нам тоже есть что обсудить.

Когда двое мужчин вышли, Никки бросила быстрый взгляд на Кару. Кара похлопала лошадь по боку и вышла из конюшни вслед за мужчинами, плотно закрыв за собой дверь. Ричард был поражен и слегка обеспокоен, увидев Кару выходящей без единого слова.

Никки стояла в мягком свете ламп, стиснув пальцы в замок. Похоже, ей было не по себе.

— Ричард, я волнуюсь за тебя. Мне стоит поехать с тобой.

— Но ведь этой ночью ты начала кое-что, и теперь должна закончить. Разве кто-то сможет заменить тебя?

Она вздохнула.

— Ты прав.

Ричард снова подумал, а что же именно она затеяла, что у нее на уме? Увы, ему нужно было ехать. В безопасности Никки он был пока уверен, гораздо больше его заботила Кэлен. Он хотел побыстрее отправиться в путь.

— Но я все еще...

— Когда ты отведешь от народа близкую угрозу, можешь догнать меня. Их же ведет чародей Кронос — людям очень нужна твоя помощь.

— Знаю, — согласилась она, видимо, успев много передумать на эту тему. — Поверь, я собираюсь уничтожить угрозу, нависшую над Алтур-Рангом. Это не займет много времени, а затем я смогу догнать тебя.

Холодный ужас охватил его, когда он вдруг понял суть ее замысла. Он чуть не велел ей забыть об этом, но заставил себя молчать. Его самого ждала важная и опасная работа. Ему не хотелось услышать от нее, что он не сможет осуществить задуманное.

К тому же она — колдунья и знает, что делает. Она была сестрой Тьмы — одной из тех шести сестер, которые являлись его наставницами во Дворце Пророков. Когда одна из них попыталась убить Ричарда, чтобы похитить его дар, он вместо этого убил ее. С этого началось разрушение дворца. А потом Джегань схватил остальных, в том числе сестру Улицию, их предводительницу. Чтобы спасти жизнь Кэлен, Ричарду пришлось позволить пятерым сестрам принести ему клятву и таким образом спасти из-под власти сноходца. Никки тогда с ними не было. Одна из них потом умерла. Таким образом, кроме Никки, осталось всего четыре сестры Тьмы, неподвластных силе Джеганя.

Никки, конечно же, страшна любому противнику. Он лишь надеялся, что она не наделает глупостей, торопясь вернуться, чтобы защитить его.

Ричард заложил большие пальцы за пояс и внимательно посмотрел на Никки, не совсем понимая, почему же она так хочет сопровождать его. Обычно важные и трудные задачи поглощали ее внимание и заставляли забыть обо всем остальном.

— Буду рад видеть тебя своей спутницей, когда бы ты ни справилась с делом. Помни об этом.

— Я знаю.

— Маленький совет. — Он подождал, пока ее взгляд поднимется на него. — Какой бы могущественной ты себя ни считала, простая стрела все же может убить тебя.

Короткая улыбка осветила ее лицо.

— Это касается и тебя, волшебник.

Вдруг до него дошло некое затруднение.

— Как ты найдешь меня?

Она протянула руку и схватила его за воротник рубашки, наклоняя к себе.

— Вот поэтому я и хотела остаться с тобой наедине. Мне нужно коснуться тебя магией, чтобы потом найти.

В душу Ричарда закрались подозрения.

— Что за магия?

— Думаю, это немного похоже на узы, связывающие тебя с жителями Д'Хары. Они всегда могут определить, где ты. И я хочу того же. Подробнее сейчас не время объяснять.

Ричард начинал беспокоиться. Зачем ей понадобилось остаться с ним наедине для этого? Все еще сжимая его рубашку, она потянулась к нему, глаза ее наполовину закрылись.

— Стой спокойно, — прошептала она.

Чего бы Никки ни хотела, похоже, что она колебалась и не чувствовала уверенности. Она будто проваливалась в транс.

Ричард мог бы поклясться, что лампы померкли. Конюшня погрузилась в мрачное оранжевое свечение.

Сено запахло еще ароматнее. Воздух потеплел.

Ричард подумал, что опрометчиво было соглашаться на непонятную затею. Но все же решил ей довериться.

Левая рука Никки отпустила рубашку и скользнула вверх, обнимая его за шею. Ее пальцы легли на его затылок. Рука сжалась в кулак, удерживая его за волосы, чтобы заставить стоять спокойно.

Ричарду становилось все тревожнее. Ему внезапно расхотелось, чтобы она касалась его своей силой. Он уже несколько раз чувствовал ее магию и не горел желанием испытать это вновь.

Он хотел отшатнуться, но почему-то не сделал этого.

Никки придвинулась к нему еще больше и поцеловала в щеку.

Это было нечто большее, чем поцелуй.

Окружающий мир исчез. Конюшни, влажный воздух, запах сена — все словно прекратило свое существование. Существовала только его связь с Никки, будто только она не давала ему испариться.

Он словно погрузился в мир безмолвного удовольствия, наполненный самой жизнью. Подавляющее, ошеломляющее, волшебное ощущение! Все — от связи с нею, тепла жизни в ней, до всей красоты мира — хлынуло сквозь него, закружило, наполнило его душу.

Все когда-либо испытанные им приятные ощущения коснулись его, мимолетно — и все же сильнее, тоньше, глубже, чем в действительности. От огромного счастья слезы пролились из его глаз и перехватило дыхание.

Когда Никки прервала поцелуй, мир внутри конюшни завертелся, возвращаясь на место, но теперь свет казался более ярким, чем раньше, запахи и краски — более отчетливыми. Было тихо, не считая шипения лампы неподалеку и тихого ржания одной из лошадей. Руки Ричарда дрожали; казалось, поцелуй еще длится.

Он не знал, длилось ли колдовство Никки минуту или час. Эта магия совершенно не походила на что-либо, испытанное Ричардом прежде. Дыхание перехватило так, что пришлось напомнить себе о необходимости дышать.

Моргая, он изумленно воззрился на нее.

— Что... что ты сделала?

Тень улыбки мелькнула на ее губах и утонула в бледно-голубых глазах.

— Я коснулась тебя частичкой своей магии, чтобы потом тебя найти. Я узнаю свою силу и смогу, как по ниточке, проследовать за тобой. Не волнуйся, действие продлится достаточно долго, чтобы я могла тебя отыскать.

— А по-моему, ты сделала нечто большее, Никки.

Ее улыбка испарилась, а лицо окаменело в напряжении. Ей потребовалось минута, чтобы найти слова. Наконец она вперила в него острый взгляд, твердивший — ей важно, чтобы он понял.

— До сих пор, Ричард, я только причиняла тебе боль магией, — когда захватила тебя, когда держала в плену, даже когда лечила. Прости, но мне хотелось хотя бы один раз при помощи магии доставить тебе удовольствие. — Она отвела глаза и добавила: — Я хочу, чтобы твои воспоминания обо мне не были связаны с болью и ненавистью. Потому я попыталась дать тебе хотя бы капельку приятного.

Ричард не мог представить, что могло быть больше этой «капельки». Он приподнял ее подбородок, заставив посмотреть в себе глаза.

— Во мне нет ненависти к тебе, Никки. И ты это знаешь. А я знаю, что твое лечение спасло мне жизнь. Остальное неважно.

Наконец Ричарду пришлось отвести взгляд от ее голубых глаз. Ему пришло в голову, что Никки, наверное, самая красивая женщина, которую он когда-либо видел.

Кроме Кален.

— В общем, спасибо тебе, — выговорил он, все еще чувствуя ее прикосновение.

Она нежно взяла его за руку.

— Ты сегодня сделал хорошее дело, Ричард. Я подумала, немного приятной магии не повредит, чтобы восстановить часть твоих сил.

— Я видел, как страдают и умирают многие люди. Я не мог вынести мысли, что эта маленькая девочка тоже умрет.

— Я имею в виду спасение Кары.

— А... Ну, я не мог вынести мысли, что большая девочка умрет.

Никки улыбнулась. Ричард указал на лошадей:

— Мне нужно готовиться к дороге.

Она кивнула, и он отошел собрать лошадей и проверить снаряжение. Никки открыла дверь конюшни. Кара зашла обратно, чтобы вывести свою лошадь.

До рассвета оставалось несколько часов. Ричард осознал, что ужасно устал — особенно от вспышки эмоций при соприкосновении с мечом. Но после «капельки» Никки ему действительно полегчало. Вдобавок он знал, что долго поспать не получится. Им предстоял долгий путь, и он сам настаивал на скорейшем отправлении. Благодаря запасным лошадям они смогут ехать быстро, меняя лошадей, и не снижать скорость, чтобы успеть вовремя. Он намеревался ехать очень быстро.

Никки придерживала его лошадь, пока он вставлял ногу в стремя и садился в седло. Лошадь вертела хвостом и танцевала на месте, желая скорее покинуть конюшню, пусть даже ночью. Ричард успокоительно потрепал ее: еще будет время показать свой норов.

Кара, уже в седле, нахмурившись, повернулась к нему.

— Кстати, лорд Рал, куда это мы собрались в такой спешке?

— Мне нужно повидаться с Шотой.

— С Шотой! — У Кары отвисла челюсть. — Мы собираемся к ведьме? Вы с ума сошли?

Неожиданно побледневшая Никки метнулась к Ричарду.

— Посещение ведьмы — безумие, не говоря уже о войсках Имперского Ордена по всему пути. Ты не можешь ехать туда!

— Я должен добраться туда. Шота сможет помочь мне найти Кэлен.

— Ричард, но она ведьма! — Никки вышла из себя. — Она не собирается тебе помогать!

— Она помогала мне раньше. Она подарила Кэлен и мне подарок на свадьбу. Думаю, она может вспомнить об этом.

— Свадебный подарок? — спросила Кара. — Вы в своем уме? Шота может убить вас!

В этом было больше правды, чем Кара могла подозревать. Его отношения с Шотой всегда были непростыми.

Никки коснулась рукою его ноги:

— Какой свадебный подарок? Ты о чем?

— Шота желала Кэлен смерти, боясь, что от нашего брака родится дитя-чудовище: Исповедник с волшебным даром. На нашей свадьбе в знак примирения она подарила Кэлен кулон — маленький черный камень на золотой цепочке. Его магия каким-то образом предохраняла Кэлен от беременности. Мы с Кэлен решили, что на время, пока не можем осесть и жить спокойно, пока все вокруг нас горит, мы примем перемирие Шоты. Но в то время в мир прорвались шимы, и любая магия прекратила действовать. Увы, мы не скоро узнали о шимах и о том, что магия не действует. Именно тогда Кэлен забеременела. Люди, избившие ее той ужасной ночью, положили этому конец...

«Возможно, именно из-за этого короткого провала в магии природа мира изменилась окончательно и бесповоротно, — подумал Ричард про себя. — Ведь она могла исчезнуть вообще».

Кэлен верила, что это случайность. Но затем произошла череда странных событий, необъяснимых никак иначе. Зедд назвал

это «цепочкой следствий». Он сказал, что, однажды начавшись, этот процесс не сможет остановиться. Однако Ричард не знал, действительно ли после этих событий магия в мире стала слабеть.

— Шота вспомнит кулон, который она подарила Кэлен, — продолжил он. — Она вспомнит свою магию, как ты помнишь свою. Если хоть кто-нибудь помнит Кэлен, то это Шота. У нас с ведьмой были разногласия, но в прошлом я также ей помогал. Она в долгу передо мной. Она поможет. Должна помочь.

Никки всплеснула руками:

— Ну конечно, из-за какого-то кулона, который вдобавок носила Кэлен, а не ты. Неужели ты все еще не видишь, что творишь? Ты опять вообразил нечто, не поддающееся доказательству. Все, на чем ты основываешь свои фантазии, находится либо далеко, либо вообще невидимо. Этот кулон — еще один твой сон, — Никки приложила ладонь ко лбу. — Ричард, ведьма не вспомнит Кэлен, потому что Кэлен не существует.

— Шота может помочь мне, я знаю — может. И поможет. У меня просто нет иного способа получить ответы. Время не ждет. Чем дольше Кэлен находится там, где она есть, тем больше опасность для ее жизни и тем меньше у меня шансов вернуть ее. Я должен ехать к Шоте.

— А если ты ошибаешься? — спросила Никки. — Что, если ведьма откажется помочь?

— Я готов на все, чтобы заставить ее.

— Ричард, пожалуйста, отложи это на день или два. Мы обговорим все спокойно. Позволь мне правильно оценить возможные варианты.

Ричард рванул поводья, развернув коня к воротам.

— Поездка к Шоте — лучшая возможность получить ответы. Я еду.

Ричард пригнулся под перекладиной, выезжая в ночь, в раскинувшиеся поля, наполненные треском цикад.

На улице он развернулся, чтобы посмотреть на Никки, стоявшую в дверном проеме и озаренную светом ламп.

— Будь осторожна, — сказал он ей. — Если не ради себя, то ради меня.

Это, по крайней мере, заставило ее улыбнуться. Она качнула головой в знак согласия.

— Как прикажете, лорд Рал.

Он помахал на прощание Виктору и Ицхаку.

— Счастливого пути! — сказал Ицхак, сняв шляпу.

Виктор отсалютовал кулаком, прижатым к сердцу.

— Возвращайся к нам, когда сможешь, Ричард!

Ричард пообещал вернуться.

Когда они поехали вниз по улице, Кара покачала головой.

— Не пойму, зачем нужно было идти на все эти жертвы, чтобы спасти мне жизнь. Все равно ведь умирать едем.

— Я думал, ты едешь со мной, чтобы не дать этому случиться.

— Лорд Рал, я не знаю, смогу ли защитить вас от ведьмы. Я никогда не сталкивалась с их силой и не слышала, чтобы такое случалось с кем-либо из морд-сит. Сила Исповедниц гибельна для морд-сит; возможно, и сила ведьмы столь же смертельна. Я сделаю все возможное — но вы должны знать, что я могу не справиться.

— О, я бы не волновался об этом, Кара, — сказал Ричард, сжав коленями бока лошади, чтобы пустить ее в галоп. — Насколько я знаю Шоту, она все равно не подпустит тебя к себе.

Глава 25

Спускаясь по широкой улице во главе небольшой группы людей, Никки думала, что солнце словно затмилось с тех пор, как Ричард покинул их. Ей хотелось просто посмотреть в его полные жизни глаза. В течение двух дней она без устали готовилась к неизбежному нападению — но без Ричарда жизнь казалась пустой, поблекшей, неправильной.

А когда он был рядом, его упорное стремление найти свою истинную любовь раздражало. На самом деле иногда ей буквально хотелось задушить его. Она перепробовала все — от терпения до злости — чтобы заставить его увидеть правду, но это было все равно что пытаться сдвинуть гору. В конце концов ничего из сказанного или сделанного ею так и не возымело никакого результата.

Ради него самого она всерьез хотела помочь ему вернуться к реальности. Она должна была пробудить его, помочь привести чувства в порядок раньше, чем случится нечто ужасное. Но любые попытки заставить его увидеть правду так или иначе всегда выставляли ее злодейкой, работающей против него. Ее бесило такое положение дел.

Никки надеялась, что, избавив Алтур-Ранг от угрозы приближающихся войск Имперского Ордена и их волшебника Кроноса, она сможет быстро догнать Ричарда и Кару. Учитывая, с какой скоростью поедет Ричард, используя запасных лошадей, Никки понимала, что не догонит его раньше, чем он достигнет логова ведьмы. В том случае, если он сможет туда доехать. И если Шота не убьет его, когда он и впрямь доедет.

Судя по тому, что Никки знала о ведьме, шансы Ричарда выбраться живым из логова Шоты были ничтожно малы. Ему придется встретиться с ведьмой без помощи и защиты Никки. И все же Ричард знает Шоту-женщину, а она — женщина до мозга костей, насколько Никки о ней наслышана. Возможно, он по крайней мере будет вежлив с нею. Было бы очень глупо грубить ведьме.

Но даже пережив столкновение с ведьмой, он не восстановит цельность своей души без помощи Никки — впрочем, и она не поможет, потому что нет никакой пропавшей женщины, которую Ричард мог бы найти. Иногда Никки злило его упрямое цепляние за свои иллюзии. Иногда она опасалась, что он действительно сходит с ума, но от этой мысли становилось так страшно, что задерживаться на ней не хотелось.

Никки остановилась на обочине дороги, пораженная неожиданной, страшной догадкой.

Люди, следовавшие за ней, тоже остановились, выведя ее из горестных раздумий. Они ждали от нее указаний по обороне города или хотели передать важные сообщения. Сейчас они стояли молча и неловко, не зная, почему она остановилась.

— Туда, — сказала она, указывая на трехэтажное кирпичное здание на углу через улицу. — Убедитесь, будет ли оттуда хороший обзор, и поставьте хотя бы пару дюжин стрелков в окнах. Обеспечьте им большой запас стрел.

— Я пойду взгляну, — вызвался один из ее спутников и ринулся через улицу, уклоняясь от фургонов, лошадей и ручных тележек.

Горожане шагали торопливо, обходя Никки и ее свиту, словно камень в быстрой речке. Прохожие, тихо переговариваясь, курсировали между кучками торговцев, расхваливающих свой товар в надежде продать его, или сходились, наспех обмениваясь новостями о том, как продвигается подготовка к обороне. Повозки всех видов, от больших грузовых фургонов, влекомых упряжками из шести лошадей, до маленьких одноконных тележек, проносились мимо в спешке, торопясь пополнить запасы провизии или выполнить какие-то необходимые дела, пока еще есть время.

Несмотря на шум, производимый лошадьми, повозками и людьми, Никки не слышала ничего; она думала о ведьме.

Никки пришло в голову, что если Шота не захочет помочь Ричарду, она может не признаться ему в этом. Ведьмы по-своему делают дела, у них свои цели.

Если эта женщина посчитает Ричарда слишком настойчивым или самоуверенным, ей вполне может взбрести в голову избавиться от него, послав в бесполезное путешествие за тридевять земель — просто чтобы развлечься, или чтобы обречь его на медленную смерть в бесконечном марше через какую-то далекую пустыню. Ведьма могла сделать такое — просто потому, что могла.

А Ричард, торопясь найти воображаемую мечту, не обратит внимания на подобную возможность. Он немедленно ринется туда, куда укажет ведьма...

Никки злилась на себя за то, что позволила ему поехать к столь опасной женщине. Но что она могла сделать? Ему нельзя было просто запретить!

Единственным шансом было как можно быстрее избавиться от брата Кроноса и его отрядов, а затем догнать Ричарда — и сделать все возможное для его защиты.

Человек, ходивший проверить кирпичное здание, возвращался, прокладывая путь в потоке повозок и лошадей. Никки заметила, что, несмотря на многолюдье на улицах города, столица гораздо менее оживлена, чем обычно. Везде шла подготовка к обороне;

кое-кто уже засел в подвалах и погребах, где надеялся отсидеться в безопасности. Но Никки приходилось вступать в захваченные города вместе с войсками Ордена — она знала, что безопасных мест не существует.

Посланец обогнул пустую телегу и наконец-то добрался до Никки. Теперь он стоял в молчаливом ожидании, боясь заговорить первым, до того, как она сама потребует отчета. Он боялся ее. Все боялись ее. Она была не просто колдуньей — она была колдуньей в плохом настроении, и все это знали.

Никто не понимал, почему Никки разозлена, но в течении двух дней все вокруг ходили на цыпочках. Однако ее настроение не относилось ни к ним, ни даже к Ричарду, спешащему прочь в безумном поиске несуществующей жены, хотя этого тоже никто не знал. Никки вся ушла в подготовку к сражению, в которое ей предстояло ввязаться, и теперь мысленно перебирала различные варианты развития событий, чтобы не оказаться застигнутой врасплох.

Стоя на грани высвобождения почти немыслимой ярости, не станешь насвистывать веселые мелодии или распространяться насчет расчудесной погоды. Темные мысли полностью заволакивают сознание...

Никки никогда не пыталась объяснить другим свое настроение — на это тоже расходовалась часть ее силы. Готовясь собрать воедино все умения и знания, всю доступную ей магию, она поневоле отрешалась от всего остального. Люди и не подозревали о масштабе тех смертельных, разрушительных сил, какие могла в любой момент высвободить эта красивая женщина. Объясняться было бы напрасным трудом. Люди никогда бы не поняли, каково ей готовиться к подобному испытанию. Она не могла объяснить это всем. Им оставалось только смириться.

— Ну? — спокойно спросила она затаившего дыхание мужчину.

— Сработает, — сказал тот. — Там занимаются вязанием и выделывают ткани, поэтому на всех верхних этажах широкие окна. Их легко открыть, и тогда лучники смогут быстро стрелять и передвигаться от окна к окну для лучшего прицеливания.

Никки кивнула. Прикрывая рукой глаза, она оглянулась на запад и посмотрела вдоль широкого бульвара, изучая расположени

проездов и перекрестков. Наконец она решила, что перекресток, где они стояли, с кирпичным зданием через дорогу, подходит лучше всего. Вражеская кавалерия, попав в восточную часть города, наверняка захочет воспользоваться шириной обоих бульваров. Она знала, как Орден проводит атаки. Они любили простор, чтобы развернуться пошире и мощным напором рассечь силы противника. Она была уверена — именно сюда они пошлют кавалерию, если придут с востока. Этого ждала она и все остальные.

— Хорошо, — сказала она. — Проследи, чтобы сюда прислали лучников с большим запасом стрел. И побыстрее — я не думаю, что у нас много времени.

Когда парень побежал выполнять приказ, Никки заметила вдали Ицхака — вернее, его фургон, запряженный двумя битюгами. Судя по скорости их бега, владелец фургона спешил. Никки догадывалась, зачем он едет, но старалась не думать об этом. Она повернулась к другому из своих спутников:

— Я хочу, чтобы там, сразу за зданием мастерских, где мы разместим лучников, в землю воткнули колья. Проезжая часть дороги с обеих сторон обставлена зданиями, — она указала на улицу, пересекавшую главный проспект перед мастерскими. — Это ограничит маневр всадников, и если на поворотах с обеих сторон тоже натыкать кольев, то бежать им будет некуда.

Человек кивнул и убежал выполнять ее приказ. Простая уловка обещала врагу большие потери. Ворвавшись в Алтур-Ранг, конники наткнутся на поднятые наклонно острые колья и нанижутся, как мясо на вертел. Лучники расстреляют тех, кто окажется в ловушке между кольями и напирающими рядами кавалерии.

Было у них в запасе и другое средство — как для конных, так и для пеших. Виктор наладил работу в своей кузнице и в нескольких других, и теперь там безостановочно изготовляли простые, но смертоносные ловушки из железных прутьев, соединенных поперечиной на манер ограды — но с цепями разной длины, прикрепленными между верхней перекладиной и нижними остриями. Такие «заборы» разложили по дорогам повсюду в городе. Лежа на земле, они не мешали проезду, но когда ворвется кавалерия, их можно будет легко вздернуть остриями вперед. Неравная длина це-

пей, крепящих прутья к поперечине, позволит смертоносным остриям повиснуть на разных расстояниях и под разными углами. Это делало их гораздо более коварными, чем прямая линия кольев. Если все будет сделано правильно, вражеская кавалерия неожиданно напорется прямо на стальные острия. Даже если всадники попробуют перепрыгнуть преграду, лошади, скорее всего, натолкнутся на прутья. Это было просто, но очень эффективно. Напуганные лошади, даже если они уцелеют, как минимум не смогут покинуть ограждения. А солдаты либо полетят из седел — и тогда окажутся ранены или убиты, — либо будут вынуждены спешиться, чтобы убрать препятствие. В любом случае у лучников будет гораздо больше шансов снять их, чем если бы они просто проезжали мимо.

Людям, приставленным к этим ловушкам, было приказано следить за ситуацией и не натягивать растяжки сразу. Иногда лучше было подождать, пока часть всадников проедет мимо. Если конницы много, это позволит защитникам разделить ее, — и не только посеять беспорядок в рядах атакующих, но и разбить их на части, затруднив командование, лишив их преимущества единства. Сражаться с раздробленными силами всегда легче. Несомненно, уничтожение кавалерии было наиболее важным моментом.

Тем не менее Никки знала, что в неизбежной панике при встрече со страшной стеной атакующих вражеских солдат, жаждущих крови, все мудрые планы обычно забываются. Она понимала, что при виде врагов с обнаженным оружием кто-то просто убежит, не взведя ловушки на пути атаки. Никки уже видала, как ужас сковывает людей в бою. Поэтому она распорядилась заготовить ловушки с избытком.

Почти все жители города готовились к обороне. Понятно, что одни могли принести больше пользы, чем другие, но годилась любая выдумка. Даже женщины, сидевшие дома с детьми, запаслись подручными средствами — от камней до кипящего масла, — которые намеревались швырять и лить из окон на любых захватчиков. Не было времени мастерить какое-то особое оружие, однако по городу разносили связки копий. Заостренная пика — оружие простое, но чтобы сбить лошадь или проколоть человека, вполне хватит и ее. Неважно, конница или пехота, — враг должен быть

разбит полностью, поэтому тысячи людей по всему городу вооружились луками. С помощью лука даже старик мог убить молодого и крепкого солдата. Более того, стрела могла поразить даже мага.

Горожанам бесполезно сражаться с опытными солдатами традиционными воинскими способами. Наоборот, необходимо лишить солдат Ордена возможности применять привычные им боевые приемы.

Никки стремилась сделать город одной большой ловушкой. Теперь это уже сделано. Осталось заманить в ловушку Орден.

Наконец повозка Ицхака подъехала к ней. Люди прыскали в стороны из-под копыт тяжеловозов. Ицхак натянул вожжи и остановил лошадей. Взвихрилось облако пыли.

Он спрыгнул с повозки и закричал прямо на бегу, одной рукой придерживал шляпу и держа что-то в другой руке:

— Никки! Госпожа Никки!

Она обернулась к своим спутникам:

— Ступайте! Пора проверить, все ли готово. Занимайте свои места, как уговорено. Думаю, у нас в запасе не более нескольких часов.

На лицах людей отразилось удивление и тревога.

— Вы думаете, они не будут ждать до рассвета? — спросил один из них.

— Да. Я считаю, они атакуют сегодня вечером. — Никки не объяснила, почему так думает.

Люди кивнули и поспешно разошлись.

Ицхак остановился и перевел дыхание. Его лицо было почти таким же красным, как шляпа.

— Госпожа Никки, вот письмо! — Он помахал перед нею бумагой. — Послание мэру.

У Никки внутри все сжалось.

— Приехали солдафоны, — сказал он. — С белым флагом, в точности, как ты говорила. Привезли послание мэру. Откуда ты знала?

Она пропустила вопрос мимо ушей.

— Ты уже прочитал?

Он покраснел еще сильнее.

— Да. И Виктор — тоже. Он очень зол. Нельзя сердить кузнеца.

— У тебя есть лошадь, как я просила?

— Да-да, лошадь есть. — Он вручил ей бумагу. — Но я думаю, тебе лучше это прочесть.

Никки развернула послание и прочла его про себя.

«Мэру города.

Меня известили, что жители Алтур-Ранга под вашим управлением хотят сойти с грешного пути и вновь склониться перед мудрой, милосердной и суверенной властью Имперского Ордена.

Если вы и вправду хотите спасти жителей Алтур-Ранга от полного уничтожения, которому мы подвергаем мятежников и язычников, то в знак ваших добрых намерений, исполняя волю Имперского Ордена, вы свяжете руки своей любимой и верной жене и отправите ее мне в качестве скромного подарка.

Не отдадите вашу жену — все в Алтур-Ранге умрут.

Верный слуга милосердного Создателя,
брат Кронос,
командующий объединенными силами
Его Превосходительства»

Никки смяла послание в кулаке.

— Пойдем!

Он круто повернулась и пошла к повозке. Ицхак, водрузив шляпу на место, бросился догонять ее.

— Ты же не собираешься следовать этим скотским требованиям, правда?

Никки поставила ногу на железную ступеньку и вскарабкалась на деревянное сиденье повозки, подобрав подол платья — на этот раз оно было красным.

— Поехали, Ицхак.

Он что-то пробормотал себе под нос, карабкаясь в повозку рядом с нею, затем выдернул тормоз и рванул вожжи, разворачивая повозку и крикнув людям убираться с пути. Пыль и грязь взметнулись из-под колес. Кнут щелкнул над спинами лошадей. Повозка развернулась и выпрямилась, когда лошади налегли на оглобли.

Когда повозка рванулась вперед, Никки схватилась за бортик одной рукой, уронив другую, со смятым в ней письмом, на колени.

Она смотрела вдаль невидящим взглядом, пока они неслись по улицам Алтур-Ранга, мимо зданий и складов, экипажей, всадников и пешеходов. Низкие солнечные лучи пробивались сквозь ряды деревьев, когда они повернули на север по широкому бульвару. В булочных, в овощных, сырных и мясных лавках под навесами, темными и полосатыми, толпы скупали всю еду, какую могли, в ожидании неизбежной бури.

Вступив в старый город, дорога сузилась, и поток повозок, лошадей и людей уплотнился. Не замедляя хода, Ицхак отвернул лошадей с главной дороги и поехал коротким путем по переулкам между скученными рядами домов, где целые семьи ютились в одной комнате. На веревках, пересекавших тесные дворики здесь и там, висело белье — кое-где веревки были протянуты через улицу, между окнами третьих этажей, и белье колыхалось, подобно флагам, над головами прохожих. Почти все свободные клочки земли на задворках домов использовались под огороды или курятники. Птицы в панике уносились прочь, хлопая крыльями и роняя перья при виде грохочущей повозки, проносящейся мимо их двора.

Ицхак ловко правил упряжкой и мчался с пугающей скоростью, объезжая препятствия в виде лачуг, заборов, стен и отдельных деревьев. Он выкрикивал предупреждения, врываясь на оживленные улицы. Пораженные люди отшатывались, уступая дорогу.

Повозка свернула на улицу, памятную Никки, и проехала вдоль невысокой ограды в тени огромных дубов к дверям склада транспортной конторы Ицхака. Они въехали на изрытый колеями двор, окружающий здание, и остановились у кривой перекладины барьера.

Никки выбралась из повозки и увидела, как открывается одна из двойных дверей. Очевидно, Виктор, услышав шум, вышел из здания. Он словно собирался убить первого, кто попадется под руку.

— Ты послание видела? — спросил он.

— Да. Где лошадь, которую я просила?

Он указал пальцем через плечо на раскрытую дверь.

— Итак, что мы собираемся делать? Атака, вероятно, начнется на рассвете. Мы не можем позволить этим скотам забрать тебя. Но и позволить им уйти, передать, что мы не выполним требования Кроноса, тоже нельзя. Что мы им скажем?

Никки кивнула в сторону здания.

— Ицхак, будь добр, приведи лошадь.

Он скривился.

— Тебе нужно выйти за Ричарда. Вы будете прекрасной парой. Оба сумасшедшие.

Пораженная Никки воззрилась на собеседника. Наконец дар речи вернулся к ней.

— Ицхак, пожалуйста, у нас мало времени. Мы не хотим, чтобы эти ребята вернулись с пустыми руками.

— Да, ваше величество, — прогнусавил тот. — Позвольте привести вашего королевского скакуна.

— Никогда не видела, чтобы Ицхак такое вытворял, — сказала она Виктору, наблюдая, как возчик плетется к двери, ругаясь под нос.

— Он считает, что ты свихнулась. Я тоже, — Виктор упер кулаки в бедра. — Уловка со шпионом на конюшне не удалась? Или именно это ты и планировала?

Не будучи в настроении обсуждать этот вопрос, Никки ответила столь же сердитым взглядом.

— Мой план, — сказала она сквозь зубы, — справиться с этим как можно быстрее и спасти жителей Алтур-Ранга от смерти.

— При чем тут передача тебя брату Кроносу в качестве подарка?

— Если мы позволим им атаковать на рассвете, у них будет преимущество. Нам нужно, чтобы они атаковали сегодня.

— Сегодня! — Виктор бросил взгляд на заходящее солнце. — Но скоро стемнеет.

— Именно, — сказала она и, наклоняясь, достала из-под кузова повозки кусок веревки.

Виктор устремил взгляд на крыши города, размышляя над ее словами.

— Спору нет, ты все продумала. И впрямь лучше не встречаться с ними днем, на их условиях. Если бы мы могли как-нибудь заставить их атаковать на ночь глядя, то темнота сыграла бы нам на руку.

— Я приведу их к тебе, — сказала она. — Просто будь готов.

Морщины на лбу Виктора углубились.

— Я не знаю, как ты собираешься заставить их атаковать сегодня, но если сможешь — мы будем готовы.

Ицхак вышел из склада, ведя в поводу белого жеребца в черных яблоках. Грива, хвост и бабки были черными. Лошадь не просто выглядела элегантной — в ней чувствовалась стать, ее выносливость казалась беспредельной. И все же это было не то, чего она ожидала.

— Он не выглядит таким уж большим, — сказала она Ицхаку.

Ицхак потрепал коня по белой морде.

— Ты не сказала «большой» — ты сказала, что нужен надежный и непугливый конь, конь с бесстрашным духом.

Никки вновь взглянула на коня.

— Я была уверена, что такой конь будет большим.

— Сумасшедшая женщина, — пробормотал Виктору Ицхак.

— Она собирается стать мертвой сумасшедшей женщиной, — ответил Виктор.

Никки вручила Виктору веревку.

— Заберись на ограду после того, как я сяду в седло. Так проще.

Она похлопала коня под подбородком, затем потрепала по шелковистым ушам. Жеребец заржал и толкнул ее головой. Никки удержала его голову и вплела тонкую нить своего Хань в сознание чудесного животного, слегка успокаивая его, проводя рукой по холке и затем по крупу.

Без единого слова Виктор вскарабкался на ограду и подождал, пока она заберется в седло. Никки расправила юбки красного платья, затем расстегнула его до талии. Одновременно она вынула руки из рукавов, придерживая платье перед грудью, а затем прижала его локтями, протягивая руки к Виктору.

Лицо Виктора сделалось таким же красным, как ее платье.

— Что ты делаешь?

— Эти люди — матерые воины Имперского Ордена. Среди них будут офицеры. Я провела много времени в лагере Ордена. Я была широко известна — для одних как королева рабов, для других как госпожа Смерть. Возможно, кто-то из них уже тогда служил в армии Джеганя и легко узнает меня, особенно если я надену черное платье. На всякий случай я надела красное. Прочее

сделано для того же: отвлечь внимание этих людей и предупредить узнавание. Это выбьет солдат из привычного расчетливого хладнокровия — а кроме того, привлечет внимание Кроноса и заставит думать, что господин мэр готов на все, лишь бы смягчить жреца и ведомое им войско. Ничто так не разжигает жажду крови в людях такого типа, как слабость.

— Да ты до Кроноса не доедешь, они на тебя набросятся!

— Я волшебница — и смогу о себе позаботиться.

— Знаешь, Ричард тоже волшебник и носит меч, пропитанный древней магией, — но даже он попал в беду, когда его сильно превзошли числом. Его же едва не убили!

Никки снова подняла руки к Виктору, скрестив запястья.

— Связывай.

Виктор мгновение смотрел на нее и наконец сдался. Недовольно рыча, он связал ей руки. Ицхак ждал, держа удила у самых зубов коня.

— Этот конь быстрый? — спросила она, глядя, как Виктор оборачивает веревку вокруг ее запястий.

— Са'дин быстрее всех, — ответил Ицхак.

— Са'дин? Кажется, на древнем наречии это означает «ветер»?

Ицхак удивленно кивнул:

— Ты знаешь древнее наречие?

— Немного, — сказала она. — Сегодня Са'дину придется быть быстрее ветра. Теперь слушайте меня, вы оба. Я не намереваюсь позволить себя убить.

— Немногие намереваются, — хмыкнул Виктор.

— Вы не понимаете. Это мой лучший шанс оказаться рядом с Кроносом. Когда атака начнется, будет не только сложно отыскать его, но и практически невозможно подобраться к нему, если даже мы узнаем, где он. Он будет нести смерть невинным, распространяя страх, панику и смерть. Насколько он сноровист в этом деле, вы даже представить не можете. Этим умением он и ценен для Джеганя. В битве солдаты будут искать любого, кто попытается убить их волшебника. Мне нужно сделать это сейчас. Я собираюсь покончить с этим сегодня ночью.

Виктор и Ицхак обменялись взглядами.

— Я хочу, чтобы все были готовы, — сказала она. — Когда я вернусь, думаю, за спиной у меня будут очень злые люди.

Виктор убедился, что узел затянут туго.

— И сколько злых людей?

— Пожалуй, вся армия будет наступать мне на пятки.

Ицхак нежно погладил морду Са'дина.

— А из-за чего они должны злиться? Если мне можно спросить...

— Помимо попытки выкрасть их волшебника, я собираюсь хорошенько разворошить это осиное гнездо.

Виктор раздраженно вздохнул.

— Мы будем готовы — но если ты попадешь туда, я не уверен, что сможешь выбраться.

Никки тоже сомневалась в этом. Она помнила то время, когда приводила в действие свои планы, не заботясь, умрет при этом или нет. Но теперь ей было не все равно.

— Если я не вернусь, вам придется показать все, на что вы способны. Думаю, что если даже меня убьют, я смогу забрать с собой хотя бы Кроноса. Но в любом случае мы приготовили им много сюрпризов.

— Ричард знает о твоих планах? — подняв на нее глаза, спросил Ицхак.

— Думаю, что знает. Это не игра. Мы сражаемся за наши жизни. Если проиграем, то погибнет столько невинных людей, сколько не в силах охватить ваше воображение. Я была по другую сторону баррикад и знаю, что приближается сюда. Я пытаюсь это предотвратить. Не хочешь помочь — уйди с дороги.

Никки посмотрела по очереди на каждого из мужчин. Они хранили молчание.

Виктор быстро закончил связывать ее запястья. Затем вынул нож из сапога и срезал остаток веревки.

— Кто отведет тебя к солдатам? — спросил Ицхак.

— Я думаю, это лучше сделать тебе, Ицхак. А Виктор тем временем предупредит всех и проследит за приготовлениями; ты же будешь представлять мэра.

— Хорошо, — сказал Ицхак и поскреб впалую щеку.

— Отлично, — кивнула женщина, дернув поводья. Прежде чем она успела сказать что-нибудь еще, Виктор прочистил глотку.

— Я хотел поговорить с тобой еще кое о чем. Но мы оба были заняты...

— В чем дело? — спросила Никки.

— Ну, в обычный день я бы ничего не сказал... Но я подумал, что, может быть, сейчас тебе следует знать.

— Знать что?

— Люди начинают спрашивать о Ричарде.

Никки нахмурилась.

— Спрашивать? Что ты имеешь в виду? Что за вопросы?

— Обсуждаются причины его ухода. Люди беспокоятся, отчего он оставил их и общее дело, чтобы гоняться за призраками. Они задаются вопросом, стоит ли следовать за таким человеком. Прошел слух, что он... что он, знаешь, невменяем или вроде того. Что мне им сказать?

Никки глубоко вдохнула, собираясь с мыслями. Этого она и боялась. Это была одна из причин, из-за которых, считала она, ему нельзя было уходить — особенно вот так, прямо перед нападением.

— Напомни им, — сказала она, наклонившись к нему, — что лорд Рал — волшебник, а волшебник может видеть то, чего не видят они. Например, скрытые, далекие угрозы. Волшебник не обязан объяснять свои действия. Лорд Рал ответственен за многое — не только за этот город. Если здешние люди хотят жить свободно, жить своей жизнью, они должны выбрать этот путь ради самих себя. Они должны верить, что все действия Ричарда, как лорда Рала и как волшебника, служат на пользу нашего общего дела.

— А ты в это веришь? — спросил кузнец.

— Нет. Но есть разница. Я могу следовать за идеалами, которые он мне показал — и в то же время работать, пытаясь привести Ричарда в чувство. Это можно совмещать. Но люди должны верить в своего вождя. Если они сочтут его сумасшедшим, то могут поддаться страху и сдаться. Сейчас мы не можем позволить себе так рисковать. В своем уме Ричард или нет — это не влияет на справедливость дела. Правда есть правда — с Ричардом или без него. Войска, идущие убить нас — реальны. Если они победят, то

те, кого не убьют, снова окажутся в ярме Имперского Ордена. Жив Ричард или мертв, в здравом уме или нет — это не меняет дела.

Виктор, сжав кулаки, кивнул.

Никки отвела ногу назад, ударила Са'дина пяткой, заставляя коня подойти ближе к ограде, и оглянулась через плечо на кузнеца.

— Спусти мое платье до талии, и побыстрей — солнце скоро сядет.

Ицхак отвернулся, качая головой.

Виктор мгновение колебался, затем, вздохнув, сделал, как было сказано, и спрыгнул с ограды во двор.

— Хорошо, Ицхак, нам пора. Веди. — Она оглянулась через плечо на Виктора. — Я приведу врага следом за уходящим солнцем.

— Что сказать людям? — спросил Виктор.

Никки напустила на себя холодный вид, который так часто использовала в жизни — холодное спокойствие госпожи Смерти.

— Скажи им, пусть вспомнят, как льется кровь.

И впервые лицо Виктора исказила мрачная усмешка.

Глава 26

Всадники на громадных боевых конях во все глаза пялились на Никки, когда Ицхак подвел ее к общественному колодцу на маленькой площади близ восточной окраины города. Ее собственный жеребец, Са'дин, в присутствии этих чудовищ казался крошкой. Наголовники и грудные пластины прикрывали уязвимые места солдат, давая преимущество в конной атаке и защищая от случайных стрел. Могучие кони забили копытами, взрывая землю, и презрительно зафыркали на своего меньшего соплеменника — но Са'дин моментально отступил на пару шагов, оказываясь вне досягаемости их зубов, и остановился совершенно спокойно. Конь Никки даже не вздрагивал, словно его это и вовсе не касалось.

Вражеские кони выглядели ужасно, и всадники были им под стать. Облаченные в кольчуги и безрукавки из черной кожи, увешанные устрашающим количеством оружия, эти солдаты не только внушали ужас, но и своей статью превосходили любого из защитников города. Никки понимала, что именно из-за подобной

внешности их отобрали для этой миссии. Орден любил демонстрировать недвусмысленные угрозы. Всегда полезно заранее вселить страх в сердца врагов.

Из занавешенных окон, приоткрытых дверей, узких улиц и тенистых переулков люди украдкой смотрели, как солдатам Ордена отдают обнаженную по пояс женщину со связанными руками. Никки перетерпела проезд через весь город, стараясь думать не о себе, а о том, как бы поскорее справиться с делом и догнать Ричарда. Это было важнее всего. А смотрят на нее или нет — какая разница? Когда они доедут до ставки Ордена, будет еще хуже.

— Я помощник господина мэра, — подобострастно сказал Ицхак, обращаясь к великану-солдату, сидевшему на могучем кауром жеребце. К его седлу был прикреплен белый флаг. Всадник зажал его древко в мясистом кулаке и сидел, как истукан, неподвижно и молча. Ицхак облизнул губы и склонился еще ниже. — Он послал меня с этой женщиной... своей женой... это подарок для великого Кроноса. Мы хотим доказать нашу искренность в желании угодить ему, исполняя его волю.

Всадник — по-видимому, офицер среднего чина, — самодовольно ухмыльнулся, не отрывая взгляда от груди Никки. На широких ремнях, пересекавших его могучий торс, разместились несколько ножей, на поясе висел короткий меч. Боевой цеп и топор с лезвием в форме полумесяца дополняли картину. Когда конь топнул копытом, мелкие колечки доспехов шумно зазвенели, а амуниция устрашающе лязгнула. Никки порадовалась, что офицер оказался незнакомым, — но на всякий случай опустила голову пониже и старалась не смотреть ему в глаза.

Офицер не сказал ничего.

Ицхак снял шляпу и прижал ее к груди.

— Прошу вас, передайте наши уверения...

Офицер швырнул Ицхаку белый флаг. Ицхак моментально вернул шляпу на голову, чтобы успеть поймать древко свободной рукой, в то время как второй все еще держал поводья Са'дина. Древко флага было тяжелым, но Ицхак грузил фургоны всю свою сознательную жизнь и потому удержал его без труда.

— Кронос даст нам знать, если подарок ему понравится, — прорычал офицер.

Ицхак кашлянул — больше для того, чтобы прочистить горло, так как сказать было нечего, — и снова склонился перед солдатами. Те переглянулись с циничными ухмылками и продолжили любоваться прелестями Никки. Было заметно, что им доставляет удовольствие ощущать собственное превосходство над другими людьми.

Большинство из них носили металлические кольца в носу, ушах или бровях. Некоторые проткнули себе губы и щеки в попытке выглядеть еще более свирепо. По мнению Никки, такие украшения придавали им вид скорее глупый и смешной. Еще несколько солдат украсили свои лица грубыми рисунками татуировок. В общем, эти люди достигли наивысшей, по их мнению, ступени в развитии человечества — первобытной дикости.

Женщины городов, готовых капитулировать перед наступающими войсками Ордена, часто обнажались по пояс в надежде вымолить снисхождение. Солдаты привыкли к такой форме подчинения и нисколько не удивились тому, в каком виде предстала перед ними жена мэра. Это была еще одна причина, побудившая Никки поступить именно так.

К сожалению, женщины, предлагавшие себя таким образом, даже не подозревали, что на их мольбы о сострадании никто не откликнется. Никки знала и об этом, поскольку неоднократно была свидетельницей того, как солдаты Ордена обращаются с пленными женщинами. Стараясь услужить захватчикам и надеясь на то, что покорность поможет добиться мягкого обращения, эти женщины не догадывались, на какие пытки и издевательства обрекают себя по собственной наивности. При этом высокоученые вожди Ордена утверждали, что бесчеловечное обращение солдат с пленными — ничто в сравнении с великим благом, которое Орден несет неверующим.

Иногда Никки хотелось умереть, лишь бы не вспоминать о своей причастности к этим зверствам. Все, чего ей хотелось сейчас, — стереть с лица земли даже память об Ордене.

Грозный офицер, принесший белый флаг в Алтур-Ранг, наклонился вперед, чтобы принять поводья из рук Ицхака. Навис-

нув над Никки, он равнодушно сжал пальцами ее сосок и доверительно прогудел:

— Брату Кроносу быстро надоедают женщины, какими бы красивыми они не были. Думаю, для тебя исключения не будет. Когда он получит следующую, тебя он отдаст нам. Имей в виду — я буду первым.

Солдаты захихикали. Офицер ухмыльнулся, и неясная угроза блеснула в его темных глазах. Он сжал ее грудь еще сильнее, и Никки не смогла удержаться от крика. Глаза ее наполнились слезами. Удовлетворенный реакцией, офицер отпустил ее. Никки крепко зажмурилась, прижимая связанные руки к груди в напрасной попытке заглушить боль.

Когда офицер резким рывком заставил ее опустить руки, Никки вздрогнула от удивления, но тут же покорно потупила взгляд. Сколько же раз она видела, как женщины принимали побои и унижения, умоляя этих скотов и безмолвно умоляя о спасении? Десятки? Сотни? Спасения не было. Никогда. Никки припомнила времена, когда считала, что Создатель действительно на стороне Ордена, раз позволяет победителям вести себя подобным образом.

Сейчас ей не нужно было молить о пощаде; свое освобождение она собиралась организовать собственноручно.

Когда всадники развернули лошадей и поскакали прочь, Никки бросила прощальный взгляд в сторону Ишхака. Тот все еще стоял на обочине дороги, сжимая шляпу обеими руками и судорожно теребя поля. В его глазах блестели слезы. Никки надеялась, что видит его не в последний раз. Впрочем, надежда была довольно слабой.

Офицер держал поводья в руке, и Никки ехала, ухватившись за луку седла. Остальные солдаты тесно окружили ее — больше для того, чтобы поглазеть на ее грудь, чем из-за опасения, что ей удастся улизнуть. По тому, как уверенно они держались в седле и правили лошадьми, было ясно, что все они — опытные наездники. Проведя большую часть жизни в седле, никто из них не боялся, что пленница сможет скрыться.

Двигаясь по восточной дороге, лошади поднимали клубы пыли. Солдаты молча ухмылялись, безмолвно обещая все, на что способно человеческое воображение. Впрочем, она догадывалась, что

ни один из них не обладает достаточными правами, чтобы стащить женщину с коня и немного позабавиться прямо тут. Такие люди, как Кронос, не любят, когда получают свои жертвы уже изнасилованными. К тому же каждый из них был уверен, что очень скоро сам доберется до нее — а если не до нее лично, то уж точно найдет себе другую забаву, когда Имперский Орден возьмет Алтур-Ранг штурмом.

Никки игнорировала плотоядные взгляды, сосредоточившись на своих мыслях. Ей предстояло обдумать многое, а для них такое поведение — обычное дело. Не в силах изобрести ничего умнее простого запугивания, они всегда забавлялись единственным доступным способом. Никки же укрывалась от страха за собственной решимостью.

Солнце еще не успело закатиться за горизонт, но цикады уже запели свою бесконечную песню. Их стрекот напомнил ей о Ричарде и о той ночи, когда он рассказывал ей про маленьких созданий, отрывающихся от земли раз в семнадцать лет. В ее жизни цикады прилетали десять раз — но Никки как-то не удосуживалась заметить их. Чары Дворца Пророков не только продлевали его обитателям жизнь, но и отгораживали от простого человеческого бытия. Настоящая жизнь проходила мимо, но Никки не осознавала, как много теряет. Пока мир вокруг нее жил, дышал, двигался, она посвящала свою жизнь каким-то другим мирам. Некоторые польстились на лживые обещания этих миров и служили им верой и правдой — как, например, сестры Тьмы, учившие Ричарда. Никки тоже служила иному миру, но не ради соблазнов. Просто в ее собственном мире не было ничего, что стоило бы ценить.

Так она думала многие годы. Пока Ричард не показал ей все в ином свете.

Воздух был теплым и достаточно влажным, так что Никки, по крайней мере, не страдала от холода. Но вот терпеть укусы комаров было невыносимо. Никки радовалась хотя бы тому, что руки связаны спереди, а не сзади, — таким образом ей удавалось отмахиваться от назойливых насекомых, не позволяя им садиться на лицо. Пшеничные поля, мимо которых они проезжали, поблескивали в лучах низкого солнца зеленью и золотом, словно полированная брон-

за. Но на полях не было людей, а дорога пустовала. Жители ушли из этих мест, попрятались кто куда, словно животные в ожидании пожара. Армия Ордена приближалась неумолимо.

Въехав на высокий холм, Никки наконец увидела их — солдат и лошадей Имперского Ордена, темной массой заполнивших широкую долину. Создавалось впечатление, что они здесь недавно и даже не успели толком разбить лагерь. Несомненно, они хотели быть поближе к городу, чтобы атаковать его на рассвете.

Пространство заполняли люди, лошади, мулы и фургоны. Площадки уже разметили, палатки вырастали прямо на глазах. По периметру лагеря передвигались караулы, подходы к нему бдительно охранялись. Подобраться сюда незамеченным было невозможно — местность превосходно просматривалась с ближайших холмов.

Навесы отбрасывали длинную тень на смятую пшеницу. По долине тянулись первые хвосты дыма от разведенных кухонных костров. Никки заметила, что ближайшую оливковую рощу уже пустили на растопку, нимало не заботясь о ценности срубленных деревьев. Пищу готовили поодиночке или артелями, обычный походный набор — похлебка, рис, бобы, пресные лепешки. Приятный аромат горящего дерева и свежеприготовленной пищи смешивался с гнусным запахом немытых тел, вьючных животных и навоза.

Эскорт Никки плотнее окружил ее, въезжая в лагерь по протоптанному проезду, служащему временной дорогой. Снующие туда-сюда солдаты озирались на приезжих, но шли дальше по своим делам. Никки ожидала увидеть их совсем другими. Она надеялась, что они будут пьянствовать в предвкушении легкой победы. Но этого не было. С серьезным видом солдаты готовились к работе — точили оружие, проверяли седла и подпруги, ухаживали за лошадьми. Боевые копья и дротики, хорошо заточенные, щетинились остриями по всему лагерю в аккуратных стойках. Кузнецы в походных кузнях орудовали клещами и молотами, а помощники яростно качали меха. Тут подковывали тягловых лошадей, там чинили упряжь. Верховых лошадей кормили, чистили и тщательно готовили к завтрашней битве.

Это не был обычный лагерь Ордена — воплощение хаоса и беспорядка. Армия, заполонившая северные земли, была невообразимо

огромной, однако многие ее части представляли собой обычные банды, которых спускали, как свору псов, на беспомощных горожан, позволяя солдатам вволю заниматься грабежом и мародерством.

Это же войско насчитывало не более двадцати тысяч солдат, но представляло собой отлаженную боевую машину.

В обычном военном лагере Имперского Ордена женщину, обнаженную и связанную подобно Никки, уже стащили бы с лошади и изнасиловали скопом. У этих солдат похоти тоже хватало, но дисциплину они соблюдали куда более старательно. Нет, это было не скопление вооруженного отребья, годного лишь на убой, — здесь собрались профессионалы, изрубленные в сотнях смертельных схваток, тщательно отобранные для серьезной работы, посланные специально для того, чтобы обрушить ярость императора на столицу, отринувшую заповеди Ордена.

Никки почувствовала легкий холодок страха, снова оказавшись среди этих людей. Элита армии Джеганя. Солдаты, получающие удовольствие от убийства противника. Бесчеловечные животные, воплощение кровожадности, стальной кулак, защищающий философию Ордена.

Когда Никки под конвоем проезжала через лагерь, все встречные жадно осматривали ее. Со всех сторон сыпались непристойные предложения, сопровождаемые гоготом. Приветственные возгласы обещали очень и очень многое. Все, на что только способно человеческое воображение, было высказано вслух. В словаре этих скотов было немало грубых слов для описания женщины, и Никки знала их все. Сегодня они сыпались на нее дождем.

Не отводя глаз, она ехала молча, вспоминая о том, как уважительно с ней обращался Ричард и как много это значит для нее.

Недалеко от тополиной рощи на берегу пересекавшего долину ручья, Никки заметила шатры из овчины, несколько большие, чем солдатские палатки. Совсем не похожие на просторные походные дома приближенных императора Джеганя, эти шатры тем не менее по армейским меркам были весьма роскошны. Судя по всему, здесь располагался командный состав. С вершины холма руководители экспедиции могли обозревать весь остальной лагерь. Но, в отличие от главного лагеря армии Джеганя, здесь отсутствовало

кольцо часовых, отгораживающих высокопоставленных чинов от простых солдат. Рядом с шатрами проворные рабы жарили на вертелах огромные куски мяса. Такие рабы — самые преданные и старательные — всегда сопровождали офицеров высокого ранга... или высших жрецов Ордена.

Замедлив ход, державший повод Са'дина офицер мотнул головой, посылая одного из солдат предупредить о приезде. Перебросив ногу через голову лошади и легко спрыгнув на землю, солдат помчался к главному шатру. С его штанов при каждом шаге слетали облачка пыли.

Никки заметила, что любопытные зеваки подходят поближе, осматривая женщину, привезенную в качестве подарка их главарю. Она видела усмешки, слышала шутки — но их глаза были холодны и наводили страх.

Однако Никки обеспокоило не это, а другое: все эти люди держали в руках копья или луки со стрелами, наложенными на тетиву. Они явно были начеку. Даже потешаясь над пленной женщиной, они следили за ней и не допустили бы никакой оплошности при малейшем признаке исходящей от нее угрозы.

Слуга ввел солдата, посланного в качестве вестника, в главный шатер. Через мгновение солдат появился снова, а за ним последовал высокий мужчина в долгополой одежде, выкрашенной в темно-рыжий цвет. На фоне окружающих его грязно-коричневых солдат он смотрелся как пятно запекшейся крови. Несмотря на жару, капюшон жреческой рясы был надвинут на лицо — в знак высокого сана ее носителя.

Спустившись с пригорка, жрец подошел к Никки и остановился, приняв высокомерную позу. Какое-то время он просто смотрел на нее — словно изучая товар.

Офицер, державший поводья ее коня, склонился в седле.

— Смиренный дар от жителей Алтур-Ранга, — объяснил он с легкой издевкой.

По толпе зрителей пробежали смешки. Солдаты наперебой делились друг с другом предположениями о том, каким же образом орденский жрец распорядится своим «подарком». Из соседних палаток выглянули офицеры, чтобы посмотреть, что происходит.

Алчная усмешка прорезала лицо Кроноса.

— Давайте ее сюда. Я хочу развернуть подарок и осмотреть получше.

Грянул хохот. Усмешка Кроноса стала еще шире, его порадовало, что острота оценена по достоинству.

Расстегнутое платье провоцировало вполне определенные мысли — но это был необходимый риск. Этим грубым животным нравилось униженное положение жертвы.

Брат Кронос сделал приглашающий жест, указывая на палатку. Ухмылка не сходила с его лица. Никки пристально посмотрела в его темные глаза.

Солдаты придвинулись еще ближе.

Никки подумала, что не может позволить им стащить ее с коня. Время пришло.

Она хотела бы сказать Кроносу тысячу вещей. Сказать все, что о нем думает, все, что хочет с ним сделать и что Ричард хочет сделать со всем Имперским Орденом.

Обычная смерть казалась ей слишком простой и милосердной для этого мерзавца. Она хотела бы, чтобы он испытывал муки, чтобы страдал перед смертью, чтобы испытал все то, что она приготовила для него, прочувствовал боль и агонию, чтобы корчился и просил о пощаде, не в силах вынести собственное поражение.

Она хотела бы, чтобы он понял, что вся его жизнь была одной сплошной ошибкой, и теперь ей пришел конец.

Но эта задача была непосильной. Слишком большой риск. Она не могла позволить себе промахнуться или потерпеть неудачу.

Вместо этого Никки спокойно подняла руки, протягивая их в сторону мужчины и одновременно прикасаясь к своему Хань. Опасаясь, что Кронос почувствует неладное, она не могла потратить ни секунды на придумывание чего-то особенного. Сила хлынула мощным потоком — просто поток воздуха, порыв ветра... но сконцентрированный в единой точке и ударивший с невероятной силой. Кронос просто не мог успеть защититься, даже если бы подозревал в ней чародейку.

В одно мгновение лагерь озарился вспышкой яркого света. Нагретый воздух ударил плотной струей, подобно удару молнии.

Если бы Кронос пошевельнулся, удар оказался бы напрасным — так что Никки не смогла позволить себе даже торжествующей улыбки. Поток воздуха ударил мужчину в лоб не хуже кузнечного молота.

Он не успел даже понять, что происходит, а в голове его уже красовалась дыра размером с кулак. Брызги крови и кусочки мозга заляпали кожаный навес за его спиной. Кронос безжизненно повалился наземь, будто мешок с тряпьем, не в силах ударить в ответ.

Вторым потоком силы Никки рассекла веревки на запястьях. Горячий поток воздуха разрезал путы не хуже остро отточенного лезвия.

Не теряя ни секунды, Никки превратила третий поток своего Хань в тонкую струю, которая очертила ровный круг вокруг нее. Эффекту от этого деяния позавидовал бы любой мастер меча. Офицер, державший ее лошадь, в ужасе воззрился на женщину, и в ту же секунду струя рассекла его поперек груди. Он даже не успел вскрикнуть — верхняя половина туловища, распялив в немом крике окровавленный рот, тяжело свалилась на землю.

С тошнотворным чавканьем второй солдат развалился на две половинки, даже не успев моргнуть. Его кишки высыпались наружу сизым клубком, падая на шею лошади. Никки приподнялась в седле и сделала еще один стремительный взмах. Листья на ближайших тополях вспыхнули, когда волна жара дошла и до них. Никто не успел даже вздрогнуть, а весь ее конвой уже обратился в безжизненные тела.

Воздух наполнился запахом крови, горелой плоти и содержимого разорванных внутренностей. Лошади заржали, некоторые встали на дыбы, опрокидывая располосованные туловища и стряхивая с себя ноги, лишенные владельцев. Конечно, эти боевые кони привыкли к ужасам сражения — но раньше всадники могли управлять ими и контролировать их испуг. Теперь всадники были мертвы. Предоставленные самим себе, кони заметались в ужасе. Многие солдаты, угодив под копыта, упали наземь, а остальные побежали прочь, усугубляя панику.

Началась всеобщая свалка. Солдаты рванулись к ней. Никки зачерпнула силу и приготовилась ударить со всей возможной яростью, окончательно уничтожая командный пункт лагеря.

Внезапно что-то толкнуло ее вперед. Поток силы оборвался, словно бы нечто отрезало Никки от ее Хань — и в то же мгновение пришла боль. Что-то тяжелое ударило в спину. Краем глаза она заметила, как мимо пролетели обломки тяжелого копья, которое использовали в качестве дубины.

Ошеломленная Никки почувствовала, как земля ударила ее в лицо. Отчаянно стараясь собраться с силами, превозмогая боль в окровавленных губах, она попыталась приподняться.

И тут поняла, что не может вдохнуть. Снова и снова, судорожно пытаясь набрать воздуха, она раскрыла рот, подобно рыбе, выброшенной на берег, но — тщетно.

Мир сжался вокруг нее. Са'дин бился над ней, не в силах двинуться с места. Никки боялась, что он может наступить на нее, но не могла даже пошевелиться. Тем временем солдаты смогли оттащить коня в сторону. Другие столпились вокруг нее. Чье-то колено снова вдавило женщину в землю. Сильные руки прижали к земле ее ноги и руки, сгребли в охапку волосы, словно опасаясь, что она сможет вырваться.

Она не могла.

Создавалось впечатление, что люди таким образом стремятся отгородиться от ее магии — а для колдовства, по их мнению, необходимо видеть противника и стоять прямо. Если бы она могла призвать свою силу, то показала бы им, как сильно они ошибаются. Но ничего не получалось.

Ее перевернули на спину. Чей-то сапог опустился на ее горло. Со всех сторон на нее смотрели мечи и копья.

И тут ужасная мысль пришла в ее голову... Темные глаза!

Она убила темноглазого колдуна.

Но у Кроноса глаза не темные, а голубые.

Она пыталась связать все воедино. Она убила священника высокого ранга. Что же не так? Во всем происходящем не было никакого смысла.

Разве что тут есть еще один брат.

Державшие ее люди отпрянули назад. Холодные голубые глаза уставились на нее. Человек в длинной рясе. Капюшон надвинут на лицо. Жрец высокого ранга.

— Что ж, чародейка, тебе удалось убить брата Бирона, смиренного служителя Ордена.

Она готова была поклясться, что в этом голосе не было и признака гнева или злости.

Оцепенев от потрясения, Никки все еще не могла вдохнуть. Боль в спине расходилась парализующими волнами. Интересно, сломал ли ей ребра тот, кто ее ударил? Цел ли позвоночник? А впрочем, какая разница?..

— Позволь представиться, — сказал краснолицый мужчина, склоняясь над ней и откидывая капюшон. — Я брат Кронос. Теперь ты принадлежишь мне. И я собираюсь заставить тебя дорого заплатить за смерть хорошего человека, выполнявшего свой долг во имя Создателя.

Глава 27

Никки не могла не то что ответить, но даже просто вдохнуть. Боль от удушья парализовала ее волю, лишив возможности думать о чем-либо другом. Невозможность сделать даже один-единственный вдох с каждой секундой становилась все ужаснее.

Она не знала, что делать.

Она вспомнила Ричарда, когда он был ранен стрелой в грудь и тоже лежал бездыханным. Вспомнила, как его кожа приобрела пепельный оттенок, а затем начала синеть. Никки так боялась за него, видя, что он не может дышать... а теперь сама оказалась на его месте.

В безумной улыбке Кроноса не было ни капли юмора, но сейчас это казалось неважным.

— Невероятный успех! Колдунья убила волшебника. Впрочем, этот подвиг стал возможен лишь благодаря твоему вероломству, посему сложно назвать его настоящим успехом. Всего лишь обман, и ничего более...

Он все еще не понял! Никки стало ясно, что Кронос не понял, кто она такая. Однако ей нужно сделать хотя бы вдох. Иначе она станет никем.

В глазах темнело. Весь мир сузился до размеров узкого туннеля, в конце которого виднелось искаженное яростью лицо жреца

Кроноса. Она снова попыталась сделать хотя бы один вдох, но тщетно. Тело словно забыло, что умеет дышать.

Сильной болью отозвались ребра. Ожесточенные попытки набрать воздуха ни к чему не приводили. Промелькнула мысль, что тот, кто ударил ее сзади, мог повредить жизненно важные органы, и теперь она просто погибнет от удушья.

Брат Кронос скрипнул зубами, протянул вперед руку и жадно стиснул грудь женщины, причиняя ей невыносимую боль, вдобавок усиленную мощной магией. Однако именно эта резкая боль заставила Никки судорожно вдохнуть. Резкий, хриплый вдох, всего один — но его оказалось достаточно.

Теплый, спасительный воздух хлынул в легкие. Не осознавая, что делает, Никки инстинктивно ухватилась за Хань и направила силу к источнику боли.

Кронос оглушительно закричал и отшатнулся. Рука, ощупывавшая тело Никки, отдернулась, алая кровь заструилась по запястью, заливая рукав рясы.

Никки вполне могла заставить Кроноса отпустить ее, могла причинить боль, могла ранить — но все еще была не в состоянии вполне опомниться и собрать достаточно силы, чтобы сокрушить его защиту. Задыхаясь, она снова и снова жадно пыталась втянуть побольше воздуха, хотя каждый вдох причинял боль. Но не дышать было еще больнее.

— Грязная шлюха! — завопил Кронос. — Да как ты осмелилась использовать силу против меня? Мой дар сильнее твоего! Сейчас узнаешь свое место!

Его лицо побагровело от несдерживаемой ярости. Сплетая тонкие нити Хань, Никки ощутила могучие щиты, которыми окружил себя волшебник. И увидела его пальцы, с которых была содрана плоть. Окровавленную ладонь жрец прижимал к груди. Расплата должна была стать чудовищно жестокой.

Кронос громко орал, надвигаясь на нее, поливая пленницу грязной площадной бранью. Он изрыгал проклятья и в подробностях описывал, какая именно участь ее ожидает. Едва услышав о его планах, кольцо наблюдателей немедленно расширилось. Люди отступили назад, обещания жреца вселяли ужас даже в них.

Итак, жрец думал, что имеет дело с обычной колдуньей, уступающей ему в силе дара. Но она была сестрой Тьмы — куда более опасным противником. Впрочем, подобно большинству людей, даже узнав об этом, Кронос все равно не заподозрил бы, с какой силой ему предстоит иметь дело. Никки обладала не только силой колдуньи — дар убитого ею чародея перешел к ней в то мгновение, когда душа его пересекла завесу мира мертвых.

Объединенная мощь этого двойного дара уже должна была вселять страх. Магия Ущерба. Ричард мог пользоваться этой магией по праву рождения, а Никки обрела ее в тот миг, когда завеса дрогнула, принимая душу первого убитого ею чародея. Его собственный Хань подействовал в качестве связующего звена, и теперь Никки ощущала в себе чудовищную силу Магии Ущерба. Такой не обладала даже старшая из бывших наставниц Ричарда во Дворце Пророков, сестра Улиция. Кронос же, хоть и сумел создать щиты против Магии Приращения, против Магии Ущерба был бессилен. Ему предстояло убедиться в этом очень скоро.

Кронос воздел окровавленный кулак в угрожающем жесте.

— Жители Алтур-Ранга — предатели! Они осквернили священную землю! Отвернувшись от путей Ордена, они отвергли самого Создателя. Нашими руками Создатель свершит возмездие и уничтожит грешников. Мы очистим Алтур-Ранг не только от их плоти и крови, но и от их ереси! Имперский Орден вернет себе Алтур-Ранг, и под властью Джеганя Справедливого будет править миром, ибо такова воля Создателя!

Никки едва удержалась от смеха. Кроносу наверняка было невдомек, что именно она дала Джеганю титул «Справедливый». Император признал, что такой титул поможет ему заполучить преклонение многих тысяч людей. Вначале он хотел сражаться со всем миром — но именно она показала ему, насколько лучше, когда люди сами переходят на его сторону.

Никки оказалась даже слишком права. Многие люди путают намерения и поступки. В придуманную ею справедливость Джеганя теперь верили и те, кто не очень-то много знал об императоре или об Ордене. Никки не переставала удивляться, как простые слова — неважно, сколько в них лжи, — переубеждают сотни и

тысячи людей. Вероятно, многие предпочитают, чтобы кто-то думал за них, чем думать и принимать решения самостоятельно.

Тирада Кроноса позволила ей выиграть время. Силы вернулись. Никки поняла, что нельзя ждать другой возможности.

Она вскинула руку в указательном жесте. Скручиваясь в тугой жгут, сила прошла по ее руке и сконцентрировалась в кончиках пальцев. Конечно, Никки могла обойтись и без этого, но она хотела показать Кроносу свое превосходство. Это доставило ей удовольствие.

Уверенный в своих силах и в своей магической защите, противник пришел в бешенство при виде ее угрожающего жеста.

— Да как ты сме...

Энергия Магии Приращения и Магии Ущерба, сплетенная в единое острие, ослепительной молнией пробилась сквозь щиты волшебника, как нож сквозь масло, и прошла навылет, оставив в его груди дыру размером с яблоко.

Кронос широко раскрыл глаза, его рот округлился. Разум тщетно пытался осознать непоправимое.

Сквозь дыру Никки могла разглядеть темнеющее небо. Через несколько мгновений из отверстия мощным потоком хлынула кровь, и Кронос безжизненно упал на землю.

Тут же Никки окружила сверкающая сталь. Мечи выхвачены из ножен, копья выставлены вперед, топоры вознесены над головами, луки натянуты до уха. Сплошные острия и лезвия — и все смотрят на нее.

Не останавливаясь, Никки направила следующий залп силы. Переплетенные нити противоположных сторон магии вспыхнули одновременно, снюся и поджигая офицерские палатки, разрывая и испепеляя всех, кто стоял на холме. Сила ударила во все стороны с чудовищной энергией, срывая плоть с костей, сминая доспехи, опрокидывая повозки. Земля залилась кровью.

Жар был настолько силен, что загорелись ближайшие деревья. Солдаты из нижнего лагеря уже бежали к вершине холма, навстречу новой угрозе, и их одежда тоже вспыхнула. Те, кто успел подбежать ближе, обуглились заживо. Стоявшие рядом с Никки оказались разорванными на мельчайшие кусочки силой ее яростной магии. Но высвобожденная энергия рассеивалась на расстоянии,

и те, кто находился далеко, только повалились наземь, как соломенные куклы.

Такой чудовищный удар вытянул из Никки много сил — но желаемый эффект был достигнут. В мгновение ока положение изменилась до неузнаваемости — вместо того, чтобы глумиться над беззащитной женщиной, грубые дикари метались в панике, сея повсюду страх и ужас.

Опасаясь утратить инициативу, Никки направила силу на тополя, росшие вдоль ручья за спинами нападающих. Этот заряд силы был небольшим, но действие произвел сокрушительное. От внутреннего жара стволы деревьев просто взорвались, и куски горящего дерева полетели в толпу, убивая и калеча многие десятки солдат.

Затем Никки ударила волшебным огнем, посылая струи жидкого пламени вниз по склону холма, поджигая людей, лошадей, снаряжение и припасы. Крики людей и животных слились в протяжный душераздирающий вой. В воздухе пахло горелой шерстью и сожженной плотью, черный дым стелился по земле.

На Никки уже никто не обращал внимания. Помедлив немного и переведя дух, она попыталась встать с пропитавшейся кровью земли. Наконец ей удалось подняться. Спотыкаясь, она начала пробираться между телами. Из густого тумана вынырнул Са'дин. Ухватившись за его шею, Никки восстановила равновесие. К счастью, ей удалось не задеть жеребца во время недавнего побоища, и с ним все было в порядке.

Ухватив поводья, Никки с трудом вскарабкалась на коня, прежде чем кто-нибудь успел ткнуть его копьем или полоснуть саблей — и прежде, чем их обоих засыплют стрелами. Пустив Са'дина в галоп, Никки ударила молниями во все стороны, сбивая заметивших ее солдат. Охваченные пламенем, оглушительно крича и сбивая друг друга с ног, они уже не могли помешать ей скрыться.

Внезапно из дыма выехал всадник на могучем боевом коне. Вскинув меч и издав боевой клич, он понесся им наперерез.

Прежде, чем Никки успела сделать хоть что-то, Са'дин яростно заржал и резко выбросил голову вперед. Откушенное ухо вражеского коня покатилось по земле. Раненое животное закричало от боли и страха и поднялось на дыбы. Всадник не удержался в седле и упал в гущу охваченных пламенем тел.

Никки оглянулась и увидела еще нескольких солдат, пытающихся перехватить ее. Зачерпнув силу, она повела рукой, оплетая магической паутиной каждого бегущего. Через мгновение их сердца остановились. Хватаясь за грудь, солдаты падали на колени и бились в конвульсиях, а их товарищи разбегались в страхе. Внезапная и непонятная смерть пугала врагов даже больше, чем смертельный огонь волшебника. Никки подумала, что это очень эффективно: такие чары всего лишь требовали точного прицела, а молнии и пламя расходовали слишком много сил. Учитывая количество солдат в лагере, ей не следовало разбрасываться, если она хочет ускользнуть отсюда живой.

Все, кто находился поблизости, уже знали и понимали, что происходит. Но в отдаленных частях лагеря люди не могли понять причины беспорядка. Однако заметив, что происходит нечто серьезное, солдаты действовали достаточно слаженно.

Со всех сторон в воздухе засвистели стрелы. Мимо пролетело несколько дротиков. Одна стрела скользнула по волосам Никки, другая оцарапала ей плечо. Никки хлестнула поводьями и пригнулась к шее жеребца, дивясь невероятной скорости его бега. Са'дин бесстрашно скакал прямо сквозь вооруженную толпу, копытами проламывая черепа и грудные клетки. Раненые кричали, остальные отшатывались и разбегались. Са'дин перескочил через горящие палатки и понесся дальше. Никки старалась держаться крепче и время от времени пускала струи пламени, затрудняя погоню и усиливая царящий повсюду хаос.

Но тысячи солдат за ее спиной уже пришли в себя. Оглушительный рев сотен луженых глоток разорвал пространство. Охватившая их звериная злоба устрашила бы всякого. Сообразив, что нападение прекратилось, они пустились в погоню.

Никки вспомнила слова Ричарда про одну-единственную удачливую стрелу. Теперь в воздух взлетали тысячи, и Никки перестала тратить силу на посылание во врага убийственных зарядов. Магический кокон окутал ее и коня, защищая от случайных стрел.

Но когда они проносились через последний ряд палаток, Никки напоследок еще раз направила силу на все живое, что попадалось на глаза. Все, кто бежал ей навстречу или пытался ее остано-

вить, попали под удар. Невидимые лезвия рассекли плоть, обезглавливая одних и перерезая других пополам. Лошади жалобно ржали, падая на землю и заливая ее кровью из обрубков ног. В воздухе разносились крики страха, гнева, боли и ярости.

Проносясь через лагерь, Никки замечала, как многие выхватывают копья из оружейных стоек и седлают лошадей, намереваясь скакать вслед за ней. Оружия вокруг было слишком много, и Никки пожалела, что не может уничтожить его одним махом. Теперь ей приходилось думать лишь о том, чтобы удержаться на спине Са'дина. Тот лихо перепрыгивал через любое препятствие на своем пути — по-видимому, намереваясь как можно скорее унести ее из этого проклятого места. А за их спинами все большее количество людей грохочущей лавиной мчалось по следу, вытягиваясь в огромную колонну; догнать! остановить! уничтожить!

Никки вырвалась из лагеря и поскакала к городу. Она понятия не имела, скольких солдат ей удалось убить, но многие тысячи еще остались. От стремительного галопа у нее снова заболел позвоночник.

Что ж, по крайней мере, она смогла убить Кроноса. Он попытался обмануть ее — но в конечном итоге это обошлось противнику в потерю еще одного волшебника. А ведь в городе даже не знали, что во вражеском лагере имелось целых два чародея! Для защитников Алтур-Ранга это могло стать очень, очень неприятной неожиданностью. Так что в конечном счете все закончилось хорошо. Удача была и будет на ее стороне.

Разве что у них найдется третий волшебник...

Глава 28

Поднявшись на вершину холма, Никки увидела город. Проступая сквозь сизый туман на горизонте, вырастали размытые стены, но любоваться их видом не было времени. Грохочущая кавалерия скакала прямо за спиной. Оглянувшись, Никки увидела воздетые мечи и копья, массивные топоры и булавы — и вся эта сталь блестела в лучах заходящего солнца подобно иглам чудовищного ежа. Клубы пыли, поднятые тысячей копыт, закрывали вечернее небо. И над всей этой лавиной всадников гремел воинственный боевой клич.

Было страшно даже вспоминать о том, что за конницей следует еще и орда пеших воинов.

Солнце светило Никки прямо в глаза. Но даже если бы его не было, она все равно вряд ли увидела бы кого-нибудь на городских стенах. Так и должно быть. Она сама хотела, чтобы большинство людей спряталось. И поэтому сейчас она не чувствовала себя оставленной всеми, даже с разъяренным осиным гнездом за спиной.

Никки заранее предупредила Виктора и Ицхака, по какой дороге будет возвращаться, если дело выгорит, — так, чтобы они смогли наилучшим образом распределить силы для обороны. Сейчас она надеялась, что все готово. Времени что-то менять уже не было.

Когда город стал еще ближе, Никки на полном скаку попробовала вдеть правую руку в развевающийся на ветру рукав расстегнутого платья. Наконец ей это удалось. Потом она проделала то же самое с левым рукавом. Придерживая поводья, чародейка судорожно застегнула крючки свободной рукой и рассмеялась своей маленькой победе.

Вот и первые невысокие домики. Теперь Никки могла бы свернуть на боковую дорогу, чтобы быстрее добраться до центра столицы, но она упорно продолжала скакать по главной дороге, спускавшейся с холма. В самом Алтур-Ранге эта дорога превращалась в широкий бульвар, главную артерию города, пересекавшую его с востока на запад. Постепенно здания смыкались все плотнее и становились все выше. Вдоль дороги стройными рядами росли могучие деревья. Проезжая мимо, Никки успевала замечать пустые скорлупки высушенных цикад на потрескавшейся коре деревьев. Это мимолетно напомнило ей тот день, когда она засыпала в лесном убежище, у Ричарда на руках, под песню цикад...

Са'дин покрылся пеной и тяжело дышал. Никки понимала, как сильно он устал, но не могла показать преследователям, что хочет остановиться. Она слегка замедлила бешеный галоп, чтобы всадники Ордена подумали, что догоняют ее. Она хотела, чтобы они так подумали. Похожие на хищников, настигающих жертву, они больше не могли думать ни о чем другом. Волчий инстинкт погони туманил их взгляд. Никки хотела, чтобы они смотрели только на

нее, поэтому немного наклонилась вбок, притворяясь раненой и заставляя их предвкушать ее скорое падение.

Проносясь по центральной улице, она сквозь клубы пыли начала различать знакомые здания и даже припоминать расположение окон. Слева показался дом, обшитый досками цвета сливочного масла, справа — особняк с красными ставнями. В тенистых переулках, между плотными рядами домов, — жилых, судя по белью, развешанному на веревках, — она мельком различила прячущихся людей. У всех в руках были луки.

Внезапно перед ней выросло трехэтажное здание красного кирпича. В тусклом свете сумерек она узнала его с трудом. Шипы, лежавшие поперек дороги, были укрыты тонким слоем пыли, чтобы оставаться незамеченными для ее преследователей. Проносясь мимо, она заметила людей, готовых поднять шипы и опустить колья, как только она окажется в безопасности.

— Подождите, пока большинство не проедет! — крикнула она затаившимся людям достаточно громко, чтобы те могли ее услышать — но не настолько, чтобы ее преследователи могли что-то разобрать.

Один из тех, кто прятался в засаде, кивнул ей. Никки надеялась, что они все поняли. Если колья и шипы будут пущены в ход раньше времени, тогда в сражении увязнет только авангард конницы, а большинство сумеет вырваться из западни и перестроиться для новой атаки. Тогда их шансы на уничтожение конницы Ордена будут ничтожно малы. Никки надеялась, что защитники поднимут шипы вовремя.

Никки бросила быстрый взгляд через плечо, чтобы увидеть, как огромные всадники на могучих конях, с обнаженными клинками, проносятся мимо кирпичного здания. Когда большая их половина уже обогнула угол, раздался оглушительный грохот. Крики, стоны и нечеловеческий вой слились воедино. Боевые кони на полном скаку врезались в поднятые колья. Те, кто неслись следом за ними, не успели остановиться и плотной массой навалились на пронзенных животных. Всадники громко кричали, падая на землю. Одни рухнули под копыта, другие запутались в стременах. Началась всеобщая свалка.

Из приоткрытых окон ливнем посыпались стрелы, безошибочно поражая тех солдат, которым удалось подняться после падения. Всадники в отчаянии пытались остановить коней, но в тех, кому это удалось, попасть было еще легче. Конница Ордена оказалась под перекрестным огнем. Те, кто пытались добраться до своих щитов, висящих за спиной, едва успевали поднять руку. Они падали, запоздало сожалея о том, что пренебрегли этим полезным приспособлением.

Пока остальные преследователи пытались выбраться из западни, Никки свернула на развилке главной улицы в переулок направо. Теперь всадники Ордена неслись за ней по пятам.

— Подождите, пока проедет половина! — прокричала она затаившимся у каменной стены людям, вихрем проносясь мимо.

И снова тяжелый удар и душераздирающие крики разорвали воздух, когда несчастные животные напоролись на острые шипы. Солдаты, упавшие на землю, кричали еще сильнее. Со всех сторон на них устремились люди с копьями, протыкая врагов насквозь прежде, чем они успевали подняться на ноги. Топоры, мечи и кистени, отнятые у поверженных всадникам, теперь обратились против Имперского Ордена.

Часть кавалерии, дважды обманутая и не желающая оказаться в дураках в третий раз, на полном скаку отделилась от основной колонны. Одни повернули налево, другие — на узкую улицу с правой стороны.

Самые упорные всадники, последовавшие за чародейкой, даже не успели понять, что происходит, когда Никки проскочила через третий барьер, и за нею снова поднялась стена из шипов и кольев. Лошади напоролись на острую сталь. Оглушительное ржание догнало Никки и ударило ей в спину. Окровавленные животные сталкивались друг с другом и падали на шипы, увлекая за собой всадников. Считавшие себя более умными солдаты, свернувшие налево и направо, с ужасом обнаружили себя точно в таких же ловушках. Конница внезапно попала в ущелье — не из гранитных скал, но из кирпичных стен и холодного острого железа.

Сила удара, с которой несущиеся галопом лошади врезались в преграду из окровавленных тел, была поистине чудовищной. Брызги крови, дымящаяся плоть, хрустящие кости — и волны всепог-

лощающей боли, приходящей отовсюду. Но именно сила удара привела к тому, что стена из кольев и шипов прорвалась посередине, и часть всадников вылетела из бутылочного горлышка западни. Могучие боевые кони, многие из которых были защищены броней, оскальзывались в крови упавших людей и лошадей, топча лежащие тела. При этом достаточно было упасть одному коню со всадником, чтобы загородить выход для всех остальных.

И тут, перекрывая образовавшуюся брешь, на улицу выбежали люди с копьями. Словно муравьи, они выскакивали отовсюду. Лошади, и без того уже охваченные ужасом от предсмертного ржания сородичей, увидели теперь перед собою плотно сомкнутые ряды людей: выкрикивая боевые кличи, потрясая копьями, они бежали прямо на всадников. Копья вонзались в плоть несчастных животных, те издавали ужасные, отчаянные вопли и падали, падали... А затем вечерний воздух как будто затрещал — это лучники обрушили на врагов ливень стрел, окончательно повергая в ад терзаемую болью жуткую массу, только что бывшую конницей Имперского Ордена.

Никки неспроста сомневалась, будет ли противник атаковать столицу с использованием конницы, если не раздразнить его специально. Боевые лошади не были приучены к сражениям в условиях города, не могли быстро ориентироваться среди стен и переулков, и кавалеристы теряли здесь все свои преимущества. А защитники Алтур-Ранга умело воспользовались своими. Они прятались повсюду, наносили удары из-за угла, сокрушая стройные боевые порядки имперских войск. Кавалерия обычно предназначалась для того, чтобы смять сопротивление войск, пытающихся постановить их на подступах к городу, в поле — а затем следить, чтобы никто не мог покинуть осажденный город. Если бы имперские командиры знали, что их ждет, они никогда не позволили бы себе такой сумасшедшей атаки. И Никки прекрасно об этом знала, когда предприняла свою отважную экспедицию в сердце осиного гнезда.

Лавина кавалерийской атаки захлебнулась, не успев продвинуться вглубь города, и противнику это уже стало очевидно. Смерть разила быстро и жестоко. Зрелище огромной массы поверженных лошадей и всадников казалось нереальным, невероятным. Запах крови витал над улицами.

Увидев небольшую группу солдат, скачущих по переулку в надежде ускользнуть из западни, Никки дотронулась до своего Хань и послала поток силы, ломая кости лошади, которая неслась первой. Задние налетели на передних, ломая ноги и разрывая сухожилия. Лишь нескольким оставшимся без всадников лошадям удалось перескочить эту свалку из окровавленных тел. А люди с копьями уже бежали добить тех, кто еще дышал.

Никки обогнула угол здания, чтобы добраться до главной ловушки и не дать ускользнуть ни единому всаднику Имперского Ордена. Доскакав до последнего здания, она с удовлетворением увидела, как некогда стройные ряды всадников увязают в ощетинившейся пиками и копьями массе защитников города. Никки привстала на стременах и послала в гущу схватки огненный шар. Тот слегка опалил волосы обороняющихся и угодил в самую гущу вражеской конницы, разбрызгивая капли жидкого пламени, обжигавшие и людей, и лошадей. Несчастные животные с пылающими гривами вставали на дыбы от невыносимой боли, опрокидывая своих всадников на землю.

Теперь она скакала вдоль плотного ряда зданий к узкому выходу из другой западни, куда угодила одна из самых больших групп имперских солдат. Жители города уже встретили непрошеных гостей. Всадники были рассеяны, дезорганизованы и не могли оказать серьезного сопротивления. Сражавшиеся за свою свободу люди били их с ожесточением, на которое высокомерные кавалеристы совсем не рассчитывали. Обычная тактика — ворваться, уничтожить, сжечь и растерзать — впервые дала сбой.

В надвигающихся сумерках Никки с трудом отыскала взглядом Виктора, яростно размахивавшего тяжелой булавой. Страшное оружие с хрустом проламывало голову любого врага, до которого только могло дотянуться. Никки направила Са'дина в гущу сражения.

— Виктор!

Кузнец недовольно обернулся, с трудом гася запал битвы. «Что там?» — прокричал он сквозь грохот звенящей стали. Дымящаяся кровь стекала с шипов его грозного оружия.

Никки подъехала ближе.

— Солдаты следуют за кавалерией. Это будет для нас настоящим испытанием — но нельзя позволить им передумать и отложить атаку. На тот случай, если у наших противников появятся такие мысли, я собираюсь подогреть их желание ворваться в город. Думаю, сомнений у них не останется.

— Отлично, — мрачно оскалился Виктор. — Мы все готовы ко встрече.

У армии, вошедшей в Алтур-Ранг, просто не было возможности сохранить единый строй. Чтобы двигаться по разным улицам, солдаты будут вынуждены разделиться на множество групп. Каждую из этих частей могли еще более раздробить защитники города. Если бы пришельцы вздумали атаковать — или даже бежать, — они попались бы на зуб лучникам в засадах и копейщикам, не говоря уже о множестве хитрых ловушек.

Алтур-Ранг огромен. Когда темнота окончательно опустится на город, захватчики утратят направление, заблудятся в бесконечных улицах и переулках. Узкие проходы между стенами домов заставляли их двигаться гуськом и делали невозможной слаженную атаку.

Они не смогут двигаться туда, куда хотели, не смогут действовать, как им того хотелось бы, вырезая невинных и беззащитных людей; вместо этого их неотступно будут убивать и гнать повсюду. Каждая группа солдат будет с каждой минутой становиться все меньше и меньше: кто-то упадет убитым или раненым, кто-то отколется от основной части, в отчаянии пытаясь найти безопасный путь. Но Никки позаботилась о том, чтобы безопасных мест в городе не осталось.

— Ты вся в крови, Никки, — окликнул ее Виктор. — С тобой все в порядке?

— Я вымотана до предела и ухитрилась упасть с коня. В остальном все хорошо. Виктор, это должно закончиться сегодня! — напомнила она ему.

— Чтобы ты могла догнать Ричарда?

Чародейка улыбнулась, но ничего не ответила.

— Пожалуй, пора мне еще раз расшевелить это осиное гнездо, которое гналось за мной. Скоро я приведу их за собою по пятам.

— Мы будем готовы, — кивнул Виктор.

Заметив вдалеке трех солдат, пытающихся улизнуть пешим ходом, Никки замолчала, чтобы сконцентрироваться и направить по узкой улочке поток силы. Со свистом рассекая воздух, сила прошла сквозь плоть и кости, разрывая и опрокидывая наземь всех троих.

— И еще кое-что, Виктор, — промолвила она, снова поворачиваясь к кузнецу.

— Да, Никки?

— Ни один из них не должен уйти живым. Ни один.

Грохот битвы словно утих на мгновение, когда Виктор задумчиво посмотрел в ее глаза.

— Я понимаю. Ицхак будет ждать тебя. Постарайся привести это осиное гнездо поскорее.

Никки подхватила поводья Са'дина, удерживая его на месте, и кивнула.

— Они будут здесь, обеща...

Внезапно она обернулась. Огромные языки пламени поднимались на востоке. Это могло означать только одно.

Выругавшись, Виктор вскарабкался на труп мертвой лошади, чтобы получше рассмотреть зарево пожара и клубы черного дыма, поднимавшиеся над крышами. Затем он повернулся к Никки, явно недоумевая.

— Ты не смогла убить Кроноса?

— Я прикончила его, — процедила Никки сквозь стиснутые зубы, — и вдобавок еще одного волшебника. Похоже, у них есть еще кто-то, обладающий даром. Ничего не скажешь, они хорошо подготовились.

Никки потянула поводья, разворачивая Са'дина в сторону разгоравшегося пламени, и направляясь туда, откуда доносились громкие крики умирающих.

— Но они не готовы встретить саму госпожу Смерть!

Глава 29

— Как по-твоему, что бы это могло значить? — спросила Бердина. Верна подняла голову и задумчиво посмотрела в небесно-голубые глаза морд-сит.

— Энн ничего не сказала мне.

В библиотеке было очень тихо, только масляные лампы издавали негромкое шипение. Многоярусные шкафы и полки из орехового дерева, с небольшими проходами между ними, уверенно рассеивали тусклое мерцание светильников, погружая в полумрак нетронутые глубины книгохранилища. Разумеется, вздумай Верна зажечь все лампы и канделябры, висевшие на стенах, в зале стало бы куда ярче. «Но для наших целей, — подумала Верна, — этого вовсе не нужно».

В какой-то момент ей в голову пришла мысль о том, что зажечь все лампы означало бы потревожить покой святилища и вызвать из небытия призраки ушедших магистров Ралов.

Тяжелые балки перекрывали темные опоры, уходящие вверх, под самый потолок. Вырезанные на дереве листья и вьющиеся стебли покрывали колонны, подпирающие свод. Странные, но красивые символы были нарисованы яркими красками на балках и перекладинах. Под ногами расстилались ковры причудливой расцветки.

И повсюду, в шкафах со стеклянными дверцами, на полках и стенах, на столах и подставках, ровными рядами стояли книги. Их кожаные переплеты, в основном темных тонов, сверкали золотом и серебром тисненых букв, добавляя библиотеке загадочности и красоты. Верна никогда не видела такого роскошного книжного зала. Хранилища Дворца Пророков, где она провела многие годы, тоже были заставлены книгами — но там все было слишком сухо, серо и обыденно, подчинено лишь удобству пользования. Книги во Дворце Пророков были инструментами. Здесь же перед книгами преклонялись.

Знания означали силу и власть. Долгие столетия каждый лорд Рал собирал и приумножал эти знания, добиваясь абсолютной власти. Пользовались ли они этими знаниями, и с какой целью применяли их — сейчас это было неважно.

А теперь единственной сложностью было отыскать среди всех этих книг нужную. И было бы большим везением хотя бы знать наверняка, что она здесь есть.

Конечно, раньше существовали писцы, работавшие над составлением копий наиболее важных книг, и на них же возлагалась

ответственность за отдельные секции библиотеки. Посетитель мог, задав несколько наводящих вопросов, получить указание на нужный шкаф или полку. Сейчас же, в смутное время, писцов не нанимали, а без знатоков-хранителей сотни и тысячи книг с бесценной информацией стали по сути дела бесполезны — подобно солдату, несущему на себе слишком много оружия, чтобы еще и сражаться.

В этом месте хранились труды многих ученых и великих пророков. Даже беглый взгляд на полки подтверждал — тут есть книги по истории и географии, политике и естествознанию, и здесь же было много пророчеств, с которыми Верна никогда не сталкивалась прежде. Можно было бы провести целую жизнь среди всех этих сокровищ — а Бердина еще сказала, что таких залов в Народном Дворце несколько. В некоторые позволялось входить любому, в остальные мог войти только магистр Рал — или, как полагала Верна, его доверенные лица.

Зал, где они сейчас стояли, был как раз из таких.

Бердина рассказала, что Даркен Рал часто брал ее с собой в эту библиотеку, потому что она знала древнее наречие Д'Хары и могла оценить точность перевода наиболее темных мест из старых книг. Благодаря этому Бердина сейчас была очень ценным человеком. Она единственная знала хоть что-то обо всем этом бесценном и, возможно, опасном богатстве знаний.

Конечно, не все пророчества были одинаково важны. Большинство касалось несущественных и совсем безобидных вещей. Неосведомленные люди даже не подозревали, что большую часть таких таинственных с виду книг пророчеств занимали тексты, недалеко ушедшие по своей значимости от деревенских сплетен.

Но когда внимание читателя усыплялось потоком нелепой и порой фривольной болтовни, среди мелких подробностей будничной жизни вдруг являлись такие видения, что волосы на голове вставали дыбом. Темные и страшные вещи, описанные во многих книгах, бросали в холодный пот.

Отличить тома безобидные от таких, которые опасны от первого слова до последнего, мог только хорошо подготовленный знаток. Книги, хранящиеся в этой библиотеке, содержали в себе са-

мые ужасные предсказания из всех, какие были известны Верне. Во Дворце Пророков они были изъяты из главного хранилища и размещены в особом помещении, прикрытом очень мощными щитами, доступные лишь избранным. Наличие этих книг здесь объясняло, почему эта библиотека считалась строго личной, предназначалась лишь для самого магистра Рала. «Интересно, — подумала Верна, — пропустили бы меня стражи в личную библиотеку магистра Рала одну, без сопровождения морд-сит?»

В этот момент Бердина указала пальцем на пустое место в томе под названием «Глендхиллская Книга по Теории Отклонений».

— Аббатиса, я же говорила, что читала эту книгу в замке Волшебника в Эйдиндриле вместе с лордом Ралом.

— Да, говорила.

В свое время Верна чрезвычайно заинтересовалась тем фактом, что Ричард читал «Глендхиллскую Книгу». Особенно если вспомнить, с какой нелюбовью он относился к пророчествам. Особенно к пророчествам, касающимся его лично.

Верна не переставала удивляться тому, как часто ей случалось узнавать о Ричарде небольшие, но чрезвычайно интересные подробности. В данном случае речь шла о его нелюбви к пророчествам. Отчасти эта нелюбовь объяснялась тем, что он терпеть не мог загадок. Но главной причиной неприязни была убежденность в праве человека самому творить свою судьбу.

Конечно, множество пророчеств было безмерно сложно, они часто тонули в многослойных толкованиях смысла и были невразумительны для большинства людей — но все же в основе их лежали указания на вещи предопределенные, и сам Ричард ухитрялся не раз исполнить пророчества, одновременно доказав их несостоятельность.

Верна кисло поморщилась, подумав, что неким сложным образом пророчество, предсказавшее рождение Ричарда, обернулось доказательством непригодности предсказаний как таковых.

Поступки Ричарда всегда было трудно предсказать. Его реакция на самые разные обстоятельства чаще всего была непредвиденной. Невозможно было угадать, что он сделает или скажет в следующую минуту. Однако Верна по опыту убедилась, что

непоследовательное его переключение с одного дела на другое, внезапные перемены пути и намерений на самом деле были признаком внутренней цельности и четкой направленности Ричарда.

Обычно люди не способны неуклонно следовать к одной, даже самой важной цели. Они позволяют себе отвлекаться на второстепенные дела, считая их срочными, и постепенно сворачивают с пути. Ричард же вел себя, как боец, сражающийся с несколькими противниками: определял самого опасного их них, а остальных отбрасывал и расправлялся с ними по мере возможности. К главной цели он всегда шел прямо, твердо и неуклонно. Но если для этого требовалось свернуть, что-то исследовать — он сворачивал. Посторонним наблюдателями это представлялось непостоянством, перескакиванием с одного предмета на другой. Ричард же был как пловец, который, переплывая реку, искусно огибает торчащие скалы и мели, четко видя перед собою желанный берег.

Ричард Сайфер был самым необыкновенным человеком из всех, кого когда-либо встречала Верна. И самым несносным тоже. Она уже потеряла счет случаям, когда ей хотелось его удавить. Рожденный, чтобы возглавить борьбу против Имперского Ордена, он по собственной воле стал предводителем целой страны, лордом Ралом, средоточием всей той борьбы, которую она вела как сестра Света.

Как и было предсказано.

Но совсем не в том духе, какого можно было бы ожидать.

Верна не только уважала его как вождя — она ценила его дружбу. Она всей душой желала ему быть счастливым, как были счастливы когда-то они с Уорреном. Она узнала, что такое настоящая жизнь, лишь в недолгий промежуток от момента, когда они с Уорреном поженились, до его гибели. С той самой ночи, когда погиб ее муж, она более не чувствовала себя живой. Продолжая жить, она знала, что ее сердце осталось где-то глубоко в прошлом. И потому боль Ричарда отдавалась болью и в ее душе. Однажды, надеялась Верна, эта война закончится, и Ричард сможет быть счастлив. С женщиной, которую он полюбит.

Верна улыбнулась. С того самого дня, как она встретила его и застегнула Рада-Хань на его шее, чтобы отвезти во Дворец Про-

роков и научить пользоваться даром, ее жизнь словно попала в гигантский водоворот, центром которого был Ричард. Она снова припомнила тот снежный день в деревне полудиких людей, когда она увезла Ричарда с собой. Грусть оттого, что это произошло против его желания, и гордость за себя, отыскавшую его после двадцати лет поисков, смешались в ее душе.

Ричард долго не поддавался на уговоры. Две сестры Света, отправившиеся в путь вместе с Верной, заплатили жизнью, чтобы Ричард смог надеть ошейник.

Верна содрогнулась... «Надеть ошейник».

Очень странно. Она попыталась вспомнить, как же ей удалось заставить Ричарда застегнуть Рада-Хань на своей шее. Ведь Ричард ненавидел ошейники с тех пор, как долгое время был пленником морд-сит. И все же он надел его по собственной воле.

Почему-то память отказывалась объяснить Верне, что заставило Ричарда так поступить.

— Верна, что-то здесь не так... — Коричневая кожа облачения Бердины скрипнула, когда та наклонилась, чтобы тщательно изучить текст в лежащей перед ней книге. — Я точно знаю, что раньше здесь был текст. Теперь его нет.

Верна пристально посмотрела в отражение танцующего пламени свечей в голубых глазах Бердины. Усилием воли отогнав тягостные мысли, она приказала себе сосредоточиться на текущих делах.

— Но ведь это же не та самая книга, так?

Бердина удивленно посмотрела на аббатису. Верна попыталась объяснить:

— Название точно такое же, но книга другая. Ты читала ту книгу в замке. А это другая копия. Да?

— Ну да, это другая копия. — Бердина распрямила спину и пригладила волнистые каштановые волосы. — Но ведь название точно такое же. Почему тогда в книге из замка есть все записи, а здесь много пропущенного текста?

— Вы с Ричардом изучали совсем другую книгу. А даже если бы они были одинаковыми, переписчик мог оставить пустое место в тексте. По многим причинам.

Бердина смотрела с явным недоверием.

— Каким, например?

— По разным. — Верна пожала плечами. — Книги, в которых записаны неполные пророчества, часто содержат пустые главы. Это делается для того, чтобы будущие пророки могли вписать недостающие места и закончить пророчество.

Бердина положила кулаки на бедра.

— Да, верно. Но тогда объясни мне еще кое-что. Когда я читаю книгу, я могу вспомнить, что прочла. Даже не понимая, что написано, я могу вспоминать целые абзацы и читать их наизусть. Тогда почему я не могу вспомнить ни слова из того текста, которого здесь нет?

— Самое простое объяснение. Ты не помнишь, что было на пустых страницах, потому что они всегда были пусты. Их просто оставил переписчик.

— Нет, я имею в виду совсем другое. Я могу вспомнить длину пророчества. Ты обладаешь даром и поэтому стремишься понять, о чем говорит пророчество. А я — нет. Но зато я помню, как оно выглядит. То, о котором я сейчас говорю, было длинным. Помню, я еще думала, зачем же делать его таким тяжелым для чтения и понимания.

— Ну, когда ты не понимаешь пророчество, оно вполне может показаться длиннее, чем есть на самом деле.

— Нет! — Бердина нахмурилась. Пролистав книгу и добравшись до последнего пророчества, она перевернула страницу. — Вот последняя страница, а за ней много пустых. Насчет других я не могу быть уверена, но про последнее скажу точно. Вот это пророчество было гораздо длиннее, а сейчас занимает всего одну страницу. Оно неполное.

Верна ожидала именно этой фразы.

— Я многого не понимаю, — продолжала Бердина. — Но я точно помню вот эту часть. Здесь развилка, потом говорится про «орду, которая исказит замысел Создателя» — очень похоже, что речи идет об Имперском Ордене, — но я не могу вспомнить ничего, ни единого слова из того, что было написано после слов «утратят веру в своего вождя».

Бердина помолчала несколько мгновений.

— Я не выдумываю, нет. Здесь точно пропущены страницы. И меня очень волнует вопрос — почему текст, который пропал со страниц, пропал также и из моей памяти?

Наклонившись вперед, Верна пододвинулась ближе. Задумчиво двинув бровью, она сказала:

— Этот вопрос сильнее всего беспокоит и меня, дорогая.

Бердина выглядела ошеломленной.

— То есть ты хочешь сказать, что понимаешь? Понимаешь, что я имею в виду? Ты мне веришь?

Верна кивнула. Уголки ее губ опустились, придавая лицу серьезный и настороженный вид.

— Боюсь, что так. Я вовсе не хотела посеять семена сомнения в твоих мыслях. Я искала подтверждения собственным опасениям.

— Получается, Энн беспокоилась именно об этом? И хотела, чтобы мы все проверили?

— Да, именно так. — Верна начала перебирать книги, стоящие на полках, затем порылась на столе и наконец нашла то, что искала. — Посмотри сюда. Это та книга, которая беспокоит меня больше всего. «Собрание Истоков» — чрезвычайно редкое пророчество, целиком записанное в форме единого повествования. Я читала эту книгу, прежде чем оставить Дворец Пророков в поисках Ричарда. Вообще-то я знала ее наизусть. — Верна перелистнула страницы. — Теперь она пуста. И я не могу вспомнить ни единого слова из нее. Я помню только, что она связана с Ричардом — но понятия не имею, как именно.

Бердина посмотрела на Верну так, как умеют смотреть только морд-сит.

— Другими словами, у нас есть проблема. И эта проблема представляет угрозу для магистра Рала.

Верна глубоко вдохнула и выдохнула. Пламя свечей на ближайшем канделябре колыхнулось в такт ее дыханию.

— Я бы солгала, если бы сказала, что это не так, Бердина. Пропавший текст прямо связан с Ричардом. С событиями, которые

произошли после его рождения. И я не знаю, почему возникла эта проблема, поэтому не могу не беспокоиться.

Бердина разительно изменилась. Теперь в ее поведении сквозила угроза. Из всех морд-сит, которых знала Верна, Бердина была самой добродушной и дружелюбной. Она смотрела на мир совершенно детскими, непосредственными и любопытными глазами. И сколько бы ни выпало трудностей на ее долю, с лица ее не сходила открытая улыбка.

Однако услышав об опасности, угрожающей Ричарду, она мгновенно стала иной. Настороженная, холодная, угрожающая, она снова стала истинной морд-сит.

— Кто мог это сделать? — требовательно спросила Бердина. — И что все это может значить?

Верна захлопнула книгу, не в силах больше разглядывать пустые листы.

— Не знаю, Бердина. Действительно не знаю. Энн и Натан потрясены этой новостью не меньше, чем мы... а ведь Натан — пророк.

— А что означает эта часть, про людей, которые потеряют веру в своего предводителя?

Не обладая даром, Бердина все равно сумела определить ключевой момент в неясном пророчестве.

— Ну, — протянула Верна, тщательно подбирая слова, — я ведь не эксперт по пророчествам, ты же знаешь... мне кажется, это тоже как-то связано с Ричардом.

— Я догадываюсь. Пророчество говорит о том, что люди потеряют веру в него?

— Бердина, пророчества очень редко оказываются простыми и понятными. — Верна страстно желала, чтобы морд-сит посмотрела куда-то еще, а не продолжала сверлить ее глазами. — То, что написано в пророчестве, зачастую имеет весьма туманный смысл и редко связано с тем, что действительно должно произойти.

— Аббатиса, это необычное пророчество. Мне кажется, что оно подразумевает связь между здравостью рассудка вождя и «потерянной верой» в него. Поскольку пророчество касается того, кто

встанет против «орды, осквернившей замысел Создателя», — явно против Имперского Ордена, то речь идет именно о лорде Рале. Отсюда следует, что именно лорд Рал утратит доверие своих подданных. Там упоминается еще о том, что орда разделится — и это уже произошло. Соответственно, пророчество касается настоящего момента, и угроза очевидна.

Верна мысленно пожалела всех тех, кому приходилось так или иначе недооценивать Бердину.

— Мой опыт говорит о том, что пророчества иногда слишком трепетно заботятся о Ричарде, как любящий дедушка.

— Я все равно чувствую опасность.

Верна сложила руки в молитвенном жесте.

— Бердина, ты очень умная женщина. И я надеюсь, что ты поймешь, почему я опасаюсь спорить с тобой на эту тему или даже просто обсуждать ее. Это может оказаться страшной ошибкой. Пророчества всегда за гранью понимания людей, лишенных дара. Ум и способности человека обычно не играют большой роли, ибо пророчества исходят от волшебников и предназначены для волшебников. Причем для тех волшебников, которые обладают точно таким же даром. Даже другие волшебники могут неправильно истолковать пророчество.

Аббатиса помолчала несколько секунд и со вздохом продолжила:

— Даже мы, сестры, способные и искусные чародейки, годами учимся, прежде чем нам позволяют хотя бы взглянуть на пророчество — не говоря уже о том, чтобы попытаться работать с ним. Для тех, у кого нет специальных знаний, может быть очень опасно пытаться истолковывать пророчества. Можно понять слова, но не понять их смысл.

— Звучит глупо. Слова есть слова. У них есть смысл. Это помогает нам понимать мир вокруг нас. Как может пророчество придавать словам другой смысл?

Верна почувствовала себя идущей по тонкому осеннему льду. Один неверный шаг — и ты утонешь в обжигающе холодной воде.

— Я имела в виду не это. Мы используем слова, чтобы понимать мир, но они же могут и искажать его. Если я предскажу тебе,

что в твоей жизни настанет черный день, это может оказаться правдой. Но ты не будешь знать, имею ли я в виду какую-то утрату, которая тебя опечалит, или твою собственную смерть от руки недруга. Слова могут быть истинными, но их точный смысл останется неизвестным. И будет чудовищно несправедливо, если ты бросишься убивать налево и направо из-за страха быть убитой.

Она глубоко вздохнула.

— Непонимание пророчеств вызывало целые войны. Люди умирали сотнями и тысячами из-за непонимания того, что они слышат. Вот почему книги с пророчествами хранятся в глубоких подвалах Дворца Пророков.

— Но эти-то книги не лежат в подвале.

Верна пристально посмотрела на морд-сит и нахмурилась.

— Знаешь, им бы следовало там находиться.

— Ты хочешь сказать, что я не права, потому что верю в пророчество?

Верна снова тяжело вздохнула.

— Я не знаю, права ты или нет. Мы даже не можем исследовать это пророчество, потому что оно неполное. Есть лишь начало, а дальше чистые страницы.

— И что?

— Получается, ты можешь быть права насчет Ричарда, и люди усомнятся в его суждениях, и потеряют веру в него. Но, возможно, пропущенная часть гласит, что на следующий день все изменится, и они будут думать о нем еще лучше, чем прежде. Одно и то же пророчество, с развилкой или без, может означать совершенно противоположные вещи.

— Не вижу, какое слово тут может иметь противоположное значение. И что такого должно случиться в пропущенной части пророчества, чтобы люди изменили свое мнение?

Верна пожала плечами. Рассматривая книжные полки, уходящие в полутемные глубины библиотеки, она несколько минут пыталась придумать подходящий пример.

— Ну, скажем, люди могли подумать, что план битвы несколько... безрассуден. Возможно, офицеры могли его не одобрить. И, как говорит пророчество, могли утратить веру в своего вождя. Но

затем, несмотря на все уговоры военачальников, Ричард мог настоять на своем. Добившись победы, на которую никто не надеялся, солдаты уверовали бы в своего вождя еще сильнее, чем прежде. Но если истолковать пророчество неправильно... если придумать свой собственный смысл и подогнать события под него... так, чтобы со стороны казалось, будто пророчество сбылось, — тогда истинно предсказанные события будут погребены под тяжестью людской глупости и опрометчивых поступков.

Бердина, не сводя глаз с Верны, накрутила локон на палец. Задумчиво потеребив прядь, она кивнула:

— Я думаю, в этом есть смысл. Я понимаю.

— Бердина, пророчества способны запутать даже тех, кто специально учился их истолковывать. А еще хуже то, что, не имея всего текста пророчества, мы не должны даже пытаться понять его. Мы должны иметь на руках полный текст — без него мы будем блуждать вслепую. Это одна из причин, по которой я так обеспокоена.

— Одна из причин? — Бердина пристально смотрела на Верну, продолжая теребить свою косу. — А есть и другие?

— Плохо то, что у нас нет текста, который был здесь раньше. Но еще хуже то, что этот текст просто исчез. Такого никогда не случалось прежде.

— Я думала, ты просила не делать преждевременных выводов.

Верна прокашлялась, выигрывая время. Тонкий лед под ее ногами дал трещину.

— Да, ты права. Но что-то происходит, в этом нет сомнения.

Бердина скрестила руки на груди, обдумывая проблему.

— И что, по-твоему, происходит?

Верна покачала головой. Ее лицо выражало растерянность.

— Не имею ни малейшего представления. И причины, и возможные последствия остаются для меня загадкой.

— Но тебе кажется, что лорду Ралу что-то угрожает.

Верна окинула Бердину быстрым внимательным взглядом.

— Тот факт, что огромное количество пророчеств говорит о нем, не оставляет мне выбора. Ричард рожден под знаком опасности.

Не похоже было, чтобы Бердину воодушевили эти слова.

— Именно поэтому он нуждается в нас, — холодно сказала морд-сит.

— Я и не думаю с этим спорить. Иначе и быть не может.

Бердина немного расслабилась и закинула косу за спину.

— Да, верно.

— Энн ищет его. Будем надеяться, найдет как можно скорее. Он должен возглавить нас в грядущей битве.

Слушая Верну, Бердина сняла с полки одну из книг и задумчиво начала пролистывать страницы.

— Лорд Рал, — сказала она, наконец, — это магия против магии. Мы — сталь против стали.

— Так говорят в Д'Харе. Пророчество гласит, что Ричард поведет нас в последний бой, когда придет время.

— Да, возможно, — пробормотала Бердина, не поднимая взгляда и продолжая просматривать страницы

— Армия Джеганя движется на юг через горы. Мы можем лишь надеяться, что Аннелина найдет Ричарда вовремя и приведет к нам...

Верна замолчала. Бердина продолжала изучать книгу.

— Что значит «место костей»? — неожиданно спросила она.

— То есть? — Верна удивленно посмотрела на морд-сит. — Что ты имеешь в виду?

Бердина задумчиво прикусила нижнюю губу, вычитывая что-то в книге.

— Верна, я взяла эту книгу в руки, потому что прочитала на обложке «*Fuer grissa ost drauka*». Это древний язык Д'Хары. Переводится как...

— Несущий смерть.

Бердина удивленно подняла брови.

— Да. Именно так. Откуда ты знаешь?

— Это очень старое пророчество. Его знают почти все сестры. Мы часто спорили по поводу его содержания на протяжении столетий. В тот день, когда я привела Ричарда во Дворец, он назвал себя «несущим смерть», накрепко связав пророчество с собой. Знаешь, среди сестер поднялась настоящая буря. А потом, однажды, Уоррен показал Ричарду текст пророчества, и Ричард сам

решил эту загадку. Для него она не представляла трудности, потому что он — тот, о ком говорит пророчество.

— В этой книге много пустых страниц.

— Не сомневаюсь. Скорее всего, она говорит о Ричарде. В этой библиотеке вообще довольно много книг, которые упоминают о нем.

Бердина снова перевернула несколько страниц.

— Она на древнем высоком наречии Д'Хары. Я знаю его. Мне нужно поработать с этой книгой, чтобы точнее понять и перевести, и это было бы проще, если бы здесь не было пробелов, но вот это место, — она подчеркнула ногтем строку, — несомненно, говорит о магистре Рале. Здесь говорится что-то вроде «то, что он ищет, хранится среди костей», или даже «то, что он ищет — это погребенные кости». В общем, что-то вроде этого.

Бердина оторвалась от книги и посмотрела на Верну.

— Есть какие-нибудь идеи? Что все это может означать?

— То, что он ищет, хранится среди костей... — Верна покачала головой с легким сожалением. — Нет, я не знаю, что это может значить. Здесь хранятся сотни томов, и в каждом из них можно найти любопытные, или загадочные, или пугающие вещи про Ричарда. Но, поскольку многие записи исчезли, нам это никак не сможет помочь.

— Да, похоже, что так, — разочарованно вздохнула Бердина. — А что такое «главное место»?

— Главное место?

— Да. В книге упоминаются какие-то «главные места», — Бердина уставилась в одну точку, стараясь что-то припомнить. — Главные места. Коло что-то писал об этом.

— Коло?

Бердина кивнула.

— Дневник, написанный во время великой войны волшебников. Лорд Рал нашел его в замке Волшебника, в комнате с колодцем сильфиды. Человека, который вел дневник, звали Колоблицин. На древне-д'харианском это означает «мудрый советчик». Мы с магистром Ралом называли его Коло.

— И что этот Коло писал о «главных местах»? Что это вообще такое?

Бердина перевернула несколько страниц и вздохнула.

— Я не могу вспомнить. В то время я мало что понимала, поэтому не удосужилась запомнить. Мне нужно время, чтобы освежить память. — Она закатила глаза, сосредотачиваясь на своих мыслях. — Что-то погребено в главном месте. Но я не помню, что...

Морд-сит еще раз посмотрела на книгу.

— Надеюсь, эта книга даст мне ключ к пониманию.

Верна опустила голову и тяжело вздохнула:

— Бердина, ты не представляешь, как бы я хотела остаться здесь и изучить все эти книги. Мне безумно интересно узнать, какие же знания хранятся в этом месте... но у нас есть более важные и неотложные дела. Нужно вернуться к моим сестрам и нашей армии.

Верна бросила прощальный взгляд на книжные полки и шкафы.

— Но перед тем, как мы уйдем, я хотела бы проверить еще кое-что. Может быть, ты сможешь мне помочь. Это касается Народного Дворца.

Бердина бережно закрыла книгу и вернула ее на полку.

— Да, аббатиса. Что именно ты хочешь увидеть?

Глава 30

Верна запнулась, услышав долгий одиночный улар колокола.

— Что это было?

— Зовут к обряду, — сказала Бердина, обернувшись к Верне, в то время как звон отдавался в обширных мраморных и гранитных залах Народного Дворца.

Люди, куда бы они ни направлялись, тут же поворачивали и шли к широкому коридору, откуда доносился глубокий, звучный призыв колокола. Казалось, никто не спешил — но все целенаправленно шли на постепенно затухающий звук.

Верна удивленно воззрилась на Бердину.

— Что?

— Обряд. Поклонение. Разве ты не знаешь, что это такое?

— Ты имеешь в виду поклонение лорду Ралу? Изъявление преданности?

Бердина кивнула.

— Колокол оповещает о начале обряда.

Она задумчиво поглядела в направлении зала, куда стекались люди.

Многие из собиравшейся толпы были одеты в длиннополые одежды самых разнообразных неярких цветов. Верна предположила, что в белом с золотой или серебряной каймой ходят служащие разных рангов, которые живут и работают при дворце. Их манеры и осанка подтверждали эту догадку. Все они — от старших распорядителей до посыльных в туниках, отделанных зеленым, с кожаными сумками через плечо, украшенными витиеватой буквой «Р», означающей принадлежность к дому Ралов, продолжали обычные разговоры, даже следуя к месту поклонения. Другие люди, работавшие в бесчисленных мастерских, были одеты сообразно профессии — скорняки, серебряных дел мастера, гончары, сапожники, портные, кухонные работники и слуги, выполнявшие всевозможные работы во дворце, от ремонта до уборки.

Были в толпе и люди, одетые намного проще — фермеры, торговцы и купцы, многие с женами, кое-кто — с детьми. Верна видела множество таких на нижнем плато, служащем основанием Народному Дворцу, или же на устроенных снаружи рынках — это были приезжие, прибывшие торговать или делать покупки. Другие, впрочем, на время пребывания во дворце облачились в пышные наряды. От Бердины Верна узнала, что во дворце были комнаты, которые гости могли арендовать, если желали остаться здесь надолго. Были также и квартиры для множества людей, живущих и работающих во дворце.

Большинство людей в длинных туниках шли спокойно, как будто выполняя обычное ежедневное дело. Пышно разодетые пытались выглядеть так же спокойно и не таращиться на изящную дворцовую архитектуру — но Верна видела, как блуждают их расширенные от любопытства глаза. Просто одетые посетители, вливаясь в людской поток, движущийся к развилке, что вела к залу с колоколом, открыто глазели на все — на высокие статуи мужчин и женщин в горделивых позах, изваянные из пестрого камня,

на полированные колонны, поддерживающие балконы двусветных залов, на пол, выложенный черным гранитом и медовым ониксом.

Верна знала, что каменные полы со столь замысловатыми, точно пригнанными и прочно соединенными узорами могли быть созданы только лучшими умельцами Нового мира. Приступив к обязанностям аббатисы во Дворце Пророков, она столкнулась с необходимостью замены части узорчатого пола, который в туманном прошлом повредили юные ученики-волшебники. Непосредственная причина повреждений и настоящие виновники остались неизвестными из-за круговой поруки сорванцов — но так или иначе, а в результате магических шалостей был разбит длинный участок изящно выложенного мраморного покрытия. Обломки и вылетевшие плитки были убраны, но пол в этом месте десятилетиями оставался поврежденным, залатанный надежным, но неприглядным известняком, в то время как жизнь во Дворце Пророков шла своим чередом. Отношение дворца к мальчикам было снисходительным — отчасти из-за того, что сестры сожалели о необходимости держать молодых людей взаперти против их воли.

Верну всегда раздражало, что урон так и не устранен — прежде всего потому, что это было наглядным знаком излишней мягкости, допускавшей плохое поведение учеников. Ей всегда казалось, что она была единственная — до тех, может быть, пор, пока не пришел Ричард — кому было не безразлично, что такая красота повреждена. Ричард предполагал, что ребята должны нести ответственность за свои действия. Его самого тоже держали во Дворце против воли, но он не выносил бессмысленного разрушения.

Уоррен смотрел на вещи так же, как и Ричард. Возможно, это стало одной из причин, почему они так быстро подружились. Уоррен всегда был серьезен и предан всему, за что брался. Когда Ричард покинул Дворец, Уоррен напомнил Верне, что ей, как новой аббатисе, не нужно больше жаловаться ни на поведение мальчишек, ни на поломку; он воодушевил ее действовать, как она считает нужным. Поэтому она в качестве аббатисы установила новые правила и проследила за окончанием починки пола.

Тогда-то она и узнала кое-что о таких полах; узнала, что среди множества работников, уверявших, что они — мастера-каменщи-

ки, на самом деле настоящих умельцев были единицы. Их можно было различить по работе. Для одних поставленная задача казалась кошмаром, для других — удовольствием.

Она помнила, как горд был Уоррен, что задача выполнена, а мастера найдены самые лучшие. Верне очень его не хватало.

Верна оглядывалась, видела красоту Народного Дворца, искусную работу по камню — но теперь все это не трогало ее. Со смертью Уоррена мир стал тусклым, безынтересным и бессмысленным. Жизнь превратилась в нудное существованием.

По всему Дворцу ходили патрули солдат, настороженных и при оружии; они наверняка не осознавали, даже не обращали внимания на то, сколько воображения, мастерства и усилий вложено в создание такого здания, как Народный Дворец. Они просто были его частью — частью, хранившей в нем жизнь, как и тысячи точно таких же людей, которые в течение столетий ходили по этим залам и оберегали их.

Верна заметила, что одни стражники ходили по залам парами, другие — большими группами. Крепкие молодые люди были одеты в красивые мундиры с наплечниками и нагрудниками из тисненой кожи, все были вооружены — кто мечами, а кто и пиками со сверкающими металлическими наконечниками. Верна заметила особых стражников в черных перчатках, с арбалетами на плечах. Колчаны на их поясах щетинились болтами с красным оперением. Глаза солдат постоянно были в движении, следя за всем происходящим.

— Помнится, Ричард упоминал о таком обряде, — сказала Верна, — но я не думала, что его продолжают выполнять, когда лорда Рала нет во Дворце. Особенно с тех пор, как лордом Ралом стал Ричард.

Верна не хотела, чтобы это звучало пренебрежительно — но, уже произнеся слова, поняла, что так они и прозвучало. Все дело было в том, что Ричард... ну, он Ричард и есть.

Бердина косо посмотрела на Верну.

— Он — лорд Рал, и этим все сказано. Мы связаны с ним ничуть не меньше оттого, что он уехал. Обряд поклонения всегда проводится во дворце, есть ли здесь лорд Рал или нет. И как бы ты к нему ни относилась, он — лорд Рал по всем меркам. Никакого

лорда Рала мы не уважали так, как его. Это делает обряд более значимым и важным, чем когда-либо раньше.

Верна предпочла промолчать, но обожгла Бердину таким взглядом, которым часто пользовалась, будучи и простой сестрой Света — а уж тем более став аббатисой. Хотя она понимала причины, лежащие за этим обрядом, она прежде всего являлась аббатисой сестер Света, преданных исполнению воли Создателя. Живя во Дворце Пророков, она, как и все сестры Света, под влиянием действующего в его стенах заклинания старилась очень медленно и привыкла к тому, что правители приходят и уходят. Сестры Света никогда не склонялись перед кем-либо из них.

Она напомнила себе, что Дворец Пророков остался в прошлом. Теперь большая часть сестер находилась во власти Имперского Ордена.

Бердина подняла руку, обводя жестом дворец вокруг них.

— Лорд Рал сделал все это возможным. Он дал нам родину. Он — наш щит, магия против магии. Под его рукой мы в безопасности. В прошлом у нас были владыки, которые рассматривали преданность как демонстрацию покорности. Но изначально это было всего лишь данью уважения.

Раздражение переполняло Верну. Бердина говорила не о каком-то легендарном предводителе, старом мудром короле — она говорила о Ричарде. Верна уважала и ценила его — но это был всего лишь Ричард. Лесной проводник Ричард.

Однако вслед за вспышкой гнева быстро пришло сожаление о столь недостойных мыслях. Ведь Ричард всегда сражался за правое дело. Он отважно рисковал жизнью за свои благородные убеждения.

Он, именно он был упомянут в пророчестве. Вдобавок он еще и Искатель. Но главное, он — лорд Рал, Несущий смерть, который перевернул мир с ног на голову. Из-за Ричарда Верна сделалась аббатисой. Она не знала, стало это благословением или проклятием.

А еще Ричард — их последняя надежда.

— Что ж, если он не поторопится и не объединится с нами, чтобы повести армию Д'Хары в решающую битву, его некому будет уважать!

Бердина отразила ее полный упрека взгляд и неожиданно свернула в коридор, который вел налево — туда, где звонил колокол.

— Мы — сталь против стали. Лорд Рал — магия против магии. Если он не придет драться с армией, то только потому, что его долг — защищать всех нас от темных сил магии.

— Простодушная тарабарщина, — пробормотала Верна, спеша догнать морд-сит. — Ты куда? — крикнула она вслед.

— На обряд. Все во дворце идут изъявить свою преданность.

— Бердина, — прорычала Верна, хватая морд-сит за руку, — у нас нет на это времени.

— Этот обряд — часть уз, связывающих нас с лордом Ралом. Было бы мудро с твоей стороны поучаствовать в нем — может, тогда ты кое-что вспомнишь.

Верна застыла столбом посреди просторного зала, глядя, как удаляется морд-сит. Верна живо помнила то время, когда узы, связавшие ее с Ричардом, оказались разорваны. Это не продлилось долго — но пока Ричард отсутствовал в мире живых, защита, созданная присягой истинному лорду Ралу, не действовала...

За этот небольшой промежуток времени, когда Ричард покинул их всех, Джегань вторгся во сны Верны, чтобы поработить ее разум. Уоррена он тоже поработил. Было ужасно чувствовать контроль сноходца над собственным сознанием — но еще хуже становилось от понимания, что Уоррен столь же беспомощен. Жестокое присутствие Джеганя господствовало в их жизни полностью, от мыслей до действий. Они не были более властны над собственной волей; только воля Джеганя имела значение. Одно только воспоминание о жгучей боли, которую причиняла эта связь ей — и Уоррену, — вдруг наполнило глаза Верны слезами.

Она быстро смахнула слезы и поспешила за Бердиной. Верне предстояло сделать важные вещи, но она бы потеряла уйму времени в попытках самостоятельно найти дорогу в огромном Народном Дворце. Морд-сит была нужна ей, чтобы показывать путь. Будь дар Верны в ее распоряжении, она сумела бы найти то, что искала, — но в народном Дворце ее Хань был практически бесполезен. Приходилось просто следовать за Бердиной и надеяться,

что они смогут вернуться к делам, не потеряв слишком много драгоценного времени.

Коридор налево вел под внутренним мостом с перилами и балюстрадой из серого мрамора в белых прожилках. На перекрестке четырех коридоров зал превращался в площадь под открытым небом. В центре площади находился квадратный пруд, окруженный невысоким парапетом, служившим для сидения; полированный гранит с вкраплением слюды поблескивал под солнцем. Чуть в стороне от центра пруда над водой возвышался большой, изрытый впадинами камень, а на нем — колокол: очевидно, тот самый, что созывал людей на обряд.

Солнце скрылось, начал накрапывать мелкий дождик. Капли заплясали на поверхности пруда. Верна заметила, что вымостка площади слегка наклонена к водостокам, чтобы справиться с любым потоком воды сверху. Эти водостоки усиливали осознание того, что площадь действительно находится под открытым небом.

Повсюду вокруг люди становились на колени, склоняясь на плиты пола, лицом к пруду, где возвышался уже умолкший колокол.

Досада Бердины испарилась, когда она увидела рядом с собой Верну. Она радостно улыбнулась, а потом сделала странную вещь: взяла Верну за руку.

— Пойдем, я отведу тебя к пруду. Там есть рыба.

— Рыба?

Улыбка Бердины стала шире:

— Да. Я люблю пруды с рыбой.

Они прошли среди уткнувшихся в пол коленопреклоненных людей и добрались до парапета. Им едва хватило места втиснуться между людьми. Верна нагнулась и увидела в воде стайки золотистых рыбок.

— Правда, красивые? — спросила Бердина. Она снова выглядела как маленькая девочка.

Верна озадаченно уставилась на девушку:

— Это же просто рыба!

Бердина, не обратив внимания на ее слова, стала на колени на освободившемся пятачке — люди отодвинулись. Боковым зрением

Верна заметила, что все проявляют уважение к морд-сит, а может быть, и страх. Никто не испугался настолько, чтобы уйти — но люди явно не хотели находиться там, где желала быть Бердина, даже против ее воли. Похоже, их всерьез тревожило и то, что морд-сит притащила с собой на обряд какую-то женщину: а вдруг она — кающаяся грешница, и ее наказание может закончиться кровопролитием?

Бердина оглянулась через плечо на Верну, прежде чем склониться и положить руки на плиты пола. Взгляд призывал Верну сделать то же самое. Верна увидела наблюдающих за ней стражников. Это было сумасшествием; ведь она — аббатиса сестер Света, советник Ричарда и один из ближайших его друзей!

Но стражники-то этого не знали.

Верна прекрасно понимала, что ее сила во дворце не значит ничего. Это было родовое имение дома Ралов. Весь дворец был построен на основании могучего заклинания, с расчетом умножить силу Ралов и подавить дар всех остальных.

Верна вздохнула и опустилась на колени, опершись на руки, как и все прочие. Они расположились близко к водоему, но отверстие в крыше было выполнено по размеру пруда, и капли в основном падали туда — лишь отдельные брызги сносило ветром за его пределы. Несколько капель, упавшие на лоб Верны, освежили ее и остудили пыл негодования.

— Я слишком стара для этого, — шепотом пожаловалась она своей соседке по обряду.

— Аббатиса, вы молодая и здоровая женщина, — проворчала Бердина.

Верна вновь вздохнула. Не было смысла оспаривать глупость стояния на коленях на полу и выказывания преданности человеку, которому она и так уже была в нескольких смыслах предана. Это не просто глупо, а еще и нелепо. И к тому же бессмысленная потеря времени.

— Магистр Рал ведет нас, — завела нестройным хором толпа, склоняясь и касаясь лбами пола.

— Магистр Рал наставляет нас, — продолжали они уже более стройно.

Бердина, прижавшись лбом к полу, ухитрилась бросить на Верну жгучий взгляд. Верна закатила глаза и склонилась, прижимаясь лбом к плитам.

— Магистр Рал защищает нас, — пробормотала она, наконец присоединяясь к обряду, который на самом деле знала и уже однажды воздала эти почести самому Ричарду. — В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Верна кисло подумала, как сможет Ричард кого-либо защитить, если не поторопится и не присоединится к армии.

Толпа снова хором затянула слова преданности.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Верна немного наклонилась к Бердине и прошептала:

— Сколько раз мы должны это повторять?

Бердина, сейчас выглядевшая уже как настоящая морд-сит, пригвоздила Верну к месту строгим взглядом. Она ничего не сказала. В этом не было нужды. Верна узнала этот взгляд. Она сама бесчисленное множество раз использовала его, разговаривая с нерадивыми послушницами или молодыми упрямыми волшебниками-недоучками. Верна обратила взгляд в пол, вновь чувствуя себя послушницей, и тихо проговорила молитву вместе со всеми:

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Единый голос толпы разносил шепот песни преданности по глубоким залам.

После полученного от Бердины взгляда Верна сочла за благо держать возражения при себе и выговаривала молитву вместе со всеми.

Она тихо произносила слова, думая о том, как много раз они оказывались правдой лично для нее. Ричард изменил всю ее жизнь. Верна считала, что самая важная миссия сестер — надевать ошейники на одаренных мальчиков и учить их пользоваться своими способностями. Ричард поколебал ее бездумную веру. Он изменил все, заставил все переосмыслить.

Верна сомневалась, что без влияния Ричарда сблизилась бы с Уорреном, и их нежность друг к другу вряд ли переросла бы в любовь. Ричард дал ей величайшую в ее жизни ценность.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Ритмичный шепот всех собравшихся перерос в благочестивый рокот, который нарастал, пока не наполнил огромный зал.

Верна даже среди толпы чувствовала себя одинокой. Боль от потери Уоррена терзала ее. Она построила стену вокруг своих чувств и не позволяла себе об этом думать, не выказывала боль окружающим, надеясь избавиться от нее, но она все тлела в глубине души. Сейчас острая боль от тоски по Уоррену ошеломила ее. Он — лучшее, что случилось с ней за всю жизнь. И вот его не стало. Слезы безнадежной тоски рвались наружу. Ей было так одиноко.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Верна подавила рыдание, когда вспомнила, как последний раз поцеловала Уоррена, лежащего на смертном одре. Это был самый ужасный миг за всю ее жизнь. Прошло много времени, но казалось, будто это случилось вчера. Боль от потери пронизывала ее до костей.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше

смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Теперь Верна вкладывала в эти слова свои чувства, вновь и вновь, но безо всякой спешки. Шепот песнопения наполнил ее разум. Она зарыдала, вспомнив время, проведенное с Уорреном.

Она помнила его последние слова. «Поцелуй меня, — прошептал Уоррен, — пока я еще жив. И не скорби о том, что кончено, но помни, какую хорошую жизнь мы прожили вместе. Поцелуй меня, любовь моя».

Боль и тоска раздирали ее изнутри. Мир рассыпался пеплом. Все потеряло смысл. Ей больше не хотелось жить.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Верна сдержала рыдания, выпевая слова преданности. Она даже не подумала о том, что кто-нибудь может увидеть ее слезы.

Это было так бессмысленно... Юнец без сколько-нибудь значимых способностей, равнодушный к любым ценностям, бесполезный всем, даже себе самому, убил Уоррена лишь затем, чтобы доказать преданность делу Имперского Ордена. Дело же, в сущности, сводилось к тому, что такие люди, как Уоррен, не имели права жить собственной жизнью, но должны были приносить себя в жертву ради таких вот убийц.

Ричард сражался, чтобы положить конец этому безумию. Ричард всеми силами противостоял тем, кто приносил в мир такую бессмысленную жестокость. Ричард посвятил себя борьбе, чтобы другие не теряли свою любовь, как Верна потеряла Уоррена. Ричард действительно понимал ее боль.

Верна всхлипывала в такт песнопению, позволяя словам течь через себя. Ричард боролся за то, за что она сражалась всю свою жизнь — постоянство, смысл, цель. Преданность такому человеку казалась не богохульством, а совершенно правильным чувством. Учитывая, кем был Ричард и за что боролся, это была скорее преданность самой жизни, чем какой-то сверхъестественной цели.

Ричард был хорошим другом Уоррена, его первым настоящим другом. Ричард вывел Уоррена из тьмы на свет, в мир. Уоррен любил Ричарда.

В тихом песнопении она нашла убежище.

Верна почувствовала, как, пробившись сквозь облака, ее озарил теплый луч солнечного света. Она купалась в мягком золотом сиянии. Тепло, казалось, проникало внутрь и согревало душу.

Уоррен хотел бы, чтобы она приняла ценность жизни, пока была такая возможность.

В любящем прикосновении золотых лучей на нее впервые за долгое время снизошел мир.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Тихое течение слов преданности наполняло ее, стоящую на коленях в теплом золотом сиянии, глубоким спокойствием, безмятежным чувством причастности, которого она никогда не испытывала. Она шептала слова, позволяя им уносить осколки боли. Стоя на коленях, прижавшись лбом к полу, она вкладывала сердце и душу в слова, чувствуя себя свободной ото всех тревог; ее переполняла простая радость жизни, преклонение перед ней. Продолжая петь вместе со всеми, она согревалась. Было так тепло и спокойно. Так хорошо.

Почти как в полных любви объятиях Уоррена.

Она пела со всеми вновь и вновь, останавливаясь, лишь чтобы перевести дух. Время скользило прочь, незаметное, несущественное и неважное в глубине спокойствия, которое она ощущала.

Колокол прозвонил дважды — низкое звучное подтверждение того, что обряд окончен, но душевный покой всегда пребудет с ней.

Почувствовав на плече ладонь, Верна поглядела вверх. Ей улыбалась Бердина. Верна огляделась и увидела, что большинство людей уже покинуло зал. Только она до сих пор стояла на коленях перед водоемом. Рядом на коленях стояла Бердина.

— Верна, с тобой все в порядке?

Она распрямила спину.

— Да... просто на солнце было так здорово.

Брови Бердины поднялись. Она оглянулась на капли дождя, танцующие в пруду.

— Верна, дождь не прекращался ни на миг.

Верна встала и огляделась.

— Но... я чувствовала его. Я видела солнечное сияние вокруг себя.

Бердина, похоже, все поняла и успокаивающе положила руку Верне на спину.

— Я понимаю.

— Правда?

Бердина кивнула с полной сочувствия улыбкой.

— Участие в обряде дает каждому возможность осмыслить свою жизнь и вместе с тем приносит успокоение, всякому — свое. Возможно, кто-то, кто любит тебя, пришел тебя утешить.

Верна поглядела на мягкую улыбку на лице морд-сит.

— А с тобой такое случалось?

Бердина, сглотнув, кивнула. Глаза ее наполнились слезами, доказывая, что такое действительно случалось.

Глава 31

Они шли через Народный Дворец извилистым и запутанным путем, но не потому, что заблудились или сворачивали куда попало на многочисленных перекрестках — прямой дороги здесь просто не было.

Сложное и странное путешествие по лабиринту было необходимо, потому что эти переходы создавались не для удобства передвижения по дворцу. Коридоры и галереи следовали изгибам знаков мощного заклинания, которое некогда начертали прямо на земной поверхности. Верне приходилось и самой чертить подобные знаки — но здесь ее поражало то, что она в буквальном смысле находилась внутри составных элементов заклинания. Это был совершенно новый взгляд на плетение заклятий, и образец выглядел

впечатляюще. Поскольку заклинание дома Ралов действовало до сих пор, это означало, что очертания фундамента должны были вначале быть начертаны кровью... кровью одного из Ралов.

Когда они вдвоем проходили через огромные залы, Верну привела в восхищение их совершенная красота, не говоря уже о размере. Она и до этого видела большие постройки, но величина Народного Дворца просто потрясала. Это здание среди пустынной равнины Азрита больше напоминало город, чем дворец.

Дворец на вершине гигантского плато был только частью исполинского комплекса. Словно пчелиными сотами, недра плато были заполнены тысячами комнат, коридоров и бессчетными лестницами. На нижних террасах плато множество людей предлагало товары и услуги. Чтобы достичь дворца на вершине, нужно было совершить долгое и утомительное восхождение по бесконечным лестничным пролетам, поэтому многие из тех, кто прибыл торговать или делать покупки, занимались этим на нижних уровнях, не желая тратить время на путешествие к самому дворцу. Другие, и таких было даже больше, предпочитали вести дела на рынках под открытым небом, вокруг подножия плато.

Единственная наружная дорога, ведущая на плато, прерывалась подвесным мостом. Не будь он даже так хорошо защищен, все равно напасть на дворец, используя эту дорогу, было бы практически невозможно. Внутри плато скрывалось множество путей наверх, здесь были даже специальные проезды для всадников — но они охранялись тысячами стражников, и в случае необходимости огромные и прочные двери мгновенно захлопывались, пресекая доступ во внутренние покои дворца.

Взгляду Верны и Бердины предстали статуи из черного камня, стоящие по обеим сторонам белокаменного коридора. На гладком мраморе величественных стражей играл свет факелов, отчего они казались почти живыми. Контраст между чернотой скульптур и белым мрамором коридора создавал несколько зловещее впечатление.

Большинство лестниц, по которым они поднимались, были довольно широкими, кое-где — с полированными мраморными

балюстрадами. Разнообразие видов камня во дворце поражало Верну. Казалось, каждый зал, каждый проход и каждая лестница обладали собственным уникальным набором цветов. Немногие подсобные или хозяйственные помещения, через которые Бердина провела ее, были выполнены в скромном бежевом известняке, а более важные общественные зоны сияли яркими цветами контрастных узоров, создающих жизнеутверждающее, приподнятое настроение. Коридоры, предназначенные для служащих, были выложены тщательно отполированным деревом и освещены серебристым светом зеркальных ламп.

Эти служебные коридоры, позволявшие тем, кто работал здесь, сокращать путь, были относительно малы, зато основные галереи имели высоту в несколько этажей. Ряд самых больших проходов — основные линии магической надписи — освещался с помощью окон в крыше дворца, пропускавших свет снаружи. И до самой крыши вздымались грандиозные колонны, стоящие рядами по обеим сторонам коридора. Балконы между этими фигурными опорами были расположены так, что оттуда можно было смотреть на проходящих внизу людей. Кое-где прямо над головами путников нависали мостики, а в одном месте Верна увидела даже два уровня таких мостиков, один над другим.

Временами им приходилось подниматься на эти верхние уровни и проходить по мостикам над коридорами, затем вновь опускаться в какое-то из ответвлений нижних путей только для того, чтобы снова подняться наверх, но уже в другом месте. Но, несмотря на все эти подъемы и спуски, они все же не отклонялись от выбранного маршрута, постепенно поднимаясь все выше и приближаясь к центру дворца.

— Сюда, — сказала Бердина, подойдя к дверям из красного дерева.

Двери были раза в два выше Верны. На поверхности дерева были вырезаны две змеи, по одной на каждой створке. Их хвосты обвивали ветви наверху, а тела свешивались вниз — так что головы змей оказывались на уровне глаз человека. Из раскрытых пастей торчали клыки — рептилии как будто готовились к броску.

На бронзовых ручках дверей чуть ниже змеиных голов виднелась патина, что говорило об их древности. Выполнены они были в виде человеческих черепов в натуральную величину.

— Красиво, — пробормотала Верна.

— Это предупреждение, — сказала Бердина. — Оно запрещает людям подходить к дверям.

— А не могли просто написать на двери «Держитесь подальше»?

— Не все умеют читать. — Бердина подмигнула. — И не все, кто умеет, признаются в этом, когда их задержат после того, как они откроют двери. А эти символы лишают их надежды перешагнуть порог безнаказанно. И не позволяют выдумывать оправдания при встрече со стражниками.

От одного взгляда на эти двери сердце Верны сжалось — и она поняла, что большинство людей в самом деле решит обойти их стороной. Открывая тяжелую створку, Бердина навалилась на нее всем своим весом. За дверью была комната с ковром на полу, выложенная тем же красным деревом, что и двери, но без каких-либо изображений; на страже стояли четверо крепких солдат. Они выглядели даже более грозно, чем бронзовые черепа. Ближайший солдат как бы невзначай преградил им путь.

— Входить сюда запрещено.

Нахмурившись, Бердина обошла его.

— Хорошо. Присматривайте за тем, чтобы так и было.

Помня о том, что во дворце ее сила практически бесполезна, Верна старалась не отстать от Бердины.

Солдат, явно не желающий связываться с морд-сит, тем не менее дунул в свисток. Раздался тонкий пронзительный звук, призывающий других стражников, которые в это время находились в дозоре поблизости. Двое солдат, стоящих дальше, вместе шагнули вперед, загородив проход через комнату.

Один из них поднял руку, как бы вежливо рекомендуя им остановиться.

— Мне очень жаль, госпожа, но, как вам уже сказали и как вы сами должны хорошо знать, входить сюда запрещено.

Бердина положила одну руку на пояс. В другой руке она держала эйджил и во время разговора слегка поигрывала им.

— Поскольку мы с вами служим одному делу, я не стану убивать вас на месте. Скажите спасибо, что сегодня на мне не наряд из красной кожи, а то бы я поучила вас хорошим манерам. Как вам должно быть хорошо известно, морд-сит — личные телохранители самого лорда Рала, и мы можем ходить всюду, где только пожелаем.

Солдат кивнул.

— Мне это хорошо известно. Но я давно не видел вас во дворце...

— Я была с лордом Ралом.

Он прокашлялся.

— Пусть так, но с тех пор наш генерал усилил меры безопасности в этих помещениях.

— Хорошо. Собственно говоря, я нахожусь здесь именно затем, чтобы встретиться с генералом Тримаком и переговорить с ним по этому вопросу.

Стражник склонил голову.

— Очень хорошо, госпожа. Вверх по лестнице. Кто-нибудь вас проводит.

Стражники расступились, и Бердина, лукаво улыбнувшись, проскользнула между ними. Верна последовала за ней по пятам.

Пройдя по тонкому голубому с золотом ковру, они вышли на лестницу из роскошного коричневого мрамора, словно оплетенного паутиной рыжеватых нитей. Верна никогда раньше не видела такого камня. Полированная балюстрада с вазами и широкие, гладкие и холодные на ощупь перила придавали лестнице необычайную красоту.

Остановившись на широкой лестничной площадке и посмотрев вверх, Верна увидела не просто группу стражников, а целый отряд, как будто поджидающий их. Мимо этих людей Бердина не смогла бы пройти так же легко.

— Но что здесь делают все эти солдаты? — негромко спросила Верна свою спутницу.

— Если подняться наверх, а затем спускаться по коридору, — таким же тихим голосом ответила Бердина, — то можно попасть в Сад Жизни. В прошлом у нас там были проблемы.

Верна услышала выкрики отдаваемых приказов, металлический лязг и топот множества ног.

На верхних ступеньках их встретило несколько дюжин стражников, многие с обнаженным оружием в руках. Верна обратила внимание, что здесь было намного больше людей в черных перчатках с арбалетами. Арбалеты были вскинуты и заряжены стрелами с красным оперением.

— Кто здесь главный? — требовательным тоном спросила Бердина, глядя в молодые лица стражников. Те внимательно смотрели на нее — но явно не потому, что их привлекла красота девушки.

— Я, — отозвался человек постарше, проталкиваясь через плотное кольцо солдат. Внимание Верны привлекли не столько его пронзительные голубые глаза, сколько белесые шрамы, проходящие через щеку и челюсть.

Лицо Бердины прояснилось.

— Генерал Тримак!

Командир вышел вперед. Он демонстративно поприветствовал Верну и только после этого уделил внимание Бердине. Верне показалось, что она увидела на его губах легкую улыбку.

— С возвращением, госпожа Бердина. Давненько мы не виделись.

— Кажется, целую вечность. Здорово быть дома. — Она представила свою спутницу: — Это Верна Совентрин, аббатиса сестер Света. Она личный друг лорда Рала и руководит чародеями при армии Д'Хары.

Командир склонил голову, но продолжал смотреть на нее с некоторым подозрением.

— Здравствуйте, аббатиса.

— Верна, это генерал Тримак, начальник Первой когорты внутренней гвардии Народного Дворца Д'Хары.

— Внутренней гвардии?

— Когда лорд Рал пребывает во дворце, мы — стальное кольцо вокруг него, аббатиса. Мы устраняем опасность прежде, чем она приблизится к лорду, — генерал направил взгляд между ними. —

Сейчас расстояние слишком велико, и мы ощущаем только то, что лорд Рал пребывает где-то далеко на западе. Может быть, вы знаете, где именно он находится? Или когда вернется к нам?

— Множество людей желает знать ответ на этот вопрос, генерал Тримак, — сказала Верна. — Это очень длинная нить, и я боюсь, что вы ухватите ее только за самый кончик.

Командир внутренней гвардии был искренне разочарован.

— А что насчет войны? Есть какие-то новости оттуда?

Верна кивнула.

— Силы Имперского Ордена разделились.

Солдаты многозначительно переглянулись. Тримак с тревогой на лице ожидал продолжения.

— Значительную часть своих сил Орден оставил по ту сторону горного хребта, поблизости от Эйдиндрила в Срединных Землях. Часть солдат и нескольких чародеев нам пришлось разместить по эту сторону, для охраны перевалов, чтобы враг не смог перейти через горы и проникнуть в Д'Хару. Большая часть лучших подразделений Ордена сейчас движется по Срединным Землям. Мы считаем, что план врага состоит в том, чтобы стянуть основные силы к дальней стороне гор, а затем совершить обходной маневр и напасть на Д'Хару с юга. Мы выдвигаем нашу основную армию в южном направлении, чтобы встретить врага.

Никто из солдат не проронил ни слова. Слушая, быть может, самые судьбоносные вести за всю их жизнь, они стояли молча, никак не выказывая своих чувств. Это действительно были люди из стали.

Генерал провел рукой по лицу, как будто сам переживал все эти события.

— То есть наша армия, двигаясь на юг, находится недалеко от Дворца?

— Нет. Они все еще довольно далеко на севере. Войска не передвигаются быстро, если это не диктуется крайней необходимостью. Так как расстояние не такое уж и большое, да и Джегань ведет свои отряды в медленном темпе, мы решили, что будет лучше сохранить силы и здоровье людей, чем изнурить их длительным

марш-броском. Бердина и я гнали лошадей изо всех сил, так как мне срочно нужно просмотреть здесь кое-какие книги... это касается магии. И раз уж я здесь, я решила, что мне стоит наведаться в Сад Жизни и удостовериться, что там все в сохранности.

Генерал вздохнул, барабаня пальцами по портупее.

— Я бы помог вам, аббатиса — но у меня приказ сразу от трех волшебников не допускать туда никого. Довольно необычный приказ: никому, даже работникам Сада, не позволено входить внутрь.

Верна нахмурилась.

— Кто эти три волшебника?

— Первый — Зорандер, затем сам лорд Рал и Натан Рал.

Натан. Она должна была предвидеть, что пророк попытается создать видимость собственной значимости во Дворце — несомненно, очень талантливо играя роль Рала-чародея, подобного Ричарду. Верна не знала, что еще мог натворить этот человек в Народном Дворце.

— Генерал, я не только сестра, но и аббатиса сестер Света. Я сражаюсь на той же стороне, что и вы.

— Сестра-а, — протянул он тем обвиняюще-ироничным тоном, каким может изъясняться только армейский офицер. — Да, нас уже навещала прежде одна сестра. Пару лет назад, помните, парни? — Прежде чем снова повернуться к Верне, он оглядел хмурые лица солдат. — Волнистые каштановые волосы до плеч, примерно как у вас, аббатиса. У нее не было мизинца на правой руке. Может, вы ее *тоже* помните? Я думаю, это одна из ваших сестер.

— Одетта, — кивнула Верна. — Лорд Рал рассказал мне о неприятностях, которые она вам доставила. Вам следовало бы сказать «падшая сестра».

— Меня не интересует, какая сторона милости Создателя управляла ею, когда она прибыла сюда. Я знаю только, что она убила почти триста человек, когда прорывалась в Сад. Триста! И приблизительно еще сотню убила, когда покидала Сад. И мы были беспомощны против нее... — Лицо генерала покраснело, и шрамы стали выделяться на нем четче. — Вы знаете, каково это — видеть, как погибают люди, и быть неспособным остановить бойню? Знаете,

как не просто нести ответственность за жизни людей и знать, что твоя задача была не допустить туда опасность... и не мочь справиться с угрозой?

Верна отвела взгляд.

— Мне очень жаль, генерал. Но она сражалась против лорда Рала. А я нет. Я на вашей стороне. Я сражаюсь против таких, как она.

— Может, это все и правда, но приказы Зедда и самого лорда Рала — после того, как он убил ту подлую женщину — запрещают кому бы то ни было еще находиться там. Кому бы то ни было. Даже если бы вы были моей матерью, я все равно не пропустил бы вас туда.

Верна вскинула голову. Кое-что оставалось для нее загадкой.

— Если сестра Одетта смогла пройти туда, и вы вместе с вашими людьми не смогли остановить ее, — она подняла бровь, — то почему вы думаете, что можете остановить меня?

— Я бы не хотел, чтобы до этого дошло — но если понадобится, на этот раз у нас достаточно средств, чтобы выполнить данные нам приказы. Мы больше не беспомощны.

Верна нахмурилась.

— О чем вы говорите?

Командующий Тримак достал из-за пояса черную перчатку и натянул ее, стараясь втиснуть руку как можно плотнее. Двумя пальцами руки в перчатке он осторожно вытянул из колчана на поясе у одного из солдат стрелу с красным оперением. Одна стрела уже была заряжена в арбалет, в колчане остались еще четыре.

Держа стрелу за оперение, генерал Тримак поднес острый наконечник к лицу Верны, чтобы она могла рассмотреть его вблизи.

— Это не просто сталь. Это мощь, способная сразить волшебника.

— Я по-прежнему не понимаю, о чем вы говорите.

— Это магия, которая, как было сказано, может пронзить любой щит, выставленный чародеем.

Верна протянула руку и осторожно коснулась пальцем древка стрелы. Прежде чем она отдернула руку, боль пронзила кисть и запястье. Несмотря на то, что во дворце ее магические способности были ограничены, ей не составило труда ощутить мощную ауру,

которую излучало магическое сплетение вокруг смертоносного острия. Это и в самом деле было могучее оружие. Даже находясь на пике своих сил, чародей все равно оказался бы в смертельной опасности, попади в него такая стрела.

— Если у вас были эти стрелы, то почему вы не смогли остановить сестру Одетту?

— Тогда у нас их еще не было.

Верна еще больше помрачнела.

— Так откуда же вы их взяли?

Генерал улыбнулся, демонстрируя удовлетворение от того, что больше не окажется безоружным в бою с чародеем.

— Когда волшебник Рал был здесь, он спросил меня, насколько надежна наша защита. Я рассказал ему о нападении колдуньи и о том, как беззащитны мы были против ее мощи. Он обыскал дворец и нашел это оружие. Очевидно, оно хранилось в каком-то скрытом месте, откуда только волшебник мог его извлечь. Именно он дал моим людям эти болты и арбалеты, чтобы ими стрелять.

— Как разумно с его стороны.

— Да, действительно.

Генерал аккуратно вернул болт в специальный колчан, сделанный так, что стрелы в нем не соприкасались. Теперь Верна понимала, почему это было необходимо. Она не знала, насколько древнее это оружие — но подозревала, что оно относится еще ко времени великой войны.

— Волшебник Рал проинструктировал нас, как обращаться с этим опасным оружием. — Генерал продемонстрировал свою руку в перчатке. — Сказал, что мы всегда должны надевать это, прежде чем прикасаться к стрелам.

Он снял перчатку и заткнул ее за пояс. Верна скрестила руки на груди, глубоко вздохнула и заговорила, тщательно подбирая слова.

— Генерал, я знала Натана Рала задолго до того, как родилась ваша бабушка. Он не всегда искренен в отношении опасных последствий своих дел. На вашем месте я бы обращалась с этим оружием как можно осторожнее и расценивала бы как вопрос жизни и смерти все, что он говорил вам, даже невзначай.

— Вы считаете его безответственным?

— Не совсем так. Но он склонен преуменьшать все, что могло бы создать ему неудобства. Кроме того, он очень стар и искусен — поэтому иногда может легко забыть о том, насколько у него больше знаний о всяких необычных вещах, чем у простого человека. Или же о том, что многое из доступного ему простой человек, не чародей, не только не сделает, но и понять-то не сможет. Он похож на старика, который иногда забывает предупредить гостей о том, что его собака кусается.

Солдаты изменились в лице. Некоторые убрали руки с колчанов на поясе.

Генерал Тримак коснулся пальцами рукояти короткого меча в ножнах на левом бедре.

— Я принимаю ваше предостережение со всей серьезностью, аббатиса — но и вы должны понимать, что я также со всей серьезностью отношусь к жизням сотен моих людей, которые погибли, когда здесь в последний раз объявилась сестра и мы оказались беззащитны против ее магии. Я отношусь со всей серьезностью и к жизням тех людей, которые сейчас находятся здесь. Я не хочу, чтобы что-то подобное повторилось.

Верна облизала губы и напомнила себе, что этот человек просто выполняет свою работу. Так как она сама утратила во дворце свои способности, то могла понять мучившее его чувство бессилия.

— Я понимаю вас, генерал Тримак, — она убрала со лба прядь волос. — Мне тоже знакома тяжелая ноша ответственности за жизнь других. Несомненно, жизни ваших людей ценны, и так же ценно все, что может помешать врагу отнять эти жизни. Именно поэтому я советую вам быть осторожнее с магическим оружием. Такие вещи, как правило, не предназначены для использования не-чародеями без всякого надзора.

Командир коротко кивнул.

— Мы принимаем ваше предостережение со всей серьезностью.

— Хорошо, тогда вы также должны знать, что предмет, находящийся в той комнате, крайне опасен. Это опасность для всех нас. Будет лучше, если я, пока нахожусь здесь, хотя бы удостоверюсь, что он находится в сохранности.

— Аббатиса, я понимаю, к чему вы клоните — но вы должны понять, что данные мне приказы не допускают исключений. Я не могу позволить вам пройти, просто поверив вашим словам о том, кто вы, и о том, что ваша цель — помочь нам. Что если вы шпионка? Изменница? Сам Владетель во плоти? Хотя вы и кажетесь мне искренней, я не стал бы командующим, если бы позволял красивым женщинам меня переубеждать.

Будучи названной «красивой женщиной» перед всеми этими солдатами, Верна на мгновение смутилась. А генерал тем временем продолжал:

— Но я могу лично подтвердить, что никто — абсолютно никто — не был там с тех пор, как сам лорд Рал побывал там в последний раз. Даже Натан Рал не входил туда. В Саду Жизни все осталось нетронутым.

— Я понимаю вас, генерал.

Ее долго не было во дворце. Она не сказала, где находится Ричард или когда он может вернуться. Раздумывая, она терла пальцами лоб.

— А как вы смотрите на то, если я не буду входить внутрь, а вместо этого только постою в дверях, за пределами Сада Жизни, и загляну туда, дабы своими глазами убедиться, что три шкатулки, которые там хранятся, в сохранности? Пусть даже дюжина ваших людей нацелит мне в спину эти смертоносные стрелы.

Принимая решение, Тримак покусывал губу.

— Хорошо. Спереди от вас, по обе стороны и сзади станут солдаты с арбалетами, держа пальцы на спусковых скобах. Вы можете смотреть в Сад Жизни через дверной проем — но не должны переступать порог под страхом смерти.

Верне и не нужно было подходить к шкатулкам близко. Честно говоря, она и не собиралась к ним приближаться. Она хотела только убедиться, что никто больше к ним не прикасался. В то же время ей не очень нравилась мысль, что легкого движения пальца этих солдат достаточно, чтобы выпустить в нее одну из этих смертоносных стрел. В конце концов, идея проверить шкатулки Одена посетила ее прямо здесь, во дворце. Она прибыла не для этого. Но все же сейчас она была так близко...

— Договорились, генерал. Мне нужно просто увидеть, что они в сохранности, чтобы мы все могли спать немного спокойнее.

— Я тоже всецело за спокойный сон.

Окруженные группой солдат, Бердина и Верна следовали за генералом Тримаком по широкому гранитному коридору. Колонны вдоль стены обрамляли массивные глыбы причудливой формы, похожие на скульптуры. Для Верны они были живым доказательством могущества Создателя, произведениями искусства из его сада — из мира жизни. Когда они проходили через перекрестки, эхо разносило по просторному коридору звук их шагов. Эти перекрестки были пересечениями главных линий заклинания, которые сходились в едином центре, и этим центром был Сад Жизни.

Наконец они оказались перед двойной дверью, покрытой изображениями лесов и холмов на золотых пластинах.

— За ними находится Сад Жизни, — спокойным голосом произнес генерал.

Как только солдаты окружили Верну и подняли арбалеты, генерал начал открывать одну из больших створок.

Солдаты, стоящие сбоку и сзади, направили наконечники стрел в голову Верне. Четверо, ставших спереди, прицелились в сердце. Ее успокаивало только то, что никто не нацелил оружие в лицо. Ей подумалось, что все это довольно нелепо, но, вспомнив, как серьезно настроены солдаты, она отбросила эту мысль.

Когда позолоченная дверь широко раскрылась, Верна вместе с кругом своих личных убийц подошла ближе к проему. Чтобы что-то увидеть, ей пришлось вытянуть шею, и в конце концов она осторожно попросила одного из солдат отойти немного в сторону и не заслонять ей обзор.

Стоя в довольно тускло освещенном коридоре, Верна заглянула в проем и увидела сад во всей его красе, залитый светом, лившимся прямо с неба через окна высоко над головой. Ее поразило, что конечный пункт ее пути к центру Дворца, Сад Жизни, выглядел просто как... как густой сад. Ее взору открылись петляющие между клумбами аллеи. Земля была усыпана лепестками, частью сохранившими густо-красный или желтый цвет — но большинство из них уже давно засохли и сморщились. За клумбами росли

небольшие деревья, а за ними виднелись низкие каменные стены, оплетенные виноградной лозой. Между стенами уместились разнообразные кусты и декоративные растения. Из-за отсутствия надлежащего ухода они были в жалком состоянии — одни отягощены новыми побегами и требовали подрезки, другие подверглись наступлению коварной лозы. Все указывало на то, что генерал Тримак сказал правду, и никого, даже садовников, сюда давно не допускали.

Во Дворце Пророков сад был комнатным и размещался на значительно меньшей площади. Там была система каналов, по которым сад постоянно снабжался дождевой водой из бочек на крыше. Заметив в углу похожие трубы, Верна поняла, что сюда также поступает собранная на крыше дождевая вода — иначе деревья и кусты под этим ярким светом просто высохли бы.

В центре помещения находилась лужайка в форме почти ровного круга, поросшая травой, с глыбой белого камня посередине. На камень опирались два приземистых рифленых пьедестала, поддерживающих гладкую гранитную плиту.

Гранитный алтарь венчали три шкатулки. Их поверхность была такого бездонного матово-черного цвета, что Верне даже показалось удивительным, почему они не поглощают свет окружающего пространства и не погружают комнату и весь свет в вечную тьму подземного мира. От одного только вида этих зловещих предметов к горлу подступал комок.

Верна знала, что три шкатулки — это врата, и в этом слове содержалась вся их суть. В данном случае вместе они представляли собой врата, соединяющие мир жизни с миром смерти. Врата были сотканы из магии обоих миров. И если когда-нибудь этот путь будет открыт, то грань сотрется, и ничто уже не сдержит того, кто не имеет имени... Владетеля мертвых.

Так как эта информация содержалась в тщательно оберегаемых книгах, всего несколько человек во Дворце Пророков знали древнее название врат — шкатулки Одена. Три шкатулки составляли врата только вместе. Как считали все во Дворце Пророков, врата были утеряны уже более чем три тысячи лет назад. Все думали, что они пропали, растворились, исчезли навсегда. На протяжении

столетий шел спор о том, существовали ли врата когда-либо вообще. И даже вопрос о возможности существования таких врат служил темой множества жарких теологических дебатов.

Но врата — шкатулки Одена — все же существовали, и Верне было непросто оторвать от них взгляд.

Вид этих отвратительных предметов заставлял ее сердце биться чаще. Одежда пропиталась холодным потом.

Неудивительно, что три волшебника приказали генералу не впускать никого в комнату. Верна уже по-иному думала о Натане и том опасном оружии, которым он снабдил стражу.

Когда Даркен Рал завладел шкатулками и хотел использовать их, чтобы захватить власть над всем миром жизни, с них был сорван украшенный драгоценностями покров, и зловещая чернота осталась неприкрытой. К счастью, Ричард пресек преступные замыслы своего отца.

Однако укради кто-нибудь шкатулки сейчас, это бы не принесло вору никакой выгоды. Чтобы понять, как применить магию Одена и как действуют врата, нужно было знать слишком многое. Часть этих знаний была скрыта в книге, которая уже не существовала — разве только в памяти Ричарда. Собственно, благодаря знанию этой книги ему и удалось победить Даркена Рала. Кроме того, вору понадобились бы как Магия Приращения, так и Магия Ущерба, чтобы открыть врата или самому завладеть силой Одена.

Каждый, у кого хватило бы глупости иметь дело с такими ненадежными предметами, подвергся бы реальной опасности.

Видя три шкатулки нетронутыми и в том самом месте, где Ричард, по его словам, их оставил, Верна вздохнула с облегчением. На данный момент не существовало более безопасного места для хранения такой опасной магии. Возможно, когда-нибудь Верна поможет найти способ разрушить врата — если это вообще осуществимо. — Но сейчас они в безопасности.

— Благодарю, генерал Тримак. Я с облегчением убедилась, что все в порядке.

— Так будет и дальше, — ответил он, с силой налегая на дверь. Она закрылась беззвучно. — Никто, кроме лорда Рала, не войдет туда.

Верна улыбнулась ему.

— Хорошо. — Она окинула взглядом великолепный дворцовый зал, поражаясь иллюзии стабильности, мира и безопасности, которая царила вокруг. — Боюсь, нам пора в путь. Мне нужно вернуться к войскам. Я скажу генералу Мейфферту, что здесь во дворце все в надежных руках. Будем надеяться, что лорд Рал вскоре присоединится к нам, и мы сможем остановить Имперский Орден, не допустить врага на наши земли. Пророчество гласит, что если лорд Рал возглавит нас в решающей битве, появится шанс сокрушить Имперский Орден или даже загнать его обратно в Древний мир.

Генерал угрюмо кивнул.

— Да пребудут с вами добрые духи, аббатиса.

Вместе с Бердиной Верна покидала запретную территорию, отдаляясь от Сада Жизни. Спускаясь по лестницам, она с облегчением думала о том, что возвращается к армии. Недолгое пребывание во дворце укрепило ее чувство долга и ощущение единства с тем, что при Ричарде стало Д'харианской империей. Более того, ей казалось, что она стала больше ценить жизнь.

Но если Ричард не найдется и не поведет войска в бой, когда они наконец встретятся лицом к лицу с Имперским Орденом, то задача остановить армию Джеганя станет равносильна самоубийству.

— Аббатиса... — обратилась к ней Бердина, когда они закрыли за собой дверь с изображением змеи. Верна подождала, пока она уберет ладонь с бронзового черепа.

— Что, Бердина?

— Я думаю, мне нужно остаться здесь.

— Остаться? — Верна встретилась с морд-сит глазами. — Но почему?

— Если Энн найдет лорда Рала и доставит его в армию, у него будешь ты и много других морд-сит для охраны — и он будет там, где, как ты сказала, ему нужно быть. Но, возможно, Энн не найдет его.

— Должна найти. Ричард тоже знает о пророчестве, знает, что должен явиться ко дню решающей битвы. Даже если Энн не найдет его, я верю, что он сам присоединится к нам.

Бердина пожала плечами, с трудом подбирая нужные слова.

— Может быть. Но может быть, и нет. Верна, я провела с ним много времени. У него другое ощущение. Он не придает пророчеству такого значения, как ты.

Верна вздохнула.

— Это не так, Бердина. Хотя лорд Рал никогда не жил здесь, не считая того времени, когда был узником, это все же его родной дом. Он любил нас как свой народ и как своих друзей. Я тоже состояла при нем; я знаю, как он беспокоится о нас, и знаю, что он чувствует, как мы все беспокоимся о нем. Быть может, у него возникнет душевная потребность вернуться домой.

— Если так, то я тем более должна остаться здесь ради него. Я нужна ему, чтобы помочь с книгами, с переводами — по крайней мере, мне хотелось бы верить, что это так. Он заставляет меня чувствовать, что я важна для него. Не могу выразить свои ощущения, но пойми: мне просто нужно оставаться во дворце на случай, если он появится здесь, вот и все. Если это произойдет, кто-то должен будет рассказать ему о том, как отчаянно ты его ищешь, рассказать о грядущей битве.

— Твое чутье не подсказывает тебе, где он?

Бердина указала на запад.

— Где-то в этом направлении, но очень далеко.

— То же самое сказал и генерал. Это означает только то, что Ричард опять в Новом мире... скорее всего. — Верна нашла повод для улыбки. — Но и это уже не мало. Здорово это знать.

— Чем ближе к нему те, кто связан с ним душевными узами, тем больше они помогут тебе искать его.

Верна на мгновение задумалась.

— Хорошо, Бердина, мы расстанемся, хотя мне будет не хватать тебя. Думаю, ты должна поступать так, как считаешь нужным, и, признаю, твои слова не лишены смысла. Чем больше мест, где мы будем ждать появления Ричарда, тем больше шансов найти его, когда придет время.

— Я действительно думаю, что приняла правильное решение. Кроме того, я хочу изучить здесь некоторые книги и проверить кое-какие утверждения Коло. Несколько вопросов особенно беспокоят

меня. Может быть, если я разберусь с ними, то даже смогу помочь лорду Ралу выиграть битву.

Верна невесело улыбнулась и кивнула.

— Проводишь меня?

— Конечно.

Обе обернулись на звук шагов. Это была другая морд-сит, в алом кожаном одеянии. Светловолосая, выше Бердины. Пронизывающий взгляд ее голубых глаз остановился на Верне, выражая абсолютную, бесстрашную уверенность.

— Найда! — окликнула ее Бердина.

Подойдя к ним, женщина изобразила уголком рта подобие улыбки. Она положила руку на плечо Бердины. Верна знала, что среди морд-сит такое приветствие было равнозначно крепкому, радостному объятию.

Найда смотрела на Бердину, словно пожирая ее глазами.

— Давно не виделись, сестрица Бердина. Д'Хара без тебя скучала. Добро пожаловать домой.

— Я рада быть дома и снова видеть тебя.

Взгляд Найды скользнул в сторону Верны. Бердина опомнилась и сказала:

— Сестра Найда, это Верна, аббатиса сестер Света. Она друг и советник лорда Рала.

— Он уже на пути сюда?

— К сожалению, нет, — ответила Бердина.

— Так вы родные сестры? — спросила Верна.

— Нет, не в этом смысле, — Бердина выразительно махнула рукой. — Ведь и ты также называешь своих единомышленниц «сестрами». Найда — моя старая подруга.

Найда огляделась.

— Где же Райна?

Услышав это имя, Бердина побледнела. Ее голос опустился до шепота:

— Райна погибла.

На лице Найды не отразилось никаких эмоций.

— Я не знала об этом, Бердина. Она пала достойно, с эйджилом в руке?

Бердина опустила глаза и сглотнула.

— Она умерла от чумы. Боролась с ней до своего последнего вздоха... но в конце концов болезнь победила. Она умерла на руках у лорда Рала.

Верне показалась, что она заметила, как глаза Найды чуть-чуть увлажнились.

— Мне так жаль, Бердина.

Бердина подняла глаза.

— Лорд Рал плакал, когда она умирала.

По изумлению в глазах Найды Верна поняла: ей не доводилось слышать, чтобы лорда Рала беспокоило, жива морд-сит или мертва. Судя по ее удивленному взгляду, такое отношение к одной из них воспринималось как высочайший почет.

— Я слышала подобные истории об этом лорде Рале. Так значит, это все правда?

Бердина тепло улыбнулась.

— Да, это правда.

Глава 32

— Что такое увлекательное ты читаешь? — спросила Рикка, толчком плеча захлопывая тяжелую дверь.

Неодобрительно хмыкнув, Зедд посмотрел на нее поверх лежащей перед ним раскрытой книги.

— Пустые страницы.

Через круглое окно слева ему были видны крыши домов раскинувшегося внизу Эйдиндрила. В золотом свете заката город выглядел красиво. Жаль, что это была только иллюзия красоты. Жители поспешили спастись бегством до появления полчищ захватчиков, и без них город теперь был просто пустой, безжизненной шелухой, как оставленный цикадой кокон.

Рикка наклонилась над прекрасным полированным столом и заглянула в книгу.

— Они вовсе не пустые, — сказала она. — Тут много чего написано. Ты не можешь прочесть то, чего нет. Следовательно,

читаешь написанное, а не пустые места. Если уж тебе не удается быть честным, хоть бы постаралась точнее высказываться!

Зедд нахмурился и неодобрительно поглядел на нее.

— Иногда то, что не сказано, важнее того, что сказано. Ты когда-нибудь задумывалась об этом?

— Ты просишь меня замолчать?

Она поставила на стол большую деревянную миску с обедом. Поднимающийся от него пар наполнил комнату запахами лука, чеснока, овощей и сочного мяса.

— Нет. Я требую этого.

Через круглое окно справа Зедд видел темные стены величественной твердыни. Построенный на той стороне горы, что нависала над Эйдиндрилом, замок Волшебника сам был как гора. Как и город, он тоже пустовал — за исключением Рикки, Чейза, Рэчел и его самого. Однако до того времени, когда в замке появятся жители, оставалось недолго. Скоро здесь наконец-то опять поселятся семьи. Пустые коридоры наполнятся смехом и радостью, как уже было в те времена, когда множество людей называло замок своим домом.

Рикка тем временем, послушно замолчав, рассматривала содержимое полок в этой круглой комнате башни. Они были заставлены колбами и кувшинами разнообразной формы, искусно раскрашенными стеклянными сосудами с магическими ингредиентами — а также со средством для полировки стола, резного дубового кресла с прямой спинкой, сундука, что стоял возле кресла, и книжных шкафов. Но большую часть этих шкафов и полок занимали книги на многих языках. Самые большие фолианты хранились в угловых шкафах с прозрачными дверцами.

Склонившись над полкой, Рикка изучала надписи на позолоченных корешках.

— Ты и вправду читал все эти книги?

— Да, — пробормотал Зедд, — много раз.

— Скучно, наверное, быть чародеем, — сказала она. — Надо так много читать и думать. Куда проще получать ответы, пуская людям кровь.

— Бывает, что в агонии люди становятся очень словоохотливыми, — хмыкнул Зедд. — Но как правило, они говорят лишь то, что, по их мнению, ты хочешь услышать — неважно, правда это или нет.

Она вытащила одну книгу, пролистала и поставила на место.

— Именно поэтому нас обучают допрашивать людей с помощью особых методов. Мы показываем им, насколько будет больнее, если они будут лгать. Поняв глубоко плачевные последствия лжи, люди начинают говорить правду.

Зедд слушал ее вполуха. Он пытался понять, что может значить один из отрывков пророчества. Каждый новый вариант толкования только портил ему аппетит. На столе ждала ароматная миска. Он вдруг понял, что девушка вертится здесь, дожидаясь, когда он скажет что-нибудь про обед. Возможно, она ждала похвалы.

— Так что у нас на обед?

— Тушеное мясо.

Зедд вытянул шею и заглянул в миску.

— А где сухарики?

— Сухариков нет. Я приготовила тушеное мясо.

— Да, тушеное мясо. Я вижу, что это тушеное мясо. И я спрашиваю, где сухарики к тушеному мясу?

Рикка пожала плечами.

— Могу принести свежего хлеба, если хочешь.

— Но это же тушеное мясо! — сердито воскликнул он. — К тушеному мясу нужно подавать настоящие сухарики, а не хлеб!

— Если бы я знала, что ты хочешь на обед сухарики, то приготовила бы их, а не тушеное мясо. Надо было раньше говорить.

— Я не хочу сухариков *вместо* тушеного мяса, — прорычал Зедд.

— Ты сам не знаешь, чего хочешь, когда сердишься, не так ли?

Зедд скосил на нее один глаз.

— Ты действительно искусна в пытках.

Она улыбнулась и царственным шагом покинула комнату. Зедд подумал, что морд-сит, должно быть, держатся с достоинством, даже находясь в одиночестве.

Он снова погрузился в изучение книги, пытаясь взглянуть на проблему с разных точек зрения. Но только он успел пару раз

перечесть абзац, как щелкнула задвижка и в комнату, шаркая ногами, вошла Рэчел, неся в обеих руках блюдо с крышкой. Дверь за собой она закрыла пинком.

— Зедд, ты должен отложить свою книгу и поужинать.

Зедд улыбнулся девочке. Она всегда вызывала у него улыбку. Это было просто заразительно.

— Что у тебя там, Рэчел?

Она подошла и поставила на стол оловянное блюдо, затем подтолкнула его через стол в сторону волшебника.

— Сухарики.

Зедд с изумлением приподнялся и заглянул под крышку.

— Где ты взяла сухарики?

Рэчел замигала глазами, как будто это был самый странный вопрос, который она когда-либо слышала.

— Они тебе на ужин. Рикка попросила отнести их тебе. У нее руки были заняты мисками с тушеным мясом для тебя и для Чейза.

— Ты не должна помогать этой женщине, — мрачно сказал Зедд, опускаясь обратно на стул. — Она — зло.

Рэчел захихикала.

— Ты глупый, Зедд. Рикка рассказывает мне сказки о звездах. Она рисует картинки, а потом про каждую картинку рассказывает сказку.

— Вот как! Ну что же, это очень мило с ее стороны.

Темнело, читать становилось трудно. Зедд взмахнул рукой, посылая искры магического огня ко множеству свечей в железном канделябре тонкой работы. Маленькая уютная комната озарилась теплым светом, от пола до тяжелых дубовых балок под потолком.

Рэчел улыбнулась, ее глаза засияли одновременно от отразившихся в них огоньков свечей и от изумления. Ей нравилось смотреть, как он зажигает свечи.

— Твоя магия — самая-самая лучшая, Зедд.

Зедд вздохнул.

— Я бы не хотел, чтобы ты уезжала, малышка. Рикка бы не оценила этот фокус со свечами.

— Ты будешь по мне скучать?

— Пожалуй, нет. Просто не хочу оставаться наедине с Риккой, — сказал он, перечитывая последнюю строку.

«Поначалу они будут спорить с ним, а потом договорятся об исцелении». Что это может значить?

— Может, ты попросишь Рикку рассказать тебе сказку про звезды. — Рэчел с коварным видом обошла стол. — Тебя ждет что-то жуткое, Зедд.

Зедд посмотрел на нее поверх книги. Рэчел распростерла руки, ожидая объятия. Не в силах сдержать улыбку, он сгреб ее в охапку. На свете было не так много радостей, равных объятиям Рэчел. Она была мастером объятий, вкладывая в них всю силу своей восторженности.

— Ты хорошо обнимаешься, Зедд. Ричард тоже хорошо обнимается.

— Да, хорошо.

Зедд вспомнил себя в этой же самой комнате очень давно, когда его собственная дочь была примерно того же возраста, что и Рэчел. Она бы тоже зашла к нему и захотела объятий... Но теперь единственным, что осталось для него из прошлого, был Ричард. Зедд очень скучал по нему.

— Я буду по тебе скучать — но до того, как ты об этом узнаешь, ты вернешься сюда со всей своей семьей. У тебя будут братья и сестры, и ты будешь играть с ними, а не со мной, стариком. — Зедд посадил ее к себе на колено. — Будет здорово, когда вы все будете со мной в замке Волшебника. Крепость наполнится жизнью и радостью.

— Рикка сказала, что после того, как моя мама сюда придет, ей больше никогда не надо будет готовить.

Зедд отхлебнул тепловатого чая из оловянной кружки, что стояла на крышке сундука рядом с ним.

— Скорей бы.

Рэчел кивнула.

— И еще она сказала, что моя мама заставит тебя причесаться.

Она протянула руки, желая, чтобы он поделился с ней своим питьем. Он дал ей глотнуть чая и встряхнул головой.

— Причесаться?

Рэчел серьезно кивнула.

— У тебя волосы торчат во все стороны. Но мне они нравятся.

— Рэчел, — сказал Чейз, проходя в комнату через закругленный сверху дверной проем, — ты опять отвлекаешь Зедда?

Рэчел покачала головой.

— Я ему сухарики принесла. Рикка сказала, что он любит есть сухарики с тушеным мясом, и я должна ему принести полное блюдо.

Чейз подбоченился:

— И как же он собирается есть свои сухарики, когда у него на коленях сидят противные дети? Да ты ему весь аппетит испортишь!

Рэчел со смехом спрыгнула на пол. Зедд снова склонился над книгой.

— Вы уже все собрались?

— Да, — ответил Чейз. — Я хочу начать пораньше. Мы отправимся завтра же с утра, если у вас ничего не изменилось.

— Нет-нет, чем скорее ты вернешься сюда с семьей, тем лучше. Мы все будем спать спокойнее, когда они будут здесь, все вместе, где им ничто не угрожает...

Чейз нахмурился.

— Зедд, в чем дело? Что не так?

Зедд мрачно посмотрел на него.

— Не так? Ничего. Все в порядке.

— Он просто зачитался, — заверила Чейза Рэчел, прильнув к его ноге и погладив по колену.

— Зее-едд! — требовательным тоном протянул Чейз, давая понять, что не поверил его словам.

— С чего ты взял, будто что-то не так?

— Ты ничего не ел. — Одна рука Чейза свободно лежала на деревянной рукояти длинного ножа за поясом, другой он гладил золотые волосы Рэчел. К его поясу и ногам было пристегнуто не меньше дюжины ножей разного размера. Когда утром он отправится в путь, то добавит к ножам мечи и топоры. — А это может значить только то, что дело плохо.

Зедд захрустел сухариками.

— Вот, — пробурчал он с набитым ртом. — Доволен?

Пока Зедд прожевывал, Чейз наклонился к девочке.

— Рэчел, иди к себе в комнату и заканчивай сборы. И я надеюсь, что твои ножи будут начищены и заточены.

Она согласно кивнула.

— Обязательно, Чейз.

Жизнь Рэчел была тяжела для такой крохи. По некоторым причинам, которые всегда казались Зедду подозрительными, она всегда оказывалась в центре важных событий. Когда Чейз приютил осиротевшую девочку, чтобы воспитать ее как собственную дочь, Зедд сам убедил его обучить ребенка самозащите, научить тому, что умеет он сам, чтобы она могла постоять за себя. Рэчел обожала Чейза и охотно осваивала все премудрости самозащиты. Своим маленьким ножом она могла с десяти шагов пригвоздить муху к стене.

— И ложись пораньше спать, тебе надо отдохнуть, — продолжал Чейз. — Я не буду тебя нести, если устанешь.

Рэчел хитро взглянула на него.

— Значит, понесешь меня, если я не устану.

Чейз бросил на Зедда грустный взгляд, но тут же изменил его на показную сердитость, обращаясь к Рэчел.

— Нет уж, завтра тебе придется идти самой.

Рэчел с серьезным видом кивнула, ничуть не устрашенная этим обещанием возвышающегося над ней опекуна. Затем она взглянула на Зедда:

— Ты придешь пожелать мне спокойной ночи?

— Конечно, — ответил Зедд с искренней улыбкой. — Я зайду чуть позже, чтобы поправить тебе одеяло.

Он подумал: а Рикка зайдет к ней в комнату, чтобы рассказать сказку? При мысли о морд-сит, забавляющей ребенка историями о созвездиях, на душе становилось теплее. Так влияло присутствие Рэчел на всех.

Через дверной проем Чейз наблюдал, как его дочь сбегает вниз по широкой лестнице. Зедд был благодарен судьбе за то, что Рэчел попала в замок Волшебника. Она немедленно освоилась в нем

и теперь весело носилась по залам, возведенным несколько тысяч лет назад. Она была понятлива и никогда не выходила за пределы той части замка, где Зедд разрешил ей находиться. Это дитя понимало, что такое опасность. Выбежав на крепостную стену, Рэчел на мгновение остановилась, чтобы взглянуть через проем между зубцами на раскинувшийся внизу город, а затем побежала дальше. Зедду казалось чудом, что девочка бегала так быстро на таких тоненьких ножках.

Как только Чейз убедился, что она удалилась, он закрыл тяжелую дубовую дверь и шагнул ближе к столу. Из-за его громадной фигуры уютная комната, которую Зедд всегда считал вполне удобной, показалась вдруг тесной.

— Итак, в чем дело?

Он явно не собирался сдаваться, пока не узнает больше. Зедд вздохнул и развернул книгу так, чтобы Чейз мог читать.

— Взгляни и сам скажи.

Чейз бросил взгляд на древнюю книгу. Перевернул левую страницу разворота, правую, аккуратно опустил ее.

— И все-таки, в чем дело? Я не вижу здесь ничего такого, о чем стоило бы переживать.

Зедд прищурился.

— В этом и проблема.

— Что ты имеешь в виду?

— Это книга пророчеств. И она должна содержать соответствующие тексты. Книги без текста не бывает, но все же это именно так — текст пропал.

— Пропал? — Чейз почесал седеющий висок. — Ничего не понимаю. Как текст мог пропасть? Не мог же кто-то похитить слова прямо со страниц?

Это была интересная точка зрения — насчет кражи слов. Прослужив большую часть своей жизни на границе — пока несколько лет назад граница не пала, — Чейз был из тех людей, кто при любом недоразумении прежде всего заподозрит кражу. Зедду такая возможность и на ум не приходила. Он сразу же углубился в неразведанный лабиринт новых мыслей.

— Я не знаю, как слова могли пропасть, — сообщил он, отхлебнув глоток чая.

— О чем эти пророчества? — спросил Чейз.

— Как ни удивительно, в основном они касаются Ричарда.

Судя по непоколебимому внешнему спокойствию Чейза, в душе у него нарастало волнение.

— Ты уверен, что текст тут был? — спросил он. — Если книга старая, возможно, ты просто забыл, что тут были пустые страницы. В конце концов, перечитывая книгу, обычно вспоминаешь текст, а не пустые места.

— Что правда, то правда, — Зедд отставил свою оловянную кружку. — Я не могу с уверенностью сказать, что все страницы были исписаны. Но ручаюсь, что столь много пустых страниц в этой книге никогда не было. А теперь это именно так.

Выражение лица Чейза никак не отражало его чувств, пока он размышлял над загадкой.

— Ну ладно, я согласен, что все это довольно странно... Но разве это такая большая проблема? Ричард не склонен верить в пророчества и обычно обходится без них!

Зедд встал и выразительно постучал по книге пальцем.

— Чейз, эта книга тысячу лет находилась здесь в замке. И всю эту тысячу лет в ней был записан текст пророчества. Я в этом уверен. А теперь вдруг там пусто. Это, по-твоему, нормально?

Засунув руки в карманы, Чейз пожал плечами.

— Не знаю, Зедд. Я не знаток таких вещей. Но я думаю, что если уж ты решил обратиться ко мне с вопросами о книге пророчеств, то у тебя действительно серьезные трудности. Кто из нас волшебник — ты или я?

Опершись руками о стол, Зедд наклонился вперед.

— Я не могу вспомнить ничего из того, что раньше было в этой книге. И я не могу припомнить ничего о пустых местах во всех других книгах пророчеств, из которых пропал текст.

Чейз помрачнел.

— А есть и другие?

Приглаживая рукой волосы, Зедд кивнул. Он посмотрел на оконное стекло, пытаясь различить в нем свое отражение, но безуспешно — за окном было еще слишком светло.

— Мне нужно расчесать волосы? — Он снова взглянул на Чейза. — Они сильно торчат?

Чейз вскинул голову.

— Что?

— Неважно, — отмахнулся Зедд. — Все дело в том, что я обнаружил пустые места во многих книгах пророчеств, и это ставит меня в тупик.

Чейз переступил с ноги на ногу и скрестил руки. Свел брови над переносицей. Теперь уже он выглядел серьезно обеспокоенным — а зная Чейза, можно было предположить, что он прикидывает, скольких людей ему придется отправить на тот свет в связи с этим.

— Может, мне лучше пока остаться? Нам не обязательно отправляться завтра. Мы можем подождать, пока ты разберешься, действительно ли это грозит нам бедой.

Зедд тяжело вздохнул, сожалея о том, что вообще начал этот разговор. Эта задача была не для Чейза. Зедд не стал бы заставлять перенапрягаться человека, который ее совершенно не понимал и, соответственно, не мог ничего сделать. Не стоило заговаривать об этом. Но произошедшее столь странно...

— Оставаться не стоит. Это не та проблема, которую можно взять за рога и повалить. Тут загвоздка в книгах. Не хочу, чтобы ты переживал из-за нее. Это мое дело, и рано или поздно я с ним разберусь. Я только хотел узнать твое мнение. Иногда для анализа очень важны свежие идеи.

Чейз провел пальцем по странице.

— Ну ладно, а что означает последняя часть? Вот это: «*Поначалу они будут спорить с ним, а потом договорятся об исцелении*»? Ты сказал, что это пророчество о Ричарде. Это похоже на опасность — кто-то собирается с ним бороться!

— Нет, не обязательно. — Зедд провел рукой по губам, раздумывая, как это объяснить. — Слово «спорить» в пророчествах

часто означает просто «что-то замышлять». Например, задумать какие-то действия. В данном случае речь идет о его ближайших советниках и союзниках, поэтому слова о споре и излечении скорее всего означают, что вначале Ричарда будут убеждать, чтобы он принял их помощь, и в конце концов убедят, а затем эти союзники — быть может, кто-то из нас — вознамерится как-то излечить его.

— От чего?

— Не сказано.

— Значит, ничего серьезного.

Зедд бросил на стража границы выразительный взгляд.

— Вероятно, об этом говорилось в той части, которой теперь нет.

— Значит, это серьезно. Ричард в беде. Ему нужна помощь. Возможно, он ранен.

Зедд печально покачал головой.

— По своему опыту могу сказать, что пророчество редко бывает столь уж конкретным.

— Но это может быть как раз такой редкий случай.

Зедд недолго поразмышлял над его словами.

— Нам совершенно незачем выдумывать себе причины для волнения. В конце концов, с хронологией пророчеств всегда трудно разобраться. Насколько я знаю, события, о которых мы говорим, уже произошли. Может быть, речь идет, к примеру, о том времени, когда у Ричарда, еще ребенка, была лихорадка, и я должен был найти травы, необходимые для его излечения.

— Выходит, это высказывание с таким же успехом может касаться и прошлого?

Зедд развел руками.

— Может. Без утраченного текста — или дополнительных сведений, каковых у меня нет, — практически невозможно связать эти события с его жизнью.

Чейз кивнул и тут же отступил в сторону — дверь открылась, и в комнату влетела Рикка. Она хотела забрать миски, но замерла, увидев, что они все еще полны.

— В чем дело? Почему ты не ел?

Зедд взмахнул рукой, словно пытаясь отогнать проблему прочь, но морд-сит взглянула через плечо на Чейза:

— Он болен? Я полагала, что за это время он не только миски вылижет до блеска, но и запах с потолка соберет. Может, надо подумать, как его заставить?

— Ты понял, что подразумевалось под «спором»? — спросил Зедд у Чейза. — Что-то вроде этого.

С минуту Рикка изучала лицо Зедда, как будто пытаясь заметить явные признаки помешательства, затем перевела взгляд на Чейза.

— Что он несет?

— Что-то о книгах, — пояснил Чейз.

Она посмотрела на Зедда очень сердито.

— Послушай, раз уж я взяла на себе тяжкий труд, приготовляя тебе это блюдо, то ты прямо сейчас сядешь и будешь его есть. Если же нет, то я скормлю его червям в навозной куче. И когда позже ты проголодаешься и придешь ко мне жаловаться, то сам будешь во всем виноват. И с моей стороны тебе не дождаться сочувствия!

Пораженный, Зедд сверкнул глазами.

— Что? Что ты сказала?

— Я собираюсь скормить его червям, если ты не...

— Вот! — Зедд радостно потер руки. — Вот оно! — он протянул к ней руки. — Рикка, ты гений. Позволь мне тебя обнять!

Рикка негодующе выпрямилась.

— Я предпочитаю принимать твою признательность на расстоянии.

Зедд ее уже не слушал. Он пытался вспомнить, где именно ему встречалось упоминание о червях. Это было очень давно. Но насколько давно? И где?..

— В чем дело? — спросил Чейз. — Ты разгадал загадку?

На лице Зедда отразились тяжелые умственные усилия.

— Я вспомнил, что встречал упоминание о подобном явлении. Это была своего рода экзегеза...

— Своего рода что?

— Пояснение. Анализ проблемы.

— А, какая-то запись в книге...

Зедд кивнул.

— Да, именно. Мне только нужно вспомнить, где я видел этот абзац. Там говорилось о червях.

Чейз искоса взглянул на Рикку и почесал свои еще густые, но уже седеющие каштановые волосы.

— О червях?

Зедд потирал руки в предвкушении находки. В мозгу его маячили неясные образы. Обрывки воспоминаний были реальными, он знал это точно, но несмотря на все его усилия вывести их на свет, они продолжали оставаться где-то на грани сознания.

— О чем ты говоришь, Зедд? — спросила Рикка. — При чем тут черви?

— Что? Ну да, правильно. Черви. Пророческие черви. Там предположение — или, скорее, рассуждение — о том, что существует нечто вроде червей, пожирающих пророчества.

Чейз и Рикка смотрели на него как на сумасшедшего.

Зедд прошелся от стола к книжному шкафу в углу комнаты и обратно. Оттолкнув ногою тяжелый дубовый стул, он принялся ходить взад и вперед, погруженный в свои мысли. Он перебирал в памяти все места, где ему могла встретиться книга с таким содержанием. В замке несколько библиотек. В них — тысячи книг, может, даже десятки тысяч. Но это упоминание вообще могло встретиться ему не в замке. Ведь он бывал во множестве библиотек в других местах. Большая библиотека есть во дворце Исповедниц в Эйдиндриле. Во дворцах на Королевском Ряду, а также в Эйдиндриле, хранится великое множество книг. А ведь было еще множество других городов с библиотеками и архивами, которые ему доводилось посещать. Так много книг... как же ему вспомнить одну, не виданную долгие годы — возможно, со времен своей молодости?

— Что тебя донимает? — спросила Рикка, когда ей надоело смотреть, как он мечется. — О каком объяснении идет речь?

— Я пока не уверен. Это было очень давно. Кажется, когда я был молод. Но я вспомню, обязательно вспомню. Придется

потратить на это какое-то время. Но я вспомню, где видел этот абзац, даже если буду думать всю ночь. Эх, жаль, что нет моего стула для размышлений, — пробормотал он, отворачиваясь.

Рикка мрачно взглянула на Чейза.

— Чего там у него нет?

— В Вестландии, — тихо пояснил Чейз, — у него на крыльце был стул. Он на нем сидел и размышлял, находил ответы на вопросы. Это было тогда, когда все началось — когда его и Ричарда пытался пленить Даркен Рал. Они едва успели спастись бегством. Затем пришли ко мне, и я провел их к границе.

— Мне кажется, здесь достаточно стульев. И он как раз ходит вокруг одного из них, — Рикка раздраженно скривила губы. — Кроме того, чтобы заставить голову работать, человеку не нужен стул. А если нужен, то, значит, у этого человека серьезные проблемы.

— Может быть.

Как и Рикка, Чейз устал наблюдать за хождением Зедда по кругу. Будучи по природе человеком действия, он в конце концов схватил волшебника за рукав.

— Думаю, пока ты ищешь решение, мне лучше пойти к Рэчел. Хочу убедиться, что она собрала вещи и легла спать.

Зедд нетерпеливым взмахом руки выразил свое согласие.

— Да, ты прав. Иди. Скажи ей, что я чуть позже зайду пожелать ей спокойной ночи. Мне просто надо немного подумать над всем этим.

Как только Чейз вышел, Рикка присела на край стола и сложила руки на груди.

— Ты хочешь сказать, что исчезновение текста пророчества произошло из-за каких-то червей, вроде тех, что едят клей или бумагу?

— Нет. Не бумагу, а слова.

— Так все-таки... что это? Крошечный червь, поедающий чернила?

Раздосадованный тем, что его размышления снова были прерваны, Зедд остановился и пристально взглянул на нее.

— Поедающий? Нет, нет, не в том смысле. Это нечто магическое. Чья-то хитрая уловка. Если я ничего не путаю, на него

ссылались как на червя — так как его действие заключается в стирании пророчеств. Однажды появившись, этот червь начинает поедать древо пророчеств. В данном случае мы имеем дело с ветвью этого древа, которая повествует о времени после рождения Ричарда.

Рикка была искренне поражена. Она выпрямилась и повернула к волшебнику голову.

— В самом деле? Магия способна на такое?

Обхватив одной рукой локоть другой и одновременно пощипывая подбородок, Зедд ответил тихо:

— Думаю, что да. Может быть. Не уверен. — Он раздраженно и нетерпеливо вздохнул. — Я пытаюсь вспомнить. Я встречал это упоминание только однажды. То ли само заклинание, то ли его описание, или просто предположение, или... Подожди-ка.

Изо всех сил пытаясь что-то вспомнить, он поднял взгляд на балки потолка.

— Это было до рождения Ричарда, я в этом почти уверен. Я помню, что был тогда молод. Следовательно, это означает, что я тогда находился здесь. Теперь все намного проще. И если я был здесь... — Его взгляд снова опустился. — Милостивые духи!..

Рикка напряглась.

— Что? При чем тут милостивые духи?

— Я вспомнил, — прошептал Зедд, широко раскрыв глаза. — Помню, где это видел.

— Где?

Закатав рукава на своих костлявых руках, Зедд направился к двери.

— Неважно. Я позабочусь об этом. А ты сделай обход, или еще чем-нибудь займись. Я вернусь позже.

Глава 33

Солнце клонилось к закату, и воздух становился прохладным, когда Зедд спускался по широкой крепостной стене. Весь день жаркое солнце прогревало огромные каменные блоки, и сейчас они отдавали тепло. Далеко внизу город уже скрывали волны мрака, а

высоко над головой розовые лучи уходящего солнца еще играли на самых высоких шпилях замка. Вместе с умирающим светом заката издалека доносился шепот цикад.

Дойдя до пересечения двух проходов, Зедд повернул направо. В отличие от наружной стены, которая ограждала замок и переходила в отвесную поверхность скалы, стена внутренней цитадели была более узкой. С обеих сторон к ней примыкали крутые лестницы; они вели к давно опустевшим помещениям, почти лишенным окон. Далеко внизу дышали свежестью открытого воздуха внутренние дворы, куда можно было выйти с нижних этажей. Зедд подумал, что люди, которые когда-то работали здесь, должны были ценить возможность время от времени выйти погулять.

Он спускался по узкому проходу цитадели, а над его головой пересекались ведущие к разным башням мостики. Этот путь оканчивался величественной стеной впечатляющих размеров. На ее поверхности четко выделялись вертикальные ряды замковых камней, служащих опорой для сводов внутренних помещений. В основании этой стены находилась большая двустворчатая дверь, на ней были высечено рельефное изображение колонн, над колоннами узоры, а еще выше — каменный свод. Однако Зедд направился не к этой двери, а к неприметному проему в стене, за которым начинался спуск вниз. Лестница, проложенная прямо в стене бастиона, казалась бесконечной.

Ему нужно было спуститься на нижние уровни цитадели, расположенные глубоко в толще горы, туда, где никто не бывал.

Никто, кроме него, даже не знал об их существовании.

Каменные перила с наружной, открытой стороны лестницы были весьма невысокими, и поэтому спуск по многим сотням ступеней без единой площадки был непростым испытанием. Слева от Зедда медленно сменяли друг друга плотно пригнанные плиты грандиозной стены, а справа открывалась пропасть, глубине которой позавидовал бы любой каньон. На этой монументальной лестнице Зедд каждый раз чувствовал себя ничтожным. Внизу невозможно было различить почти ничего, кроме темного скального выступа у основания одной из круглых башен, словно вырастающей из маленького внутреннего двора.

Преодолев часть пути, Зедд вдруг сообразил, что слышит звук преследующих его шагов. Он остановился, обернулся и увидел Рикку.

— И что, по-твоему, ты сейчас делаешь? — крикнул он ей.

Его волосы трепетали на ветру, что гулял в узкой щели, образованной каменными стенами. Казалось, восходящий поток сейчас поднимет в воздух и унесет прочь его тощее тело, как ветер уносит опавшие листья.

В нескольких шагах от него Рикка остановилась перевести дух.

— А на что похоже то, что я сейчас делаю?

— Похоже, что ты делаешь не то, что я тебе велел.

— Пошли, — сказала она, жестом торопя его. — Я с тобой.

— Я же сказал, что сам позабочусь об этом. Я велел тебе сделать обход или заняться чем-то еще.

— Этот вопрос касается лорда Рала.

— Мне просто нужно проверить кое-что в старых книгах.

— Чейз и Рэчел уходят завтра рано утром. И ты был бы сейчас с Рэчел, рассказывал бы ей сказку и поправлял одеяло, если бы не произошло то, что тебя всерьез обеспокоило. Если это имеет отношение к лорду Ралу, то оно беспокоит и меня тоже. Я иду с тобой.

Зедду не хотелось спорить с ней, стоя на этой опасной лестнице, поэтому он молча повернулся и продолжил спуск, обеими руками поддерживая полы одежды. Ступени не только казались бесконечными, но вдобавок были опасно крутыми. Падение с такой высоты вполне могло закончиться трагически.

Дойдя наконец до самого низа, Зедд шагнул с нижней ступеньки на вымощенную камнем дорожку.

— Не сходи с камней!

Рикка осмотрелась — земля у основания стены была укрыта пологом вьющихся растений. По обеим сторонам возвышались стены высотой в сотни футов. За спиной осталась лестница и стена бастиона. Справа виднелась зазубренная верхушка скалы, служащей основанием для башни.

— Почему? — спросила она, ступая по камням вслед за Зеддом.

— Потому что я так сказал.

Он не собирался объяснять ей природу магических ловушек. Сойди она сейчас на землю — и щит не только предупредил бы ее, но и немедленно остановил, не пуская туда, где ей не следовало находиться. Тем, кто не обладал магической силой, вообще было лучше как можно дальше держаться от подобных щитов.

Если щиты все же не справлялась с задачей остановки непрошеных пришельцев, проникших в уединенный дворик, в дело вступали растения. Пока жертва пыталась вырваться, вьюнки оплетали ее лодыжки. Дальнейшая борьба приводила к тому, что на стеблях мгновенно вырастали острые шипы. Они пронзали кости и застревали в них. Освобождение из плена вьюнков было занятием болезненным и кровавым, и чаще всего оканчивалось плачевно. Средства защиты в замке Волшебников были безжалостны, хорошо выполняя свое предназначение. Увы, они годились только против тех, кто обладал хотя бы частичкой дара — и были бессильны против людей, у которых дара не было совсем...

— Эти вьюнки движутся, — Рикка схватила Зедда за рукав. — Они движутся, как клубок змей!

Старый волшебник бросил на нее мрачный взгляд.

— А почему, как ты думаешь, я велел тебе не сходить с камней?

Он нажал на ручку и шагнул в сразу же открывшуюся дверь. Рикка следовала за ним, дыша ему в затылок. В полной темноте его костлявые пальцы нащупали справа гладкий шар на подставке. Как только он коснулся рукой поверхности шара, тот начал светиться, и в его зеленоватом свете открылась маленькая комната с простыми стенами из каменных блоков без каких-либо украшений. Над головой — дощатый потолок с поперечными балками. В правой стене — выступающая плита известняка, нечто вроде скамьи, на тот случай, если гостю хочется передохнуть после спуска. В двух других стенах темнели проходы, ведущие в разных направлениях.

Вдоль стены со скамьей тянулся ряд подставок, одни пустовали, на других покоились шары, излучающие такой же бледный зеленоватый свет, как и тот, которого Зедд коснулся при входе. Волшебник снял с подставки один из шаров. Он был тяжелый, литого стекла, но в стекло были вплавлены некие вещества, способные

реагировать на прикосновение обладателя магического дара. В руке Зедда шар сменил свой цвет с зеленоватого на теплый желтый. Он пропустил через сферу искру своей силы, и шар ярко вспыхнул, отогнав темноту вглубь залов, виднеющихся за дверными проемами.

Прикосновением костлявого пальца он заставил Рикку присесть на скамью.

— Дальше тебе идти нельзя.

Она смотрела на него, и в ее глазах горела суровая решимость.

— С книгами пророчеств происходит что-то странное. И это беспокоит тебя уже несколько дней. Ты не ешь и не спишь. Но хуже всего то, что исчезающие пророчества касаются лорда Рала.

Это был не вопрос, а утверждение. А он-то думал, что никак не выказывает своего беспокойства! Рикка, оказывается, присматривалась к нему — а волшебник ничего не заподозрил. Был слишком озабочен, чтобы заметить повышенное внимание с ее стороны. В любом случае не было ничего хорошего в том, что он так погрузился в свои мысли и позволил внимательной телохранительнице заметить, до какой степени он обеспокоен.

— Да, большинство исчезнувших пророчеств повествует о Ричарде, но далеко не все. Они все относятся ко времени после его рождения, это верно. Однако это не означает, что все пророчества касаются именно его. Пробелы в книгах весьма обширны. И поскольку я не могу вспомнить, о чем в них говорилось, совершенно невозможно сказать, кому или чему они посвящены.

— Но из того, что ты вспомнил, можно судить, что большинство из них имеет какое-то отношение к лорду Ралу.

Это снова был не вопрос, а утверждение — или как минимум логичное предположение. Морд-сит почуяла угрозу безопасности лорда Рала и не намеревалась отступать. Зедд понимал, что никакие обтекаемые фразы ее не устроят.

— Я вынужден согласиться, что Ричард если и не прямо, то по крайней мере косвенно связан с проблемой опустошения книг.

Рикка вскочила.

— Хватит уклоняться от ответов. Это важно. Лорд Рал жизненно необходим для всех нас. Речь идет не только о безопасности твоего внука, но и о нашем будущем.

— И я позабочусь...

— Это важно не только для тебя; Ричард важен для нас всех. Если ты один узнаешь нечто важное, а затем с тобой что-то случится, то нас всех ждет печальный конец. Это важнее тех секретов, которые ты хочешь сохранить!

Зедд сложил руки на поясе и на секунду отвернулся, о чем-то думая. Затем снова повернулся к ней.

— Рикка, там дальше находятся такие вещи, о которых никто не знает. Тебе и в самом деле туда нельзя.

— За сокровища можешь быть спокоен — я не собираюсь их похищать. А если ты боишься, что я узнаю какую-то «тайну веков» — то могу тебе поклясться своей жизнью держать это в секрете, если только мне не понадобится открыть его лорду Ралу.

— Это нечто большее. Многие вещи на нижних уровнях замка необычайно опасны для всех, кто приближается к ним.

— За пределами замка опасностей не меньше. Теперь секреты — непозволительная роскошь.

Зедд смотрел ей в глаза. Ему в голову пришла необычная мысль. Если с ним что-то случится, он заберет все знания с собой в могилу. Он давно хотел когда-нибудь посвятить в них Ричарда — но на это всегда не хватало времени. Пока проблема с книгами пророчеств не встала так остро, это не казалось очень важным. С другой стороны, Рикка — это все же не Ричард.

— О чем ты думаешь, чародей? Что я пойду в город и разболтаю сплетницам все, что здесь увижу? Кому это можно рассказать? Орден уже занял большую часть Нового мира, и все жители Эйдиндрила бежали в Д'Хару. Д'Хара висит на волоске. А вместе с ней — и наше будущее.

— Есть веские причины, чтобы держать некоторые знания в тайне.

— Есть также причины, по которым мудрые люди должны иногда делиться своей мудростью. Жизнь — вот что имеет значение. Если знание способно сохранить или улучшить жизнь, то его не должно скрывать — особенно если оно может быть утеряно как раз тогда, когда это особенно нужно.

Зедд сжал губы, собираясь с мыслями. Он открыл этот секрет, еще когда был юношей. И за всю свою жизнь никого не посвятил в него. Никто не велел ему соблюдать тайну, да никто и не мог — но тем не менее он знал, что так правильнее. Он понимал, что этим знаниям не придали широкой известности в старину по каким-то веским причинам.

Он просто не знал этих причин.

— Зедд, ради лорда Рала, ради всех нас, позволь мне пойти с тобой!

Еще несколько мгновений он оценивал степень ее решимости.

— Ты никогда и никому этого не откроешь?

— Никому, кроме лорда Рала. Морд-сит всегда умирают, не раскрыв того, что знают.

Зедд кивнул.

— Хорошо. Если только со мной не случится что-то нехорошее, ты заберешь это с собой в могилу. А если случится, то ты можешь рассказать лорду Ралу все, что видела этой ночью. Ты должна поклясться мне, что никогда не расскажешь об этом никому другому, даже твоим сестрам морд-сит.

Рикка без колебаний протянула ему руку.

— Я клянусь.

Он пожал ее руку, заключая таким образом договор.

Если бы в те времена, когда он был Первым волшебником в войне с Д'Харой, еще до того, как он установил границы и убил Паниза Рала, отца Даркена Рала, ему сказали, что однажды он заключит с морд-сит договор такой важности, то он бы счел это безумием. Зедд был рад, что времена изменились и теперь это стало возможно.

Глава 34

— Это будет тяжелый путь, — сказал ей Зедд.

Рикка прищурилась.

— Я хоть раз заблудилась в замке, делая обход? Может, тебе когда-нибудь приходилось меня выручать?

Зедд сообразил, что такого действительно ни разу не было. Он очень хорошо знал, как легко можно заблудиться в замке. Запутанность постройки служила дополнительным средством защиты крепости.

Путешествуя по замку, можно было оказаться в плену анфилады из тысяч комнат. Кое-где вообще не было коридоров — только лестницы, ведущие вверх или вниз. До некоторых хорошо защищенных мест в башне можно было добраться, лишь преодолев настоящий трехмерный лабиринт. Навсегда потеряться здесь было совсем не сложно. Это вполне могло произойти даже с теми, кто вырос в замке.

Перед захватчиками, зайди они достаточно далеко вглубь лабиринта, через некоторое время встал был тяжелый выбор: продолжать ли бессмысленное движение вперед или пытаться найти дорогу обратно? Все залы и комнаты выглядели там удивительно похожими. Окон здесь не было, и чувство направления очень быстро начинало подводить. Глядя на комнату или дверь, было практически невозможно определить, проходил ты здесь уже или нет. В прошлом случалось, что именно в лабиринте оканчивали свои дни проникшие в башню шпионы, и обнаруживать их мертвые тела было вполне обычным делом для обитателей замка.

Конечно, не все злоумышленники были чужаками. Случались и измены среди своих.

— Да, до сих пор ты не терялась, — наконец согласился Зедд. — Но ты недостаточно долго пробыла здесь, чтобы исследовать все помещения. Здесь есть самые разные опасности, и возможность потеряться в лабиринте, который представляет собой замок — всего лишь одна из них. Там, куда мы направляемся, нас ждет нечто подобное. Заблудиться там еще легче. Тебе придется постараться, чтобы запомнить пройденный путь. Везде, где возможно, я помогу тебе.

Рикка беспечно кивнула.

— У меня хорошая память на такие вещи. Я всегда запоминаю очередность поворотов, когда делаю обход.

— Не будь такой самоуверенной. Тут секрет не в очередности поворотов. Мне самому доводилось блуждать по замку, а ведь я

здесь вырос. Туда, куда мы направляемся, нет единственно правильной дороги. Если в прошлый раз ты выбрала некий путь, в следующий раз он не обязательно приведет тебя в то же место. На нижних уровнях замка стены иногда движутся, меняя форму лабиринта. Это все было задумано для того, чтобы затруднить ориентирование — к примеру, если шпион нарисует для захватчиков карту.

Рикка пожала плечами — слова Зедда не произвели на нее впечатления.

— Я понимаю. В тех частях Народного Дворца, куда нет свободного доступа, есть что-то подобное — коридоры, которые время от времени меняют свою форму. Кроме того, даже если все проходы будут открыты — а такого просто не бывает, — там все равно не будет ни одной прямой дороги.

— Я помню. Я бывал там — правда, а общедоступных помещениях, но и их расположение порядком запутано.

Зедд вздохнул. Это было после того, как Даркен Рал пленил Ричарда.

— Однако у меня имелось некоторое преимущество, — продолжил он. — Народный Дворец выстроен по линиям магической надписи, начертанной на лике земли, а я знал, какова структура этой надписи, и мог определить, где там главные проходы, а где ответвления.

— Ты пойми, — сказала Рикка, — на случай вторжения врага во дворец от нас требовалось умение искать разные пути, ведущие к одному месту. Или, если мы кого-то преследовали, то должны были суметь найти короткий путь, чтобы выйти на перехват. Потому мы должны были научиться не только запоминать очередность поворотов. Мы должны держать в уме полную карту того места, где находимся. Повороты для меня — это только части цельной картины. Каждый поворот добавляет к картине новый штрих. Держа в уме этот образ, я могу добраться до места назначения разными путями, потому что вижу, как коридоры расположены относительно друг друга и где они пересекаются.

Зедд изумленно моргнул.

— Но это же поразительный талант!

— Мне всегда было проще понять такие вещи, чем понять людей.

Зедд усмехнулся.

— Мне кажется, ты понимаешь людей куда лучше, чем сама считаешь.

Она только улыбнулась.

— Хорошо, а теперь слушай меня, — сказал волшебник. — Этой ночью тебе придется не только запомнить множество поворотов. Тебя ждет нечто большее. Единственный путь, ведущий к тому месту, куда мы направляемся, прегражден магическими щитами. Ты не обладаешь даром, поэтому сможешь преодолеть эти щиты лишь с помощью того, кто им обладает. Если когда-нибудь в этом возникнет необходимость, Ричард тоже сможет провести тебя через них — так же, как этой ночью проведу тебя я. Не имеет никакого значения, насколько хорошо ты ориентируешься и можешь ли предугадать, как сдвинутся стены — в любом случае тебе придется преодолевать щиты, и одна ты этого сделать не сможешь. Это значит, что одна ты там не пройдешь, — подчеркивая важность этой фразы, он погрозил ей пальцем. — Даже не думай о том, чтобы это сделать. Иначе это кончится для тебя печально.

Рикка кивнула.

— Я понимаю. У меня никогда не будет причины идти туда без тебя или лорда Рала.

Зедд склонился над ней.

— Подтверди свои слова.

— Я уже дала тебе слово и поклялась своей жизнью. Я не нарушу своей клятвы.

Зедд коротко кивнул, давая понять, что разговор окончен.

— Ладно, тогда пошли.

Освещая путь магическим шаром, Зедд повернул налево и двинулся по узкому каменному коридору. Рикка не отставала от него ни на шаг. Стеклянные шары на подставках встречались и здесь, при их приближении они начинали слабо светиться. Когда Зедд проходил мимо, они светились ярче, а потом снова угасали. достигнув первой лестницы, Зедд направился по ней наверх — зная,

что прежде, чем спуститься к нужному месту, сначала надо поверху обойти несколько непроходимых участков нижней части замка.

Они шли по широким, отделанным изысканными деревянными панелями коридорам с мозаичными полами, затем через несколько комнат, обставленных как рабочие кабинеты при библиотеках. В комнатах было множество роскошных ковров, расстеленных буквально на всех углах, между удобными стульями. Широкие столы для чтения освещались яркими лампами. Зедд хорошо это знал — ведь он некогда провел здесь много времени, читая книги из этих библиотек.

Пройдя по ряду простых залов, откуда можно было попасть в разные части замка, они наконец оказались в главном коридоре, по которому следовало двигаться дальше. Высота коридора достигала почти сотни футов, слегка наклонные стены сходились наверху, и от этого казалось, что путники попали в огромную трещину, рассекшую весь замок. Солнце уже зашло, и через узкие прорези в камне почти не проникал свет. Зато через эти прорези могли вылетать наружу летучие мыши. Каждый день с наступлением темноты тысячи этих существ покидали потаенные, сырые и темные углы замка и отправлялись на охоту.

Зедд остановился возле позолоченной двери и обернулся к Рикке.

— В этом проходе установлен щит. Возьми меня за руку — и сможешь пройти.

Она не колебалась. Зедд шагнул вперед первым. Как только он пересек линию дверного проема, то ощутил на коже легкое покалывание. Когда эту же черту пересекла рука Рикки, девушка вздрогнула.

— Щит не причинит тебе никакого вреда, пока я держу тебя за руку, — уверил ее Зедд. — Продолжим?

Она кивнула.

— Просто очень холодно. Я этого не ожидала, вот и все.

Крепко держа морд-сит за руку, он провел ее через дверь. Оказавшись по ту сторону, она принялась растирать ладони.

— Что бы произошло, если бы я попыталась пройти без тебя?

— Трудно сказать, разные щиты действуют по-разному — но пройти ты бы не смогла. Перед этим щитом нет никакого предостережения — значит он мог быть и не смертельным. Мы будем проходить через множество щитов, способных отделить твою плоть от костей — но перед всеми ними будут предостерегающие знаки.

Было видно, что девушка не очень-то рада это слышать, но никаких возражений с ее стороны не последовало. Морд-сит ненавидят магию, и Зедд понимал, что сейчас ей приходится сопротивляться собственной природе.

Позолоченная дверь вела в зал, где все было из белого мрамора: и пол, и стены, и потолок. Этот цвет был выбран с целью предотвратить любые попытки обмануть щит в конце зала с помощью магической маскировки. В самом конце Зедд снова помог Рикке преодолеть щит — на этот раз ей стало не холодно, а жарко.

Оставив зал позади, они спустились на несколько пролетов по пыльной лестнице со ступенями из черного мрамора. Дальше коридор разделялся на три, и Зедд повел ее по левому. Шар в его руках создавал вокруг них круг яркого света. Они оказались в грубо вырубленном каменном туннеле, который привел их в простые комнаты с простой каменной кладкой стен.

В большинстве комнат имелись одна или две двери, лишь кое-где — три, а то и четыре; все они вели в другие комнаты. Изредка помещения соединялись лестницами, ведущими вверх или спускавшимися вниз, порой всего на одну-две ступеньки. Однако большинство комнат находились на одном уровне. Размером они почти не отличались друг от друга, а мебели не было вообще ни в одной из них. Некоторые комнаты были оштукатурены — видимо, чтобы сгладить неровности стен; большинство других — окрашены, но старая, облупившаяся краска давно облезла, и угадать ее изначальный цвет было уже невозможно. Поэтому все комнаты были похожего грязноватого цвета, к тому же покрыты толстым слоем накопившейся за столетия пыли. В юности Зедд однажды заблудился здесь и блуждал, пока не выбрался, целый день. С того времени это место оставалось не потревоженным, и на полу до сих пор можно было различить его следы.

Преодолев казавшуюся бесконечной анфиладу комнат, они наконец вышли в широкий коридор со стенами из грубых блоков серого гранита. Хотя коридор был широк, потолок здесь оказался таким низким, что им приходилось пригибаться. Несмотря на свою простоту и пустоту, это место всегда казалось Зедду зловещим. Шары в металлических держателях на стенах вспыхивали при их приближении, а за спиной меркли снова. Время от времени им встречались лестницы, ведущие к коридорам на более низких уровнях, а также боковые ответвления.

Широкий и низкий ход наконец-то перешел в зал, оштукатуренный и выкрашенный в песочный цвет. Массивные колонны с рельефами придавали ему величественный вид. Когда они дошли до середины, Зедд остановился и указал на потолок.

— Видишь вон ту железную решетку, через которую замок дышит, — отдушину для свежего воздуха?

Она подняла взгляд на фигурную решетку.

— Это книга?

Среди прочих узоров на решетке выделалось выложенное из тонких железных прутьев изображение открытой книги. Этот знак указывал на то, что в этой части Башни располагалось множество библиотек.

— Да. Это поможет тебе запомнить, что здесь поворот. Коридор с решеткой — самый главный. Прийти сюда можно разными путями, и отсюда начинаются пути практически во все части замковой цитадели, но нам надо повернуть именно здесь, — он указал на узкий коридор. — Это единственный путь, ведущий к тому месту, куда мы направляемся.

Под пристальным взглядом Зедда она осмотрелась и снова взглянула на решетку вверху. Убедившись, что все запомнила, Рикка кивнула, и они свернули в нужный коридор. На их пути встречались комнаты, которые, как считал Зедд, некогда использовались под склады. Он знал, что в одной из комнат до сих пор сохранились разные инструменты. В конце коридора начинались грубо вырубленные в камне служебные ходы — они извивались из стороны в сторону и то поднимались, то опускались. Зедд и

Рикки проходили мимо пустых комнат и ржавых железных дверей, плотно запертых. С низкого потолка свисали полотнища паутины, в выбоинах пола скопилась стоячая вода, где плавали гниющие крысиные останки. В молчании они ступали по этой вонючей воде, торопясь выбраться на сухую почву, и шли дальше.

Когда они достигли винтовой лестницы, яркий свет от шара в руках Зедда разогнал чернильную темноту, не знавшую света столетиями. Ступеньки здесь были узкими, спускаться по ним можно было только гуськом. Спуск казался погружением в глотку какого-то каменного чудовища. У основания лестницы отступившие тени открыли взгляду грубо вырубленные в камне смотровые колодцы фундамента замка. Прожилки кварца в каменных блоках размером с хороший дом блестели, когда свет падал на них. Зедд провел Рикку по узким ступенькам вдоль этой сверкающей стены. Прежде чем направиться дальше, они оба бросили на нее последний взгляд.

Теперь они шли по узкому проходу между блоками фундамента. В темноте каменные глыбы выглядели огромными, а вкрапления кварца поблескивали, подобно звездам. Стена справа уже была нерукотворной — она состояла из какой-то мягкой горной породы и частично раскрошилась. Если бы она обрушилась, то Зедд и Рикка оказались бы заживо похороненными там, где никто бы даже не догадался их искать.

Древние строители учли недостаточную прочность этой породы и оставили здесь небольшой зазор между фундаментом и поверхностью горы, а опорой фундаменту служила подстилающая скальная порода, более твердая. Щели служили также для осмотра фундамента. Зедд никогда не видел, чтобы хоть один из этих блоков разрушился, и находил это в высшей степени поразительным. Хотя на некоторых и виднелись трещины, назвать их сколько-нибудь серьезными повреждениями было нельзя.

Дойдя до другой узкой лестницы, они спустились еще ниже, в утробную темноту горы.

— Это когда-нибудь закончится? — спросила Рикка.

Зедд оглянулся через плечо, и желтый свет волшебного шара выхватил из темноты ее лицо.

— Мы находимся в глубине горы и приближаемся к одному из ее склонов. И нам предстоит еще довольно долгий путь.

Она просто кивнула, не желая уточнять, насколько долгий.

— Думаешь, этот путь тебе по силам — при условии, что я или Ричард проведем тебя через щиты?

От многих щитов у нее остались малоприятные впечатления. Преодоление магических преград, пусть даже и с чьей-то помощью, всегда было тяжелым испытанием для того, кто не владел магическим даром.

— Думаю, да, — ответила Рикка.

Они шли теперь по округлым смотровым туннелям, выложенным плиткой. По всей видимости, эти ходы могли также выполнять функцию водостоков. Зедд помнил здесь все перекрестки еще с юности. По коридорам разносилось эхо от журчания воды. Было так холодно, что изо рта шел пар, между плитками проступала вода, идти было скользко.

Много раз прямо посреди туннелей им встречались мощные щиты, и Зедд помогал Рикке их преодолеть. Самым мощным из них предшествовали явные предупреждения. Чтобы в полной мере обезопасить проход морд-сит через такие места, Зедду приходилось ее обнимать.

— Там внизу много крыс, — заметила Рикка.

Зедд слышал писк сотен грызунов, разносящийся по лабиринту коридоров. Мелкие бестии успевали исчезнуть до того, как окажутся в круге света, поэтому ее слова подтверждал только звук. Видели они пока только дохлых крыс.

— Да. Ты боишься крыс?

Она остановилась и задержала на нем хмурый взгляд.

— Крыс не любят все.

— С этим не поспоришь.

На каждом перекрестке Зедд показывал ей, куда надо свернуть. Он не мог себе представить, каким образом морд-сит собиралась запомнить весь этот путь — но надеялся, что необходимости в этом не возникнет. Надеялся, что он сам когда-нибудь покажет эти места Ричарду. В детстве Зедд использовал магию,

чтобы исследовать маршруты. Теперь же Рикка внимательно изучала каждый перекресток, хотя волшебник был уверен, что запомнить такой путь — выше ее способностей. Для того, чтобы все приобрело в ее сознании вид карты, ему понадобилось бы провести спутницу по этим местам еще как минимум несколько раз. И лишь после этого он бы устроил ей экзамен, позволив выбирать дорогу самой.

Проделав путь, показавшийся Рикке бесконечным, и спустившись еще ниже, они наконец-то оказались в огромном зале — а скорее, пещере, гигантской полости в недрах горы. Добытый отсюда гранит когда-то служил материалом для фундамента замка. Зал остался от каменоломни, которую закрыли после завершения строительства.

Вдоль стен мастера оставили нетронутые куски камня в виде толстых опор — видимо, там требовалось поддержать непрочные участки потолка. По всей комнате тянулись широкие прослойки обсидиана — черного полупрозрачного камня, совершенно непригодного для строительства. Зедду он встречался в нескольких залах дворца, где служил лишь для украшения. Под светом волшебного шара поверхность обсидиана переливалась разными цветами, напоминая рыбью чешую.

В центре гигантского зала высота потолка достигала двух с половиной сотен футов. Судя по следам от инструментов на камне, рабочие начали выбирать материал сверху, и лишь удалив несколько больших каменных плит из-под того, что затем стало потолком пещеры, принялись за расчистку более низких уровней — пока не образовалось наконец достаточно свободного пространства. Расстояние между опорами как раз позволяло протаскивать большие блоки, предназначенные для фундамента. Вдоль стен сохранились галереи и пандусы, по которым эти блоки вытаскивали наружу.

— Видишь эту галерею? — спросил Зедд, указывая на широкий темный коридор, опоясывающий пещеру. — С этого началось строительство. Отсюда блоки фундамента транспортировали к месту работы. Посмотри, как стерся пол!

Действительно, пол галереи был истерт до такой степени, что почти казался отполированным.

— Почему мы пошли этим путем? Ведь можно было выбрать куда более короткий!

Галерея и в самом деле вела отсюда в направлении той части замка, откуда они начали свой путь. Зедда поразило, что Рикка сообразила это. Каменные блоки, конечно же, не тащили тем окружным путем, которым пришли сюда они.

— Ты права, та дорога короче — но там поставлены такие щиты, которые я не могу преодолеть. А поскольку я не могу туда пройти, то и не знаю, что там находится... хотя предполагаю, что эти помещения создавались для укрытия каких-то важных тайн. Другой причины для установки щитов подобной мощи я не вижу.

— Но почему ты не можешь преодолеть их? Ты же Первый волшебник!

— Волшебники того времени обладали обеими сторонами магической силы. Ричард — первый за несколько тысяч лет ребенок, рожденный как с Магией Приращения, так и с Магией Ущерба. Щиты, основанные на Магии Ущерба, смертельны, они встречаются либо в самых опасных местах, либо там, где хранятся исключительно важные предметы, требующие соответствующей охраны.

Зедд повел Рикку вдоль внешней стены огромной залы. Он редко бывал здесь, поэтому вынужден был внимательно осматривать стену. Когда они достигли того места, которое он искал, он схватил руку морд-сит.

— Это здесь.

Рикка осмотрелась. На первый взгляд все здесь было точно так же, как и в любом другом месте залы.

— Что — здесь?

— Секретное место.

Все выглядело точно так же, как и по всей пещере — просто стена, сплошь покрытая выбоинами, оставленными инструментами рабочих тысячелетия тому назад.

Зедд поднял стеклянный шар выше, чтобы ей было видно, куда он указывает.

— Вон там. Видишь ту выемку? В углу, рядом с трещиной? Эта трещина шире посередине, чем на концах. Просунь туда левую руку. Там глубже есть отверстие.

Рикка нахмурилась, но все же приподнялась на носках и погрузила фаланги пальцев в отверстие.

— В стене есть выступ, — сказал он. — Я пользовался им, когда был маленьким. Залезь на него, если не можешь дотянуться.

— Нет, я достаю, — сказала она. — И что дальше?

— Это только половина. Просунь руку дальше.

Она пошевелила пальцами и погрузила руку по запястье.

— Дальше некуда. Мои пальцы во что-то уперлись.

— Подвигай средним пальцем вверх-вниз, пока не нащупаешь дырочку.

Она сосредоточенно нахмурилась.

— Готово.

Зедд взял ее правую руку и подвел к другой такой же выбоине на уровне пояса.

— Точно так же найди дырочку и здесь. Когда найдешь, сильно надави на обе одновременно.

Она застонала от напряжения.

— Нашла! Обе. Нажимаю.

— Хорошо. А теперь, не отпуская пальцы, поставь вот сюда правую ногу и как следует нажми.

Она мрачно взглянула на него, но все же сделала, как он сказал. Ничего не произошло.

— Разве ты не можешь нажать посильнее? Только не говори, что ты слабее, чем тощий старик.

Бросив на него гневный взгляд, она с усилием надавила на все три рычага. Стена вдруг пришла в движение. По команде Зедда Рикка отскочила, и у них на глазах часть стены бесшумно сдвинулась в сторону, словно массивная дверь — которой она, по сути, и являлась. Несмотря на огромный вес, дверь была сбалансирована так, что для ее открытия достаточно было просто сильного нажатия.

— Милостивые духи! — прошептала Рикка, наклоняясь вперед и заглядывая в темноту проема. — Как ты вообще нашел эту дверь?

— Я нашел ее, еще когда был подростком. Собственно, тогда я подошел к ней с той, другой стороны. И когда вышел через нее

сюда, постарался запомнить место. Первые несколько раз я все же не мог его найти, и мне снова приходилось идти в обход.

— Зачем?

— В юности это было для меня спасением. По этому пути я мог прошмыгнуть обратно в замок, не тратя времени на обход через мост, как все остальные.

Она с подозрением повела бровью.

— Должно быть, ты был трудным ребенком.

Зедд улыбнулся.

— Были и такие, кто считал именно так. Это место сослужило мне хорошую службу. Я мог проходить здесь, даже когда сестры Тьмы захватили замок. Они ведь охраняли только главный вход. Им, как и всем из ныне живущих, не было известно о существовании этого места.

— Так это и есть то, что ты хотел мне показать? Секретный проход в башню?

— Нет, это далеко не самое главное из того, что скрыто за этой дверью. Пошли, я все тебе покажу.

У нее снова возникли подозрения.

— Скажи хоть, что это место из себя представляет.

Приподняв светящийся шар, Зедд наклонился к ней и прошептал:

— За этой дверью вечная ночь: путь мертвецов.

Глава 35

Ричарда разбудил далекий волчий вой. Жалобный зов эхом разнесся по горам, но остался без ответа. Ричард неподвижно лежал на боку в неестественном свете ложной зари, прислушивался, ждал ответного зова, которого все не было.

Ему казалось, он не может, как ни старайся, продержать глаза открытыми дольше, чем на один удар сердца — а уж поднять голову было и вовсе невмоготу. Из темноты проступили расплывчатые, движущиеся силуэты деревьев...

Ричард закашлялся, окончательно просыпаясь. Проснулся он очень сердитым.

На самом деле он лежал на спине. Меч покоился поперек его груди, одна рука сжимала ножны, а другая так крепко обхватила рукоять, что буквы надписи «ИСТИНА» отпечатались на ладони и кончиках пальцев. Меч был частично выдвинут из ножен — он гневался, потому и обнажился.

Первые лазутчики рассвета уже крались по лесистым горным склонам. Густые рощи были безмолвны и неподвижны.

Ричард задвинул клинок в ножны и, присев, положил его на постель рядом с собой.

Подтянув ноги и опершись локтями о колени, он провел пальцами по волосам. Его сердце все еще бешено колотилось от гнева меча. Этот гнев проник в душу без ведома Ричарда и помимо его воли, но его это не удивило и не встревожило. Уже не впервые меч покидал ножны во время сна. Иногда, просыпаясь, Ричард обнаруживал, что клинок полностью обнажен.

Но почему в момент пробуждения его посетило именно это воспоминание?

Он знал ответ на этот вопрос. Ему приснилось то утро, когда, проснувшись, он понял, что Кэлен пропала: страшное воспоминание о ее исчезновении. Этот ночной кошмар стал частью того кошмара, в который превратилась его жизнь; что-то было в нем такое, что заставляло снова и снова возвращаться к нему. Тысячи раз Ричард пытался разобраться, но так и не понял, что же значимое содержалось в этом воспоминании.

Волчий вой, разбудивший его тогда, был странным — но не настолько, чтобы вызвать такую тревогу.

Ричард осмотрелся, но не увидел в темноте Кары. Между толстыми стволами деревьев он различил только алую полосу рассветного неба, напоминающую кровавую рану.

Он смертельно устал от бешеной езды из глубин Древнего мира. Много раз их останавливали солдаты, патрулирующие Срединные земли, либо же отряды вражеских войск. Они не составляли основную силу Имперского Ордена, но были достаточно опасны. Один раз они позволили каменотесу и его жене, как представились Ричард и Кара, продолжить свой путь «к месту работы во

славу Ордена». Во всех остальных случаях приходилось драться. Стычки были кровавыми.

Ему требовалось больше времени на сон — в пути они почти не отдыхали, — но с тех пор, как Кэлен пропала, они не могли позволить себе спать вволю. Он не знал, сколько времени ему понадобится, чтобы ее найти, но не собирался тратить впустую ни секунды. От отказывался признать, что помощь уже запоздала.

Одна лошадь недавно пала от изнеможения — он даже не помнил, когда именно это произошло. Другая повредила ногу, и ее тоже пришлось бросить. Ричард сомневался, что в ближайшее время им удастся добыть еще лошадей. Следовало заняться более важными делами. Они приближались к Агаденскому лесу, обители Шоты. За последние несколько дней они совершили тяжелое восхождение по горной гряде, опоясывающей лес.

Растирая усталые ноющие мышцы, он в который раз задумался о том, как уговорить Шоту помочь. Она помогала ему прежде — но не было никакой уверенности в том, что так будет и в этот раз. Сказать, что от Шоты можно ждать чего угодно, значило не сказать ничего. Некоторые люди боялись ведьмы до такой степени, что даже не произносили вслух ее имени.

Зедд однажды объяснил ему, что Шота никогда не говорит того, что ты хочешь знать, не добавив того, чего ты знать не хочешь. Ричард не мог даже представить себе, чего не хочет знать — но очень хорошо понимал, что хочет: Шота должна рассказать ему все, что знает об исчезновении Кэлен и о том, где она может находиться. Если она откажется, возникнут большие проблемы.

Когда его гнев начал спадать, он вдруг ощутил на лице холодное, колючее прикосновение тумана.

Тут же он заметил среди деревьев какое-то движение.

Он прищурился, пытаясь разглядеть что-либо в темноте. Это не ветер играл листьями; ветер уснул в предрассветном лесу.

Казалось, что ветви деревьев движутся в темноте туда-сюда.

И в то утро тоже не было даже намека на ветер.

Чувство тревоги росло в груди Ричарда, сердце тяжело забилось. Он отбросил одеяло и встал.

Что-то мелькало среди деревьев.

Человек или животное обычно задевают при ходьбе нижние ветки и кустарник. Здесь было что-то иное. Движение было заметно почти на высоте роста Ричарда, но полутьма не позволяла разглядеть, что это. В таком скудном свете не поймешь, есть ли там что-нибудь вообще. Может, это разыгралась фантазия? Ведь они приближаются к обители Шоты, и это само являлось достаточной причиной для волнения. Пусть ведьма и помогла ему в прошлом, бед на его голову она тоже навлекла немало...

Но если там, среди деревьев, ничего нет, то с чего бы мурашкам бежать по коже? И что это за едва различимый звук, тихое шипение?

Не отрывая взгляда от деревьев, Ричард оперся о ствол ели и наклонился, чтобы дотянуться до меча. Бесшумно надевая через плечо перевязь, он попытался сосредоточить взгляд на том месте, где ему почудилось движение. Он все больше убеждался, что не ошибся: нечто двигалось там, среди деревьев.

Самое странное заключалось в характере движения: не короткие скачки, как у птицы, прыгающей с ветки на ветку, не быстрый бег с короткими остановками, как у белки, и даже не осторожное змеиное скольжение.

Неизвестное существо двигалось не только плавно и тихо, но еще и последовательно.

В загончике, который Ричард соорудил, перегородив ветками угол между камнями, ржали и били копытами лошади. В отдалении стайка птиц вдруг сорвалась с места и унеслась прочь.

Ричард заметил, что не слышит пения цикад.

Он различил какой-то запах и глубоко потянул носом воздух, пытаясь его определить. Кажется, пахло дымом. Не так сильно, как при пожаре. Скорее похоже на походный костер. Но они-то костер не разводили — Ричард не хотел тратить время, равно как и привлекать лишнее внимание. У Кары был фонарь со свечой, но от него не мог исходить такой запах.

Ричард осмотрелся в поисках Кары. Она караулит — то есть должна находиться поблизости; тем ни менее ее нигде не было

видно. Вне всяких сомнений, она не стала бы отходить далеко, особенно после нападения в ту ночь, когда исчезла Кэлен. Она волновалась за его безопасность и понимала, что если его снова подстрелят из лука, рядом уже не будет Никки, чтобы его спасти. Нет, Кара должна быть рядом.

Ему захотелось позвать ее, но он подавил этот порыв. Сначала надо разобраться, что происходит, а уже потом поднимать тревогу. Пусть лучше враг, а тем более затаившийся враг, считает, что остается незамеченным.

Осмотревшись вокруг, Ричард заметил, что с лесом творится что-то неладное. Он не был в этом уверен, но ему так показалось — возможно, из-за странного запаха гари. Было слишком темно, чтобы судить с уверенностью, но с кронами явно что-то произошло. Листья и ветви смотрелись неестественно.

Он хорошо помнил, как впервые оказался в Пределе Агаден. Чуть дальше отсюда в горах на него напало странное существо. И пока Ричард яростно отбивался, Шота схватила Кэлен и увлекла на свою землю. Тогда нападение было замаскировано под случайную встречу с незнакомцем. Тот пытался заманить Ричарда в засаду. В конце концов его удалось прогнать. На этот раз никакого незнакомца не было — но это вполне могло означать, что однажды проигравший вздумал действовать по-иному.

Он помнил, что отбиться от монстра удалось только благодаря Мечу Истины.

Стараясь шуметь как можно меньше, Ричард медленно обнажил клинок. Он попытался придержать его, лишь слегка выдвинув из ножен, — но все равно сталь свистнула, освобождаясь. Гнев меча вырывался из положенных ему пределов.

Вооружившись, он начал осторожно продвигаться к тому месту, где, как ему казалось, он заметил движение. Стоило взглянуть в любую другую сторону, ему казалось, будто боковым зрением он что-то видит, — но когда он смотрел прямо, там ничего не было. Действительно ли он что-то видел, или это зрение сыграло с ним шутку?

Ему было хорошо известно, что в темноте боковое зрение работает куда лучше прямого. Будучи лесным проводником, он много

раз проводил ночи в лесу и усвоил правило: не смотреть прямо на нужный объект, а примерно на четверть круга в сторону от него. Когда жизнь его переменилась, это умение видеть, не глядя прямо, оказалось особенно полезным в ночном бою.

Сделав всего пару шагов, он ощутил, как что-то мазнуло его по штанине под коленом. Легкое касание, будто кончик ветки задел одежду, — но откуда на поляне ветка? Ричард успел остановиться, прежде чем перенести на ногу вес своего тела. Снова почувствовался запах, но уже сильнее. Пахло горелой тканью.

Под подошвой почувствовался сильный жар. Быстро и бесшумно Ричард отступил назад.

Он не мог понять, хоть убей, на что же такое наступил. Не мог даже предположить. Веревка, при нажатии приводящая в действие ловушку? Но веревка не обожгла бы его так, как это нечто.

Что бы это ни было, оно пристало к штанам — просто прилипло и потянулось следом за Ричардом. Как только он попятился и дернул посильнее, липучка отстала, и тут же легкое движение среди деревьев неожиданно стихло, как будто кто-то учуял тихий чмокающий звук разрыва. Звенящая тишина болезненно давила на уши.

Частицы тумана были слишком мелки и оседали на листьях бесшумно. На иголочках ели собралась влага, но вниз не капала. К тому же звук, который он расслышал, не походил на звук падающих капель. Ричард сосредоточил внимание на том месте, где только что прервалось движение.

Затем оно началось снова, но уже быстрее и как будто более целеустремленно. Среди ветвей послышался тихий, шелковистый присвист, напоминающий скольжение коньков по льду.

Когда Ричард шагнул в сторону, что-то пристало к его второй ноге, такое же липкое и горячее.

Только он хотел взглянуть, что же это, как ощутил прикосновение к руке выше локтя. Рубашки на нем не было, и липкая гадость обожгла неприкрытое тело. В левой руке вспыхнула жгучая боль. Он дернулся, высвобождая ногу, чувствуя, как по пальцам течет теплая кровь. Его собственный гнев и ярость меча грозили пересилить чувство осторожности.

Он огляделся, пытаясь разглядеть в темноте нечто, чего там не должно быть. Когда он оборачивался, тонкая, как лезвие бритвы, алая полоса света на горизонте отразилась в клинке — и теперь он весь казался окровавленным, а не только рукоять, покрытая настоящей кровью, стекающей по руке.

Тени вокруг него не рассеивались, а стягивались все ближе. Неизвестная угроза приближалась, аккуратно раздвигая на своем пути ветки и кустарник. Ричард сообразил: тихое шипение, которое он слышал, могло возникнуть от того, что растения мгновенно сгорали при соприкосновении с этим чем-то. Теперь понятно, откуда взялся запах горелых листьев. Он усомнился бы в своей догадке, просто не поверил бы, что такое создание вообще может существовать — если бы не ощутил его прикосновение на себе. Кровь, стекающая по руке, никак не могла быть плодом воображения.

Интуиция подсказала Ричарду, что медлить больше нельзя.

Глава 36

Быстро, но тихо Ричард поднял меч, готовясь отразить нападение. Он не знал, что это будет за атака, но всерьез решил быть готовым ко всему. Прикоснувшись холодной сталью клинка ко вспотевшему лбу, он постарался успокоиться.

Шепотом произнеся слова «Клинок, действуй как должно», он полностью подготовил себя и меч к любым необходимым действиям.

На его обнаженную грудь упало несколько крупных капель дождя. Прежде едва заметный, дождь усиливался. По лесу разнеслась мягкая барабанная дробь капель по листьям. Ричард стряхнул дождинки с ресниц.

Вместе с треском веток до него донесся шум быстро приближающихся шагов. Он узнал неповторимую походку Кары. Очевидно, она делала обход лагеря и услышала те же звуки, что и он. Зная Кару, он не удивился, что она обратила на них внимание.

Сквозь шорох дождя Ричард слышал, как медленно, одна за другой, раздвигаются ветки. То тут то там трещали мелкие сучья, как будто противник обходил его, постепенно приближаясь. Что-то коснулось его левой руки. Он отшатнулся, вырывая руку из вязкого плена. И снова жгучая боль. Кровь текла уже из двух ран. И к ноге снова прикоснулась та же липучка.

Кара была уже близко. Она откинула крышку своего фонаря, и по лагерю разлился тусклый свет.

Взору Ричарда открылась странная темная сеть каких-то переплетений, свисающая с деревьев и кустов вокруг него — как будто толстые веревки, но веревки тягучие и явно живые.

Он не мог даже представить себе, что это и как оно здесь оказалось.

— Лорд Рал! Вы в порядке?

— Да. Стой, где стоишь.

— Что происходит?

— Пока не знаю.

Звук приближался, а темные нити начали стягиваться плотнее. Одна из них коснулась спины Ричарда. Он отскочил, развернулся и нанес удар мечом по странным нитям.

Пока он рубил нити, их клубок продолжал сворачиваться.

Кара открыла все щитки фонаря, и теперь было хорошо видно, как нити пытаются захватить его, словно завернуть в кокон.

Он вдруг понял, откуда исходит тот негромкий звук. Гигантский паук соткал ловушку, а он сам оказался не более чем добычей для него. Нити паутины были толщиной с мужскую руку. Ричард понятия не имел, какова их природа. Он знал только, что от соприкосновения с ними остаются болезненные ожоги.

Увидев, что Кара пытается подойти ближе, он крикнул:

— Кара, не подходи! Тебя обожжет, если прикоснешься!

— Обожжет?

— Да, как кислотой. И оно липкое. Держись подальше, а то окажешься в ловушке.

— Но как же вы выберетесь?

— Мне придется просто прорубиться. Стой там, я выйду к тебе.

Когда нити сжались плотнее слева от него, он размахнулся и ударил по ним. Меч сверкал в свете фонаря Кары, разрубая липкий клубок. Рассеченные нити разлетались в стороны, словно отпущенные пружины. Некоторые шлепались о стволы и ветки деревьев, повисая на них, словно комья темного мха. Он видел в свете фонаря, как сморщивались после соприкосновения с нитями обожженные листья.

Что бы ни создало эту сеть, его не было видно.

Дождь усиливался. Кара бегала туда-сюда, пытаясь найти путь.

— Кажется, я могу...

— Нет! — прикрикнул он. — Я сказал — не подходи!

Меч Ричарда продолжал рубить толстые нити, пытаясь остановить их сжатие, сломить их волю — а те, в свою очередь, пытались оплести клинок.

— Я должна помочь вам! — крикнула она, желая увидеть его свободным.

— Ты только сама попадешь в ловушку и тогда уже ничем не сможешь помочь. Не подходи. Я сказал — прорублюсь и выйду к тебе.

Ему по крайней мере удалось предупредить ее попытку пробиться через паутину. Она стояла, наклонившись, плотно сжав губы, сжимая в кулаке эйджил и не зная, что делать. Морд-сит не желала нарушать приказ, но в то же время сознавала опасность и не собиралась оставлять лорда Рала наедине с врагом.

Это был странный бой. Казалось, он ведется без всякой спешки. Нанесенные клинком Ричарда раны словно не причиняли врагу никакой боли. Казалось, что своим медленным неумолимым движением клубок пытается усыпить его бдительность.

Но несмотря на все это показное спокойствие, тревога все сильнее одолевала Ричарда. Не желая поддаваться, он снова и снова махал мечом, руша стены окружившей его клетки.

Однако пока он рубил одни нити, вокруг появлялись новые. Вместо каждой разрубленной им дюжины пут тут же возникало две дюжины. Он продолжал искать взглядом источник паутины, чтобы устранить не следствие, а причину. Всматриваясь изо всех

сил, он так и не разглядел, откуда нити берут начало и что за существо, передвигаясь среди деревьев и кустов, создает и приумножает их.

Иногда ему казалось, что между нитями вырисовывается проход, но он понимал — это не более чем пустая глупая надежда. Он чувствовал, что времени у него остается все меньше. Боль от ожогов подсказывала, какой конец его ждет, если не удастся выбраться. Рано или поздно наступит момент, когда сопротивление станет невозможным. Он знал, что когда ловушка окончательно захлопнется, он погибнет, но сомневался, что смерть будет быстрой.

Сеть сжималась, а Ричард все рубил, предпринимая отчаянные попытки проложить мечом путь к свободе. С каждым взмахом меча к клинку приставало все больше липучей субстанции. Меч тяжелел, и рубить становилось все труднее.

Впервые Ричарду встретился противник, которого Меч Истины не мог одолеть. Бывало, этот клинок перерубал даже железные или стальные прутья — но эти мягкие нити оказались ему не по силам: разрубленные, они просто разлетались и налипали на все вокруг.

Он вспомнил, как Эди однажды спросила его о том, что сильнее: зубы или язык. Она доказала ему, что хотя язык намного мягче и более уязвим, он все же сильнее. Ее слова вполне можно было применить и к этому случаю.

Куски разрубленных нитей, падая, цеплялись к его ногам. Горячая лента свалилась на его правую руку. Он вскрикнул от боли и упал на колени.

— Лорд Рал!

— Стой на месте! — крикнул он Каре, не позволяя ей броситься ему на помощь. — Я в порядке. Стой, где стоишь.

Набрав в ладонь листьев, коры и грязи, и таким образом хоть немного защитив ее, он стряхнул с другой руки липкое темное вещество. Боль обожгла так сильно, что Ричард уже не мог думать ни о чем, кроме избавления от нее.

Клубок сжимался, от толстых жил отделялись более тонкие. Ветки трещали и отрывались от стволов. Отовсюду шел резкий запах гари.

Даже сквозь кипящую в душе ярость Ричард понимал, что проигрывает. Бреши, проделанные его ударами, тут же заполняли новые отростки. Несмотря на все попытки разрубить сеть, она становилась только гуще.

Слабая надежда отступала под натиском паники. Он попал в ловушку! Страх удвоил его силы, и в каждый удар он вкладывал отчаяние. Он представил, как страшная темная сеть оплетает его, жжет его плоть, сжимается и душит, или отрывает мясо от костей.

Ричард сыпал удары направо и налево, рассекая темную стену. Разрубленные нити цеплялись за целые и прирастали к ним. Выходило, что он не только проигрывает, но и помогает своему врагу скорее одержать над ним победу.

— Лорд Рал! Я должна быть с вами!

Кара хорошо понимала, какая страшная участь его ждет, и хотела помочь ему найти выход. Но, как и он сам, она понятия не имела, что надо делать.

— Кара, послушай. Если ты попадешь туда, ты погибнешь. Не подходи, и что бы ты ни делала — не прикасайся к этому эйджилом. Я что-нибудь придумаю.

— Так придумывайте, пока не поздно!

Как будто бы он не пытался!

— Дай мне минутку подумать.

Задыхаясь, он прислонился спиной к толстому стволу ели и попытался придумать, как вырваться из плена. Вокруг становилось все меньше пустого пространства, и все меньше времени оставалось до того момента, когда ловушка окончательно захлопнется. Из ран на руках текла кровь. Раны жгли и зудели, мешая сосредоточиться. Он должен был найти выход из сети, пока не стал ее добычей.

И он нашел выход: использовать меч в деле, для которого он подходил больше всего.

Не тратя больше времени, Ричард шагнул в сторону, развернулся и изо всей силы рубанул по стволу ближайшей ели. Зная, что от этого зависит его жизнь, он вкладывал в удары всю свою ярость и энергию.

Клинок рассекал воздух с огромной скоростью. Меч с громким треском погружался в древесину. Звук был как от ударов молнии, а повреждения даже тяжелее. Ствол дрожал, щепки летели во все стороны. Мелкие куски коры и щепки запутывались в липкой сети.

Дерево накренилось, начало падать, и наконец его раскидистая крона с треском обрушилась на клубок. Набирая скорость, оно проделало путь сквозь плотный строй деревьев, своим огромным весом обламывая толстые ветки.

Упавшее дерево разорвало оказавшиеся на его пути нити паутины и своим весом прибило их к земле.

Прежде чем сеть успела восстановиться и заполнить образовавшийся пробел, Ричард запрыгнул на ствол, который еще вибрировал от удара о землю. Ему пришлось наклониться и расставить руки, чтобы удержать равновесие. Дождь усиливался, и ствол стал скользким. Ричард пробежал по нему, используя ель в качестве моста, ведущего за пределы клейкой паутины.

Обессиленный, но наконец-то свободный, он подбежал к Каре. Завидя его приближение, она взобралась на крепкую ветку, готовясь помочь ему. Схватив за руку, она удержала его от падения со скользкого ствола.

— Ради всего святого, что происходит? — сквозь шум дождя спросила Кара, помогая ему спуститься на землю.

Ричард никак не мог отдышаться.

— Понятия не имею.

— Смотрите, — сказала она, указывая на его меч.

Липкое вещество, до сих пор оставшееся на клинке, под дождем начало таять.

Паутина на деревьях тоже начала размягчаться и провисать. Ее нити рвались, а дождь срывал их с веток и прибивал к земле. Вот они уже лежат бесформенными темными кучами и с шипением тают, как тает случайный осенний снег, ненароком выпавший среди дождя.

В сером утреннем свете Ричард увидел размеры своего противника. Клубок был огромен — но упавшее дерево, вспоров часть паутины, нанесло ему смертельную рану.

Ледяные струи дождя смывали вязкую слизь с веток и кустов. Разбросанная по земле, она напоминала внутренности гигантского монстра.

Ричард вытер клинок о мокрую траву, полностью очистив его от липкого вещества.

Темный комок таял все быстрее, образуя клубы сероватых испарений. Этот дымок медленно поднимался над землей, словно пар, исходящий от внутренностей свежего трупа в зимний день. Легкий ветерок подхватывал темные клубы и уносил прочь.

Неожиданно дымок изменился, собравшись в темную чернильного цвета тень. Через мгновение, прежде чем они успели его как следует разглядеть, фантом растворился среди дождя и тумана.

По спине Ричарда побежали мурашки.

Кара смотрела на него в изумлении.

— Вы видели?

Ричард кивнул.

— Это было чем-то похоже на того зверя, который приходил по мою душу в Алтур-Ранге. Он исчезал примерно так же, в тот момент, когда уже почти достиг своей цели.

— Значит, это одна и та же тварь.

Стоя под утренним дождем, Ричард всматривался в тени среди деревьев.

— Я тоже так думаю.

Кара осматривалась, готовясь уловить любые признаки опасности.

— Нам повезло, что начался дождь.

— Не думаю, что зверь удрал из-за дождя.

Она стряхнула капельки воды с ресниц.

— Из-за чего же тогда?

— Я не уверен — но, возможно, только потому, что мне удалось выбраться из ловушки.

— Не могу поверить, чтобы существо такой силы можно так просто лишить воли к борьбе — и в тот раз, и в этот.

— Других предположений у меня нет. Зато я знаю, у кого они могут быть. — Ричард взял Кару за руку. — Пошли, собираем вещи и уходим отсюда.

Она указала куда-то за деревья.

— Вы идите за лошадьми. Я пока сверну наши одеяла. Высушим позже.

— Нет, я хочу уйти прямо сейчас. — Он поспешно достал из мешка рубашку, стараясь не сильно ее намочить. — Лошадей оставим здесь. У них в загоне есть вода и трава, поэтому они будут чувствовать себя вполне комфортно, оставаясь там какое-то время.

— Но на лошадях мы бы покинули эти места быстрее.

Просовывая руки в рукава рубашки, Ричард не спускал глаз с окрестностей.

— Мы не сможем провести лошадей по горной тропе — местами она слишком узка. И мы не можем взять их с собой в Предел Агаден, где обитает Шота. Они получат нужный им отдых, пока мы будем у ведьмы. А потом, когда выясним у Шоты, что она знает о местонахождении Кэлен, вернемся и заберем их. Может быть, Шота знает даже, как нам избавиться от этой твари, которая меня преследует.

Кара кивнула.

— Разумно, но мне бы все-таки хотелось выбраться отсюда как можно быстрее, и лошади бы в этом пригодились.

Присев на корточки, Ричард сворачивал промокшее одеяло.

— Я тебя понимаю, но до перевала уже недалеко, и лошади там не пройдут, так что лучше двигаться пешком. И как я уже сказал, лошадям в любом случае надо отдохнуть, иначе проку от них не будет.

Кара достала из мешка плащ, затолкала на его место те несколько вещей, что вынимала для ночлега, и забросила его за плечо.

— Нам нужно забрать вещи из седельных сумок.

— Оставим их здесь. Я не собираюсь тащить с собой ничего, кроме самого необходимого.

Кара смотрела куда-то сквозь пелену дождя.

— Но их могут украсть.

— Воры не подходят так близко к обители Шоты.

Она нахмурилась.

— Почему?

— Потому что Шота и ее спутник бывают здесь, а она не любит шутить.

— Здорово, — пробормотала Кара.

Ричард бросил сумку за спину.

— Пошли. Быстрее.

Он шел впереди, она следом.

— Ты никогда не задумывался, что ведьма, возможно, опаснее этой твари?

Ричард оглянулся на нее через плечо.

— А ты сама просто божий одуванчик, не так ли?

Глава 37

Когда густой лес остался позади, дождь сменился снегом. Деревья здесь были чахлыми, так как росли в суровых условиях горного климата. Проходя через этот лес, путники чувствовали себя так, будто их окружили иссохшие и окаменевшие души, навечно застывшие в неестественных позах, поднявшиеся из могил лишь затем, чтобы навеки укорениться в священной земле и остаться безмолвными свидетелями бренности мира.

Несмотря на распространенное мнение о том, что в этот лес нельзя входить без некоей мистической защиты, у Ричарда он не вызывал никакого суеверного страха. Все эти россказни он считал проявлением добровольного невежества. Ричард знал, что лежит в основе всех суеверий — готовность человека признать свою беспомощность перед окружающим миром, считать себя игрушкой в руках неведомых жестоких сил — задобрить которые можно, только на коленях вымолив у них пощаду или же принеся нужный фетиш в ритуальное место.

Ричарду, конечно, всегда бывало жутковато в таких местах — но он знал, что это за лес и почему деревья здесь выросли именно так, а не иначе. Ему было известно, что существует два способа справиться с первобытными страхами. Суеверный путь заключался в том, чтобы носить священные талисманы и амулеты, отпугиваю-

щие злобных демонов и таинственные темные силы, обитающие в подобных местах, а также надеяться, что изменчивые духи будут благосклонны. Такие люди с полной уверенностью заявляли, что таинственные силы непостижимы для простых смертных, и искренне верили, что все зависит от судьбы, — ведь этим можно было восполнить все слабые места их убеждений.

Веря в свободную волю, Ричард выбрал для себя второй способ борьбы — познавать законы мира, быть всегда настороже, самому отвечать за свою жизнь и безопасность. Именно из-за этой битвы между судьбой и свободной волей он не признавал пророчеств. Выбор в пользу судьбы был бы поражением свободной воли и одновременно означал бы снятие с себя всякой ответственности.

Когда они с Карой шли через этот необычный лес, Ричард внимательно смотрел по сторонам, но не увидел ни сказочных чудовищ, ни мстительных духов. Среди деревьев гуляли только ветер и дождь.

Преодолев в головокружительном темпе большое расстояние в условиях влажной жары Древнего мира, они теперь понимали, что это было куда проще и легче, чем идти на холодном ветру по горной тропе, вдобавок попав перед этим под дождь. Ричард понимал, что несмотря на усталость от подъема, нужно идти как можно быстрее, согреваясь ходьбой, иначе холод быстро одолеет их. Он хорошо знал, как предательский холод соблазняет путников остановиться и прилечь отдохнуть, как их одолевает сон, а смерть тем временем уже поджидает свою добычу. Как сказал ему однажды Зедд: от чего бы ни умрешь, а все одно мертвым будешь. Ричард знал, что может погибнуть от холода с таким же успехом, как и от стрелы.

Кроме того, они оба хотели отойти как можно дальше от того места, где он чуть было не стал жертвой страшной ловушки. Ожоги, оставшиеся от мимолетного соприкосновения с гибельной паутиной, покрылись волдырями. От одной мысли о том, какой участи он избежал, его бросало в дрожь.

В то же время его не очень радовала мысль встретиться с Шотой в ее обители. В последний раз, когда он там был, она заявила, что убьет его, если он когда-нибудь вернется. Ричард не сомневался,

что это не было пустыми словами. Но все-таки он верил, что Шота — лучшая возможность получить помощь в поисках Кэлен.

Он отчаянно желал найти кого-то, кто располагает полезными сведениями, и, перебрав все возможные варианты, не нашел никого, кто казался бы более осведомленным, чем Шота.

Никки не смогла ничего предложить. Зедд смог бы помочь в какой-то степени — быть может, и другие волшебники внесли бы свою лепту, но никто из них не мог твердо указать ему нужное направление. А именно этого он ожидал от Шоты, поэтому не долго колебался с выбором.

Когда очередной порыв ветра бросил им в лицо волну мокрого снега, Ричард плотнее завернулся в плащ. Идя по узкой тропе, им приходилось наклоняться не только ради равновесия, но и из-за сильного ветра. От снега плащи уже покрылись ломкой коркой.

В горном ущелье, продуваемом ветром, разговаривать было по меньшей мере затруднительно. Даже простой вдох на этой высоте требовал усилий. Взглянув на лицо Кары, он понял, что ей так же плохо, как и ему.

В любом случае Ричард не был в настроении вести беседы. День за днем он разговаривал с Карой, и это никогда ни к чему не приводило. Казалось, что его вопросы расстраивают Кару точно так же, как его — ее ответы. Он знал, что она считает эти вопросы абсурдными; сам он мог сказать то же самое о ее ответах. Несоответствия и провалы в памяти Кары поначалу обескураживали его, затем стали просто раздражать. Несколько раз ему приходилось обрывать себя на полуслове и напоминать себе, что она делает это не нарочно. Он знал, что если бы Кара могла честно рассказать ему то, что он хотел услышать, она бы с готовностью это сделала. Также он знал, что если она будет лгать, подыгрывая ему, это ни на йоту не приблизит их к Кэлен. Ему нужна была правда; это была одна из причин, по которым он хотел увидеться с Шотой — колдуньей, которая обладала манерой изрекать странные и неприятные, но всегда подтверждающиеся истины.

Ричард снова и снова перебирал в памяти множество моментов, когда Кара была вместе с ним и Кэлен. Кара, в свою очередь,

помнила то, что имело значение для нее — и эти воспоминания не всегда совпадали с тем, что происходило в действительности. Во многих случаях — например, когда он отправился в Храм Ветров — Кара просто не могла припомнить ключевые моменты ситуаций, в которые была вовлечена Кэлен. В других случаях события, которые описывала Кара, серьезно отличались от тех, которые имели место в действительности.

По крайней мере, если память не изменяла Ричарду. Бывали моменты, когда он со страхом думал о том, что это у него проблемы с памятью. Кара считала, что он помнит то, чего никогда не происходило. Чем больше он вспоминал, тем больше крепло ее убеждение, что его иллюзии относительно выдуманной им самим жены прорастали в его сознании, как грибы после дождя.

Но хорошая память Ричарда о происходивших событиях и о том как эти события были связаны между собой, снова возвращала его к твердому убеждению: Кэлен — вовсе не плод его фантазии.

Воспоминания Кары о некоторых вещах были очень четкими сильно отличались от воспоминаний Ричарда. Иногда же, напро тив, ее память оказывалась на удивление смутной. Ее саму эт расстраивало, а он продолжал на нее давить.

На их с Кэлен свадьбе Кара была единственной морд-сит сре ди гостей. С точки зрения Ричарда, такое событие должно был быть для нее знаменательным — но Кара помнила только, что побывала вместе с ним в деревне народа Тины. Но для чего бы им понадобилось ходить туда, если не ради свадьбы? Кара ответила, что не знает точно, с какой целью он туда ходил — но уверена, что у него были на то свои причины. Ее же дело — ходить повсюду вместе с ним и защищать его.

В итоге Ричарду просто хотелось рвать на себе волосы. Кара не вспомнила, как путешествовала вместе с ним и Кэлен по колодцу сильфиды, чтобы вовремя попасть в деревню племени Тины Ей тогда не хотелось нырять в сильфиду, так похожую на ртуть, и дышать ею. И именно Кэлен уговорила ее воспользоваться этим чудом волшебства. Да, Кара помнила, что в той деревне они встретили Зедда, и там же ненадолго появилась Шота. Но из памяти

морд-сит начисто исчезла память о том, как та преподнесла Кэлен кулон в качестве свадебного подарка и знака примирения. Вместо этого появилось другое объяснение: Шота якобы явилась лишь затем, чтобы поздравить Ричарда с возвращением из Храма Ветров, где ему удалось остановить эпидемию чумы.

Когда он расспрашивал Кару о волшебнике Марлине, убийце, которого послал Джегань, оказывалось, что она хорошо помнит, как он пришел убить Ричарда — но ничего не запомнила о тех моментах, которые были связаны с Кэлен. Когда же он спрашивал, как бы он вообще добрался до Храма Ветров или излечился от чумы без помощи Кэлен, Кара только пожимала плечами и отвечала: «Лорд Рал, вы чародей, и вы должны знать об этом, а не я. Мне жаль, но я не знаю, каким образом вы пользовались своими силами. Я не знаю, как действует магия. Знаю только, что вы как-то ухитрились, сделали то, что были должны — и у вас получилось. Точно так же я не могу объяснить и того, как вы излечили меня. Но я не помню, чтобы в этом принимала какое-то участие та женщина, о которой вы говорите. Я бы хотела вспомнить это ради вас, но не могу».

Все, что имело отношение к Кэлен, Кара либо помнила по-другому, либо не помнила вообще. С точки зрения Ричарда, в ее версии событий было множество мелких нестыковок, которые ставили ее под сомнение, — но для морд-сит все казалось простым, последовательным и вполне логичным.

Сказать, что невозможность убедить Кару в существовании Кэлен вызывала у него раздражение, означало не сказать ничего. И Ричард бросил бессмысленные попытки вернуть Кару к реальности. Она просто не помнила Кэлен, вот и все.

Ричард понимал, что произошедшему должно быть разумное, рациональное объяснение: например, некое заклятие, которое изменило ее память — нет, изменило память у всех. Он уже понял, что не осталось ни одного события или мелкой детали, которая бы вызвала у и у Кары, и у Никки, и у Виктора ассоциацию с Кэлен.

Хуже того, любая попытка вспомнить Кэлен вызывала у нее и всех других состояние глубокой печали.

Ричард оглянулся, чтобы убедиться, что Кара не отстала. В горах, окружающих Предел Агаден, свалиться в пропасть было весьма несложно. Достаточно лишь оступиться — и падение неизбежно.

Меньше всего ему хотелось потерять Кару из виду в этой снежной пелене. Случись что-нибудь, и вой ветра заглушил бы их голоса, зовущие на помощь, а вьюга мгновенно замела бы следы. Удостоверившись, что Кара от него на расстоянии вытянутой руки, Ричард продолжил свой путь против ветра.

Заново прикручивая в уме события последних дней, он понимал, что больше думает о трудностях и усилиях, чем о конкретных путях решения задачи. Еще в детстве Зедд учил его сосредотачиваться не на проблеме, а на цели.

Ричард дал себе слово, что будет заниматься только исчезновением Кэлен, а не всеми следствиями из его. Кара, Никки, Виктор — все они могли по-своему объяснить неувязки в цепи событий. Никто из них не помнил того, что, по убеждению Ричарда, происходило в действительности. Расспрашивая их о том, что было связано с Кэлен, он получал ответы, уводящие все дальше и дальше от реальности.

Он должен был справиться со своими эмоциями, перестать плакать у разбитого корыта и сосредоточиться на поиске решения.

Но это было не так просто. Главную роль здесь играла память. И визит к Шоте только должен был вернуть ему большинство воспоминаний. Впервые он встретился с ведьмой, когда сопровождал Кэлен. Они посетили Шоту, чтобы попросить у нее помощи в поиске последней утраченной шкатулки Одена — после того, как Даркен Рал ввел их в игру.

Кэлен была тесно связана со многим в его жизни. Собственно говоря, он еще ребенком знал ее как Исповедницу — задолго до того, как познакомился с ней в лесу возле Хартленда.

Когда он был еще мал, Джордж Сайфер, человек, воспитавший его, заменивший ему родного отца, рассказал маленькому Ричарду, что уберег от опасности тайную книгу, привезя ее в Вестландию. Отец рассказывал ему, что пока книга существует, он

представляет для всех страшную опасность — но он не может решиться уничтожить хранящиеся в ней знания. Единственный способ не допустить того, чтобы эти знания оказались в руках зла — это запомнить текст книги, а затем сжечь ее саму. Для этой задачи он выбрал Ричарда.

Отец Ричарда приводил его в тайное место далеко в лесу, где наблюдал за тем, как день за днем, неделю за неделей, он сидит над книгой, запоминая ее содержание. Сам он ни разу даже не заглянул в книгу — это было делом Ричарда.

После длительного чтения и запоминания Ричард начал записывать то, что запомнил. Затем он сверял свои записи с текстом книги. Вначале ошибок было много, но постепенно их число уменьшалось. Его отец каждый раз сжигал записи. Ричарду приходилось бессчетное количество раз делать одно и то же.

В итоге Ричард несколько раз переписал всю книгу без единой ошибки — и убедился в том, что никогда уже не забудет ни единого слова. Когда он убедил отца, что вся книга теперь находится в его памяти, они снова спрятали ее в секретном месте в скалах и в течении трех лет не возвращались туда.

Ричард вернулся за ней, когда ему было около пятнадцати. Отец сказал, что если он сможет переписать всю книгу без ошибок, они оба будут удовлетворены и вместе сожгут ее. Без всяких колебаний Ричард написал текст от начала и до конца. Сравнив свои записи с оригиналом, он снова убедился в том, что уже знал: ошибок не было.

Вместе с отцом они развели костер. Джордж дал ему книгу и сказал, что если он уверен, то пусть бросит ее в огонь. Тогда он держал в руках «Книгу Сочтенных Теней» и проводил пальцами по тонкой кожаной обложке. В его руках находилось не только доверие его отца, но и доверие всех людей. Чувствуя груз этой ответственности, Ричард бросил книгу в огонь. В этот миг он простился с детством.

Сгорая в огне, книга выделяла не только тепло, но и холод, на ней плясали разноцветные огни и фантомы. Ричард понял тогда, что впервые видит магию — не деревенские мистические фокусы, а настоящую, реально существующую магию.

Но тогда, в тот день, когда еще ребенком он впервые открыл эту книгу, он, еще не подозревая о будущем, встретился с Кэлен. «Книга Сочтенных Теней» начиналась словами: «Истинность всего, что написано в „Книге Сочтенных Теней", может быть подтверждена только Матерью-Исповедницей...»

Кэлен была последней Исповедницей.

Он встретил ее, когда шел по следам убийцы своего приемного отца. Даркен Рал воспользовался шкатулками Одена — но чтобы открыть их, ему необходима была подсказка, содержащаяся в «Книге Сочтенных Теней». Он не знал, что на тот момент эти знания содержались только в памяти Ричарда, и чтобы установить это, ему понадобилась Исповедница — Кэлен.

Таким образом, Ричарда и Кэлен объединяла Книга и все связанные с ней события — начиная с того дня, как маленький Ричард впервые взял ее в руки.

Когда в тот день он встретил в лесу Кэлен, ему показалось, что он знал ее всю жизнь. В каком-то смысле это было правдой. Она принимала участие в его жизни, влияла на его мысли, даже когда он был еще ребенком.

В тот миг, когда он увидел ее на тропинке в Хартлендском лесу, в его жизни начался совершенно новый период. Решение помочь ей было актом свободной воли, который свершился, прежде чем пророчество успело о нем поведать.

Кэлен — часть его самого, часть его мира; он не мог представить себе жизнь без нее. Он должен ее найти. Пришло время сосредоточиться не на проблеме, а на ее решении.

Порыв ледяного ветра прервал его мысли и вернул к реальности.

— Там, — сказал он.

Кара остановилась и направила взгляд сквозь пелену снега в ту сторону, куда он указывал. Наконец она различила тонкую горную тропку. Ричард оглянулся.

— Это самое высокое место. Скоро начнется спуск, и там будет теплее.

— Ты, наверное, хотел сказать, что вместо снега нас снова ожидает ливень, — проворчала она.

Ричард отлично понимал, какие неудобства она испытывает — но в ближайшее время ничем не мог помочь.

— В общем, да, — ответил он.

Неожиданно сквозь снег они увидели что-то маленькое и темное. Прежде чем Ричард успел что-либо разглядеть или предпринять, это что-то сбило его с ног.

Глава 38

Ричард увидел, как взметнулась к лицу земля и промелькнули в воздухе его ноги, затем все побелело. Мгновение он не мог сказать, где верх, а где низ.

А потом он всем телом грохнулся о землю, и его потянуло вниз по склону. Снег не слишком-то смягчил удар. Воздух вышибло из легких. Катясь кубарем, он успевал увидеть землю лишь мельком. Мир бешено вращался. Он быстро осознал, что склон становится все круче — но не мог ни остановиться, ни даже замедлить это падение.

Нападение было столь быстрым и неожиданным, что Ричард не успел напрячь мышцы и остаться на ногах. Но мысль о собственной оплошности никак его не утешила. Он перекатился через ком твердой земли и приземлился на грудь. Этот первый удар буквально вышиб из него дух; Ричард попытался вдохнуть, скользя вниз лицом по склону, но вместо воздуха набрал полный рот снега.

Сейчас сила падения и крутизна склона не позволили остановить все ускоряющееся скольжение. То, что он летел головой вперед и лицом в снег, тоже не облегчало положения. В отчаянной попытке остановить или хотя бы замедлить движение Ричард раскинул руки. Он пытался погрузить их в снег и зацепиться за скрытый под ним щебень — но тот лишь начинал скользить вместе с ним.

Он увидел, как рядом промелькнула тень. Сквозь вой ветра донеслись дикие крики ярости. Что-то твердое ударило по ребрам. Ричард зарылся пальцами и носками сапог глубже в осыпь под снежным покровом. Из-за снега, вихрящегося вокруг, он не видел ничего, кроме белой мути.

Черный силуэт снова вынырнул из снежного облака. Новый удар, на этот раз гораздо сильнее. Прямо по почкам. Кто-то желал помочь его дальнейшему падению. Ричард закричал от боли. Повернувшись в отчаянии на правый бок, он услышал неповторимый звон стали — Меч Истины вынимали из ножен.

Если бы Ричард не пробовал отобрать вырванный у него меч, он не потерял бы равновесия. Но ему пришлось рискованно изворачиваться — зная, как легко разрезать руку пополам, если схватиться за само бритвенно-острое лезвие, он попытался перехватить эфес или хотя бы гарду. Увы, оказалось поздно. Нападавший вогнал каблуки в землю и сумел остановиться, а Ричард вылетел из его поля зрения.

И теперь кувыркался головой вперед, то и дело стукаясь о неровную землю.

Посередине очередного кувырка, в который раз пытаясь раскинуть руки и ноги, чтобы хоть так овладеть положением, Ричард налетел спиной на выступ скалы под снегом. Снова из него вышибло дух, еще больнее прежнего.

Сила толчка перебросила его через препятствие.

Леденящий ужас охватил его, когда он осознал, что висит в воздухе. Отчаянным и машинальным усилием он успел схватиться за тот самый выступ скалы. Он держался, а ноги болтались над обрывом.

Ричард вцепился в камень изо всех сил. На мгновение он прилип к скале, собираясь с духом и хватая ртом воздух. Ну да, по крайней мере, он прекратил падать. Снег и щебень все еще сыпались сверху ему на голову и руки. Ричард осторожно попытался нащупать ногами опору. Не нашел. Он беспомощно болтался, словно живой маятник на заснеженной скале.

Бросив взгляд через плечо, он увидел снегопад и ползущие внизу темные облака. Сквозь небольшой разрыв было видно, как камешки падают к деревьям и скалам далеко внизу.

Наверху появились широко расставленные ноги. Затем обрисовался темный силуэт с длинными руками, бледной головой и серой кожей. Выпуклые желтые глаза, словно две лампады, уставились на него сквозь бледно-голубое сияние бури. Бескровные губы разошлись в улыбке, обнажая острые зубы.

Это был слуга Шоты, Самюэль.

Он сжимал меч Ричарда в руке и выглядел более чем довольным собой. Бурое рубище Самюэля болталось на ветру, словно флаг победы. Он отступил на несколько шагов, ожидая, пока Ричард упадет с горы.

Пальцы Ричарда понемногу соскальзывали с края. Он попытался обхватить камень руками, чтобы вскарабкаться или хотя бы взяться поудобнее. Безуспешно. Впрочем, даже если бы он смог схватиться поудобнее, Самюэль стоял с мечом наготове, чтобы обеспечить падение Ричарда. Внизу была пропасть, по меньшей мере, в тысячу футов.

Положение было опасным и уязвимым. С трудом верилось, что Самюэль так провел его — и смог похитить меч. Он вглядывался в серые клочья тумана, разметанные метелью, но не видел Кару.

— Самюэль! — крикнул Ричард. — Отдай мне меч!

Требование показалось смешным даже ему самому.

— Мой меч, — прошипел Самюэль.

— А что, по-твоему, скажет Шота?

Бескровные губы разошлись в улыбке:

— Хозяйки здесь нет.

Словно призрак, выходящий из тени, позади Самюэля проявилась темная фигура. Это была Кара. Темный плащ вился по ветру, придавая ей вид карающего духа. Ричард понял, что она, видимо, шла по следу его падения. Вой ветра и увлеченность трепыханиями Ричарда помешали Самюэлю заметить появление морд-сит.

Единым взглядом она охватила Самюэля с Мечом Истины в руке, стоящего над прилипшим к скале волшебником. По прежним встречам Ричард помнил, что внимание и действия Самюэля полностью зависят от его переменчивого настроения; он был рабом своих чувств. Теперь Самюэль был слишком поглощен весельем, чтобы заметить еще одного врага. Объект его давней, безмерной, тщательно лелеемой ненависти наконец-то был у него на острие меча — того меча, который когда-то принадлежал ему и до сих пор завораживал его.

Не издав ни слова, Кара без всяких церемоний ткнула эйджилом в основание шеи Самюэля — для более плотного контакта было слишком скользко.

Самюэль вскрикнул от боли и неожиданного ужаса, уронил меч и опрокинулся в снег. Корчась от безумной боли, не понимая, что произошло, он царапал шею в том месте, где Кара прикоснулась эйджилом. Визжа, он барахтался в снегу, как рыба на песке. Ричард знал, что шок от прикосновения эйджила именно в этой точке был подобен удару молнии.

По выражению лица Кары, склонившейся над поверженным уродом, Ричард понял, что она собирается вторым прикосновением эйджила прикончить Самюэля.

Ричарду было в общем-то все равно, убьет ли она вероломного слугу ведьмы, — но у него имелись гораздо более срочные проблемы.

— Кара! Я соскальзываю!..

Девушка немедленно подхватила меч, чтобы оружие не досталось Самюэлю, и ринулась на помощь Ричарду. Вонзив лезвие в землю позади себя, она наклонилась, уперлась сапогами в землю и перехватила его за руки. Она подоспела весьма вовремя.

С помощью Кары Ричард сильнее уцепился за камни. Какое-то время они балансировали в неустойчивом положении, затем он наконец-то сумел вскинуть локоть на выступ обрыва и опереться на него. Утвердившись здесь, Ричард смог перебросить через край обрыва ногу и зацепиться ею за камни. Кара схватила его за пояс и помогла подтянуться. Напрягшись, он перевалился через предательски-скользкий валун и упал на бок, хватая ртом разреженный воздух.

— Спасибо, — еле выдавил он.

Кара бросила взгляд через плечо, не выпуская Самюэля из вида. Ричард собрался с силами и встал. Утвердившись прочно на краю скалы, он тотчас вытащил меч из земли.

Ричарду с трудом верилось, что Самюэль смог так его подстеречь. С тех пор, как они с Карой покинули утром свой лагерь, он следил, чтобы Самюэль не появился неожиданно. Впрочем, Ричард знал, что даже будучи начеку, даже предвидя нападение, невозможно быть ежеминутно готовым к отпору — как невозможно было остановить каждую стрелу в то утро, когда исчезла Кэлен.

Ричард вытер снег с лица. Он летел кувырком, зарывался в сугробы и висел на краю скалы — неудивительно, что его так трясло. Впрочем, более всего — от злости.

Самюэль, бесформенной грудой валяясь в снегу, извивался, тихо хныкал, бормотал что-то, неразличимое за воем ветра. Увидев, что Ричард, взрывая снег, направляется к нему, он неуклюже поднялся на ноги, забыв даже о мучительной боли: ведь он вновь увидел предмет своих вожделений.

— Мой! Оддай! Оддай мой меч!

Ричард нацелил острие на отвратительного карлика.

Увидав приближающееся лезвие, Самюэль мигом растерял все мужество и попятился на несколько шагов вверх по склону.

— Пожалуйста, — заскулил он, заслоняясь от клинка руками, — не убивать меня!

— Что ты здесь делаешь?

— Хозяйка посылает меня.

— Вот как? Шота послала тебя убить меня? — усмехнулся Ричард.

Он хотел заставить Самюэля сказать правду.

Самюэль энергично затряс головой.

— Нет. Не убить.

— Так это была твоя идея?

Самюэль не ответил.

— Тогда зачем? — надавил Ричард. — Зачем Шота послала тебя?

Взгляд Самюэля переметнулся на Кару — морд-сит сдвинулась вбок, наполовину обойдя его. Самюэль зашипел на нее, обнажив зубы. Кара, ничуть не впечатленная, молча показала ему эйджил. Его глаза округлились от страха.

— Самюэль! — рявкнул Ричард.

В желтых глазах Самюэля снова вспыхнула ненависть.

— Зачем Шота послала тебя?

— Хозяйка ... — захныкал он, его злоба испарялась. Он с тоской посмотрел в направлении Предела Агаден. — Она посылает слугу.

— Зачем?!

Самюэль съежился, когда Ричард рявкнул и, полный гнева, шагнул к нему. Стараясь следить за ними обоими, карлик указал длинным пальцем на Кару.

— Хозяйка сказала, тебе привести красивую госпожу.

Это был сюрприз. И по двум причинам. Во-первых, «красивой госпожой» Самюэль всегда называл Кэлен. Во-вторых, Ричард никогда бы не подумал, что Шота захочет видеть Кару вместе с ним в Пределе Агаден. Его это встревожило.

— Почему она хочет, чтобы красивая госпожа пошла со мной?

— Не знаю... — Бескровные губы Самюэля растянулись в ухмылке. — Может, чтобы убить.

Кара взмахнула эйджилом так, чтобы он видел.

— Если попробует, ей может достаться посильнее, чем тебе. Может, это я ее убью.

Самюэль завизжал от ужаса, его выпуклые глаза расширились.

— Нет! Нет убивать хозяйку!

— Мы пришли не для того, чтобы причинить вред Шоте, — объяснил Ричард. — Но защищаться мы будем.

Самюэль, упершись кулаками в землю, наклонился к Ричарду.

— Увидим, — злобно прорычал он, — что хозяйка сделает с тобой, Искатель.

Прежде чем Ричард смог ответить, Самюэль неожиданно нырнул в метель. Удивительно, как быстро он умел двигаться.

Кара рванулась за ним, но Ричард схватил ее за руку, останавливая.

— Я не в настроении бегать за ним, — сказал он. — Да и вряд ли мы его поймаем. Он знает путь, а мы — нет. Мы не можем идти по следам быстрее, чем он их оставляет. К тому же он вернется к Шоте, а именно туда мы и направляемся. Нет смысла тратить силы — все равно встретимся.

— Зря вы не позволили мне убить его.

Ричард направился по следам вверх по склону.

— Зря. Но я не умею летать.

— Ваша правда, — со вздохом признала она. — Вы в порядке?

Ричард кивнул, возвращая меч в ножны. Гнев его понемногу проходил.

— Спасибо тебе.

Кара расцвела довольной улыбкой.

— Я же говорила, без меня вы бы не справились! — Она огляделась, но кругом был лишь серо-голубой туман. — Что, если он попытается снова?

— Самюэль прежде всего трус и приспособленец. Он нападет, только если посчитает противника беспомощным. Насколько я его знаю, храбрости в нем ни капли. Впрочем, и раскаяния тоже.

— Зачем ведьма его держит?

— Не знаю. Может быть, Шоте просто нравится, как он пресмыкается перед нею. Может, он ей нужен в качестве посыльного. А, может, Самюэль единственный, кто рад быть ее слугой. Большинство людей боится Шоты как смерти — и, насколько я знаю, никто не рискует проходить рядом с этим местом. Хотя Кэлен говорила мне, что ведьма не может не околдовывать людей — так уж ей на роду написано. Но Шота как женщина по-своему соблазнительна и, думаю, если бы она захотела найти себе стоящего слугу, то смогла бы отыскать кого-нибудь получше, даже не прибегая к колдовству.

Он перевел дыхание:

— Теперь, когда мы его отогнали, я сомневаюсь, что Самюэль наберется смелости напасть снова. Он передал сообщение Шоты. Мы напугали и ранили его — он, скорее всего, захочет укрыться под защитой Шоты. К тому же он, вероятно, думает, что Шота может нас убить, и будет счастлив, если она сделает это.

Кара на мгновение вгляделась в снегопад, прежде чем последовать за Ричардом по крутому склону.

— Как ты думаешь, зачем Шоте понадобилось слать вестника, чтобы убедиться, что я спущусь с тобой в Предел Агаден?

Ричард нашел след и зашагал по нему. Он видел отпечатки ног Самюэля, но метель уже заносила их.

— Не знаю. Это озадачивает меня.

— И почему Самюэль думает, что меч принадлежит ему?

Ричард глубоко вздохнул.

— Самюэль носил его до меня. Он был последним Искателем передо мной — хотя и не был законно им объявлен. Я не знаю,

как он получил Меч Истины. Зедд явился в Предел Агаден и отобрал его. Самюэль до сих пор считает меч своим.

Кара не могла поверить.

— Что? *Он* был последним Искателем?

Ричард бросил на нее многозначительный взгляд.

— У него не было магии, решительности или характера, нужных, чтобы стать настоящим Искателем Истины. Он не смог совладать с силой меча — и эта сила превратила его в то, что ты видела сегодня.

Глава 39

Ричард вытер пальцем пот и капли влаги со лба. Свет едва проникал в полумрак на нижних уровнях леса, которым поросло здешнее болото, но даже без палящего солнца удушливая жара угнетала. После выхода из бури, бушевавшей на перевале, жара докучала Ричарду не так сильно, как могла бы при других обстоятельствах. Кара тоже не жаловалась — но она вообще редко жаловалась на личные неудобства. Пока девушка была рядом с ним, она была всем довольна — зато стоило Ричарду сделать что-то, по ее мнению, излишне рискованное, как Кара сразу начинала злиться. Неудивительно, что ее так раздражал визит к Шоте.

Там и сям в грязи и на мягкой лесной земле Ричард видел свежие следы Самюэля. Было ясно, что слуга Шоты горел желанием вернуться под ее защиту и рысью бежал напрямик. Кара тоже заметила следы — причем сразу, как только они появились. Ричарду это понравилось. Морд-сит стала лучше разбираться в следах с того дня, когда исчезла Кэлен и Ричард показывал ей, Никки и Виктору, как можно читать следы, словно запись событий.

Следы Самюэля указывали, что он торопится и вряд ли вздумает наброситься на них снова. Но Ричард и Кара все равно держались настороже — на случай, если он или что-нибудь столь же неприятное скрывается в тенях. В конце концов, это болото тоже предназначалось для отпугивания непрошеных гостей. Ричард не

знал, что таилось под покровом листвы и теней — но люди Срединных Земель, в том числе волшебники, не боялись бы приходить в святилище Шоты без особой на то причины.

Дождь уже прекратился, но туман и влажность с успехом его заменяли. Взвешенные в воздухе мельчайшие частицы воды конденсировались в кронах деревьев и то и дело рушились на землю тяжелыми каплями. Широкие листья на длинных стреловидных черешках, пробившиеся сквозь спутанную поросль, вьющийся по стволам деревьев плющ — все это вздрагивало под ударами капель. Весь лес словно кивал, хотя ветра не было никакого.

Деревья на болоте росли сучковатые и искривленные, словно поникшие под бременем плюща и занавесей мха, которые безвольно и тяжело свисали с ветвей в тумане. Стволы покрывала корка лишайника, а местами — черной слизи. Кое-где Ричард заметил птиц — сидя на ветвях, они будто чего-то выжидали.

Пар клубился прямо над застывшей поверхностью темной воды, стекавшей сюда с горных склонов. У кромки воды выступали сплетения корней, уходящие в глубину. Что-то двигалось в темных заводях, медленными волнами колыхая слой ряски. В сумрачных зарослях за окнами воды поблескивали глаза неведомых тварей.

По всей округе птичий гвалт наполнял сырой воздух. Ричарду и Каре приходилось отмахиваться от жужжащих вокруг насекомых. Из тумана доносилось уханье и свист разной живности. Но густая неподвижная растительность и влажный, давящий воздух придавали этому месту недобрую безжизненность. Ричард заметил, как Кара морщит нос от всепроникающего гнилостного зловония.

Тропа была больше похожа на живой туннель, пробитый в густой поросли. Ричард был рад, что не требовалось оставлять след Самюэля и лезть в окружающее болото. Он без труда мог представить когти и клыки, терпеливо ждущие там, пока подвернется обед.

Когда они достигли границы мрачного болота, Ричард задержался под прикрытием глубокой тени. Выглянув из темного сплетения ветвей, мха и липкой зелени, он ощутил, будто вышел к дневному свету из мрака пещеры. Хотя над болотом висели туман и морось, здесь вечернее солнце пробилось сквозь облачный покров

и теперь изливало потоки золотого света на далекую долину, сиявшую, как выставленный напоказ самоцвет.

Вокруг зеленеющей долины почти отвесно поднимались серые стены гор, упираясь вершинами в облачный покров. Насколько знал Ричард, единственный путь в жилище Шоты проходил через болото. Травяной ковер долины внизу был усыпан дикими цветами. Дубы, клены и буки рассыпались по холмам, но рядами выстраивались в низине вдоль ручья; их листья слабо отблескивали в мягком вечернем свете.

В лесу, где стояли Ричард и Кара, было так темно, что казалось, будто сейчас они глядят из ночи в день. Невдалеке, за лозами и зарослями кустарника, вода срывалась с каменистой скалы на краю болота, чтобы исчезнуть в облаке брызг на пути к чистым прудам и ручьям далеко внизу; с высоты, где стояли путники, далекий рев водопада казался немногим громче шипения. Водяная пыль орошала лица, когда они смотрели вниз с края скалы.

На поверхности скалы след, естественно, исчез — но он теперь уже и не был нужен Ричарду. В долину можно было пройти лишь одним путем. Ричард повел Кару по узкой тропе вдоль опушки леса. Ее было бы практически невозможно обнаружить, если бы по своему предыдущему посещению он не помнил, где надо искать. Тропа проходила через лабиринт валунов, густо поросших бледно-зеленым папоротником. Вьюнки, мох и кустарник также помогали скрыть неприметную дорогу.

Сделав несколько петель по краю обрыва, тропа наконец-то пошла вниз. Спуск в долину состоял в основном из многих тысяч ступеней, выбитых в скале. Эта лестница извивалась, кое-где проходила сквозь тоннели, но все время стремились вниз, следуя естественной форме уступов скалы — иногда спиралью обвиваясь вокруг естественных каменных колонн или ныряя под мостики, образованные самой природой.

Вид при спуске открывался захватывающий. Ручьи, стекающие с гор, вились между невысокими холмами, мимо свежих зеленых рощ; на вершинах холмов красовались отдельные деревья, вольно и широко раскинувшие кроны — словно короли, озирающие свою

державу. Ничего красивее Ричарду не доводилось видеть. Все дышало таким спокойствием и приветливостью, что душа невольно наполнялась радостью.

Вдали, посередине долины, полускрытый купами громадных деревьев, высился дворец — изящный и великолепный. Дух захватывало при виде этой постройки. Тонкие шпили вздымались в воздух, кружевные мостики, протянутые на умопомрачительной высоте, соединяли между собой башни, лестницы вились вокруг башенок. На каждом шпиле реяли по ветру яркие флаги и вымпелы. Если бы столь величественный дворец можно было назвать женственным, то это был как раз тот случай. Подобное жилище очень подходило такой женщине, как Шота.

В глазах Ричарда только его родина Хартленд, и еще горы к западу отсюда, куда он увез Кэлен отдохнуть тем долгим волшебным летом, могли сравниться по красоте с этим местом. Увидев долину впервые, он сразу составил определенное суждение о Шоте, еще не встретившись с нею. Пока Ричард шел через болота, он посчитал их подходящим обиталищем для ведьмы — но когда ему сказали, что на самом деле Шота живет в долине, он подумал, что тот, кто называет домом столь мирное, прекрасное место, наверняка должен иметь и какие-то хорошие качества. Лишь позже, попав в Народный Дворец, красота которого не мешала Даркену Ралу творить свои мерзости и преступления, он перестал принимать в расчет подобные вещи.

Тропа закончилась у подножия скалы, поблизости от водопада. Дальше через травянистые поля вела удобная дорога, теряясь среди невысоких холмов. Но прежде, чем ступить на нее, Кара предложила, пользуясь возможностью, окунуться, чтобы смыть с себя грязь.

Ричарду эта идея понравилась, поэтому он остановился и снял с плеч мешок. Стоило промыть болезненные ожоги, чтобы они могли быстрее зажить. Он весь пропотел, извозился в грязи и казался себе похожим на нищего.

Кэлен однажды сказала ему, что важно уметь произвести правильное впечатление. Она хотела, чтобы он нашел что-нибудь

получше одежды лесного проводника, и пыталась втолковать ему, что если он хочет быть лордом Ралом и править Д'Харианской империей, то должен выглядеть соответственно.

В конечном счете внешность — это отражение мыслей человека о себе, а следовательно, и о других. Если человек ненавидит себя или не уверен в себе, это отражается во внешности. Правда, бывают и несоответствия — но чаще всего огрехи во внешности не внушают доверия другим людям, потому что они, как правило, отражают недостатки внутреннего мира человека, осознает он это или нет.

Ни одна уважающая себя птица в добром здравии не позволит себе встрепанные перья. Уверенная в себе пума не оставит надолго свой мех грязным и всклокоченным. Статуя, предназначенная представлять благородство человека, не справляется с задачей, если показывает его растрепанным и грязным.

Ричард признал правоту Кэлен; собственно, он и сам начинал задумываться над этим еще до того разговора. Он нашел большую часть облачения боевого чародея в замке Волшебника. Он не знал, как его новый вид действовал на других людей — но помнил, как была поражена Кэлен.

Ричард обошел вокруг скал, отыскивая укромное место для купания, пока Кара искала другое для себя. Она пообещала управиться быстро.

Вода успокаивала, но Ричард не хотел терять время. Его беспокоили гораздо более важные проблемы. Начисто смыв пот и грязь и промыв ожоги, он надел снаряжение боевого чародея, извлеченное из мешка. Он подумал, что сегодня как никогда правильно будет явиться к Шоте вождем, а не беспомощным бродягой.

На черные штаны и безрукавку он надел черную, открытую с боков тунику. Магические символы вились по широкой золотой ленте, окаймлявшей подол и вырез туники. Широкий многослойный кожаный пояс, украшенный древними эмблемами из серебра, перехватывал тунику в талии. К поясу по бокам крепились отделанные золотом кисеты. Шипы, окаймляющие верх черных сапог, также были украшены символами. Он осторожно надел через правое плечо древнюю перевязь из тисненой кожи с закрепленными

на ней ножнами, расписанными золотом и серебром, а потом пристегнул Меч Истины к левому бедру.

Для большинства людей Меч Истины был только могущественным оружием; для Ричарда же — гораздо большим. Его дедушка Зедд, Первый волшебник, вручил меч Ричарду, назвав его Искателем. Это доверие значило столь же много, как доверие отца, поручившего ему запомнить наизусть книгу. Ричард долго шел к осознанию всей полноты доверия и ответственности, связанных с ношением Меча Истины.

Будучи грозным оружием, меч бессчетное количество раз спасал ему жизнь — но не с помощью своего могущества или каких-то особых качеств. Он спас ему жизнь, потому что помог постичь многое не только в себе, но и в жизни.

Без сомнения, Меч Истины научил его сражаться, танцевать со смертью и побеждать в, казалось бы, безнадежных ситуациях. И, помогая совершать самое страшное из всех деяний — убийство, клинок научил его определять, когда прощение оправдано. Таким образом, он помог Ричарду прийти к пониманию того, какие ценности важны для продвижения дела самой жизни. Более того, меч научил его составлять собственное суждение о каждой ценности и находить ей место в целостной картине мира.

«Книга Сочтенных Теней» помогла понять, что он уже не ребенок; Меч Истины научил его, как стать частью большого мира и найти свое место в нем.

В какой-то мере именно меч привел его к Кэлен.

И именно из-за Кэлен необходимо увидеть Шоту.

Ричард застегнул клапан мешка. Там был еще плащ, словно спряденный из золота, который нашелся вместе с остальными вещами боевого чародея в замке — но сегодня день был теплый, и он оставил плащ в мешке. Наконец Ричард надел на запястья широкие браслеты с кожаной подкладкой; ряд вырезанных на них древних символов был обведен узором из соединенных колец. Помимо прочего, эти символы использовались, чтобы пробуждать от сна сильфиду.

Когда Кара крикнула, что готова, Ричард взвалил на плечи мешок и пробрался к ней между скал. Тут он увидел, зачем она хотела остановиться. Она успела не только искупаться.

Девушка надела свой красный кожаный костюм.

Ричард бросил многозначительный взгляд на кроваво-красную униформу морд-сит.

— Шота может пожалеть, что пригласила тебя на праздник.

Улыбка Кары свидетельствовала, что если возникнут проблемы, она о них позаботится.

Когда они вышли на дорогу, Ричард сказал:

— Не знаю, на что способна Шота — но тебе, видимо, придется сегодня применить средство, которое ты раньше никогда не пробовала.

— Ты о чем? — нахмурилась Кара.

— Об осторожности.

Глава 40

Ричард высматривал в окружающих холмах малейший признак опасности, когда они с Карой вошли в рощу на вершине склона, где росли великолепные буки и клены. Стройные высокие стволы, разветвляясь, образовывали изящные арки, словно массивные колонны, поддерживающие сводчатый потолок величественного зеленого собора. Легкий ветерок доносил аромат диких цветов. Сквозь покров шелестящей листвы заманчиво поблескивали парящие шпили дворца Шоты.

Солнечные зайчики проникали сквозь листья и плясали в невысокой траве. Из-под крупного валуна пробивался родник и, заключенный в гладкие берега, стекал в мелкий извилистый ручей. По руслу ручья были разбросаны камни, покрытые зеленым мхом.

Женщина с густой гривой светлых волос, одетая в длинное черное платье, сидела в рассеянном солнечном свете на камне позади ручья, опустив в его струи изящную руку и пропуская чистую воду между пальцев. Казалось, она светилась. И воздух вокруг нее словно светился.

Даже издали, со спины, она казалась очень знакомой. Кара наклонилась к Ричарду и прошептала:

— Это Никки?

— Хотел бы я, чтобы это была она...

— Тогда кто же? Ты уверен?

Ричард кивнул.

— Я уже видел, как Шота это делает. Когда мы впервые встретились на этом самом месте, она явилась в облике моей покойной матери.

Кара сочувственно посмотрела на него.

— Жестокий обман.

— Она назвала это подарком, милостью, призванной только оживить заветные воспоминания.

Кара скептически хмыкнула.

— Тогда зачем ей заставлять тебя вспомнить Никки?

Ричард посмотрел на Кару, но не ответил.

Когда они наконец достигли вершины, женщина грациозно поднялась и повернулась к ним. Знакомые Ричарду голубые глаза встретили его взгляд.

— Я так рада снова тебя видеть, Ричард, — сказала женщина, выглядевшая как Никки. И голос был таким же шелковым, как у Никки. Вырез туго зашнурованного лифа казался даже ниже, чем он помнил.

Она шагнула вперед и положила руки ему на плечи, сплетя пальцы на его затылке. Воздух вокруг нее подернулся дымкой, придавая очертаниям ее тела расплывчатый, нереальный вид.

— Так рада, — с придыханием повторила она.

Сама Никки не могла бы быть так на себя похожа. Иллюзия была столь убедительной, что у Кары отвисла челюсть. Ричард почти поверил, что снова видит Никки.

Почти.

— Шота, я пришел поговорить с тобой.

— Разговор — для влюбленных, — сказала она, застенчивая улыбка озарила ее прекрасные черты.

Женщина провела пальцами по волосам на его затылке, мягкая улыбка стала теплой и нежной. Глаза, вторя улыбке, горели восторгом от встречи с ним. Она казалась такой довольной и

умиротворенной, какой Никки никогда не бывала — но была так на нее похожа, что волшебнику стоило больших усилий напоминать себе, что перед ним Шота. Внешнее сходство было полным, но действовала женщина скорее как Шота, чем как Никки. Никки в жизни не повела бы себя так откровенно и напористо. Это могла быть только Шота.

Она мягко привлекла его к себе. Ричард пытался придумать причину для сопротивления. На ум ничего не приходило. Он не мог оторвать взгляд от ее соблазнительных глаз. Голову кружило от удовольствия просто смотреть на чарующее лицо.

— И если таково твое предложение, Ричард, то я принимаю его.

Она так близко придвинулась к нему, что он ощутил сладкий аромат ее дыхания на лице. Ее глаза закрылись. Она поцеловала его медленным сладким поцелуем. Он не ответил. Но тем не менее и не оттолкнул ее.

Руки Никки еще сильнее обняли его, а поцелуй все длился, и Ричарда будто парализовало. Всякие мысли исчезли. Даже не столько поцелуй, сколько объятие пробудило в нем болезненную жажду утешения, прочной поддержки, преданной заботы и нежного участия. Обещание утешения, которого ему так долго не хватало, обезоружило его больше всего.

Он чувствовал каждую пядь, каждую округлость и впадинку сильного тела, прижимающегося к нему. Он помнил, что недавно думал о чем-то, кроме поцелуя, объятия, тела — но не смог бы вспомнить, о чем, даже если бы от этого зависела его жизнь. Ему вообще крайне сложно стало думать.

Все из-за поцелуя. Поцелуй заставил его забыть, кто он и зачем здесь находится — при том, что вряд ли этот поцелуй обещал любовь или хотя бы вожделение. Ричард не мог бы определить, что же он обещал. Возможно, это было просто приветствие.

Он твердо знал одно — этот поцелуй был не похож на тот, что подарила ему Никки в конюшне Алтур-Ранга перед отъездом. Тот поцелуй дарил восхитительное наслаждение с привкусом волшебства, и что бы там ни было сверх того, за ним стояла настоящая Никки. Зрительная иллюзия не имела ничего общего с

ее внутренним миром. Этот же поцелуй казался непреодолимым, словно тяжелый груз, но не слишком-то... эротичным. И все же он связывал Ричарда по рукам и ногам осторожными вопросами и безмолвными обещаниями.

— Никки — или Шота — или кто ты там, — прорычала Кара сквозь сжатые зубы, уперев кулаки в бедра, — а чем это ты занимаешься?

Женщина чуть-чуть отодвинулась и слегка повернула голову — щека ее так и осталась прижатой к щеке Ричарда. Она с любопытством взглянула на Кару, нежными пальцами продолжая лениво гладить волосы на его затылке. Мозг Ричарда сматывался в клубок.

Кара отпрянула, когда Шота в обличье Никки другой рукой нежно потрепала подбородок морд-сит.

— Разве я делаю что-нибудь, чего бы ты не хотела?

Кара отступила еще на шаг, убрав лицо за пределы досягаемости ласковой руки.

— Что-о?..

— Ты же именно этого хотела, не так ли? Я рассчитывала на благодарность за помощь в осуществлении твоего великого плана.

Кара уперла кулаки в бедра:

— Я не понимаю, что за чушь ты мелешь.

— Зачем же так сердиться? — Улыбка женщины стала хитрой. — Не я это начала, а ты. Это твой план — ты выносила его от начала и до конца. Я просто помогла воплотить его.

— С чего ты взяла... — Кара, похоже, не находила слов.

Голубые глаза, так похожие на глаза Никки, вернулись к Ричарду. Улыбка снова заиграла на губах женщины, когда она начала изучать черты ее лица с расстояния в несколько дюймов.

— Эта девушка — такой верный друг и защитник. А сказал ли твой верный друг и защитник о своих планах насчет тебя? — Она коснулась пальцем его носа. — А планы есть. Она уже продумала и распланировала остаток твоей жизни. Ты бы спросил как-нибудь, что она замышляет насчет тебя.

Лицо Кары неожиданно побледнело от понимания, затем стало пунцовым.

Ричард схватил Шоту за плечи и оттолкнул, сорвав ее руку со своего плеча. В тот же миг он постарался снова овладеть собою.

— Ты сама сказала — Кара мой друг. Она может строить сколько угодно планов на мою жизнь. Видишь ли, чего бы ни хотели от меня друзья и любимые, это моя жизнь, и я сам решаю, как ею распорядиться. Для тех, о ком они заботятся, люди могут придумывать, что хотят, — но в итоге каждый сам отвечает за свою жизнь и делает собственный выбор.

Зубы Шоты блеснули в широкой улыбке:

— Ты великолепен в своей наивности. — Она расчесала пальцами его волосы. — Я настойчиво советую спросить, какие у нее планы насчет твоего сердца.

Ричард бросил взгляд на Кару. Та явно балансировала на грани между яростью и паникой. Но, не поддаваясь ни тому, ни другому, она стояла спокойно. Ричард не знал, о чем говорила Шота, но понимал — не время и не место выяснять. Нельзя было позволить Шоте увести его от цели.

Он также заметил, что Кара так сжала эйджил, что побелели пальцы.

— Шота, хватит загадок. Желания и намерения Кары — мое дело, а не твое.

Никки грустно улыбнулась:

— Это ты так думаешь, Ричард.

Туманный воздух вокруг женщины блеснул, и Никки стала Шотой. Расплывчатое сновидение сменила четкая реальность. Волосы, оставшись столь же густыми, из светлых стали темно-рыжими. Черное платье преобразилось в многослойное воздушное одеяние разных оттенков серого — с низким вырезом и со свободными оборками, играющими с ветерком. Она была так же красива, как и долина вокруг.

Когда Шота обратила внимание на Кару, ее лицо опасно напряглось.

— Ты сделала Самюэлю больно.

— Прости, — пожала плечами Кара, — я не хотела делать ему больно.

Шота недоверчиво вскинула бровь.

— Я хотела убить его, — добавила Кара.

Гнев Шоты испарился. За ослепительной улыбкой последовал взрыв хохота. Она покосилась на Ричарда, все еще улыбаясь.

— Она мне нравится. Можешь ее оставить.

Ричард вспомнил, что Кара однажды сказала ему то же самое насчет Кэлен.

— Шота, повторяю, нам надо поговорить.

Ее блестящие миндалевидные глаза глядели на него с любопытством:

— Так ты приехал с предложением стать моим любовником?

Ричард заметил среди деревьев Самюэля. Слуга наблюдал за ними, его глаза горели яростью.

— Ты же знаешь, что нет.

— Ах, — улыбка вернулась, — значит, ты хочешь сказать, что приехал, потому что тебе от меня что-то нужно. — Она поймала одну из развевающихся оборок своего платья. — Разве не так, Ричард?

Ричарду пришлось заставить себя не смотреть в ее бездонные глаза. Но было так тяжело отвести взгляд! Шота словно следила за его взглядом — и было сложно отводить глаза на посторонние предметы.

Кэлен однажды сказала Ричарду, что Шота его околдовывает и ничего не может с этим поделать — для нее это естественно.

Кэлен.

Мысль о ней встряхнула его разум.

— Кэлен исчезла.

Лоб Шоты слегка наморщился:

— Кто?

Ричард вздохнул.

— Послушай, творится что-то странное. Кэлен, моя жена...

— Жена! С каких это пор ты женат?

Ее лицо вспыхнуло. По тому, как внезапный гнев исказил ее черты и поднялась ложбинка в вырезе платья, Ричард понял, что она не изображала удивление. Она действительно не помнила Кэлен.

Ричард запустил пальцы в волосы, собираясь с мыслями, и начал заново.

— Шота, ты видела Кэлен несколько раз. Ты ее хорошо знаешь. Случилось нечто, что стерло всю память о ней. Никто ее не помнит, включая тебя, и...

— Кроме тебя? — недоверчиво спросила она. — Ты единственный ее помнишь?

— Это долгая история.

— Длина не сделает ее правдивой.

— Это правда, — настаивал Ричард. Он раздосадовано махнул рукой. — Ты была на нашей свадьбе и сделала ей подарок.

Она сложила руки на груди:

— Не припоминаю!

— Когда я приехал сюда впервые, ты схватила Кэлен и наслала на нее змей...

— Змеи, — улыбнулась Шота. — Ты говоришь, мне нравилась эта женщина, и в то же время утверждаешь, что я так несносно с ней обращалась?

— Не совсем так. Ты желала ей смерти.

Улыбка стала шире. Она снова положила руки ему на плечи:

— Не кажется ли тебе, Ричард, что это ужасно грубо?

Ричард взял ведьму за запястье и мягко отодвинул ее. Он знал, что если Шоту не остановить, она вскоре лишит его возможности думать.

— Конечно, мне так кажется. Помимо прочего, ты была против нашей свадьбы.

Шота провела красным лакированным ногтем по его груди и взглянула на него исподлобья.

— Что ж, возможно, у меня были свои причины.

— Да, ты не хотела, чтобы у нас родился ребенок. Ты сказала, что мы родим на свет чудовище, потому что от меня он унаследует дар, а благодаря Кэлен будет Исповедником.

— Исповедником! — Шота отступила на шаг, словно он вдруг обернулся ядовитой змеей. — Исповедник? Ты спятил?

— Шота...

— Исповедниц больше нет. Они все мертвы.

— Не совсем верно. Все, кроме Кэлен.

Она повернулась к Каре:

— У него жар или что похуже?

— Ну... в него попали стрелой. Он чуть не умер. Никки вылечила его, но он долго был без сознания.

Шота обличающе подняла палец, словно раскрыв ужасный заговор:

— Только не говори, что она использовала Магию Ущерба.

— Именно, — ответил Ричард за Кару, — и только поэтому смогла спасти мне жизнь.

Шота вернулась к нему на шаг.

— Использовала Магию Ущерба, — пробормотала ведьма и снова посмотрела на него. — Как она ее использовала — для какой цели?

— Чтобы уничтожить зазубренную стрелу, застрявшую в теле...

Шота махнула рукой, побуждая его продолжать:

— Она должна была сделать что-то еще.

— Она использовала Магию Ущерба, чтобы удалить всю кровь, скопившуюся в моей груди. Она сказала, что иначе нельзя было удалить ни стрелу, ни кровь. А если не трогать — я бы умер.

Шота повернулась к ним спиной и, упершись одной рукой в бедро, отошла на несколько шагов.

— Это весьма многое объясняет, — с безрадостным вздохом объявила она.

— Ты дала Кэлен кулон, — напомнил Ричард.

Шота, нахмурившись, оглянулась через плечо:

— Кулон? Что за кулон я могла ей дать? И почему, мой дорогой мальчик, ты думаешь, что я стала бы делать такие подарки твоей... любовнице?

— Жене, — поправил Ричард. — Вы с Кэлен разговаривали наедине — и нашли общий язык. Ты дала Кэлен кулон, чтобы мы с ней могли... ну, быть вместе. В нем была какая-то сила, препятствовавшая зачатию детей. Хотя я был не согласен с твоим виде-

нием будущего, нынешние события — война и все прочее, — заставили нас принять твой подарок и перемирие, с ним связанное.

— Не могу даже представить, как тебе могло прийти в голову, что я могла учудить такое. — Она снова посмотрела на Кару. — Ранение сопровождалось сильной лихорадкой?

Ричард мог подумать, что Шота издевается, но по выражению ее лица было видно, что она спрашивает всерьез.

— Нет, сильной не было, — нерешительно сказала Кара. — Только небольшой жар. Но он был очень близок к смерти и долго лежал в забытьи. Никки считает, что из-за этого все и случилось... — Кара, похоже, не слишком хотела говорить об этом той, кого считала потенциально опасной, но все-таки закончила фразу: — Она сказала, что это — помрачение рассудка.

Шота, сложив руки на груди, испустила тяжелый вздох и взяла Ричарда в прицел миндалевидных глаз.

— И что мне с тобой делать? — пробормотала она про себя.

— Когда я был здесь в последний раз, — сказал Ричард, — ты обещала, если я еще раз приеду в Предел Агаден, убить меня.

Шота не проявила никаких признаков смущения.

— Но вот не убила же! И зачем мне было говорить такие вещи?

— По-моему, ты основательно разозлилась, когда я отказался убить Кэлен и не позволил тебе сделать это. — Он кивнул в сторону перевала. — Я думал, ты решила сдержать слово и послала Самюэля осуществить угрозу.

Шота метнула острый взгляд на своего слугу. Тот сразу всполошился.

— Ты о чем? — нахмурившись, спросила она, снова посмотрев на Ричарда.

— Так ты утверждаешь, что не знала?

— Не знала чего?

Ричард бегло взглянул на злые желтые глаза, пожиравшие его из-за деревьев.

— Самюэль спрятался на перевале, пользуясь снегопадом, и набросился на меня. Он выхватил у меня Меч Истины и столкнул меня со скалы. Я успел только ухватиться за край. Если бы не

Кара, Самюэль с помощью меча сбросил бы меня. Он меня едва не убил. И я жив не потому, что он не старался.

Гневный взгляд Шоты словно пригвоздил темную фигуру, скорчившуюся у корней дерева.

— Это правда?

Самюэль не мог вытерпеть ее взгляд. Хныча от жалости к себе, он уставился в землю. Этого ответа было достаточно.

— Мы обсудим это позже, — пообещала она слуге недвусмысленным тоном, который заставил Ричарда поежиться.

— Это были не мои намерения, Ричард, не мои приказы, уверяю тебя. Я приказала Самюэлю только пригласить твою преданную маленькую охранницу спуститься.

— Знаешь что, Шота? Мне начинает это надоедать. Самюэль пытается меня убить — а ты потом клянешься, что у тебя и в мыслях не было давать ему подобные указания. Я мог поверить в это однажды, но когда это входит в привычку... Удивительно, до чего удобно твое невинное удивление каждый раз, когда это случается! Сдается мне, ты считаешь вполне полезной такую сомнительность и потому так за нее цепляешься.

— Это неправда, Ричард, — ровным голосом сказала Шота. Она сцепила руки в замок и уставилась себе под ноги. — Ты носишь его меч. Самюэля это несколько задевает. Поскольку меч был взят у него силой, а не отдан добровольно, это означает, что меч до сих пор принадлежит ему.

Ричард хотел возразить — но вспомнил, что находится здесь не для того, чтобы спорить об этом.

Шота подняла голову и встретила его взгляд. Она начинала злиться.

— И как ты смеешь жаловаться на то, что делает Самюэль без моего ведома, если сам сознательно приносишь смертельную угрозу в мой мирный дом?

Ричард опешил.

— Что ты имеешь в виду?

— Не прикидывайся дурачком, Ричард, тебе это не идет. Над тобой нависла очень опасная угроза. Сколько людей едва не погибло

только потому, что они имели несчастье оказаться рядом с тобой, когда за тобой приходил зверь? А если он решит нагрянуть сюда? Ты являешься и таким образом галантно подвергаешь мою жизнь опасности без моего на то разрешения — просто потому, что тебе вдруг чего-то захотелось. Ты ведь считаешь правильным подвергать меня смертельному риску ради своих желаний, не так ли? По-твоему, если у меня есть нечто, тебе необходимое, значит, моя жизнь в твоем распоряжении, и тебе позволено подвергать ее риску?

— Конечно, нет, — сглотнул Ричард. — Я не подумал об этом.

Шота всплеснула руками.

— Ах, значит, я должна рисковать жизнью только потому, что ты не подумал?

— Мне нужна твоя помощь.

Шота, раздражаясь все сильнее, уже не слушала его.

— Ты пришел как беспомощный нищий, молить о помощи, без оглядки на опасность, которой меня подвергаешь, — просто потому, что тебе захотелось?

Ричард потер лоб кончиками пальцев.

— Послушай, у меня нет всех ответов, но я могу подтвердить, что я прав. Кэлен существует, и она исчезла...

— Да-да, тебе чего-то хочется, и все! Ты и не потрудишься заметить опасность, которой подвергаешь окружающих!

Ричард подошел к ней на шаг.

— Это неправда. Мой приход сам по себе ничуть не опасен. Угроза — не в звере, а в чем-то другом, и она касается нас всех. Разве ты не видишь? Ты не помнишь Кэлен. Никто не помнит, кроме меня. Подумай, Шота, подумай, что это значит, если я прав.

Ему удалось остановить поток претензий. Вскинув брови, Шота недоуменно воззрилась на него:

— Ты о чем?

— О причине всеобщего забвения. Что заставляет всех — включая тебя — забыть женщину, хорошо им знакомую? Если я прав, то с миром случилось что-то страшное. Кэлен стерли из твоего разума. Но это еще не самое худшее. Из всеобщей памяти

исчезла не только Кэлен. Исчезло все, связанное с ней. И незначительные подробности, и жизненно важные сведения. Ты не помнишь, как обещала убить меня, если я когда-нибудь вернусь. Значит, эта угроза в твоем сознании была как-то связана с Кэлен. Она повлияла на твое решение. А теперь ты забыла Кэлен — и забыла собственные слова. Точно так же ты могла забыть и что-нибудь крайне важное. Забыв Кэлен, ты потеряла часть своей жизни — потеряла многие сделанные тобой решения. Сколькими ниточками ты связана с Кэлен — но не знаешь об этом, потому что память о ней стерта? Насколько важны эти воспоминания? Когда-то под влиянием Кэлен в твоей жизни произошли перемены. Теперь ты не помнишь о них. Нравится ли тебе такое вмешательство чужой силы в твою жизнь?

Ведьма, склонив голову набок, слушала все внимательнее. Ричард взмахнул рукой, указывая на прекрасную долину:

— Шота, ты бережешь красоту и покой собственного дома — но сейчас нельзя отгораживаться от мира. То, что происходит, затрагивает и тебя. Разве ты не видишь важность проблемы? Неужели ты не можешь осознать, к чему приведут эти перемены во всеобщем восприятии? Если каждый забудет, как Кэлен изменила его жизнь, он лишится и того, чему при этом научился...

Задумавшись, Ричард отошел в сторону на несколько шагов, потом обернулся к Шоте, глядя ей прямо в глаза:

— Вспомни кого-нибудь, кого знаешь. Подумай о своей матери. Попробуй представить, что можешь потерять, утратив всю память о ней — все, чему она тебя учила, каждое решение, на которое она повлияла, прямо либо косвенно. А потом представь, что другие люди тоже забыли кого-то столь же важного для них, как мать для тебя. И среди этих людей — главные действующие лица в событиях всеобщей важности. Представь на мгновение, как изменится твоя жизнь — твое мышление — если ты забудешь о моем существовании и не сможешь вспомнить, что делала со мной или из-за меня.

— Видишь, в чем суть? — продолжил он после небольшой паузы. — Ты дала Кэлен тот кулон в качестве свадебного подар-

ка нам обоим, чтобы предохранить ее от зачатия — по крайней мере, на время. И это был не просто подарок. Это было перемирие. Мир между тобой и мной, а также — между тобой и Кэлен. Сколько еще перемирий, союзов, клятв свершилось благодаря Кэлен — и теперь забыто? Сколько важных миссий брошено? Это может ввергнуть мир в хаос. Я понятия не имею, как может подействовать столь масштабное событие, но знаю — оно может отвратить людей от борьбы за свободу. Привести к победе Имперского Ордена. Погубить все живое, истребить жизнь...

— Истребить жизнь? — переспросила пораженная Шота.

— События такой важности не происходят случайно. Это не несчастный случай, не ошибка. Должна быть причина, а то, что послужило причиной такого грандиозного события, таит в себе зловещий смысл.

Шота посмотрела на него с непроницаемым выражением лица и отвернулась. Ее, казалось, всецело беспокоили разлетающиеся от ветра складки платья. Ухватив их наконец, она вновь повернулась к Ричарду.

— А что, если ты просто бредишь? Это объяснение самое простое — значит, и самое правдоподобное.

— Самое правдоподобное не значит обязательно верное.

— Это не простая задача, предполагающая выбор одного из двух решений — каким ты, Ричард, его обрисовываешь. Сказанное тобою чрезвычайно сложно. Я с трудом могу представить даже степень сложности и последствия такого события. Оно стерло бы столь многое и принесло бы такой беспорядок, что вскоре стало бы очевидно — в мире что-то не так, даже если никто не понимал бы, что именно. А этого не происходит.

Шота великосветски помахала рукой.

— С другой стороны, сколько вреда миру причинишь ты в своем безумном стремлении найти несуществующую женщину? Впервые ты пришел ко мне просить помощи в борьбе с Даркеном Ралом. Я помогла тебе — и таким образом помогла стать лордом Ралом. Теперь кипит война, Д'харианская империя отчаянно бьется с врагом — а ты покинул пост, который должен занимать как

лорд Рал. Ты нанес удар по собственному авторитету бредом и необдуманными поступками. Место вождя пустует. Твоя поддержка потеряна для людей, бьющихся за твое же дело.

— Я верю в свою правоту, — возразил Ричард. — Если я прав, то существует смертельная опасность, о которой никто, кроме меня, не догадывается. И, следовательно, не может с ней бороться. Лишь я стою на пути неведомой, но неминуемой погибели. Я не могу сознательно игнорировать правду — скрытая угроза более страшна, нежели та, о которой знают все.

— Хорошее оправдание, Ричард.

— Это не оправдание.

Шота насмешливо кивнула:

— А если тем временем новоявленная свободная империя Д'Хара падет? Если дикари Имперского Ордена поднимут окровавленные мечи над трупами всех тех храбрецов, которые погибнут, защищая дело свободы, пока их вождь гоняется за призраками? Они что, оживут оттого, что ты единственный видишь какую-то загадочную опасность? Их дело — твое дело — не погибнет? И мир сможет спокойно кануть в долгую темную эпоху, где миллионы за миллионами будут рождаться для угнетения, голода, страданий и смерти? Неужели погоня за загадкой сделает гибель свободы приемлемой для тебя? Ведь таковы прямые последствия того, что ты упрямо считаешь правильным, несмотря на неоспоримые доказательства противоположного!

У Ричарда не было ответа на эти слова. Вернее, он не решался дать ей ответ. Она так повернула ситуацию, что любой ответ показался бы пустым и эгоистичным. Он верил, что имеет основания отстаивать свое мнение — но понимал, что всем остальным имеющиеся доказательства должны представляться ненадежными, и потому лучше было молчать.

Более того, глубоко внутри таилась тень страха, что она права, что проблема — в нем, а не во всех окружающих.

Почему он один прав, а все остальные ошибаются? Как может он один быть прав? Разве такое возможно? И откуда он сам знает, что прав? Какие у него доказательства, кроме собственной памяти?

Не было ни малейшего факта, за который можно было бы ухватиться.

Он с ужасом чувствовал, как трещит воздвигнутая им стена уверенности. Если трещина расширится, вся тяжесть мира обрушится и раздавит его. Он не выдержит этого веса, если Кэлен не существует.

Только его слово стояло между Кэлен и забвением.

Ричард не мог без нее. Не хотел жить дальше без нее. Она была всем для него. До сих пор он старался не думать о любимой и вместо этого занимался мелочами, чтобы выдержать боль от разлуки с ней хотя бы еще на день. Даже если он искал путь к ее спасению. Но теперь боль сжимала сердце, угрожала сломить.

Вместе с болью от разлуки волной нахлынула вина. Он — единственная надежда Кэлен. Только он держит огонек ее жизни над потоком, угрожающим смыть ее навеки. Он один пытается найти и спасти ее. Но до сих пор он не сделал ничего полезного. Дни проходили, а он ни на шаг не приблизился к ней.

Ко всему прочему Ричард знал, что Шота права в одном важном вопросе. Пытаясь помочь Кэлен, он проигрывал во всем остальном. Он заставил народ поверить в реальность идеи свободной Д'Хары, страны, где люди могли жить своей жизнью и работать на себя.

Еще он очень беспокоился, что ответственен за исчезновение великого барьера. А это позволяло императору Джеганю вести Имперский Орден в Новый мир и угрожать новообретенной свободе на этих землях.

Сколько людей пострадает или умрет, пока он гоняется за любимой женщиной? Что бы сказала на это Кэлен? Волшебник знал, как заботилась она о народе Срединных Земель, которым когда-то правила. Она бы захотела, чтобы он забыл о ней и попытался спасти их. Она сказала бы, что слишком много поставлено на карту, чтобы тратить время на нее.

Но если бы пропал он, она спасала бы его любой ценой.

Что бы ни говорила Кэлен, именно ее жизнь важна для него. Жизнь, более необходимая, чем весь мир.

Он задавался вопросом — права ли Шота, говоря, что он попросту использует идею опасности, которую исчезновение Кэлен представляло для всего мира, в качестве оправдания? Но решил, что сейчас лучше всего сменить тему. По крайней мере, так Ричард выигрывал время, чтобы опомниться, собрать волю в кулак и обдумать, как добиться необходимой помощи.

— Кстати, насчет опасности, — он сделал неопределенный жест. — Ты упомянула о звере, что за мной охотится. Откуда ты знаешь о нем и что можешь рассказать?

Страсть ушла из его голоса. Он осознал, насколько устал после долгого пути через перевал, не говоря уже о долгих днях дороги из Древнего мира. Задавая этот вопрос, Ричард чувствовал себя более уверенно: ведь зверь мог помешать не только поискам Кэлен, но и миссии, к которой Шота хотела его вернуть.

Она помедлила мгновение — а когда ответила, голос ее стал гораздо мягче. Они словно заключили безмолвное перемирие и снизили уровень противостояния.

— Зверь, что охотится за тобой, уже не таков, каким когда-то был создан. Он изменился.

— Изменился? — встревожено спросила Кара. — Что ты имеешь в виду? Чем он стал?

Шота испытующе посмотрела на незваных гостей, словно хотела убедиться, что они внимательно слушают.

— Он стал зверем крови.

Глава 41

— Зверем крови? — переспросил Ричард.

Кара подвинулась ближе к нему:

— Что за зверь крови?

Шота глубоко вдохнула, прежде чем начать объяснения.

— Это уже не просто зверь, связанный с потусторонним миром, каким он был создан. Ему нечаянно дали попробовать твою кровь, Ричард. И, что еще хуже — попробовать дали посредством

Магии Ущерба, также связанной с миром мертвых. Это сделало его зверем крови.

— Ну и что это значит? — спросила Кара.

Шота наклонилась ближе, ее голос упал почти до шепота:

— Это значит, что сейчас он стал чрезвычайно опасен. — Она выпрямилась, убедившись, что произвела желаемое впечатление. — Я не знаток древнего оружия времен великой войны, но думаю, что если уж зверь попробовал крови, отмеченной таким образом, пути назад нет.

— Ясно. Значит, он не отступится. — Ричард положил ладонь на эфес меча. — Тогда можешь ли ты сказать, как можно убить его? Или хотя бы остановить, или отправить обратно в мир мертвых. Что в точности он делает, откуда знает, что...

— Нет-нет! — Шота отрицательно замахала руками. — Ты думаешь о нем, как об обычном звере, преследующем тебя. Пытаешься определить его сущность, наделить узнаваемыми повадками. Ничего этого нет. В этом все своеобразие такой твари — в отсутствии четкого описания, внешних признаков — во всяком случае, полезных для охотника. Сущность зверя именно в отсутствии сущности. Из-за этого его поведение невозможно предугадать.

— Не вижу смысла. — Ричард сложил руки на груди, размышляя, в самом ли деле Шота точно знает, что говорит. — Любое существо должно действовать согласно какому-то основному закону, стремлению. У каждого есть определенные особенности, отклик на те или иные обстоятельства. Это, по крайней мере, можно понять и упредить. Нужно просто понаблюдать и сделать выводы. Ничто не может существовать вне природы.

— Неужели ты не видишь, Ричард? С самого начала ты пытаешься вычислить эти признаки. Но тебе не приходило в голову, что Джегань предугадал, как ты себя поведешь, стремясь победить? Разве ты не проделывал с ним подобных штук в прошлом? Он вычислил твою природу — и чтобы противодействовать тебе, создал оружие, которое именно поэтому не имеет четкой природы. Ты — Искатель. Ты ищешь ответы о природе людей, о вещах, о сути событий. В той или иной степени это ищут все люди.

Если бы у зверя крови была особая сущность, его можно было бы изучить и понять. А поняв врага настолько, чтобы предсказывать его действия, уже можно принять меры предосторожности, составить план его уничтожения. Разгадка его природы — ключ к победе над ним. Вот почему у этого создания нет определенной природы. Зверь непредсказуем и безлик — вернее, многолик, — и наблюдения, сделанные при одной встрече, не помогут остановить его в следующий раз.

Ричард снова запустил пальцы в волосы и повторил:

— В этом нет никакого смысла.

— И не должно быть. В этом еще одна особенность зверя — противоположная тебе. Ты во всем ищешь смысла. В нем смысла нет, и это позволит ему победить тебя.

— Я согласна с лордом Ралом, — вмешалась в разговор долго молчавшая Кара. — Должны же у него быть какие-то способы действия и реакции. Даже самые умные люди, старающиеся быть непредсказуемыми, все равно действуют по шаблонам, хотя могут этого не осознавать. Шаблонов этих может быть много, но не бесконечное же число! И зверь не может просто бегать туда-сюда, надеясь обязательно застать лорда Рала спящим.

— Чтобы зверя нельзя было понять и остановить, его намеренно создали хаотическим существом. Он предназначен, чтобы убить тебя, но выполняет эту миссию совершенно беспорядочно. — Шота извернулась и подхватила еще один взлетевший лоскут своего платья. — Сегодня он разрывает тебя когтями. Завтра плюется ядом. На следующий день взрывается огнем, сокрушает ударом или впивается клыками. Вид нападения случаен. Зверь действует, не основываясь ни на анализе предыдущего опыта, ни даже на оценке конкретной обстановки.

Ричард ущипнул себя за переносицу, размышляя над объяснением. Похоже было, что Шота права. В нападениях не просматривалось системы. Все, вплоть до подробностей, было совершенно разное. Недаром возникли у них сомнения — действительно ли все это сотворил тот самый зверь, о котором предупреждала Никки.

— Но лорд Рал уже несколько раз уходил от этого зверя, — заметила Кара. — Он доказал, что его можно победить.

Сама эта идея вызвала у Шоты улыбку, как будто она говорила с ребенком. Она прошлась по поляне, обдумывая сказанное, и нашла более точное объяснение.

— Думай о звере крови как о дожде, — сказала она, играя бровями. — Представь, что хочешь избежать дождя, как хочешь уберечься от лесного зверя. Итак, твоя цель — остаться сухим. Сегодня ты можешь оказаться дома, когда пойдет дождь, и не вымокнуть. На другой день дождь может пойти на противоположном конце долины, и снова ты останешься сухим. Может, ты будешь идти по дороге — и дождь прольется на поле справа, но не дойдет до дороги. Все три раза ты не вымок — либо потому, что принял меры, либо тебе просто повезло. Но, поскольку дождь идет часто, ты понимаешь, что рано или поздно он намочит тебя. В конце концов ты можешь решить, что лучший метод — изучить и полностью понять это неприятное явление. Поэтому ты смотришь на небо и пытаешься научиться предсказывать дождь. Некоторые наблюдения оказываются относительно надежными, ты пользуешься ими и время от времени оказываешься прав — в точности упреждаешь приближающийся дождь. Казалось бы, ты преуспел. Но ты не учел, что, даже умея предсказывать дождь, укрыться от него ты можешь только под крышей.

Внимательные нестареющие глаза Шоты посмотрели на Кару, затем сосредоточились на Ричарде с такой силой, что у него перехватило дыхание.

— Но рано или поздно, — сказала она голосом, от которого мурашки побежали по спине, — дождь застанет тебя врасплох. Пусть ты, предугадав его появление, считал, что успеешь добраться до жилья, — а он вдруг пошел раньше, чем ты считал возможным. Или же однажды ты уйдешь далеко от крова, рассчитав, что в этот день дождя не может быть, — но ветер принес тучу, и ты вымок с головы до ног. Итог этих столь разных событий один. Если это будет не дождь, а зверь, ты станешь не мокрым, а мертвым.

Шота вздохнула.

— Как ни удивительно, именно уверенность в собственном умении предсказывать дождь в конце концов погубит тебя. Ведь если твои предсказания верны в ряде случаев, это еще не значит, что ты наблюдал все возможные случаи. Условия, приведшие к удачным предсказаниям, меняются — а ты не можешь учесть их все. Предсказание должно основываться на более глубоких и полных знаниях, которых ты пока не приобрел. С каждым удачным исходом обманчивое чувство уверенности растет, делая тебя все более уязвимым для неожиданности. Дождь подкрадется и накроет тебя, когда ты будешь меньше всего этого ожидать.

Ричард бросил взгляд на обеспокоенное лицо Кары, но ничего не сказал.

— Таков и зверь крови, — закончила Шота. — У него нет сущности именно для того, чтобы ты не мог предсказать его поведение по каким-либо повторяющимся действиям.

Ричард нетерпеливо вздохнул. Он больше не мог молчать.

— Но если зверь существует, он должен обладать реальными свойствами! Непредсказуемость, между прочим, тоже можно считать свойством этой твари! Она непременно должна подчиняться неким законам существования, даже если мы не понимаем их. По твоим же словам выходит, что зверь может противоречить самому себе. А так не бывает. Если ты недостаточно понимаешь какой-то предмет, это не означает, что ты можешь произвольно выбирать объяснения. Не понимая природы явления, нельзя утверждать, что ее нет вообще. Можно сказать только, что ты не изучила пока сущности этого создания и еще не смогла ее понять.

С легкой улыбкой Шота указала на небо:

— Как и дождь? Возможно, в целом ты прав, Ричард. Но некоторые вещи, созданные для вполне определенных целей, выходят далеко за пределы нашего понимания, и кажется, что ими правит случай — как дождем. Насколько я знаю, погода тоже подчиняется каким-то законам — но они настолько сложны и так сцеплены с другими законами мироздания, что мы не можем всерьез надеяться осмыслить или постичь их. Дождь на самом деле может в итоге оказаться не случайным событием — но он все еще

за пределами нашей способности к предсказанию, и в нашем восприятии ничего не меняется. Таков и зверь крови. Если его существование и подчиняется законам, как считаешь ты, для тебя все равно разницы не будет. Я же знаю только одно: зверь был создан специально для беспорядочных действий, и создание прошло успешно — то есть в его поступках невозможно уловить какие-либо закономерности... по крайней мере такие, которые можно использовать для борьбы с ним.

У Кары начинала кружиться голова от этих отвлеченных премудростей. Посреди прекрасной долины, под журчание воды и шелест листьев, весь этот разговор казался ей нелепым. Она не могла извлечь из него новых способов защиты Ричарда от неведомой опасности. Но сам Ричард увлекся, забыв про усталость и даже про главную цель своего прихода сюда.

— Я признаю, что ты можешь быть прав, — продолжала Шота, — и за кажущейся беспорядочностью зверя скрывается сложная сущность. Но даже если это так и есть, мы настолько далеки от понимания этой сущности, что можем считать действия зверя хаотичными.

— Не уверен, что понимаю тебя, — сказал Ричард. — Приведи пример.

— К примеру, зверь не извлекает опыт из своих действий. Он может попробовать какую-либо проигрышную тактику три раза подряд, а в следующий раз может применить еще более слабый прием, заведомо не имеющий шансов на успех. Его действия случайны. Если он и движим какой-то грандиозной, сложной системой, она не проявляется в его действиях; мы видим только хаотические результаты. Более того, у него нет сознания в нашем понимании этого слова. Нет души. Хотя у него есть цель, о достижении успеха он не заботится. Он не злится при неудаче. Он лишен милосердия, сочувствия, любопытства, энтузиазма и беспокойства. Он получил задание — уничтожить Ричарда Рала — и случайным образом использует свои бесчисленные возможности для достижения этой цели, но не заинтересован ни умом, ни сердцем в достижении ее.

Теперь женщина будто читала ему урок:

— Любое живое существо заинтересованы в решении своих задач, будь это птица, летящая к ягодному кусту, или змея, лезущая в нору за мышью. Они действуют, чтобы продлить свою жизнь. А зверь крови — нет. Это бездумная тварь, настроенная магией на выполнение лишь одной задачи. Представь себе дождь, которому велели промочить Ричарда. Дождь пытается снова и снова, пробует ливень, морось, шквал — и все без толку. Дождь не переживает из-за своей неудачи. Он может прекратить попытки и устроить засуху. Он не испытывает радости или злости. Он не удваивает усилия. Он просто будет лить и лить разными способами, в разных условиях, пока в конце концов не вымочит тебя. А когда вымочит, не почувствует радости. В этом смысле зверь иррационален — но при всем том не обольщайся: он злобен, яростен и бездумно жесток в действиях.

Ричард утомленно вытер рукой лицо.

— Шота, я по-прежнему не вижу смысла. Как это может быть? Если зверь создан, он должен руководствоваться какой-либо целью. Что-то должно направлять его.

— О, его и направляет что-то — необходимость убить тебя. Его создали таким именно затем, чтобы ты не мог сразить его. Джегань уже усвоил, настолько трудно с тобой бороться, — вот и пришлось ему придумать нечто новое, рассчитывая не превзойти твои боевые способности, а попросту обойти их.

— Но если он был создан, чтобы убить меня, то у него все-таки есть цель!

Шота пожала плечами:

— Предположим, это так. Но эта кроха знания не поможет тебе предугадать, как, когда и где он попытается тебя убить. Ты должен четко видеть смертельную опасность такой тактики. Узнав, что враг будет атаковать копьями, ты возьмешь щит. Узнав, что за тобой охотится один убийца с луком, ты пошлешь армию искать лучника. Если на тебя охотится волк, ты можешь поставить ловушку или остаться под крышей. А у зверя крови нет излюбленного метода охоты или убийства, и потому крайне сложно выстроить защиту от него. Однажды он может напасть и с легко-

стью убить тысячу солдат, защищающих тебя. На следующий раз он может боязливо сбежать, покалечив младенца, ползающего на четвереньках рядом с тобой. По его действиям нельзя судить о том, что он сделает в следующий раз. Это тоже часть ужаса, порождаемого зверем, — ужаса неизвестности.

В разговоре повисла пауза. Ричард переваривал сказанное.

— Его сила, его смертоносность заключаются именно в отсутствии определенности, — продолжила Шота. — Он не силен и не слаб, не быстр и не медлителен. Он постоянно меняется — но иногда остается прежним или возвращается к предыдущему состоянию, даже неудачному. Когда зверя создали, для начала охоты оставалась лишь одна важная предпосылка: ты должен был воспользоваться своим даром. Вот тогда-то он и вышел на след. Теперь уже невозможно угадать, когда и что он предпримет. Ты только знаешь, что он приходит за тобой. И неважно, сколько раз ты избежал его когтей — зверь будет приходить снова, может, несколько раз в день, может, через месяц или год. Можешь быть уверен — в конце концов он снова придет за тобой. Он никогда не успокоится.

Ричард слушал ее, но не мог избавиться от сомнений. Ему хотелось бы определить, что из сказанного Шотой — действительно точные сведения, а сколько она добавила к ним собственных предположений или даже выдумок.

— Но ты же ведьма, — вмешалась в разговор Кара. — Ты, несомненно, можешь посоветовать что-нибудь, полезное в бою.

— Мой дар основан на способности видеть развитие событий, наблюдать за течением реки времени. Но зверь крови непредсказуем по определению, и моя способность к предсказанию здесь неприменима. Я делаю примерно то же, что и пророки. Но, скажем, Ричард также по-своему существует вне пророчеств и зачастую срывает чужие планы своей непредсказуемостью — вы, морд-сит, имели возможность в этом убедиться. Я не могу посоветовать, что может предпринять зверь или чего следует избегать.

— Так значит, книги пророчеств также бесполезны? — спросил Ричард.

— Они слепы, как и я. Пророчество не видит зверя крови, как и любое хаотическое, случайное событие. Пророчество может указать, что некто умрет от стрелы в дождливый день — но не может ни перечислить все дождливые дни, ни определить тот из них, когда будет пущена стрела. Самое большее, чего можно ждать от пророчеств — это указание, что рано или поздно пойдет дождь, и ты намокнешь.

Не убирая левой руки с меча, Ричард неохотно кивнул.

— Должен признать, у нас схожие мнения касательно пророчеств. Они возвестят, что завтра взойдет солнце, но не предрекут, как ты решишь провести день. — Он хмуро посмотрел на ведьму. — Итак, ты не можешь ничего сказать относительно действий зверя крови, поскольку твои способности связаны с течением времени?

Когда Шота кивнула, Ричард спросил:

— Тогда откуда ты так много о нем знаешь?

— Видеть течение событий — не единственная моя способность, — туманно выразилась она.

Ричард вздохнул, не желая спорить.

— Значит, это все, что ты можешь мне сказать?

Шота кивнула:

— Это все, что я могу сказать тебе о звере крови и о том, что у него для тебя припасено. Если он продолжит существовать, то рано или поздно имеет шанс тебя достать. Но поскольку он непредсказуем, даже этот исход невозможно предугадать. Когда, где или как он до тебя доберется — узнать невозможно. Может быть, это случится сегодня — но есть вероятность, что прежде, чем он сможет найти и убить тебя, ты сам умрешь от старости.

— Что ж, и то уже хорошо... — пробормотал Ричард.

— Не слишком на это рассчитывай, — сказала ведьма полным сочувствия голосом. — Пока ты жив, пока в твоих жилах течет кровь, зверь будет охотиться за тобой.

— Ты хочешь сказать, что он находит меня по крови? Как гончие сердца, говорят, могут найти человека по биению сердца?

Шота подняла руку, отмахивая это сравнение.

— Сходство здесь поверхностное. Зверь в некотором смысле попробовал твоей крови, но дело даже не во вкусе ее. Твоя кровь

представляется ему совершенно иначе, нежели тебе. Из нее он извлекает главное — знание о твоих предках. Он изначально знал, что ты живешь, когда вышел на охоту. Но как только ты однажды использовал свой дар, этого хватило, чтобы привязать зверя к тебе навеки. Именно дар, заключенный в твоей крови, он почувствовал; именно дар заставил его измениться.

У Ричарда было так много вопросов, что он не знал, о чем спросить в первую очередь. Поэтому он начал с того, что считал наиболее легким для понимания:

— Почему он связан с миром мертвых? Что это ему дает?

— Очень многое. Мир мертвых вечен. Время не имеет значения в вечности. Таким образом, время не влияет на зверя. Он не спешит убить тебя. Спешка заставила бы его действовать с определенной целью, что наделило бы его сущностью. Он не ощущает с каждым закатом необходимости завершить работу. Новый день для него похож на предыдущий. Дни бесконечны. Именно из-за отсутствия чувства времени ему и не нужны обычные свойства. Время служит мерой жизни всякого существа. Позволяет отложить дела, которые можно сделать потом. Заставляет спешить с устройством лагеря до темноты. Заставляет генерала готовить оборону до появления врага. Заставляет женщину желать ребенка, пока возраст это позволяет. Время проявляет характерную природу всего живого. Даже бабочка-однодневка, появившись из кокона, не может порхать беспечно — она должна спариться и отложить яйца, чтобы продолжить род...

— Но зверя время не касается, — после паузы продолжила Шота. — Вечность мира мертвых — составная часть его сущности, противоположная самой идее творения, так как мир мертвых враждебен творению. Это смешение текучего и неподвижного, это внутреннее противоборство — часть механизма, который спутывает его действия и делает их хаотичными. Когда Никки использовала Магию Ущерба, чтобы удалить твою кровь, зверь за счет связи с миром мертвых почувствовал ее вкус — или, точнее, вкус твоей магии. Твоя кровь несет и Магию Приращения, и Магию Ущерба. Зверю была придана способность распознавать твою

магическую сущность, и таким образом он обрел возможности, недоступные жителям сего мира. Но когда он почувствовал вкус твоей крови, то узнал тебя с совсем другой стороны. Уникальную частицу магии, заключенную в твоей крови, наследие Зедда и Даркена Рала — вот что распробовало создание приспешников Джеганя. Именно это изменило зверя. Он чувствует не саму твою кровь, а частицы магии, ей присущие.

Шота слегка повысила голос:

— Вот почему пользование магией привлекает зверя. Вот почему он стал особенно опасен. Теперь он мгновенно узнает о применении твоей магии в любой точке мира. У каждого своя, неповторимая магия. Зверь теперь знает твою. Поэтому тебе не следует применять свой дар. По этой самой причине сестры, которые создали зверя для Джеганя, с радостью бы воспользовались твоей кровью в начале — но не могли достать ни капли. Они могли связать зверя с твоим даром — но без крови связь получилась бы слабой и не была бы столь точно направлена на тебя. Никки дала зверю то, что ему было действительно необходимо в тот момент, когда он пробудился от применения твоего дара. Она могла делать это для спасения твоей жизни, у нее могло не быть выбора — но она сделала это. Теперь любое применение магии с еще большей легкостью приведет зверя к тебе. Никки словно выполнила свой обет как сестра Тьмы.

Волосы на затылке Ричарда встали дыбом. Ему хотелось опровергнуть Шоту, найти хоть щелку в броне чудовища, которое она создала в его воображении.

— Но зверь нападал, когда я не использовал магию. Нынче утром он атаковал наш лагерь. А я магию не использовал.

Шота окинула его одним из тех взглядов, которые заставляли его почувствовать себя безнадежно глупым.

— Ты использовал магию сегодня утром.

— Нет, — настаивал он. — Я в это время спал. Как я мог использовать...

Слова Ричарда ушли в пустоту. Его взгляд устремился к далеким холмам долины и горам за ними. Да, он проснулся — и с ужасом

вспомнил то утро, когда исчезла Кэлен. Сходство возникло потому, что он, как и тогда, судорожно сжимал рукоять Меча Истины, наполовину вынутого из ножен. Да, он ощутил, как вливается в него тайная магия меча.

— Но это была магия меча! Я сжимал в руке меч. Это была не моя магия.

— Твоя, — возразила Шота. — Сила Меча Истины объединяется с твоим даром — твоей магией, которую легко узнает зверь крови. Сила меча теперь стала частью тебя. Его применение может привлечь зверя.

Ричарду стало невмоготу. Обстоятельства давили, разрушая любую возможность, подавляя его способность сделать что-нибудь, чтобы остановить идущую по следу тварь. Казалось, жгучие щупальца, недавно разрубленные им, продолжают затягиваться вокруг него.

— Но как я могу обойтись без Меча Истины? Я не умею использовать свой дар. Меч — единственное, на что я могу рассчитывать!

— Возможно, в некоторых случаях он действительно тебя спасет. Но может случиться и так, что ты понадеешься на меч — а он тебе не поможет. Думая, что меч способен работать против зверя, ты обманываешься, впадаешь в ложную уверенность. Сам рассуди: если зверь непредсказуем, то меч не всегда сможет защитить тебя. Остерегайся не только излишне довериться своему клинку, но и нечаянно вызвать зверя, пользуясь им.

Ричард осознал, что сжимает рукоять меча так сильно, что буквы слова «ИСТИНА» впиваются в ладонь. Он чувствовал, как гнев Меча Истины настойчиво пытается проникнуть в его душу, чтобы защитить от угрозы. Он убрал руку с рукояти, словно она жгла ему пальцы, терзаясь вопросом — не разбудила ли эта магия его собственную, не вызвал ли он зверя, не понимая даже, что делает.

Кара, не сводившая глаз со своего лорда, заметила это его движение и нахмурилась. Шота, сцепив руки в замок, немного помолчала и добавила:

— Есть еще кое-что.

— Отлично, — буркнул Ричард, — чем ты еще порадуешь меня?

— Послушай, зверя создала не я. Не я несу ответственность за эту угрозу. Если тебе угодно ненавидеть меня за правду, и ты хочешь, чтобы я остановилась, скажи — и я замолчу.

Ричард махнул рукой и склонил голову в знак извинения.

— Нет, прости меня. Я знаю, что это не твоя вина. Но пойми и ты — мне тяжело все это слышать и трудно воспринимать. Продолжай. Что ты собиралась сказать?

— Хотя зверь крови сразу чует, когда ты используешь магию — любую! — в силу своей хаотичности он вполне может не использовать магическую связь и не явиться. Но в следующий раз он может наброситься мгновенно. Потому не вздумай полагаться на случайную удачу.

— Ты мне это уже говорила.

— Да, но ты до сих пор полностью не осознал смысл моих слов. Ты должен понять, что запах твоей крови зверь учует при любом применении магии...

— Повторяю, ты это уже говорила.

— Любое использование дара, — Ричард непонимающе уставился на нее, и Шота нетерпеливо ткнула его пальцем в лоб. — Думай.

Не дождавшись ответа, она подсказала:

— Сюда входит и чтение пророчеств.

— При чем тут пророчества?

— Они создаются чародеями, наделенными даром прорицания. Обычный человек, читая пророчество, увидит только слова. Даже сестры Света, хранительницы пророчеств, не видят их истинного смысла, хотя и убеждены в обратном. Ты — боевой чародей. Это попросту означает, что твой дар несет в себе множество скрытых возможностей. В частности, ты умеешь читать пророчества — и понимать их истинный смысл. Видишь теперь? Видишь, как легко нечаянно использовать дар? И неважно, как именно ты применяешь его — берешься ли за меч, исцеляешь ли магией, читаешь книгу, вызываешь молнию — все эти действия вызовут

зверя. Для него любое проявление твоего дара служит средством опознания. Он не различает скромное применение и значительное. Для зверя дар есть дар.

— Ты хочешь сказать, — недоверчиво уточнил Ричард, — что если я исцелю кого-нибудь или просто вытащу меч из ножен, зверь узнает об этом?

— Да. И вероятнее всего, он будет точно знать, где ты находишься. Впрочем, будучи порожден Магией Ущерба, он только частично существует в нашем мире. С одной стороны, ему не мешают такие вещи, как расстояние или материальные преграды — но все-таки для него существуют препятствия, не позволяющие действовать с размахом. Он не может до конца освоиться с законами нашего мира — например, с понятием времени. К сожалению, он не устает, не ленится, не злится и не испытывает воодушевления. Но даже и зависимость от проявлений твоего дара не означает, что зверь обязательно будет бездействовать, когда ты не пользуешься магией. Применение магии всего лишь помогает зверю найти тебя. Воспользуется он подсказкой или нет — неизвестно.

— Великолепно, — пробормотал Ричард и, не в силах более стоять на месте, двинулся в обход поляны.

— Как можно убить зверя? — спросила Кара, когда лорд Рал отошел подальше.

— Он неживой, — ответила Шота. — С тем же успехом можно убивать валун, готовый на тебя упасть, или дождь, прежде чем ему представится возможность вымочить тебя.

Теперь уже и Кару одолевала та подавленность, которую с начала разговора чувствовал Ричард. Но она не сдавалась:

— Должен же он чего-то бояться.

— Страх присущ только живым.

— Тогда, может быть, есть что-нибудь, чего он не любит.

Шота нахмурилась:

— Не любит?

— Ну, например, огня, или воды, или света. Есть что-то, чего он не любит и потому избегает?

— Сегодня ему вздумается избегать воды. Завтра же он выскользнет из болота, схватит Ричарда за ногу и утащит под воду,

чтобы утопить. Для этой твари мир — все равно что картина, написанная на полотне. Он проходит мимо, не испытывая ни малейших затруднений.

Обойдя поляну по кругу, Ричард вернулся с новым вопросом.

— И где только они умудрились выкопать сведения, как создать такого зверя?

— Джегань наверняка нашел идею в древних книгах об оружии, которое было сотворено в великую войну. Он штудирует рукописи, связанные с войной, собирает подобные знания отовсюду. У меня, впрочем, есть подозрение, что он добавил к найденному особенности, которые счел необходимыми для победы над тобой. Мы знаем, что для непосредственного создания зверя он использовал одаренных сестер. Поскольку они применяли Магию Ущерба наряду со своим украденным чародейством, то могли использовать других одаренных в качестве материала для зверя. Из них вырвали души, удалив все, кроме элементов, необходимых для сочетания разнородных частей, для скрепления заклинаний. Это оружие, не имеющее ничего общего со всем, с чем мы сталкивались до того. Замысел целиком принадлежит Джеганю. Его нужно остановить, пока он не сотворил чего-то похлеще.

— Кто бы спорил, — пробормотал Ричард и снова пошел по кругу.

— Ты не сможешь одолеть его, если будешь и дальше гоняться за призраками, — вдруг сказала Шота вдогонку.

Ричард застыл на месте и окинул ее сердитым взглядом:

— Шота, неужели ты и дальше будешь толочь воду в ступе и не скажешь наконец что-нибудь полезное?

— Ты сам пришел ко мне за советом. Не я искала тебя. К тому же я помогла тебе. Рассказала все, что знаю. Может, когда-нибудь это знание поможет тебе выжить.

Ричард слышал уже достаточно. У зверя крови нет сущности — но в каком-то смысле это и есть его сущность. Значит, сущность все же есть!

Возможно, Шота права, и нет точного способа предсказать дальнейшие действия зверя. Спорить на эту тему не стоит. Рано или поздно эта разница станет существенной — но сейчас она не

имела значения. Сказанное Шотой во многом подтверждало мнение Никки. Но, добавив неизвестные Никки мелочи и детали, Шота так и не предложила никакого решения.

На самом деле ему казалось, что она специально постаралась сгустить краски и обрисовала слишком безнадежную картину.

Ричард едва опять не положил руку на меч. Вместо этого он остановился и запустил пальцы в волосы. Он оказался на краю безысходности. Отвернувшись, лорд Рал долго молчал, глядя на деревья в долине, на отблеск листьев в вечернем солнце.

— То есть я никак не могу защититься от зверя крови.

— Этого я не говорила.

Ричард круто развернулся к ней:

— Что? Значит, способ имеется?

Шота бесстрастно изучала выражение его глаз.

— Я полагаю, что есть один способ сохранить тебе жизнь.

— Какой?

Опустив голову, она соединила кончики расставленных пальцев и покачала руками, как бы подбирая слова. Потом посмотрела ему в глаза со спокойной уверенностью.

— Ты можешь остаться здесь.

Волшебник краем глаза заметил, как Самюэль подбирается к его ногам, и вновь посмотрел на замершую в ожидании Шоту:

— Что ты имеешь в виду?

Она пожала плечами, словно это было обычное приглашение на обед.

— Останься здесь, и я защищу тебя.

Кара выпрямилась, оживилась:

— Ты сможешь?

— Думаю, да.

— Тогда пойдем с нами, — предложила Кара. — Это решило бы проблему.

Ричарду идея Кары сразу не понравилась.

— Не могу, — сказала Шота. — Я смогу защитить его, только если он останется здесь, в этой долине, в моем доме.

— Я не могу остаться, — сказал Ричард, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Шота потянулась и нежно взяла его за руку, не позволяя так легко отклонить предложение.

— Можешь, Ричард. Разве плохо было бы остаться со мной?

— Этого я не имел в виду...

— Тогда останься здесь со мной.

— Надолго?

Ее пальцы слегка напряглись, словно она боялась говорить, боялась его ответа, но все же твердо стояла на своем.

— Навсегда.

Ричард сглотнул. Он почувствовал себя так, будто долго шел по тонкому льду, не зная этого — и вдруг осознал, что от безопасности его отделяет долгий путь. Он знал, что если ответит неправильно, погрузится с головой. Кожу заколoло, когда он почувствовал опасность, вдруг наполнившую вечерний воздух.

В тот момент он не был уверен, что хуже — встреча со зверем или разговор с Шотой.

Ричард развел руками, словно взывая к ее пониманию:

— Шота, как я могу остаться? Ты знаешь, что есть люди, которые надеются на меня. Люди, которым я нужен. Ты сама так сказала.

— Ты не чей-то раб, выполняющий чужие требования. Это твоя жизнь, Ричард. Останься — и живи.

Кара, испытывая сильнейшие подозрения, указала большим пальцем на себя:

— А как же я?

Не глядя на Кару, не отрывая взгляда от Ричарда, Шота проворковала:

— Одной женщины здесь достаточно.

Кара переводила взгляд с Ричарда на Шоту, глядевших друг другу в глаза, но последовала совету Ричарда — держаться настороже и молчать.

— Оставайся, — интимным шепотом прошептала Шота.

Ричард видел глубокую уязвимость, сквозившую в глазах Шоты, в ее жаждущем выражении — такого он прежде за ней не замечал. Краем глаза он также видел Самюэля — тот пытался прожечь его горящими глазами.

Ричард мотнул головой, указывая на спутника ведьмы:

— А как же он?

Вопрос не смутил Шоту — она, похоже, ждала его.

— Одного Искателя здесь достаточно.

— Шота...

— Останься, Ричард, — настойчиво перебила она, не оставляя ему времени на раздумье, не позволяя отвергнуть предложение — точнее, ультиматум.

— Но как насчет зверя крови? Ты сама сказала, что не знаешь его природы. Откуда же тебе знать, что здесь мы будем в безопасности? Множество людей рядом со мной погибло при первом нападении зверя.

Шота вздернула подбородок.

— Я знаю себя, свои способности и их предел. Я уверена, что здесь, в долине, смогу обеспечить тебе безопасность. Я не могу быть полностью уверена, но искренне верю, что это так. И знаю, что, покинув это место, ты будешь беззащитен. Это твой единственный шанс.

Он знал, что последняя фраза могла иметь разные значения.

— Останься, Ричард... Пожалуйста. Останься со мной.

— Навсегда.

Ее глаза наполнились слезами.

— Да, навсегда. Пожалуйста, останься! Я буду вечно о тебе заботиться. Я сделаю все, чтобы ты никогда не пожалел об этом, никогда не соскучился по остальному миру. Пожалуйста...

Перед ним была не ведьма Шота. Просто женщина, отчаянно открывшаяся ему, как никогда раньше не делала, предлагающая свое обнаженное сердце, рискующая всем. Ее вопиющее одиночество ужасало. Он знал — потому что сам испытал одиночество, ранящее хуже ножа.

Ричард сглотнул и сделал шаг по льду.

— Шота, это, наверное, лучшее, что ты мне когда-либо говорила. Я понимаю, как глубоко ты уважаешь меня, если высказываешь такую просьбу, и это значит для меня больше, чем ты можешь себе представить. Мое уважение к тебе велико, поверь —

вот почему, когда потребовались ответы, я обратился к тебе. Я искренне благодарен за приглашение... но вынужден отклонить его. Я должен ехать.

От выражения лица ведьмы Ричарда словно рухнул в ледяную воду.

Шота молча повернулась и устремилась прочь.

Глава 42

Кара, кажется, была готова развернуться и немедленно отправиться в обратный путь. Но Ричард схватил Шоту за руку, не позволяя уйти. Он не мог допустить, чтобы встреча закончилась вот так — по нескольким причинам.

— Шота, прости меня... Но ты сама сказала, что моя жизнь — это моя жизнь. Если считаешь меня другом, если я тебе хоть немного небезразличен, то наверняка захочешь, чтобы я жил своей жизнью и поступал по собственному разумению, а не по твоему желанию.

Она глубоко вдохнула:

— Отлично. Ты сделал выбор, Ричард. Уходи. Иди и наслаждайся тем, что осталось от твоей жизни.

— Я пришел к тебе за помощью.

Она резко повернулась к нему и обожгла его грозным взглядом, сразу обретя облик ведьмы. Такой Ричард ее никогда еще не видел. Он почти ощущал, как вскипает воздух вокруг нее.

— Я предложила тебе помощь — и это стоило мне таких усилий, что ты даже представить себе не можешь. Используй эту помощь, как пожелаешь. А теперь уходи из моего дома.

Ричарду очень сильно хотелось так и сделать, очень сильно не хотелось давить на нее. Но он пришел с определенной целью, которой пока не достиг. И не собирался уходить, пока не достигнет.

— Мне нужна твоя помощь, чтобы найти Кэлен.

Ее взгляд стал еще более холодным:

— Если ты умен, то используешь полученное от меня знание, чтобы как можно дольше оставаться в живых и победить Джеганя.

Или чтобы гоняться за призраками — мне уже все равно, за какими. Лучше иди, пока не узнал, почему волшебники боятся приходить ко мне домой.

— Ты сказала, что твои способности позволяют видеть события в течении времени. Каким ты видишь мое будущее?

Шота помолчала мгновение, прежде чем отвести глаза от его спокойного взгляда:

— По неким причинам река времени скрылась от меня. Такое случается. — Она вновь взглянула в его глаза, более решительно, чем когда-либо. — Видишь? Я бесполезна. Иди.

Он не собирался позволить ей уйти от вопроса:

— Ты знаешь, что я пришел сюда за знаниями, за чем-то, что позволило бы мне понять, что на самом деле происходит. Это важно. И важно не только для тебя и меня. Пожалуйста, не закрывайся так от меня, Шота. Мне нужна твоя помощь.

Она удивленно подняла бровь:

— С каких это пор ты следуешь моим советам?

— Послушай, в прошлом я действительно не всегда соглашался с твоими словами. Но если бы я не считал тебя мудрой женщиной — меня бы здесь не было. Кое-что из сказанного тобою оказалось правдой. Но если бы я следовал твоим словам бездумно, не оценивая изменяющиеся обстоятельства, то давно потерпел бы поражение. И мы сейчас либо жили бы под рукой Даркена Рала, либо попали в безжалостные лапы Владетеля, хозяина подземного мира.

— Это ты так говоришь.

Ричард оставил снисходительный тон и наклонился к ней:

— Помнишь, как ты пришла повидать меня в деревне Племени Тины, а? Как ты умоляла меня закрыть завесу, чтобы Владетель не захватил всех нас? Помнишь, как говорила мне, сколь сильно хочет Владетель ввергнуть всех одаренных — и тебя, ведьму, — в невообразимые страдания на целую вечность?

Он тыкал в нее пальцем, подчеркивая аргументы:

— Все испытания, необходимые, чтобы изменить ход событий, выстрадала не ты — я. С ужасами Владетеля сражалась не ты — я. Твое укрытие от Владетеля спасла не ты — я.

Она глядела на него исподлобья:

— Я помню.

— Я победил. Спас тебя от той участи.

— Ты спас себя. Мое спасение было не целью, а просто побочным следствием.

Он вздохнул, пытаясь сохранить спокойствие.

— Шота, я уверен, ты должна знать что-нибудь о том, что случилось с Кэлен.

— Я же сказала тебе, что не помню женщины с таким именем.

— Верю. Я полагал заранее, что ты не сможешь ее вспомнить. Потому что это случилось не только с тобой. И забвение связано с какими-то ужасными явлениями, которые я пытаюсь понять. И если ты поделишься со мною хотя бы крупицей знания, которая поможет мне узнать истину о происходящем, будет лучше и тебе самой!

— Ишь как разлетелся! — фыркнула Шота. — Думаешь, что можешь прийти незваным ко мне в дом, подвергнуть угрозе мою жизнь, задурить мне голову парочкой громких слов и задешево попользоваться моей мудростью, моим даром ради собственной прихоти?

Ричард внимательно смотрел на нее. Шквал раздраженных упреков не помешал ему уловить главное: ведьма не отрицала, что знает нечто нужное ему. Значит, он правильно догадался приехать сюда.

— Громкими и пустыми словами сыплешь ты, Шота. Довольно. Можно подумать, я безосновательно что-то от тебя требую. Я никогда не лгал тебе — и ты это знаешь. Пойми, мое дело важно и для тебя тоже, осознаешь ли ты это или нет. Не исключено, что Владетель затеял новую пакость, чтобы одолеть всех нас. Я пока не выяснил, что происходит, но намерен пресечь поползновения зла. Для этого мне и нужны сведения, любые, какие можешь предоставить. Я не шучу. И получу то, что ты знаешь!

Кара, молчаливая свидетельница разговора, больше смахивающего на ссору, отвернулась, чтобы скрыть улыбку: ей нравилось, как жестко обращается лорд Рал с этой опасной женщиной. Но ведьма, видимо, была слишком уязвлена его отказом и упорствовала.

— Тебе нужно — и ты считаешь, что это дает тебе право требовать? — Ее глаза сузились. — Почему вдруг я должна делиться с тобой своим достоянием? Здесь не твоя земля, я не твоя подданная и ничем тебе не обязана. Или ты считаешь, что моя жизнь принадлежит не мне, но просто предназначена для служения тебе? По-твоему, я живу только для того, чтобы быть в твоем распоряжении, когда ты снизойдешь до меня? Ты считаешь, что можешь приходить сюда и требовать — а если я осмеливаюсь попросить что-то, начать возмущаться?

— Я не возмущался, — возразил он, пытаясь говорить спокойно. — Я великолепно понимаю щемящее чувство одиночества и оценил искренность твоего предложения. Но если ты — та женщина, какой я тебя считаю, то не будешь желать меня против моего сердца. Ты заслуживаешь настоящей любви. Прости, Шота, но я не могу притворяться, что смог бы полюбить тебя — ведь в итоге я только сделаю тебе больнее. Я не могу лгать тебе: я люблю другую.

Он вздохнул:

— А если ты уже уловила мои чувства... неужели тебе нужен человек настолько вероломный, чтобы сходу принять такое предложение ради выгоды? Мне кажется, на самом деле тебе нужна ровня, настоящий спутник жизни, который будет радоваться чудесам мира вместе с тобой. Не думаю, что тебе нужна комнатная собачка для заполнения пустоты. Ты наверняка уже давно поняла, что от такой собачки настоящей радости не видать. Если я тебе небезразличен, если именно поэтому ты делала предложение, если ты была искренна — помоги мне.

Она, похоже, не собиралась отвечать, и он нажал еще:

— Шота, мне нужен твой совет, нужна любая подсказка. Это важно. Так же важно, как в тот раз, когда ты пришла просить меня запечатать разрыв в завесе. Моих знаний недостаточно, чтобы решить эту задачу. Если я проиграю — боюсь, это будет поражением для всех. У меня нет времени на игры. Мне нужны твои знания!

Шота, казалось, не услышала ни слова из его горячей речи и вновь взялась за свое:

— Как смеешь ты выдвигать такие высокомерные требования? Я уже ответила. Это мои способности, моя жизнь. У тебя нет на нее прав.

Ричард сжал виски большим и средним пальцами и глубоко вдохнул теплый, душистый воздух, стараясь успокоиться. Кара с тревогой следила за ним. Остыв немного, он неохотно признал, что ведьма может быть права. Повернувшись к ней спиной, он отошел на несколько шагов, собираясь с мыслями. Одно он знал точно — нельзя уходить, не получив всю возможную помощь. И он сказал напрямик, не оглядываясь:

— Значит, ты действительно знаешь нечто, что может помочь мне в поиске истины!

— Я знаю много чего о самых разных истинах.

— Но ты знаешь и то, что необходимо мне.

— Да.

Он так и знал. Все еще стоя к ней спиной, он сказал:

— Назови свою цену.

— Тебе не захочется платить.

Он, кажется, догадывался, о какой цене снова заговорит Шота.

Ричард повернулся к ней. Ведьма смотрела на него так, будто он был прозрачным. Он не собирался уходить, не получив ответа — вот и все. От этого зависела судьба Кэлен.

Что бы ни потребовалось для спасения ее жизни — пусть даже отдать свою, — он был готов.

— Назови свою цену.

— Меч Истины.

Мир словно замер. Кара ахнула.

— Что?

— Ты спросил о цене за то, что я могу тебе сказать. Эта цена — Меч Истины.

Ричард стоял, как вкопанный.

— Ты не шутишь?

Легкая улыбка зазмеилась в уголках ее губ.

— Отнюдь.

Ричард видел, как за деревьями, вдруг насторожившись, вскочил Самюэль.

— Зачем тебе этот меч?

— Ты спросил о цене, я назвала. Что я собираюсь делать с платой после того, как получу ее, тебя уже не касается.

Ричард почувствовал, как струйка пота стекает по спине.

— Шота...

Он не мог двинуться или произнести хоть слово. Он ожидал вовсе не этого.

Шота отвернулась и направилась прочь по дороге.

— Прощай, Ричард. Была рада повидаться. Не возвращайся.

— Подожди!

Шота остановилась и оглянулась через плечо. Волны ее темно-рыжих волос сияли в потоке света.

— Да или нет, Ричард. Я отдала тебе достаточно, ничего не требуя взамен. Довольно. Если хочешь получить еще кусочек, придется платить. Второй возможности я тебе не дам.

Она окатила его ледяным взглядом и повернулась было, чтобы уйти, но Ричард процедил сквозь зубы:

— Хорошо.

Она замерла.

— Так ты согласен?

— Да.

Она повернулась лицом к нему и замерла в ожидании.

Ричард немедленно потянул перевязь через голову. Кара подскочила к нему и схватила его запястье обеими руками.

— Что вы делаете? — прорычала она. Красная кожа блестела в последних лучах солнца, словно загоревшись от огня ее глаз.

— Шота знает что-то обо всей этой неразберихе, — ответил Ричард. — Мне нужно знать, что она может сказать. Я не знаю, что еще делать. Выбора нет.

Кара убрала одну руку с его запястья и прижала пальцы ко лбу, пытаясь собраться с мыслями. Ей вдруг стало тяжело дышать.

— Лорд Рал, вы не можете так поступить. Не можете. Вы не правы. Вы охвачены мгновенным желанием, желанием обладать чем-то, что, как вам кажется, у нее есть. Вы вбили себе в голову, что должны получить это во что бы то ни стало. Вы даже не знаете,

что она предлагает. Учитывая, насколько она на вас зла, скорее всего, ничего ценного у нее нет.

— Я должен с чего-то начать поиски правды.

— Послушайте, лорд Рал, нет никакой уверенности, что это поможет. Вы ошибаетесь! Говорю вам, цена слишком высока.

— Нет слишком высокой цены за жизнь Кэлен — особенно если требуется всего лишь вещь.

— Вы ведь покупаете не ее жизнь, а всего лишь намек ведьмы. Якобы она может сказать вам нечто полезное — ведьма, которая хочет отомстить за то, что вы отвергли ее. Вы сами сказали, что ничего из сказанного ею до сих пор не сбывалось так, как она говорила. Так же будет и сейчас. Вы потеряете меч напрасно.

— Кара, я должен это сделать.

— Лорд Рал, это сумасшествие.

— Ладно, предположим, что я и впрямь сошел с ума!

— Вы о чем?

— Что, если все вы правы, и никакой Кэлен не существует? Что, если я спятил? Даже ты так считаешь. Я должен узнать, что может сказать Шота. Если я ошибаюсь во всем, во что верю, то зачем Меч Истины сумасшедшему? Если все вы правы, и я брежу, чего хорошего ждать от меня окружающим? Зачем я нужен, если не в своем уме? Зачем?

В ее глазах блеснули слезы.

— Вы не сумасшедший!

— Да? То есть ты веришь, что женщина по имени Кэлен действительно существует, и я на ней женат? — Когда она промолчала, он убрал вторую ее руку со своего запястья. — Не думаю.

Кара резко повернулась к Шоте, указывая на нее эйджилом.

— Ты не можешь взять меч! Это нечестно, и ты это знаешь! Ты злоупотребляешь его состоянием. Ты не можешь взять этот меч!

— Цена-то на самом деле пустяковая... Меч даже не принадлежит ему. И никогда не принадлежал.

Шота поманила пальцем. Самюэль, наблюдавший из тени, метнулся к ним сквозь деревья.

Кара стала между Ричардом и Шотой.

— Лорду Ралу его дал Первый волшебник. Лорд Рал был назначен Искателем и одарен Мечом Истины. Меч — его!

— А где, по-твоему, его взял Первый волшебник? — Шота указала пальцем с ярко-красным лакированным ногтем на землю. — Здесь. Он пришел сюда, в мой дом, и украл его. Вот откуда у Зедда Меч Истины. Ричард владеет им не по праву, но как вор. Вернуть его законному владельцу — ничтожная плата за то, что он хочет знать.

Кара с яростью в глазах подняла эйджил. Ричард осторожно взял ее за запястье и опустил ее руку, предупреждая необдуманный поступок, который — он знал — добром не закончится. Он не хотел рисковать, не хотел ни потерять то, что могла сказать Шота... ни потерять Кару.

— Я делаю то, что должен, — спокойным голосом сказал он Каре. — Не усложняй дело еще больше.

Ричард видел Кару во всевозможных настроениях. Видел счастливой, грустной, сломленной, решительной, непреклонной и яростной, но до этого момента не видел, чтобы ее гнев с такой силой и откровенностью сосредоточивался на нем.

Вдруг ему вспомнилась Кара в приступе необузданной ярости. Но это было очень давно. Сейчас он не мог позволить себе страдать от воспоминаний и усилием воли отрешился от них молча. Он думал о Кэлен и будущем, а не о прошлом.

Ричард стянул перевязь через голову и обернул ремни вокруг ножен. Самюэль, державшийся возле юбки хозяйки, ждал, его алчные глаза были прикованы к перевитому проволокой эфесу.

Держа обеими руками сияющие золотом и серебром ножны и старинную, тисненой кожи перевязь, Ричард протянул их Шоте.

Она протянула руку, чтобы взять оружие.

— Меч принадлежит Самюэлю, моему верному слуге. — Она торжествующе улыбнулась. — Отдай клинок ему.

Ричард застыл, как вкопанный. Он не мог позволить Самюэлю завладеть Мечом Истины. Не мог — и все тут.

Его интересовало, как Шота могла бы использовать Меч Истины, если бы не отдала его Самюэлю. Ричард старался не думать, что на самом деле значило вручить его Шоте.

— Но ведь именно этот меч сделал его таким! Зедд сказал мне, что именно магия Меча Истины сотворила с ним такое, превратила его в то, что мы видим теперь.

— А когда Самюэль вернет принадлежащее ему, он станет прежним, таким, как был до похищения Меча твоим дедом.

Ричард знал характер Самюэля. И был уверен, что тот способен на все — включая убийство. Не стоило отдавать столь смертоносную вещь такому существу.

Слишком многие люди вроде Самюэля владели Мечом Истины, дрались за него, крали друг у друга, продавали тому, кто больше заплатит. Покупатель становился Искателем — и предлагал свои услуги самым мерзким заказчикам, лишь бы те платили. Во тьме он переходил из рук в руки, служил низости и насилию. К тому времени, когда Зедд наконец добыл этот меч и отдал его Ричарду, звание Искателя стало мишенью презрения и оскорблений. В нем видели обычного преступника — просто очень опасного.

Если он отдаст Меч Истины Самюэлю, все повторится сначала.

Но если нет — Ричард не сможет остановить гораздо более серьезную угрозу, угрозу для всего мира. И никогда не увидит Кэлен. Кэлен не только значила все для него лично — волшебник был уверен, что ее исчезновение предвещало страшную угрозу, масштабы которой он боялся даже предположить.

Как Искатель Истины он отвечал за истину, а не за меч.

Самюэль осторожно придвинулся ближе. Глаза его неотрывно глядели на Меч Истины, руки тянулись к нему, ладони дрожали в предвкушении.

— Мое, оддай, — нетерпеливо заныл Самюэль. Его глаза сияли ненавистью.

Ричард поднял голову и посмотрел на Шоту. Она сложила руки на груди, словно показывая, что это его последний шанс. Последний шанс узнать правду.

Если бы он знал способ, как по-иному решить задачу — хоть бы и неизмеримо сложный, — он забрал бы меч и пошел иным путем. Но увы, другого пути не было.

Дрожащими руками Ричард протянул меч.

Самюэль, не желая ждать, прыгнул и выхватил меч, прижав наконец, предмет долгих вожделений к груди.

В миг, когда уродец завладел клинком, странное выражение мелькнуло на его лице. Самюэль посмотрел на Ричарда в упор, его глаза расширились от удивления, челюсть отвисла. Ричард не мог даже представить, что увидел Самюэль, заполучив Меч Истины. Возможно, его просто охватил благоговейный ужас от осознания, что меч снова принадлежит ему.

Внезапно он скользнул прочь, быстро исчезнув среди деревьев. На Меч Истины снова пала тень.

Ричард был ошеломлен, он чувствовал себя голым. Он уставился туда, где исчез Самюэль, жалея, что не убил слугу Шоты при первом же нападении. А ведь нападал он не однажды! Столько шансов упущено...

Он перевел суровый взгляд на Шоту.

— Если он причинит кому-нибудь вред, ты будешь виновата.

— Не я дала ему меч. Ты сделал это по собственной воле, я не тянула тебя за руку и не использовала свои способности для принуждения. Не пытайся избавиться от ответственности за свои собственные решения и поступки. Я не отвечаю за Самюэля. Но если он причинит кому-либо зло, я прослежу, чтобы на этот раз он заплатил за свои преступления.

Шота устремила взгляд вдаль между деревьев, покрытых ковром трав.

— Впрочем, здесь он никому не сможет повредить. Он получил свой меч — и счастлив.

Ричард серьезно сомневался в этом.

С холодной яростью он вернулся к насущной теме. Он не собирался выслушивать какие-либо извинения ведьмы, поэтому сразу перешел к делу.

— Теперь плати.

Ведьма долго глядела на него с непередаваемым выражением лица. Наконец она произнесла спокойным голосом всего лишь два слова:

— Огненная Цепь.

Она отвернулась и направилась вдаль по дороге.

Ричард схватил ее за руку и развернул к себе.

— Что?

— Ты хотел знать, что может помочь тебе узнать правду. Я и сказала тебе: Огненная Цепь.

Ричард ничего не понимал.

— Огненная Цепь? Что это означает?

Шота пожала плечами.

— Понятия не имею. Знаю только, что именно это нужно тебе, чтобы докопаться до правды.

— То есть как это понятия не имеешь? Ты не можешь просто сказать мне совершенно незнакомые слова и уйти. Это не стоит того, что я дал тебе взамен.

— И тем не менее ты согласился, а я выполнила свою часть сделки.

— Ты должна сказать мне, что это значит.

— Я не знаю, что это означает, но знаю — это стоит уплаченной тобою цены.

Ричард не мог поверить, что согласился на сделку, которая не принесла ему никакой выгоды. Он ни на шаг не приблизился к Кэлен.

Ему хотелось просто сесть на землю и умереть.

— Наши с тобой дела завершены. Прощай, Ричард. Пожалуйста, уходи. Скоро стемнеет. Уверяю, тебе не понравится здесь после захода солнца.

Шота направилась по дороге к виднеющемуся вдали дворцу. Глядя, как она удаляется, Ричард укорил себя, что принял поражение, даже не попытавшись что-либо сделать. Впрочем, теперь он узнал нечто, связанное с тайной — часть головоломки, часть решения, тем более ценная, что до сих пор она была известна только ведьме. Это убедило его, что Кэлен существует. Он сказал себе: я стал на шаг ближе. Только в это ему оставалось верить. И он будет верить

— Шота, — позвал Ричард.

Она остановилась и обернулась, ожидая, что он скажет. Она, похоже, ожидала очередной гневной тирады.

— Спасибо, — искренне сказал он. — Не знаю, чем может мне помочь знание слов «Огненная Цепь», но — спасибо. Ты, по крайней мере, дала мне повод бороться дальше. Когда я пришел сюда, у меня его не было. Теперь есть. Спасибо.

Ведьма уставилась на него. Ричард не мог представить, о чем она думает.

Наконец Шота медленно шагнула к нему. Она скрестила руки на груди, мгновение смотрела в землю, затем устремила взгляд на деревья, вероятно, что-то обдумывая. Наконец она произнесла.

— То, что ты ищешь, давно захоронено.

— Давно захоронено? — осторожно переспросил он.

— Это, как и слова «Огненная Цепь», я не могу тебе объяснить. Такие вещи приходят ко мне в связи с какими-либо событиями. Я — носитель знаний, своеобразный канал. Но — не источник. Не в моих силах пояснить тебе значение, могу лишь сказать — то, что ты ищешь, похоронено очень давно и глубоко.

— Значит, Огненная Цепь, и вдобавок искать нечто, давно захороненное, — кивнув, повторил Ричард. — Понял. Не забуду.

Ее бровь дернулась, словно что-то еще только что пришло к ней.

— Ты должен найти место костей в Глубокой Пустоте.

Ричарда передернуло. Он понятия не имел, что такое «Глубокая Пустота», — но ему не нравилось ни звучание этих слов, ни намек на поиск костей. Он предпочел не думать, что может из этого следовать.

Шота вернулась на дорогу и направилась к дворцу. Не пройдя и двадцати шагов, она остановилась и обернулась еще раз, устремив нестареющие глаза в упор на Ричарда.

— Берегись змеи о четырех головах.

Ричард выжидательно вскинул голову.

— Что это означает — змея о четырех головах?

— Я дала тебе необходимые ответы. Ты был и остаешься Искателем. Тебе придется искать смысл этих ответов. Понимаешь ты их сейчас или нет — но я расплатилась с тобой честно.

С этими словами она отвернулась в последний раз и ушла по длинной дороге, озаренная золотым сиянием.

— Пойдем, — сказал Ричард Каре. — Я не хочу выяснять, почему нам не понравилось бы здесь после заката.

Кара окатила его ледяным взглядом.

— По-моему, она намекала на маньяка-убийцу, который набросится на тебя из темноты, размахивая смертоносным мечом.

Ричард мрачно подумал, что она может быть права. Самюэль вряд ли остановится на обладании Мечом Истины. Он наверняка захочет уничтожить законного владельца и таким образом устранить саму возможность того, что Ричард когда-либо попытается его вернуть.

Что бы ни говорила Шота, настоящим вором был Самюэль. За Меч Истины отвечал Первый волшебник. Именно он назначал Искателей и вручал им меч. Меч не принадлежал никому, каким бы способом им ни завладели. Он принадлежал только истинному, поименованному волшебником Искателю — а это был Ричард и только Ричард.

С ужасом он осознал, что предал доверие, оказанное дедом, когда тот вручал ему Меч Истины.

Но зачем был бы нужен меч, если обладая им, он погубил бы Кэлен?

Для Ричарда не было ничего ценнее жизни.

Глава 43

Ричард настолько глубоко задумался, что не полностью осознавал трудный подъем по крутой скале прочь из Предела Агаден. Внизу в золотом сиянии долины длинные тени деревьев протянулись через зеленые поля; но спокойная красота пейзажа заботила его все меньше по мере того, как солнце исчезало за пограничными горами. Ричарду хотелось оказаться далеко от долины и болота, прежде чем полностью стемнеет. Он пытался сосредоточиться на этой задаче, этой цели, на переставлении ног, на движении вперед.

К тому времени, как они достигли вершины обрыва и обширного болота, хранящего подступы к дому Шоты, сумерки слегка сгустились в глубоких расщелинах высившихся гор, которые окружали

долину. Из-за того, что скальные стены рано отсекали солнечный свет, небо над головами стало темно-синим. Этот свет не способен был глубоко проникнуть под полог листвы, так что вечерами обширное зеленое болото словно тонуло в вечном туманном полусвете. Глубокие тени здесь были совсем другими, чем в долине Шоты. Тени в болоте скрывали осязаемые, но по большей части обычные угрозы; тени вокруг Шоты таили опасности, которые было не так просто уловить — но, подозревал Ричард, гораздо более губительные.

Звуки затхлого болота окружали его — щебет, свист, крики сов, щелканье, далекие крики. Ричард с трудом воспринимал все это — он глубоко погрузился в свой внутренний мир, где отчаянье и целеустремленность сплелись в титанической борьбе.

Шота довольно много рассказала Ричарду о звере крови, который охотился на него. Но Никки уже прежде говорила волшебнику, что на него охотится зверь, созданный по воле Джеганя. Визит к Шоте не стоил тех деталей, которые он узнал о звере. Важны были несколько поистине бесценных слов, сказанных Шотой в самом конце беседы. Ради этого он и приехал сюда. За них заплатил цену столь высокую, что только теперь начинал до конца понимать ее значение. Пальцы сами тянулись к эфесу за утешением, но столь любимое и верное оружие было утрачено.

Он пытался не думать об этом — тщетно. Он чувствовал, что добыл важнейшую информацию, но в то же время испытывал сокрушающее чувство личной неудачи.

Он едва замечал, куда ступает. Впрочем, у него хватило сноровки не наступить на черно-желтую полосатую змею, свивавшую кольца под корнями, не позволить мохнатым паукам, державшимся за изнанку листьев, тихо спустить шелковые нити и сползти на него. Он обходил кустарник, когда что-то шипело изнутри.

Ричард следовал по темнеющей тропе быстро, как мог, не забывая об осторожности, и вновь обдумывая каждое слово Шоты, сосредоточившись на сокровище, за которое он заплатил столь ужасную цену. Кара шла за ним по пятам, отмахиваясь от туч насекомых, вьющихся вокруг ее лица. Время от времени из темноты вылетала летучая мышь и хватала десяток-другой мошек.

Продираясь сквозь густые заросли, Ричард отталкивал лианы и ветви и осторожно ступал на сплетения корней — некоторые из них начинали извиваться, словно змеиное гнездо, когда Ричард и Кара подходили слишком близко. Когда волшебник был здесь впервые, Самюэль показал ему, как эти корни могли схватить за лодыжку, если подойти слишком близко. Ричард был настолько поглощен попытками постичь, что может означать эта Огненная Цепь или чем она может являться, что едва не вступил в черную воду, с трудом различимую в сумраке. Кара, схватив за руку, удержала его как раз вовремя. Он огляделся кругом, заметил бревно, по которому они переходили в прошлый раз, и направился к нему.

Он рылся в памяти, пытаясь вспомнить, слышал ли он когда-нибудь об Огненной Цепи, но надежды его гасли, словно последние солнечные лучи. Это выражение было довольно странным, и он наверняка вспомнил бы его, если бы слышал раньше. Ричард предпочел бы, чтобы Шота знала его источник или значение, но он был уверен — она говорила правду о том, что ответы приходят к ней без объяснения либо понимания.

С другой стороны, он боялся, что правильно понял слова Шоты: «То, что ты ищешь, давно захоронено».

Это предупреждение отозвалось болью в сердце. Он боялся, что это вполне может означать: Кэлен давным-давно мертва и похоронена.

Он страдал от одиночества с того самого утра, когда проснулся и обнаружил, что она исчезла. Без Кэлен мир казался блеклым и бессмысленным.

Он не мог позволить себе смириться с ее смертью. Вместо этого он думал о ее прекрасных понимающих глазах, неповторимой улыбке, о том, какой живой и настоящей она была.

Однако слова Шоты вновь и вновь всплывали в памяти. Он должен был разгадать значение этих слов, если собирался найти Кэлен.

Последняя часть, гласившая, что он должен «опасаться змеи о четырех головах», сначала показалась бессмысленной. Но чем больше волшебник раздумывал над этим, тем больше ему казалось, что он должен понять это, словно стоит как следует поду-

мать — и он поймет смысл. Напрашивался вывод, что эта четырехголовая змея — чем бы она ни была — как-то связана с исчезновением Кэлен.

Он задавался вопросом, пришло ли это подозрение к нему только потому, что звучало зловеще. Он не собирался позволять себе ошибаться и поддаваться беспочвенным импульсам. Это лишь впустую потратило бы бесценное время. Он опасался, что и так уже потерял его слишком много.

— Куда мы идем? — спросила Кара, выдергивая его из водоворота мыслей.

Он осознал, что это первая фраза, сказанная ею с момента ухода от Шоты.

— За лошадьми.

— Вы собрались пройти перевал ночью?

Ричард кивнул.

— Да, если получится. Если буря стихла, лунного света будет достаточно.

Впервые он пришел к Шоте, когда ведьма забрала Кэлен к себе в долину. Ричард шел по ее следу через перевал ночью. Это было нелегко — но возможно. Он очень устал от дневного перехода и знал, что Кара устала тоже, но не собирался останавливаться, пока еще может сделать хоть шаг.

Судя по тому, как Кара стиснула челюсти, ей не нравилась идея пройти такой путь ночью, но вместо возражений последовал новый вопрос:

— А когда мы заберем лошадей? Дальше куда?

— Искать смысл ответов, которые я получил так поздно.

Вокруг них туман неспешно плыл среди сучковатых деревьев, свисающих лиан, озер стоячей воды. Он словно подбирался ближе, чтобы подслушать их беседу. Не было ветра, способного всколыхнуть гирлянды мха, и они неподвижно свисали с кривых деревьев. Тени мелькали в сумраке под лианами и мхом. Что-то невидимое плескалось в черной неподвижной воде.

Ричард не слишком-то хотел обсуждать предстоящий долгий и трудный путь. Поэтому прежде, чем Кара успела что-нибудь сказать, он спросил:

— Ты когда-нибудь слышала выражение «Огненная Цепь»?

Кара вздохнула.

— Нет.

— А можешь предположить, что это может означать?

Она отрицательно покачала головой.

— А место костей в Глубокой Пустоте? Это тебе о чем-то говорит?

Кара мгновение помолчала.

— «Глубокая Пустота» мне как будто знакома. Я вроде бы слышала об этом месте раньше.

Ричард подумал, что это обнадеживает.

— Можешь вспомнить, где слышала, или еще что-нибудь об этом?

— Боюсь, что нет, — она протянула руку и мимоходом сорвала лист в форме сердца с лианы, идя рядом с ним. — Единственное, что приходит на ум — я могла слышать это в детстве. Я пытаюсь вспомнить, но не могу. Быть может, я и впрямь что-то слышала... а может, мне так кажется оттого, что эти слова — и «глубокая», и «пустота», — довольно распространены.

Ричард разочарованно вздохнул. То, что это обычные слова, и поэтому их сочетание кажется знакомым, приходило в голову и ему.

— Как насчет змеи о четырех головах? — спросил он.

Кара снова покачала головой и шагнула назад, едва не упав за его спиной, чтобы обойти нависшую над дорогой ветку. Небольшая лиственно-зеленая змея свернулась на ветке. Она наблюдала, как подходят люди, и пробовала языком воздух, чтобы почуять их запах.

— Мне это ни о чем не говорит, — сказала она, вертя лист за черенок. — Никогда не слышала о таком создании — чем бы оно ни было. Может быть, четырехголовая гадюка живет в месте, называемом Глубокой Пустотой?

Ричард и сам думал о такой возможности, но сомневался — ведь Шота упомянула эти вещи раздельно. Они будто бы пришли к ней из разных источников. И все же, если они связаны с его вопросом о том, что может помочь ему узнать правду, то между ними может все-таки найтись связь, как считает Кара.

На опушке Кара остановилась.

— Хорошо, если Никки вскоре присоединится к нам. У нее глубокие познания в магии — и вообще во всем. Она может знать, что такое Огненная Цепь — и, возможно, сумеет помочь с остальным. Никки с радостью сделает все, чтобы помочь вам.

Ричард заложил большие пальцы за пояс.

— Не хочешь ли рассказать, что вы там с Никки затеяли?

Ему и так все было ясно, но он хотел услышать от Кары, насколько далеко все зашло.

— Никки здесь ни при чем. Это была моя идея.

— А в чем именно состояла твоя идея?

Кара отвела глаза и устремила взгляд на перевал. На почти безоблачном небе начинали появляться звезды. В вышине неслись рваные облака, влекомые безмолвным ветром. Вскоре должна была взойти луна.

— Когда вы исцеляли меня, я почувствовала всю глубину и горечь вашего одиночества. Я думаю, вы могли придумать эту женщину, Кэлен, чтобы заполнить душевную пустоту. Я не хочу, чтобы вы и дальше страдали от ужасной тоски, которую я тогда ощутила. Несуществующая любовь никогда вам не поможет.

Кара умолкла, и заговорил Ричард.

— И ты хочешь, чтобы эту пустоту заполнила Никки?

Она вновь посмотрела ему в глаза. В чертах ее лица читалось разочарование:

— Лорд Рал, я лишь хотела помочь вам. Я считаю, что вам нужен кто-то, кто будет делить с вами радость и горе — так же, как хотелось Шоте. Ведьма хотела, чтобы вы остались с ней. Но вы с Шотой — не пара. Я считаю, что Никки — именно та женщина, которая вам нужна. Вот и все.

— Значит, ты думала, что можешь распоряжаться моим сердцем вместо меня?

— Ну... по вашим словам это кажется неправильным.

— Так и есть.

— Нет, не так, — возразила Кара, уперев кулаки в бедра. — Вам нужен кто-нибудь. Я знаю — прямо сейчас вы страдаете от

одиночества. И вам становится все хуже. Господи, вы так просто отдали меч! Меч истины!

Она до боли закусила губу.

— Я же знаю — вам трудно. Вы кажетесь неполным. Я знаю вас долго — и вы никогда не были таким. В жизни бы не подумала, что у лорда Рала когда-либо может быть женщина — тем более жена,— но вам, похоже, крайне необходима родственная душа. А Никки подходит на эту роль лучше всех. Она умна — достаточно, чтобы говорить с вами на равных о магии и всем прочем. Я видела, как вы говорите друг с другом, как улыбаетесь друг другу. Вы отличная пара. Оба умны — и оба одарены. И она красива. Вам нужна красавица — и Никки как раз такова.

— А какую роль играет Никки в твоем маленьком заговоре?

— Она точно так же протестовала — что по-своему лишь доказывает, что вы великолепно подходите друг другу.

— То есть ей тоже не нравится, что ты планируешь ее жизнь?

Кара дернула плечом.

— Нет, я не об этом. Она точно так же заботилась о вас — не о себе. Ее заботило только, как будет лучше для вас. Она, похоже, знала, что моя идея вам не понравится.

— Что ж, в одном ты права — она умна.

— Я только пыталась заставить ее задуматься над этим. Я не советовала ей вешаться на вас. Я думала, что, возможно, вы сможете дополнить друг друга, взаимно заполнить пустоту. Я посчитала, что если после разговора со мной она будет учитывать такую возможность, природа в конце концов возьмет свое. Вот и все.

Ричарду хотелось задушить Кару, но он сдерживался. Пусть она не права, но ее забота была так трогательна, что Ричарду в то же время хотелось сжать ее в объятиях. Кто бы мог подумать, что морд-сит может заботиться о любви и товариществе! Впрочем, он ведь так думал. И тем не менее...

— Кара, ты пытаешься сделать то же, что и Шота — решить за меня, что я должен чувствовать, как должен жить.

— Нет, это не то же самое.

Ричард нахмурился.

— Ой ли?

Кара сжала губы. Он ждал. Наконец она прошептала:

— Она ведь вас по-настоящему любит. И я люблю. Только иначе, — быстро добавила она.

Ричард был не в настроении спорить. Он знал, что Кара желает ему только добра, пусть и действует неверно. Более того, ему с трудом верилось, что Кара сказала это вслух.

Что бы ни случилось, он был очень обрадован.

— Кара, я женат на женщине, которую люблю.

Она грустно покачала головой.

— Простите, лорд Рал, но Кэлен попросту не существует.

— Если так, то почему Шота смогла дать мне ключи к постижению истины?

Кара снова отвела взгляд.

— А потому! Правда в том, что никакой Кэлен нет. Ее ответы только помогут узнать горькую правду. Вы когда-нибудь думали об этом?

— Только в кошмарах, — сказал он, направляясь к перевалу.

Глава 44

Джиллиан повернулась и посмотрела в небо, услышав крик ворона. Легкие движения крыльев несли большую птицу по невидимым воздушным потокам в чистом голубом небе. Заметив ее взгляд, он снова каркнул. Резкий, скрипучий звук разбудил эхо, нарушив мертвую тишину ущелья, и разнесся по холмистой равнине, плавящейся под полуденным солнцем.

Джиллиан подхватила крошечное тельце ящерицы с потрескавшейся стены и продолжила восхождение по пыльной тропке. Круживший над головой ворон наблюдал за этим подъемом. Наверняка он углядел ее уже давным-давно — гораздо раньше, чем она заметила птицу.

Держа ящерицу за хвост, Джиллиан встала на цыпочки и, подняв руку как можно выше, помахала угощением. Она засмеялась, когда

угольно-черная птица словно споткнулась в воздухе, заметив свернутую кольцом ящерицу, свисавшую между пальцев. Птица ринулась в крутое пике, прижав крылья, чтобы набрать большую скорость.

Джиллиан подпрыгнула и села на полуразрушенную каменную стену над рядом булыжников, когда-то бывших частью дороги. За прошедшие века большая часть дороги скрылась под слоями пыли и глины, нанесенных дождями и ветрами. На этих слоях теперь росла сорная трава и чахлые деревья. Дедушка говорил, что это место — часть особой постройки, притом очень древней.

Джиллиан с трудом могла представить ее возраст. Когда-то, будучи совсем маленькой, она спросила дедушку, старше ли его эти руины. А он рассмеялся и сказал, что он, конечно, стар, но по сравнению с руинами сущий младенец и что земля не поглотила бы творения рук человеческих так быстро. Он сказал, что это — дело медленное и требует не только времени, но и запустения. Времени прошло много, а с тех пор, как отсюда совсем ушли люди, запустение тоже взяло свое.

Дедушка рассказывал об их предках — жителях этого пустого и древнего города. Джиллиан любила слушать истории о таинственных людях, которые жили здесь и построили невероятный город на горе за каменными пиками.

Дедушка был сказителем. Его радовала тяга внучки к рассказам о старых временах, и старик сказал Джиллиан, что, если она будет стараться, то он сделает ее сказительницей себе на смену. Джиллиан восхищала возможность выучиться и овладеть всеми необходимыми знаниями, стать уважаемой за рассказы о древних временах, за сохранение их наследия. Но в то же время ей не нравилось, что такое ее возвышение среди соплеменников ознаменует уход дедушки из жизни.

Локки приземлился рядом и сложил блестящие черные крылья, прерывая ее размышления о важном — о древних людях и их городах, о войнах и великих свершениях. Любопытный ворон подобрался ближе.

Джиллиан положила на землю недавно убитую ящерицу и, держа ее за кончик хвоста, искушающе дернула ею.

Локки вертел головой, наблюдая. Он не брал подношение, только моргал черными глазами. Ворон осторожно, бочком придвинулся к девочке — как всегда при приближении к падали. Обычно он, хлопая крыльями, несколько раз отлетал назад — еда ведь могла неожиданно превратиться в угрозу. Но сейчас птица отважно шагнула вперед и вцепилась тяжелым клювом в ее рукав оленьей кожи.

— Локки, что ты делаешь?

Локки настойчиво потянул за рукав. Обычно любопытная птица хваталась за нашитые бусины или кожаные ремешки на манжете, но сейчас вцепилась в сам рукав.

— Что? — спросила она. — Чего ты хочешь?

Он отпустил рукав и, наклонив голову, уставился на нее блестящим глазом. Вороны были умными созданиями, но Джиллиан никогда не знала, насколько. Временами Локки казался ей умнее иных людей.

Перья на горле и ушах Локки агрессивно встопорщились.

Внезапно ворон пронзительно каркнул, словно злясь на то, что не может говорить: «Кар-р-р!» После паузы он снова взъерошил перья и каркнул: «Кар-р-р!!!»

Джиллиан погладила птицу по голове и спине, нежно, но твердо почесывая под встопорщенным черным плюмажем — ему это нравилось,— прежде чем пригладить взъерошенные перья. Обычно при таком поглаживании он довольно щелкал клювом и лениво щурился. Но сейчас ворон вырвался из ее рук, троекратное карканье ударило по ушам. «Кар-р-р!» «Кар-р-р!» «Кар-р-р!»

Она зажала уши.

— Какая муха тебя сегодня укусила?

Локки подпрыгивал, хлопая крыльями. «Кар-р-р!» Он перебежал старую мощеную дорогу, неустанно хлопая крыльями и каркая. На другой стороне он поднялся в воздух, приземлился и снова взлетел.

Джиллиан встала.

— Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

Локки громко каркнул, словно подтверждая, что она наконец-то догадалась. Джиллиан рассмеялась. Она была уверена, что

чудаковатая птица понимает каждое ее слово — а иногда в придачу и читает мысли. Здорово иметь такого друга! Иногда, когда девочка заговаривала с вороном, он спокойно стоял рядом и слушал.

Дедушка говорил, что Локки нельзя спать у нее в комнате, иначе ворон будет знать ее сны. Джиллиан обычно посещали чудесные сны — так зачем скрывать их от Локки? Похоже, ее друг и в самом деле знал, что снится Джиллиан — зачастую утром она обнаруживала ворона мирно спящим на подоконнике снаружи.

Но ни единого кошмара она к нему не допускала.

— Нашел себе вкусную дохлую антилопу? Или, может быть, кролика? Ты поэтому не голоден? — Девочка шутливо погрозила пальцем. — Локки, — проворчала она, — неужели ты ограбил кладовую другого ворона?

Локки никогда не бывал сыт. Она часто называла его «мой прожорливый ворон». Он делил с Джиллиан обед, если ему разрешали, и крал, если не разрешали. Даже сытый до отвала, Локки забрал бы ящерицу, чтобы припрятать про запас. Вороны откладывали про запас все, что не могли съесть — а съесть они могли много. Непонятно было, каким образом птица не толстеет.

Джиллиан отряхнула пыль с подола платья и тощих коленок. Локки уже кружил в небе, подгоняя ее карканьем.

— Хорошо, хорошо, — недовольно сказала она. Вытянув руки в стороны для равновесия, она пробежала по верху широкой стены, усыпанной обломками камня.

Она оказалась на гребне невысокого холма. Джиллиан стояла, держа одну руку на поясе, другой прикрывая глаза от солнца. Высоко в небе носился Локки, призывая не выпускать его из виду. Бессовестный задавака! Когда он не мог удивлять своими трюками других воронов, он с радостью демонстрировал свое мастерство Джиллиан.

— Да, — прокричала она в небо, — ты умная птица, Локки!

Локки каркнул и понесся вдаль. Взгляд Джиллиан проследовал за ним на юг, к простершейся до горизонта равнине. На бесплодном просторе лишь кое-где, ближе к подножию холмов и горам за спиной, пробивались островки высокой летней травы.

Справа и слева тянулись за горизонт фиолетовые силуэты далеких гор, постепенно бледнея и растворяясь. Казалось, равнине нет конца, но Джиллиан знала, что это не так. Дедушка сказал, что на юге находится великий барьер, а за ним — запретная страна, называемая Древний мир.

Вдали, между островками зелени у подножия холмов, виднелось место, где ее соплеменники жили в летнее время. Деревянные заборы закрывали бреши в древних каменных стенах, где содержались козы, свиньи и куры. Часть скота паслась на лугу. Здесь была вода, и листья деревьев поблескивали в солнечных лучах. За простыми кирпичными домами, простоявшими не одно столетие, несмотря на суровые метели и палящее солнце, простерлись сады.

И тут, вновь бросив взгляд на Локки, Джиллиан увидела на горизонте к западу едва заметное облако пыли.

Из-за расстояния оно казалось крошечным. Полоска пыли, ясно различимая на фоне небесной синевы, как будто повисла в воздухе, но Джиллиан знала, что это обман зрения. Даже отсюда можно было утверждать, что пыль протянулась вдоль широкой полосы пустоши. Было слишком далеко, чтобы разглядеть, кто поднял эту пыль. Если бы не Локки, Джиллиан еще долго не замечала бы ее.

Даже не видя источника этой пыли, она знала, что такого еще не видела. Первой мыслью было, что это смерч или пыльная буря. Но, наблюдая за ним, девочка осознала, что для смерча полоса слишком широка, а пыльная буря не поднималась бы так высоко в воздух. В крайнем случае в высоте виднелись бы отдельные язычки пыли, а прямо по земле катились бы бурые клубящиеся облака — ведь ветер поднимал пыль именно с сухой земли...

Но здесь все было иначе. Пыль поднимали приближавшиеся всадники.

Чужаки!

Больше чужаков, чем она могла себе представить. Столько незнакомцев было только в дедушкиных историях.

Колени Джиллиан задрожали. Страх поднялся к горлу, грозя вырваться криком.

Это они. Дедушка не раз говорил, что придут чужаки. Вот они и пришли.

Люди всегда соглашались с дедом — по крайней мере, в лицо — но, похоже, никогда всерьез не задумывались над его предсказаниями. В конце концов они вели мирную, ничем и никем не омраченную жизнь.

А вот Джиллиан верила дедушке безоговорочно — и потому всегда знала, что рано или поздно чужаки придут. Но, как и другие, она думала, что это случится в далеком будущем, когда она состарится, или, если повезет, через несколько поколений.

Только в редко посещавших ее кошмарах чужаки появлялись так скоро.

Клубы пыли не оставляли сомнений — это они. Уже едут.

За всю свою жизнь Джиллиан никогда не видела чужеземцев. Только соотечественники Джиллиан путешествовали по неприветливым пустошам обширной и зловещей местности, известной как Глубокая Пустота.

Девочка стояла, дрожа от ужаса, не в силах оторвать взгляд от пыльного шлейфа на горизонте. Сейчас она, похоже, увидит много чужеземцев... тех самых, из преданий.

Они приехали слишком рано. Она еще толком не жила, не полюбила, не родила детей. Слезы заполнили ее глаза, искажая мир вокруг. Джиллиан оглянулась через плечо на руины. Столкнулись ли люди древности с этим, как говорил дедушка?

Слезы проложили дорожки по ее припорошенным пылью щекам. Она знала без тени сомнения — жизнь вот-вот изменится, и ее снам никогда уже не быть счастливыми.

Джиллиан слезла со стены и побежала вниз по холму. Проплыла мимо стена, остались позади обвалившиеся каменные коробки зданий, ямы на месте стоявших когда-то домов. Из-под ног вздымалось облако праха. Девочка бежала сквозь руины древнего поселения. Теперь жизнь покинула эти дороги, и дома больше не высились по ее сторонам.

Она часто пыталась представить, на что был похож город, когда люди жили в домах, ходили по улицам, готовили еду, вывешивали белье, торговали на площадях. Все это прошло. Люди давно мертвы. Весь город мертв, лишь изредка соплеменники Джиллиан останавливались в самых удаленных от центра зданиях.

Подойдя к крайним домам, где они жили летом, Джиллиан увидела суетящихся людей, кричавших друг на друга. Они собирали вещи, выгоняли животных. Похоже, они собирались отправляться то ли обратно в горные жилища, то ли на пустоши. До сих пор на ее памяти ее народ делал такое всего несколько раз. И каждый раз угроза оказывалась вымышленной. Но Джиллиан знала — на этот раз угроза реальна.

Впрочем, она не была уверена, хватит ли им времени убежать от приближающихся чужаков и спрятаться. Но ее сородичи были сильны и проворны. Они привыкли кочевать по пустошам. Дедушка говорил, что только их народ мог жить, и жить неплохо, в таком заброшенном месте. Они знали горные перевалы, и источники, и тайные проходы через, казалось бы, непроходимые каньоны. Они могли быстро раствориться в неприветливой стране и выжить.

По крайней мере, большинство. Некоторые — например, сам ее дедушка — не могли уже быстро передвигаться.

С новой силой охваченная страхом, она побежала изо всех сил, топоча по пыльной земле. Приблизившись, Джиллиан увидела, что мужчины уже навьючивают походное имущество на мулов. Женщины собирали кухонную утварь, заполняли водой бурдюки, выносили одежду и палатки из летних домов и сараев. Похоже, их заранее предупредили о приближении беды, поскольку они уже многое успели приготовить.

— Мама! — позвала Джиллиан, завидев мать, пристраивавшую горшок на мула поверх кучи других вещей. — Мама!

Мать коротко улыбнулась и призывно махнула рукой. Хоть Джиллиан и считала себя уже взрослой, она нырнула под эту руку, как цыпленок — под крыло наседки.

— Джиллиан, собирайся, — подтолкнула ее в направлении дома мать. — Быстрее.

Джиллиан понимала, что сейчас не время для вопросов. Она смахнула слезы и побежала к небольшому древнему квадратному зданию, которое было их домом, когда они проводили лето на равнинах возле нагорья. Мужчинам иногда приходилось чинить сорванные непогодой крыши — но в остальном приземистые прочные

здания оставались такими же, какими их построили предки, жившие в заброшенном городе Касска на нагорье.

Дедушка, осунувшийся и бледный, словно призрак, ждал в тени в дверном проеме. Он никуда не торопился. От ужаса у Джиллиан внутри все похолодело. Она поняла, что дедушка не может пойти с ними. Он слишком стар и немощен. Как и некоторые другие старики, он не сможет идти наравне со всеми, если придется бежать. По глазам его девочка видела, что он и не думает попытаться.

Она упала в дедушкины объятия и разрыдалась, несмотря на его попытки успокоить.

— Ладно, ладно, малышка, — говорил он, гладя рукой ее коротко подстриженные волосы. — На это нет времени.

Дедушка взял внучку за руки и мягко подтолкнул ее, пытавшуюся справиться со слезами, ко входу. Джиллиан знала, что уже большая и не должна так плакать, но ничего не могла с собой поделать. Он присел на корточки и смахнул с ее лица слезу, по лицу от улыбки побежали морщинки.

Джиллиан вытерла оставшиеся слезы, пытаясь быть сильной и действовать согласно возрасту.

— Дедушка, Локки показал мне приближающихся незнакомцев.

Он кивнул:

— Знаю. Это я послал его.

— Ох, — вот и все, что она могла сказать. Мир стремительно переворачивался с ног на голову, и думать было сложно — но какой-то частью разума она осознала, что дед никогда раньше такого не делал. Она не знала, что он на такое способен, — но, зная дедушку, не удивлялась.

— Джиллиан, послушай меня. Именно об этих людях я всегда говорил. Все, кто может, уходят, чтобы спрятаться на время.

— Надолго?

— До тех пор, пока это будет необходимо. Люди, что сейчас едут по дороге — лишь малая часть тех, кто в конце концов придет.

Глаза Джиллиан расширились.

— Ты хочешь сказать, что это еще не все? Но ведь их так много. Они поднимают столько пыли, сколько я еще не видела. Как чужаков может быть больше?

Его улыбка была короткой и горькой.

— Это всего лишь разведчики, я думаю — первые из многих. Эта обширная и заброшенная земля им незнакома. Я считаю, что они ищут путь через нее, разведывая, не будет ли здесь сопротивления. Я боюсь, что, согласно предсказаниям, за ними придет столько войска, что даже я не могу представить. Думаю, эти другие, бесчисленные, придут не так уж скоро — но даже этот авангард опасен и безжалостен. Те из нашего народа, кто может, должны бежать и пока спрятаться. Но ты, Джиллиан, не можешь пойти с ними.

У нее отвисла челюсть.

— Что?..

— Послушай меня. Времена, о которых я тебе рассказывал, настали.

— Но мама и папа не позволят...

— Позволят, когда я скажу, что они должны слушаться, как и все наши люди, — суровым голосом сказал старик. — Тут замешаны дела чрезвычайной важности, в какие наш народ никогда прежде не вовлекался — по крайней мере, с тех пор, как наши предки жили в городе. Теперь это и наше дело тоже.

Джиллиан торжественно кивнула:

— Да, дедушка. — Дрожа от страха, она в то же время чувствовала пробуждаемое дедушкиными словами чувство долга. Если он решил доверить ей такие вещи, она его не подведет.

— Тогда что я должна делать?

— Ты должна стать жрицей костей, носительницей снов.

Рот Джиллиан снова открылся.

— Я?

— Да, ты.

— Но я слишком маленькая! Меня таким вещам не учили...

— Времени нет, дитя мое. — Он наклонился к ней, стараясь говорить как можно внушительнее. — Именно ты, Джиллиан, должна это сделать. Я уже научил тебя многому из преданий. Ты можешь считать себя не готовой или слишком юной, и в этом будет доля правды — но ты знаешь больше, чем осознаешь. К тому же никого другого нет. Этот груз ложится на твои плечи.

Джиллиан даже моргнуть, казалось, не могла. Она чувствовала себя совершенно неподходящей, но в то же время немножко взволнованной и спокойно воодушевленной. Ее народ зависел от нее. Более того, дедушка положился на нее, и она верила, что может это сделать.

— Да, дедушка.

— Я приготовлю тебя к тому, чтобы быть среди мертвых, а потом ты должна спрятаться среди них и ждать.

Страх начал сжимать свои кольца вокруг нее. Она никогда не оставалась наедине с мертвыми.

Джиллиан сглотнула.

— Дедушка, а ты уверен, что я к такому готова? Быть там одной среди мертвых? Ожидая одного из них?

Свет, выходящий из открытой двери, придал лицу старика зловещий вид.

— Ты готова настолько, насколько я успел тебя подготовить. Я надеялся успеть гораздо больше — но ты хотя бы слышала кое-что из того, что тебе следует знать.

Снаружи в солнечном свете спешно готовились к отъезду люди. Они старательно не смотрели в тень, на дедушку, после того, как он отвел Джиллиан в сторону и начал рассказывать, с чем ей предстоит столкнуться.

— По правде говоря, — сказал он, — событие застало врасплох и меня. Предсказания передавались из поколения в поколение сотни и тысячи лет, но в них не сказано, когда они должны сбыться. Я никогда по-настоящему не верил, что это случится при моей жизни. Помню, как мой дед рассказывал о том, что я передал тебе. Он на самом деле не верил, что это когда-либо случится — может, в далеком будущем, но на моей жизни это не отразится никак. И все же время пришло, и мы должны сделать то, на что способны, чтобы почтить наших предков. Мы должны — ты должна — быть готовы встретить знамения.

— Как долго мне придется ждать?

— Увы, я не могу тебе этого сказать. Тебе придется спрятаться среди духов. Как и все сказители за прошедшие века, мы с тобой

постоянно припрятывали еду, как Локки, на случай этих событий. Тебе будет чем наполнить живот. Ради развлечения можешь охотиться и ловить рыбу, когда выходить станет безопасно.

— Да, дедушка. Но разве ты не можешь спрятаться со мной?

— Я отведу тебя туда, помогу приготовиться и расскажу все, что знаю. Но потом мне придется вернуться сюда, чтобы чужаки думали, что мы остались приветствовать их, в то время как остальные наши люди бежали. Тем временем ты сможешь спрятаться. Я не могу так же быстро бегать, как ты, я не настолько мал, чтобы проскользнуть в узких местах, где эти люди не смогут тебя преследовать. Мне придется вернуться сюда и делать свое дело.

— Что если чужаки причинят тебе вред?

Дедушка вздохнул с усталой решимостью.

— Может, так и будет. Пришельцы способны на подобную жестокость — вот почему это так важно. Именно из-за их жестокости мы должны быть сильными и не сдаваться. Даже если я погибну, — он погрозил внучке пальцем, — будь уверена, я постараюсь, чтобы до этого не дошло, но если так — я сберегу нам драгоценное время.

Джиллиан закусила губу.

— Ты разве не боишься умирать?

Он с улыбкой кивнул.

— Очень боюсь. Но я прожил долгую жизнь и очень тебя люблю, поэтому хочу, чтобы и ты жила долго.

— Дедушка, — сказала она сквозь душащие слезы, — я хочу, чтобы ты никогда меня не покидал.

Он взял ее за руку.

— Я тоже, дитя. Я хочу увидеть, как ты станешь женщиной и родишь детей. Но не беспокойся слишком сильно обо мне: я не так уж беспомощен и не прост. Я буду сидеть под стеночкой с остальными, и эти люди не догадаются, что я представляю для них какую-то угрозу. Мы признаемся чужакам, что более молодые убежали в страхе, а мы не смогли. Пришельцам наверняка найдется что делать, им незачем тратить на нас силы. С нами все будет хорошо. Я хочу, чтобы ты думала о том, что должна сделать, и не беспокоилась обо мне.

Джиллиан немного успокоилась.

— Да, дедушка.

— К тому же, — сказал старик, — Локки будет с тобой, и с ним — мой дух, так что я, можно сказать, буду наблюдать за тобой.

Когда она улыбнулась, он сказал:

— Теперь иди. Нам нужно приготовиться.

Родителям Джиллиан было позволено короткое прощание — после того, как дедушка строго сказал им, что забирает внучку, чтобы она была с духами предков и заботилась о безопасности их народа.

Мать и отец то ли понимали важность порученного дочери дела, то ли боялись отказать дедушке. Как бы там ни было, они крепко обняли ее и пожелали быть сильной, пока они не смогут снова быть вместе.

Дедушка молча повел ее прочь под взглядами земляков. Он вел ее вверх по древним дорогам и ущельям, мимо заброшенных поселений и таинственных зданий, к крутому подъему. Они карабкались вверх, а заходящее солнце золотило шлейф пыли, который медленно, но верно приближался. Джиллиан знала, что не успеет солнце сесть, как большая часть ее народа уже будет в недосягаемости для чужаков.

Густые тени пролегли по ущельям. Вьющаяся по скользкому, усыпанному щебнем камню, дорога приглашала заглянуть за поворот. Среди щебенки то и дело попадались кости мелких животных. В основном, насколько она видела, это были остатки от трапез койотов и волков. Она поспешила избавиться от мысленной картины — ее собственные белые кости, разбросанные среди щебенки.

Лениво кружащий в синеве Локки наблюдал, как они с дедушкой пробираются к нагорью. Когда они достигали каменных пиков, птица бесшумно заскользила между верхушек природных колонн, словно играючи. Ворон достаточно часто сопровождал их в древний город, чтобы без раздумий находить дорогу. Что касается Джиллиан, хоть дедушка много раз водил ее через лабиринт ущелий, оврагов и глубоких каньонов, сейчас ей все казалось новым.

На этот раз она шла как жрица костей, носительница снов.

В месте, где тихий ручей извивался между каменистыми осыпями на дне очень глубокого каньона, дедушка подвел ее к маленькому валуну в прохладной тени и усадил. Вокруг почти отвесно вздымались гладкие, чуть волнистые стены каньона. Если бы вдруг пошел дождь, каньон немедленно затопило бы, и выкарабкаться было бы невозможно. Опасное место — и не только из-за возможности внезапных потопов. От каньона отходило множество щелей, трещин, узких ущелий, которые прихотливо изгибались вокруг высящихся огромных колонн — тут можно было вечно ходить кругами и не найти выхода. Впрочем, Джиллиан хорошо знала дорогу через лабиринт, как и многие другие.

Пока она тихо ждала, дедушка развязал мешочек, который всегда носил у пояса. Он вынул сверток промасленной ткани и развернул его на ладони. Затем погрузил палец в черное маслянистое вещество внутри.

Дедушка поднял ей подбородок.

— Теперь сиди тихо, пока я буду раскрашивать твое лицо.

Джиллиан никогда раньше не раскрашивали. Она знала об этой формальности из дедушкиных историй, но никогда не думала, что станет жрицей костей, и ее будут раскрашивать. Она сидела как могла спокойно, пока он работал, чувствуя, что все происходит слишком быстро — у нее даже не было времени как следует обо всем подумать. Еще утром она думала только о том, как поймать ящерицу для Локки. Теперь на ее плечи словно легла тяжесть всего мира.

— Вот, — сказал дедушка. — Погляди.

Джиллиан стала на колени над спокойной заводью и наклонилась. От удивления она открыла рот. Вид был пугающий. По глазам отражения шла нарисованная черная полоса, как повязка слепца, но девочке ничто не мешало смотреть. Ее золотисто-рыжие глаза глядели на нее из воды сквозь дымчатую черную маску.

— Теперь злые духи тебя не увидят, — став рядом, сказал он. — Ты можешь спокойно находиться среди наших предков.

Джиллиан тоже встала, чувствуя себя очень странно. Она чувствовала себя измененной. Увиденное ею лицо было лицом жрицы. Она слышала об этом из дедушкиных историй, но никогда в

жизни не видела такого лица. И уж тем более не ожидала, что это будет ее лицо.

Она наклонилась и украдкой взглянула в воду.

— Это вправду меня спрячет?

— С этим ты будешь в безопасности, — кивнул он.

Ей было интересно, узнает ли ее Локки, не испугается ли он. Ее саму отражение напугало.

— Пойдем, — сказал дедушка, — нужно отвести тебя туда, а потом я еще должен успеть вернуться, чтобы пришельцы обнаружили меня с оставшимися нашими людьми.

Выбравшись из путаницы шпилей и каньонов, они наконец оказались возле города — у подножия высокой главной стены, но внутри кольца одной из полуразрушенных внешних стен.

Рядом находилось кладбище.

Дедушка махнул рукой:

— Веди, Джиллиан. Теперь это твое место.

Джиллиан кивнула и направилась к городу, блестевшему в золотых лучах вечернего солнца. Как всегда, это место было очень красиво, но сегодня вид не давал ей покоя. Казалось, она смотрит на свет новыми глазами. Теперь она очень четко чувствовала связь с предками.

Величественные здания до сих пор выглядели живыми; она словно бы даже заметила через пустые оконные проемы жителей, занятых повседневными делами. Некоторые строения были просто огромными, парящие колонны поддерживали выступающие навесы сланцевых крыш. У других зданий на каждом этаже были ряды сводчатых окон. Дедушка водил ее в несколько таких зданий. Девочку ошеломило множество комнат, расположенных рядами друг над другом, так что приходилось взбираться по лестницам — лестницам, построенным внутри зданий — чтобы добраться до самых верхних комнат. Древние здания казались почти волшебными в своем совершенстве. Издали, поблескивая в золотом свете, они действительно казались магическими.

Теперь ей предстоит ходить по улицам одной, сопровождаемой только духами местных жителей. Впрочем, она чувствовала

себя в безопасности, зная, что дедушка нарисовал на ней маску жрицы костей.

Именно она будет насылать сны на чужаков.

Если она справится хорошо, пришельцы будут так напуганы, что убегут, и ее народ вновь будет в безопасности.

Она старалась не думать о том, как прежние жители этого города делали то же самое — и потерпели поражение.

— Ты думаешь, их не будет слишком много? — спросила она, внезапно испуганная историей о древнем разгроме.

— Слишком много? — удивленно посмотрел на нее старик, проходя мимо стены, давным-давно оплетенной цепкими лозами, которые теперь удерживали расшатавшиеся камни на месте.

— Слишком много для снов. Я одна — и мне не хватает опыта, возраста, да всего! Это всего лишь я.

Его большая рука успокаивающе потрепала ее между лопаток.

— Численность не имеет значения. Он поможет тебе обрести необходимые силы. — Дедушка предупреждающе поднял палец. — И не забывай, Джиллиан, сказания говорят, что ты должна быть ему предана. Он будет твоим господином.

Джиллиан кивнула, входя на обширное кладбище. На нижних уровнях лежали простые каменные плиты. Проходя могилы ряд за рядом по пути наверх, они наконец добрались до больших и наиболее богато украшенных монументов. Часть из них венчали большие статуи людей в гордых позах. Кое-где были надписи о вечной любви. На нескольких — только древний символ, который, по словам ее дедушки, назывался Благодатью. А на остальных — ничего, кроме имен.

В самом сердце кладбища, возле вершины, где потрепанные ветром деревья вырастали раскидистыми и искривленными, они наконец подошли к большой могиле, отмеченной огромным, затейливо украшенным монументом. На его верху находилась урна из пятнистого серого гранита, внутри — оливки, груши и другие фрукты, а с одной стороны свешивались гроздья винограда. Все было сделано из одного и того же камня. Дедушка, часто приводивший ее к этому монументу для пересказа очередных преданий,

сказал, что урна должна была представлять щедрость жизни, созданной созидающими усилиями и тяжелым трудом человека.

Он смотрел, как Джиллиан на мгновение замерла, а затем подошла на шаг ближе к могильной плите какого-то давно умершего человека, изваянной из цельной каменной глыбы в те времена, когда древний город был еще жив. Ей стало интересно, каким был этот человек: добрым или жестоким, молодым или старым.

Локки приземлился на каменные гроздья винограда и взъерошил блестящие черные перья, прежде чем устроиться поудобнее. Ее радовало, что Локки составит ей компанию в столь заброшенном месте.

Джиллиан протянула руку и провела пальцем по буквам имени, высеченного в сером граните.

— Ты думаешь, что предсказания правдивы, дедушка? То есть в самом деле правдивы?

— Меня учили, что так и есть.

— Тогда он в самом деле вернется к нам из мира мертвых? Действительно, на самом деле воскреснет из мертвых?

Она оглянулась через плечо. Стоявший за ее спиной дедушка протянул руку и благоговейно коснулся гранитного монумента. Он торжественно кивнул.

— Воскреснет.

— Тогда я буду ждать его, — сказала она. — Жрица костей будет здесь, чтобы приветствовать его и служить ему, когда он вернется к жизни.

Джиллиан быстро взглянула на тянущуюся по горизонту пыль и повернулась обратно к могиле.

— Пожалуйста, поспеши, — попросила она мертвого.

Под взглядом дедушки она нежно пробежала пальчиками по четким буквам на могиле.

— Я не могу творить сны без тебя, — мягко сказала Джиллиан имени на камне. — Пожалуйста, поспеши, Ричард Рал, и возвращайся к жизни!

Глава 45

Конь Никки, Са'дин, шел через пустой город, и цокот его копыт по брусчатке эхом отдавался среди ущелий покинутых домов, словно одинокий безответный зов. Разноцветные ставни в одних домах были открыты, в других — закрыты. Двери маленьких балкончиков на вторых этажах многих зданий были ограждены железными перилами; занавеси плотно задернуты. Ветер не шевелил штаны, вывешенные на веревке, протянутой между двумя противоположными фасадами над пустым переулком. Владелец штанов давно убежал без них.

Тишина становилась зловещей. Обезлюдевший город производил гнетущее впечатление — скорлупа, когда-то вмещавшая жизнь, теперь же бессмысленная и нелепая. Словно труп — почти живой, но такой недвижный, что не остается сомнений в ужасной правде. Если оставить его таким, не вернуть к жизни, вскоре город превратится в заброшенные руины.

В узких просветах между домами мелькал замок Волшебника, врезанный в скалистый склон огромной горы. Обширная и мрачная постройка возвышалась, словно стервятник, готовый сожрать останки безмолвного города. Шпили, башни и мосты замка цепляли облака, медленно проплывавшие мимо крутого, изрезанного трещинами склона. Ничего более зловещего, чем это огромное здание, Никки еще не видела. Впрочем, она знала, что на самом деле замок вовсе не был зловещим, и испытывала облегчение от окончания дороги.

Путь из Древнего мира в Эйдиндрил был долгим и тяжелым. Временами она боялась, что угодит в когти отрядам, растянувшимся вдоль дороги. Временами забывалась, убивая их. Впрочем, врагов оказалось так много, что не было возможности значительно уменьшить их число. Колдунью бесило, что она была для солдат не страшнее занозы. Но настоящей ее целью было догнать Ричарда. Отряды Ордена были всего лишь досадным препятствием.

Благодаря магической связи с Ричардом Никки знала, что наконец-то он где-то рядом. Пусть пока она не нашла его — ждать уже недолго.

Иногда, еще до начала пути, она приходила к мысли, что никогда больше не сможет его увидеть.

Бой за Алтур-Ранг выдался жестоким. Враги, ошеломленные и потрепанные вначале, после наступления вечера, будучи опытными и закаленными бойцами, быстро собрались с духом. При свете зажженных ими пожаров они предприняли атаку, которая должна была переломить ход битвы.

Даже Никки, знавшая, как Джегань собирается подавить бунт, не ожидала такого. На какое-то время, не без помощи неожиданно явившегося третьего колдуна, чаши весов склонились на сторону Ордена. Был момент, когда казалось, что все попытки жителей Алтур-Ранга защитить свои дома тщетны. Поражение повлекло бы за собой резню — это знали все. Оно казалось неотвратимым. Никки и ее люди не надеялись пережить ночь.

Израненная и изможденная, Никки нашла в себе силы бороться. Ее вело и поддерживало искреннее стремление помочь беззащитным людям, для которых поражение означало жестокую гибель, и — еще больше — желание снова увидеть Ричарда. Страх не увидеть больше Ричарда разжег в груди Никки ярость, и погасить ее могла только кровь врага, преградившего путь к нему.

В решающий момент битвы вражеский чародей стоял, освещенный пламенем от пылающих вокруг домов, на площадке у городского колодца посреди площади. Он сеял жуткие разрушения и гнал своих людей вперед. Внезапно в гуще солдат, словно карающий дух, появилась Никки и вспрыгнула на площадку. Ее явление было настолько неожиданным, что сражающиеся оцепенели. Пока длилось это застывшее мгновение, на виду у солдат Ордена Никки вспорола грудь ошеломленного чародея и голыми руками вырвала все еще бьющееся сердце. С криком первобытной ярости она высоко подняла кровавый трофей и пообещала солдатам то же самое.

В этот момент Виктор Касселла со своими людьми врезался в гущу войска захватчиков. Его тоже сжигала ярость: бандиты не только будут грабить и убивать жителей Алтур-Ранга, но и украдут с таким трудом завоеванную свободу! Будь он наделен, все вражеское войско сгорело бы в огне его глаз. Атака была неожи-

данной и свирепой. Все это вместе сломило противника. Каждый мечтал оказаться подальше от булавы кузнеца и бешеной колдуньи — демона смерти, готового вырвать их сердца.

Отборные отряды Ордена попытались спастись бегством из охваченного яростью города. Никки не дала горожанам тут же возрадоваться победе и настояла, чтобы врагов догнали и перебили до последнего.

Только она понимала, как важно не дать уйти ни одному солдату, не дать им рассказать о своем поражении. Император Джегань ожидал сообщения, что его родной город вновь покорился, мятежники преданы мучительной казни, а жители — поставлены на колени. Резня в Алтур-Ранге должна была вечно устрашать недовольных.

Пусть Джегань ожидал успеха — Никки знала, что император извлечет урок из поражения, если узнает подробности. Ему случалось и раньше проигрывать битвы. Его это не пугало. Поражения говорили, насколько силен противник. И в следующий раз Джегань просто посылал больше людей — достаточно, чтобы выполнить задачу. Не просто одержать победу, но и покарать без жалости тех, кто воспротивился его власти.

Никки знала императора. Ему были безразличны жизни солдат — да и вообще все жизни. Павших за Орден ждала награда в загробной жизни. В этой же от них ожидалось только самопожертвование.

Но если о битве в Алтур-Ранге вообще не придет никаких вестей, все будет совсем иначе.

Никки знала, что Джеганя более, чем какого-либо другого врага, раздражал недостаток информации. Она знала, что, послав отборные отряды с тремя ценными и редкими волшебниками и ничего не узнав об их судьбе, император будет безмерно зол. Он снова и снова будет обдумывать загадку, как нервный человек вертит монету между пальцами.

В итоге отсутствие каких-либо свидетельств исхода битвы за Алтур-Ранг обеспокоит его гораздо сильнее, чем простое поражение. Он не боялся терять людей — жизнь мало значила для него—

и не боялся поражений, но терпеть не мог неизвестности. Более того, его солдаты, в большинстве своем склонные к суеверию, могли счесть это дурным знаком.

Следуя прихотливым изгибам узкой, вымощенной булыжником улочки, после очередного поворота Никки увидела в просвете между домами зрелище, от которого у нее захватило дух. На дальнем холме, залитом солнцем, среди изумрудных лугов стоял великолепный дворец из белого камня. Никогда еще ей не встречались такие изысканные здания. Оно высилось горделиво, мощно, и все же в его очертаниях сказывалось чисто женское изящество. Это мог быть только дворец Исповедниц.

Уравновешенный, властный, строгий, он являл собою разительный контраст с возвышающейся позади горой, на которой поднимались грандиозные стены замка Волшебника. Никки было ясно, что дворец Исповедниц должен был являть величие перед лицом темной угрозы.

В конце концов, именно здесь тысячелетиями сосредотачивалась верховная власть Срединных Земель. Крупнейшие государства содержали в городе свои дворцы для послов и членов Высшего Совета. Мать-Исповедница правила не только Исповедницами, но и Высшим Советом Срединных Земель. Даже монархи крупнейших государств Срединных Земель держали перед ней ответ — не говоря уж о правителях рангом пониже.

Узкая улочка не позволяла видеть дворцы их представителей, но Никки догадывалась, что ни один из них не сравнится с дворцом Исповедниц — и тем более с внушительным замком на заднем плане.

Боковым зрением Никки уловила какое-то движение вдали, на соседней улице. В застывшем воздухе поднималось облачко пыли. Когда колдунья присмотрелась к нему, она рывком поводьев развернула Са'дина, направив его в переулок. Ударив коня пятками, она пустила его галопом по узкой грязной улочке. В мелькающих просветах между домами она могла видеть, что пыль не улеглась и тянется полосой: кто-то мчался по дороге к горе, где стоял замок. Благодаря магической связи Никки знала, кто это.

Никки спешила покончить с угрозой Алтур-Рангу в первую очередь для того, чтобы направиться за Ричардом. Не то чтобы ей не хотелось защитить людей и уничтожить двуногих животных, посланных для убийства — просто Ричард был для нее важнее. Сначала она хотела мчаться вдогонку во весь опор. Впрочем, вскоре стало ясно, что это невозможно. Он ехал слишком быстро. Когда Ричард ставил себе цель и собирался во что бы то ни стало достичь ее, он был неудержим.

Никки поняла, что нужно не догонять Ричарда, а перехватывать его. Определить, куда он подастся после Предела Агаден, для нее не составляло труда. Она знала, что ведьма не сможет помочь Ричарду найти несуществующую женщину — и пришла к выводу, что после этого Ричард направится за помощью на север. Там, близ Эйдиндрила, в замке Волшебника, жил его дед — Зеддикус З'ул Зорандер, носящий титул Первого волшебника. Но Ричарду предстоял долгий путь с юго-востока, поэтому Никки решила ехать короткой дорогой в Эйдиндрил и перехватить Ричарда в этом месте.

Когда она в конце концов выехала за пределы мертвого города, сердце ее забилось сильнее. Она не ошиблась — Ричард наконец-то был перед нею.

Ричард и Кара неслись по дороге, оставляя за собой длинный шлейф пыли. Они покидали Алтур-Ранг с шестью лошадьми, теперь их осталось только три. Видя, как они несутся, Никки не удивлялась этому. Похоже, остальных лошадей просто загнали до смерти. Когда Ричард стремился к поставленной цели, он не задумывался о способах.

Никки выехала из города и помчалась им наперерез. Ричард немедленно заметил ее и сбавил скорость. Са'дин быстро пронесся по холмикам затем мимо загонов, конюшен, мастерских, пустующих торговых площадок, мимо кузницы и огороженных выгонов с опустевшими навесами для скота. Потом промелькнули сосны пригородной рощи — она въехала под сень белых дубов, кое-где тесно прижимавшихся к дороге.

Никки с нетерпением ждала встречи с Ричардом. В ее жизни неожиданно снова появилась цель. Возможно, думала она, ведьма

наконец-то убедила его, что женщины из сна не существует. Она даже надеялась, что Ричард оправился от бреда и снова стал собой. Облегчение при виде того, как уверенно держится Ричард в седле, перевесило в ней беспокойство о том, почему он спешит к замку.

С самой их разлуки Никки много и напряженно думала, пытаясь отыскать источник его заблуждений — и пришла к ужасающему выводу. Тысячи раз обдумав, старательно вспомнив каждую деталь, Никки испугалась, что во всем виновата она сама.

Стремясь спасти его жизнь, она очень торопилась. Окружающие мешали. Она боялась, что вражеские солдаты могут атаковать в любой момент, и не осмеливалась остановиться. Более того, она пробовала применить приемы, прежде ею не испробованные. Она даже не слыхала, чтобы кто-то другой применял их. Ведь Магия Ущерба предназначалась все-таки для разрушения, а не для исцеления. Она использовала этот вид магии без уверенности, что он сработает. И при том Никки знала — другой надежды нет, а, значит, нет выбора.

Но она опасалась, что в этой ужасной неразберихе именно она стала причиной проблем с памятью Ричарда, с его разумом. Если так, она никогда себе этого не простит.

Если она напрасно применила Магию Ущерба и разрушила ту часть его мозга, которая отвечала за связь с реальностью, то восстановить утерянное невозможно. Уничтожение с помощью Магии Ущерба было необратимо, как сама смерть. Если она повредила разум Ричарда, он уже никогда не станет прежним, навеки заблудится в сумерках своего воображения. Он никогда не узнает правды о мире вокруг... и это будет ее вина.

Эти мысли ввергли ее в пучину отчаяния.

Ричард и Кара давно заметили Никки и теперь остановились на обочине, поджидая ее. Ковер высокой травы раскинулся до самого подножия лесистых холмов вдали. Кони воспользовались возможностью и щипали эту траву там, где она близко подступала к обочине.

Радость наполнила сердце Никки при виде Ричарда. Его волосы немного отросли, и он запылился с дороги, но, как всегда,

был подтянут, высок и красив. От него исходило ощущение властной силы, глаза смотрели внимательно, сосредоточенно. Казалось, ничто вокруг не может укрыться от него. Даже в простой запыленной дорожной одежде он с головы до пят выглядел как истинный лорд Рал.

И тем не менее с ним, похоже, было что-то не так.

— Ричард! — закричала Никки, приближаясь к путешественникам, хотя они уже и так смотрели на нее. Никки подъехала к ним и осадила Са'дина. Облако пыли окутало их. Ричард и Кара ждали. По ее крику они подумали, что сейчас услышат важные и срочные известия, но Никки кричала просто от радости встречи.

— Рада видеть вас целыми, — сказала она.

Ричард ощутимо расслабился и уронил руки на луку седла. Его конь хвостом сгонял мух с крупа. Кара выпрямилась в седле чуть позади. Ее лошадь слегка встряхивала головой оттого, что всадница слишком натянула поводья, резко остановив ее после быстрой скачки.

— Я тоже рад видеть тебя невредимой, — сказал Ричард. Теплая улыбка засвидетельствовала, что его радость искренняя. Никки хотелось беспечно рассмеяться при виде этой улыбки, но она сдержалась и просто улыбнулась в ответ.

— Как дела в Алтур-Ранге? — спросил Ричард. — Город в безопасности?

— Захватчики уничтожены. — Никки натянула поводья, сдерживая разгоряченного Са'дина. Она похлопала скакуна по шее, чтобы успокоить. — Угроза миновала. Виктор и Ицхак просили передать, что город свободен и намерен таким оставаться.

Ричард кивнул со спокойным удовлетворением.

— А с тобой все в порядке? Я беспокоился.

— В порядке, — сказала она. Согнать с лица улыбку никак не получалось: он волновался! Волновался о ней! Колдунья не собиралась рассказывать о своих ранах. Все уже зажило. И вообще это неважно. Главное — она снова с Ричардом.

Он выглядел утомленным, словно они с Карой мало спали в пути. Судя по тому, как мало времени ушло у них на такую дальнюю дорогу, они явно не позволяли себе достаточного отдыха.

И тут Никки поняла, что с ним не так.

Ричард был без меча.

— Ричард, где...

Кара из-за спины волшебника обожгла Никки предупреждающим взглядом и чиркнула пальцем по горлу, обрывая вопрос.

— Где остальные лошади? — быстро спросила Никки, поворачивая разговор в другую сторону, лишь бы поскорее нарушить повисшее на миг тяжелое молчание.

Ричард вздохнул — кажется, не заметив, что хотела она спросить о другом.

— Боюсь, я слишком сильно их подстегивал. Две охромели, другие умерли. Пришлось доставать новых по пути. Этих мы украли из лагеря Имперского Ордена в Галее. Их войска расквартированы по всем Срединным Землям. Мы пользовались их лошадьми и припасами на протяжении всего пути.

Кара удовлетворенно улыбнулась, но промолчала.

Никки удивилась, как он смог сделать такое без меча. Но сразу осознала глупость подобной мысли: вовсе не Меч Истины делал Ричарда тем, кем он являлся.

— А зверь появлялся? — спросила Никки.

Ричард оглянулся через плечо на Кару:

— Было несколько стычек.

Никки почудилось что-то тревожное — не в словах, а в голосе Ричарда.

— Стычек? — спросила она. — Каких стычек? В чем дело? Что не так?

— Мы справились, вот и все. Поговорим об этом, когда будет время. — Судя по выражению его глаз, он не хотел сейчас вдаваться в неприятные воспоминания. Он натянул поводья, отрывая лошадь от корма. — Сейчас мне нужно в замок.

Дальше они втроем поехали по дороге шагом — до замка было уже рукой подать. Никки пристроилась рядом с Ричардом.

— А что с ведьмой? — спросила она, не в силах долго сдерживать свое нетерпение. — Что ты узнал? Что она сказала?

— То, что я ищу, погребено глубоко, — рассеянно произнес Ричард про себя. Потом устало потер рукою лицо и, прервав раздумья, проницательно взглянул на Никки:

— Говорит ли тебе о чем-либо словосочетание «Огненная Цепь»? — Когда Никки покачала головой, он спросил: — А «Глубокая Пустота»?

— Глубокая Пустота? — Никки помолчала, собираясь с мыслями. — Нет. А что это?

— Понятия не имею, но должен выяснить. Надеюсь, Зедд сможет пролить свет на это. Ладно, поехали.

С этими словами он галопом помчался прочь. Никки тоже бросила Са'дина в галоп, не намереваясь отставать.

Глава 46

С дороги к замку открывался чудесный вид на раскинувшийся внизу Эйдиндрил. Великолепного зрелища не портили даже облака: переплыв горы, они рассеивали послеполуденный свет и наполняли воздух сыростью. Если бы Никки могла забыть о своих заботах, она посчитала бы эту картину одним из прекраснейших пейзажей, которые она видывала в жизни; признание такой красоты было чем-то новым для нее, и пробудил его в душе Никки Ричард.

Однако ее тяготила продолжающаяся одержимость Ричарда поисками женщины по имени Кэлен, которую он якобы помнил. Он пока еще ничего не сказал об этом — наверное, потому, что после прошлых размолвок отчаялся убедить Никки в том, что ему нужно найти женщину, которой, по убеждению колдуньи, не существует. Несмотря на молчание, Никки было ясно, что со времени их последней встречи решимость Ричарда найти Кэлен не убавилась ни на каплю. Ее надежды на то, что ему полегчает, когда они наконец встретятся, рухнули. Радость от созерцания пейзажа была отравлена.

Впрочем, что-то в Ричарде — в его взгляде — изменилось. Она не могла сказать, что именно и что это может означать. У волшебника всегда был пронзительный взгляд, как у хищной птицы, — но теперь он смотрел прямо в душу. Никки нечего было скрывать, особенно от Ричарда. В ее сердце не было ничего, кроме любви к нему.

Она хотела только, чтобы он был счастлив. И сделала бы все, что бы помочь ему.

Вот, наверное, почему ее настроение упало: Ричард все еще был полон решимости, но заметно пал духом. Никки был дорог свет жизни в его глазах. И она не хотела видеть, как этот свет исчезает.

Желание не отставать от него на скаку не давало Никки возможности спросить его о ведьме. Судя по молчанию Кары, что бы там ни случилось, все прошло не так, как ожидал Ричард. Никки это не удивляло. Даже если ведьма захотела помочь — как она могла найти женщину, существовавшую только в воображении Ричарда?

Никки понятия не имела, что значит Огненная Цепь, — но видела по голосу и напряженному лицу Ричарда, как он жаждет узнать значение этих слов. Колдунья достаточно давно знала Ричарда, чтобы понимать его без слов. Было очевидно, что он придавал большое значение тому, что скрывалось за словами «Огненная Цепь».

Еще больше Никки беспокоил вопрос, что же могло случиться с мечом. Она не могла представить, куда Ричард мог его деть. Ричард, конечно же, не мог просто потерять Меч Истины или забыть его где-то. Никки уверилась, что лучше об этом не спрашивать — судя по тому, что Ричард не упоминал о клинке, а Кара немедленно оборвала вопрос.

Выше по склону дорога проходила сквозь густой ельник и упиралась в каменный мост, перекинутый через бездонную расщелину. Никки казалось, что гору раскололи до сердцевины и ближнюю ее сторону нарочно отодвинули подальше. Через мост перебирались поодиночке — Ричард первый, за ним Никки, Кара в арьергарде. Никки посмотрела вниз и увидела уходящие вниз отвесные скальные стены. Дно скрывали проплывавшие внизу облачка, пушистые, как вата. Ее затошнило от столь головокружительного вида.

Судя по поступи Са'дина, он очень устал, но пропасти не испугался, лишь слегка подергал ушами, переходя через мост. А вот лошади Ричарда и Кары были все в мыле и тяжело дышали. Никки знала, как хорошо Ричард обращается с животными, но к этим

он не выказывал милосердия. Очевидно, он сейчас думал о вещах более важных, чем жизнь животных. Никки знала, что это могла быть лишь человеческая жизнь. И даже знала — чья.

Стены замка, сложенные из замысловато соединенных блоков темного гранита, поднимались перед ними, подобно утесу. Съехав с моста следом за Ричардом, Никки уже не могла отвести глаз от головоломного нагромождения стен, бастионов, башен, галерей и мостов. Сооружение казалось живым. Оно словно следило, как они приближались к зияющей арке входа в тоннель, куда ныряла дорога.

Ричард без колебаний направил коня под поднятую массивную решетку. Будь у Никки выбор, она бы приближалась к такому месту несколько осторожнее. От исходящей изнутри силы по коже ползли мурашки. Никогда еще она не ощущала настолько мощных эманаций где бы то ни было. Примерно так чувствуешь себя, стоя в открытом поле перед ликом надвигающейся грозы.

Ощущения позволили ей оценить мощность щитов, охранявших замок. Судя по всему, щиты Дворца Пророков и в подметки не годились здешним. Те щиты были основаны на Магии Приращения — да и сам Дворец создавался для совсем других целей. Здесь в равной мере использовалась Магия Ущерба. Ее смертельная мощь не скрывалась, а была ясно видна тем, кому положено было знать такие вещи.

Облака незаметно затянули небосвод, и предвечернее небо стало серо-стальным. В сумраке, сменившем солнечный свет, замок враз помрачнел, стал более зловещим. Казалось, он сам укутался пеленой туч и теперь следил за приближением колдуньи и чародея, способных повелевать силами, что обитали здесь.

Хотя сразу за подъемной решеткой они увидели запертую дверь, явно предназначенную для посетителей, Ричард проехал мимо нее. После тоннеля в толстой внешней стене дорога шла по глубокому внутреннему каньону к следующей стене и здесь ныряла во второй тоннель. Эта стена составляла второй пояс защиты — хотя, казалось бы, зачем он? Без промедления Ричард въехал в длинный узкий проход. Цокот копыт эхом отражался от влажного камня тоннеля.

Миновав тоннель, они оказались на обширном дворе, поросшем густой травой. Справа от песчаной дороги тянулась стена с несколькими дверями. Никки догадалась, что здесь, за второй стеной, скорее всего, расположены служебные входы в замок. С другой стороны дороги находился большой выгон, огражденный забором. Слева оградой выгона служила стена самого замка, а на дальнем его конце виднелись конюшни.

Ричард молча спешился, открыл ворота выгона и пустил туда лошадь — не снимая, впрочем, седла. Озадаченные, женщины тем не менее последовали его примеру. Потом он направился ко входу, к которому вели двенадцать широких гранитных ступеней, истертых и расшатанных временем. Простые, но тяжелые двойные двери прятались в углублении стены. Как только приезжие ступили на крыльцо, двери со скрипом начали отворяться.

Старик со всклокоченными седыми волосами выглянул наружу — как хозяин дома, удивленный приходом посетителей. Он запыхался — вероятно, бежал навстречу гостям. Несомненно, его предупредила магическая паутина, которая извещала обо всех въехавших на дорогу к замку. В старину нашлись бы люди поближе, чтобы встретить новоприбывших. Теперь здесь жил только старик. Судя по тому, как тяжело он дышал, он был на другой стороне замка, когда услышал сигнал.

Хотя черты его худого морщинистого лица выражали безмерное удивление, Никки уловила сходство. Это мог быть только дед Ричарда, Зедд. Он был высок, но худ как щепка. В широко открытых ореховых глазах светились восторг и почти детская невинная радость. Простое, ничем не украшенное одеяние выдавало волшебника. Он хорошо выглядел для своих лет. Это радовало — значит, время не слишком сурово обойдется и с Ричардом.

Старик вскинул руки над головой.

— Ричард! — Радостная улыбка осветила лицо. — Ух ты, неужто я вижу тебя, мой мальчик?

Зедд выскочил из дверей и побежал по ступеням вниз. Ричард подскочил к деду и сгреб его в охапку, сжав в объятиях с такой

силой, что у старика, и без того запыхавшегося, вовсе перехватило дыхание. Оба засмеялись. Даже смеялись они одинаково.

— Зедд! Ты представить себе не можешь, как я рад тебя видеть!

— А я — тебя, малыш. — Голос Зедда задрожал от слез. — Давно мы не виделись. Очень давно.

Он протянул костлявую руку за спину Ричарда и сжал плечо Кары:

— Как поживаешь, дорогая моя? Ты выглядишь очень усталой. С тобой все в порядке?

— Я морд-сит, — с легким возмущением напомнила она. — Конечно, со мной все в порядке. Почему это вам кажется, что я выгляжу не идеально?

Зедд захихикал, отодвинувшись от Ричарда:

— Похоже, без всякой причины. Вам обоим явно не помешает отдых или хороший обед, а скорее всего — и то, и другое. Но ты действительно неплохо выглядишь, и я чрезвычайно счастлив снова тебя видеть.

Кара улыбнулась:

— Я скучала по вам, Зедд.

Зедд покачал пальцем.

— Не каждая из вас, морд-сит, будет скучать по старику. Рикку бы твои слова удивили!

— Рикка? — удивленно переспросила Кара. — Рикка здесь?

Зедд махнул рукой в направлении полуоткрытой двери.

— Там она где-то... патрулирует, наверное. У нее в жизни два занятия — патрулировать и меня изводить. Говорю вам, с этой женщиной мне покою нет! Что еще хуже — она вдобавок еще и чересчур умна. Одна радость — она прирожденный повар.

Брови Кары взлетели вверх.

— Рикка умеет готовить?

Зедд подморгнул, сокрушенно вздохнув.

— Не говори ей, что я сказал тебе, а то попрекам конца не будет. Эта женщина...

— Зедд, — перебил Ричард. — У меня неприятности, и мне нужна помощь.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Не болен? На тебе лица нет, мой мальчик! — Зедд прижал ладонь ко лбу Ричарда. — Знаешь, нет ничего хуже летней лихорадки. Жара снаружи, жара внутри. Плохое сочетание...

— Да... нет — то есть не в этом дело. Мне нужно поговорить с тобой.

— Так говори. Давно мы беседовали в последний раз. Очень давно. Когда же? Этой весной исполнилось два года, если не ошибаюсь. — Зедд немного отодвинулся и сжал руки Ричарда, осматривая его с ног до головы. — Ричард, а где твой меч?

— Слушай, давай поговорим об этом попозже, — сказал Ричард, раздраженно высвобождая руки из пальцев Зедда, чтобы отмахнуться от вопроса.

— Ты же сказал, что хочешь поговорить. Так говори — скажи мне, где меч. — Зедд широко улыбнулся Никки. — А кто эта прелестная колдунья?

Ричард мельком взглянул на улыбку Зедда, затем — на Никки:

— Ох, прошу прощения. Зедд, это Никки. Никки, это...

— Никки?! — Зедд с ревом отпрянул на два шага, словно увидев гадюку. — Та самая Никки? Сестра Тьмы, забравшая тебя в Древний мир? Зачем тебе эта мерзкая тварь? Как ты осмелился привести такую женщину...

— Зедд! — оборвал деда Ричард. — Никки — мой друг.

— Друг! Ты с ума сошел, Ричард? Неужели ты ожидаешь...

— Зедд, она теперь на нашей стороне. — Он гневно взмахнул рукой. — Так же, как Кара или Рикка. Времена меняются. Когда-то любая из них... — Он умолк под взглядом старого волшебника. — Ты знаешь, о чем я. Сейчас я доверю Каре свою жизнь, и она доказала, что достойна доверия. Точно так же я верю Никки. Обеим я верю, как себе.

Зедд, вполне успокоенный, схватил внука за плечо и дружески встряхнул.

— Похоже, я тебя действительно понял. С тех пор, как я дал тебе Меч Истины, ты очень многое изменил к лучшему. Да уж, в жизни бы не подумал, что с удовольствием буду есть блюда, приготовленные морд-сит. И тем более — что это будет вкусно... —

Он осекся и прожег взглядом Кару. — Скажешь ей об этих словах — шкуру спущу! Эта женщина и так безнадежна.

Кара только улыбнулась.

Зедд перевел взгляд на Никки. Его взгляд не пронзал по-орлиному, как у других Ралов, но проникал так же глубоко и выдавал огромную скрытую силу.

— Добро пожаловать, колдунья. Если Ричард говорит, что ты друг, значит, так оно и есть. Прости мою вспышку!

Никки улыбнулась:

— Я все понимаю. Мне самой я прежняя тоже не нравлюсь. Темные заблуждения, темные мысли... Меня ведь не зря прозвали «госпожа Смерть». — Никки посмотрела в серые глаза Ричарда. — Ваш внук научил меня видеть красоту жизни.

Зедд гордо улыбнулся:

— Да, именно так. Красоту жизни.

Ричард воспользовался паузой.

— Именно о жизни идет речь. Послушай, Зедд, мне нужно...

— Да-да, — кивнул Зедд, отмахиваясь от нетерпения Ричарда. — Тебе всегда что-нибудь нужно. Еще порог не переступил, а уже что-то хочешь знать. Если память мне не изменяет, первым твоим словом было «почему?» Сначала прошу вас в дом. Я хочу знать, почему с тобой нет Меча Истины. Я знаю, что ты не допустил бы никаких оплошностей с ним — но хочу услышать всю историю. До малейших подробностей. Пойдемте.

Приглашая всех следовать за ним, дед Ричарда начал взбираться по ступеням к дверям.

— Зедд! Мне нужно...

— Да-да, мой мальчик. Тебе что-то нужно. Я тебя прекрасно расслышал. Кажется, дождь собирается. Не вижу смысла начинать разговор, когда мы вот-вот намокнем. Проходите внутрь, и я вас выслушаю. — Голос Зедда начал отдаваться эхом, когда он исчез в темноте. — Тебе, похоже, не помешает поесть. Кто-нибудь еще голоден? Встречи с друзьями всегда хорошо влияют на мой аппетит...

Руки Ричарда опустились. Хлопнув ладонями по бедрам, он с досадой вздохнул и последовал по ступенькам за дедом. Никки

знала: будь это кто-нибудь другой, Ричард говорил бы совсем иначе. С человеком, который любит тебя, растил с самого детства, утешал, когда ты пугался грозы или волчьего воя, трудно спорить. Она увидела, что это верно и в отношении Ричарда. Любовь к деду связывала его руки нерушимыми узами уважения.

Таким Никки Ричарда еще не видела, и это внушало еще большую любовь. Лорда Рала, правителя Д'харианской империи, Искателя Истины, чей взгляд любого вгонял в дрожь, заставили замолчать доброй, хотя и странноватой нотацией. При менее серьезных обстоятельствах Никки посмеялась бы над полнейшей беспомощностью Ричарда перед столь хрупким на вид стариком.

В темной передней слышался плеск воды, отраженный от стен. Зедд небрежно взмахнул рукой, и на стене загорелась лампа. Во вспышке пламени Никки заметила искры силы. Значит, первая лампа служила ключевой. Тут же, фыркнув, как еж, по обеим сторонам входа загорелись еще две лампы. И пошло — с тем же звуком одна за другой стали попарно загораться сотни ламп по стенам обширного помещения. Казалось, цепочка огней опоясала комнату. Никки знала: если бы ключевую лампу зажгли обычным способом, а не магией, результат был бы тот же. Видимо, Зедду просто нравились такие забавные фокусы. Свет разгорелся ярче, и через пару секунд в передней стало светло, как днем.

Посреди выложенного плиткой пола красовался фонтан в форме листа клевера. Струи воды взлетали высоко в воздух из верхней чаши, каскадом падали на нижние уровни — чем ниже, тем шире были чаши — и наконец через арочки, окружающие нижнюю чашу, стекали в бассейн, окруженный широким парапетом из разноцветного мрамора, который мог служить скамьей.

По всему периметру овальной комнаты полированные колонны красного мрамора поддерживали арки кольцевой галереи. На высоте сотни футов застекленная крыша пропускала внутрь неяркий вечерний свет, уравновешивая сияние ламп в середине комнаты. Наверное, ночью сквозь стекло внутрь проникал также холодный мягкий свет луны, придавая темной зале призрачный вид. Но сегодня лунного света не будет: новолуние, к тому же облачность стала обложной. Поглядев на небо через застекленную

крышу, Никки мысленно согласилась с Зеддом: похоже, будет дождь.

Несмотря на первые суровые впечатления от замка, зал был красив — он сулил теплый прием в таком, казалось бы, холодном и страшном месте. Это наводило на мысли о бурлившей здесь когда-то жизни. Опустошенность огорчала Никки, как и пустота заброшенного города внизу.

— Добро пожаловать в замок Волшебника. Наверное, нам всем стоит...

— Зедд! — прорычал Ричард, перебивая старого волшебника. — Мне нужно поговорить с тобой. Немедленно. Это важно.

Несмотря на всю любовь к деду, терпение Ричарда подошло к концу. Побелевшие сжатые кулаки являли резкий контраст со смуглой кожей и вздувшимися на тыльной стороне ладоней венами. Похоже, последние несколько дней он мало ел и спал. Никки никогда еще не видела его таким изнуренным и отчаявшимся. Кара тоже исчерпала все силы, хотя умело это скрывала; морд-сит учили не обращать внимания на физические неудобства. Ричард был счастлив видеть деда — но навязчивое желание найти воображенную им женщину начисто затмило радость встречи.

Безумная гонка, ставшая жизнью Ричарда с того дня, когда он был поражен стрелой и едва не погиб, вновь напомнила о себе.

Зедд моргнул в искреннем удивлении:

— Да, конечно, Ричард, конечно. — Он вытянул руки и мягко заговорил: — Ты знаешь, что всегда можешь поговорить со мной. О чем бы ты ни думал, ты знаешь, что...

— Что такое Огненная Цепь?

Этот же вопрос едва ли не первым он задал Никки.

Зедд стоял неподвижно с бледным лицом.

— Огненная Цепь, — бесцветным голосом повторил он.

— Да, Огненная Цепь.

С серьезным выражением на лице Зедд отвернулся к фонтану, тщательно обдумывая вопрос. Ожидание причиняло почти физическую боль. Тишину нарушал лишь плеск воды в фонтане.

— Огненная Цепь, — медленно пробормотал Зедд. Сухой палец в задумчивости поглаживал подбородок, взгляд устремлен

на пляску воды в фонтане. Никки украдкой бросила взгляд на Кару, но по лицу морд-сит ничего нельзя было прочесть. Ее вытянутое лицо выглядело таким же усталым и больным, как у Ричарда. Но Кара оставалась Карой — она стояла прямо, не позволяя усталости взять верх.

— Да, именно. Огненная Цепь, — нетерпеливо процедил сквозь сжатые зубы Ричард. — Ты знаешь, что это означает?

Зедд повернулся обратно к внуку, разводя руками. Он выглядел озадаченным и виноватым.

— Извини, Ричард, я никогда раньше не слышал об Огненной Цепи.

Ярость исчезла, и Ричард, похоже, еле устоял на ногах. В глазах читалось разочарование. Его плечи со вздохом опустились. Кара осторожно и бесшумно подошла на шаг ближе, готовая подхватить его в случае обморока. Никки посчитала, что такая возможность вполне реальна.

— Ричард, — срывающимся голосом спросил Зедд, — где твой меч?

Ричард отмахнулся:

— Это всего лишь кусок стали!

— Всего лишь кусок?..

Ричард покраснел.

— Да, всего лишь глупая железка! Не кажется ли тебе, что волноваться стоит о вещах более важных?

Зедд покачал головой.

— Более важные вещи? Ты о чем?

— Я хочу вернуть себе жизнь!

Зедд молча уставился на него. Молчание призывало Ричарда объяснить свои слова.

Ричард отступил на шаг от фонтана к трем широким ступеням между мраморными колоннами. Длинный красно-золотой ковер, окаймленный простым черным геометрическим узором, уходил под балкон и дальше, в темноту.

Ричард запустил пальцы обеих рук в волосы.

— Какая разница? Никто мне не верит. Никто не поможет найти ее.

Никки стало безумно жаль его. В тот момент она пожалела о каждой грубости, сказанной ею в попытках убедить его, что Кэлен существует только в мечтах. Его бред нужно было лечить, но в этот момент она с радостью позволила бы волшебнику бредить — лишь бы свет жизни вернулся в его глаза.

Она жаждала поддержать его, обнять, сказать, что все будет хорошо, — но не могла по нескольким причинам.

Кара, хоть и застыла выпрямившись, руки по швам, тоже была опечалена мучениями Ричарда. Казалось, конца этому не будет. Никки подозревала, что морд-сит согласилась бы с нею и позволила бы Ричарду сохранить мечты о возлюбленной. Но ложью не смягчить столь реальную боль.

— Ричард, я не знаю, о чем ты, но какое это имеет отношение к Мечу Истины? — спросил Зедд. В голосе его послышалось напряжение.

Ричард на мгновение закрыл глаза: вновь повторять то, что он говорил уже тысячу раз — и никто ему не верил.

— Я должен найти Кэлен.

Никки увидела, как он напрягся в ожидании обычных вопросов — о ком это он говорит и откуда взял такую идею. Колдунья видела, что он не выдержит еще одного разговора с уверениями, что он все выдумал, с вопросами, в своем ли он уме. Еще большим потрясением для него будет услышать такое от собственного деда.

Зедд слегка наклонил голову.

— Кэлен?

— Да, — не поднимая головы, со вздохом сказал Ричард. — Кэлен. Но ты ведь не знаешь, о ком идет речь.

Обычно Ричард с готовностью пустился бы в объяснения, но сейчас он был слишком подавлен, чтобы объяснить все снова — и получить в ответ скептицизм и недоверчивые вопросы.

— Кэлен... — Зедд нахмурился и осторожно спросил: — Кэлен Амнелл? Ты имеешь в виду эту Кэлен?

Никки застыла.

Ричард круглыми глазами поглядел на деда.

— Что ты сказал? — прошептал он.

— Кэлен Амнелл? Эта Кэлен?

Сердце Никки дрогнуло. У Кары отвисла челюсть. В мгновение ока Ричард схватил Зедда за халат и оторвал старика от пола. Блестящие от пота мышцы Ричарда поблескивали в свете ламп.

— Ты назвал ее полное имя, Кэлен Амнелл. Полного имени я тебе не говорил. Ты сам это сказал.

Зедд казался еще больше сбитым с толку.

— Но это потому, что единственная известная мне женщина с таким именем — Кэлен Амнелл.

— Ты знаешь Кэлен — знаешь, о ком я говорю?

— Мать-Исповедница?

— Да, Мать-Исповедница!

— Ничего удивительного. Ее, я думаю, многие знают. Ричард, да что с тобой? Поставь меня!

Никки почувствовала головокружение. Она не могла поверить своим ушам. Как такое возможно? Да никак. Это было настолько ошеломляюще и невероятно, что она едва не упала в обморок.

Дрожащими руками Ричард поставил деда на землю.

— То есть как это все ее знают?

Зедд по очереди одернул каждый рукав. Он поправил сбившуюся одежду, не спуская с Ричарда глаз. Его, похоже, серьезно тревожило поведение внука.

— Ричард... Что с тобой случилось? Как они могли не знать ее? Она же Мать-Исповедница, о ней говорят повсюду!

Ричард сглотнул.

— Где она?

Зедд бросил короткий смущенный взгляд на Кару и Никки, прежде чем вновь посмотреть на Ричарда.

— Где же ей быть — во дворце Исповедниц, конечно!

Ричард испустил радостный крик и порывисто обнял деда.

Глава 47

Схватив деда за худые плечи, Ричард встряхнул его.

— Она здесь? Кэлен во дворце Исповедниц?

Со встревоженным выражением на морщинистом лице Зедд кивнул.

Тыльной стороной ладони Ричард смахнул со щеки слезы.

— Она здесь! — воскликнул он, обернувшись к Каре, сгреб ее за плечи и сильно встряхнул. — Она в Эйдиндриле. Слышала? Ничего я не придумывал. Зедд ее помнит. Он знает правду.

Кара, похоже, изо всех сил пыталась справиться с изумлением и не создать впечатление, будто ее не радуют ошеломляющие новости.

— Лорд Рал... Я... рада за вас — правда, рада, — но я не пойму, как...

Ричард, не замечая, похоже, неуверенности Кары, повернулся обратно к старшему волшебнику.

— Что она там делает? — спросил он звенящим от радости голосом.

Зедд с крайне обеспокоенным видом снова посмотрел на Кару и Никки, прежде чем мягко положить ладонь на плечо Ричарда.

— Ричард, она там похоронена.

Мир словно остановился.

Понимание озарило Никки.

Все вдруг стало ясно. Поведение Зедда получило объяснение. Женщина, о которой говорил Зедд, не была той Кэлен, Матерью-Исповедницей из грез Ричарда, которая будто бы любила его и на которой он женился.

Это была настоящая Мать-Исповедница.

Никки предупреждала Ричарда, что в своих мечтаниях он пошел опасным путем, представив в роли своей невесты не просто безымянную воображаемую женщину, а такую, о ком он раньше слышал — и хорошо известную в Срединных Землях. Это была настоящая Кэлен Амнелл, настоящая Мать-Исповедница, которая была похоронена во дворце Исповедниц — а вовсе не та, что любила Ричарда в его мечтах. Это была та самая реальность, что, как опасалась Никки, рано или поздно разобьет мир Ричарда вдребезги.

Она предупреждала, что это случится. Что однажды он столкнется с правдой. Именно этот момент, именно эти события она пыталась предотвратить.

Впрочем, правота не принесла Никки радости. Она чувствовала только всепоглощающую тоску, зная, каково сейчас должно быть Ричарду. Она даже представить себе не могла, насколько запутанным и сбитым с толку сейчас ощущает себя Ричард. Человека, настолько уверенного в себе, как Ричард, такое испытание должно было просто опустошить.

Ричард застыл, глядя в никуда.

— Ричард, — наконец сказал Зедд, нежно сжимая его руки, — с тобой все в порядке? Что происходит?

Ричард медленно моргнул. Он пребывал в состоянии шока.

— То есть как это она похоронена во дворце Исповедниц? — дрожащим голосом переспросил он. — Когда это случилось?

Зедд осторожно облизал губы:

— Я не знаю, когда она умерла. Когда я спускался туда — когда армия Джеганя маршировала через Эйдиндрил, — я увидел могильную плиту. Я не знал ее. Увидел могилу, вот и все. Плита очень велика. Ее сложно было бы не заметить. Всех Исповедниц перебили убийцы, посланные Даркеном Ралом. Тогда она, наверное, и погибла. Ричард, ты попросту не мог знать эту женщину; она, должно быть, погибла и легла в могилу раньше, чем мы покинули наш дом в Вестландии — прежде, чем пала граница. Тогда, когда ты еще был лесным проводником в Хартлендском лесу.

Ричард прижал ладони ко лбу:

— Нет, нет, ты не понимаешь. С тобой случилось то же, что и со всеми. Это не она. Ты знал Кэлен.

Зедд сочувственно протянул руку к юноше.

— Ричард, это невозможно. Убийцы расправились с Исповедницами.

— Да, остальные Исповедницы пали их жертвами, но не она, не Кэлен. — Ричард махнул рукой, отметая аргумент. — Зедд, именно она пришла просить тебя назначить Искателя — именно поэтому мы покинули Вестландию. Ты знаешь Кэлен.

Зедд нахмурился.

— Что ты говоришь? Нам пришлось уехать, когда Даркен Рал начал охоту за нами. Пришлось бежать, чтобы спасти жизни.

— Да, и это тоже, но сначала пришла Кэлен, она долго разыскивала тебя. Именно она сказала, что Даркен Рал привел в действие шкатулки Одена. Он находился на другой стороне границы; если бы Кэлен не пришла, откуда бы мы об этом знали?

Зедд внимательно посмотрел на Ричарда. Похоже, он подозревал, что юноша совсем болен.

— Ричард, когда шкатулки Одена приведены в действие, начинает расти змеиная лоза. Так сказано даже в «Книге Сочтенных Теней». Уж кто-кто, а ты это знаешь. Ты был в Верхнем Охотничьем лесу и оцарапался о нее. Началась лихорадка, и ты пришел ко мне за помощью. Так мы и узнали, что шкатулки Одена приведены в действие. А затем Даркен Рал пришел в Вестландию и напал на нас.

— Все это, конечно, по-своему правда — но Кэлен сказала нам, что творится в Срединных Землях. Ведь именно она подтвердила это. — Ричард в отчаянии зарычал. — Она сделала многое помимо того, что пришла с просьбой назначить Искателя. Ты знаешь ее.

— Боюсь, нет, Ричард.

— О добрые духи, Зедд, ты провел последнюю зиму с ней и д'харианской армией. Когда Никки забрала меня в Древний мир, Кэлен была здесь с тобой и Карой. — Он настойчиво указал на Кару, будто это могло доказать его правоту и закончить кошмар. — Она и Кара сражались рядом с тобой всю зиму.

Зедд бросил взгляд на морд-сит. Кара за спиной Ричарда развернула ладони вверх и пожала плечами, показывая, что знает об этом не больше Зедда.

— Раз уж мы вспомнили о том, что ты — Искатель, где твой...

Ричард хрустнул пальцами, лицо его внезапно просветлело.

— Это не ее могила.

— Конечно же, ее. Ошибки быть не может. Это бросается в глаза, и я четко помню, что именно ее имя выбито на камне.

— Имя — ее, но не могила. Теперь я понял, о чем ты говоришь. — Ричард облегченно рассмеялся. — Говорю же тебе, могила не ее.

Зедду это смешным не показалось.

— Ричард, я видел имя на камне. Это она — Мать-Исповедница Кэлен Амнелл.

Ричард упрямо покачал головой.

— Нет, не она. Это была уловка...

— Уловка? — нахмурившись, покачал головой Зедд. — Ты о чем? Что за уловка?

— За ней охотились — Орден охотился после захвата Эйдиндрила. Они подчинили себе Совет, приговорили ее к смерти и начали охоту. Чтобы сберечь ее от погони, ты наложил на нее заклинание смерти...

— Что!? Заклинание смерти!? Ричард, ты хоть представляешь значение того, о чем говоришь?

— Конечно, представляю. Но это правда. Тебе нужно было имитировать ее смерть, чтобы Орден уверился в успехе и не искал ее больше — и она смогла бы спастись. Неужели не помнишь? Ты сделал надгробие — или, по крайней мере, его сделали по твоему распоряжению. Я пришел сюда, чтобы найти ее — это было несколько лет назад. Твое заклинание даже меня одурачило. Я думал, что она мертва. Но она осталась в живых.

Его смущение улеглось, но теперь Зедд выглядел всерьез обеспокоенным:

— Ричард, я представить себе не могу, что с тобой не так, но это просто...

— Вы вдвоем укрылись в безопасном месте, но ты оставил мне послание на ее надгробии, — продолжал Ричард, тыча пальцем в грудь Зедда, — чтобы я мог знать, что на самом деле она жива. Чтобы я не отчаялся. Не сдался. Я почти отчаялся, но вовремя обнаружил знак.

Зедд едва не кипел от разочарования, нетерпения и беспокойства. Никки прекрасно его понимала.

— Чур меня, мальчик мой, о каком послании ты говоришь?

— Слова на надгробии. Эпитафия. Это было посланием мне.

Зедд упер кулаки в бедра.

— Да о чем ты говоришь? Какое сообщение? В чем оно заключалось?

Ричард зашагал по залу, прижав кончики пальцев к вискам. Он лихорадочно бормотал что-то себе под нос, — очевидно, пытаясь вспомнить фразу в точности.

Или же, подумала Никки, пытаясь выдумать ее, как он всегда выдумывал ответы, чтобы избежать встречи с правдой. Она знала, что в этот раз он сделает ошибку и попадется на этом. Реальность кольцом сжималась вокруг, пусть даже он пока этого не видел. Скоро увидит.

Никки боялась столкновения бреда и правды. Она хотела, чтобы Ричарду стало лучше, чтобы он избавился от ложных воспоминаний — но приходила в ужас при мысли о боли, которая неминуемо последует за осознанием горькой истины. Более того, она боялась, что он не сможет увидеть истину, или откажется ее видеть и еще глубже погрузится в мир иллюзий.

— Не здесь, — бормотал он. — Что-то о том, что она не здесь. И что-то о моем сердце.

Зедд прикусил язык, очевидно, в попытке хранить молчание. Он наблюдал за внуком, шагающим туда-сюда, пытаясь в то же время представить, что может твориться с ним.

— Нет, — сказал Ричард, внезапно останавливаясь. — Нет, не мое сердце. Там сказано не об этом. Это большой монумент. Теперь я вспомнил. Там сказано: «Кэлен Амнелл. Мать-Исповедница. Она не здесь, а в сердцах тех, кто любит ее». Это было послание для меня, чтобы я не терял надежду. Она ведь на самом деле не была мертва — и ее не было там, в могиле.

— Ричард, — с мягким утешением в голосе сказал Зедд, — именно такое обычно и пишут на могильных плитах — что кто-то не мертв, а живет в сердцах тех, кто его любит. У гробовщиков, наверное, заготовлена куча могильных плит с этими самыми словами.

— Но она не была там похоронена! Не была! Сказано — «она не здесь» — не просто так.

— В таком случае кто лежит в той могиле? — спросил Зедд.

Ричард на мгновение застыл.

— Да никого, — наконец сказал он, устремив взгляд куда-то вдаль. — Госпожа Сандерхолт, дворцовая повариха, была одурачена твоим заклинанием смерти, как и все прочие. Когда я,

наконец, добрался сюда, она сказала мне, что ты стоял рядом во время казни Кэлен. Она оплакивала смерть Кэлен и была чрезвычайно расстроена — но я понял, что ты не пошел бы на такое и что это, должно быть, один из твоих фокусов. Ты говорил мне это — помнишь? Иногда фокус — лучшая магия.

Зедд кивнул:

— Эта часть похожа на правду.

— Госпожа Сандерхолт сказала мне, что тело Кэлен сожгли на погребальном костре, а Первый волшебник лично следил за этим. Сказала, что пепел Кэлен затем погребли под той огромной плитой. Госпожа Сандерхолт даже отвела меня в укромный дворик за дворцом, где похоронены Исповедницы. Могилу мне показала. Я был потрясен. Я думал, что это она, что она мертва, пока не разгадал в эпитафии намек — сообщение, которое вы вдвоем оставили для меня...

Ричард снова схватил деда за плечи:

— Видишь? Это был всего лишь трюк, чтобы сбить врагов со следа. На самом деле она не погибла. И не была там похоронена. Там вообще ничего нет, разве что немного пепла.

Никки подумала, что Ричарду было вполне удобно вообразить, что Кэлен кремировали в его истории про блеф с заклинанием смерти — не осталось ничего, кроме пепла, который невозможно опознать. У него всегда находилось для себя объяснение недостатку доказательств. Никки не знала, в самом ли деле Исповедниц кремировали — но если так, это давало ему еще один полезный предлог настаивать на истинности своей истории и отрицать, что в могиле лежит Кэлен. И снова они не могут доказать обратное.

Разве что он выдумал погребальный костер, и Исповедниц обычно не сжигали.

— Значит, ты говоришь, что пошел туда? — спросил Зедд. — Вниз, к надгробиям?

— Да, а затем пришла Денна...

— Денна была мертва. — Кара впервые вмешалась в разговор. — Ты убил ее при попытке убежать от нее в Народном Дворце. Она не могла быть там... разве что в виде духа.

— Верно, — сказал Ричард, поворачиваясь к Каре. — Так и было. Ее дух явился ко мне и отвел в междумирье, чтобы я мог быть там с Кэлен.

Взгляд Кары метнулся к волшебнику. Она не могла скрыть недоверие, поэтому отвела взгляд и сделала вид, что у нее жутко чешется шея и это ее полностью поглощает.

Никки хотелось закричать. Его история с каждым мгновением становилась все более безумной. Колдунья вспомнила, как аббатиса однажды учила ее, тогда еще послушницу, что семя лжи, упав на благодатную почву, разрастается и выходит из-под контроля.

Зедд подошел сзади и нежно сжал плечи Ричарда.

— Пойдем, мой мальчик. Тебе нужно отдохнуть, а потом мы можем...

— Нет! — с криком отшатнулся Ричард. — Я это не выдумал! Не выдумал!

Никки не могла с ним согласиться. Ее по-своему поражало, как ловко у него получалось с ходу вплетать новые события, основанные на бреде, чтобы и дальше избегать встречи с правдой.

Но это не могло продолжаться вечно. Существовали реальные останки настоящей Матери-Исповедницы, лежащие в могиле — если не выяснится, что в Срединных Землях Исповедниц действительно сжигают. В таком случае Ричард сможет продолжить цепляться за свою мечту, пока не обнаружится следующая проблема. Впрочем, рано или поздно что-то разобьет его выдумки.

Зедд попытался снова:

— Ричард, ты устал. Такое впечатление, будто ты жил на лошади в течение...

— Я могу доказать это, — спокойно сказал Ричард.

Все замолчали.

— Я знаю, вы мне не верите. Ни один из вас не верит — но я могу доказать свои слова.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Зедд.

— Пойдемте. Пойдемте со мной к надгробию.

— Ричард, говорю же тебе — на плите может быть написано именно то, что ты сказал, но это ничего не доказывает. Такие вещи довольно часто пишут на надгробиях.

— Скажи, они всегда сжигают тела Матерей-Исповедниц? Или это была часть твоего фокуса, чтобы не пришлось изготовлять ее тело на похоронах, когда она была предположительно похоронена?

В Зедде понемногу закипало возмущение.

— Когда я жил здесь раньше, тела Исповедниц никогда не оскверняли. Мать-Исповедницу клали в покрытый серебром гроб в белом платье, и людям разрешалось посмотреть на нее в последний раз, попрощаться с ней перед тем, как гроб опустят в землю.

Ричард пристально посмотрел на деда, на Кару и наконец на Никки.

— Отлично. Если мне нужно разрыть могилу, чтобы доказать вам, что под плитой ничего нет, то я это сделаю. Это дело необходимо уладить, чтобы мы могли прийти к согласию. Для этого нужно, чтобы вы все мне верили.

Зедд протестующе вытянул руки вперед.

— Ричард, в этом нет нужды.

— Нет, есть! Это необходимо! Я хочу вернуть свою жизнь обратно!

Никто не возразил.

— Зедд, разве я когда-нибудь лгал тебе?

— Нет, мой мальчик, никогда.

— И сейчас не лгу.

— Ричард, — сказала Никки, — никто не обвиняет тебя во лжи. Ты страдаешь от бреда, вызванного ранением. Это не твоя вина. Мы знаем, что ты не делал этого сознательно.

Ричард, не ответив, повернулся к деду.

— Зедд, разве ты не видишь? Подумай об этом. С миром случилось нечто ужасное. По какой-то причине, мне неизвестной, об этом знаю только я. Я единственный, кто помнит Кэлен. За этим должно что-то скрываться. Что-то злое. Возможно, это работа Джеганя.

— По приказу Джеганя создали зверя, который идет по твоему следу, — сказала Никки. — Он вложил все в эту попытку. Ему незачем делать что-либо еще. К тому же, если зверь уже крадется за тобой, для чего ему это делать?

— Не знаю. У меня нет всех ответов — но часть правды мне известна.

— И как возможно такое, что ты один знаешь правду, а все вокруг заблуждаются, что память подводит всех, кроме тебя? — спросил Зедд.

— На это у меня тоже нет ответа, но я могу доказать свои слова. Я могу показать вам могилу. Пойдемте.

— Я уже говорил тебе, Ричард — слова эпитафии совершенно обычные.

Лицо Ричарда стало угрожающим:

— Тогда придется разрыть могилу, чтобы мы все увидели, что она — пуста, а я — не сумасшедший.

Зедд указал на все еще открытую дверь:

— Но скоро стемнеет. Более того, скоро будет дождь.

Ричард отвернулся от двери.

— У нас есть запасная лошадь. Мы проделаем путь до темноты. Если потребуется, можем использовать фонари. Я готов копать хоть в полной темноте. Это слишком важно, чтобы волноваться из-за дождя или нехватки света. С этим нужно покончить — сейчас, — чтобы можно было приступить к решению моей более чем реальной проблемы и найти Кэлен, пока еще есть время. Идемте.

Зедд гневно махнул рукой:

— Ричард, это...

— Пусть делает, что задумал, — прервала старика Никки, обратив на себя взгляды всех собравшихся. — Мы слышали уже достаточно. Это важно для него. Мы должны позволить ему поступить так, как, по его мнению, он должен. Только таким образом мы наконец сможем уладить этот вопрос.

Не успел Зедд ответить, как между двух красных колонн на противоположной стороне комнаты появилась морд-сит. Ее светлые волосы были заплетены в косу, как и у Кары. Она была ниже Кары и не настолько худощава, но держалась так же горделиво — словно не боялась ничего и жила ради возможности доказывать это окружающим.

— Что происходит? Я услышала... — Она застыла во внезапном изумлении. — Кара? Это ты?

— Рикка! — с улыбкой кивнула Кара. — Приятно снова видеть твое лицо.

Рикка склонила голову перед Карой глубже, чем сама Кара до этого — перед Ричардом. Она вступила в комнату.

Ее глаза расширились:

— Лорд Рал, я не видела вас с тех пор, как...

Ричард кивнул.

— С нашей встречи в Народном Дворце в Д'Харе. Когда я так близко подошел к воротам подземного мира, именно ты была той морд-сит, которая помогла мне подняться к Саду Жизни. Именно ты держала меня за рубашку на левом плече, когда вы охраняли меня на пути во дворец. Одна из твоих сестер отдала той ночью жизнь, чтобы я мог выполнить свою миссию.

Рикка удивленно улыбнулась.

— Вы помните? Мы ведь все были одинаково облачены в красную кожу! Поверить не могу, что у вас настолько хорошая память: вы помните даже, за какое плечо я держала вас. — Она склонила голову. — И вы делаете честь всем нам, помня павших в битве.

— У меня и в самом деле хорошая память. — Ричард обжег взглядом Никки и Зедда. — Это случилось как раз перед моим возвращением в Эйдиндрил к надгробию с именем Кэлен. — Он снова повернулся к Рикке. — Не могла бы ты присмотреть за замком, Рикка? Нам нужно ненадолго спуститься в город.

— Конечно, лорд Рал, — сказала Рикка, вновь склоняя голову. У нее, похоже, кружилась голова от общества Ричарда и от того, что он ее помнит.

Ричард снова окинул пронзительным взглядом оставшихся.

— Идемте.

Ричард исчез в дверях. Зедд поймал за рукав проходившую мимо Никки.

— Он был ранен, не так ли?.. — Колдунья заколебалась, и волшебник продолжил: — Ты сказала, что бред начался из-за ранения.

Никки кивнула.

— В Ричарда попала стрела. Он едва не погиб.

— Никки исцелила его. — Кара, наклонившись к ним, понизила голос. — Она спасла жизнь лорду Ралу.

Зедд поднял бровь.

— Ты настоящий друг.

— Да, я исцелила его, — согласилась Никки. — Но это оказалось сложнее, чем что-либо на моей памяти. Возможно, я и спасла ему жизнь, но теперь боюсь, что сделала это недостаточно хорошо.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Зедд.

— Я боюсь, что могла причинить ему вред, из-за чего и начались его видения.

— Не может такого быть, — сказала Кара.

— Надеюсь, — вздохнула Никки. — Не знаю, могла ли я сделать больше или сделать по-другому.

Она проглотила вставший в горле ком. Колдунья боялась, что это правда, и проблемы Ричарда — ее вина, что она действовала недостаточно быстро или совершила ужасную ошибку. Никки без конца мучило решение, принятое тем ужасным утром — доставить Ричарда в безопасное место, прежде чем заняться его раной. Она опасалась нападения, способного разрушить все попытки исцеления. Но, возможно, следовало приступить к лечению прямо на поле боя — и тогда он сейчас не гонялся бы за призраками.

В конце концов, атака так и не последовала — а значит, она совершила ошибку, отвезя его на заброшенную ферму. Она знала, что в тот момент нападение им не грозило — но, может быть, если бы она потратила время на то, чтобы люди Виктора обследовали территорию, к лечению можно было приступить гораздо раньше. Она не отдала такой приказ, боясь, что если рядом враг, то Ричарда все равно придется уносить, а время будет потеряно.

Как бы там ни было, она приняла решение, и теперь Ричард страдает от бреда. Что-то пошло не так той жуткой ночью.

Никто в мире не был ей дорог так, как Ричард. И мысли о том, что именно из-за нее обрушилась его жизнь, сводили Никки с ума.

— Так что именно с ним не в порядке? — спросил Зедд. — Куда попала стрела?

— В грудь с левой стороны — зазубренный арбалетный болт. Наконечник застрял в теле. Ричард отчасти успел уклониться, так что сердце не было задето, но грудная клетка и легкое быстро наполнялись кровью.

Зедд удивленно поднял бровь.

— И ты смогла вытащить стрелу и исцелить его?

— Именно так, — с пылом подтвердила Кара. — Она спасла лорду Ралу жизнь.

— Я не знаю... — Никки с трудом подбирала слова. — Путь сюда мы проделали порознь. Теперь я вновь встретилась с ним, увидела, как сильно он цепляется за бред и не желает видеть правду, и не уверена, что помогла ему. Как сможет он жить, не зная правды об окружающем мире? Тело, быть может, и исцелено — но смерть подбирается к нему с другой стороны, а разум подводит.

Зедд отечески погладил ее по плечу. Никки заметила искру жизни в его глазах. Такой же огонь горел в глазах Ричарда. По крайней мере, раньше.

— Мы должны помочь ему увидеть правду.

— А если это разобьет его сердце? — спросила она.

Зедд улыбнулся. Это напомнило ей улыбку Ричарда — улыбку, которой ей так не хватало.

— Тогда просто придется исцелить и его сердце тоже, разве не так?

Никки смогла выдавить из себя только шепот, дрожащий от слез:

— Но как мы это сделаем?

Зедд снова улыбнулся и твердо сжал ее плечо.

— Посмотрим. Сначала он должен увидеть правду, а потом можно будет беспокоиться о ране, которую это нанесет его сердцу.

Никки смогла только кивнуть. Она боялась увидеть Ричарда страдающим.

— А что это за зверя ты упомянула? Которого создал Джегань?

— Оружие, созданное при помощи сестер Тьмы, — сказала Никки. — Нечто из времен великой войны.

Зедд пробормотал что-то ругательное при этих словах. Кара как будто собралась сказать что-то о звере, но передумала и направилась к двери:

— Пойдемте. Я не хочу, чтобы лорд Рал ушел от нас далеко.

Зедд ворчливо согласился:

— Похоже, нам предстоит намокнуть.

— По крайней мере, если пойдет дождь, — сказала мордсит, — он смоет с меня запах лошади.

Глава 48

Дождь пошел раньше, чем они покинули загон. Ричард уже уехал. Насколько он опередил спутников, определить было невозможно. Кара хотела поторопиться и нагнать его, но Зедд сказал, что им и так известно, куда он направляется. Незачем лететь, рискуя сломать ноги усталым лошадям. Случись такое несчастье, им придется идти пешком, спускаясь с горы следом за Ричардом — а после посещения кладбища Исповедниц проделать тот же путь наверх.

— Кроме того, — заметил Зедд, — тебе за ним не угнаться.

— Ну, насчет этого спорить не стану, — сказала Кара, пришпоривая лошадь, чтобы перейти в галоп. — Но я не хочу, чтобы он оставался один дольше, чем необходимо. Я должна его защищать!

— Особенно с тех пор, как он остался без меча, — проворчал Зедд.

Соответственно, им не оставалось ничего, кроме как поспешать за Карой.

Когда спустились со склона и въехали в город, дневной свет померк и дождь припустил. Никки понимала, что они очень скоро промокнут насквозь, но с этим ничего нельзя было поделать. К счастью, погода стояла довольно теплая, так что замерзнуть им не угрожало.

Зная, где искать Ричарда, они направились ко дворцу Исповедниц и сразу обнаружили там его коня, привязанного к кольцу на одном из гранитных столбов, соединенных толстыми цепями. Прохода в этой ограде не было — видимо, она преграждала доступ к частным жилищам. Привязав своих лошадей там же, Кара и Никки следом за Зеддом переступили через провисшую цепь.

Они попали в уголок, явно не предназначенный для посторонних. Укромный дворик скрывали от чужих глаз высокие вязы и плотная стена вечнозеленого можжевельника. Сквозь густые ветви

больших деревьев Никки заметила белые стены дворца Исповедниц — здание окружало дворик с трех сторон. Все эти преграды мешали оценить размеры пространства, и поначалу Никки показалось, что оно совсем небольшое. Это и было кладбище.

При ближайшем рассмотрении место последнего упокоения Исповедниц оказалось намного обширнее. Деревья были рассажены так, чтобы разделить открытую площадку на части и придать ей вид, призывающий к задумчивости и тихой грусти. Судя по тому, как была проложена единственная дорожка от красивых, застекленных дверей дворца до небольшой колоннады, увитой плющом, предполагалось, что кладбище будут посещать исключительно те, кто живет во дворце. В пасмурном свете это тихое место под пологом ветвей казалось святилищем.

Они нашли Ричарда на пригорке, который в солнечный день казался бы зеленым и милым; он стоял под дождем перед высокой каменной плитой и ощупывал пальцами надпись, высеченную в полированном граните — пять букв, составляющих имя КЭЛЕН.

Ричард ухитрился где-то найти лопаты и мотыги. Теперь они лежали наготове у его ног. Осмотревшись, Никки обнаружила в отдалении, за живой изгородью, крыши каких-то хозяйственных строений — видимо, там Ричард и нашел инструменты.

Тихонько подходя к нему, Никки чувствовала, что Ричард сейчас стоит на грани чего-то очень опасного... для него самого. Она остановилась у него за спиной и, сложив руки, терпеливо ждала, пока он с невыразимой нежностью обводил пальцем имя Кэлен на камне.

— Ричард, — наконец негромко произнесла Никки, чувствуя, что здесь следует говорить почтительно, — надеюсь, ты обдумаешь то, что я сказала, и если все сложится не так, как тебе сейчас представляется, знай: мы готовы помочь всем, чем сможем.

Он отвернулся от могилы.

— Не беспокойся обо мне, Никки. Под этим камнем ничего нет. Ее здесь нет. Я хочу, чтобы вы все это увидели и наконец-то поверили мне. Я хочу вернуться к настоящей жизни. И когда я это сделаю, вы все поймете, что дела в мире идут очень и очень криво. И вот тогда нужно будет понять, что же происходит — а тем самым мы найдем и путь к Кэлен.

Посмотрев на нее в упор, видимо, выжидая, осмелится ли она снова спорить с ним, Ричард, не добавив ни слова, взял лопату и, сильно нажав ногой, вонзил ее в небольшой, поросший травою холмик рядом с плитой, обозначающей место захоронения одной из Матерей-Исповедниц.

Зедд стоял молча, не шевелясь, и просто смотрел. Он принес с собой два фонаря и поставил на каменную скамью неподалеку. Они давали слабый, но ровный свет. Сырость пропитала все вокруг, от земли поднимался туман. Хотя небо сплошь затянуло черными, будто чугунными, тучами, по тускнеющему освещению Никки определила, что близится закат. Было новолуние, а значит, их ожидала беспросветно-темная ночь. Звезды, и те скрылись за тучами, не желая светить.

Даже без дождя и надвигающейся темноты не самое лучшее время раскапывать могилы.

Ричард работал сосредоточенно, яростно, и Кара, не утерпев, взялась за вторую лопату.

— Чем скорее мы с этим справимся, тем лучше!

Она воткнула лопату во влажную землю с другой стороны могилы и принялась копать. Зедд все стоял, и выражение его лица становилось угрюмее с минуты на минуту. Никки тоже хотела бы помочь, но размеры могильного холмика позволяли работать, не мешая друг другу, только двоим. Она могла бы применить магию, чтобы проделать яму в земле, но ощущала, что Зедд этого не одобрит — ему хотелось, чтобы Ричард сделал все сам, своими силами. Это было его дело, Ричарда.

Мало-помалу смеркалось. Ричард и Кара углублялись в землю. Теперь они взялись за мотыги, чтобы прорваться сквозь плотное переплетение корней, пронизавший землю кладбища. Толщина этих корней подсказала Никки, что могила намного старше, чем казалось Ричарду. Если он это и заметил, то не желал подавать виду. Никки предположила, что могила и впрямь может оказаться ненастоящей — ведь корни могли вырасти такими толстыми просто потому, что их никто не тревожил. Если Ричард прав, то создатели ложного захоронения ограничились бы небольшой ямкой, куда можно было бы уложить урну с пеплом. Но Никки ни

на минуту не допускала такого оборота событий. Лопата за лопатой мокрый чернозем вылетал из ямы и шлепался, сразу раскисая под дождем, рядом с разрытой могилой.

Хотя Зедд так ничего и не произнес, по выражению его морщинистого лица Никки видела, что идея извлечения на белый свет останков Матери-Исповедницы бесит его все больше, даже если это и поможет решить загадку. Казалось, он способен разразиться потоком слов в любой момент, но сдерживается. Никки полагала, что он выжидает, когда Ричарду откроется истина, — но стиснутые челюсти и нахмуренные брови Зедда не обещали ни сочувственных заверений, ни приятных речей. Поведение внука возмущало его.

Когда головы Ричарда и Кары, мокрые, покрытые потом, уже едва виднелись из ямы, лопата Ричарда неожиданно глухо стукнула, ударившись во что-то твердое.

Кара бросила копать. Ричард был ошеломлен и смущен; ведь он полагал, что в могиле не найдется ничего, в крайнем случае — маленькая урна с пеплом, но урну не стали бы закапывать столь глубоко.

— Наверное, это урна с прахом, — сказал он наконец, взглянув на Зедда. — Больше здесь нечему быть. Не стали бы они попросту сыпать пепел на землю! Ведь похороны должны были выглядеть как настоящие, и полагалось быть урне, которую все приняли за вместилище пепла Кэлен.

Зедд промолчал.

Кара коротко посмотрела на Ричарда и ткнула лопатой в землю. Снова раздался глухой стук. Откинув тыльной стороной ладони мокрые волосы с лица, она посмотрела на Никки.

— Да, похоже, ты что-то нашел! — Зловещий голос Зедда словно вонзился в туман, скопившийся над кладбищем. — Полагаю, нам следует убедиться, что же это такое.

Ричард оглянулся на деда, но все-таки вернулся к работе. Вскоре они с Карой расчистили плоскую поверхность. Было слишком темно, чтобы разглядеть ее отчетливо, но Никки и так знала, что это.

В ближайший момент истина наконец должна была раскрыться.

Заблуждениям Ричарда наступал конец.

— Не понимаю, — пробормотал Ричард, смущенный слишком большим размером находки.

— Очисти как следует эту крышку, — велел Зедд с плохо скрываемым раздражением.

Ричард и Кара поспешно и осторожно счистили мокрый грунт, и больше нельзя было сомневаться, что они нашли гроб. Когда крышка показалась целиком, Зедд велел им выбраться из ямы.

Старый волшебник простер руки над открытой могилой, обратив ладони к небу. Вскоре Ричард, Кара и Никки увидели, как тяжелый гроб начал подниматься в воздух. Куски мокрой земли падали с него в зияющую темную яму. Отступив на несколько шагов, Зедд при помощи своего дара мягко опустил гроб на траву рядом с раскопом.

Это было настоящее произведение искусства, сплошь покрытое резьбой, изображающей листья и побеги папоротника, инкрустированное серебром. Чувствовалось, что его делали с великим почтением и печалью. Потрясенный Ричард уже не представлял, что же там внутри.

— Открой, — приказал Зедд.

Ричард смотрел на него непонимающими глазами.

— Открой, — повторил Зедд.

Ричард наконец очнулся, опустился на колени рядом с красивым гробом и попытался аккуратно снять крышку кончиком лопаты. Кара взяла со скамьи фонари, один подала Зедду, другой подняла высоко над головой, подсвечивая Ричарду.

Повозившись немного, Ричард сумел приподнять и сдвинуть тяжелую крышку.

Свет фонаря, поднятого Карой, упал на истлевшее тело, почти превратившееся в скелет. Благодаря прочности гроба тело, видимо, не испытало воздействия сырости на своем пути к превращению во прах. Кости были покрыты пятнами, что указывало на долгое лежание под землей. Длинные волосы, все еще крепко державшиеся на черепе, рассыпались по плечам. От кожи и мышечной ткани почти ничего не осталось, кроме сухожилий, соединяющих суставы и особенно косточки пальцев. Даже сейчас, много времени спустя, пальцы сжимали давным-давно высохший букет цветов.

Тело Матери-Исповедницы было облачено в изысканно-простое платье из белого атласа, с квадратным вырезом у шеи, открывавшим теперь обнаженные ребра.

Букет, который когда-то вложили в руку покойницы, был обернут кружевом, расшитым жемчужинами, и обвязан широкой золотой лентой. По золотому полю серебряной нитью было вышито: «Возлюбленная Мать-Исповедница Кэлен Амнелл, ты навечно останешься в наших сердцах».

Больше не могло оставаться никаких сомнений относительно истинной судьбы Матери-Исповедницы. Все то, что Ричард искренне считал своими воспоминаниями, оказалось лишь сладким заблуждением, вмиг рассеявшимся, словно дым.

Ричард, тяжело дыша, смотрел неотрывно на скелет в гробу, на белое платье и золотую ленту, скрепляющую то, что некогда было прекрасным букетом цветов.

Никки затошнило.

— Ну, теперь ты удовлетворен? — спросил Зедд тоном закипающего гнева.

— Не понимаю, — прошептал Ричард, не в силах отвести взгляд от ужасного зрелища.

— Да ну? А по-моему, все вполне ясно, — сказал Зедд.

— Но я знаю, что ее тут не хоронили! Знаю, но объяснить не могу. Почему-то все противоречит тому, что я твердо знаю!

Зедд стиснул кулаки.

— Никакого противоречия нет, и понимать нечего. Противоречий не существует!

— Да, но я же твердо знаю...

— Это Девятое Правило Волшебника: противоречий в реальности быть не может. Ни частичных, ни общих. Чтобы поверить в наличие противоречий, нам придется отказаться от веры в существование мира, окружающего нас, от природы всех вещей, и заменить все это любым случайным измышлением фантазии — измышлением, возникающим лишь потому, что тебе хочется, чтобы оно возникло. Любая вещь является лишь тем, чем она есть, в согласии с ее сутью. Противоречий быть не может.

— Но, Зедд, я не могу не верить...

— Ах, он не может! Ты имеешь в виду, что реальность этого гроба и истлевшего тела Матери-Исповедницы оказалась для тебя чем-то неожиданным, и тебе не хочется признавать ее? Вместо этого ты предпочитаешь прятаться в туман слепой веры! Именно это ты хотел сказать?

— Нет, но в этом случае...

— Вера — это способ самообмана, хитроумная уловка, и в ней нет ничего, кроме слов и чувств, основанных на любом фантастическом понятии, какое только может присниться. Вера — это попытка подчинить истину капризу. Проще говоря, попытка вдохнуть жизнь в ложь, затмить реальность ослепительной красотой фантазий. Вера — прибежище глупцов, невежд и обманутых, не умеющих думать людей. В реальности же противоречий не бывает. Все сущее можно объяснить, найдя скрытые под внешним образом закономерности. Ты же намерен отказаться от рассудка, от разума. Ставкой в этой игре является твоя жизнь. Но выиграть невозможно, и ты неизбежно потеряешь то, что поставил на кон.

Ричард запустил пальцы в мокрые волосы и попытался спорить:

— Но ты не слушаешь меня, Зедд! Противоречие говорит лишь о том, что некоего явления никто из нас ранее не знал, и нужно вот именно постичь суть происходящего в реальности, не во снах! Я не слишком учен, но знаю: так оно и есть. Кому, как не мудрецам, помочь мне разобраться во всем, принеся, быть может, большую пользу не мне одному?

— Я как раз и помогаю тебе! Я позволил тебе самому найти доказательства и решить, где правда, а где обман. Вон оно, в этом гробу. Это реальность, и незачем изобретать сложные доказательства, когда есть простое — даже если доводы оказались не в твою пользу. Вот та, кого ты хотел найти — Кэлен Амнелл, Мать-Исповедница, в точном соответствии с надписью на могильном камне.

Высоко подняв брови, Зедд придвинулся ближе к своему внуку.

— На этом мы и остановимся, если только ты не докажешь, что и это — некая уловка, что кто-то вздумал кого-то здесь похоронить лишь затем, чтобы разыграть с тобой замысловатую шутку, заставить всех думать, что ты ошибаешься. Но найти такие доказательства, скажу я тебе — дело безнадежное. Что ты можешь

противопоставить этому ясному и очевидному доводу? В чем увидишь противоречие?

Ричард еще раз взглянул на мертвое тело, вытянувшееся перед ним в гробу.

— Я твержу об этом уже не первый день, но меня никто не хочет слышать! Кто вам сказал, что вы владеете всей истиной? Повторяю: что-то идет не так, как должно. Я не слеп, наоборот, я чувствую, что так быть не может, это вы закрываете глаза! Не может так быть!

Зедд крепко стиснул зубы, помотал головой, призывая остатки терпения.

— Ричард, я так хотел тебе помочь, что позволил сотворить столь кощунственное дело — хотя по всем законам снисходительность не следовало проявлять. Теперь будь любезен, скажи, куда ты дел свой меч. Где Меч Истины?

Дождь тихо шелестел по лиственному своду над их головами, когда дед задал Ричарду этот вопрос и стал ждать ответа. Ричард уставился на гроб и, помолчав, ответил:

— Я отдал меч Шоте взамен тех сведений, которыми она меня снабдила.

Зедд широко раскрыл глаза:

— Что-что?

— Мне пришлось, — упавшим голосом сказал Ричард, отводя взгляд.

— Пришлось? Пришлось?!

— Да... — еле слышно пробормотал Ричард.

— И какими же премудростями она тебя снабдила?

Ричард положил локти на край гроба и спрятал лицо в ладонях.

— Она дала мне то, что могло помочь в поисках. Мне нужны ответы. Я должен узнать, как найти Кэлен!

Зедд в ярости ткнул пальцем в гроб:

— Вот Кэлен Амнелл! Как ей и положено, под могильным камнем. И за какие же — о, сверхценные! — сведения Шота выдурила у тебя меч?

Ричард даже не попытался возмутиться таким отношением к своим действиям.

— Огненная Цепь. Она произнесла слова «Огненная Цепь», но сама не знала, что они означают. Еще она сказала, что я должен найти место костей в Глубокой Пустоте.

— Глубокую Пустоту? — с издевкой спросил Зедд и, взглянув на черное небо, тяжело вздохнул. — Не думаю, чтобы Шота сумела растолковать тебе, что это за штука — Глубокая Пустота.

Ричард потряс головой, но не оглянулся на него.

— Она сказала еще, что мне нужно опасаться змеи о четырех головах.

Зедд сердито прошипел:

— Можно и не спрашивать — и так ясно, что снова ни ты, ни она и понятия не имеете, что это такое!

Ричард опять отрицательно потряс головой, не поднимаясь с колен.

— Значит, я угадал? За эту великую цену, за эти мудрые указания ты отдал Меч Истины?

Ричард неохотно добавил:

— И кое-что еще. — Он говорил так тихо, что тихий шепот дождя почти заглушал его. — Шота сказала, что я должен искать нечто... давно захороненное.

Тлеющий гнев Зедда грозил вырваться наружу.

— Это ты и нашел! — он вновь указал пальцем на гроб. — Кэлен Амнелл, Мать-Исповедница, давно захороненная!

Ричард, не поднимая головы, ничего не сказал.

— И за это ты отдал Меч Истины. Бесценное оружие. Оружие, способное поражать не только творения зла, но и добрых людей. Оружие, созданное волшебниками древности, предназначенное служить лишь немногим избранным. Я доверил его тебе. А ты отдал его какой-то ведьме. Ты хоть знаешь, чего мне стоило добыть Меч Истины у Шоты, когда она в прошлый раз завладела им?

Ричард молчал, глядя в землю у гроба — казалось, он не рискует подать голос.

Никки знала, что Ричард мог бы многое сказать в свою защиту, у него нашлось бы много доводов рассудка, помимо чувств и веры, но он не воспользовался возможностью высказать их. Дед

продолжал бушевать, а он молча стоял на коленях у открытого гроба, где нашла упокоение его мечта.

— Я доверил тебе великую ценность. Я думал, что в твоих руках этот опасный предмет будет в сохранности. Ричард, ты подвел меня — подвел нас всех, — гоняясь за грезами. Понимаю, тебе такая сделка казалась честной, но я точно знаю — ты ошибся!

Кара стояла рядом, держа фонарь; от медленного, но упорного дождя волосы ее прилипли к голове. Она, кажется, хотела как-то выгородить Ричарда, но не могла подобрать слова. Никки тоже боялась проронить хоть слово. Она знала, что сейчас, что бы они ни сказали, все будет некстати. Только шорох дождевых капель нарушал тишину туманной ночи.

— Мне очень жаль, — запинаясь, проговорил Ричард. — Прости меня, Зедд!

— От моего прощения меч не вырвется из когтей Шоты. Твои сожаления не спасут людей, которых Самюэль порубит твоим мечом. Я люблю тебя как сына, Ричард, и всегда буду любить, но никогда еще ты так не разочаровывал меня. В жизни бы не поверил, что ты способен на столь бездумные и опрометчивые поступки!

Ричард по-прежнему не считал нужным оправдываться и только кивал головой.

Сердце Никки разрывалось от жалости к нему.

— Я оставлю тебя здесь. Похорони Мать-Исповедницу, а я пока попробую придумать, как отнять меч у ведьмы, которая оказалась куда сметливее моего внука. Ты должен осознать, что ответственность за все возможные последствия ложится на тебя.

Ричард снова кивнул.

— Хорошо. Рад, что ты наконец хоть что-то понял правильно. — Зедд повернулся к Каре и Никки, и смотреть на него было страшно, как на всякого Рала в гневе. — А вы отправляйтесь со мною в замок. Я хочу выслушать во всех подробностях историю с той тварью. Все подчистую.

— Я должна остаться и охранять лорда Рала, — возразила Кара.

— Нет, — отрезал Зедд, — от тебя я желаю услышать подробный рассказ о том, что случилось при встрече с ведьмой. Мне нужно знать все, что говорила Шота, до последнего словечка.

Кара колебалась.

— Зедд, я не могу...

— Иди с Зеддом, Кара, — тихо приказал Ричард. — Сделай все, что он потребует. Пожалуйста.

Никки понимала, насколько беспомощным чувствует себя Ричард в присутствии деда; оттого он и не защищался — хотя, возможно, по-прежнему был уверен в своей правоте. Понимала потому, что точно так же бывала беспомощна в присутствии своей матери, когда та говорила ей — а это случалось часто, — что она поступила плохо. Никки никогда не удавалось убедить мать в своей правоте. Мать же без всякого труда выставляла желания Никки жалкими и эгоистичными выходками. И с возрастом ничего не изменилось. В глазах тех, кто вырастил ее, она оставалась ребенком. Прожив много лет во Дворце Пророков, она все равно порой чувствовала себя десятилетней глупой девочкой перед матерью.

Ричарду приходилось еще хуже, потому что он любил и уважал деда, чего не было у Никки. Сколько бы подвигов ни совершил Ричард, при всем его мужестве, знаниях и умениях он не мог бы, вступив с дедом в спор, достичь иного результата, кроме как огорчить его — а любовь и уважение лишь усугубляли душевную боль.

— Пойдем, — сказала Никки, положив руку на плечо Каре. — Делай, как он велит. Я думаю, Ричарду сейчас лучше остаться одному и разобраться, на каком он свете.

Кара посмотрела на Никки, на Ричарда и, решив, что в подобных случаях стоит положиться на опыт волшебницы, дала свое согласие.

— Ты тоже не останешься, — напомнил Зедд, одернув Никки. — Ричард сам сумеет вернуть покой Матери-Исповеднице. А я хочу услышать все, что ты можешь рассказать, немедленно, потому что придется противостоять не только последствиям безумия Ричарда, но и козням Джеганя.

— Ладно, — сказала Никки. — Идите к лошадям, я сейчас вас догоню.

Зедд бросил последний беглый взгляд на Ричарда, все еще коленопреклоненного, и удалился.

Когда они с Карой исчезли за можжевеловой оградой, залитой туманом, Никки присела на корточки рядом с Ричардом и погладила его по согнутой спине.

— Все наладится, Ричард!

— Боюсь, у меня уже никогда ничего не наладится.

— Не спеши судить. Сейчас все, может, и кажется плохо, но так будет недолго. Зедд пересердится и поймет, что ты лишь старался выполнять то, что считал своим долгом. Он ведь любит тебя и наверняка уже жалеет, что бросил такие резкие слова.

Ричард повел плечами, но не пошевелился, хотя земля под его коленями уже превратилась в грязь. Дождь понемногу просачивался в открытый гроб, где лежали останки давным-давно умершей Кэлен Амнелл, его придуманной любви.

— Никки, — наконец произнес он едва слышно, — могу я тебя попросить об одной услуге?

— Конечно, Ричард.

— Один-единственный раз... последний... стань для меня госпожой Смертью.

Она снова погладила его и поднялась на ноги; слезы на ее лице смешивались с дождем. Усилием воли она подавила рвущиеся наружу рыдания и ответила ровным голосом:

— Не могу, Ричард. Ведь ты научил меня ценить жизнь.

Глава 49

Тяжелая дверь приоткрылась. В щель просунулась голова Рикки, ее голос нарушил тишину библиотеки:

— К нам гости!

Никки развернулась на стуле:

— Какие гости?

— Кто-то появился на подъеме к замку.

— Ты не знаешь, кто? — спросила она, вставая от полированного стола.

Рикка помотала головой.

— Зедд сказал только, что магические щиты предупредили его: кто-то движется вверх по дороге. Он счел нужным предупредить

тебя. Честно говоря, мне от всего этого здешнего волшебства муторно!

— Я схожу за Ричардом.

Рикка кивнула и исчезла за дверью. Никки поспешно вернула книгу, которую изучала, на место, на одну из множества полок красного дерева, протянувшихся вдоль стен просторного и тихого помещения. Книга представляла собой подробнейший и довольно скучный отчет о делах, творившихся в замке во времена великой войны. Никки находила очень странным это повествование о людях, живших в замке Волшебника тысячи лет назад. Истории казались бессвязными, пока она не напоминала себе, что все они происходили в том же самом месте, где она читала про них. От этого напоминания становился еще удивительнее контраст с Дворцом Пророков: какая бурная деятельность царила там, сколько необычных жизней было прожито на протяжении столетий! Никки не могла представить себе Дворец Пророков тихим и пустым — а ведь замок размерами превосходил его! Хотя дворца больше не было, а замок остался цел и посейчас...

На самом деле Никки не слишком интересовала эта книга. Ей было все равно, интересна она или скучна. Нужно же было как-то убить время. Она не могла себя заставить сосредоточиться на чем-то серьезном, что потребовало бы глубокого обдумывания. Мысли ее и без того были заняты.

С того дня, когда они раскопали могилу Матери-Исповедницы, новолуние сменилось полнолунием, и луна снова приближалась к последней четверти, но в их жизни ничего не менялось. Спустя несколько дней по возвращении с кладбища Зедд признался Ричарду, что сожалеет о своей несдержанности, что ему следовало бы узнать больше, прежде чем выносить суждение, и что он любит своего единственного внука, как и раньше. Зедд пообещал найти способ вернуть Ричарду меч — и тогда все снова станет хорошо.

Он был совершенно искренен, на его умение выходить из трудных переплетов можно было положиться, но Ричард оставался безутешен — уж слишком больно ударил его дед, а ведь ему и без того было тяжко. Он не сумел доказать реальность своей мечты,

хотя ради этого пошел на все. Он был так уверен в своей правоте, а оказался просто сумасшедшим.

Ричард выслушал извинения Зедда с неподвижным лицом и не произнес ни слова в ответ. Никки чувствовала, что ему теперь уже все равно, смягчился Зедд или гневается. Он дошел до конца мыслей, надежд, усилий. Все рухнуло. После той ночи жизнь едва теплилась в нем.

Зедд долго допрашивал Кару и Никки в ту первую ночь. Никки была потрясена, услышав от Кары, что, по словам Шоты, жаждой крови ту таинственную тварь наделила сама Никки, нечаянно передав ей частицу наследственной крови Ричарда. Она с ужасом поняла, что сама вырастила опасность, угрожающую Ричарду.

Зедда удивил рассказ Никки о том, как ей удалось спасти жизнь Ричарда — но он подтвердил, что иначе Ричард непременно скончался бы там же на месте. Главное, сказал он, что Ричард выжил — а уж со страшной тварью, созданной сестрами по приказу Джеганя, они теперь сообща сумеют разобраться. Да и над странными снами Ричарда следовало подумать, и над тем, как вернуть ему меч. Из откровений Шоты о том звере, в добавление к уже известному Никки, явствовало, что надеяться на успех не приходится. Никки не могла даже определить, с чего начать, как подойти к задаче уничтожения этого создания темных сил.

Она ужасно расстроилась еще и потому, что, по словам Кары, Шота раскрыла Ричарду ее намерение пробудить у Ричарда любовный интерес к Никки. Зедд, спасибо ему, воздержался от всяких комментариев к этой части рассказа Кары. Но Никки почувствовала свою беспомощность и безнадежность всяких усилий. Имперский Орден безнаказанно бесчинствовал в Новом мире, зверь преследовал Ричарда — а он был, мягко говоря, не в себе.

Все чаще ей вспоминалось прежнее, до встречи с Ричардом, мрачное отношение к жизни. Ее приучили к мысли, что раз она родилась счастливой во всех отношениях, ей положено поставить все свои способности на службу тем, кого обделила судьба. Но как бы тяжело она ни трудилась, нужды людей всегда превышали ее возможности удовлетворить их, и она постоянно чувствовала себя виноватой, глядя, как ухудшается жизнь других — при том,

что ее собственная жизнь ей не принадлежала. Разумеется, нынешние обстоятельства были совершенно иными, и все же они пробуждали в ее душе былую печальную безнадежность.

После того, как открытая могила показала Ричарду правду, он проводил целые дни в одиночестве, если не считать Кары. Ответив на все дотошные расспросы Зедда о поездке к Шоте, она теперь не соглашалась оставлять Ричарда ни под каким предлогом. А поскольку Ричард предпочитал молчать, то и Кара сделалась его безмолвной тенью.

Как странно было видеть их вдвоем — им было хорошо даже в этих обстоятельствах. Никки казалось, что им и слова не нужны: они обходились то взглядом, то слабым пожатием плеч, и всегда понимали друг друга.

Никки чувствовала, что она будет лишней свидетельницей его несчастья, и потому держалась в стороне, не попадаясь ему на глаза — однако оставаясь все же неподалеку на случай неожиданного нападения зверя.

Первые четыре-пять дней после возвращения в замок Ричард провел во дворце Исповедниц — бродил по великолепным комнатам и анфиладам залов. Никки оставалась в одной из гостиных дворца, пока Ричард бесцельно обходил опустевшее жилище. Потом он ушел и провел неделю в Эйдиндриле, меряя шагами улицы и переулки, словно хотел воскресить жизнь, замершую уже давно. Оставаться рядом с ним в эти дни было для Никки сложнее — Ричард ходил, не задерживаясь на одном месте подолгу, с утра до вечера. Хуже того, потом он ушел в горные леса, окружающие Эйдиндрил, и несколько раз даже не возвращался домой на ночь. Для Ричарда лес был родным домом, и Никки не решилась следовать за ним — там Ричард немедленно обнаружил бы ее присутствие. Ее немного успокаивала магическая связь: ниточка, связавшая их в день отъезда Ричарда из Алтур-Ранга, не рвалась, и Никки всегда было известно, в каком направлении он движется и далеко ли ушел. Однако когда Ричард долго не возвращался, Никки ночи напролет мерила шагами комнату, не в силах заснуть.

В конце концов дед упросил Ричарда не уходить из замка, чтобы в случае атаки зверя Зедд и Никки успели остановить его.

Ричард согласился — не споря и не возражая. Теперь вместо дворца, города и леса, он бродил по внешним укреплениям замка, упорно глядя вдаль.

Никки отчаянно хотелось помочь Ричарду — но Зедд уверял, что им остается лишь ждать, пока время поможет ему очнуться и свыкнуться с реальностью, где не нашлось места его любви к Кэлен. Никки не возражала, но на самом деле не верила, что со временем что-то изменится. Она достаточно давно знала Ричарда и понимала, что здесь речь идет о чем-то большем. Помощь ему явно была нужна, вот только какая?

Сейчас Никки быстрым шагом прошла по мягким коврам зала, прилегающего к библиотеке, и углубилась в путаницу лестниц и переходов, пользуясь подсказкой своего дара и связью с Ричардом и даже не пытаясь запоминать дорогу по замку.

Приближаясь к Ричарду, она снова вспомнила тот день, когда, прощаясь, установила между ними связь и скрепила ее поцелуем. Ох, до чего же приятной была та минута! Но теперь Никки было неловко вспоминать о ней. Ведь наслаждение досталось ей обманом: связь можно было установить и без поцелуя; более того, она могла вообще не объяснять Ричарду, что делает. Достаточно было коснуться пальцем его ладони или плеча — и связь установилась бы, а он ничего бы и не почувствовал...

Но незадолго до того Кара воодушевила Никки, подсказав, что ей стоит обратить на себя его внимание, и у нее родились жаркие мысли о дальнейших возможностях. Поцелуй, несомненно, надолго запомнился бы Ричарду. Однако теперь ей казалось, что она слишком поспешила — учитывая, в каком состоянии он был тогда; вся его любовь была отдана мечте, а Никки не проявила уважения к его чувствам. Она почти сразу пожалела, что позволила себе этот поцелуй. Но сожалела также и о том, что поцеловала его в щеку, а не в губы.

Как это сделала Шота.

Она вся горела, слушая в описании Кары, как Шота целовала Ричарда и соблазняла остаться с нею. Никки понимала, что чувствовала ведьма — но счастливее от этого не стала.

Никки все отдала бы за возможность обнять его, утешить, пообещать, что все будет хорошо — лишь бы он хоть чуточку

оживился, лишь бы заметил, что рядом с ним есть кто-то, кому он дорог.

Но она знала, что сейчас не время и не место для подобных попыток.

И все же она понимала, что так не может продолжаться вечно. Ему нельзя позволить застревать в таком подвешенном состоянии. Он не должен плыть по течению, не заботясь о последствиях. Он должен очнуться.

Никки шагала все быстрее, пустые, но роскошные комнаты мелькали одна за другой. Что-то дергало ее, тянуло поскорее увидеть Ричарда.

Он стоял на краю стены, положив руки на массивные зубцы крепостной стены, и смотрел прямо перед собою в прорезь бойницы. Казалось, он стоит на краю света. Стадо белых облаков тянулось по небу, внизу, далеко под ними, серые тени пролетали по холмам и полям, словно серые овцы догоняли белых.

Ричард как будто забыл о времени. Дни тянулись монотонной чередой, пустота существования лишь подчеркивалась мелкими обыденными событиями. Он явно не осознавал, как долго стоит тут, глядя со стены на беспредельное пространство.

Кэлен умерла, исчезла, и все остальное потеряло смысл. Ему даже не верилось, что смысл когда-то был. Более того, он усомнился, что и она когда-то существовала.

Но была ли она настоящей или выдуманной — все уже кончилось.

Кара стояла рядом. Она неотлучно держалась не далее чем в трех шагах. Зная, что на нее можно всегда положиться, он чувствовал себя немного лучше. Но иногда ее постоянное присутствие утомляло, казалось назойливым. Она нарушала совершенство его одиночества.

«Интересно, — подумал он, — а ведь она думает, что успеет подхватить меня, если мне вздумается прыгнуть со стены».

Он знал, что Кара не успеет.

Внизу, у подножия горы, пестрели крыши Эйдиндрила; отсюда дома казались крошечными. Его тянуло к этому городу. Город пуст. И его душа пуста. Жизнь покинула и город, и душу.

После вскрытия могилы — он не мог заставить себя назвать ее могилой Кэлен ни мысленно, ни тем более вслух — жизнь потеряла для него всякую ценность. Если бы людям было дано умирать только усилием воли, он был бы уже мертв. Но смерть, получив приглашение, отчего-то вдруг оробела и медлила. Дни тянулись бесконечно.

То, что он увидел в могиле, потрясло его сознание, и оно теперь словно застряло на том месте и не могло сдвинуться. Способность мыслить покинула его. Прежние интересы поблекли. Весь мир перевернулся. Как мог бы он заниматься делами, если стал не способен отличить реальность от выдумки?

Он не знал, чем теперь заняться. Впервые в жизни он был оглушен и повержен обстоятельствами. Прежде у него всегда имелись наготове запасные выходы, хитроумные уловки. Теперь — ничего не осталось. Все, что он сумел придумать, не сработало. Он повис на конце веревки, и внизу была только пропасть.

И все это время пред его мысленным взором неотступно стояло тело в открытом гробу. Он видел, он слышал, он осязал, но не мог собрать все части увиденного в осмысленную картину. Сам себе он казался мертвецом. Зачем ходить, есть, пить, притворяться? Что толку в этом подражании живым? Ему хотелось только темноты, тишины и покоя — вечного покоя пустоты. Он перешел уже предел, за которым не существовало ни боли, ни горя, ни печали — только безмолвная, бездумная, слепая агония, не отпускавшая его ни на минуту, не позволявшая вздохнуть полной грудью. Он напрягал все силы, чтобы отвергнуть истину, не позволить ей существовать, но ничего не получалось, и это удушало его.

Ветер, слетевший с гор, взвихрил его волосы; он этого не заметил, не отводя глаз от пропасти в тысячу футов, открывающейся почти прямо под ногами.

Кому он теперь нужен такой? Он подвел Зедда. Он отдал Шоте Меч Истины за безделку. Никки считает его сумасшедшим. Даже Кара не верит ему — не верит по-настоящему. Он сам верил себе, и сам выкопал не ее — свою могилу.

Скорее всего, Никки права, и он действительно безумен. Все правы, а он способен лишь на выдумки. Он читал это в глазах тех,

кто подходил к нему — читал по выражению брезгливой жалости, так чудилось ему.

Ричард всматривался в каменную кладку наружной стены замка. Ряды обтесанных блоков переходили в крутой срез стены нерукотворной — монолитного склона горы. До каменистой осыпи и верхушек леса внизу сразу не долетишь. Тысяча футов... Порывы ветра, бьющие о стену, норовили сбить его с ног. В голове мутилось. Ну что ж, один головокружительный прыжок, и...

Разве нужен он теперь хоть кому-нибудь — даже себе самому?

Он исподтишка взглянул на Кару. Она стояла близко, но не слишком.

Ричард не видел причин продлевать агонию. Он лишился рассудка, а рассудок для него означал жизнь.

Он лишился Кэлен. Она была его жизнью.

А между тем все в один голос уверяли, что она и не жила никогда. Его Кэлен была желанием, капризом, не более того. А та, жившая когда-то, упокоилась в красивом гробу.

Он снова посмотрел на пропасть, на склон горы напротив, на камни и деревья внизу. Лететь будет долго, очень долго.

Ему когда-то говорили, будто бы перед человеком в минуту смерти проносится вся его жизнь. Если так, он заново проживет все чудесные дни и часы, проведенные с Кэлен.

Он надеялся, что так будет.

Долгий путь вниз.

Время вспомнить все слова, улыбки, взгляды, полные любви.

Глава 50

Никки открыла дубовую дверцу, скрепленную железными скобами, и яркий солнечный свет ударил ей в лицо. Пухлые белые облачка проплывали словно прямо над головой по сверкающей лазури неба, и в обычные дни у нее сразу же улучшилось бы настроение. Свежий ветер игриво раздул ее волосы и бросил спутанные пряди на лицо. Откинув их, она посмотрела на узкий мостик, ведущий к дальнему участку защитной стены. Ричард стоял на другом конце

мостика, между двумя зубцами, и смотрел вниз. Кара, стоявшая в трех шагах от него, повернула голову, заслышав скрип двери.

Никки почти бегом помчалась по мостику, стараясь не глядеть вниз, на дворы, перечеркнутые тенью от мостика — садик у основания башни, засаженный розами, каменные скамьи, сходящиеся углом внутренние стены. Добравшись наконец до цели, она была вознаграждена мимолетной, слабой улыбкой Ричарда. Она знала, что для него это — лишь дань вежливости, и все же ей стало тепло.

— Рикка сообщила, что кто-то приближается к замку. Я решила, что нужно предупредить.

Кара, подошла ближе:

— Рикка знает, кто это?

Никки покачала головой.

— К сожалению, нет, и это меня сильно беспокоит.

Не пошевелившись, не оторвав глаз от дальних гор, Ричард сказал:

— Это Энн и Натан.

Брови Никки изумленно взлетели. Она перегнулась через парапет и присмотрелась. Ричард указал на три фигурки, движущиеся далеко внизу по извилистой дороге к замку.

— Там три всадника, — сказала Никки.

— Возможно, их сопровождает Том, — безразлично уточнил Ричард.

Никки высунулась еще немного дальше, держась за Ричарда, и окинула взглядом отвесный склон. Ей стало страшно и как-то сразу расхотелось и смотреть, и даже стоять на этом месте. И Ричарду тут нечего торчать!

Держась за его плечо, Никки все-таки выглянула еще раз и убедилась, что три лошади действительно поднимаются к крепости. Они ненадолго исчезли за деревьями при очередном повороте и снова выехали на залитую солнцем дорогу немного выше.

Порыв ветра чуть не сдул ее с маленькой площадки. Ричард тут же обхватил ее рукой. Она инстинктивно отпрянула от края, и как только перешла на безопасное место, он отпустил ее.

— И ты отсюда точно видишь, что это Энн и Натан? — спросила она.

— Да.

Никки не испытывала горячего желания вновь встретиться со своей бывшей аббатисой. Сделавшись сестрой Света, она прожила почти всю жизнь во Дворце Пророков и досыта наобщалась как с другими сестрами, так и с их предводительницей. Аббатиса отчасти заменила ей мать, как и другим сестрам — но лишь в том смысле, что Никки постоянно чувствовала над собою надзор старшей особы, всегда готовой отчитать за любую оплошность и прочесть нотацию на тему о том, что они не должны огорчать ее и удвоить свои старания помочь всем страждущим.

В детстве мать Никки бдительно следила за дочерью, и как только змея эгоизма поднимал свою уродливую голову, немедленно наносила удар — особенно она предпочитала пощечины. Аббатиса обращалась с Никки точно так же, хотя и приправляла наставления доброй улыбкой. Пощечина или поучение — все они равно напоминали ей о подчиненном, несвободном положении, и красивое название ничего не меняло.

А вот с Натаном Ралом дело другое. Она не знала пророка близко. Некоторые сестры (и особенно послушницы) тряслись при одном упоминании его имени. Если верить дворцовым пересудам, он был не просто опасен, но и безумен. Это наводило на невеселые сопоставления с нынешним состоянием Ричарда — если, конечно, то было правдой.

Пророка держали взаперти почти всю жизнь. Сестры заботились о нем — но в первую очередь их заботило, чтобы он не сбежал. Жители города Танимуры, где располагался Дворец, одновременно и уважали, и боялись пророка — боялись его предсказаний. Горожане поговаривали шепотом, что умение предсказывать будущее несомненно означает служение злу. Особые способности всегда вызывают раздражение толпы, особенно если эти способности трудно использовать для собственной выгоды.

Никки не слишком беспокоили слухи и сплетни о Натане. Она имела опыт общения с действительно опасными людьми — из них последним в списке, хотя и первым среди служителей зла, стоял Джегань.

— Давайте лучше спустимся туда, — предложила Никки Ричарду и Каре. Ричард даже не пошевельнулся.

— Идите, если хотите. — Ему явно было все равно, кто и зачем мог бы прибыть сюда. Мысленно он унесся куда-то далеко и хотел только остаться наедине с собою.

Никки отбросила прядь волос с лица и настойчиво продолжала:

— Не кажется ли тебе, что ты должен узнать, зачем они приехали? Подумай, ведь им пришлось преодолеть долгий путь. Вряд ли они просто вздумали привезти нам деревенского молочка и пирожков.

Ричард повел плечом, никак не откликнувшись на ее попытку пошутить.

— Зедд может принять их сам.

Никки так недоставало света, прежде блестевшего в глазах Ричарда! Она была на грани срыва, сдержанность изменяла ей. Оглянувшись на морд-сит, она сказала тихо, но с неприкрытой властностью:

— Кара, почему бы тебе не сходить немного прогуляться? Будь так добра!

Кара, удивленная таким необычным прямым распоряжением, исходящим от Никки, вопросительно взглянула на Ричарда, все еще стоящего на краю стены, потом заговорщически кивнула и пошла по мостику к двери. Подождав, пока Кара отойдет подальше, Никки снова обратилась к Ричарду, но совсем в ином тоне — прямо и резко.

— Ричард, пора тебе прекратить это.

Он смотрел на горы и не отвечал. Никки знала, что не может допустить неудачи в этом разговоре, она должна высказаться и заставить услышать себя. Она была готова почти на все, чтобы Ричард заметил ее и оценил — но завоевывать его таким путем ей не хотелось. Она не хотела быть заместительницей трупа — или грезы, не способной стать реальностью. Если им вообще суждено было сблизиться, это могло случиться лишь по его желанию и выбору, а не потому, что ничего лучшего не нашлось. Когда-то она могла бы согласиться и на такие условия — но не теперь. Сейчас она куда больше уважала себя, и все это — тоже благодаря Ричарду.

К тому же теперь Ричард был не тем, кого она знала и любила. Но даже если он никогда ей не достанется, она не могла позволить ему утонуть в черном омуте, куда он угодил. Возможно, она только и сможет, что подтолкнуть его к спасительному берегу, к жизни? Значит, именно это она и сделает. Даже если для этого придется играть роль противницы. Главное — остановить его падение по спирали во тьму.

Она положила руку на каменный зубец так, что Ричард больше не мог не замечать ее, и сказала еще более вызывающе:

— Ты не намерен больше отстаивать то, во что веришь?

— Пусть отстаивает кто хочет. Без меня, — он ничуть не обиделся, голос звучал безжизненно.

— Я не о том. — Никки схватила его за руку и нежно, но решительно развернула, отвлекая от вида пропасти, заставляя посмотреть на нее. — Ты не намерен больше отстаивать самого себя?

Он взглянул на нее, но не ответил.

— И все потому, что Зедд тебя отругал!

— Тебе не кажется, что разрытая могила тоже могла немножко повлиять?

— Может, ты так и думаешь — но не я. С чего бы это? Тебя и раньше потрясали, доводили до отчаяния разные вещи. Когда я схватила тебя и увела в Древний мир, как ты повел себя? Ты сумел настоять на своих убеждениях и действовал, как считал нужным — в пределах, заданных мною. Оставаясь самим собой, ты менял других людей — например, моя жизнь полностью переменилась. Ты открыл мне истинный ее смысл. Совсем недавно ты вырвался из когтей смерти. Ни я, ни Кара, ни кто-то другой не поверил истинности твоих воспоминаний о Кэлен— но и это не остановило тебя. Ты продолжал спорить, противореча всему, что тебе внушали...

— То, что я увидел в гробу — довод намного более убедительный, чем все ваши уговоры.

— Разве? Я бы так не сказала. Мы увидели скелет. И что же?

— Этого мало? — На лице его отразилась досада. — Ты в своем уме? Как это «и что же»?

— Я вовсе не собираюсь подыскивать доводы в твою пользу, потому что не разделяю твое мнение — но не хочу переубеждать

тебя одними словами. Я охотно воспользовалась бы подлинными, твердо установленными сведениями, а не хлипкими доводами.

— Я тебя не понимаю...

— Послушай, у той женщины в гробу было лицо Кэлен? Ты видел его? Нет, никакого лица ты не видел, потому что его там не осталось. Череп — без глаз, без носа, без губ. Скелет, одетый в платье Матери-Исповедницы. И что же? Я бывала во дворце Исповедниц и видела там много таких платьев. И тебе достаточно было прочесть имя на парчовой ленте, чтобы в чем-то убедиться? Достаточно, чтобы бросить поиски, отказаться от убеждения? Сколько бы мы с Карой ни урезонивали тебя, сколько бы ни спорили, ты держался — а тут вдруг от этого ничтожного кусочка ткани уверовал в свое безумие? Как интересно! Лежит скелет, держит ленту с вышитым на ней именем, и на этом конец мечтаниям, мы правы, а ты не прав? А тебе не показалось, что лента там положена весьма кстати?

Ричард нахмурился

— К чему ты ведешь?

— По-моему, все дело в тебе самом. Я, как и раньше, уверена, что ты заблуждаешься насчет своих воспоминаний — но не верю, что тот Ричард, которого я знала, способен сдаться из-за подобного пустяка. Пусть Зедд не верит тебе, как и мы с Карой, — это тут тоже ни при чем!

— Ладно, а что при чем?

— Ты боялся, что тело в гробу окажется телом твоей Кэлен, и поверил в это после того, как дед выразил недовольство тобою.

Ричард попытался было отвернуться, но Никки схватила его за рубашку и заставила смотреть себе в лицо:

— Вот как я понимаю, что произошло, — сказала она с яростной решительностью. — Ты скис из-за того, что уважаемый тобою дед счел тебя виноватым и сказал, что ты его разочаровал.

— Я, видимо, и впрямь разочаровал его.

— Ну и что?

— Ну и что? — смущенно переспросил Ричард.

— Какая тебе разница, нравится или не нравится кому-то твое настроение? У человека, уважаемого тобою, могут быть свои мнения,

пусть он думает, что ты поступил глупо — но стоит ли из-за этого отказываться от себя? Ты — свободный человек. Ты поступал согласно своим мнениям. Ты действовал не бездумно.

— Но ведь я...

— Что ты? Огорчил его? Рассердил? Он, видите ли, лучше думал о тебе, а теперь разочарован? И отныне он будет тебя презирать? Да, такое может быть. Хотя Зедд, если помнишь, быстро опомнился и по-своему просил прощения у тебя. Он просто вспыльчив, а ты...

Ричард сглотнул, не желая признавать ее правоту. Никки взяла его лицо в ладони и заставила посмотреть себе в глаза.

— Ричард, ты не обязан жить в соответствии с чьими-то ожиданиями.

Он заморгал — и, похоже, просто не нашел слов для ответа.

— Это твоя жизнь, — настойчиво повторила она. — Ведь ты же сам учил меня этому! Ты вел себя, как считал нужным. Ведь не отказался же ты от предложения Шоты оттого, что Кара была против? Нет! А если бы я сказала, что не нужно отдавать меч Шоте, ты бы передумал? Да хоть бы и обе мы твердили, что ты глупец — ведь все равно сделал бы по-своему, правда? И мы вынуждены были бы согласиться. Одно дело — выслушать мнения окружающих, другое — подчиниться им. Ты не дрогнул, принимая решение, ты действовал. Все причины и основания своих действий знает лишь тот, кто действует. А объясниться можно и потом. Правильно я говорю?

— М-м-м... да.

— А если «да», то к чему тебе суждение Зедда? Он не прошел с тобою весь путь, не пережил и не наблюдал всего, что досталось тебе. Конечно, было бы чудесно, если бы он поверил в тебя, поддержал, сказал «молодец, Ричард» — но так не сложилось. Стоит ли на этом основании считать неправым свое решение? Или нет?

— Нет...

— Тогда незачем впадать в отчаяние по этому поводу. Любящие люди порой ожидают от нас особых свершений, и иногда их ожидания завышены и не соотносятся с реальностью. Перед тобой стояла задача, ты искал способы ее решить, будучи в чем-то

уверен и что-то зная. Да хоть бы и весь мир тебе не верил, но ты чувствуешь свою правоту — действуй, ищи, доказывай, не оглядываясь ни на толпу, ни на близких людей!

В его серых глазах блеснул слабый отсвет прежнего огня.

— Означает ли это, что ты мне поверила, Никки?

Она печально покачала головой.

— Нет, Ричард. Я по-прежнему считаю твои фантазии о Кэлен следствием ранения. Я думаю, что ты увидел ее во сне.

— И могилу тоже?

— Хочешь правду? — Он кивнул, и Никки выдохнула: — Я полагаю, что в могиле похоронена настоящая Мать-Исповедница, Кэлен Амнелл.

— Понятно...

Никки снова не дала ему отвернуться.

— Но это не означает, что я считаю себя правой. Мое мнение основано на других вещах — на том, что знаю я. Но находка в гробу не доказывает на самом деле ничего. Мне случалось ошибаться в жизни и раньше. Перед неопровержимыми свидетельствами я склонялась. А ты готов идти на поводу у тех, кто тебе не верит? Почему?

— Очень трудно жить, когда никто тебе не верит.

— Трудно, разумеется, ну и что? От этого другие не становятся правыми, а ты — виноватым.

— Но когда все вокруг твердят, что ты не прав, поневоле закрадываются сомнения...

— Да, порой жизнь бывает нелегкой. Но в прошлом сомнения всегда заставляли тебя тем настойчивее докапываться до истины: ведь твердое сознание правоты дает силы сражаться. На этот раз тебе выпало особенно тяжелое испытание: ты был уверен, что ничего не найдешь под могильным камнем, но нашел тело Матери-Исповедницы, а тут еще дед неожиданно напустился на тебя. Ужас, обида, одиночество, все сразу — этого ты уже выдержать не смог. Последняя соломинка переломила твою способность сопротивляться. Любому человеку случается дойти до предела выносливости и сдаться — даже тебе, Ричард Рал. Ты смертен, и тебе положены пределы, как и всем живущим на земле. Но с этим нужно справиться и двигаться

дальше. Ты дал себе поблажку, расслабился, но теперь пора вновь взять жизнь в свои руки.

Он задумался, слова Никки явно задели его. Какое счастье — вновь видеть его разум пробудившимся! Она видела, правда, что он еще колеблется. Очень не хотелось, чтобы Ричард, поднявшись, снова ускользнул в омут уныния.

— Наверняка и прежде не все люди верили тебе, — сказала она. — Может, и эта твоя Кэлен когда-то не верила? Живой человек обязательно должен иногда с чем-то не соглашаться, сомневаться, спорить. И если такое было, то ты, наверняка, настаивал на своем, даже если она считала тебя глупым или малость свихнувшимся. Да, еще припомни, Ричард, — и я уже не в первый раз называю тебя сумасшедшим!

Любовь подсказала Никки верные слова: Ричард, впервые за долгое время, улыбнулся, обдумывая ответ, а потом лицо его украсила широкая усмешка:

— А ведь и впрямь Кэлен, бывало, не верила мне!

— Но ты ее не слушался, верно?

Ричард, улыбаясь, кивнул.

— Ну, тогда не стоит из-за недоразумения с дедом портить себе всю жизнь!

Он поднял руку, но тут же бессильно уронил ее.

— Но все же я....

— Ты поддался слабости, хотя Зедд взъярился, даже не задумавшись над словами, сказанными тебе Шотой.

Он внезапно насторожился, и глаза его прищурились:

— На что ты намекаешь?

— Ведь Шота отдала тебе за Меч Истины сведения, помогающие отыскать истину! И, в частности, она сказала: «То, что ты ищешь, давно погребено!» Но и это не все. Кара передала Зедду и мне все, что сказала Шота. Очевидно, самым важным из того, что она открыла тебе, были первые слова — она даже полагала, что их достаточно: «Огненная Цепь». Так?

Ричард кивнул, ожидая продолжения.

— Она сказала также, что ты должен найти место с костями в Глубокой Пустоте. И наконец, Шота предупредила, чтобы ты

опасался змеи о четырех головах. Что такое эта Огненная Цепь? А Глубокая Пустота? Что означает «змея о четырех головах»? За эти сведения ты заплатил дорого, Ричард. И как ты ими распорядился? Приехал сюда, спросил Зедда, он сказал, что ничего не знает, а потом еще и рассердился на тебя. Значит, теперь ты выкинешь все, что с таким трудом добыл — из-за того, что старик даже не представляет, насколько дорога тебе Кэлен, не знает, какие испытания ты вытерпел за последние два года, и потому обозвал тебя глупцом? Ты решил поселиться здесь и сделаться его комнатной собачкой? Хочешь разучиться думать и предоставить ему думать за себя?

— Конечно, нет!

— Когда мы решили раскопать могилу, Зедду это не нравилось, и он сердился с самого начала. Мы, наверное, и вообразить не можем, как трудно было ему добыть у Шоты Меч Истины. Нельзя было ожидать, что он скажет: «О да, хорошо придумано, Ричард, отдай ей меч; просто отлично!» Он возлагал много надежд на этот меч, и потому твоя сделка показалась ему глупостью. Так он видит эти обстоятельства. Он может быть и прав, и не прав. Но ты счел возможным пожертвовать чем-то, доверенным только тебе и дорогим, ради более важного и ценного приобретения. Для тебя уговор представлялся справедливым. Кара сказала, что поначалу ты даже думал, что Шота обводит тебя вокруг пальца — но потом поверил, что она рассудила справедливо. Правильно Кара изложила это?

Ричард кивнул.

— Что сама Шота говорила про этот уговор?

Ричард посмотрел на вздымающиеся к небу башни за спиною Никки, припоминая.

— Шота сказала примерно следующее: «Ты хотел от меня знаний, чтобы они помогли тебе раскрыть истину. Вот тебе нужные слова: „Огненная Цепь". Может, ты не понимаешь сейчас, но поймешь позже — это справедливый обмен. Это и есть те ответы, которых ты добивался. Ты Искатель — во всяком случае, был Искателем. И тебе придется отыскать скрытое значение моих ответов».

— И ты поверил ей?

— Да, поверил, — помедлив, ответил Ричард и опустил глаза. Когда он снова взглянул на нее, искра жизни заблестела в них. — И сейчас верю тоже.

— Тогда ты должен сказать мне, и Каре, и своему деду: если вы не намерены помогать, оставьте меня в покое и дайте мне самому разобраться!

Он улыбнулся, хотя и немного грустно:

— Ты удивительная женщина, Никки! Убеждаешь меня продолжить борьбу, не веря в правомерность моей цели.

Он наклонился к ней и поцеловал в щеку.

— Я честно хотела бы верить, Ричард... ради тебя, честно...

— Знаю. Спасибо, друг мой. Я говорю «друг», потому что лишь настоящий друг может больше беспокоиться о моем благополучии, чем о своей правоте. — Он провел ладонью по ее щеке и пальцем стер слезинку. — Ты сделала для меня даже больше, чем сама предполагаешь, Никки. Спасибо тебе!

У Никки голова шла кругом от радости и от досады разом: ведь они не продвинулись вперед, а только вернулись к прежнему противостоянию. И все-таки радость преобладала, и ей хотелось обнять Ричарда. Однако она позволила себе только взяться обеими руками за его широкую ладонь.

— Ну, а теперь, — сказал он, — пожалуй, стоит пойти навстречу Энн и Натану, а потом постараемся узнать, какую роль во всех наших бедах играет эта Огненная Цепь. Ты мне поможешь?

Никки улыбнулась и кивнула, не в силах говорить, и наконец, отбросив постылую сдержанность, обняла его и крепко к нему прижалась.

Глава 51

Выражение, возникшее на лице Энн, когда Никки, отворив большую дверь, вошла в зал, не поддавалось описанию. Никки расхохоталась бы, не будь она так вымотана разговором с Ричардом.

Никки знала, что пророк очень стар, — но он никоим образом не выглядел дряхлым. Высокий и широкоплечий, с белоснежными

волосами, спадающими на плечи, он, казалось, мог бы гнуть железо, даже не прибегая к волшебству. Хищный взгляд ярко-синих глаз одновременно и пугал, и притягивал — взгляд настоящего Рала.

Энн уставилась на пришелицу округленными глазами:

— Сестра Никки...

Аббатиса не добавила: «Как я рада тебя видеть» или что-нибудь столь же сердечное. Она, похоже, на мгновение лишилась своей находчивости. Никки без всякого злорадства отметила, что сейчас эта приземистая женщина, стоящая рядом с высоченным пророком, не кажется ей такой большой, как когда-то во Дворце Пророков. Послушницы и сестры зачастую месяцами не сталкивались с аббатисой. Эта невидимость, как догадывалась Никки, добавляла к ее образу мифический ореол.

— Госпожа аббатиса, вы прекрасно выглядите — особенно если вспомнить, что вы погибли от несчастного случая и были похоронены, — Никки оглянулась на Ричарда и добавила: — Я слыхала, будто все поверили в вашу смерть. Поразительно, насколько убедительны были похороны — однако вот вы, перед нами, живая и здоровая... во всяком случае, с виду!

Слабая улыбка Ричарда убедила ее, что он уловил намек. Зедд, стоявший в сторонке, у ступеней, ведущих к фонтану в углублении посреди зала, с любопытством взглянул на Никки и нахмурился. Намек не ускользнул и от него.

— Увы, дитя мое, к несчастью, это было необходимо, — помрачнела Энн. — Все из-за сестер Тьмы, пробравшихся в ряды сестер Света. — Она посмотрела на Ричарда, Кару и Зедда, и лицо ее смягчилось. — Судя по тому, в каком обществе я тебя нахожу, сестра Никки, ты вернулась на стезю истины. Не могу выразить словами, до чего это радует меня лично! Думаю, сам Создатель приложил руку к спасению твоей души!

Никки заложила руки за спину.

— Создатель здесь совершенно ни при чем. Надо полагать, все те годы, что меня принуждали служить всем, кому вздумалось попользоваться моей кровью и потом, Создатель был ужасно занят. Очевидно, и впоследствии его покой нельзя было тревожить,

когда благочестивые люди использовали меня и поучали, что мой долг — служить им, покоряться им и пресмыкаться перед ними, убивать тех, кто противится воле Создателя. И уж точно всякий раз, когда поборники Создателя меня насиловали, ирония ситуации не доходила до Создателя.

Она перевела дыхание.

— С меня хватит! Ричард показал мне, как хорошо быть свободной. И сестры Никки больше не существует — ни от Света, ни от Тьмы. Нет больше также ни госпожи Смерть, ни королевы рабов. Есть просто Никки, к вашему сведению — понравится это вам или нет.

На лице Энн выражение недоумения быстро сменилось негодованием. Щеки ее вспыхнули сердитым румянцем:

— Но став однажды сестрой, ты остаешься ею навсегда! Если ты чудесным образом сумела отринуть Владетеля, значит, ты снова сестра Света. Нам не дано самим решать, можно ли забыть о долге перед Создателем...

— Если Он возражает, пусть даст нам об этом знать сию минуту! — в запальчивости выкрикнула Никки. Энн побагровела. В зале стало так тихо, что плеск воды в фонтане показался громким. Никки с преувеличенным вниманием осмотрелась по сторонам, словно ожидала, что Создатель прячется где-то за колоннами и вот-вот выскочит, чтобы объявить свою волю.

— Ответа нет? — Никки сложила руки на груди и презрительно улыбнулась. — Ну, раз так, если Он не возражает, я буду просто Никки. Договорились?

— Я не позволю...

— Довольно, Энн, — сказал Натан низким, властным голосом. — У нас есть дела поважнее. Отнюдь не за тем предприняли мы такой долгий путь, чтобы похороненная аббатиса поучала перековавшуюся сестру Тьмы!

Никки несколько удивило, что это разумное предложение высказал тот, кого считали безумным. Мелькнула мысль, что прежде она слишком доверяла досужей болтовне.

Энн скривила губы и, поправив прядь, выбившуюся из тяжелого узла на затылке, признала сокрушенно:

— Боюсь, ты прав. Я немножко забыла, где нахожусь, со всеми этими треволнениями... Пожалуйста, прости мои неуместные упреки, дорогая Никки!

Никки склонила голову:

— С большой радостью, аббатиса.

«На этот раз Энн намного искреннее», — подумала она.

— И я теперь — просто Энн. Аббатисой теперь служит Верна. Я же умерла, не забывай!

Никки улыбнулась:

— Конечно, Энн. Мудрый выбор. Верна... Сестра Цецилия всегда говорила: «эту особу на сторону Владетеля не переманишь!»

— Когда-нибудь, когда у нас будет больше времени, я позволю себе роскошь послушать подробнее про сестру Цецилию и других бывших наставниц Ричарда. — Энн вздохнула, вспоминая. — А я ведь так и не нашла доказательств, что они, все пятеро, были сестрами Тьмы...

Никки кивнула:

— Я с удовольствием расскажу вам все, что знаю про них — про тех, кто еще остался в живых, потому что Лилиана и Мерисса умерли.

— Как поживает моя сестренка, Том? — спросил Ричард, воспользовавшись паузой в разговоре. Никки сообразила, что он слушает уже долго и теперь хочет перейти к более насущным вопросам.

— Она живет хорошо, лорд Рал, — сказал рослый светловолосый парень, стоящий у дверей.

— Отлично! В таком случае, что происходит, Натан? — встревоженно спросил Ричард, сразу переходя к сути дела. — Что заставило вас сняться с места?

— Разное... но прежде всего некоторые осложнения с предсказаниями.

Ричард явно успокоился.

— Ах, вот оно что. Ну, в этом я вам не помощник.

— Может, да, а может, и нет, — загадочно сказал Натан.

Зедд сошел с красного с золотом ковра и приблизился к ним.

— Позволь мне угадать! Вы приехали из-за того, что в книгах предсказаний появились пробелы.

Никки пришлось мысленно повторить слова Зедда, чтобы убедиться, что она правильно расслышала.

Натан кивнул:

— Ты попал в самую точку.

— Как в книгах могли появиться пробелы? — внезапно насторожился Ричард. — Какие пробелы?

— Значительной части пророчеств — я имею в виду пророчества, записанные в книгах — просто не стало на тех страницах, где они прежде были. — Натан приподнял брови, подчеркивая важность сказанного. — Мы просмотрели ряд книг у себя, потом связались с Верной, и она подтвердила, что в дворцовой библиотеке Д'Хары происходят такие же необъяснимые исчезновения. Случай неслыханный, и мы очень обеспокоены. И прибыли мы, в частности, затем, чтобы выяснить, в порядке ли книги пророчеств здесь, в замке.

— Увы, нет, — сказал Зедд. — Наши книги пострадали точно так же.

Натан растер рукою усталое лицо.

— Духи милостивые, — пробормотал он. — А мы так надеялись, что та неведомая причина, которая уничтожает пророчества, ваших хранилищ не затронула...

— Вы утверждаете, что недостает больших отрывков пророчеств? — спросил Ричард, шагнув на середину зала.

— Именно так, — подтвердил Натан.

— Есть ли что-то общее между пропавшими отрывками? — продолжал Ричард, явно стремясь перевести разговор в сторону, близкую к его собственным поискам пропавшей женщины. Никки должно было рассердить или расстроить его упорное цепляние за личную боль, но сегодня она порадовалась, что Ричард вновь стал самим собою.

— О да, общие черты наблюдаются. Все это — пророчества, касающиеся событий, связанных с годом твоего рождения или около него.

Ричард уставился на него в недоумении:

— Но каких предметов касаются эти пророчества, скажи точнее? То есть связаны ли они с конкретными событиями или просто касаются одного и того же времени?

Натан задумался, поглаживая подбородок.

— Вот тут-то и кроется самое странное. Многие из недостающих пророчеств мы прежде знали отлично и должны были бы помнить наизусть — но в памяти у нас внезапно образуются такие же пробелы, как на страницах, стоит лишь подумать о них. Мы забыли все до единого слова. Мы не помним даже, чего они касались — а поскольку в книгах их тоже не осталось, то я не могу ответить тебе, связаны ли они были с определенным событием или с каким-то отрезком времени. Мы осознаем, что пророчества пропали, вот и все!

Ричард посмотрел на Никки — видимо, желая убедиться, что она уловила сходство с его случаем. Она ответила утверждающим взглядом. Его голос остался спокойным, но Никки знала, какой жгучий интерес стоит за его вопросами.

— Очень странно! Отчего бы это вдруг знания, давным-давно вами усвоенные, исчезли из вашей памяти?

— И впрямь странно, — согласился Натан. — Есть какие-нибудь соображения на этот счет, Зедд?

Зедд, молча, внимательно наблюдавший за Ричардом, кивнул.

— Пожалуй, я знаю причину этого явления.

Он невинно улыбнулся. Никки заметила, что Рикка, стоящая в тени за колоннами красного камня, тоже улыбнулась. Натан, поначалу ошеломленный, опомнился и выказал признаки живейшего любопытства.

Ричард тихонько потянул Зедда за рукав:

— Ты действительно это знаешь?

— Да-да, скажи, если знаешь! — попросил Натан, отодвигая Ричарда, и подошел к старому волшебнику вплотную. Энн засеменила за ним. — Что это? Что происходит? Говори же!

— Боюсь, что это пророческий червь.

Натан и Энн заморгали, явно не понимая, о чем он говорит.

— Что-что? — наконец вымолвил Натан осторожно, даже слегка подозрительно.

— Исчезновение текста вызывается пророческим червем. Если кто-то внесет эту заразу в точку развилки предсказаний, она распространяется по всей ветви последствий и стирает ее содержание.

Поскольку при этом уничтожается и исходное пророчество, со временем все его проявления, хоть письменные, хоть устные, запечатленные в памяти, разрушаются. Очень опасная штука. — Зедд оглядел потрясенные лица присутствующих с еще более вежливой улыбкой. — Если желаете, могу показать соответствующий трактат.

— Конечно, желаю! — живо сказал Натан.

— Зедд, это очень важно! — воскликнул Ричард. — Почему ты мне прежде ничего не сказал?

Зедд по-родственному похлопал его по плечу, собираясь удалиться:

— Видишь ли, мой мальчик, когда ты сюда прибыл, ты не был настроен прислушиваться к чему бы то ни было, кроме того, что тебя особенно занимало. Помнишь? Ты так настойчиво твердил, что попал в беду и хочешь поговорить со мною! Ну, а потом ты вообще не был расположен к разговорам. Ты был слишком... рассеян.

— К сожалению, ты прав. — Ричард ухватил деда за руку. — Зедд, погоди, я должен кое-что сказать тебе обо всем этом деле, и о той ночи тоже.

— Говори, мой мальчик, я весь внимание!

— Я знаю, что противоречий не существует.

— Да неужели? А я-то думал, ты и не слыхал о таком правиле, Ричард!

— Но дело не в этом. К тому, что происходило там, у могилы, нужно приложить не то правило! Тебе в тот момент могло так показаться, но я ошибся в применении другого правила — того, которое утверждает, что человека можно заставить поверить в ложь, *если он боится, что это правда*. — Ричард выделил голосом последние слова. — Вот именно это я и сделал. Я не в противоречие верил, а в ложь, именно потому, что очень боялся, как бы она не оказалась правдой. А правило о противоречиях я должен был применить, чтобы проверить свои предположения. Я этого не сделал, и в этом моя ошибка! Я понимаю теперь, как это должно было выглядеть в твоих глазах — ведь ты не знал всего, что случилось, но я не должен был прекращать поиски истины лишь из-за нежелания огорчить тебя или из боязни, что ты плохо обо мне подумаешь.

Ричард коротко взглянул на Никки и добавил:

— Никки помогла мне увидеть, что именно я делал неправильно. Я думаю, ты хотел мне дать понять, что правило это приложимо и к более широкому кругу понятий. Оно означает, что не может быть ценностей или целей, противоречащих друг другу. Например, ты не можешь объявлять честность великой ценностью и в то же время кому-то лгать. Ты не можешь поставить своей целью справедливость, но позволить виновным оставаться безнаказанными. В этом суть нашей борьбы и объяснение зловредности Имперского Ордена. Они объявляют человеколюбие своей высшей целью. Но, беззаветно заботясь об одних людях, они приносят в жертву других и убеждают тех, кому предстоит пролить кровь, что это их моральный долг. А кроется за этим лишь разнузданный грабеж, жажда наслаждений, обуявшая шайку воров и убийц, равнодушных к судьбе жертв. При таком противоречии между целью мнимой и настоящей ничего не получается, кроме страданий и смерти. Нельзя стремиться к жизни, используя смерть как орудие! Но согласно этому правилу, я не могу, подобно адептам Джеганя, говорить, что ищу истину — и тут же безоговорочно поверить в ложь, хотя бы даже и из страха. Именно здесь кроется нарушение твоего правила. Я должен был выделить все имеющиеся видимые противоречия и, разбирая их, увидеть истину, глядящую мне прямо в лицо. В этом я подвел самого себя.

— Ты подразумеваешь, что уже не веришь, будто в могиле лежит Кэлен Амнелл? — спросил Зедд.

— Откуда известно, что тело в гробу принадлежало ей? Ничто из увиденного мною не противоречило моему убеждению, что это не она. А поверил я тебе из страха, что ты прав. Но ты не был прав!

Зедд глубоко вздохнул и медленно выдохнул:

— Слишком тонко натянуто, Ричард!

— Разве? Тебе бы не слишком понравилось, если бы я вполне разумно стал доказывать, что пророчеств вообще не существует, указав на книги с пустыми страницами и уверяя, что твое убеждение в их существовании неверно, да? Но если ты, глядя на пустые книги, сохранишь уверенность в существовании пророчеств, это не будет противоречием, а просто сложной задачей с отсутствием

достаточного количества данных. Нельзя выносить окончательное решение раньше, чем ты получишь все нужные данные и тщательно их исследуешь! Какой был бы из меня Искатель, если бы я так поступал? Ведь Искателем в конечном счете человек становится благодаря определенному складу ума, а не благодаря мечу. Меч — это лишь орудие, ты сам объяснял мне это когда-то.

— Что касается Кэлен, — добавил он чуть тише, — здесь все еще остается много вопросов без ответа, и я не могу с уверенностью утверждать, что именно мы видели той дождливой ночью. Пока дело так или иначе не прояснится, я намерен продолжать поиски ответов — поиски истины. Потому что уверен: происходит нечто чрезвычайно опасное для всех нас, хотя, кроме меня, этого никто не осознает. Необходимость найти женщину, нуждающуюся в моей помощи — это лишь одна сторона многогранной задачи.

Зедд улыбнулся, как добрый дедушка:

— Весьма разумно, Ричард, весьма. Но я жду доказательств. Я не собираюсь принимать твои слова на веру.

Ричард строптиво склонил голову набок.

— Для начала, полагаю, тебе следует признать, что весьма подозрительно исчезновение как раз тех пророчеств, которые вращаются вокруг меня и Кэлен. Память о ней совершенно исчезла. Исчезли даже пророчества, в которых она упоминается. То есть вполне реальные сущности разного рода — женщина и пророчества, о ней трактующие, — кем-то старательно стерты. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Теперь, когда для Никки главным стало возвращение Ричарда к жизни, сила его убежденности снова повлияла на нее, и ей даже показалось, что в его словах действительно кроется некий странный смысл.

— Да, мой мальчик, я понимаю. Но ты не видишь некого противоречия в своих рассуждениях.

— А именно?

— Мы все помним, кто ты такой, верно? А между тем предсказания, относящиеся к тебе, пропали. Получается, что между стиранием пророчеств и поисками доказательств существования Кэлен Амнелл нет никакой связи!

— Почему? — спросил Ричард.

Зедд прошелся вверх по ступеням.

— Это кроется в природе находок, которые я сделал, пока исследовал проблему стирания пророчеств в книгах. Я ведь тоже, знаешь ли, не лишен любознательности!

— Да знаю я это, Зедд. Но можно найти взаимосвязь... — настойчиво сказал Ричард, догоняя деда.

Никки поспешила за ним. Остальным пришлось последовать ее примеру.

— Тебе может так казаться, малыш — но твои рассуждения ошибочны, потому что отнюдь не все факты укладываются в них. Ты пытаешься натянуть сапоги, с виду красивые, но тесные. — Зедд похлопал Ричарда по плечу. — Когда мы придем в библиотеку, я объясню, что имею в виду.

— А кто такая Кэлен? — спросил Натан на ходу.

— Женщина, которая исчезла, и я ее ищу, — не оборачиваясь, сказал Ричард. — Но обязательно найду!

Ричард остановился и оглянулся на Энн и Натана.

— Знает ли кто-то из вас, что такое Огненная Цепь? — Они оба отрицательно покачали головами. — А как насчет змеи о четырех головах или места под названием Глубокая Пустота?

— К сожалению, я не знаю, Ричард, — сказала Энн. — Но у нас впереди серьезный разговор с тобою об очень важных вещах.

— Сперва посмотрим обещанный Зеддом трактат, — напомнил Натан.

— Ну так не отставайте! — буркнул Зедд и зашагал дальше, шелестя подолом своей простой длинной мантии.

Глава 52

Ричард стоял рядом с Зеддом среди обитой бархатом библиотечной мебели, глядя через костлявое плечо деда, как тот перелистывает толстую книгу в переплете из потертой, потрескавшейся кожи. Помещение довольно скудно освещалось рядом серебристых ламп с отражателями, прикрепленных со всех четырех сторон

к пяти массивным опорам красного дерева, разделяющим библиотеку на две части. Опоры поддерживали балкон, идущий вдоль всего помещения. Между опорами стояли тяжелые столы из темного полированного дерева, к каждому из них было приставлено по несколько стульев. Роскошные ковры с искусно вытканными узорами мягко пружинили под ногами и заглушали шаги. Торцом к длинным стенам с каждой стороны стояли рядами стеллажи, набитые книгами. Наверху, на балконе теснились шкафы, тоже полностью забитые разнообразными томами.

Сквозь единственное окно в самом конце комнаты пробивался голубоватый столп солнечных лучей. Он высвечивал пылинки, плавающие в душном воздухе. Недавно зажженные лампы добавляли к нему запах свежего масла. В библиотеке было тихо, как в склепе.

Кара и Рикка держались в сторонке, под окном, сложив руки и переговариваясь вполголоса. Никки стояла рядом с Зеддом по одну сторону стола, освещенного прямоугольником солнечного света, а Энн и Натан в нетерпеливом ожидании пристроились с другой стороны, готовые услышать от Зедда объяснение, как пропадают пророчества. За пределами этого островка света все было погружено в сумрачный полусвет.

— Эта книга была составлена, как я думаю, вскоре после окончания великой войны, — сообщил Зедд, постучав по заглавию, выведенному на обложке: «Отношения Непрерывности и Предсказания Действенности». — Люди, наделенные даром, обнаружили в то время, что по неизвестным причинам рождается все меньше и меньше волшебников — да и те, кто рождались, не владели обеими сторонами дара, как почти всегда бывало прежде. Более того, чаще всего рождались волшебники, умеющие управлять лишь Магией Приращения. Магия Ущерба постепенно исчезала.

Энн сердито взглянула на него исподлобья:

— Перед тобою не послушница и мальчишка-недоучка, старик! Мы все это знаем. Мы провели жизнь, занимаясь именно этой задачей. Переходи к сути!

Зедд прокашлялся.

— Ну что ж, прекрасно, значит, вы знаете также, что рождалось все меньше пророков.

— Потрясающее откровение! — съехидничала Энн. — Я бы сама ни за что не додумалась!

Натан раздраженно приструнил ее.

— Продолжай, Зедд.

Зедд поддернул рукава и бросил сердитый взгляд на Энн.

— Так вот, люди осознали, что с уменьшением числа волшебников, способных пророчествовать, корпус пророческих текстов, естественно, перестанет расти. Для того, чтобы понять, к каким последствиям это может привести, они решили исследовать в целом весь вопрос о пророчествах, пока еще была возможность, пока имелись пророки и волшебники, владеющие обеими сторонами дара. Они подошли к исследованию с великой серьезностью — осознавая, что, быть может, это последняя возможность человечества определить будущее пророчеств как таковых. Они пытались обеспечить грядущим поколениям понимание этой тонкой материи — которой, как предчувствовали тогдашние волшебники, грозило искажение или даже полное исчезновение.

Зедд бросил взгляд на Энн, проверяя, не намерена ли она снова вставить пренебрежительный комментарий. Но она смолчала: видимо, про это она ничего не знала.

— Ну, а теперь, — торжественно произнес старый волшебник, — посмотрим, что они сотворили.

Слушая Зедда, Ричард подвинулся ближе к Никки и стал пальцем перелистывать страницы. Он быстро обнаружил, что книга написана столь заумным научным языком, со всеми тонкостями не только магических, но и пророческих терминов, что он почти ничего не мог разобрать. С тем же успехом он мог бы читать сочинение на неизвестном ему языке.

Совершенно неожиданно в книге оказалось много сложных математических формул. Были там и схемы движения светил с отметками углов склонения. Ричарду еще не приходилось видеть в книге по магии такие уравнения, астрономические наблюдения и расчеты — впрочем, он не так уж много видел подобных книг. Тут же ему вспомнилось, что в «Книге Сочтенных Теней» имелся ряд цифр, означающих угловые высоты стояния солнца и звезд, необходимые для открытия шкатулок Одена в правильном порядке.

Но еще больше формул было нацарапано на полях, разными почерками, как будто читатели проверяли правильность написанного в книге — а может быть, добавляли новые выводы. В одном месте несколько цифр на сложной таблице были вычеркнуты, и от них стрелочки вели к новым цифрам, указанным на полях. Зедд то и дело останавливал Ричарда, чтобы привлечь внимание слушателей к тому или иному уравнению и объяснить символы, применяемые для вычислений.

Натан, словно пес, увидевший вкусную косточку, водил синими глазами по страницам по мере того, как Ричард медленно переворачивал их, безуспешно пытаясь уразуметь хоть что-то. Тем временем Зедд все бубнил и бубнил о наложенных переходных развилках и тройных дуплексах, связанных с сопряженными корнями в зависимости от прецессии, а также последовательных, пропорциональных, двоичных и прочих инверсиях, скрывающих ущербные раздвоения, каковые можно вскрыть лишь при помощи формул, основанных на левовращательных операциях Ущерба...

Натан и Энн уставились на трактат, не моргая. Один раз Натан даже ахнул. Энн мало-помалу бледнела. Никки — и та слушала с необычным для нее вниманием.

У Ричарда поток непостижимых понятий вызвал головокружение. Он терпеть не мог это ощущение беспомощного барахтания в море невразумительных слов, когда едва хватает духу держать голову над темными водами полного конфуза. Дар речи он временно потерял.

Зедд то и дело называл какие-то цифры и номера уравнений из книги. Натан и Энн вели себя так, словно он вот-вот назовет им не только способ, каким свет придет к концу существования, но и точный час сего события.

— Зедд, — взмолился наконец Ричард, прерывая деда на середине фразы, конца которой не предвиделось, — а ты не можешь сварить из этой крупы кашу, чтобы и я мог проглотить?

Разинув рот, Зедд посмотрел на Ричарда, потом подтолкнул книгу через стол к Натану.

— Пожалуй, тебе лучше почитать это про себя.

Натан осторожно подобрал книгу, словно из нее мог выпрыгнуть лично сам Владетель.

Зедд повернулся к Ричарду.

— Постараюсь выразиться попроще, чтобы до тебя дошло — хотя это будет ужасное упрощение. Представь себе пророчество в виде дерева с корнями и ветвями. Подобно дереву, пророчество постоянно растет. Эти неизвестные нам волшебники утверждают, что рост дерева протекает так, словно оно живое. Конечно, они не имели в виду, что оно на самом деле живое, учти — но в некоторых смыслах оно подражает отдельным признакам живого существа, хотя и не воспроизводит их. На этом свойстве пророчеств они построили свою теорию и произвели расчеты — примерно так, как ты можешь по определенным приметам установить возраст и состояние дерева и на этом основании судить о его будущем.

Он немного помолчал, давая внуку время на осмысление сказанного.

— В былые времена, когда имелось множество пророков и волшебников, количество книг о предсказаниях со всеми их разветвлениями быстро росло, — продолжил Зедд. — Соответственно, при таком большом вкладе разных пророков у пророчеств имелась тучная почва для роста и надежные глубокие корни. Новые пророки добавляли свои видения к прежним, собранным в книгах; непрерывно создавались новые развилки, новые ветви с течением времени становились толстыми и крепкими. Соответственно, пророки постоянно изучали, наблюдали и толковали события, что позволяло им определить жизнеспособные отростки и отсекать отмершие. Но когда рождающихся пророков стало мало, и с каждым годом численность их сокращалась, стало некому трудиться в этой отрасли. Потому рост дерева предсказаний стал замедляться. Чтобы тебе было понятнее, скажу, что дерево достигло зрелости. Тогдашние волшебники знали, что, подобно какому-нибудь дубу, патриарху лесов, это древо предсказаний простоит, красуясь, еще долгие годы — но они также знали, что его ждет потом.

Зедд вздохнул.

— Как и все на свете, предсказание не может жить вечно. Время идет, предсказанные события случаются, и предсказания

устаревают. В конце концов настанет момент, когда все предсказанное сбудется. Другими словами, если не будут появляться новые пророчества, все те ветви, которые окажутся истинными, принесут свои плоды — и станут не нужны. Посему мудрецы, изучавшие эту задачу, установили, что без притока новых пророчеств, питающего древо, оно постепенно умрет. Их целью и назначением этой книги, именуемой «Отношения Непрерывности и Предсказания Действенности», была попытка определить, как и когда это должно случиться. Лучшие умы размышляли над загадкой, принимая меры к поддержанию долговечности древа пророчеств. Используя известные формулы и предсказания, основанные как на подсчете уменьшения потока пророчеств, так и на определении падения численности пророков, которые должны поддерживать его, они выяснили, как именно будет нарастать количество ложных и отживших ветвей и как будут изменяться те ветви, которые еще действенны. Эти люди предсказали, что после того, как древо состарится и настоящие пророки перестанут отсекать отмершие части кроны, оно станет чувствительно к... ну, скажем, к болезням, к гниению, как и всякое старое дерево в лесу. А эта дряхлость, как они выяснили, приведет ко многим осложнениям, и со временем они будут нарастать. Наиболее вероятной болезнью они считали некую порчу древа пророчеств, вызванную чем-то, похожим на червя-вредителя. Они считали, что эта порча будет поражать и разрушать еще живые части древа предсказаний — то есть те, которые будут существовать и действовать в момент появления этой заразы, этого червя. Они так и назвали ее — пророческий червь...

В библиотеке наступила гнетущая тишина.

Заложив руки в карманы, Ричард пожал плечами:

— Предположим, это так. Каковы же способы лечения?

Удивленный вопросом, Зедд уставился на Ричарда, будто тот пожелал узнать, как лечат гром или молнию.

— Лечения? Ричард, знатоки, написавшие эту книгу, предсказали, что лечения как такового быть не может вообще. Если только не начнут рождаться новые пророки, древо пророчеств загниет и умрет. Еще точнее, они полагали, что с приходом нового

поколения пророков будет заложено семя нового, здорового древа. Ведь так и заведено, чтобы старые деревья уступали место молодым. Соответственно, согласно мнению этих высокоученых волшебников древности, и новое древо когда-то отомрет.

Ричарду уже приходилось успешно одолевать многие сложности, вызванные предсказаниями — но мрачное настроение волшебников, стоявших вокруг стола, было заразно. Выглядело так, словно из спальни только что вышел целитель и объявил, что престарелый родственник вот-вот скончается.

Он подумал обо всех поколениях наделенных даром пророков, преданных своему призванию: всю жизнь они трудились над созданием великого древа, — а оно увядает и скоро умрет. Вспомнилось, каково ему было, когда сломали статую, которую он сам сделал... Еще он подумал, что в каждом таком случае он улавливает дыхание смерти, и это напоминает о его собственной смертности... и о том, что Кэлен тоже смертна.

Но, с другой стороны, исчезновение пророчеств может оказаться к лучшему. Если люди больше не будут связаны пророчествами, заранее определяющими, что с ними станется — быть может, они начнут думать сами и сами решать, как им жить? Сбросить оковы предопределенности и взять собственную судьбу в руки... Может, тогда люди поймут, как полезно пользоваться разумом, а не ждать бездумно, сложив руки, когда сбудется предсказанное?

— Судя по тому, что открыли мы с Энн, — сказал Натан, нарушив застоявшуюся тишину библиотеки, — исчезает именно та ветвь пророчеств, которая описывает период примерно от рождения Ричарда. Это вполне понятно, поскольку живой человек своими действиями питает живую ткань пророчества, а именно ею, в свою очередь, питается червь. Но мне удалось определить, что эта ветвь еще не вся пропала. Она отмирает, но от самого основания, и потому дальнейшие ответвления пока целы. Я нашел несколько совсем нетронутых.

— Правильно, — кивнул Зедд. — Должны сохраняться те части, которые касаются настоящего времени и особенно будущего. Похоже, что эта напасть коснулась ветвей, зародившихся два или три десятилетия назад, а до будущих событий не добралась.

— Вот почему целы ветви пророчеств, относящиеся непосредственно к тебе, — сказал пророк, обращаясь к Ричарду и взмахивая рукой. — Но как только они исчезнут, мы забудем и их содержание, и их огромную важность...

По угрюмому лицу Натана и полной серьезности Энн Ричард понял, что они наконец добрались до сути дела, приведшего их сюда.

— Вот почему мы прибыли к тебе, Ричард Рал, — веско сказала Энн. — Прибыли, пка еще не поздно. Нас привело пророчество, предрекающее самые серьезные испытания, какие постигали нас со времен великой войны.

Ричард нахмурился — ему очень не хотелось попадать в новую беду из-за очередного пророчества.

— И что же оно предвещает?

Натан вытащил из кармана древнюю книжицу, раскрыл и, держа ее обеими руками, уставился на Ричарда жестким взглядом, удостоверяясь, что тот готов слушать внимательно. Убедившись в общем внимании, он начал:

— «В год явления цикад, когда сеятель смерти и страданий, поднявший знамя добра и света...»

Пророк оторвался от книги и взглянул поверх нее на присутствующих из-под своих кустистых бровей:

— Это, как вы понимаете, прямое указание на императора Джеганя. Итак: «...поднявший знамя добра и света, наконец, разделит свой рой, то будет знаком, что пророчество пробудилось и близится последняя, решающая битва. Будьте осторожны, ибо все истинные развилки и производные от них сцеплены в этом корне. Лишь один ствол произрастает из этого спаянного истока. Если *fuer grissa ost drauka* не возглавит последнюю битву, тогда мир, уже стоящий на грани тьмы, падет пред властью ужасной тени».

— Духи милостивые! — прошептал Зедд. — *Fuer grissa ost drauka*... Это ведь прямая связь с пророчеством, на котором основана главная развилка! Такая связь вызывает сопряженное ветвление!

— Совершенно верно, — согласился Натан, шевеля бровями.

Ричард не совсем понял, что сказал Зедд, но общий смысл уловил. И ему не нужно было спрашивать, кто такой *fuer grissa ost drauka*, «несущий смерть»: это — он сам.

— Джегань разделил свои силы, — сказала Энн с нажимом, не сводя глаз с Ричарда. — Он довел свое войско до окрестностей Эйдиндрила, надеясь сразу покончить с ним, — но силы Д'Хары вместе с жителями города, воспользовавшись наступлением зимы, ушли через перевалы на земли Д'Хары и так ускользнули из когтей Джеганя.

— Я знаю, — сказал Ричард. — Уход через перевалы предложила Кэлен, и они послушались ее распоряжений. Она сама рассказала мне об этом.

Кара удивленно посмотрела на него, явно собираясь оспорить сказанное, — но, уловив взгляд Никки, решила промолчать... по крайней мере, сейчас.

— В любом случае, — сказала Энн, раздраженная его вмешательством, — Джегань, не имея возможности использовать в полной мере свои многочисленные войска, чтобы пробиться через эти крепко защищенные, очень узкие перевалы, решил наконец разделить свои силы. Одну часть император оставил стеречь перевалы, а сам повел остальное войско на юг, намереваясь пройти по Срединным Землям, обойти горную преграду и затем кружным путем добраться до Д'Хары. Наши силы отправились навстречу ему по землям Д'Хары. Поэтому нам и удалось получить от Верны известие, в каком состоянии книги пророчеств в Народном Дворце Д'Хары: отправившись на юг вместе с армией, она смогла заглянуть туда и посмотреть сама.

— Цикады появились в этом году, — встревоженно сказала Никки. — Я сама их видела.

— Да, мы тоже, — Натан оперся рукою о стол и по очереди посмотрел на каждого из собеседников. — Это означает, что пророчество привязано именно к нашему времени. Все предсказания переплелись и улеглись на свои места. События начались. — Встретив ответные взгляды, он добавил: — Конец близок.

Зедд тихонько присвистнул.

— Еще более важно то, — сказала Энн тоном приказа, — что для лорда Рала это означает необходимость отправиться в Д'Хару, возглавить войска и повести на решающую битву. Без тебя, Ричард, все будет потеряно — в этом пророчество не вызывает

сомнений. Мы готовы сопровождать тебя, помочь добраться до своего войска. Малейшее промедление опасно, мы должны ехать немедленно.

Впервые на протяжении всего разговора о пророчествах Ричарду стало нехорошо.

— Но я не могу, — сказал он. — Я должен найти Кэлен.

С тем же успехом он мог бы просить утихнуть штормовой ветер...

Энн глубоко вздохнула, как бы прикусив язык в поисках срочно необходимого терпения или слов, которые могли бы окончательно убедить его раз и навсегда. Две морд-сит переглянулись. Зедд, поджав тонкие губы, ждал продолжения. Натан, сильно огорченный, бросил книгу на стол и потер лоб ладонью.

Ричард не знал, как заговорить, чтобы они наконец сумели правильно определить, что действительно серьезно сейчас, а что нет. С того самого утра, когда Кэлен пропала, он доказывал всем крайнюю необходимость отыскать ее, и никто даже не вздумал прислушаться, вникнуть в его доводы. Ему больше не хотелось растрачивать силы на бесплодные попытки новых объяснений.

— Ты что-то сказал? — якобы не расслышав, спросила Энн. Ее неудовольствие вскипало, как похлебка в котле. В эту минуту она снова стала прежней аббатисой — приземистой женщиной, которая ухитрялась казаться выше всех.

— Я должен найти Кэлен, — повторил Ричард.

— Что ты несешь! У нас просто нет времени на всю эту чепуху! — Энн одним махом уничтожила все его желания, интересы и нужды, не желая даже слышать ни о чем, хотя он мог бы привести ей важные и разумные обоснования. — Мы приехали, чтобы немедленно доставить тебя в расположение д'харианской армии. Тебя там ждут. Все зависит от тебя. Настало время возглавить силы Света, потому что момент решающей битвы надвигается устрашающе быстро!

— Не могу, — сказал Ричард тихо, но твердо.

— Этого требует пророчество! — выкрикнула Энн.

Ричард отметил, что Энн изменилась. Все они немного изменились после исчезновения Кэлен, но у Энн эти изменения проявились заметнее. Когда она в прошлый раз явилась с той же целью — потребовать, чтобы Ричард отправился с нею на войну, —

Кэлен бросила дорожный журнал Энн в огонь и заявила бывшей аббатисе, что не пророчество подгоняет события, а сама Энн пытается заставить людей следовать пророчеству в попытке доказать его истинность. Кэлен показала Энн, как та, обладая властью аббатисы, стала служанкой пророчества — и невольно способствовала тому, что мир оказался на грани краха. Слова Кэлен заставили Энн опомниться, разобраться в собственной душе, и она стала более вразумляемой.

Но теперь, вместе с памятью о Кэлен, ушло и все, что с нею связано. Энн, как и все остальные, вернулась к прежнему состоянию, не испытавшему влияния Кэлен. Ричарду иногда становилось больно от попыток припомнить, к кому и как относилась Кэлен, что именно забыли все, кто ее знал, и учитывать это в разговорах с людьми. Кое с кем ему даже стало легче общаться — например, с Шотой: та, утратив память о Кэлен, забыла и то, как обещала Ричарду убить его, если он вновь придет в Предел Агаден. А с другими, вроде Энн, становилось еще труднее.

— Кэлен бросила твой дорожный журнал в огонь, — напомнил ей Ричард. — Она, как и я, была уже сыта по горло твоими попытками управлять моей жизнью!

Энн нахмурилась.

— Это я сама случайно уронила журнал в огонь!

Ричард вздохнул.

— Разумеется. — Спорить ему не хотелось, ничего хорошего все равно не вышло бы.

— Ричард, — сказал Натан более мягко и доброжелательно, — речь идет не о пустяке. Ты был отмечен пророчеством с рождения. Мир докатился до края, дальше начинается тьма. В твоих руках средство, позволяющее предупредить наступление этой долгой и страшной ночи. Именно тебя пророчества называют спасителем нашего дела — того дела, в которое веришь и ты сам. Ты должен исполнить свой долг. А иначе нас всех ждет падение.

Ричарду было уже тошно от гонки за вчерашним днем. Его бесила невозможность разобраться в путанице разнородных явлений. Он чувствовал, что постоянно на шаг отстает от событий в мире и на два — от судьбы Кэлен. Люди, искренне любящие и

уважающие его, тем не менее упрямо считали, будто лучше знают, что правильно, а что нет. Они считали себя вправе учить его, наставлять — забывая о его врожденном особом даре, забывая, что он уже не прежний простой паренек из глухих лесов, и не только по титулу зовется лордом, а научился многому, пережив столько трудностей, справившись с такими тяжелыми задачами... При том они даже не осознавали, что ими руководят не только любовь к нему, но также излишняя самоуверенность и высокомерие. Возможно, он отчасти сам был виноват в том, что к нему так относились, упорно не желая отказываться от простых повадок прежнего Ричарда-проводника, не воздвигая преград между собою и теми, кто, по сути, стоял ниже его. А теперь ему доказывали, что пророчество все решило за него. Но он так не считал!

Ему следовало выяснить, что случилось с Кэлен. Ему нужно было найти Кэлен. Шум, поднятый вокруг пророчества, ему осточертел. Сейчас, по сути, всякий, кто не понимал его и не хотел помогать, мешал ему заняться самым важным делом.

— Я не обязан жить согласно чьим-то ожиданиям! — сказал он Энн и подобрал книжку, принесенную Натаном.

Энн и Натан непонимающе уставились на него.

Никки ободряюще погладила его по спине. Она не хотела, чтобы он бесславно проиграл. Она пришла, как настоящий друг, как раз когда он отчаянно нуждался в душевной поддержке.

Только от Кэлен он мог бы ожидать такого участия.

Ричард быстро пролистал пустые страницы натановой книги. Ему было любопытно, не найдется ли там еще что-то, чего ему не сказали, чтобы создать нужное впечатление. А может, какие-то намеки прояснят и общую картину?

И ведь что-то действительно происходило. Объяснения Зедда насчет пророческого червя было вполне приемлемо — но Ричард отнесся к нему настороженно. Причина исчезновения текстов из книг пророчеств оказывалась как раз такой, какую все ожидали. Очень удобная причина и, хуже того, удачное совпадение.

Совпадения всегда вызывали у Ричарда недоверие.

Никки верно подметила: уж больно удобно лежала лента с именем Кэлен поверх останков, похороненных на кладбище близ

дворца Исповедниц... Как будто нарочно для извещения тому, кто вздумает раскопать могилу!

После ряда пустых страниц Ричард нашел запись, которую зачитывал Натан, и внимательно прочел ее. Кое-что в этом отрывке озадачило Ричарда. Во-первых, упоминание о цикадах. Почему вдруг такое ничтожное создание привлекло внимание пророка? Тем более странно их появление в пророчестве, вроде бы признанном самым важным за последние три тысячи лет. Возможно, этой действительно просто ключ для определения времени, — но, судя по тому, что ему приходилось слышать от знатоков, обычно такие ключи пророков не интересовали, и потому их предсказания всегда с трудом привязывались к реальному времени.

Ричарда смутило и то, что в предсказании, столь непохожем на то, которое он когда-то прочел во Дворце Пророков, его также называют на древне-д'харианском наречии: «*fuer grissa ost drauka*». Недаром Зедд утверждает, что это совпадение весьма важно.

Но в том предсказании, где Ричард назывался «*fuer grissa ost drauka*», была другая, не менее важная связь — со шкатулками Одена.

В старом пророчестве, где Ричард именовался «несущим смерть», слово «*смерть*» соотносилось, в зависимости от того, как его использовали, с тремя разными понятиями: с потусторонним миром, с духами мертвых и, наконец, с причинением смерти, то есть убийством. И все эти значения так или иначе смыкались.

Второе и третье значение объединялись, когда он пользовался Мечом Истины. Но первое значение относилось к шкатулкам Одена.

В контексте нового пророчества третье значение казалось очевидным: он должен возглавить войско и убить врага. Соответственно, определение «*fuer grissa ost drauka*» имело конкретный смысл. Опять-таки все очень удобно сходилось.

Все эти удобные объяснения и совпадения только подстегнули подозрительность Ричарда. Он чуял, что тут есть какая-то связь с похищением Кэлен.

Он перелистнул назад пару страниц, предшествующих этому тексту. Они были пусты.

— Я вижу тут кое-что странное, — сказал он, подняв голову и натолкнувшись на четыре пары ждущих глаз.

— И что бы это могло быть? — сплетая пальцы, спросила Энн тем же тоном, каким разговаривала бы с неопытным и невежественным юнцом, недавно привезенным во Дворец Пророков для того, чтобы научиться использовать свой дар.

— Смотрите, тут вокруг пусто. Все белое.

Натан утомленно прикрыл глаза рукой, а Энн, в ярости от того, что ее планы встретили сопротивление, вскинула руки:

— Разумеется! Все, что было здесь, и еще многое другое, исчезло! Об этом-то мы тут долго толковали. Отсюда же следует и чрезвычайная важность уцелевшего отрывка!

— Но, не зная, из какого окружения извлечен отрывок, мы не можем судить о его подлинной важности! Любые сведения нужно воспринимать в контексте!

В отличие от разозленной Энн и Натана, Зедд слегка улыбнулся: внук усвоил и запомнил давным-давно преподанные ему уроки.

Натан потряс головой, но все-таки поинтересовался:

— Какое отношение это имеет к пророчеству?

— Предположим, ему мог предшествовать уточняющий текст, или сразу после него шло какое-нибудь отрицание. Откуда нам знать? В книге могло содержаться все, что угодно.

— Мальчик верно говорит, — улыбнулся Зедд.

— Он давно уже не мальчик, — огрызнулась Энн. — Он мужчина и лорд из дома Ралов, глава Д'харианской империи. Именно он собрал все силы Нового мира для борьбы с Имперским Орденом — и, само собой разумеется, возглавить их должен он же. Жизни наши и множества других людей зависят от него!

Ричард снова перелистал книгу и вдруг заметил запись, прежде пропущенную.

— Здесь в другом месте есть еще записи, — сказал он.

— Что? — недоверчиво воскликнул Натан, изогнувшись, чтобы посмотреть. — Здесь больше ничего не было, я уверен!

— Вот тут. — Ричард постучал пальцем по странице. — Здесь написано: «Мы уже идем!» Что бы это могло значить? И почему эти слова не исчезли?

— «Мы уже идем»? — смутился Натан. — Но я не видел этой фразы раньше!

Ричард полистал книгу еще:

— Смотрите! Вот они снова. Те же самые: «Мы уже идем».

— Ну ладно, одну запись я мог и проглядеть, согласен, — сказал Натан, — но две уж точно нет! Ты, наверное, ошибся!

— Нет, посмотрите. — Ричард развернул книгу, показывая ее пророку. Тот начал перелистывать пустые страницы в обратном порядке, пока не остановился на записанной строке: — Вот они снова. Вся страница ими покрыта.

Челюсть у Натана отвисла в немом изумлении. Никки заглянула через плечо Ричарда. Зедд протолкался ближе к нему, чтобы лично убедиться в наличии записей. Даже обе морд-сит подошли посмотреть.

Ричард вернулся к предыдущей странице. Мгновение назад она была пуста — а теперь оказалась исписана сверху донизу одной и той же фразой: «*Мы уже идем*».

— Я следила, как ты переворачивал страницу. — В нежном голосе Никки слышалась нотка беспокойства. — Только что на ней было пусто.

Ричард почувствовал, как покрывается гусиной кожей. Волосы на голове стали дыбом. Вглядевшись в глубокую тень, скопившуюся под лучами света, бьющими из высокого окна, он разглядел там некое темное уплотнение. С запозданием он вспомнил предупреждение Шоты: не нужно было читать пророчество, чтобы зверь, знающий вкус его крови, не мог найти его.

Ричард протянул руку, нащупывая рукоять меча.

Но меча не было.

Глава 53

В темноте, подобно черному кристаллу из раствора, проявилась фигура, вся состоящая из углов, потеков и завихрений самой темноты. С воем, звучащим, как многотысячный вопль мучимых грешников, она двинулась вперед.

Столы на дальнем конце комнаты внезапно стали опрокидываться с ужасным грохотом. Черная живая тень проходила сквозь них, рассыпая тысячи щепок.

Зверь, рожденный из тени, громя все на пути, надвигался на Ричарда.

В душном воздухе библиотеки стоял треск и стон ломаемого дерева.

Кара и Рикка в два прыжка оказались впереди Ричарда, зажав в кулаках свои эйджилы. Он очень хорошо знал, что случится, если тварь наткнется на них. При мысли, что Кара вновь пройдет через ужасное испытание, Ричард взъярился. Не дав им ринуться навстречу темной туше, он схватил обеих девушек за длинные светлые косы и, рыча от гнева, отбросил назад.

— Не вздумайте лезть к нему! — крикнул он обеим морд-сит.

Энн и Натан вскинули руки, направляя на тварь поток магической силы. Библиотеку затянула мерцающая жаркая дымка, словно неподалеку вспыхнул огромный костер. Ричард понимал, что они сейчас сжимают воздух, пытаясь отбросить нападающее чудовище. Но сгусток тени, крутясь и изгибаясь, продолжал свое шествие, не заметив их усилий. Волшебники отступили, стараясь держать определенную дистанцию между собой и нападающим зверем.

Ричард успел пригнуться, и длинная доска — кромка одной из столешниц — со свистом пролетела мимо. Она ударилась об опору балкона и задела лампу. Горящее масло потекло на пол, на старинные ковры, и они загорелись. Серый дым пополз вверх, щекоча ноздри. Застыв неподвижно, все смотрели, как зверь подбирается к Ричарду.

Зедд запустил прямо в середину темной вихрящейся фигуры огненный шар, подобный молнии. Не причинив твари никакого вреда, он угодил в книжные полки на дальней стене. Книги и горящие бумаги разлетелись во все стороны. Клубы пыли и дыма заволокли комнату; от оглушающего разрыва заложило уши. Не переставая выть и визжать, словно сквозь открытую дверь из глубин мира мертвых неслись стоны проклятых, зверь наступал, ломая толстые деревянные опоры. Лампы разлетались в стороны, в серебряных отражателях взблескивали отсветы огня, а длинные

тени протягивались через комнату; зверь вбирал их в себя и становился еще плотнее и темнее.

Ричард понимал, что Энн и Натан применяют весьма мощные магические приемы — но на страшную тварь, хоть она и казалась всего-навсего сгустком теней, они не действовали ничуть. Со скрипом и треском подломилась еще одна опора. Балкон просел на несколько футов и завис, перекошенный. Тварь ударилась о следующую опору, та подалась и треснула пополам. Край балкона опустился еще ниже. Книжные полки поехали под уклон и упали; книги лавиной обрушились вниз, в главный зал библиотеки.

Ричард отступал, не сводя глаз с чудовища, пытаясь посреди всего этого грохота и смятения сообразить, как справиться с бедой. Вдруг кто-то крепко вцепился ему в плечо: Никки с неожиданной силой толкнула его в открытую дверь. Том, стоявший на страже в коридоре, схватил Ричарда за другую руку и помог вытащить из библиотеки. Кара и Рикка помчались за ним, прикрывая отход. Зверь тотчас же повернул к двери, будто привязанный невидимой нитью к Ричарду. Энн, Натан и Зедд втроем призывали неведомые и невидимые Ричарду силы — от их присутствия гудел воздух и накатывали приливы муторных ощущений, таких, что схватывало живот.

Однако ничто не помогало. Тени не были страшны даже сильнейшие чары.

Никки, стоя в дверях, обернулась и подняла кулак, словно грозя надвигающейся твари. Раздался оглушительный взрыв. Все невольно зажмурились и присели. Она послала в зверя заряд силы, одновременно ослепительно яркий и ледяной. Грохот разошелся эхом по всему замку, пол затрясся, из всех углов и щелей поднялась пыль. Убийственное острие вонзилось в чудовище и рассыпалось водопадами искр. Стеллажи с книгами пошатнулись и рухнули один на другой; сотни книг, свитков и связок с бумагами разлетелись, трепеща страницами, довершая картину пандемониума. Казалось, пролился дождь из бумаг.

Заряд, посланный Никки, был так силен, что не только сотряс замок, но и пробил каменную стену, будто картонный лист. Сквозь прорубленную неровную щель внутрь неожиданно хлынули голубоватые лучи солнца, усилив контраст с полутьмой в библиотеке.

Разглядеть мутный клубок теней стало еще труднее — но он двигался неуклонно, целый и невредимый.

Вой твари достиг такой высоты, что пришлось зажимать уши. Казалось, будто выпущенный Никки заряд проник в иной мир и настиг подданных Владетеля в их темном святилище.

Тварь осталась цела, но усилие Никки привлекло ее внимание — чего раньше не удостоились усилия других волшебников.

Никки выбежала из двери и подтолкнула Ричарда. Они побежали по коридору. Ему не хотелось оставлять Зедда в таком положении, но Ричард знал, что тварь гонится за ним, а не за дедом. Наоборот, Зедду будет лучше, если Ричард удалится. Но стоило ли ему самому бежать ради спасения, он не мог решить.

— Не становись у него на пути, — бросил Ричард Тому. — Он разорвет тебя в клочья. И вас обеих это также касается, — добавил он, обернувшись к Каре и Рикке, идущим за ним.

— Мы понимаем, лорд Рал, — сказала Кара.

— Как мы его убьем? — спросил Том, бдительно следивший за тем, что творится сзади, когда они свернули налево и вбежали в соседний зал.

— Никак, — ответила Никки. — Он уже мертвый.

— Ничего себе, — пробормотал парень и, замолчав, стал помогать Никки, Каре и Рикке уводить Ричарда подальше от опасности.

Но Ричард не нуждался в помощи или в подталкивании. Воплей мертвого чудовища хватало, чтобы он бежал изо всех сил.

Вспышки света и гневные возгласы доносились из распахнутой двери — волшебники все еще боролись, пытаясь если не разрушить, то хотя бы удержать нечто, представляющее собою лишь ожившую тень. Ричард знал, что они напрасно тратят силы и время. Зверь был создан при помощи Магии Ущерба, и ни у кого из них не имелось оружия против него. Скорее всего, волшебники уже и сами об этом догадались — но надеялись отвлечь чудовище, чтобы Ричард успел скрыться. До сих пор, насколько он мог судить, такие уловки против твари не помогали. Шота говорила ему и об этом.

Выбрав направление, Ричард свернул направо, в очередной зал с деревянными панелями на стенах. Спутники не отставали от него. Мимо мелькали уютные уголки — кресла, диваны, лампы под

абажурами. Наверное, когда-то здесь было приятно посидеть, поболтать с друзьями...

Снова повернув, они проникли в более широкий коридор с желтоватыми, покрытыми узорной штукатуркой стенами и золотистыми дубовыми полами. Но тут стена впереди них лопнула, посыпались обломки, пыль застлала все вокруг. Ричард едва успел затормозить на скользком полу и помчался обратно, не дожидаясь, пока из белого облака пыли вылезет комок шевелящихся теней. Четверо, подталкивавшие его, оказались впереди. Теперь Ричард бежал последним, и тварь быстро покрывала разделяющее их расстояние.

Там, где она прошла, наверное, не осталось и клочка тени — все, что можно было, тварь вобрала в себя: маленькие угловые тени, широкие полотнища, чернильно-темные пятна, сумеречную муть — и все это, смятое, будто бумажные листки, неизвестно как держалось вместе, шевелилось, наползало одно на другое. Даже от беглого взгляда на это через плечо тошнота подступала к горлу.

И все же чудовище было настолько бесплотно, что свет, падающий из окон зала, просвечивал сквозь него. Увы, там, где им приходилось огибать углы, оно лезло напролом, вгрызаясь в стены, дробя штукатурку, дерево и камень с легкостью быка, ломящегося сквозь кустарник.

Ричард никак не мог придумать, как справиться с тенью, способной крушить скалы, даже не замедляя ход. Он припомнил судьбу людей из отряда Виктора, разорванных на части за считанные мгновения. Видимо, они столкнулись именно с этой тварью в то ужасное утро, когда она впервые вышла на охоту за Ричардом.

Два волшебника и две колдуньи пытались остановить это создание Джеганя без видимого успеха. А ведь Никки не просто колдунья. Она обучена пользоваться Магией Ущерба — это умение было дано ей в обмен на принесенную клятву, о которой Ричард и думать боялся. Но даже это не остановило чудовище, хоть и заставило его как-то отреагировать.

Никки приостановилась и обернулась, глядя на ползущую к ним по анфиладе залов кучу теней. Видимо, она решила дать ей отпор. Но Ричард, добежав до нее, не замедляя ход, ударил ее

локтем в живот, подхватил и понес дальше на плече, будто мешок с зерном.

Никки опомнилась быстро, и пустые залы озарились слепящей вспышкой белого света — она ухитрилась применить магию даже из висячего положения. Пол дрогнул, Ричард едва устоял на ногах. На мгновение все вокруг потемнело, потом свет дня вернулся, а тварь завизжала и заныла — видимо, угощение от Никки ей не пришлось по вкусу. Ричард порадовался этому, не сбавляя ходу.

Никки схватила его за ворот рубашки и попыталась вывернуться:

— Отпусти меня, Ричард! Я сама побегу! Из-за меня ты бежишь медленнее, и зверь догоняет. Лети!

Ричард тут же развернул ее лицом вперед, показывая ей дорогу, опустил на пол и придержал, пока она не стала твердо на ноги.

Теперь Никки бежала рядом с ним, Том, Кара и Рикка — впереди. Они мчались, куда глядели глаза, сворачивая то влево, то вправо, пропуская одни переходы и поднимаясь по другим. Чудовище не отставало. Оно то следовало за ними по залам и коридорам, то возникало из-за угла, проламывая стены в расчете быстрее дотянуться до Ричарда. Он понимал, что тварь, созданная сестрами Тьмы и связанная с миром мертвых, должна обладать особыми способностями, и даже не пытался определить, где предел этих способностей.

На бегу он окликнул обеих морд-сит и Тома:

— Вы трое, бегите прямо! Попытайтесь заманить его за собой!

Оглянувшись, они кивками подтвердили получение приказа.

— Тварь за ними не пойдет, — тихо сказала Никки, наклонившись ближе, насколько позволял быстрый бег.

— Знаю. У меня есть идея. Оставайся со мной — я хочу подняться вон по той лестнице!

Когда троица, бежавшая впереди, проскочила мимо этой лестницы, Ричард взбежал по ступеням. Дальше начинался спуск. На бегу ухватившись за точеный гранитный шар, венчающий столбик перил, он развернулся вокруг него и повернул направо. Никки проделала то же самое, и они вдвоем сломя голову помчались вниз по лестнице. Зверь срезал угол и впечатался в гранитный столб, раздробив его в куски. Обломки ударились о стены и рикошетом

полетели обратно, срезанный гранитный шар, подскакивая на ступенях, скатился вниз. Кара, Рикка и Том, уже успевшие забежать далеко, остановились, скользя по гладкому мраморному полу. Дальше хода не было. Они развернулись и помчались вдогонку за зверем.

Ричард и Никки летели вниз, перепрыгивая разом по две-три ступеньки. Потусторонний вой твари бил им в спины. Казалось, она вот-вот коснется их.

Достигнув нижней площадки лестницы, Ричард свернул направо, в выложенный светлым мрамором проход. Зверь не уместился в нем, задел стену, огромный блок с грохотом обрушился на него, но не задержал. Завидев первую попавшуюся лестницу, Ричард ринулся по ней вниз, миновал три пролета — и оказался в новом проходе, широком, как зал.

По проходу на равных расстояниях были разложены ковры, и это затрудняло бег. Металлические дуги сходились над каждым ковром, служа креплением для стеклянных шаров. Внутри них по очереди зажигался свет, когда Ричард приближался к ним. Он бежал изо всех сил, Никки не отставала, но тень смерти неотступно шла по пятам.

Добравшись до винтовой железной лестницы, Ричард сел боком на перила и съехал на головокружительной скорости в темноту. Никки скатилась за ним, обхватив его за шею одной рукой. Вместе они ринулись вниз, выиграв немножко драгоценного расстояния у преследователя.

Пол у основания лестницы был холодный, выложенный плиткой. Оба они слетели с перил и растянулись на гладких зеленых плитках. Ричард кое-как поднялся на ноги и выдернул из крепления один из светящихся шаров.

— Пошли дальше, скорее! — сказал он.

Никки взяла еще один шар, и они бросились вперед.

Комнаты и проходы мелькали бесконечной чередой. Ричард старался как можно больше рыскать, чтобы сбить с толку чудовище. То и дело им удавалось выиграть несколько футов. Но тварь неизменно сокращала разрыв, особенно в больших залах. В уютных гостиных, обшитых деревянными панелями, кое-где попадались холодные, давным-давно потухшие камины. Тварь, проходя

мимо них, словно высасывала оттуда всю тень, какая там скопилась. Свет от шаров вырывал из темноты то искусно вытканные ковры, то мебель с богатой обивкой. Попадались и шкафы с переплетенными в кожу фолиантами. Ричард случайно налетел на такой шкаф, но сумел удержать равновесие и побежал дальше.

Одолев еще несколько лестниц — то широких, с просторными площадками, то узких, будто бездонная щель, они попали на этажи, украшенные гораздо скуднее. Кое-где стены были просто выложены странными узорами из цветных плиток. Потом беглецы влетели в громадный и пустой зал, весь заставленный рядами приземистых каменных колонн. Света от шаров недоставало, чтобы осветить самые дальние углы. После зала пошли проходы, напоминающие скорее туннели, пробитые в толще скалы.

Часть комнат и залов в этой части замка была прикрыта охранными щитами. Ричард старался проходить через них. Он не хотел, чтобы Кара, Рикка и Том сумели добраться сюда и стали жертвами чудовища. Не хватало еще, чтобы и они разделили судьбу бойцов Виктора! Кара, конечно, ужасно разозлится, когда попадет в ловушку из-за щитов и вынуждена будет остановиться. Он надеялся дожить до момента, когда она примется отчитывать его за это.

Им попалось складское помещение, где хранились строительные материалы: вдоль стен здесь громоздились рогожные мешки и каменные блоки. Ричард узнал породу камня, памятную со времен, когда его принудили работать в Алтур-Ранге на постройке дворца для императора Джеганя. И вот теперь созданный Джеганем зверь охотился за ним.

Из дверей склада они выбежали в длинный коридор с известняковым полом. Гладкие стены, сложенные из больших блоков, поднимались к высокому потолку футов на полтораста, а то и более — получалась своеобразная щель, прорезающая внутренние помещения замка. Двигаясь по дну этого удивительного прохода, Ричард чувствовал себя муравьем.

Он решительно повернул по коридору направо. Стук каблуков загремел, отражаясь эхом от высоких стен. Никки стала отставать — пришлось замедлить скорость. Оба они были на грани полного изнеможения. А тварь неутомимо плыла следом, громко завывая.

Ричард смотрел вперед, но не видел конца коридора, уходящего вдаль. И ведь это — лишь один из множества коридоров. До чего же громадное сооружение воздвигли древние волшебники!

Наконец коридор пересекся с каким-то другим проходом, уводящим налево. Ричард свернул туда и вскоре наткнулся на железную лестницу. Тут пришлось задержаться, чтобы перевести дыхание. Оглянувшись, он заметил клубок тьмы за углом. Подтолкнув Никки вперед, он помчался следом за нею вверх по грохочущей лестнице.

Теперь беглецы очутились в небольшой квадратной комнате, образованной стыком трех коридоров. Ричард поднял повыше светящийся шар и наскоро осмотрел их. Два были пусты и ничем не примечательны. В третьем, ведущем направо, он заметил какое-то мерцание. В свое время он облазил все нижние помещения замка и обнаружил там немало странных мест. Теперь ему было очень нужно попасть в одно из них.

Они с Никки помчались по этому проходу. Как Ричард и предполагал, коридор оказался совсем коротким, потому что служил лишь для соединения того колоссального коридора с комнатой, напоминающей прихожую. Ее стены покрывал мозаичный орнамент из кусочков цветного стекла, искусно подогнанных один к другому. Свет от принесенных беглецами шаров отразился от них тысячами разноцветных бликов и маленьких радуг, заполнившими комнату. Здесь был только один выход — на противоположном конце комнаты.

Ричард, пошатываясь, остановился. Мерцание вызвало у него странное ощущение щекотки, словно от прикосновения паутины. Никки отвернулась и провела по лицу рукой, будто счищая что-то. Он знал, что это ощущение — первый признак того, что дальше двигаться не стоит.

Невысокие колонны из полированного камня с золотыми блестками поддерживали потолок по обе стороны дальнего выхода; между ними был укреплен фриз. Проем за колоннами, выложенный из простого камня, чуть выше роста Ричарда, был почти квадратным и тонул в темноте. Для такого обычного прохода оформление казалось чересчур изысканным и импозантным.

Ричард в общем догадывался, в чем тут дело — и надеялся, что не ошибся.

По мере того, как они приближались к дальнему концу прихожей, вокруг колонн возникло красноватое свечение. Воздух слабо загудел. Волосы Никки вздыбились, как будто рядом ударила молния. Она схватила Ричарда за руку и потянула назад.

— Это щит!

— Знаю, — сказал Ричард и потянул ее за собой вперед.

— Ричард, туда нельзя. Это не простой щит. Здесь использована магия не только Приращения, но и Ущерба. Такие щиты смертельно опасны, особенно этот!

Он оглянулся и увидел, что темная тварь уже появилась в проходе, ведущем к прихожей.

— Знаю. Я уже бывал в таких местах, как это.

Ему оставалось лишь надеяться, что этот щит подобен другим, через которые ему удавалось пройти. Сейчас ему требовался щит такого типа, которым прикрывают наиболее потаенные, важные места. Но если этот окажется слабее или же сильнее прочих... в том и в другом случае их ожидали большие неприятности, только разные.

Единственный свободный выход из прихожей вел назад, где уже готовился к окончательному нападению зверь из тени. Единственное спасение лежало впереди, по ту сторону щита.

— Пойдем. Нам нельзя задерживаться!

Никки тяжело дышала и никак не могла успокоиться.

— Ричард, туда нельзя! Щит разнесет нас на клочки!

— Послушай, я уже проделывал это раньше. Ты умеешь пользоваться Магией Ущерба — значит, тоже пройдешь без труда! — Он уже бежал к выходу. — А если не пойдем туда — считай, мы уже и так умерли. Это наш последний шанс!

Проворчав что-то, она сдалась и побежала за ним сквозь ливень ярких бликов от стеклянной мозаики на стенах.

— Лучше держись ко мне поближе!

Он крепко ухватил ее за руку, беспокоясь, сумеет ли она пройти сквозь щит. Ведь способность пользоваться Магией Ущерба не была у Никки врожденной, а приобретенные знания и умения могли не понравиться щиту. Ричард был не слишком сведущ в науке

волшебства — но знал, что между врожденными и приобретенными способностями есть огромная разница. Однако ему уже приходилось проводить сквозь щиты людей вообще без дара, потому он надеялся, что, если прижмет Никки к себе покрепче, они могут проскочить — естественно, если щит пропустит его самого.

Воздух вокруг них нагрелся, все застлала алая дымка. Не замедляя ход, Ричард ринулся прямо в дверной проем, обняв Никки и почти волоча ее за собою.

Вдруг что-то стиснуло их так, что стало невозможно дышать. Казалось, вот-вот треснут кости. Никки ахнула.

Ричард с великим трудом продвигался вперед. На черте, отмечающей вход в проем между блестящими колоннами, тонкой, как лезвие бритвы, его обдало опаляющим жаром. На мгновение ему показалось, что он совершил ужасную ошибку, что Никки была права и сейчас щит испепелит их обоих, оставив лишь обгорелые косточки.

Но не успел он вскрикнуть от ощущения ожога, как тело его по инерции влетело в коридор за проемом. С изумлением обнаружил он, что не только совершенно жив, цел и невредим, но и проход с этой стороны оказался совсем не таким, как виделся из прихожей. Никаких грубых камней — полированные плиты искрились и серебристо переливались так, что казались объемными. Оглянувшись, он увидел, что тварь уже на полпути к колоннам. Не выпуская руки Никки, Ричард сделал несколько шагов вглубь нового прохода и остановился.

Силы кончились, бежать он больше не мог.

— Ну вот, здесь мы либо избавимся от напасти, либо умрем, — сказал он Никки, пытаясь унять сбитое дыхание.

Глава 54

Зверь обрушился на входной проем с таким гулом, что Ричард приготовился погибнуть под обломками свода. Но тут же черная тень взорвалась, распавшись на тысячи осколков, подобно стеклу или граниту. Пронзительные вопли испуга и боли, подхваченные эхом, разнеслись далеко по подземелью — а в следующее

мгновение щит довершил дело, испустив слепящую алую вспышку. Черные обрывки потерявших форму теней разлетелись по комнате, полной отсветов и бликов от стеклянных мозаик. Тут же они обратились в небывалый, сияющий метеорный дождь, какого и за год не увидишь, вспыхнули ярким пламенем и угасли.

Внезапно стало так тихо, что слышно было учащенное дыхание Ричарда и Никки.

Зверь исчез. Надолго или на мгновение? Неважно. Главное — исчез.

Ричард отпустил руку Никки, и оба они повалились на пол, прислонились к серебристо блестящей стене и замерли в изнеможении.

— Ты искал именно эти щиты, да? — спросила Никки, как только отдышалась.

Ричард кивнул.

— Никакие усилия Зедда, Натана или Энн не помогли справиться со зверем, — пробормотал он. — Твои же попытки, казалось, произвели на него впечатление, пусть даже незначительное. Вот я и подумал, что должно быть какое-то средство против него — не навсегда разделаться, так хоть сегодня прогнать.

Он обвел рукой подземелье.

— Я знаю, что волшебники тех времен, когда строилась эта крепость, хотели пресечь доступ сюда всем посторонним. Между тем наша тварь в некотором смысле тоже принадлежит тем временам — ведь Джегань нашел ее описание в каких-то древних книгах. Поэтому я подумал, что при постановке щитов здесь должны были предусмотреть и появление чего-то подобного. То есть пройти сквозь щиты можно, лишь обладая хотя бы частицей Магии Ущерба. Но у предполагаемого врага также должна была иметься такая частица — а потому следовало настроить щиты так, чтобы различать характер тех, кто пытается пройти, и определять уровень угрозы. Возможно, пока мы метались по замку и проходили через другие щиты, попроще, сюда поступали сведения и о нас, и о том, кто за нами гонится. А когда мы добрались до этих щитов высокого уровня, они уже определили, что от зверя исходит большая угроза, — и остановили его.

Никки отерла пот с лица и пригладила растрепавшиеся волосы.

— Про волшебников древности известно мало достоверного. Но вполне возможно, что древняя угроза уничтожима лишь древними же средствами защиты. — Она вдруг нахмурилась, кое-что сообразив: — Возможно, такие щиты послужат тебе защитой, если зверь возникнет снова?

— Несомненно, — сказал он. — Если только я захочу зарыться здесь и жить как крот.

— А ты вообще знаешь, где мы находимся? — спросила она, оглядевшись.

— Нет, — сказал он, утомленно вздохнув. — Но, полагаю, нам стоит все осмотреть.

Они с трудом поднялись на ноги и, прихватив с собою светящиеся шары, поплелись дальше по проходу. Он оказался коротким и привел их к простой комнатке с каменными оштукатуренными стенами. Штукатурка пересохла и кое-где отвалилась. Комната была не больше пятнадцати шагов в длину и еще меньше в ширину; стена слева от входа была вся заставлена книжными полками. Но, несмотря на немалое число книг, эта комната не походила на те библиотеки, какие во множестве видел Ричард в других местах замка. Во-первых, здешнее собрание книг было слишком невелико. Во-вторых, скудная обстановка не имела и намека на роскошь и уют — ничего, кроме самого необходимого. Кроме полок, в комнате хватило места только для простого стола и деревянной табуретки у стены справа. На столе стояла толстая свеча. В стене, противоположной входу, виднелся открытый проем, а за ним — проход, похожий на тот, которым они пришли.

Ричард заметил, что там стены точно так же отблескивают серебром и поставлен такой же щит. Значит, в отличие от других помещений, прикрытых щитами, каких в замке имелось немало, в эту комнату нельзя было попасть обходным путем, минуя защиту. Либо сквозь щиты, либо никак.

— Смотри, сколько пыли, — сказала Никки. — Похоже, здесь тысячи лет не убирали!

Она была права. В комнате преобладал один цвет — грязно-серый цвет пыли, покрывающей все. У Ричарда похолодело в затылке, когда он понял, почему это так.

— Здесь не только не убирали. Сюда просто никто не приходил за последние пару тысяч лет.

— Неужели?

Он указал на противоположный выход:

— Здесь с обеих сторон стоят щиты, требующие присутствия Магии Ущерба, чтобы кого-то пропустить. Даже Зедд, волшебник первого ранга, не бывал здесь. Он не может проходить сквозь щиты, связанные с Магией Ущерба.

Никки нервно потерла руки.

— А уж тем более сквозь такие, — пробормотала она. — Я всю жизнь имею дело со щитами — но, судя по ощущениям, эти смертельно опасны. Боюсь, что без твоей помощи даже мне было бы трудно пройти через них в первый раз.

Ричард наклонил голову к плечу, чтобы разобрать заглавия, вытисненные на корешках книг, не снимая их с полок. Но на одних не было заглавий, другие были на неизвестных ему языках. Некоторые, совсем тонкие, напоминали дневники или записные книжки. Но кое-что любопытное он обнаружил даже при таком беглом осмотре. Одна маленькая книжка имела заглавие на древнем наречии Д'Хары — «Гендросс», то есть «Противомеры». Рядом с нею, такая же маленькая, стояла «Оденическая Теория». Он вытащил ее, сдул толстый слой пыли — и только тогда сообразил, что слово «оденическая» напоминает об имени «Оден», то есть о шкатулках Одена. Интересно, есть ли между ними какая-то связь?

— Ричард, погляди-ка сюда! — позвала Никки, уже вышедшая из комнаты через другой проем.

Ричард бросил книгу на стол и подошел по проходу к самому щиту.

— Что такое?

— Не знаю. — Ее голос прозвучал глухо, разбудив эхо, и тут Ричард заметил, что алое сияние, вспыхнув, исчезло совсем.

Никки прошла сквозь щит! Ричард на мгновение встревожился, но быстро сообразил, что никаких ужасных последствий это уже не повлекло. Никки — опытная волшебница. После того, как они только что прошли первый щит, она должна была оценить его опасность и определить, доступен ли ей другой такой же. Видимо,

первый щит настроился на нее, и теперь она могла проходить через все такие щиты.

Испытав мгновенный прилив давления и опаляющего жара, он вошел в следующую комнату, точно так же украшенную стеклянными мозаиками. Видимо, оба эти помещения служили своеобразным тамбуром перед маленькой читальней, предназначенным предупреждать об опасности всякого, кто приблизится ко входу. Вероятно, они также были каким-то образом связаны с самими щитами.

В конце второй прихожей виднелась раскрытая железная дверь. Никки стояла возле нее, спиной к Ричарду. Ее пышные золотистые волосы аккуратно лежали на плечах, словно и не было бешеной гонки.

Выйдя следом за нею из двери, Ричард оказался на площадке, огороженной перилами. С нее открывался вид на внутренность круглой башни — не менее ста футов в поперечнике. Сверху падали солнечные лучи, слегка разгоняя сумрак пустого пространства. Стены поднимались на две сотни футов над их головами. Следуя их изгибу, тянулись железные лестницы. Там и сям, без всякого видимого порядка, были разбросаны площадки, ведущие к разным дверям — вроде той, у которой стояли Ричард и Никки. От их площадки до пола башни было недалеко.

В затхлом воздухе стоял запах гнили. По кругу вдоль стены шла галерея с железными перилами. Очевидно, дождь, лившийся из верхних окон, и вода, просочившаяся из горных пород, окружающих башню снаружи, образовали посреди пола огромную и глубокую непросыхающую лужу. Над лужей роились комары и мухи. Какие-то шестиногие твари скользили по глади черной застойной воды.

— Я знаю это место, — неожиданно сказал Ричард, рассмотрев все это.

— Что?

Он пошел по лестнице вниз.

— Да, знаю. Идем!

Спустившись вниз, он прошел по галерее до широкой площадки, которая когда-то вела к высокой двери. Теперь дверной проем

был взорван, и зияющее отверстие сделалось раза в два больше прежнего размера. Торчащие края изломанного камня кое-где покрывала копоть. В других местах камень выглядел так, словно когда-то его расплавили, как свечной воск. По поверхности стены от взорванной дыры во все стороны разбегались змеистые трещины — указывая, куда именно угодил разряд молнии, взломавший стену.

Никки недоуменно осматривалась.

— Что за гроза здесь бушевала?

— Этот проход был запечатан тогда же, когда и Древний мир. Когда я разрушил преграду, отделявшую Древний мир, здесь все взорвалось.

— Но почему? Что там такое?

— Колодец сильфиды.

— Тот самый, в древности служивший для перемещения на большие расстояния? Тот, через который прошел ты сам?

— Именно, — кивнул Ричард и, переступив через осколки камня, прошел внутрь.

Эта комната была круглой, около шестидесяти футов в поперечнике, с купольным потолком. Ее стены тоже были обожжены в разных местах, словно молния бешено носилась по кругу. Выложенная посередине комнаты кольцеобразная стенка чуть ниже человеческого роста образовывала нечто вроде широкого колодца.

В высоту комната была почти такая же, как в ширину. Ни других дверей, ни окон. По другую сторону от колодца — стол и полки на стене. Именно здесь Ричард нашел когда-то останки волшебника, который давным-давно остался замурованным, когда были воздвигнуты барьеры, положившие конец великой войне. Оказавшись в ловушке, этот человек тут и умер. У него достало силы духа вести дневник. Древняя тетрадь теперь хранилась у Бердины, одной из морд-сит. В свое время Ричарду и Бердине удалось перевести этот дневник, и в нем нашлись очень ценные сведения.

В благодарность за эти сведения они назвали неизвестного волшебника Колоблицином, что на древне-д'харианском означает «мудрый советчик». Бердина и Ричард по-дружески называли его между собой просто Коло.

Никки подняла над головой светящийся шар и заглянула в колодец. Гладкие стены уходили на сотни футов вниз, в темноту, куда не доставал свет; колодец казался бездонным.

— И ты действительно усыпил сильфиду?

— Да, с помощью вот этого. — Ричард похлопал по серебряным с кожаной подкладкой браслетам на своих запястьях. — Она сказала, что для нее «сон» означает соединение с ее душой, и потому это — наслаждение.

— И ты таким же способом можешь призвать ее снова? При помощи этих браслетов?

— Да. Но, как и для усыпления, мне придется воспользоваться своим даром. А мне этого не очень-то хочется. Особенно теперь, когда зверь может учуять дар и вернуться. А здесь всего одна дверь, и бежать некуда!

Никки признала его объяснение неоспоримым.

— Ты думаешь, тварь могла бы последовать за нами и в этот колодец, если бы ты призвал сильфиду?

— Я не уверен, — ответил Ричард, немного подумав, — но это кажется мне возможным. Впрочем, даже если зверь сюда и не полезет, ему ничего не стоит появиться в любом месте, где я окажусь. Никакой колодец не понадобится. Судя по тому, что рассказывали ты и Шота, да и по своим наблюдениям, я догадываюсь, что эта тварь способна перемещаться по миру мертвых.

— А другие люди могут пользоваться колодцем?

— Чтобы пройти через сильфиду, нужно одновременно обладать хотя бы частицей дара и той, и другой стороны. Из-за этого возникали большие трудности во времена великой войны, и именно поэтому волшебникам приходилось постоянно стоять здесь на страже — а в конце концов они вынуждены были вообще перекрыть доступ к колодцу из страха, что противник может проникнуть прямо в самое сердце замка. Ну а в наше время мало кто способен пользоваться услугами сильфиды из-за того, что люди, обладающие обеими сторонами дара, крайне редки. Каре не раз доводилось захватывать в плен людей, владевших магией, и однажды она взяла под свой контроль странное существо — не вполне человека, — обладавшее врожденной способностью к Магии

Ущерба. Полученной ею частицы этой магии оказалось достаточно, чтобы Кара смогла воспользоваться сильфидой. И Кэлен это тоже доступно — ведь сила Исповедниц очень древняя, в ней тоже есть частица Магии Ущерба. А больше я не знаю никого — кроме сестер Тьмы. Одна из бывших моих наставниц, Мерисса, проникла в колодец за мною. Думаю, ты тоже сможешь сделать это, если будет нужно. Так примерно я это себе представляю. Но пока пользоваться колодцем опасно: если сильфида пробудится, Джегань может узнать про это и послать сюда своих сестер Тьмы.

— А что случится, если ты владеешь лишь одной стороной магии? — спросила Никки. — Например, если попробует переместиться кто-то вроде Зедда — могущественный, но знающий лишь Магию Приращения?

Ричард протянул руку к рукояти меча, но тут же вспомнил, что его нет. Каждый раз ему становилось больно, когда он вспоминал, что отдал его Шоте — а на самом деле Самюэлю. Сейчас он постарался отрешиться от грызущей тревоги.

— Понимаешь, с помощью сильфиды ты можешь перемещаться на большие расстояния быстро, но не мгновенно. Видимо, время зависит от расстояния — но в любом случае может потребоваться час, два или больше. Вещество в колодце, оно и является сильфидой, похоже на живую ртуть. Для перемещения мы погружаемся в него, им же приходится и дышать. Когда вдохнешь эту серебристую жидкость, она каким-то образом поддерживает твою жизнь. Но если ты не обладаешь обеими сторонами магии, она перестает действовать — и ты умираешь. Очень просто.

На мгновение Ричард задумался: не разбудить ли сильфиду, чтобы спросить у нее, помнит ли она Кэлен, — но вовремя спохватился. Древние волшебники, люди поразительных способностей, создали сильфиду из исключительно умелой и дорогостоящей шлюхи. Она оказалась замешана в политические интриги — что в конце концов стоило ей жизни. Некоторые свойства характера той женщины сохранились и у сильфиды; она никогда не выдавала имена тех, с кем имела дело. Мысли Ричарда обратились к более насущным делам.

— Знаешь, нам лучше уйти отсюда и сообщить Зедду, что с нами все в порядке. Думаю, Кара сейчас так бушует, что ее впору связывать!

Он пошел было к выходу, но Никки остановила его тихим вопросом:

— Ричард, как ты поступишь с Энн и Натаном?

— Что? — Он оглянулся через плечо.

— Им нужно что-то ответить.

Он пожал плечами.

— Отвечать им? Что именно?

— Они привезли важные известия. Ты не можешь оставить их без внимания. Это война, Ричард! Твое время пришло, думаю, ты и сам это понял. Больше нельзя гоняться за мечтой, когда всему доброму и хорошему в мире, мечтам всех остальных людей грозит гибель!

Ричард пристально посмотрел на нее. Никки выдержала его взгляд.

— Ты сама говорила, что найденное нами тело ничего не доказывает.

— Нет, одно все-таки доказывает: ты ошибался насчет того, что мы там найдем. Ты не нашел там доказательств в свою пользу. Возникает вопрос — почему? Почему вышло не так, как ты предвидел? Единственное возможное объяснение я вижу в том, что кто-то поместил тело туда в расчете, что ты его найдешь. Но зачем? Мы уже довольно давно сидим здесь после того, как раскопали могилу. И ты за это время не сделал ровным счетом ничего. Может быть, пора взглянуть на вещи шире? И при таком взгляде ты поймешь, что пророчество вполне ясно определяет ставки в предстоящей игре? Я понимаю, как дорога тебе жизнь этой женщины — если даже предположить, что она существует, — но может ли она одна уравновесить судьбу всех остальных?

Ричард медленно пошел по кругу, ведя пальцем по краю каменной ограды колодца. В последний раз он призывал сильфиду, когда хотел доставить Кэлен к людям Тины, чтобы там сыграть свадьбу...

— Я должен найти ее. — Он снова посмотрел на Никки. — Я — живой человек, а не орудие пророчества.

— Куда ты пойдешь? Что будешь делать дальше? Ты побывал у Шоты, ты пришел сюда, к Зедду. Никто из них ничего не знает про Кэлен, как и про Огненную Цепь и все остальное. Ты исчерпал все идеи, все попытки. Когда же ты вернешься к реальности, если не сейчас?

Ричард потер пальцами лоб. Он ни за что бы в этом не признался — но здесь Никки была права. Он уже не в состоянии придумать какой-нибудь новый ход, не знает, куда податься. И неизвестно, когда сумеет придумать что-то еще. А если блуждать наугад, не имея ни четкого плана действий, ни нужных сведений, из этого не выйдет ничего хорошего ни для Кэлен, ни для него самого.

В комнате стояла мертвая тишина. Колодец сильфиды был пуст, сама она унеслась куда-то на свидание со своей душой. Жива ли еще Кэлен? Он так устал от бесконечных терзаний, от борьбы с друзьями, с самим собой, от сомнений в здравости собственного рассудка!

И в то же время его тяготило чувство вины за то, что он не может, переломив себя, ответить на призыв народа Д'Хары и возглавить его в борьбе. Множество хороших людей, которых он даже не знал, способных любить, как и он, готовились сейчас встретить смертельную угрозу, нашествие Имперского Ордена. А он... Бросить их всех и пуститься в скитания, на вечные поиски Кэлен?

Никки подошла к нему и сказала нежным, сочувственным голосом:

— Ричард, я знаю, тебе трудно выговорить это вслух, но ты должен сказать: все кончено... кончено, и пора двигаться дальше!

Ричард первый отвел взгляд.

— Я не могу этого сделать, Никки. У меня нет никаких объяснений, которые удовлетворили бы всех, но моя душа ни к чему, кроме этого, не лежит. Понимаешь, если б она заболела и умерла, я был бы безутешен — но, уверен, сумел бы заняться другими нужными делами. Сейчас все не так. Представь себе, как будто она упала в некую темную реку, ее уносит течение, она зовет на помощь, и слышу ее только я один, и понимаю, какая ужасная опасность ей угрожает.

— Ричард...

— Неужели ты полагаешь, что я равнодушен к судьбе невинных людей, ждущих прихода орды, готовой убивать и порабощать? Мне отнюдь не все равно, поверь! Не только из-за Кэлен я не могу спать ночами. Хоть бы кто-нибудь из вас попробовал представить себя на моем месте и понять, каково мне приходится! Каково было бы тебе постоянно разрываться между желанием помочь любимому человеку и необходимостью делать то, что все остальные считают правильным?

Ричард перевел дыхание. Его лицо исказила гримаса боли.

— Я просыпаюсь в холодном поту посреди ночи, — взволнованно продолжал он. — Просыпаюсь и вижу перед собой не только лицо Кэлен, но и лица тех людей, которым не дано будет узнать счастья, если никто не остановит Джеганя. Я хочу помочь людям. Но они уверовали, что лишь я один могу помочь им. И как убедить их, что не могут многие миллионы зависеть от одного человека, что все вместе они сильнее, чем я, что нельзя возлагать такую сокрушительную ответственность на меня одного?

Никки подошла еще ближе и мягко провела рукой по его плечу, стараясь утешить.

— Ричард, я ни за что не стала бы заставлять тебя делать вещи, которые тебе противны. Ты видишь, теперь я уже не оспариваю твое желание верить в реальность твоих фантазий, хотя сама считаю иначе.

— Я знаю.

— Но после той ночи на кладбище не один ты погрузился в раздумья. Я тоже передумала многое.

Ричард смахнул мелкие камешки с ограды колодца, не желая смотреть ей в глаза.

— И до чего же ты додумалась?

— Помимо всего прочего, мне пришла в голову одна нехорошая мысль. Я ничего не говорила до сих пор, отчасти потому, что не была уверена, верна ли моя догадка, а если верна, то, право, уж лучше бы у тебя просто помутился разум. Я по-прежнему не знаю, действительно ли это послужит ответом на все, что с тобой происходит. Увы, доказательства утеряны, и я ничем не могу заменить их, но в этих условиях, боюсь, мне следует все-таки сказать...

— О чем ты? — спросил Ричард. — Какие доказательства потеряны?

— Стрела, ранившая тебя, — хмуро отозвалась Никки. — Боюсь, все дело было в стреле, но вовсе не в том смысле, как я поначалу думала, и все намного хуже.

Ричарда ошарашила серьезность ее лица и тона.

— Объясни, при чем тут это?

— Ты не видел, кто стрелял в тебя? Кто держал арбалет?

Ричард постарался вызвать в памяти обрывочные, смутные образы, оставшиеся от того утра, когда его ранили. Он проснулся, заслышав волчий вой. Еле различимые в темноте ветви деревьев покачивались. И тут же его окружили вражеские солдаты. Пришлось отбиваться от нападающих со всех сторон. Он хорошо помнил, как держал в руке Меч Истины, как впечаталась в ладонь проволочная оплетка рукояти и прошел сквозь нее прилив силы. Он запомнил и стрелков, прячущихся за деревьями. У большинства были луки, но он разглядел и нескольких арбалетчиков — обычный состав передового охранения, высылаемого вперед войсками Имперского Ордена.

— Нет... Солдат я видел очень смутно, и кто попал в меня болтом, не скажу. Но зачем это тебе? Что ты надумала?

Никки смотрела на него, не отрываясь, наверное, целую вечность. Ее бездонные, нестареющие глаза напомнили ему других женщин, владеющих магией: старую аббатису Энн, новую аббатису Верну, Эди, Шоту и... Кэлен.

— На том болте были зазубрины, не позволявшие вовремя вынуть его никаким обычным способом, чтобы спасти твою жизнь. Я отчаянно спешила и начисто забыла, что стрелу следовало сначала осмотреть, а потом применять к ней Магию Ущерба.

Ричарду не нравилось странное направление разговора.

— Осмотреть зачем?

— Проверить, нет ли на ней заклятия. Дьявольски простых чар, способных разрушить человеческую душу.

Ричард еще не услышал основного, но ему уже не хотелось слушать дальше.

— Что за чары такие?

— Заклинание приворота.

— Приворота? — нахмурился Ричард. — А как оно работает?

— Примерно так же, как приворотное зелье.

Ричард уставился на нее в изумлении:

— Приворотное зелье?

— Да, в некотором смысле. — Никки слегка пошевелила сплетенными пальцами рук, подыскивая правильные слова. — Это заклинание создает видение некой женщины — обычно она вполне реальна, но, судя по всему, может быть и выдуманной, действие будет таким же. Словом, ты влюбишься в нее. Но это еще слабо сказано. Под воздействием заклинания ты сделаешься одержимым, не сможешь думать ни о чем, кроме той женщины. Не сможешь заставить себя забыть о ней...

Она вздохнула.

— Это заклинание держится волшебницами в глубоком секрете. Обычно они узнают его от матери, наделенной даром. Цель заклинания — крепко связать определенного человека с той или иной женщиной, в большинстве случаев с самой волшебницей. И узы, создаваемые им, всегда любовные. Иногда чародейки не удерживаются от соблазна применить это заклинание к мужчинам. Действует оно настолько сильно, что во Дворце Пророков даже подозрение в его использовании считалось чрезвычайным происшествием. Если какая-нибудь из сестер попадалась на этом, подобный проступок приравнивался к насилию, а наказание было суровым. В самом лучшем случае волшебницу изгоняли, но могли и казнить. Такие приговоры тоже известны. Помнится, последняя подобная история случилась во дворце пятьдесят лет назад. Преступницей оказалась послушница Вальдора. Мнения судей разделились — половина за казнь, другая — за изгнание. Аббатиса стала на сторону вторых, и молодую послушницу изгнали. Не сомневаюсь, что сестры, служащие Джеганю, знают, как вызывать чары приворота. Для одной из них не составило бы труда наложить такое заклятие на одну или несколько стрел либо болтов в то утро: не убьют, так зачаруют...

— Это не заклятие, — угрюмо сказал Ричард.

Никки проигнорировала не только его тон, но и сами слова.

— Этим можно многое объяснить. Заклинание приворота вызывает у жертвы совершенно реальные ощущения. Оно заставляет человека неотступно думать о предмете своих желаний.

Ричард запустил пятерню во взлохмаченные волосы, стараясь не сердиться на Никки.

— Какой в этом смысл? Джегань желает убить меня. Ты же сама говорила, что он придумал зверя для исполнения этого желания. А чары тут совершенно ни при чем! Смысла не вижу!

— Ох, на самом деле все вполне осмысленно. Заклятие действует сильнее, чем простое убийство, Ричард. Неужели не понимаешь? Оно может подорвать у народа веру в тебя. Оставаясь в живых, ты своими руками разрушил бы все, что создал.

— Своими руками? Что ты имеешь в виду?

— Увлеченный заклинанием к недостижимой цели, ты начисто забросил бы все прочие дела. И люди подумали бы, что ты — сумасшедший. Это заставило бы их усомниться в ценности твоих слов и всего, чему ты их учил. Таким образом, заклинание обрекло бы тебя на смерть духовную. Ты лишился бы всех чувств, всех привязанностей и интересов, поглощенный безумным влечением к образу, который тебе казался бы совершенно реальным, но неизвестно где находящимся.

Ричард слушал ее молча.

— Теперь ты понимаешь, почему приворотные чары считались преступлением? — спросила Никки. — Все рассыплется прахом, потому что народ сообразит: у безумно влюбленного вождя и все прочие идеи наверняка безумные. А ведь это Джеганю еще выгоднее, чем твое уничтожение!

Ричард подумал, что жертва приворотных чар наверняка не осознает, что с ней сделали. И насчет мнения окружающих все верно: уже многие сочли его безумцем. И все же он возразил:

— Истина не зависит от одного человека, говорящего о ней. Она остается истиной, даже если ты не уважаешь этого человека!

— Может быть, это и верно, Ричард — но у большинства людей нет такого ясного понимания истины.

Он вздохнул.

— Точно. И хорошие люди порой бывают неумны....

— Что касается зверя, вспомни: для достижения цели, Джегань обычно пускает в ход все средства и всегда предпочитает сделать больше, чем нужно, чтобы сокрушить своих врагов. Он мог подумать, что два проклятия — лучшее средство, чтобы покончить навсегда с Ричардом Ралом, чем одно.

Ричард не сомневался, что насчет Джеганя она совершенно права. И все же поверить в приворотное заклинание не мог.

— Джегань даже не знал, где я нахожусь. Тот отряд случайно наткнулся на меня, прочесывая лес ради безопасности обоза с провиантом.

— Он знает, что восстание в Алтур-Ранге поднял ты. Он мог приказать солдатам, отправляющимся в эту местность, иметь при себе заговоренные сестрами стрелы на случай, если ты им попадешься.

Ричард убедился, что Никки действительно все хорошо продумала. У нее имелся ответ на все его сомнения. Он раскинул руки в стороны и поднял голову:

— Тогда возложи свои руки на меня, колдунья. Отыщи заклятие и вырви его мерзкие щупальца из моей души. Верни мне здравомыслие. Если ты действительно веришь, что меня зачаровали, используй свой дар и покончи с этим!

Никки отвернулась и поглядела сквозь взорванный дверной проем на тусклый полумрак огромной башни.

— Я могла бы это сделать. Но для этого нужна стрела. А ее нет. Прости, Ричард. Мне в голову не пришло проверить, не заговоренная ли она, прежде чем я ее уничтожила. Я слишком торопилась. И все-таки должна была...

Он положил руку ей на плечо:

— Ты не сделала ничего плохого, милая. Ты спасла мне жизнь.

— Право, не знаю. — Она развернулась к нему. — Я обрекла тебя на ужасное существование...

Он покачал головой.

— Не думаю. Ты же сама говорила: не стоит верить чему-то, если доказательств не хватает. Стрелы нет, и доказать ты ничего не можешь. А я и без доказательств чую, что дело неладно — только не знаю, в чем именно.

— А я чую, что тобою овладели чары заклинания, и больше ничего!

— Мы опять возвращаемся все к тому же! Пусть никто не помнит, что случилось и что Кэлен там не хоронили, но я-то помню! По меньшей мере, я теперь точно знаю, что ничего не выдумал.

— А что ты знаешь об иллюзиях? Они бывают чрезвычайно правдоподобны. Ричард, так не может продолжаться бесконечно. Давай наконец договоримся. Ты зашел в тупик. Неужели ты и дальше намерен выдумывать...

Он оперся локтями на ограду колодца и поглядел в него.

— Слушай, Никки, я признаю, что сейчас ничего придумать не могу, но еще не готов отказаться от нее, забыть, что она ждет помощи. Она мне слишком дорога, чтобы так поступить.

— И доколе же ты намереваешься гоняться за нею, пока войска Имперского Ордена подходят все ближе к нашим? Мне, как и тебе, не нравится, когда Энн вмешивается в мою жизнь — но она же поступает так не из простой зловредности. Она пытается спасти свободу, спасти невинных людей, которым угрожает смерть от руки негодяев.

Ричарду пришлось сглотнуть, прогоняя комок в горле.

— Мне нужно многое обдумать. Собраться с мыслями. В той комнате между щитами я нашел интересные книги. Я хочу изучить их. На это нужно время, немного времени, и я попробую разобраться, что происходит и почему. А потом... думаю, тогда я уже буду знать, что делать дальше.

— И что из этого последует?

Ричард не отрывал взгляда от темной глубины колодца, изо всех сил пытаясь сдержать подступающие слезы.

— Прошу тебя, не надо...

Если бы он только знал, с кем бороться, кому наносить удар! Он не умел бороться с тенями, заполонившими его разум.

Никки мягко погладила его по плечу.

— Все будет хорошо, Ричард. Все хорошо.

Вдвоем они покинули молчаливую комнату с колодцем и пошли вверх по железным лестницам, отыскивая ход к обитаемым частям замка.

Глава 55

Никки и Рикка подошли к закругленной сверху дубовой двери. Никки постучала. Приглушенный голос отозвался:

— Входите!

Никки ожидала услышать Зедда, но голос — глубокий, звучный — принадлежал Натану. Войдя в маленькую круглую комнату — излюбленный уголок Ричардова деда, — она сразу наткнулась взглядом на пророка. В темных штанах и высоких сапогах, в белой рубашке с оборками на вороте под расстегнутой мантией, он скорее походил на бродячего искателя приключений, на лесного проводника — но никак не на пророка. Зедд, одетый, как всегда, максимально просто, стоял, заложив руки за спину, у круглого окна со свинцовым переплетом, между застекленными книжными шкафами. Он казался совсем незаметным рядом с рослым Натаном. Энн, спрятав кисти рук в широких рукавах скромного темно-серого платья, с видом бесконечного терпения ждала приглашенную гостью, стоя посредине комнаты.

Зедд, казалось, погрузился в раздумья и не обращал на них внимания. Он смотрел вниз, на Эйдиндрил, раскинувшийся у подножия горы. Вид отсюда открывался чудесный; Никки понимала, почему он так любил эту уютную комнату.

Рикка вошла следом за нею и прикрыла дверь. Но не успела морд-сит отнять руку от двери, как Энн сказала, изобразив на лице дежурную улыбку аббатисы:

— Рикка, дорогая, у меня еще не прошла сухость в горле после вчерашнего, когда я наглоталась дыма и пыли в библиотеке. Не приготовишь мне чаю — может быть, даже с ложечкой меда?

Рикка пожала плечами:

— Не откажусь.

— А то печенье, что ты испекла, еще осталось? — спросил Натан с широкой усмешкой. — Твое печенье просто восхитительно, особенно когда еще горяченькое.

Рикка коротко взглянула на всех по очереди и ответила бесстрастно:

— Я принесу и печенье, и чай, и мед.

— Большое спасибо, дорогая, — поблагодарила Энн, продолжая улыбаться, пока Рикка не исчезла за дверью.

Зедд по-прежнему смотрел в окно и не сказал ничего. Никки, словно не замечая Энн и Натана, повернулась и обратилась к Зедду:

— Рикка сказала, ты хотел меня видеть?

— Хотел, — ответила Энн вместо него. — Где Ричард?

— В той комнате, про которую я рассказывала вчера, между щитами. Там он в полной безопасности. Он нашел там книги и теперь изучает их, ищет новые сведения, как положено Искателю. — С преувеличенным почтением Никки сцепила пальцы в замок. — Итак, вы все трое хотите поговорить со мною о Ричарде.

Натан издал приглушенный смешок, но когда Энн оглянулась на него, сделал вид, что прочищает горло. Зедд, словно не слыша, что происходит, не отрывался от окна.

— Ты всегда была очень сообразительной, — сказала Энн.

— Не требовалось большого ума, чтобы догадаться, — отрезала Никки, не желая принимать от Энн пустые любезности. — Будьте так добры, приберегите свою похвалу до поры, когда я и в самом деле заслужу ее.

Натан и Энн улыбнулись. У Натана это получилось совершенно искренне.

Похвалы такого рода преследовали Никки всю жизнь. «Никки, ты такая умненькая девочка, ты должна постараться достичь большего». «Никки, ты такая красивая, красивее тебя я никого не встречал. Я возьму тебя к себе». «Никки, дорогая, я просто обязан сохранить ваше изысканное очарование, иначе умру обделенным!». А в итоге все это оказывалось пошлой лестью, отмычкой, орудием, служившем ворам для того, чтобы похитить чужое достояние.

— Чем я могу служить вам? — спросила Никки деловым тоном.

Энн, не вынимая рук из рукавов, пожала плечами:

— Нам нужно обсудить с тобою тяжелое состояние Ричарда. Мы были весьма шокированы, увидев, что он поражен бредовыми видениями.

— Не спорю, зрелище тяжелое, — согласилась Никки.

— У тебя есть какие-то соображения на этот счет? — спросила аббатиса.

Никки потерла пальцем красивый полированный стол.

— Соображения? Что вы имеете в виду?

— Не изображай из себя простушку, — сказала Энн. Деланное добродушие испарилось из ее голоса. — Ты отлично понимаешь, о чем я.

Зедд наконец вступил в разговор — видимо, недовольный напором Энн:

— Никки, мы очень беспокоимся о нем. Да, наше беспокойство усиливается из-за пророчества и всего, что из него следует, но... — Он поднял руку и бессильно уронил. — Но в первую очередь нас беспокоит сам Ричард. С ним происходит что-то очень нехорошее. Я знаю его с самого первого дня рождения. Я провел при нем многие годы, бывал с ним и наедине, и среди людей. Как я гордился этим мальчиком, я и говорить тебе не стану. Он постоянно вытворял неожиданные и странные вещи, порой я досадовал на него, даже злился — но никогда он не был таким, как сейчас. Никогда он не верил во всякие глупые истории. Вы даже представить не можете, как тяжело мне видеть его таким.

Никки почесала бровь, избегая под этим предлогом прямого взгляда в полные боли карие глаза старика. Его белоснежные волосы были сегодня взлохмачены даже сильнее, чем обычно. Он похудел и казался изможденным, словно не спал несколько недель.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — искренне сказала она, вздохнула и задумчиво покачала головой. — Не знаю, что и говорить, Зедд. Я пыталась ему помогать с той самой минуты, когда нашла его, задыхающегося, чудом избежавшего когтей Владетеля.

— Помнится, ты говорила, что он потерял много крови, — заметил Натан. — И лежал без сознания несколько дней.

Никки кивнула.

— Думаю, что боль, боязнь задохнуться и ощущение близости смерти вызвали у него неосознанное желание видеть кого-то, кто мог бы его утешить, как ребенка, — сказала она. — Есть такой способ успокаиваться. Когда-то я поступала подобным же

образом, если чего-то боялась. Я воображала, будто нахожусь в другом, приятном месте, где ничто не угрожает мне. Разумеется, я осознавала, что это фантазия, и потом забывала ее. Однако Ричард потерял много крови, необычно долго спал после исцеления, а потом не имел возможности полностью восстановить силы. Нападение зверя, гибель товарищей, спешный поход в Алтур-Ранг — он все это выдержал, но для души его не было условий, чтобы окрепнуть и прийти в равновесие. Потому, я думаю, что бредовые видения в результате лишь обрели большую четкость в его сознании и постоянно разрастались...

— А теперь они полностью завладели всеми его помыслами, — вставила Энн. Никки посмотрела на нее и закончила:

— Вот так я это вижу.

— И как с этим бороться? — спросил Зедд.

Никки подняла глаза к потолку, словно надеясь вычитать на темных дубовых балках нужные слова.

— Я пыталась действовать убеждением. Все мои доводы он отвергает. Я уже не могу ничего придумать. Я не знаток подобных заболеваний, вообще не самый опытный целитель. Вы трое наверняка знаете и умеете намного больше.

— Ну, в некотором смысле это так, — сказала Энн, явно довольная этим признанием Никки. — Мы, пожалуй, не станем оспаривать это твое утверждение.

Никки подозрительно посмотрела на всех троих:

— Итак, что же вы сами думаете об этой задаче?

— Понимаешь, — начал Зедд, — мы пока еще не готовы судить о ряде моментов, которые...

— Возможность приворотного заклинания ты рассматривала? — спросила Энн, уставившись на Никки тем суровым взглядом, который некогда заставлял послушниц трястись от страха и признаваться в отлынивании от обязанностей.

Но Никки не была послушницей и давно уже научилась выдерживать начальственное запугивание. После того, как однажды Джегань в слепом бешенстве держал ее одной ручищей за горло, а другой бил по лицу, никакой взгляд не мог заставить Никки задрожать. Не будь предмет разговора таким серьезным и важным

для нее, она могла бы рассмеяться от этой попытки вызвать ее на откровенность одним лишь жестким взглядом.

— Да, это приходило мне на ум, — сказала она, не видя причин отрицать. — Но ради спасения жизни Ричарда мне пришлось удалить стрелу при помощи Магии Ущерба. В тот момент я о такой возможности не думала. Главным было не дать ему умереть. Стрела могла быть заговоренной, но я не проверила ее. А теперь ничего уже не определишь — и неизвестно, было заклятие или не было.

Зедд, потирая свежевыбритый подбородок, задумчиво посмотрел вдаль.

— Это, конечно, сильно усложнит дело.

— Усложнит? — переспросила Никки. — Такое заклятие трудно снять, даже когда имеешь предмет, послуживший для наведения чар. А если предмета нет, только та колдунья, которая наложила заклятие, может снять его. Нужно знать, какую сеть набросили на жертву, чтобы устранить ее. И то, если мы наверняка знаем, что было применено именно это заклинание. Ведь могло быть и другое. Что бы то ни было, чары или болезнь, — чтобы заняться исцелением, нужно в первую очередь знать причину!

— Не обязательно, — сказала Энн, повторяя фокус с суровым взглядом. — В сложившихся условиях причина совершенно не важна.

Никки нахмурила брови:

— Совершенно не важна? Как? Ради добрых духов, на что ты намекаешь?

— Если человек сломал руку, ты вправляешь перелом и закрепляешь конечность лубками. Ты не тратишь времени на то, чтобы бегать вокруг и расспрашивать, как именно и отчего перелом случился. Для исцеления нужно действие, поговорить можно и потом.

— Нам кажется, что Ричард нуждается в нашей помощи, — вставил Зедд более мирным тоном. — Ведь он толкует о совершенно невозможных вещах. Поначалу, когда он рассказал мне, что отдал Меч Истины Шоте, я счел это величайшей глупостью — но позже понял, что его действия не были осознанными и глубину его заблуждений мы пока не измерили. Я очень рассердился и отчитал его, не понимая, что он болен и нуждается в добром отношении.

В некоторых обстоятельствах мы еще можем понять, отчего человек вдруг уверовал в нечто странное, — но поведение Ричарда уже далеко зашло за рамки допустимых странностей. Теперь ясно: он погрузился в мир иллюзий, и мы должны это учитывать. — Волшебник развел руки в умоляющем жесте. — Можешь ли ты сказать по этому поводу что-то убедительное или указать, в чем мы ошиблись?

Зедд был явственно очень удручен и подавлен. Судьба внука искренне его волновала. Никки старалась не смотреть на него, не в силах видеть, как он терзается.

— Мне очень жаль, Зедд, но я ничем не могу опровергнуть ваше мнение. К сожалению, даже опыт с раскапыванием могилы не доказал ничего ни ему, ни нам. Насильно заставить Ричарда поверить в реальность невозможно. С другой стороны, я уверена, что найденные нами останки действительно принадлежат настоящей Матери-Исповеднице Кэлен Амнелл, чье имя, а может, и образ, он приписал выдуманной женщине, когда лежал в бреду. Вероятно, он услышал о ней при первом путешествии по Срединным Землям и запомнил рассказ о незаурядной женщине. Возможно, он много думал о ней впоследствии и пускался в прекрасные мечтания. Для юноши, выросшего в лесной глуши, естественно мечтать о том, что однажды он побывает в дальней стране и там женится на королеве. А когда он был ранен, эти юношеские мечты вышли на поверхность и завладели им.

Никки пришлось замолчать. Ей больно было говорить вслух о Ричарде такие вещи — хотя слушатели тоже любят его, тревожатся о нем и хотят помочь. Даже Энн, пусть она и руководствуется высшими отвлеченными мотивами, тоже сочувствует Ричарду и беспокоится. Для Энн он не только орудие исполнения пророчества, но и человек, к которому она питает самые теплые чувства.

Никки знала, что правильно поступает, рассказывая волшебникам о Ричарде, но ее не оставляло чувство, будто она предает его. Перед ее мысленным взором стояло его лицо, настороженное, болезненно искаженное от ее холодного недоверия.

— Так вот, независимо от причин, вызвавших его безумие, — сказала Энн, — Ричарда следует привести в чувство.

Никки промолчала. Ведь она считала точно так же — но не видела иного способа, кроме убеждения, а оно не действовало. Оставалось только ждать, пока со временем он сам не очнется.

Натан выступил вперед и улыбнулся Никки. В маленькой комнате он выглядел еще более внушительно. Но особенно привлекательны были его темно-синие глаза. Он воздел руки, призывая к взаимопониманию.

— Иногда, оказывая больному помощь, мы причиняем ему страдание — но впоследствии он понимает, что другого пути не было. Выздоровев, он будет счастлив от того, что мы сделали все, как следовало.

— Например, при тех же переломах, — подсказала Энн, развивая мысль Натана. — Целитель не хочет причинять страдания — но иногда это просто необходимо ради спасения жизни и здоровья.

— Значит, — спросила Никки, нахмурившись еще сильнее, — вы собрались исцелять его?

— Именно так, — улыбнулся Зедд. — Я нашел одно пророчество о Ричарде, где говорится: «Поначалу будут спорить с ним, а потом договорятся об исцелении». Не ожидал я, что оно сбудется так скоро и таким странным образом — но ведь все мы здесь любим Ричарда и желаем ему поскорее вернуться к нам и обрести прежний облик.

Никки подумала, что за всеми произнесенными здесь словами что-то кроется. Она удивилась, зачем нужно было отсылать Рикку за чаем, если ничто из сказанного не могло бы возмутить телохранительницу лорда Рала.

— Все это хорошо, но повторяю, я — не целительница в полном смысле слова.

— Однако тебе удалось исцелить Ричарда, когда он был поражен той стрелой, а это большинству целителей было бы не под силу, — сказал Зедд. — Даже я такого не сумел бы. Да и никто из присутствующих.

— Да, но мне это удалось лишь за счет применения Магии Ущерба!

Ответа не последовало. Все молча уставились на нее.

— Погодите, — встрепенулась Никки, обводя взглядом по очереди всех троих, — вы считаете необходимым снова применить к Ричарду Магию Ущерба?

— Именно так, — подтвердил Зедд.

Энн взмахом руки указала на Зедда и Натана.

— Если бы кто-то из нас мог это сделать сам, мы не просили бы тебя. Но мы не можем. Ты нам нужна...

Никки скрестила руки на груди.

— Зачем? Объясните прямо, чего вы от меня ждете!

Энн прикоснулась к руке Никки.

— Послушай внимательно, Никки. Мы не знаем, что вызвало болезнь Ричарда. У нас нет надежды излечить его, не зная сути заболевания. Если это окажется заклинание приворота, никто из нас троих не сможет освободить Ричарда от него за отсутствием имени исполнительницы и заговоренной стрелы, послужившей орудием. На поиски сведений и определение использованного заклинания у нас нет времени, потому что искать можно вечно — и без толку.

Энн сделала паузу, будто собираясь с духом

— Значит, теперь остается одно, — со вздохом сказала она. — И это следует признать прямо и честно, без всяких уловок и околичностей. Мы должны устранить состояние одержимости независимо от его природы. Неважно, возникло ли оно из-за чар, из-за выдумки или неожиданного заболевания. Память об этой женщине, Кэлен, есть ложная память, искажающая ход его мыслей — и посему она должна быть устранена из его сознания.

Никки не верила своим ушам. Она перевела взгляд с бывшей аббатисы на Зедда.

— Это вы серьезно? И ты согласен, чтобы я применила Магию Ущерба к разуму твоего внука? Вы хотите устранить часть его сознания? Часть его личности?

Зедд облизал губы. В голосе его сквозили беспомощность и отчаяние.

— Часть личности — нет, никогда. Никогда бы я не захотел такого и не согласился бы. Я хочу, чтобы ты вернула ему здоровье. Хочу вновь видеть Ричарда, того Ричарда, которого знаю я,

знаем все мы — настоящего Ричарда, а не нынешнего, подвластного разрушительным видениям!

Никки потрясла головой.

— Я не могу сделать это с человеком, которого...

Она осеклась, не закончив фразу.

— Я хочу увидеть Ричарда, которого люблю, — тихо, умоляюще сказал Зедд. — Ричарда, какого любим все мы.

Никки отступила на шаг, тряся головой, не находя слов для ответа на столь ужасное предложение. Должен, должен быть иной способ привести Ричарда в чувство!

— Покажи ей, — сказал Натан, обращаясь к Энн. Голос его вдруг прозвучал как голос настоящего пророка из дома Ралов.

Энн кивнула и, послушно вытащив из кармана маленькую книжку, протянула ее Никки.

— Читай вот здесь.

Взяв книжку из рук Энн, Никки увидела, что это — дорожный журнал. Она посмотрела на Энна, Натана и наконец, на Зедда.

— Давай, — сказал пророк. — Прочти послание, полученное от Верны.

Дорожные журналы были огромной редкостью. Никки думала, что все, какие еще сохранились от древних времен, погибли при разрушении Дворца Пророков. Она знала, что журналы делаются парными: что напишут в одном из них, тотчас возникает в другом. Палочка-стило, спрятанная в корешке журнала, служила и для новых записей, и для уничтожения прежних. Таким образом журналы никогда не оказывались исписанными и не изнашивались. Никки раскрыла бесценное творение древних волшебников.

Четким почерком там было выведено:

«Энн, с неохотой я вынуждена сообщить, что у нашего войска дела обстоят не слишком хорошо. Где Ричард? Неужели вы еще не нашли его? Прости за то, что так подгоняю тебя снова, знаю — вы едете со всей возможной поспешностью; но положение в нашей армии становится хуже день ото дня. У нас появились дезертиры — правда, не очень много, — но мы теперь на земле Д'Хары, и здесь распространяются слухи, что лорд Рал

не поведет народ в битву, которая всем представляется самоубийственной. Затянувшееся отсутствие Ричарда лишь подкрепляет эти страхи. День за днем у людей крепнет убежденность в том, что лорд Рал оставил их на произвол судьбы. Никто не верит, что нам удастся восторжествовать над врагом, если Ричард не возглавит наши силы.

Генерал Мейфферт и я с трудом боремся с отчаянием: мы не знаем, что сказать разочарованному народу. Даже если Ричард отсутствует по важным причинам, людям, идущим на смерть, тяжело думать, что их вождь, чьи идеи они разделили, не присылает хотя бы весточки о себе.

Пожалуйста, Энн, как только встретишься с Ричардом, объясни ему, как он нужен всем этим молодым храбрецам, которые так долго выносят все тяготы защиты нашего доброго дела и столько выстрадали. Ради всего святого, выясни, как скоро он присоединится к нам. Попроси его поторопиться.

С нетерпением жду известий.
Во имя Света,
твоя Верна»

Никки опустила руки, едва не выронив журнал. Слезы стояли в ее глазах. Энн вынула журнал из дрожащих пальцев Никки.

— Что ты велишь передать Верне? Что она должна сказать войскам? — тихо, почти нежно спросила Энн.

Никки заморгала, сгоняя слезы с ресниц.

— Вы хотите, чтобы я забрала его разум? Чтобы предала его?

— Конечно же, нет, — заверил ее Зедд, стиснув своими крепкими пальцами ее плечо. — Повторяю: мы хотим помочь ему, вылечить!

— Нам боязно даже близко подходить к Ричарду в его нынешнем настроении, — сказала Энн. — Мы опасаемся, как бы он чего-то не заподозрил. Отчасти я сама в этом виновата — слишком резко отчитала его с самого начала. Да простит меня Создатель, но я всю жизнь управляла людьми и привыкла встречать послушание. Прежние привычки держатся долго. И теперь он

думает, будто я собираюсь насильно заставить его следовать пророчеству. Он все меньше доверяет нам... но не тебе.

— Тебе он поверит, — сказал Зедд. — Ты можешь коснуться его рукой, и он ничего не заподозрит.

Никки широко раскрыла глаза:

— Коснуться его рукой?..

Зедд кивнул.

— Ты овладеешь его сознанием прежде, чем он успеет хоть что-то заметить. Он ничего не почувствует. А когда проснется, память о Кэлен Амнелл будет стерта, и он снова станет прежним, нашим Ричардом.

Никки закусила нижнюю губу, боясь, что голос ее выдаст.

В карих глазах Зедда стояли слезы.

— Я всем сердцем люблю своего внука. Готов ради него на все. Я все проделал бы сам, если бы мог справиться, но ты сумеешь лучше. Я хочу, чтобы он был здоров. Это нужно нам всем!

Он снова стиснул ее плечо.

— Никки, если ты тоже любишь Ричарда, пожалуйста, сделай это. Только ты способна исцелить его еще раз.

Никки развернулась и выбежала из комнаты. Рикка, наконец-то несущая на подносе чай и сладости, удивленно оглянулась ей вслед.

Глава 56

— *Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас,* — в который раз пробормотала Кэлен.

— *В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.*

Руки и плечи у нее ныли от долгого стояния на коленях, лбом в холодные плитки пола; в голове гудело от бесконечного повторения молитвы. Но она не обращала внимания на усталость.

— *Магистр Рал ведет нас,* — сказала Кэлен снова, подчиняясь слитному хору голосов, и легкое эхо под сводами мраморных залов вторило им.

— Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

На самом деле ей нравилось повторять одни и те же слова снова и снова. Они заполняли разум, подавляя хоть на время ужасную пустоту, и чуть-чуть скрашивали ее ужасное одиночество.

Так она не чувствовала себя потерянной.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Что-то в этих словах задевало чувствительную струну в душе Кэлен, и она находила в них утешение: они говорили о безопасной, процветающей жизни в ореоле знания и мудрости. Она с удовольствием представляла себе все это, как будто видела чудесный сон.

Женщины, которые привели ее сюда, очень торопились — но заметив, что стражники смотрят на них, решили слиться с толпой, собравшейся во дворике под открытым небом в этот пасмурный день. Под небом, затянутым облаками, лежал белый песок, прочерченный граблями так, что образовались правильные концентрические борозды; посредине песчаной площадки торчал темный, выщербленный камень. На камне в прочной раме был укреплен небольшой колокол. Именно этот колокол и призывал людей собраться для общего восхваления владыки Рала.

Со всех четырех сторон открытого дворика крышу поддерживали колонны. На выложенном плитками полу вокруг песчаной площадки, между колоннами — повсюду Кэлен видела коленопреклоненных людей. Наклонившись вперед, они касались лбами пола и вновь поднимались. Голоса, поющие хвалу лорду Ралу, звучали в унисон.

Когда очередное повторение все тех же слов близилось к концу, колокол на темном камне прозвонил дважды. Люди вокруг Кэлен громко повторили: «Наша жизнь принадлежат тебе» — и умолкли.

Внезапно наступила тишина. Люди поднимались с колен, многие потягивались и зевали. Переговариваясь между собою, они стали расходиться каждый к своему месту, возвращаясь к работе, которую прервал звон колокола, призывающего к обряду.

Повинуясь жесту хозяйки, Кэлен тоже поднялась и следом за сестрами пошла прочь. Пройдя мимо ряда статуй, они свернули за угол и, войдя в просторный зал, остановились у стены. Кэлен молча встала рядом, рассматривая проходящих мимо людей.

Весь день она провела на ногах — и это после долгого путешествия. Она взбиралась вверх по бесконечным лестницам, проходила по длиннейшим коридорам, потом снова по пролетам других лестниц... Теперь она едва стояла. Ей очень хотелось присесть, но она знала, что об этом лучше не спрашивать. Сестрам было безразлично, устала она или нет. К тому же сейчас, когда им пришлось неожиданно задержаться из-за обряда, они стали особенно раздражительными и дерганными. Они вряд ли отозвались бы сочувственно на ее просьбу присесть. Наоборот, в таком настроении, если бы Кэлен решилась попросить их, они без малейших сожалений избили бы ее. Вряд ли они занялись бы этим прямо во дворце, на глазах у множества людей — но непременно исполнили бы это намерение позже. Поэтому она стояла смирно, стараясь казаться невидимой и ничем не прогневить их.

Она все-таки немного отдохнула, пока стояла на коленях; ни на что большее рассчитывать не приходилось.

Стражники в красивых мундирах и с блестящим оружием наизготовку прохаживались по залам, по двое или по шестеро, поглядывая на всех проходящих. Они внимательно рассматривали трех женщин, стоящих рядом с Кэлен. Сестры тут же притворялись, будто любуются статуями либо роскошными гобеленами с изображением сельских сцен. Один раз, избегая внимания стражника, они сгрудились, якобы вовсе не замечая его, и стали указывать друг другу на статую женщины, которая придерживала одной рукой сноп пшеницы, стоящий у ее ног, опираясь при этом на копье. Сестры улыбались, тихо переговариваясь, как бы в восхищении художественными достоинствами скульптуры, пока стражник не прошел дальше.

— Вы похожи на кошек, которых вынюхивает свора псов, — проворчала сестра Улиция. — А ну-ка садитесь на эту скамью!

Сестры Тови и Цецилия, обе старше ее годами, огляделись и увидели скамью в двух шагах от себя, у беломраморной стены. Подобрав юбки, они уселись рядышком. Тови, очень полная, выглядела особенно усталой. Ее морщинистое лицо после земных поклонов было красным, как свекла. Цецилия, всегда опрятная, воспользовалась минутой отдыха, чтобы поправить растрепавшиеся седые волосы.

Кэлен подошла к скамье, радуясь возможности чуть-чуть посидеть.

— Не ты, — отрезала сестра Улиция. — Тебя никто не заметит и так. Просто стой рядом с ними, чтобы мне было удобнее присматривать за тобой!

Сестра Улиция предупреждающе вскинула бровь.

— Да, сестра Улиция, — сказала Кэлен.

Сестра Улиция всегда требовала ответа на свои слова.

Кэлен усвоила это с большим трудом и ответила бы скорее, если бы не отвлеклась на свои мысли после того, как поняла, что сесть ей не разрешают. Она напомнила себе, что нельзя поддаваться усталости, иначе за рассеянность она заработает затрещину сейчас и еще много чего потом.

Сестра Улиция не отвернулась и не позволила Кэлен отвести взгляд; кончиком толстой дубовой трости она подняла голову девушки за подбородок и напомнила:

— День еще не окончен. Ты еще должна выполнить свою часть работы. И постарайся не подвести меня. Так будет лучше для тебя. Ты понимаешь?

— Да, сестра Улиция.

— Хорошо. Между прочим, мы все устали не меньше тебя.

Кэлен хотелось возразить, что они могли и устать, но они-то ехали верхом! Кэлен же приходилось идти пешком, а то и бегом, лишь бы не отставать от лошадей. Сестре Улиции очень не нравилось, когда приходилось поворачивать коня и возвращаться за едва плетущейся рабыней.

Кэлен осмотрелась и восхитилась красотой здания и всех чудесных вещей, украшающих его. Любопытство превозмогло в ней осторожность.

— Сестра Улиция, а что это за дом?

Сестра похлопала тростью по бедру и бегло осмотрела окрестности.

— Это Народный Дворец. Очень красивое место. — Она посмотрела на Кэлен. — Жилище лорда Рала.

Она подождала, видимо, ожидая, скажет ли Кэлен что-нибудь. Но Кэлен было нечего сказать.

— Лорда Рала? Кто это?

— Ну как же, это человек, которому мы только что возносили хвалу! Его полное имя — Ричард Рал. Именно он сейчас является правящим лордом Ралом. — Глаза сестры Улиции сузились. — Ты когда-нибудь слышала о нем, милочка?

Кэлен задумалась. Лорд Рал. Лорд Ричард Рал. В голове было пусто. Ей очень хотелось подумать о разных вещах, что-то вспомнить, но не получалось. Ей нечего вспоминать.

— Нет, сестра. Не думаю, чтобы я когда-нибудь слышала о лорде Рале.

— Прекрасно, — сказала сестра Улиция с хитрой усмешкой, — да и откуда тебе знать о нем! В конце концов, кто ты такая? Никто и ничто. Рабыня.

Кэлен сглотнула, прогоняя желание протестовать. Как она может спорить? Что ей говорить?

Улыбка сестры Улиции стала еще шире. Ее глаза, казалось, смотрели прямо в душу Кэлен.

— Разве не так, милочка? Ты — ничего не стоящая рабыня, едва заслуживающая, чтобы ее кормили.

Снова Кэлен хотела возразить, что ее жизнь ценна, как и все другие, но о таком споре она могла лишь мечтать. Она смертельно устала. И на сердце у нее было тяжело.

— Да, сестра Улиция.

Всякий раз, пытаясь думать о себе, она наталкивалась на полную пустоту. В ее жизни как будто вообще не было никаких событий. Ей казалось, что так не может быть, но иначе не получалось.

Проследив за направлением взгляда Кэлен, сестра Улиция повернулась к быстро приближающейся сестре Эрминии — зрелой женщине с весьма прямолинейным характером. Темно-синее платье Эрминии посвистывало и взвивалось — так спешила она, прокладывая извилистый путь между зеваками, слоняющимися по дворцу, не глядя, куда ступают.

— Ну, что там у тебя? — спросила сестра Улиция, когда Эрминия приблизилась к ним.

— Я попала в толпу молящихся лорду Ралу.

— Мы тоже, — вздохнула сестра Улиция. — Что ты разузнала?

— Отсюда недалеко. Свернуть вон на том углу, у меня за спиной, потом через зал направо. Но нужно быть очень осторожными.

— Почему? — спросила Улиция, а Тови и Цецилия подвинулись поближе, чтобы послушать. Головы четырех сестер почти соприкоснулись.

— Дверь расположена в боковой стене зала. Войти туда незамеченной невозможно. Во всяком случае, мы не сможем. Совершенно очевидно, что нам туда соваться не следует.

Сестра Улиция искоса огляделась — не следит ли за ними кто-нибудь.

— Почему это «совершенно очевидно»?

— Двери устроены так, чтобы отпугивать и отгонять людей. На них вырезаны изображения змей.

Кэлен вздрогнула и отшатнулась. Она терпеть не могла змей.

Сестра Улиция злобно постучала тростью по ноге, поджала губы и обратила свою кислую физиономию к Кэлен.

— Ты помнишь, что должна сделать и как?

— Да, сестра, — поспешно ответила Кэлен.

Она хотела поскорее выполнить задание. Чем скорее сестры успокоятся, тем лучше. День уже перевалил за половину. Долгий подъем на плато и участие в обряде заняли больше времени, чем ожидали сестры. Они рассчитывали к этому часу уже со всем справиться и повернуть в обратный путь.

Кэлен очень надеялась, что тогда они разобьют где-нибудь лагерь и немного поспят. Ей никогда не давали выспаться вдоволь.

Разбивать лагерь, конечно, велят ей — но закончив работу, она наконец отдохнет... если только ничем не вызовет неудовольствия сестер и они не изобьют ее.

— Ладно, по сути, для нас в этом нет никакой разницы. Нам придется постоять в большем отдалении, чем мы намеревались, вот и все. — Сестра Улиция почесала щеку и под этим предлогом вполоборота оглянулась, нет ли поблизости солдат; потом снова обратилась к сообщницам: — Цецилия, ты останешься здесь и будешь следить за этой частью зала. Эрминия, вернись ко входу и жди снаружи. Иди сейчас же, чтобы никто не увидел тебя вместе с нами у дверей, если они под наблюдением.

Сестра Эрминия просияла широкой ухмылкой:

— Пойду бродить по залам и прикидываться восторженной посетительницей, пока она не закончит дело.

Не добавив более ни слова, она поспешно зашагала прочь.

— Тови, — продолжала сестра Улиция, — ты пойдешь со мной. Изобразим двух подруг, будем гулять по великолепному дворцу лорда Рала и задушевно беседовать. А тем временем Кэлен займется своим заданием.

Сестра Улиция схватила Кэлен за руку выше локтя и развернула лицом к коридору:

— Иди туда!

Она подтолкнула Кэлен, и та пошла впереди них. На ходу она передвинула на бок мешок, висящий на одном плече. Сестры шли за нею до пересечения коридоров, где они должны были повернуть направо. Им навстречу вышли два рослых стражника. Сестре Тови они уделили лишь беглый взгляд, но Улиции улыбнулись. Сестра Улиция, если хотела, могла выглядеть очаровательно невинной и была достаточно привлекательна, чтобы мужчины обращали на нее внимание. Однако Кэлен никто не замечал.

— Сюда, — сказала сестра Улиция. — Остановись здесь.

Кэлен замерла, уставившись через весь зал на большую дверь из красного дерева. Змеи, вырезанные на двери, казалось, смотрели на нее. Хвостами они обвились вокруг ветвей в верхней части двери, а головы спускались примерно на уровень глаз человека. Из разверстых пастей торчали клыки, как будто змеи готовились

напасть. Кэлен не могла сообразить, зачем здесь вырезали такие жуткие и мерзкие изображения. Все остальное во дворце было прекрасно, но только не эти двери.

Сестра Улиция наклонилась к ней.

— Значит, ты запомнила мои указания?

— Да, сестра, — кивнула Кэлен.

— Если есть вопросы, задавай их сейчас.

— Нет, сестра. Я запомнила все, что вы мне сказали.

Кэлен удивляло, почему некоторые вещи она отлично запоминала, а другие словно растворялись в тумане.

— И не копайся там, — сказала Тови.

— Нет, сестра Тови, не буду.

— Нам нужна та вещь, за которой мы тебя отправляем, и мы не допустим никаких глупостей. — В глазах Тови блеснула злоба. — Ты понимаешь, девчонка?

Кэлен сглотнула.

— Да, сестра Тови.

— Хорошо, если так, — сказала Тови. — Иначе придется отвечать передо мной — и поверь, тебе это не понравится.

— Я понимаю, сестра Тови.

Кэлен знала, что Тови не шутит. Обычно она бывала довольно спокойна, но если что-то вызывало у нее гнев, мгновенно становилась злобной, как демон. Хуже того, в таком настроении она наслаждалась беспомощностью и страданиями подвластных ей жертв.

— Ладно, иди, — сказала сестра Улиция. — И не забывай: нельзя заговаривать ни с кем. Если к тебе обратятся, иди дальше, не отвечая. Они отстанут от тебя.

Сестра Улиция посмотрела на Кэлен так, что та чуть не обмерла, но кивнула и быстро пошла по залу. Зная, что ей предстоит сделать, и понимая, как жестоко поплатится за малейшую неудачу, она забыла об усталости.

Дойдя до дверей, она взялась за одну из бронзовых ручек в виде оскаленных черепов, но старалась не смотреть на змей. Ей пришлось сделать усилие, чтобы открыть тяжелую створку.

Войдя, она остановилась, ожидая, пока глаза привыкнут к неяркому свету ламп. Толстые сине-золотые ковры заглушали шаги и не

давали возникнуть эху, которое гуляло по многим другим залам. Уютная комната с панелями из того же красного дерева, что и высокие двери, казалась тихим приютом среди вечной суеты и шума дворца.

Закрыв за собой дверь, Кэлен осознала, что наконец осталась одна, совершенно одна, без четырех сестер. Она не могла припомнить другого такого момента. Всегда хотя бы кто-то из сестер следил за нею, не спуская глаз с рабыни. Кэлен не понимала, зачем за ней так неусыпно следят — ведь она даже не пробовала бежать. Желание такое испытывала то и дело, но ни разу не рискнула попробовать.

Стоило ей хотя бы подумать о попытке побега, как вспыхивала жуткая головная боль, и казалось, вот-вот кровь хлынет из ушей и носа, а глаза лопнут. Поняв, что эту боль вызывают мысли о побеге, она старалась отрешиться от них, но сразу это не получалось и боль длилась, сокрушая Кэлен так, что потом она пролеживала несколько часов, не имея сил даже стоять, не то что идти.

Сестры всегда узнавали, что с ней происходит — видя, как она мешком валится на землю. Выждав, пока боль в голове отпустит Кэлен, они избивали ее. Хуже всех была сестра Улиция — она пользовалась своей толстой тростью. Оставались рубцы и долго не заживали. Некоторые не зажили до сих пор.

Но сейчас Кэлен приказали оставить их и идти одной. Сестры объяснили ей, что боль не возникнет, если она не нарушит полученных указаний. Однако было так хорошо оказаться вдали от этих четырех ужасных женщин! Кэлен едва не расплакалась от радости.

Правда, вместо четырех сестер в комнате находились четверо рослых гвардейцев. Кэлен остановилась, не зная, как поступить.

На внутренней стороне двери были вырезаны такие же змеи, как и на внешней. И здесь ей не было полного покоя...

Кэлен стояла как вкопанная пару минут, боясь пройти мимо стражников, боясь того, что они могут наказать ее за вторжение в такое место, где ей явно не следует быть.

Они уставились на нее с откровенным любопытством. Кэлен собралась с духом, заправила выбившуюся длинную прядь волос за ухо и пошла к лестнице на другой стороне комнаты.

Двое стражников заступили ей путь.

— И куда это вы направляетесь?

Кэлен опустила голову, отступила на два шага для того, чтобы обойти их, и пошла дальше. Когда она прошла, один стражник спросил у другого:

— Ты что-то сказал?

Тот, который обращался к Кэлен, удивленно уставился на напарника.

— Что? Ничего я не говорил!

Кэлен уже дошла до лестницы, когда вторая пара стражников присоединилась к тем, которые пытались ее остановить.

— О чем это вы болтаете? — спросил один из них.

— Да так, ни о чем, — отмахнулся первый.

Кэлен побежала по ступенькам вверх, не щадя усталых ног. Остановившись на широкой площадке, она позволила себе перевести дыхание, но не осмелилась задержаться дольше. Держась за гладкие каменные перила, Кэлен одолела последний пролет лестницы.

Солдат, стоявший наверху, насторожился, заслышав звук ее шагов. Он подошел к краю площадки и смотрел, как она поднимается. Она промчалась мимо. Он задержался на минутку, а потом продолжил обход.

В следующем зале тоже были люди — опять стража. Стража повсюду. У лорда Рала много гвардейцев, и все высокие, крепкие, с внимательными взглядами.

Кэлен от испуга широко раскрыла глаза и замерла: она не ожидала найти столько людей на пути к указанной цели. Если ее задержат, и она потратит больше времени, чем предписывалось, сестра Улиция не проявит ни понимания, ни снисхождения. Несколько стражников заметили Кэлен и направились к ней, но на половине дороги вдруг утратили всякий интерес и прошли мимо. Кэлен пустилась бегом через зал; стражники оборачивались к своему начальнику, но когда тот спросил, в чем дело, отвечали, что все в порядке. Кое-кто даже вскидывал оружие, целясь в нее — однако сразу же опускал руки. Они все мгновенно забывали, что видели кого-то.

Кэлен упорно шла туда, куда ей велели идти. Все же ее смутило, что многие стражники вооружены арбалетами. Арбалетчики

носили черные перчатки, а на грозные стрелы, готовые сорваться с взведенных дуг, были нанесены красные полоски.

Сестра Улиция говорила Кэлен, что та же самая магическая сеть, которая вызывала у нее боль и не давала убежать, также мешала другим людям видеть ее. Кэлен пыталась обдумать вопрос, зачем сестрам понадобилось все это, но мысли ее тут же расползались, и понимание не приходило. Это было ужасно: хотеть думать о чем-то — и не уметь сосредоточиться ни на чем. Она порой чувствовала, что вот-вот нащупает ответ — но все опять уходило в туман неведения.

Хотя заметить ее и не могли, Кэлен хорошо понимала, что если одному из стражей все же вздумается навести на нее арбалет и спустить болт, она умрет.

Она не боялась смерти — с нею пришло бы освобождение от тягот ужасной жизни. Но сестра Улиция предупредила ее, что сестры имеют большое влияние на Владетеля мертвых, и если Кэлен попробует ускользнуть от службы, уйдя из мира живых в мир иной, там она не найдет убежища — более того, ей станет еще хуже. В тот раз сестра Улиция сообщила Кэлен, что они — сестры Тьмы; видимо, для того, чтобы подкрепить действенность своей угрозы.

Кэлен не нуждалась в таких подтверждениях; она и без того была уверена, что любая из четырех сестер может нагнать и схватить ее в любой норе, даже в могиле — вроде той, которую они выкопали как-то темной ночью. Зачем это было сделано, Кэлен не могла постичь, да и не хотела знать.

Глядя в жестокие глаза сестер, Кэлен понимала, что слышит правду. Так у нее отняли даже мечту об избавлении после смерти.

Она не могла определить, всегда ли ее жизнь была такой, всегда ли она была вещью, кому-то принадлежащей. Как она ни старалась, ни одной мелочи из прошлого припомнить не удавалось.

Проскользнув мимо караульных, она пошла дальше, отсчитывая боковые коридоры. Сестра Улиция не раз на привалах рисовала тростью на земле план расположения залов, чтобы Кэлен усвоила, куда нужно будет идти.

Теперь она шла, хорошо помня этот план, без всякого труда, никем не задерживаемая. Но ей стало грустно оттого, что ее никто не

замечает. Стоило кому-то из встречных бросить на нее взгляд, как они отворачивались и шли дальше. Она ведь рабыня, у нее нет ни своего лица, ни своей жизни. Она принадлежит хозяевам. Поэтому она невидима, никому не нужна, не интересна. Она — никто.

Сегодня впервые после долгого путешествия с сестрами Кэлен увидела других людей. Поднимаясь по длинным подземным лестницам во дворец, она видела, как мужчины и женщины улыбаются, держатся за руки, прикасаются друг к другу. Она подумала, как было бы хорошо, если бы кто-то заботился о ней, лелеял ее...

Кэлен смахнула со щеки слезинку. Она знала, что у нее такого не будет никогда. Рабам не полагается жить собственной жизнью, они служат орудием замыслов своих господ. Сестра Улиция объяснила это ей весьма доходчиво. Однажды, в приступе злобного веселья, какие у нее иногда бывали, сестра Улиция, сверля ее недобрыми глазами, сказала, что как-нибудь подыщет Кэлен пару, чтобы она могла родить им еще одного раба.

Но как она попала в рабство? Откуда она родом? У других рабов прошлое, наверно, не испарялось полностью из головы, как у Кэлен.

Она могла только задавать вопросы. Мучительные поиски ответов не приводили ни к чему. Отчего другие люди способны думать, а она нет? Однако и этот вопрос, самый важный, быстро растворялся в мареве неясных теней, заполонивших ее сознание, как и она сама растворялась в глазах встречных.

Кэлен остановилась перед новой огромной дверью, украшенной золотым рельефом. Дверь выглядела точно по описанию сестры Улиции: рельеф изображал вычеканенную на золоте картину холмистой местности, поросшей лесом. Кэлен огляделась по сторонам, потом всем весом налегла на створки массивной двери. Ей удалось приоткрыть их достаточно, чтобы проскользнуть вовнутрь. Она еще раз огляделась, но ни один из стражников на нее не смотрел. Она вошла и закрыла дверь за собою.

Внутри было светлее, чем в прилегающем зале. Хотя день выдался пасмурный, сквозь потолочное окно проходило достаточно света, чтобы озарить удивительный сад. Сад посреди дворца! Сестра Улиция рассказала об этом саде в самых общих чертах — но,

увидев его воочию, Кэлен ахнула: он превосходил все ее представления. Чудесное место!

Как же счастлив Ричард Рал, живя здесь и имея возможность любоваться этим садом, когда пожелает! Она подумала: а вдруг он появится, пока она здесь? Увидит ее... и сразу же забудет.

Вспомнив о задании, Кэлен заставила себя взяться за дело. Она побежала по дорожке, проложенной между россыпью цветочных куртин. Земля была усеяна опавшими красными и желтыми лепестками. Интересно, приходит ли сюда Ричард Рал, чтобы сорвать цветы для своей возлюбленной?

Она с удовольствием повторяла это имя. Его звучание утешало ее. Ричард Рал. Ричард... Ей хотелось узнать, как он выглядит, приятно ли его лицо для взгляда так же, как имя — для слуха?

Проходя по дорожкам, Кэлен увидела рассаженные среди цветов небольшие деревца. Она любила деревья. Они напоминали ей... о чем-то. Она чуть не взвыла от досады: снова не удалось уловить что-то, несомненно, очень важное. От бессилия памяти она страдала так, словно разучилась владеть собственным телом.

Она миновала пышный кустарник и покрытую плющом стенку. За ней открылась поросшая травой круглая лужайка — сестра Улиция говорила, что эта лужайка расположена в самом центре сада. Посреди круга возвышался клиновидный камень, а на нем лежала гранитная плита, образуя подобие стола.

Именно на этой плите и должны были находиться вещи, за которыми послали Кэлен. Увидев их, она оторопела. Они были черные как сама смерть. Казалось, будто они засасывают свет из окружающего их пространства, из окон, из самого неба.

Сердце Кэлен тяжело билось от страха, но она пошла по траве к гранитному столу. От близости к таким мрачным предметам ей стало не по себе. Она сбросила с плеч лямки и положила свой мешок рядом с черными шкатулками, которые должна была унести. Она несла мешок на плече, а не за спиной, потому что ей мешало скатанное в трубку одеяло, висящее наискось.

На мгновение она прикоснулась к скатке, ощутила под пальцами выпуклость спрятанной в ней драгоценности, и ей стало легче. Завернутое в одеяло, здесь крылось ее величайшее сокровище.

Опомнившись, она принялась за работу — однако тут же столкнулась с серьезным затруднением. Шкатулки оказались больше, чем предполагала сестра Улиция. Каждая из них была размером с целый каравай хлеба. Они никак не поместились бы в мешок все вместе.

Но ей ясно приказали принести все три. Желание сестер вошло в противоречие с действительностью. Как поступить? Она не могла ничего придумать.

Воспоминания о прежних наказаниях пронеслись в ее мозгу, и на лбу выступила испарина. Она потерла глаза, отгоняя видения перенесенных пыток. Вот уж это, как нарочно, она запоминала со всеми подробностями.

Кэлен решила, что деваться некуда, нужно попробовать выполнить поручение.

В то же время ее смущало то, что она собирается обокрасть сад лорда Рала. Шкатулки ведь не принадлежат сестрам, и лорд Рал не установил бы вокруг сада столь многочисленную стражу, если бы они для него ничего не значили.

Она не воровка. Но стоит ли ради честности подвергнуться неминуемому наказанию? Стоит ли сокровище лорда Рала ее крови? А сам лорд Рал предпочел бы, чтобы она отказалась от кражи ценою тех пыток, которые придумают для нее сестры?

Непонятно отчего — возможно, потакая своим сомнениям, — она решила, что Ричард Рал не дал бы ей пожертвовать жизнью, а разрешил бы забрать шкатулки.

Она откинула клапан мешка и попыталась уложить шкатулки поплотнее — но места оставалось совсем мало. Они и так уже еле входили.

С возрастающим беспокойством, понимая, что время уходит, она вытащила из мешка одежду, подыскивая, во что можно завернуть хотя бы одну шкатулку.

Ей попалось под руку атласное белое платье.

Кэлен уставилась на шелковистую, чисто белую ткань, зажатую в ее пальцах. Красивее платья она не видала.

Но откуда у нее такое взялось? Она ведь ничтожество. Рабыня. Что делать рабыне с таким чудесным нарядом? Она не могла найти ответа на эти вопросы, как и на многие другие.

Кэлен схватила одну шкатулку и, завернув в платье, сунула ее в мешок. Надавив сверху, она постаралась задвинуть шкатулку поглубже, потом попробовала закрыть мешок. Клапан кое-как натянулся поверх шкатулки, а ведь оставалось еще две! Клапан пришлось затянуть ремешком, чтобы содержимое не выпирало. От надежды на то, что оставшиеся шкатулки влезут в мешок, приходилось отказаться.

Сестра Улиция четко объяснила Кэлен, что шкатулки должны лежать в мешке, иначе стража их увидит. Они забудут Кэлен, сказала сестра Улиция — но шкатулки, которые унесет Кэлен из сада, распознают сразу и поднимут тревогу. Кэлен твердо усвоила, что должна спрятать шкатулки. Но теперь, когда дошло до исполнения плана, все зависело от размеров мешка...

Сидя у костра вечером на привале несколько дней назад, сестра Улиция наклонилась к Кэлен и шепотом изложила, что она с нею сделает в случае неудачи.

Кэлен задрожала, вспомнив те страшные посулы. Она подумала также и о сестре Тови — и задрожала еще сильнее.

Что она могла поделать?

Глава 57

Кэлен прошла по коридору, уставившись на мраморные узоры пола, боясь взглянуть в лицо сестрам.

Когда она приблизилась, сестра Улиция схватила Кэлен за рукав и затащила в нишу у дальней стены. Сестра Тови помогла ей, прикрыв собою нишу.

— Кто-нибудь пытался остановить тебя? — спросила сестра Тови.

Кэлен покачала головой.

Сестра Улиция облегченно вздохнула.

— Хорошо. Покажи их.

Кэлен сняла мешок с плеча и выставила перед собою так, чтобы сестры могли его раскрыть. Они вцепились в ремешок, стягивающий верхний клапан. Наконец им удалось заглянуть внутрь.

Сестры стали тесно, плечом к плечу, так что проходящие мимо люди не могли увидеть, чем они заняты и какой именно страшный предмет собираются извлечь на белый свет. Сестра Улиция осторожно вытащила сверток, сделанный из белого платья Кэлен, и развернула мягкую ткань, спеша увидеть вожделенную черную шкатулку.

Обе они уставились на нее в благоговейном страхе.

Сестра Улиция, дрожа от возбуждения, сунула руку в мешок и стала нащупывать остальные шкатулки. Не найдя ничего, она отступила на шаг, и лицо ее потемнело:

— Где остальные две?

Кэлен ответила, запинаясь:

— Я сумела уложить только одну из них, сестра. Остальные не поместились. Вы велели мне уложить их все, но они оказались слишком большими. Но я еще...

Кэлен не успела договорить, объяснить, что она сходит еще два раза и заберет оставшиеся шкатулки. Сестра Улиция в слепом бешенстве замахнулась своей толстой тростью так, что воздух засвистел, и со всего маху ударила Кэлен по голове.

Раздался треск, заглушивший все прочие звуки. Мир поблек и угас.

Кэлен рухнула на колени, как подкошенная. Она прикрыла рукой левое ухо, тяжело дыша от оглушительной боли. На полу виднелись пятна крови. Отняв руку от головы, Кэлен увидела, что на руку ей будто надели теплую кровавую перчатку.

Она могла только смотреть на свою руку и тихонько стонать. Голос отказал ей. Она не могла даже зарыдать громко. Ее подташнивало, и казалось, будто она смотрит в длинный черный тунель, полный дыма.

Внезапно сестра Улиция схватила Кэлен за шиворот, подняла с пола и припечатала кулаком к стене. Голова Кэлен стукнулась о камень, но по сравнению с потоком боли, текущим от виска, челюсти и уха, этот удар показался ей ничтожным.

— Ах ты глупая сучка! — прошипела сестра Улиция, снова притянув к себе Кэлен и опять бросив ее на стену. — Глупая, бестолковая, бесполезная сучка!

У Тови тоже явно имелось желание приложить руки к Кэлен. Она оглянулась в поисках орудия, но трость сестры Улиции валялась на полу у стены, разломанная пополам. Кэлен попыталась заговорить, зная, что в этом ее единственное спасение.

— Сестра Улиция, я не могла втиснуть все три сразу в мешок! — Кэлен глотала соленые слезы вместе с кровью. — Вы не дали мне другого мешка. Я хотела сходить за ними еще раз, вот и все. Пожалуйста, пустите меня — я пойду и принесу. Клянусь вам, я их достану!

Сестра Улиция отодвинулась, но пальцем уперлась в грудь Кэлен и не дала ей пошевелиться. Глаза ее пылали гневом, смотреть на нее было страшно. Кэлен, вдавленная в мраморную стену невероятной силой, исходившей от одного пальца колдуньи, как будто попала на рог огромного быка. Даже дышать было трудно. Она не могла даже поднять руку и хотя бы отереть кровь, заливающую глаза.

— Ты должна была завернуть другие две в одеяло и вынести все сразу! Разве не так?

Кэлен об этом не подумала, потому что для нее этот способ не годился.

— Но, сестра, у меня в одеяло завернута другая вещь...

Сестра Улиция снова нависла над нею. Кэлен боялась, что скоро ее заставят желать смерти, а может, и на самом деле убьют. Она не знала, какую из судеб считать худшей. Вдобавок к боли от удара она ощутила нарастающую боль внутри головы. Если бы ее не прижали к стене, Кэлен сейчас упала бы наземь, прикрыв уши, и закричала бы.

— Мне наплевать, что ты там носишь в своем одеяле. Нужно было все выбросить. Шкатулки важнее!

Кэлен могла только смотреть на нее: сила, прижимающая ее к стене, не давала двигаться, а боль, разрывающая сознание, лишала дара речи. Ей казалось, будто в уши ей вкручивают ледяные шпильки. Запястья и лодыжки непроизвольно задергались. Она вскрикивала каждый раз, когда накатывала новая волна пульсирующей боли, безуспешно пытаясь справиться с нею.

— Значит, ты уверена, что сможешь это проделать? — произнесла сестра Улиция низким, угрожающим голосом. — Пой-

дешь туда снова, завернешь обе шкатулки в одеяло и принесешь мне, как было уговорено?

Кэлен пыталась ответить, но не смогла. Она только кивнула, вынужденная согласиться, отчаянно желая избавиться от боли. Она чувствовала, как кровь течет из уха по шее и затекает под воротник. Она стояла на цыпочках, вытянувшись и мечтая провалиться сквозь стену — лишь бы избавиться от сестры Улиции.

— Помнишь, когда мы прошли через нижние ярусы этого дворца, мы видели там многие сотни бравых и очень одиноких солдат. У них там казармы, понимаешь? — спросила сестра Улиция.

Кэлен снова кивнула.

— Итак, если ты меня снова подведешь, я сперва переломаю тебе все косточки и заставлю пережить тысячу смертей, а потом исцелю тебя и продам тем солдатам в качестве казарменной шлюхи. Там ты и проведешь остаток жизни, переходя от одного чужого человека к другому, и никому не будет дела, каково тебе так жить!

Кэлен знала, что сестра Улиция не бросается пустыми угрозами. Она была совершенно беспощадна. Кэлен отвела глаза, не в силах больше выносить пронзительный взгляд сестры, и едва сдержала рыдания.

Сестра Улиция схватила Кэлен за подбородок и повернула ее лицо к себе.

— Ты уверена, что хорошо поняла, какова будет цена новой оплошности?

Кэлен удалось кивнуть, хотя сестра держала ее крепко.

Давление, прижимавшее ее к стене, вдруг исчезло. Она опустилась на колени, вскрикнув от новой волны боли, обжегшей всю левую сторону лица. Ей казалось, что у нее сломана кость — а может, и не одна.

— Что здесь происходит? — спросил солдат, привлеченный их возней.

Сестры Улиция и Тови обернулись и улыбнулись ему. Он бросил взгляд вниз, на Кэлен, и нахмурился. Она умоляюще поглядела на него, надеясь, что он спасет ее от этих чудовищ. Солдат приоткрыл рот, готовясь что-то сказать, но так и не сказал ничего, а улыбнулся обеим сестрам.

— Все в порядке, сударыни?

— О да, — сказала сестра Тови, жизнерадостно хихикнув. — Мы тут отдыхаем на скамеечке. Так спина разболелась, мочи нет. От старости, увы, никто здоровее не становится.

— К сожалению, — Он склонил голову. — В таком случае доброго отдыха, сударыни.

Солдат ушел, даже не заметив присутствия Кэлен. Если он ее и увидел, то тут же забыл. Примерно так же, поняла Кэлен, она сама забывала все о себе.

— Вставай! — прорычал голос сверху.

Кэлен кое-как поднялась на ноги. Сестра Улиция схватила ее мешок и вытащила мрачную черную шкатулку, завернутую в белое платье.

Она вручила сверток сестре Тови.

— Мы уже слишком долго околачиваемся здесь. На нас обращают внимание. Возьми это и ступай.

— Но это мое! — крикнула Кэлен и ухватилась за край платья.

Сестра Улиция ударила ее по рукам так, что зубы лязгнули. Кэлен не удержалась и упала боком на пол. Сжавшись в комок, обхватила голову ладонями, боясь, что она сейчас разорвется от боли. Мраморный пол был весь вымазан кровью. Кэлен била неудержимая дрожь.

— Ты хочешь, чтобы я уехала одна, без тебя? — спросила сестра Тови, взяв под мышку сверток со шкатулкой.

— Думаю, так будет лучше, — сказала сестра Улиция. — Пусть одна шкатулка отправляется в путь, пока эта никчемная сучка добудет остальные. Если она провозится так же долго, как и в первый раз, не стоит нам вдвоем здесь торчать и мозолить глаза страже: вдруг им захочется проверить, зачем мы тут застряли? Нам ни к чему драка; нужно ускользнуть, исчезнуть бесследно.

— Да, если они вздумают нас проверить, не стоит допускать, чтобы у нас обнаружили одну из шкатулок Одена, — согласилась сестра Тови. — Тогда я отправляюсь немедленно и подожду вас в каком-нибудь удобном месте. Или мне лучше ехать прямо до цели?

— Лучше тебе не задерживаться нигде. — Договариваясь с сестрой Тови, Улиция подняла Кэлен и заставила стоять. — Сестры Цецилия, Эрминия и я найдем тебя, как только доедем туда же.

Сестра Тови придвинулась к Кэлен и нехорошо улыбнулась:

— У тебя теперь будет несколько дней, чтобы подумать о том, как я разделаюсь с тобою, когда мы снова свидимся. Какие приятные раздумья, не правда ли?

— Да, сестра, — едва сумела проговорить Кэлен шепотом.

— Быстрого пути! — пожелала сестра Улиция.

Когда Тови удалилась, унося с собою чудесное платье Кэлен, сестра Улиция взяла в кулак волосы Кэлен и притянула к себе ее голову. Пальцы сестры ощупали лицо Кэлен без всякой осторожности. Она вскрикнула.

— Кость сломана, — объявила сестра, осмотрев рану. — Когда справишься с задачей, я тебя вылечу. Подведешь — знай, что это только начало. Другим сестрам и мне предстоит еще многое сделать, пока мы добьемся успеха. Тебе тоже найдется применение. Потому, если все выполнишь, я вылечу тебя. Ты нам нужна здоровая. — Сестра Улиция покровительственно потрепала Кэлен по щеке. — Но имей в виду, что я всегда могу найти тебе замену, если ты не справишься сегодня. Ну, а теперь бегом туда — и принеси мне другие две шкатулки.

У Кэлен не оставалось выбора. Жаловаться на боль и слабость сейчас значило навлечь на себя еще больший гнев хозяйки. Сестра Улиция изобретательна и неутомима. Кэлен понимала и то, что уйти от сестер ей не дано. Почему она не может забыть о боли, как забывает обо всем остальном? Казалось, что в темных глубинах памяти оседают лишь самые худшие события ее нынешнего существования.

Неровно дыша от еле сдерживаемых слез и боли, она просунула руку в лямки мешка и забросила его за спину.

— И пораскинь остатком мозгов, как принести сразу обе шкатулки, — прорычала сестра Улиция.

Кэлен кивнула и поспешно зашагала уже знакомым путем по широкому коридору. На нее по-прежнему никто не обращал внимания, как будто она стала невидимой.

Кэлен обеими руками взялась за бронзовый череп и приотк рыла дверь со змеями. Она пробежала по мягким коврам мимо гвардейцев так быстро, что те даже удивиться не успели. На караульных, расхаживающих в зале у лестницы, она едва не натыкалась — но лишь немногие из них хотя бы на мгновение ощущали ее присутствие, и тут же о нем забывали. Кэлен чувствовала себя, как призрак среди живых людей; его вроде бы нет, но он есть.

Она кое-как раздвинула створки двери, выложенной золотом, чтобы протиснуться в сад. Это усилие стоило ей дорого — теперь она едва могла переставлять ноги. Она хотела одного: вернуться, чтобы сестра избавила ее от боли. В саду по-прежнему было тихо и спокойно, как и положено в святилище. Однако теперь у нее не было времени смотреть по сторонам и любоваться цветами и деревьями. Она прошла по траве и остановилась перед каменным столом. Вид двух черных шкатулок, стоящих на нем, заставил ее вспомнить, что ей было велено сделать.

Медленно прошла она последние несколько шагов. Ей не хотелось идти сюда, не хотелось совершать то, что она была вынуждена совершить. Но дергающая, неотступная боль в голове подгоняла, как кнут.

Дойдя до каменного стола, она сняла с плеча мешок и уложила его плашмя рядом со шкатулками. Потом вытерла кровоточащий нос рукавом. Осторожно прикоснулась к виску, боясь нажать слишком сильно, но надеясь немного унять боль. Она едва не потеряла сознание, когда нащупала что-то острое, торчащее наружу. Это могла быть щепка от сломавшейся трости сестры Улиции — или осколок кости. От одной мысли об этом у нее потемнело в глазах и чуть не стошнило.

Помня, что время дорого, она прижала одну руку к животу, а другой принялась развязывать кожаные ремешки, которыми скатанное одеяло крепилось ко дну мешка. Пальцы стали липкими от крови, узлы поддавались с трудом. Пришлось работать обеими руками.

Отвязав наконец скатку, Кэлен бережно развернула одеяло и вынула свое сокровище. Его пришлось поставить на стол, чтобы высвободить место для отвратительных черных шкатулок. Она

сдержала рвущиеся наружу слезы, стараясь не думать о том, что оставит здесь эту милую сердцу вещь, расстанется с нею.

Кэлен заставила себя заняться делом и стала заворачивать шкатулки в одеяло. Закончив, тщательно затянула шнурки, чтобы шкатулки не выпали на ходу. Наконец она снова забросила мешок за плечо и неохотно пошла прочь от лужайки, зеленеющей посреди чудесного сада под крышей.

Пройдя через кольцо травы, она обернулась, глядя сквозь слезы на то, что оставила на каменной плите вместо шкатулок.

Не было для нее на свете ничего дороже этой вещи.

И теперь она прощалась с нею.

Отчаянное нежелание уходить захлестнуло ее. Чувствуя себя еще беспомощнее, чем прежде, Кэлен опустилась на колени прямо в траву.

Съежившись, она наконец расплакалась, проклиная свою жизнь. Из-за жестокости четырех злых женщин она лишалась своей последней отрады.

Кэлен плакала безудержно, вцепившись в жесткие стебли травы. Она не хотела оставлять свою драгоценность. Но сестра Улиция никогда не простила бы ей нарушение прямого и ясного приказа. Кэлен оплакивала безнадежность, ждущую ее впереди.

Никто, кроме сестер, не знал о ней, никто даже не подозревал, что она существует.

Ох, хоть бы один-единственный человек вспомнил о ней!

Лорд Рал мог бы прийти в свой сад и спасти ее.

Хоть бы, если бы... Стоит ли вообще чего-то желать?

Она притихла и, сидя на корточках, еще раз посмотрела на гранитную плиту, где стояла теперь совсем другая вещь.

Никто не придет и не спасет ее.

Она не привыкла к такому положению. Она не могла бы объяснить, откуда это знает, но знала наверняка: когда-то, в исчезнувшем, смутном прошлом она могла справляться со всеми бедами сама, могла положиться на собственную силу — и выжить. Тогда она не тратила время на жалобы: «Ах, если бы...»

Осмотревшись, она вдруг ощутила свежее дыхание чудесного, мирного сада лорда Рала, и оно как будто придало ей сил. Да, сад

поддержал ее — но также и что-то другое, скрытое в глубине души. Она вдруг захотела стать решительной, как прежде, и отстоять свою душевную свободу.

Кэлен захотела спастись сама.

То, что она оставила здесь, больше ей не принадлежало. Пусть это будет ее даром Ричарду Ралу в благодарность за чувство собственного достоинства, которое вернулось к ней в его саду.

«Магистр Рал ведет нас», — вдруг вспомнилось ей изречение из молитвы. Она еще раз всхлипнула и еле слышно пробормотала:

— Спасибо вам, магистр Рал, за то, что привели меня сегодня к новым, важным решениям!

Она потерла глаза тыльными сторонами ладоней, стирая слезы и кровь. Ей хотелось стать сильной, чтобы сестры не одолели ее. Они могут отобрать у нее все — и тогда победят.

Кэлен постановила не поддаваться им.

Она вдруг вспомнила про свое украшение и прикоснулась пальцами к маленькому камешку, висящему на шее. Этого камешка у нее пока не отняли. Вот и хорошо.

Она сохранила этот кулон.

Кэлен с трудом поднялась на ноги и выпрямилась, хотя мешок тяжело давил на спину. Сперва нужно вернуться к сестре Улиции, чтобы та исцелила ее от увечья, ею же нанесенного. Кэлен охотно воспользуется ее помощью — потому что потом она будет в состоянии сделать следующий шаг и найти путь к победе.

Оглянувшись в последний раз, она повернулась и пошла к двери. Она знала теперь, что не поддастся сестрам, сколько бы они ни пытались управлять ее жизнью. Они, возможно, все-таки одолеют ее — но не потому, что она сдастся без сопротивления.

И даже если в конце концов она погибнет, то уж душу ее поработить им не удастся.

Глава 58

Ричард, глубоко задумавшись, медленно ходил взад-вперед по тесной комнатке и в который раз перебирал подробности того утра, когда исчезла Кэлен. Требовалось наконец во всем детально

разобраться, и поскорее. На то было несколько причин. В первую очередь, чтобы вызволить Кэлен, он должен поверить, что все еще может спасти ее, что она жива и время еще есть.

Он один помнит о ней и верит в ее существование. И помочь ей может только он.

Перед ним стояли и задачи более общие. Ее исчезновение породило сложные последствия. Невозможно было сразу сказать, насколько далеко зайдут эти изменения. И эти вопросы, и таящиеся за ними враждебные замыслы интересовали также его одного.

Поскольку Кэлен до сих пор не убежала от похитителей, значит, она этого сделать не может, и ей нужна помощь. Зверь мог нанести новый удар когда угодно — и Ричард с болью осознавал, насколько легко может умереть в любой момент. А тогда последняя ниточка, связывающая Кэлен с миром, оборвется.

Он не мог терять даром ни минуты. Нельзя было тратить время даже на то, чтобы укорять себя за пустую растрату стольких дней.

Итак, все началось в то утро, незадолго до того, как он был ранен. Нужно перебрать заново все, даже мельчайшие воспоминания об этих нескольких минутах. Отрешившись от сознания трудности задачи, он сосредоточился на решении. Если рвать волосы на голове и выходить из себя из-за беспокойства о ней, доказывая всем, что он прав, ни к чему это не приведет.

Он даже отложил в сторону книги, «Гендросс» и «Оденическую Теорию», которые нашел здесь, в комнате между щитами. Первая была написана на древне-д'харианском наречии, а он давно уже не имел дела с этим языком и не мог сейчас тратить много времени на дотошное медленное чтение. Беглый просмотр показал, что в книге могут найтись весьма существенные сведения, хотя пока ничего дельного он не нашел. Позже, когда-нибудь, можно будет засесть за полный перевод, заодно и поупражняться в знании этой древней высокой речи. Но сейчас перед ним стояли более насущные задачи.

Вторая книга отличалась запутанностью изложения, следить за мыслью автора было трудно, особенно если отвлекаться все время на тревожные мысли, — но Ричарду достаточно было прочесть первые несколько страниц, чтобы убедиться: книга действительно

посвящена шкатулкам Одена. До сих пор, помимо «Книги Сочтенных Теней», ему не попадались другие работы о шкатулках Одена. Одно это придавало книге огромную ценность — не говоря уже об опасности, исходящей от самих шкатулок. Но шкатулки сейчас не интересовали Ричарда. Он отложил и эту книгу.

В комнатке были еще другие, но он не был расположен рыться в них. Кэлен — вот главное. Эту задачу следовало решить, рассуждая логически, а не бросаясь из стороны в сторону, высасывая доводы из воздуха.

Как Кэлен исчезла, неведомо. Зато известно, когда. Накануне вечером Ричард забрался под одеяло с нею вместе. Вечером Кэлен точно была с ним. Он помнит, как обнимал ее. Помнит, как она улыбнулась в сумерках и поцеловала его. Это не ложные воспоминания.

Пусть ему никто не верит, но он не выдумал Кэлен. С этой частью задачи он также должен разобраться позже. Ему для убежденности хватает обнаруженных в лесу следов.

Он не мог объяснить другим то, что было очевидно для него, с детства обученного разбирать следы. Но сам-то он читал в лесной книге уверенно! Ричарду не помешало то, что большую часть следов кто-то стер при помощи магии, заровнял поверхность земли и так далее. Камень, сдвинутый с места, подтвердил его правоту. Теперь нужно определить, что именно случилось с Кэлен — а тогда появится возможность придумать план спасения. Кто бы ни увел ее, похититель владел магией. Это уточнение сужало круг возможных виновников. Вероятнее всего, это был кто-то из пособников Джеганя.

Ричард вспомнил, что спал в то утро как мертвый — а проснувшись, обнаружил, что лежит на боку. Он не сразу сумел раскрыть глаза и с трудом поднял голову. Почему? Вряд ли он просто осовел спросонья; это состояние напоминало сонливость, но было намного тяжелее.

Увы, именно этот момент вспоминался с большим трудом; Ричард то и дело подходил к самому порогу понимания — но тут же все таяло в глухой темноте ложного рассвета. Что именно успел заметить он, борясь с тяжелой дремой? Он решил, отрешившись от всего остального, сосредоточиться только на этом моменте.

Первое, что всплывало в памяти, были густые ветви деревьев: они колыхались туда-сюда, словно на ветру.

Но в тот день ветра не было! На этом сходились все, с кем Ричард говорил. Он и сам прекрасно помнил, что стояла полная тишина. А ведь лес всегда откликается шелестом даже на слабое дуновение ветра! И все же темные ветви несомненно шевелились. Вот такое противоречие.

Но, как говорит Зедд, Девятое Правило Волшебника — «противоречий не бывает». Реальность не может противоречить сама себе. И если противоречие наблюдается, значит, какая-то часть реальности не является тем, чем кажется. Таков один из важнейших законов бытия.

Ветви не могли колебаться сами по себе и без ветра.

Значит, он смотрел на эту часть реальности не с той стороны. Его все время сбивало с толку это видение колеблющихся ветвей при полном безветрии. А следовало признать, что такого быть не может. Колебание ветвей могло вызвать какое-нибудь скрытое за ними существо.

Ричард вдруг застыл среди комнаты как вкопанный.

Да! Двигались не ветви, а тот, кто скрывался за ними!

Он видел все, что тогда происходило, при неверном освещении и спросонок. Потому сразу и не догадался...

В одно мгновение Ричард увидел всю картину целиком. Наконец-то пришло понимание.

Он застыл, широко раскрыв глаза, не шевелясь, как будто боялся спугнуть сложившуюся в уме картину. Все обрывки сведений о том утре выстроились в правильной последовательности. Теперь он полностью понимал, что произошло. Для того, чтобы похитить Кэлен, кто-то, видимо, навел чары и на нее, и на Ричарда. В результате он крепко заснул, а она дала себя увести. Потом похитители собрали все вещи Кэлен и убрали в лагере все признаки ее присутствия. Именно это движение он и заметил. В темноте двигались люди. Люди, наделенные даром.

Ричард заметил красное свечение в дверном проеме. В комнату вошла Никки.

— Ричард, мне необходимо поговорить с тобой.

Он сказал, думая о своем:

— Я все понял! Я знаю, что такое «змея о четырех головах»!

Никки отвернулась, как будто боясь посмотреть ему в глаза. Наверное, она решила, что он добавляет новые слои к нагромождению своих иллюзий.

— Ричард, выслушай меня! Это очень важно...

— Ты что, плакала? — нахмурился он.

Глаза у нее были красные и опухшие. Никки была не из слезливых женщин. Ему приходилось видеть ее плачущей — но всегда по очень веским причинам.

— Это неважно, — сказала она. — Ты должен меня выслушать.

— Никки, лучше ты послушай, я выяснил...

— Послушай меня! — Подбоченившись, она сердито вскинула голову, но на глаза ее снова наворачивались слезы. Ричард сообразил, что никогда еще не видал ее в таком расстройстве чувств. При всем нежелании тратить время на новые споры он понял, что нужно дать ей высказаться.

— Хорошо, я слушаю.

Никки подошла к нему и крепко схватила за плечи. Ее лоб перерезала морщина, все лицо выражало твердую решимость.

— Ричард, тебе следует убираться отсюда.

— Что?

— Я уже велела Каре собрать твои вещи. Она сейчас принесет их сюда. Она сказала, что знает, как спуститься в башню, минуя щиты.

— Да, я как-то показал ей путь. — Ричард уже начал беспокоиться. — Что происходит? На замок напали? С Зеддом все в порядке?

Никки погладила его ладонью по щеке.

— Ричард, они твердо решили излечить тебя от иллюзий.

— Кэлен — не иллюзия. Пять минут назад я понял, что с ней случилось.

Она словно не расслышала его слов; видимо, ожидала очередной попытки доказать невозможное. А он на этот раз вовсе не собирался ничего доказывать.

— Ричард, повторяю, тебе нужно уходить отсюда. Они захотели, чтобы я удалила твою память о Кэлен, применив Магию Ущерба.

Ричард недоверчиво прищурился.

— Это Энн и Натан? Зедд никогда бы такого не захотел!

— Именно Зедд меня и позвал. Гости убедили его, что ты болен, и единственный способ спасти тебя — вырезать ту часть твоих мыслей, которую они считают болезненной. От нее-де и возникают ложные воспоминания. Они напомнили Зедду, что время поджимает и тебя пора лечить. Зедд так сокрушается из-за твоего безумия, что ухватился за этот шанс, как утопающий за соломинку...

— И ты согласилась?

Она негодующе хлопнула его по руке:

— Ты спятил? Думаешь, я действительно на такое пойду? Хоть я и считаю, что они правы, но в жизни не согласилась бы коверкать твою душу! После всего, чем я тебе обязана... А ты подумал, что я... Неужели, Ричард?

— Нет, по-моему ты такого бы не сделала. Но как мог Зедд? Он же любит меня!

— Именно потому он так боится за тебя. Его ужасает, что ты попал во власть заблуждения, или заклинания, или чего-то еще и, оставаясь в живых, перестаешь быть самим собой, становишься чужим ему. Не думаю, чтобы кто-то из них — Энн, Натан или Зедд — действительно этого хотел, но Энн искренне верит, что ты — единственный спаситель нашего общего дела. Она верит в силу пророчества и потому отчаянно старается направить тебя по нужному пути любыми средствами. Зедду это не нравилось, но они показали ему послание в дорожном журнале, и он дал себя уговорить.

— Какое послание?

— Верна сопровождает войска Д'Хары. Она написала, что солдаты теряют боевой дух из-за того, что ты не присоединился к ним. Верна опасается, что если ты не появишься, они вообще откажутся вступать в бой. Она прислала Энн отчаянное письмо: спрашивает, нашла ли она тебя, просит сказать, когда можно ожидать твоего прибытия, когда ты возглавишь войска перед битвой с Имперским Орденом.

Ричард ошеломленно заморгал.

— В общем, я понимаю, почему все они так беспокоятся — но предлагать тебе применить Магию Ущерба!..

— Пойми, это решение, рожденное не ясным рассуждением, а отчаянием. Что еще хуже, я боюсь, как бы они, обнаружив, что я не намерена исполнять их просьбу, не вздумали попытаться излечить тебя самостоятельно. Но игра с сознанием вслепую может дать, мягко говоря, непредсказуемые результаты. Пойми, они теряют способность размышлять, потому что время летит, и Джегань может вот-вот навечно лишить нас всяких надежд. Они уверовали в наспех придуманное решение и больше не слушают доводов разума. Поэтому тебе придется уйти, Ричард, и немедленно. Я согласилась выполнить их план лишь затем, чтобы предупредить тебя и дать время уйти. Если хочешь уцелеть, беги немедленно!

У Ричарда голова шла кругом. Верилось с трудом, но приходилось верить. Никки не выдумывает...

— Здесь есть одна сложность. Я не умею, как Зедд, скрывать следы с помощью магии. Если они настолько озабочены, то погонятся за мной. А если им удастся захватить меня врасплох, что мне тогда делать? Драться с ними?

Она всплеснула руками.

— Не знаю, Ричард. Но я уверяю тебя, что они готовы на все. Никакими словами не их отговоришь — они считают, что ты болен и не способен мыслить здраво, а потому ради твоего собственного блага должны заставить тебя. Ими руководит любовь, но они избрали неверную дорогу. Видят добрые духи, я тоже считаю, что ты болен — но нельзя же так!

Ричард с благодарностью сжал ее руку и отвернулся, чтобы освоиться с новостью и придумать выход. В голове не умещалось, что Зедд мог согласиться на подобное обращение с внуком. Это было не похоже на него.

Не похоже на него.

Конечно! Ведь и на Энн не похоже такое суженное восприятие событий. Она не стала бы упираться в одно-единственное толкование роли Ричарда в пророчестве. Кэлен помогала измениться всем, кто общался с нею. Она объяснила Энн, что Ричард не должен

следовать букве пророчества, как будто это учебник. Но Кэлен исчезла, и все изменилось. Зедд словно поглупел и утерял находчивость. Даже Кара стала иной. Она не стала менее заботливой — но в ее заботливости было теперь больше... женского, что ли. А вот Никки изменилась скорее в лучшую сторону — во всяком случае, с точки зрения Ричарда. Она забыла все, что связано с Кэлен, и потому была больше склонна прислушиваться к Ричарду, учитывать его мнение, даже если оно противоречило ее собственным мнениям и интересам, разбираться внимательнее во всем, что он говорил и делал. Она теперь была больше предана ему лично и потому особенно старалась беречь его.

Но нынешнее состояние Зедда тревожило его — а Энн стала просто невыносима с ее высокомерием и желанием вмешиваться во все решения Ричарда, навязать ему свое видение его задач и целей.

Ричард уже многократно говорил всем, что за исчезновением Кэлен стоят намного более широкие и сложные явления. Сами по себе изменения в характерах людей, и скрытые, и очевидные, также подтверждали его подозрения. И пока даже Ричард не осознал в полной мере все побочные действия и последствия.

Все изменилось. Ричард больше не мог пользоваться прежними представлениями, чтобы не искажать сложившуюся новую картину. Он должен видеть истину и не может поддаваться влиянию воспоминаний. Никки стала теперь ему настоящей союзницей. Кара оставалась верной телохранительницей, хоть и стала чуть мягче и женственнее. Но Зедд и Энн, а возможно, и Натан стали ненадежны — и притом в самом важном деле.

Исходя из этого нового положения и следовало действовать. Держа в уме поставленную цель, идти к ней, даже если для этого нужно отказаться от доверия к людям, которым он верил когда-то, которых любил и уважал.

С исчезновением Кэлен правила игры изменились.

Ричард обернулся к Никки.

— Как некстати это все случилось! Я только что разобрался во всем. Змея о четырех головах — это сестры Тьмы.

— Сестры, служащие Джеганю?

— Нет. Мои прежние наставницы — Тови, Цецилия, Эрминия и их начальница Улиция. Сестра Улиция сама назначала мне наставниц, в том числе и тебя.

— Ричард, но это нелепо! Я не...

— Нет, ничего нелепого тут не имеется. В то утро, увидев, как колышутся ветви деревьев, хотя ветра не было, я не понял, что двигались на самом деле люди. А именно — сестры, которых я не смог разглядеть в темноте.

— Но Джегань захватил всех сестер Тьмы!

— Не всех.

— Он — сноходец, Ричард. Те сестры Света, которые остались на свободе, ему не подвластны, но остальных он поработил. И меня в их числе. Я была с ними, когда Джегань впервые впился в нас своими когтями. Сестры Тьмы, не заключившие союза с тобой, беспомощны против сноходца. Я связана с тобой своими... своими чувствами и потому ушла из-под его власти. Но остальные не могли освободиться — ведь они не хранят и не могут хранить верности тебе.

— И тем не менее эти четверо присягнули мне.

— Что? Это невозможно!

Ричард покачал головой.

— Тебя не было с ними в тот день, когда это произошло. Войска Джеганя пытались взять штурмом Дворец Пророков. Сестра Улиция и мои бывшие наставницы — не было только тебя и умершей Лилианы — знали, где держат Кэлен. Они хотели освободиться от власти Джеганя и решили сделать некое предложение мне. Обещали открыть, где находится Кэлен, взамен на позволение принести мне присягу и тем самым ускользнуть от сноходца.

Никки готова была вскипеть. Возражения просились на язык. Однако сама идея такой возможности казалась ей столь дикой, что она не знала, с чего начать — и лишь тяжело вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

— Ричард, пора научиться обуздывать свои фантазии. То, что ты сейчас сказал, не укладывается даже в твою собственную историю. Змея, которую ты выдумал, должна была бы иметь пять голов — ты забыл про Мериссу.

— Нет, Мерисса умерла. Она попыталась убить меня и пошла за мною. Она сказала, что хочет искупаться в моей крови.

Никки намотала прядь волос на палец и подергала.

— В это могу поверить, я часто слышала, как она клялась сделать это.

— Она попыталась осуществить свой обет и последовала за мною и Кэлен сквозь сильфиду. Меч Истины, соприкасаясь с сильфидой, придает ей убийственные свойства — поэтому я, выбравшись из сильфиды, вытащил меч и окунул его в серебряную жидкость, прежде чем Мерисса успела оттуда вылезти. Она там и умерла. Таким образом, из тех сестер Тьмы, которые присягнули мне, осталось в живых лишь четверо. Именно эти сестры и подразумеваются в образе змеи о четырех головах. Именно они подстерегли нас в то утро и похитили Кэлен. Меня усыпили каким-то заклинанием, чтобы я не мог легко проснуться. Наверно, это были какие-то совсем простые чары — скажем, просто усиливающие естественную сонливость, и потому я не сообразил, что меня зачаровали. Волчий вой, услышанный мною, вовсе не был воем настоящего волка. Это был сигнал, поданный приближающимся отрядом. Из-за чар я не смог отличить его от подлинного воя — мое внимание было сковано сном. И все-таки даже сквозь сон я отметил нечто странное. Потом сестры, опять-таки при помощи магии, скрыли свои следы. Вот так они и увели Кэлен.

Никки уже обеими кулаками стиснула свои светлые волосы и сердито выкрикнула:

— Но они — сестры Тьмы! Они не могут быть связаны одновременно с тобой и с Владетелем. Все это безумные домыслы!

— Я и сам так думал. Но сестра Улиция убедила меня, что я однобоко смотрю на вещи. Она предложила принести мне клятву верности — а я со своей стороны потребовал сказать, где находится Кэлен. Чтобы не нарушить данной клятвы, они должны были отвечать честно. После этого я обещал отпустить их. Если бы я потребовал чего-то еще, наше соглашение тем самым нарушалось, и мы оказывались в прежнем положении: они — подданные Джеганя, а Кэлен — пленница. Сестра Улиция просила, чтобы после того, как они дадут клятву и ответят на один мой вопрос,

им позволили уехать. Они получили мое позволение, а я получил Кэлен.

— Но они — сестры Тьмы!

— Сестра Улиция сказала, что если они впоследствии не станут прямо способствовать моей смерти, это, несомненно, послужит мне на пользу — а значит, с их точки зрения, они ничем не нарушат клятву. Ведь я хотел, чтобы меня не убили, и это подразумевалось при заключении союза.

Никки отвернулась, хлопнув себя рукой по бедру.

— Как ни дико звучит, однако смысл в этом есть. Сестра Улиция чрезвычайно изворотлива. Она и не такое может придумать...

Тут Никки резко развернулась к Ричарду.

— Да что это я? Ты все-таки ухитрился заморочить мне голову своими фантазиями! Хватит, Ричард. Сейчас тебе нужно уходить, и это главное. Кара вот-вот появится. Пойдем!

Ричард знал, что Никки права. Он не смог бы найти Кэлен, если бы ему пришлось прятаться от троих волшебников, прекрасно умеющих пользоваться своей силой и намеренных изменить ход его мыслей. Вряд ли они позволят ему объясниться. Он уже попробовал что-то объяснить им, и ничего не вышло. Теперь они приступят к делу и наверняка не станут предупреждать Ричарда. Он и глазом моргнуть не успеет, как все будет кончено.

Противно было думать об этом, но Зедд в самом деле способен применить насилие. В те дни, когда они занимались поисками шкатулок Одена, которые Даркен Рал ввел в игру, Зедд вручил Ричарду Меч Истины. Вручая меч, он сказал, что речь идет о спасении множества жизней — и он, Зеддикус З'ул Зорандер, без колебаний убьет даже Ричарда, если это потребуется для спасения остального человечества. Именно он внушил Ричарду, что Искатель, владеющий Мечом Истины, должен быть готов отдать и свою жизнь, должен понимать, ради чего борется.

Разумеется, Зедд ни на минуту не задумается, применять ли ему чары для того, чтобы любимый внук опомнился, вернулся к исполнению долга перед миллионами людей. Тем более, если для этого надо всего лишь стереть память о какой-то Кэлен — ложную память, причиняющую только боль и вред.

— Да, пожалуй, ты права, — удрученно признал Ричард. — Они попытаются задержать меня. — Он взял со стола две маленьких книжки и сунул их в карман. — Тогда давай уберемся отсюда, пока они этим не занялись.

— Уберемся? Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

Ричард ответил, обиженно пожав плечами:

— Никки, ты и Кара — единственные мои настоящие друзья сейчас. Ты всегда приходила на помощь вовремя, в минуты нужды. Я не могу допустить, чтобы друзья остались, а я ушел, когда все начинает проясняться. Без вашей поддержки, советов и помощи я не справлюсь, когда дойдет до дела — а уж тем более, если дело сорвется. Но я не могу требовать, я только прошу. Если хочешь, тогда...

Никки улыбнулась той редкой для нее улыбкой, когда проявлялись лучшие, благороднейшие черты ее характера. С тех пор, как она научилась любить жизнь, она улыбалась так только Ричарду.

Глава 59

Кара, нетерпеливо притопывая, ждала по ту сторону щита. Рикка, ставшая на страже у железной двери, осматривала внутренность башни. Заметив красное свечение, обе они обернулись и услышали шаги Ричарда. Он увидел дорожные мешки и снаряжение, аккуратно сложенное горкой у двери. Вытащив свой мешок из-под остальных, он засунул туда две книжки.

— Значит, мы уходим? — спросила Кара.

Ричард продел руки в лямки и вскинул мешок на плечи.

— Да, и времени терять нельзя.

Он подобрал лук и колчан, и женщины взялись разбирать свои вещи.

Кара, желавшая, чтобы Никки была рядом с Ричардом как еще одна защитница, принесла и вещи волшебницы. Ричард подумал: связано ли то, что Никки постоянно оказывается рядом с ним, с откровениями Шоты?

Рикка тоже была с вещами. Он чуть было не спросил, понимает ли она, что делает, — но вспомнил, что место морд-сит рядом с ним. Однако он слишком много времени провел в обществе Кары, и теперь ему казалось странным, что при нем снова будет не одна телохранительница.

— Все готовы? — спросил он, когда женщины подтянули лямки и закрепили пряжки.

Все трое кивнули. Ричард повел их к выходу. Лица у всех были угрюмые. Он знал, что Кара беспрекословно последует повсюду за ним, но не за Никки; посторонним она не подчинилась бы без достаточных обоснований. Поэтому он подозревал, что Кара как следует расспросила Никки — а уж спрашивать морд-сит умеют — и теперь хорошо знает, почему им надо уходить.

Выйдя на нижний ярус башни, Ричард взялся было за железные перила, чтобы пройти по галерее, но внезапная догадка заставила его остановиться. Его спутницы ждали, удивленные остановкой. Ричард взглянул на Никки и сказал:

— Они не доверили бы тебе такое важное дело просто так.

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросила Никки.

— Дело слишком важное. Они не могут допустить, чтобы ты по слабости или недосмотру нарушила их указания. А вдруг ты ошибешься и дашь мне ускользнуть?

Кара подошла ближе:

— То есть вы думаете, что они придут присмотреть за вами?

— Нет, за мной не придут, — сказал Ричард. — Но кто-нибудь непременно засядет где-то на пути к выходу из замка — на всякий случай, если я вдруг отделаюсь от Никки и попытаюсь сбежать. Если мы наткнемся на них, все пропало.

— Лорд Рал, — сказала Рикка, — мы с госпожой Карой никому не позволим обидеть вас!

Ричард недовольно приподнял бровь.

— Я не хочу, чтобы до этого дошло. Все они верят, что лишь помогают мне. Они не собираются причинять мне вред — во всяком случае, намеренно. Я не хочу, чтобы вы нападали на них!

— Но не допустите же вы, чтобы они вздумали применить к вам свою магию, а мы не трогали их? — сказала Кара.

Ричард внимательно посмотрел на нее.

— Я уже сказал: я не желаю, чтобы до этого дошло.

— Лорд Рал, — тихо проговорила Кара, — я просто не допущу, чтобы кто-либо нападал на вас таким образом, даже если они думают, что помогают. В этом вопросе неопределенности быть не может. Если на вас нападут, это следует прекратить, и все. Если они преуспеют в своем замысле, вы навсегда останетесь другим человеком. Тот лорд Рал, которого мы знаем, исчезнет.

Кара придвинулась еще ближе и уперлась в него тем взглядом морд-сит, от которого его всегда прошибал пот.

— Если вы допустите, чтобы они выиграли только потому, что не хотите причинить им вред, тогда вы забудете про вашу Кэлен. Вы этого хотите?

Ричард стиснул зубы и ответил:

— Нет, не хочу. Попытаемся избежать столкновения. Но если мы все-таки столкнемся, тогда ты права. Нельзя допустить, чтобы они выиграли. Все же, пытаясь остановить их, не будем применять больше силы, чем необходимо.

— Неуверенность ведет к поражению, — сказала Кара. — Я не стала бы морд-сит, если бы в юности поддалась сомнениям.

Ричард признал ее правоту. Меч Истины научил его этому. Танец со смертью не допускал никаких компромиссов.

Он положил руку на плечо Кары.

— Я понимаю.

Никки окинула взглядом вздымающиеся кверху ярусы башни со многочисленными проходами.

— Как ты думаешь, где они будут ждать?

— Понятия не имею, — сказал Ричард, засунув большие пальцы под лямки мешка. — Замок Волшебника велик, но выход отсюда наружу, по сути, есть только один. Подойти к нему мы можем как угодно — потому, я думаю, что они устроят засаду где-нибудь поближе к выходу во двор и к подъемной решетке.

— Лорд Рал, — неуверенно произнесла Рикка, — здесь есть еще один выход.

Ричард нахмурился:

— Как это?

— Кроме главного входа, есть еще один. Но добраться до него можно только по длинному переходу глубоко под замком.

— Откуда ты знаешь?

— Ваш дед показал мне его.

У Ричарда не было времени на то, чтобы удивляться.

— И ты сумеешь найти его сама?

— Думаю, да, — подумав, подтвердила Рикка. — Конечно, мне не хотелось бы заблудиться в лабиринтах замка, но я найду дорогу. Дойдя сюда, мы, считайте, уже проделали часть пути, а остальное не составит особого труда.

Обдумывая ее предложение, Ричард в рассеянности хотел положить руку на рукоять меча и тут же вспомнил, что меча нет. Вместо этого он сложил ладони и потер их.

— Пожалуй, имеет смысл двинуться этим путем.

Рикка тут же развернулась так, что длинная светлая коса хлестнула ее по бокам.

— Ступайте за мной!

Ричард пропустил Никки перед собой и пошел следом, предоставив Каре замыкать маленький отряд. Однако, не пройдя и двадцати шагов, он остановился и оглянулся.

Все посмотрели, куда он направил взгляд, и снова остановились, озадаченные задержкой.

— Идти этим путем тоже нельзя. — Он повернулся к Рикке. — Зедд сам показал тебе этот выход. Он прекрасно изучил морд-сит. Как бы хорошо вы с ним ни поладили, он знает: если тебе придется выбирать между нами, ты выберешь мою сторону. Зедд обожает устраивать трюки. Он отправит Энн и Натана охранять главный вход, а сам заляжет на том пути, который показал тебе, Рикка.

— Ну, если выходов всего два, — заметила Никки, — это означает, что им придется разделиться, чтобы перекрыть оба. И то если Зедд действительно будет рассуждать так, как ты предположил. Он мог забыть, что открыл этот секрет Рикке, или подумает, что она не расскажет тебе. Этот путь еще может быть свободен!

Ричард медленно покачал головой, глядя в сторону — на широкую площадку, разделяющую галерею пополам, на тусклый черный круг затхлой воды под нею.

— Это возможно. Но рассчитывать, что Зедд допустит такую оплошность, глупо.

Никки слегка встревожилась.

— Послушай, ты не можешь пользоваться своей силой, чтобы не вызвать появление зверя, но я-то могу! И у меня намного больше сил, чем у Зедда. Если они разделились, тогда состязаться мне придется с ним одним, а не с тремя.

— Да, но я бы не стал устраивать подобные состязания, особенно в стенах замка. Здесь могут быть предусмотрены защитные приспособления, которые сработают, если на Первого волшебника совершат нападение. Даже если ты просто постараешься замедлить его движение, чтобы дать нам уйти, этого может оказаться достаточно, чтобы включилась какая-нибудь смертельная штука. Кроме того, даже если ты замедлишь его движение, он все равно нагонит нас.

Никки скрестила руки

— Ладно, что же ты теперь предложишь нам делать?

Ричард повернулся и твердо посмотрел в ее голубые глаза.

— Я предлагаю использовать путь, по которому они не смогут за нами последовать.

— Какой? — поморщилась она.

— Путь сильфиды.

Все посмотрели на галерею так, словно ожидали увидеть сильфиду, поджидающую их.

— Отлично! — сказала Кара. — Мы уйдем, а они даже не узнают. Следов не останется. Более того, мы можем перенестись сразу на большое расстояние. Они не смогут нас догнать!

— Вот именно. — Ричард хлопнул ее по плечу. — Идемте же!

Все четверо быстро прошли по галерее и через взорванный проем проникли в комнату с колодцем. Никки при помощи магии зажгла факелы в железных креплениях на стенах, и беглецы все разом заглянули в колодец.

— Здесь возникает только одна трудность, — высказал Ричард вслух мысль, пришедшую к нему, когда он посмотрел в черный провал колодца. — Чтобы вызвать сильфиду, я должен применить магию.

— Да, это плохо, — с глубоким вздохом признала огорченная Никки.

— А может, и нет, — возразила Кара. — Шота рассказывала, что вы, применяя силу, можете вызвать зверя, но не обязательно. Раз на раз не приходится. Рассуждая логически, зверь должен находить вас при каждом случае применения магии, но он не действует логически. Шота говорила, что он может объявиться и тогда, когда вы ничего такого не делаете. Ничего нельзя предсказать заранее.

— И потом, мы ведь не собираемся уходить отсюда, чтобы не столкнуться с преследователями, — напомнила Никки, — а зверь вряд ли возникнет сразу. Мы успеем уйти через колодец.

— Да, если бы мы все-таки пошли к выходу, трудностей было бы две, а не одна, — согласился Ричард. — Проскочить мимо волшебников — раз, избежать магического воздействия — два. Странно, мне приходится называть Зедда, Энн и Натана преследователями — но тут уж ничего не поделаешь...

— Если вы не хотите столкновения с ними, — сказала Кара, — тогда и мне колодец кажется лучшим выходом!

— Мне тоже, — подхватила Рикка.

— Вызывай сильфиду. — Придержав обеими руками рассыпающиеся волосы, Никки снова заглянула в колодец. — И поспеши, они могут прийти проверить, почему меня так долго нет.

Ричард больше не колебался. Он вскинул руки со стиснутыми кулаками, пробуждая собственную силу. Обычно это давалось ему с трудом — но если получалось прежде, должно получиться и теперь. Нельзя слишком напрягаться, пусть все идет как бы само собой. Ведь если сейчас он не призовет силу, то потеряет последнюю надежду увидеть женщину, которую любит больше жизни.

На мгновение боль разлуки вспыхнула так сильно, что он чуть не поддался желанию прыгнуть в черную бездну. Но искреннее, жгучее желание помочь Кэлен превозмогло эту слабость. Глубоко в душе его разгорался огонь. Он неудержимо рвался наружу. Ричарду стало трудно дышать. Он напряг все мышцы, чтобы сдержать порыв силы.

Между его протянутыми руками вспыхнул свет. С ним уже случалось такое. Он сложил руки так, чтобы серебряные браслеты

соприкоснулись. В прошлый раз у него их не было, но сильфида говорила — они понадобятся, чтобы вызвать ее снова. Браслеты вдруг засияли, и руки стали словно прозрачными — Ричард видел внутреннюю сторону тяжелых браслетов, как будто они просто висели в воздухе.

Он сосредоточился на своем намерении. Ему нужно было одно: чтобы сильфида явилась и помогла ему добраться до Кэлен. Он хотел этого, как голодный хочет хлеба. Он требовал:

— *Приди ко мне!*

Сияние усилилось. С его рук сорвался шар огня, словно молния ударила в точку посередине пустого колодца. Но раската грома не последовало — послышалось лишь шипение и треск, как от разгорающегося костра, и свет с невероятной скоростью исчез в черной глубине.

Женщины с тревогой следили за этой вспышкой света. Только Никки оглянулась, боясь увидеть в комнате признаки появления зверя. Отзвуки заряда силы, посланного Ричардом, слышались еще долго, но наконец все затихло.

Потом тишину замка, глухую тишину подземелий, спрятанных под огромной толщей безжизненного камня, нарушил отдаленный рокот.

Что-то зашевелилось там, в глубине.

Стены комнаты дрогнули, из щелей и трещин посыпалась пыль. Мелкие камешки затанцевали на трясущемся полу.

Что-то поднималось снизу, заполняя колодец с такой скоростью, что воздух свистел и стонал. Сильфида спешила на зов, и грохот нарастал.

Никки, Кара и Рикка отпрянули от колодца, когда что-то серебристо мерцающее взвилось над его краем и с неожиданной грацией опустилось до кромки.

Серебристая жидкость пошла волнами, посредине ее образовалась блестящая, словно расплавленный металл, выпуклость. Она вновь поднялась выше кромки колодца, вытянулась и в конце концов приобрела форму женского тела. Его блестящая зеркальная поверхность отражала все, что было в комнате, но контуры отражения плыли и искажались от движения фигуры.

Казалось, она была сделана из ртути.

Фигура продолжала изгибаться, меняться, ее линии гнулись, сворачивались и наконец сложились в широко улыбающееся лицо.

— Господин, вы звали меня?

Чарующий, женственный голос сильфиды пробудил эхо в стенах комнаты, но губы ее не шевелились.

Ричард подошел ближе к ней, не замечая, как потрясены Никки и Рикка.

— Да. Благодарю за то, что ты пришла, сильфида. Ты нужна мне.

Серебряная улыбка стала еще шире:

— Желаете путешествовать, господин?

— Да, я желаю покинуть это место. Мы все желаем. Всем нам нужно уйти отсюда.

Сильфида явно радовалась возможности услужить.

— Прекрасно! Мы отправимся немедленно. Идите же ко мне!

Ричард подтолкнул женщин к самой стенке колодца. Рука из жидкого металла протянулась к ним и прикоснулась к каждой из трех по очереди.

— Ты уже путешествовала со мною, — сказала сильфида Каре, едва коснувшись ее лба. — Тебя я могу взять с собой.

Блестящая рука мягко дотронулась ладонью до бровей Никки и задержалась на несколько мгновений.

— У тебя есть все, что нужно. И тебя я могу взять с собой.

Рикка вскинула подбородок, скрывая свое отвращение к магии, и так стояла, пока сильфида касалась ее.

— Тебя не могу взять, — неожиданно сказала сильфида.

Рикка негодующе насупилась.

— Но, позволь, если Кара может, почему не могу я?

— У тебя нет обеих сторон силы, — ответил голос.

Рикка скрестила руки на груди и сказала упрямо:

— Я должна уйти с ними. Должна, и все тут!

— Выбор за тобой, но если ты попытаешься отправиться со мною — умрешь, и тогда уж точно не сможешь следовать за ними.

Ричард положил руку на плечо Рикки прежде, чем она успела найти ответ.

— Кара переняла частицу силы от того, кто обладал необходимой стороной магии; поэтому она может воспользоваться услугами сильфиды. Тут ничего не поделаешь. Тебе придется остаться здесь.

Рикка с самым несчастным видом кивнула.

— Хорошо. Тогда вы двое готовьтесь.

— Идите ко мне, — сказала сильфида Ричарду, — и в путь! Куда я должна вас доставить?

Ричард раскрыл было рот, но осекся и повернулся к Рикке.

— Раз ты с нами не идешь, тебе лучше сразу уйти отсюда, чтобы ты даже не слышала, куда я направляюсь. Тогда я буду уверен, что ты не сможешь сообщить это, если тебя попытаются допросить. Мой дед достаточно хитер, когда ему нужно, и может выжать из тебя правду даже так, что ты и не заметишь.

— Да я сама все понимаю, — грустно вздохнула Рикка. — Вы правы, лорд Рал. — Она улыбнулась Каре. — Присматривай за ним!

Кара кивнула.

— Я всегда присматриваю. Он без меня и шагу ступить не может.

Ричард пропустил подначку Кары мимо ушей.

— Зато у меня есть кое-что другое, что нужно передать Зедду, Рикка. И поскорее.

Рикка, нахмурившись, приготовилась слушать и запоминать.

— Скажи ему, что четыре сестры Тьмы захватили Кэлен — настоящую Мать-Исповедницу, а не тело, захороненное в Эйдиндриле. Скажи, что я намерен вернуться как можно скорее и предоставить неопровержимые тому доказательства. И я настаиваю, чтобы он, прежде чем пытаться излечить меня, дал мне возможность изложить ему свои соображения. И еще передай, что я его люблю и понимаю его беспокойство — но поступаю, как положено Искателю, как он сам велел мне, когда вручал Меч Истины.

Когда Рикка удалилась, Кара спросила:

— Каковы эти доказательства?

— Еще не знаю. Пока не нашел. — Ричард обратился к Никки: — Не забудь, что я говорил. Как только нырнем, ты должна

вдохнуть это вещество, сильфиду. Поначалу тебе захочется задержать дыхание, но этого делать нельзя. А когда мы прибудем на место и покинем сильфиду, нужно выпустить жидкость из легких и снова вдохнуть воздух.

Никки не могла скрыть беспокойства. Ричард взял ее за руку.

— Я буду с тобой, и Кара тоже. Мы с нею уже проделывали этот путь. Я тебя не упущу. Поначалу трудно заставить себя вдохнуть сильфиду, но как только решишься, становится хорошо. Дышать сильфидой — наслаждение, поверь.

— Наслаждение? — переспросила Никки с явным недоверием.

— Лорд Рал прав, — сказала Кара. — Вот увидишь!

— Только помни, — добавил Ричард, — когда все кончится, тебе не захочется выдыхать сильфиду и снова дышать воздухом — но ты должна это сделать, иначе умрешь. Понятно?

— Конечно, — сказала Никки.

— Тогда все. Идем, — Ричард вскарабкался на оградку колодца и помог взобраться Никки.

— Куда мы направляемся, господин?

— В Народный Дворец в Д'Харе. Знаешь, где это?

— Конечно. Народный Дворец — это главное место.

— Что значит «главное место»?

Если живая ртуть способна удивляться, то можно было бы сказать, что сильфида выглядела удивленной.

— Ну просто — главное место. И здесь тоже главное место.

Ричард ничего не понял, но не придал вопросу большого значения и не стал допытываться дальше.

— Хорошо, я понял.

— Зачем тебе в Народный Дворец? — спросила Никки.

Ричард пожал плечами.

— Куда-то же мы должны направиться. А во дворце мы будем в безопасности. И потом, там есть библиотеки со множеством редких древних книг. Надеюсь, нам удастся обнаружить в них что-нибудь касательно Огненной Цепи. Поскольку Кэлен увели сестры, я полагаю, что Огненная Цепь — это какой-то вид магического действия. К тому же армия Д'Хары стоит неподалеку от дворца, в южном направлении. Наконец, мне нужно найти Бердину.

Последний раз я оставил ее здесь, в Эйдиндриле, и теперь она, скорее всего, обретается где-то близко от армии или от дворца. Она должна помочь мне перевести кое-что из книжек, которые я взял с собой. У нее же хранится дневник Коло, и она могла извлечь из него что-то полезное. — Взглянув на Кару, Ричард добавил: — Может быть, мы встретим там генерала Мейфферта и узнаем, как обстоят дела в войсках.

Лицо Кары осветила радостная и удивленная улыбка.

Никки задумчиво кивнула.

— Пожалуй, в этом есть смысл. И главное — там тебе ничто не угрожает.

— Отлично. Итак, сильфида, — сказал Ричард, — мы желаем попасть в Народный Дворец в Д'Харе!

Серебряная рука высунулась и охватила всех троих. Ричард ощутил теплое, мягкое, но крепкое пожатие сильфиды. Никки вцепилась в его руку мертвой хваткой.

— Лорд Рал... — проговорила Кара просительным тоном.

Ричард взмахнул свободной рукой, прося сильфиду немного погодить.

— Что с тобой?

Кара прикусила губу, но все-таки призналась:

— Вы не возьмете меня за руку, как Никки? Не хочется разлучаться с вами...

Ричард постарался не улыбнуться, видя, как она нервничает. Кара боялась магии, даже пользуясь ею.

— Пожалуйста, — сказал Ричард и протянул ей руку. — Я тоже не хочу разлучаться.

Вдруг неожиданное сцепление мыслей заставило его остановиться.

— Подожди еще! — сказал он сильфиде.

— Что угодно, господин?

— Не слыхала ли ты о женщине по имени Кэлен? Кэлен Амнелл, Мать-Исповедница?

— Это имя ничего не говорит мне.

Ричард разочарованно вздохнул — хотя и не ожидал, что сильфида может знать Кэлен.

— А насчет места, именуемого Глубокая Пустота, ты ничего не можешь сказать?

— В Глубокой Пустоте есть разные поселения. Одни разрушены, другие еще существуют. Могу доставить вас туда, если желаете.

От удивления сердце Ричарда учащенно забилось.

— А эта Глубокая Пустота — тоже главное место?

— Не она сама, — сказала сильфида. — Касска — вот главное место в Глубокой Пустоте. Желаете ли побывать там?

Ричард посмотрел на Никки и Кару.

— Кто-нибудь из вас знает, что такое Касска?

Никки покачала головой. Кара наморщила лоб.

— По-моему, я что-то слышала об этом месте в детстве. Простите, лорд Рал, точнее вспомнить не могу — но название кажется мне связанным с древними легендами.

— Какими легендами?

Кара пожала плечами.

— В Д'Харе много таких легенд... что-то о народе под названием «сеятели снов». Это как-то связано с историей Д'Хары. Кажется, Касска — очень древнее название.

Древние легенды. Сеятели снов. Ричард припомнил, что наткнулся на упоминание о способах «сеяния снов», пролистывая книгу «Гендросс», найденную в комнате между щитами, но еще не перевел этот отрывок. Он стал властителем Д'Харианской империи — но до сих пор не успел познакомиться со всеми тайнами Д'Хары...

Хотя Кара ничего больше добавить не смогла, Ричард почувствовал, что он сейчас сделал еще один шаг, приближаясь к Кэлен.

— Мы желаем перенестись... — сказал он наконец сильфиде. — Мы желаем перенестись в Касску в Глубокой Пустоте.

Много прошло времени с того момента, когда Ричард пользовался услугами сильфиды, и сейчас он чувствовал себя несколько неуютно. Но радость от того, что все разрозненные сведения наконец-то начали связываться воедино и появляются первые ответы, так долго ускользавшие от него, развеяла это беспокойство.

— Значит, движемся в Касску, — сказала сильфида, и ее голос отразился эхом от каменного свода комнаты, где когда-то умер Коло, стоявший на страже колодца в те дни, когда завершилась великая война. Точнее, все думали, что завершилась — но древние распри не заканчиваются так просто, их то и дело раздувают вновь.

Сверкающая переливчатая рука подняла всех троих над стеной и окунула в серебристый расплав. Никки еще крепче вцепилась в руку Ричарда и глубоко вздохнула, прежде чем уйти в глубину.

Глава 60

Со скоростью стрелы Ричард летел сквозь нежное безмолвие сильфиды, но чувствовал себя скорее вороном, медленно скользящим по воздушным потокам над вершинами деревьев в лунном свете. Здесь не было ни жара, ни холода. Среди безмолвия чудесные звуки наполнили его сознание. Перед глазами мелькали и свет, и тени, объединенные в единый спектр, а легкие наполнялись сладким духом сильфиды, проникавшим в самую душу.

Это было подлинное наслаждение.

Но внезапно все кончилось.

Зернистая темнота взорвалась перед его глазами, распалась на угловатые, неясные формы; пронзая их, он поднимался к поверхности. Никки в ужасе стиснула его руку изо всех сил.

— Дышите, — сказала им сильфида.

Ричард выдохнул, сожалея, что наслаждение прервалось. Неохотно вдохнул взамен чужой воздух. Кара тоже с силой втянула жаркий, пыльный воздух.

Никки всплыла лицом вниз и мягко закачалась на серебристой поверхности.

Ричард протянул руку и подтащил Никки к себе. Стянув со спины лук, чтобы не мешал, он с помощью сильфиды быстро подпрыгнул и оказался на ограде колодца. Потом сильфида приподняла Никки, и он высвободил ее голову и плечи, чтобы дать ей доступ к воздуху.

— Дыши, Никки! — позвал Ричард, хлопая ее по спине. — Ну-ка, давай! Ты должна выдохнуть сильфиду. Ради меня, прошу тебя, дыши!

Наконец ей это удалось. Она задышала, беспомощно ощупывая руками неведомое пространство. Ричард прижал ее к себе, повернул так, чтобы она могла ухватиться за стенку, и помог выкарабкаться из колодца.

На стенах незнакомого помещения неярко горели стеклянные сферы в металлических креплениях, такие же, как в замке.

— Как вы думаете, где это мы? — спросила Кара, осматриваясь.

— Какое наслаждение... — пробормотала Никки, все еще находясь под впечатлением путешествия.

— Я же обещал тебе, — сказал Ричард, помогая ей спрыгнуть на пол.

— Комната какая-то странная, — заметила Кара, пройдясь вдоль стен. — Похожа на каменный мешок

Ричард подошел к дальнему, темному концу комнаты, и два шара побольше, размещенные на высоких железных подставках, зажглись зеленоватым потусторонним светом. Стало видно, что они отмечают вход на лестницу. Но ступеньки отчего-то доходили до потолка.

— Очень странно, — сказала Кара, поднявшись на две ступеньки и разглядывая темный потолок.

— Вот оно! — воскликнула Никки, рассмотрев ступеньки сбоку. — Здесь есть металлическая пластина.

Ричарду случалось видеть такие пластины. Они служили для включения щитов. Никки похлопала по пластине, но ничего не случилось.

Ричард прижал руку к металлу, холодному как лед, и камни начали со скрежетом проворачиваться. Пыль струйками потекла вниз.

Отшатнувшись, трое пришельцев попытались разобраться, что же, собственно, движется. Пол содрогнулся. Казалось, вся комната целиком смещается и меняет форму. Но Ричард, взглянув вверх, понял, что сдвигается только потолок.

На ступени легло пятно лунного света. Оно быстро увеличивалось. Ричард понятия не имел, куда их занесло и кому пришло в

голову замуровывать эту комнату. От сильфиды он знал только, что Касска — часть некой местности, Глубокой Пустоты, а где эта местность находится, знают, наверное, одни лишь добрые духи. Здесь можно ожидать чего угодно.

Ему было решительно не по себе. Привычным движением он потянулся за мечом — и в который раз вспомнил, что меча нет.

Сколько раз еще придется ему пожалеть о том, где и зачем он его оставил?

Пришлось ограничиться длинным ножом. Пригнувшись на всякий случай — а вдруг там снаружи кто-то есть, и этот кто-то услышал скрежет раскрывающегося потолка? — Ричард двинулся вверх по ступенькам. Кара, следуя его примеру, зажала в руке эйджил. Она попыталась было пройти вперед, но он удержал ее и знаком велел держаться позади, слева. Никки шла справа от него.

Выбравшись на землю, он разглядел неподалеку смутные очертания трех человеческих фигур. Он знал, что некоторое время после пребывания в сильфиде зрение будет острее, чем обычно. Значит, он сейчас видел тех троих яснее, чем они его.

Ричард увидел, что двое стоят по сторонам, а между ними рослый детина прижал к себе тоненькую девочку — одной рукой он зажимал ей рот, а другую приставил к горлу. Лунный свет блеснул на обнаженном клинке. Девочка плакала.

— Бросайте оружие! — прорычал детина, держащий девочку. — Сдавайтесь Имперскому Ордену, или вы умрете!

Ричард подбросил нож в воздух на пол-оборота и поймал его за кончик. Внезапно какое-то чернильно-черное существо ринулось солдату на голову. Раздалось пронзительное карканье. Солдат дернулся. Ричарду некогда было удивляться столь неожиданному союзнику. Он метнул нож.

Распахнув широкие крылья, птица взмыла в воздух. Острие со стуком вонзилось солдату прямо в переносицу. Ричард прикинул, что нож прошел через его мозг насквозь — и, судя по всему, вышел из затылка, пробив черепную кость. Солдат рухнул наземь рядом с дрожащей девочкой, не успев причинить ей никакого вреда.

Прежде чем двое других успели сделать шаг вперед, Никки что-то прошептала, и лезвие силы, словно коса, обезглавило обоих

совершенно бесшумно — глухой звук падения двух голов показался оглушительным. Тела повалились, как два мешка.

Тихую ночь оглашало лишь пение цикад.

Девочка нерешительно приблизилась и, упав на колени, склонилась до земли у основания ступенек.

— Лорд Рал, я ваша покорная служанка. Спасибо, что пришли и защитили меня. Моя жизнь принадлежит вам. Приказывайте, я повинуюсь.

Пока девочка выговаривала все это дрожащим голосом, Кара и Никки разошлись в стороны, проверяя, нет ли где еще опасности. Ричард прижал палец к губам, призывая их не шуметь, чтобы не поднять ненароком еще каких-нибудь солдат, слоняющихся поблизости. Обе заметили его знак и кивнули.

Ричард выждал, но все оставалось спокойно. Девочка приникла лбом к земле; он пока не тревожил ее расспросами. Через несколько минут послышался шорох крыльев, и большой ворон, опустившись на свисающую с дерева ветку, аккуратно сложил крылья.

— Все чисто, — объявила Никки негромко, вынырнув из темноты. — Хань подсказывает мне, что в непосредственной близости от нас нет никого.

Успокоившись, Ричард расслабил напряженные мышцы. Перепуганная девчушка плакала навзрыд. Она боялась, что и ее сейчас убьют, как тех троих солдат. Ричард догадался, в чем причина ее страха, присел рядом с нею на верхней ступеньке и, легонько взяв ее за плечи, заставил распрямиться.

— Успокойся! Я не сделаю тебе ничего плохого. С тобой теперь все будет в порядке!

Девочка распрямила спину. Ричард обнял ее, успокаивая, и она положила голову ему на плечо, но все еще смотрела на три мертвых тела так, словно они могли вскочить и броситься на нее. Она была взрослее, чем показалась вначале — стройная и гибкая, но хрупкая, как птенец, еще не покинувший гнезда. Теперь она доверчиво обвила шею Ричарда тонкими руками и снова заплакала — теперь уже от радости.

— Эта птица с тобой дружит? — спросил он.

— Его зовут Локки, — сказала она. — Он обо мне заботится.

— Ну, нынче он хорошо потрудился!

— Я думала, вы не появитесь, магистр Рал. Думала, что сама виновата, что я — плохая ваша служительница.

Ричард погладил ее по волосам.

— Откуда ты узнала, что я здесь появлюсь?

— Знамения это предвещали. Но я ждала уже так долго и начала думать, что они ложные. Я решила, что вы сочтете нас недостойными, и все из-за моей неумелости...

Он сообразил, что «знамения» — это какой-то род пророчества. Хотелось бы разобраться и во всем остальном.

— Ты назвала себя служительницей — в каком смысле?

Подняв голову, она увидела, что он улыбается. Взглянув на ее лицо, Ричард ощутил неприятный холодок внутри: большие глаза цвета меда, щеки и лоб вымазаны темной краской наподобие маски...

— Я — служительница костей. Жрица. Вы вернулись, чтобы помочь мне. Я — ваша служанка. Я та, кому положено сеять сны.

— Откуда я вернулся?

— Из царства мертвых. Вы вернулись к жизни!

Ричард уставился на нее, не зная, что сказать.

Заслышав этот разговор, Никки подошла и присела на корточки рядом с девушкой.

— Как это понимать: «вернулся к жизни»?

Девушка указала на строение, из которого они вышли:

— Из царства мертвых... к нам, живым. Это же гробница, и на ней написано ваше имя!

Ричард обернулся и действительно разглядел собственное имя на надгробном памятнике. Ему сразу припомнилась могила Кэлен: она ведь тоже жива, несмотря на могильную плиту...

Девушка поглядела на Кару и Никки.

— Знамения говорили, что вы вернетесь к жизни, лорд Рал — но в них ничего не было сказано насчет того, что вы возьмете с собой ваших знакомых духов.

— Я не вернулся из царства мертвых, — поправил ее Ричард. — Я прошел через сильфиду — там, внизу, есть колодец.

— Колодец мертвых, — закивала она. — В знамениях упоминалось это таинственное слово, но я не знала, что оно означает.

— Ты хочешь, чтобы я называл тебя жрицей или по имени?

— Магистр Рал, можете звать меня, как вам захочется. Но зовут меня Джиллиан. Так меня зовут всю мою жизнь. Жрицей же я стала совсем недавно, и у меня не все хорошо получается. Дедушка сказал — неважно, сколько мне будет лет, когда время настанет. Ну вот, время и настало.

— Значит, я могу звать тебя Джиллиан? — уточнил он, улыбаясь.

Она еще не вполне оправилась от страха и не смогла улыбнуться в ответ.

— Мне это по душе, магистр Рал.

— Меня зовут Ричард. Мне больше понравится, если ты будешь звать меня Ричардом.

Она кивнула, но в ее глазах все еще стоял благоговейный ужас. Относилось ли это благоговение к магистру Ралу или к тому, что мертвый человек вышел из гроба, Ричард определить не мог.

— Хорошо, Джиллиан, а теперь слушай. Я ничего не знаю ни о каких знамениях, но ты должна понять, что я вовсе не возвращаюсь из царства мертвых. Я появился из колодца, потому что попал в беду и спешу поскорее найти ответы.

— Но и здесь вы тоже нашли беду. Вы убили только троих. А ответ простой: вы пришли, чтобы помочь мне посеять такие сны, которые прогонят отсюда злых людей. Из-за них всем нашим людям пришлось скрываться. Старики сидят вон там. — Она указала на откос, уходящий в темноту. — Они дрожат от страха, потому что те, злые, убьют их, если не найдут то, что ищут.

— И что же они ищут?

— Точно не скажу. Я пряталась среди духов предков. Наверное, злые люди заставили кого-то из наших проговориться, потому что они знали мое имя и в конце концов выследили меня. А мне долго удавалось ускользнуть от них. Сегодня они спрятались там, где я храню еду. Тут они меня схватили и потребовали, чтобы я им показала, где лежат книги.

— Это не регулярные солдаты Ордена, — объяснила Никки, видя, как нахмурился Ричард. — Это высланные вперед разведчики.

Ричард взглянул издали на тела.

— Откуда ты знаешь?

— Солдаты регулярных войск никогда не стали бы требовать сложить оружие и сдаться. Только разведчики, которые высматривают пути по незнакомым землям и охотятся за любыми сведениями, берут пленных. Они расспрашивают всех. Кто не хочет говорить, того пытают. Этим разведчикам поручается также разыскивать хранилища книг и доставлять их императору. Дороги для войск — это достаточно важно, однако для императора намного важнее знания, особенно записанные в книгах.

Ричард знал, что она права. Несомненно, Джегань хорошо разбирается в истории и деяниях былых времен. Он пользуется полученными сведениями с выгодой для себя. А Ричарду раз за разом приходится с трудом добывать сведения, уже известные Джеганю.

— Эти солдаты нашли какие-нибудь книги? — спросил Ричард у девочки.

Ее золотистые глаза блеснули:

— Дедушка рассказывал мне о книгах, но я здесь не видела ни одной. Жители покинули город еще в древние времена. Если книги и были, их наверняка давно разграбили — как и все, что тут было ценного.

Ричард надеялся услышать другой ответ. Ведь Шота советовала ему искать «место костей в Глубокой Пустоте» — а кладбище, окружавшее их, вполне могло считаться местом костей.

— Эта местность называется Глубокая Пустота? — спросил он.

Джиллиан кивнула.

— Это обширная земля, где почти никто не живет. Неприветливая земля. Только мои сородичи могут прожить здесь. Люди всегда боялись селиться здесь и даже ненадолго приходить сюда. Выбеленные солнцем кости тех, кто все-таки осмелился прийти, можно видеть вокруг на пустошах — и еще в другом месте, южнее, возле великого барьера.

Ричард понял, что Глубокая Пустота напоминает пустоши Срединных Земель.

— Великий барьер? — недоверчиво переспросила Кара.

Джиллиан взглянула снизу вверх на морд-сит.

— Великий барьер защищает нас от Древнего мира.

— Значит, мы в южной Д'Харе, — определила Кара. — Вот почему я в детстве слышала истории про Касску — она находится в пределах Д'Хары!

Джиллиан взмахом руки очертила круг:

— Это — обитель моих предков. Они погибли от рук тех, кто пришел из Древнего мира в прежние времена. Они тоже умели сеять сны. — Она посмотрела на юг, словно видела что-то в темноте. — Но они потерпели поражение и погибли.

Ричарду некогда было разбираться со всем этим сейчас. У него имелись более насущные задачи.

— Ты слыхала что-нибудь об Огненной Цепи?

— Нет, — наморщив лоб, ответила Джиллиан. — А что это такое?

— Не знаю. — Он постучал пальцем по нижней губе, раздумывая, как быть дальше.

— Ричард, — сказала Джиллиан, — вы должны помочь мне посеять сны, чтобы прогнать злых людей и вернуть моим сородичам покой.

Ричард оглянулся на Никки.

— Можешь подсказать, как это делается?

— Нет, — отозвалась она. — Но я могу точно утверждать, что остальные разведчики раньше или позже пойдут искать этих троих. Это не обычные солдаты Имперского Ордена. Такие же скоты, как и прочие — но наиболее умные из них. Полагаю, для сеяния снов нужно применять дар... чего я тебе не советую.

Ричард встал и всмотрелся в темные очертания города на горизонте.

— Ищи то, что давно погребено... — прошептал он чуть слышно и вновь повернулся к Джиллиан. — Ты сказала, что служишь жрицей костей. Мне нужно узнать от тебя как можно больше об этих костях.

Джиллиан упрямо покачала головой:

— Сперва вы должны помочь мне посеять сны, чтобы чужие ушли, и мой дедушка и другие наши оказались в безопасности!

Ричард раздосадованно вздохнул.

— Послушай, Джиллиан, я не знаю, как помочь тебе. Я не умею сеять сны и не имею времени разбираться в этом. Но, как верно заметила Никки, для этого явно нужна магия — а я не могу пользоваться магией без того, чтобы не вызвать зверя, способного убить всех твоих родичей. Этот зверь уже убил многих моих друзей. Но я хочу, чтобы ты показала мне то, что давно лежит здесь погребенным.

Джиллиан отерла слезы.

— Чужие солдаты захватили моего деда и всех остальных, и держат их там, внизу. Они их убьют. Сперва спасите моего дедушку! И потом, он — провидец, он разбирается в знамениях. Он знает больше, чем я.

Ричард ободряюще похлопал ее по плечу. Конечно, это очень плохо, когда кто-то, кого ты считаешь могущественным, отказывается спасти твоего дедушку.

— Я кое-что придумала, — сказала Никки. — Я волшебница, Джиллиан. Знаю все об этих людях, об их повадках. Знаю, как справиться с ними. Ты поможешь Ричарду, а я тем временем постараюсь избавить вас от чужаков. Они больше не будут угрожать никому из вас.

— Значит, пока я помогаю Ричарду, ты поможешь дедушке?

— Непременно, — улыбнулась Никки.

Джиллиан посмотрела на Ричарда.

— Никки всегда держит слово, — заверил он ее.

— Хорошо, я покажу Ричарду все, что знаю, а ты прогони злых солдат!

— Кара, — распорядился Ричард, — иди вместе с Никки и прикрой ей спину.

— И кто же тогда прикроет вашу?

Ричард надавил сапогом на тело убитого солдата и, вытащив нож, указал на дерево:

— Нас прикроет Локки.

Кару это вовсе не позабавило.

— Ворон? Ворон будет вас охранять?

Он отер лезвие об одежду убитого и вернул нож в ножны на поясе.

— Со мной будет жрица. Не забывай, она долго ждала моего появления. А Никки грозит большая опасность. Я буду рад, если ты защитишь ее.

Кара многозначительно посмотрела на Никки.

— Я буду защищать ее ради вас, лорд Рал.

Глава 61

Никки и Кара пошли вниз, туда, где по словам Джиллиан, находились остальные солдаты Имперского Ордена, а Ричард вернулся в свою гробницу и вынес оттуда самый маленький из стеклянных шаров. Он спрятал шар в мешок, чтобы тот не мешал ночному зрению, но был под рукой, если они войдут в какое-то помещение. Его не слишком привлекала перспектива бродить в потемках по руинам.

Джиллиан, подобно кошке, знала каждый уголок и закоулок своего мирка — древнего города на опустевшей земле. Они шли по улицам, едва различимым под грудами мусора и обломков давным-давно обвалившихся стен. Во многих местах развалины затянуло слоем нанесенной ветром пыли и земли — образовались холмики, на них выросли деревья. Кое-где дома были готовы рухнуть в любой момент от дуновения ветерка, и Ричард не рискнул заходить в них. Но были и вполне прилично сохранившиеся строения.

Джиллиан привела его к большому зданию с арками по фасаду. Когда-то в них могли помещаться окна — а может быть, их специально сделали открытыми, чтобы сохранить вид снаружи на внутренний дворик. Ричард вошел внутрь; под сапогами захрустели кусочки штукатурки. Пол здесь был выложен мозаикой из маленьких цветных плиток. Они давно выцвели, но Ричард разглядел очертания картины, изображающей могильные плиты и деревья, окруженные стеной.

— Здесь вход на старое кладбище, — сказала Джиллиан.

Ричард пригнулся и стал рассматривать мозаичную картину. Она была довольно странная. Лунный свет позволял разглядеть фигуры людей, несущих к могилам блюда с хлебом и чем-то вроде мяса, и других, выходящих с кладбища с пустыми блюдами.

Издалека донеслись жуткие вопли. Ричард и Джиллиан, выпрямившись, замерли и прислушались.

Вопли и стоны, хотя и ослабленные расстоянием, отчетливо слышались в прохладном ночном воздухе.

— Что это? — шепотом спросила Джиллиан, широко раскрыв глаза.

— Думаю, это Никки расправляется с чужаками. Когда она это проделает, вам больше нечего будет бояться.

— Значит, она причиняет им боль?

Ричард с удивлением понял, что девушке чужда мысль о любом насилии.

— Эти люди могли бы причинить самую ужасную боль твоим сородичам — и твоему дедушке прежде всего. А если им позволить прийти сюда снова, они вас просто всех убьют.

Она отвернулась и бросила взгляд на арки входа.

— Да, это плохо. Но их можно было бы прогнать при помощи снов...

— А что, сеяние снов спасло твоих предков? Спасло жителей этого города?

Она посмотрела ему в лицо.

— Наверное, не спасло.

— Хорошо, когда люди ценят жизнь — как ты, твой дед и сородичи. Хорошо, когда никто не мешает жить мирно, как вам нравится. Но иногда для этого приходится убивать тех, кто угрожает вашей жизни.

— Да, лорд Рал, — через силу проговорила она.

Он положил ей руку на плечо и улыбнулся.

— Зови меня Ричард. Лорды из дома Ралов бывали всякие. Я вот хочу, чтобы люди жили, как им хочется, не обижая при этом других людей.

Она наконец улыбнулась.

Ричард снова принялся рассматривать мозаичную картину на полу.

— Ты знаешь, что означает эта картина?

Перестав прислушиваться к крикам боли, наплывающим из темноты, она присмотрелась и указала пальцем на мозаику:

— Видите, тут изображена стена? Мудрые люди говорят, что в этих стенах покоились мертвые. Ну, жители города, когда умирали. Мы с вами стоим в этом самом месте. По этому двору проходили те, кто навещал могилы. Мудрые говорят, что люди всегда умирали — но в пределах города их хоронили только здесь, в этой ограде. Люди не хотели, чтобы те, кого они любили, лежали далеко от них, далеко от этого места, которое они считали священным. Поэтому они делали ходы в стене и там их укладывали.

Слова Шоты эхом прозвучали в его мозгу: «*То, что ты ищешь, давно захоронено. Ищи место костей в Глубокой Пустоте*».

— Покажи мне эти ходы, — попросил он Джиллиан. — Отведи меня туда!

Добраться до кладбища оказалось труднее, чем он предполагал. В здании было множество комнат и переходов. То и дело они превращались в узкие тропинки между двумя стенами под открытым небом, а потом вновь сливались с темными глубинами дома.

— Это — путь мертвых, — объяснила Джиллиан. — Здесь проносили покойников. Говорят, это делалось в надежде сбить с толку их души и не дать им вернуться обратно. Заблудившись в стенах этого дома, не имея возможности выйти, они затем отправлялись, куда положено — в мир духов.

Наконец они выбрались на открытое место под небом, усеянным звездами. Молодая луна поднималась над древним городом Касской. Локки, кружа в высоте, окликнул свою подружку. Джиллиан помахала в ответ рукой.

Кладбище, раскинувшееся перед ними, было обширно, однако казалось слишком небольшим для такого города. Ричард шел за Джиллиан по тропинке между тесно сгрудившимися могилами в зарослях полевых цветов. Кое-где их накрывала тень узловатых деревьев. В лунном свете все вокруг дышало умиротворением.

— Где же подземелья, про которые ты говорила? — спросил он.

— Простите, Ричард, но я не знаю. В предсказаниях о них говорится — но не указывается, как их найти.

Вместе с Джиллиан Ричард обошел все кладбище, пользуясь светом высоко поднявшейся луны, — но никаких признаков подземелий не обнаружил. Все тут было, как на любом виденном им

кладбище: могильные насыпи со множеством воткнутых в землю плит, отдельные могилы, узкие проходы. Часть плит еще стояла, другие давно упали плашмя на землю или доверху заросли травой и кустарником.

Ричард чувствовал, как быстро истекает время. Он не мог надолго задержаться в Касске и наслаждаться пением цикад. Это ни к чему не вело. Ответы нужно было искать целенаправленно. А в этом хранилище древностей, пожалуй, ответами и не пахло.

Вот в Народном Дворце Д'Хары наверняка найдутся ценные книги, еще не попавшие в лапы Джеганя. Лучше было, видимо, направиться сразу туда, чем на это тихое кладбище.

Он присел на холмике под масличным деревом и стал думать, что еще можно сделать.

— Может, ты знаешь о каком-нибудь другом месте, где есть подземелья, упомянутые в предсказаниях?

Джиллиан, скривив губы, призадумалась.

— Простите, нет. Когда можно будет спуститься вниз и поговорить с дедушкой, он вам больше расскажет. Он так много знает!

Ричард не знал, сколько времени придется потратить на разговоры со всезнающим дедушкой. Локки слетел на землю рядом с ними, чтобы подзакусить молодыми, нежными цикадами. Из огромного множества их, выползающих из земли раз в семнадцать лет, большинство попадало на обед птицам.

Ричард припомнил пророчество, которое прочитал Натан. В нем упоминались Цикады. Почему — оставалось непонятно. Почему именно цикады указывались как предвестники решительной битвы, когда мир окажется на грани тьмы?

Грань тьмы... Ричард присмотрелся к земле и разглядел, как цикады вылезают наружу. Вдруг он заметил, что все они лезут из щели под могильным камнем, лежащим лицевой стороной вниз на склоне пригорка. Локки тоже заметил это явление и пристроился рядом, склевывая цикад одну за другой.

— Странно, — сказал Ричард про себя.

— Что странно?

— Ну-ка, посмотри сюда. Цикады вылезают не из земли, а из-под этого камня.

Ричард опустился на колени и просунул пальцы в щель. Там явно была какая-то полость. Он просунул руку глубже и, кряхтя от напряжения, попробовал сдвинуть плиту. Локки, вскинув голову, следил за движениями пришельца. Камень подался и стал подниматься — но как-то странно, боком. Ричард вдруг понял, что с левой стороны плита прикреплена петлями, как дверь. Он сдвинул руки, поднажал — и наконец отверстие полностью открылось.

Ричард уставился в темноту. Эта плита не была могильным камнем. Она служила люком, прикрывавшим ход вниз. Ричард поспешно вытащил из мешка светящийся шар. Когда свет стал достаточно ярким, он опустил шар в темный зев.

Джиллиан ахнула:

— Тут лестница!

— Пойдем, но будь осторожна.

Ступеньки были каменные, все разной высоты и узкие. Кромка каждой из них была отшлифована и скруглена множеством ног, шагавших по ним когда-то. Стенки, выложенные камнем, уходили глубоко в землю. Потом появилась небольшая площадка. Дальше ступеньки шли направо. После длинного пролета они повернули налево.

Когда Ричард и Джиллиан наконец достигли дна, перед ними открылись более широкие коридоры, пробитые в плотном, но ничем не закрепленном грунте.

Ричард держал в одной руке светящийся шар, в другой — руку Джиллиан. Идя по коридору, он вынужден был слегка пригнуться, чтобы не задеть потолок. Вскоре они пришли на перекресток.

— В ваших знамениях не говорится о том, как находить здесь дорогу? — Девушка покачала головой. — А как насчет всех тех знамений, которые ты учила? Пригодятся они теперь?

— Не знаю. Я ведь даже не подозревала, что все это существует...

Ричард со вздохом рассмотрел оба прохода.

— Ладно, попробуем пройти дальше вглубь. Если вспомнишь что-то важное или какой-то проход покажется знакомым, скажи мне.

Девушка кивнула, и они пошли вниз по левому коридору. Здесь по обеим сторонам в стенах были вырезаны ниши. В каждой лежали

человеческие останки. Иногда таких ниш было по три, по пять одна над другой. В некоторых лежали по два тела — возможно, супружеские пары.

Кое-где в углублениях сохранилась роспись. Побеги плюща или хмеля, пирующие люди или простые орнаменты. Росписи очень различались по стилю и качеству исполнения, и Ричард догадался, что их делали сами члены семей для возлюбленных умерших.

Узкий проход вывел их в камеру с десятью проемами, ведущими в разных направлениях. Ричард выбрал один наугад и пошел по нему. Тот, в свою очередь, привел их в более просторный зал, откуда отходила сеть ответвлений. Наклон почвы то и дело менялся, иногда становился круче или шел на небольшой подъем.

Теперь им начали попадаться кости.

В ряде комнат в нишах были аккуратно сложены горками одинаковые части скелетов. В одной выставлены черепа, в другой — берцовые кости, в третьей — предплечья. В больших каменных ящиках, вырубленных в стенах, столь же бережно хранились более мелкие косточки. Продвигаясь все дальше, Ричард и Джиллиан видели целые стенки из черепов — возможно, их там были десятки тысяч. Помня, что они идут лишь по одному пути, случайно выбранному, Ричард не мог даже вообразить, сколько же людей было погребено в этих катакомбах. Хотя зрелище такого количества останков потрясало и даже пугало, все же было заметно, что к каждой косточке относились с почтением. Ни одну не бросили как попало в углу, каждой нашлось надлежащее место. Можно было подумать, что все кости принадлежали уважаемым людям.

Уже явно миновало больше часа, а они все еще шли по лабиринту туннелей. Помещения различались между собою. Одни — узкие, другие широкие, стены гладкие или с прилегающими камерами. Ричард не сразу сообразил, что помещения вырубались в мягкой породе для отдельных семей; поэтому ниши заполняли любой пригодный отрезок поверхности и располагались совершенно случайным образом.

Наконец они дошли до наполовину обрушенного коридора. Потолок обвалился, обломки засыпали проход. Ричард остановился и, осмотрев завал, объявил:

— Так... похоже, дальше мы не пойдем.

Джиллиан присела на корточки и заглянула под большой камень, лежащий наискось поперек прохода.

— Там есть просвет. — Она обернулась к Ричарду. Ее глаза цвета меда жутковато поблескивали на фоне черной раскраски лица. — Я маленькая. Хотите, быстренько слазаю и посмотрю?

Ричард опустил светящийся шар пониже, чтобы посветить ей.

— Давай. Но если тебе покажется, что дальше двигаться опасно, возвращайся. Здесь тысячи туннелей, и без этого есть на что посмотреть.

— Но его вы нашли сами, лорд Рал. Наверно, здесь есть что-то важное.

— Я всего лишь человек, Джиллиан, а не какой-нибудь мудрый дух, вернувшийся из мира мертвых!

— Как вам угодно, Ричард, — отозвалась она с улыбкой.

Джиллиан исчезла в угловатом отверстии, словно птичка в терновнике.

— Лорд Рал! — позвала она вскоре. — Тут есть книги.

— Книги? — пригнувшись к дыре, воскликнул он.

— Да. Много книг. Тут темно — но похоже, что комната большая, и всюду книги.

— Я иду к тебе!

Ему пришлось скинуть мешок со спины и проталкивать его сквозь узкий лаз перед собою. Однако лезть пришлось недолго и не так опасно, как казалось поначалу. Выбравшись с другой стороны, он понял, что громадная плита, лежащая под углом к стене, когда-то была дверью. Видимо, она должна была двигаться в пазах и уходить в прорезь в стене — но какая-то подвижка грунта перекосила ее, она сломалась и опрокинулась.

Рассматривая завал, Ричард смахнул пыль и обнаружил характерного вида металлическую пластинку. Значит, здесь лежат книги, которые когда-то прикрыли щитом.

От этой мысли сердце его возбужденно забилось.

Он окинул взглядом комнату. В теплом свете стеклянного шара было видно, что стены этой подземной камеры словно составлены из разных углов, по совершенно непонятным причинам соединенных в

странную изломанную линию. И вся она полна книг. Ричард и Джиллиан пошли вдоль камеры, рассматривая корешки книг. Полки по большей части были вырублены в твердой породе, как и ниши для умерших.

Ричард поднял шар повыше и сказал Джиллиан:

— Ты умеешь читать?

— Да.

— Тогда слушай внимательно. Здесь собрано огромное богатство, но мне сейчас срочно нужно найти одну определенную вещь. Она как-то связана со словами «Огненная Цепь». Это может быть и книга. Давай разделимся — ты смотри по одной стороне, а я буду смотреть по другой. Обязательно проверяй, как книга называется.

Джиллиан кивнула.

— Если она здесь, мы ее найдем!

Древняя библиотека оказалась ошеломляюще велика. За последним углом открылась новая камера, уставленная рядами полок. Поиски продвигались медленно. Но здесь они могли просматривать одну и ту же полку вдвоем.

В течение нескольких часов они упорно продвигались вперед. Дойдя до середины камеры, они заметили проходы, ведущие в боковые комнаты — они были меньше основной, но так же полны книг. То и дело им приходилось сдувать пыль с переплетов.

Ричард устал и уже был близок к разочарованию, когда вдруг заметил на стене еще одну металлическую пластинку. Он прижал к ней ладонь, и каменная стена перед ними пришла в движение. Эта дверь была небольшая и быстро повернулась, открывая темный провал. Ричард надеялся, что щиты распознают его дар и ему не придется вызывать силу, отвечая на неясный, безмолвный призыв. Ему еще не хватало, чтобы зверь материализовался здесь, в катакомбах.

Ричард протянул вперед руку со светильником и разглядел тесную комнатку, уставленную, как и прочие, книгами. Здесь был и стол — но он давным-давно развалился из-за того, что часть потолка обрушилась на него.

Джиллиан, погруженная в работу, водила пальцем по корешкам книг, читая вслух названия. Ричард в пять шагов пересек комнату и

остановился у дальней стены. Здесь он нашел третью металлическую пластинку и приложил к ней руку.

Еще одна, совсем узкая дверь начала медленно отходить в сторону. За нею было темно.

Ричард пригнулся, остановившись на пороге, и поднял шар над головой. Раздался гулкий голос:

— Господин, ты желаешь переместиться?

С великой досадой он уставился на серебристое лицо сильфиды, озаренное мерцающим светом. Это была та самая гробница с колодцем, куда они попали после переноса. Маленькая дверь располагалась точно напротив ступенек, где нашлась пластинка, открывающая потолок.

Они провели почти всю ночь, двигаясь по кругу, и вернулись в точку, с которой начали.

— Ричард, — позвала Джиллиан, — посмотрите, что я нашла!

Ричард резко обернулся — и увидел в ее руках книгу в красном кожаном переплете.

На ней было начертано название: «*Огненная Цепь*».

Потрясенный Ричард онемел. Джиллиан, радостно улыбаясь, гордая своей находкой, вошла в комнату с колодцем. Он подбежал к девушке и вынул книгу из ее рук.

Ему казалось, будто он смотрит со стороны на себя самого, держащего в руках книгу «Огненная Цепь».

Глава 62

— Ричард? — Он узнал голос Никки.

Еще не опомнившись от находки, он поднялся на несколько ступенек и посмотрел вверх. Никки и Кара стояли у входа, как темные силуэты, очерченные светом зари.

— Я нашел! Вернее, это Джиллиан нашла!

— Но как ты попал сюда? — спросила Никки, когда Ричард и Джиллиан пошли вверх по лестнице. — Мы только что заглядывали сюда, и тебя не было!

— Джиллиан! Ты здесь? — позвал мужской голос.

— Дедушка! — Джиллиан вприпрыжку взбежала по ступенькам и влетела в объятия тощего старика.

Ричард выбрался на поверхность следом за нею. Никки сидела на первой ступеньке.

— Что тут делается?

— Это дедушка Джиллиан, — сказала Никки, указав на старика рукой. — Он местный провидец, хранитель древних знаний.

— Рад познакомиться, — сказал Ричард, пожимая руку старца. — У вас замечательная внучка. Она оказала мне огромную помощь!

— Вы бы ее не нашли без меня, — похвалилась Джиллиан, расплываясь в счастливой улыбке.

Ричард улыбнулся ей в ответ и обратился к Никки.

— Что случилось с людьми Джеганя?

Никки пожала плечами:

— Ночной туман.

Джиллиан повела деда здороваться с Локки, слетевшим на край стенки, и Ричард мог беспрепятственно поговорить с Никки и Карой.

— Туман?

— Да. — Никки охватила колено сплетенными пальцами. — Очень странный густой туман поднялся и лишил их зрения.

— Не только зрения, — уточнила Кара с явным удовольствием, — но и глаз как таковых. Они просто вылезали из орбит и лопались. Все в крови. Я получила массу приятных впечатлений.

Ричард, нахмурив брови, взглянул на Никки, ожидая объяснений.

— Это были разведчики, — сказала она. — Я знаю этих людей, и они знают меня. Я не хотела, чтобы они меня видели. Кроме того, я хотела, чтобы они стали бесполезны для Джеганя. Судя по тому, что рассказал мне дед Джиллиан, вряд ли многие из них доберутся до своего лагеря — но я подстроила все так, чтобы они оказались рядом с лошадьми, и те сумеют доставить их на место. Очень важно, чтобы выжившие могли описать, какой ужас они испытали, когда с холмов спустился жуткий туман. Ну а другие должны усвоить, что в этом странном, неприветливом и зачарованном

краю можно ослепнуть. Подобные известия основательно испугают этих подонков.

Она пожала плечами.

— Для вояк Джеганя насиловать, грабить и резать беззащитных — любимое развлечение, но вот сами подвергаться излишним опасностям они не любят. Одно дело умереть за Создателя в пылу великой битвы и получить воздаяние за гробом, но совсем другое — оказаться жертвой чего-то невидимого, неосязаемого, приходящего из темноты и превращающего тебя в калеку. Надеюсь, что Джегань решит обойти этот край стороной, чтобы неведомая сила, внушив его солдатам страх, не отвратила их от стремления бороться ради славы Создателя и Имперского Ордена. Соответственно, им придется пройти гораздо дальше на юг. Их поход затянется, и они еще не скоро смогут повернуть и вступить в пределы Д'Хары.

Ричард задумчиво кивнул.

— Очень хорошо, Никки. Отлично!

Она просияла.

— А что это у тебя в руках?

— Книга. «Огненная Цепь». — Он присел на ступеньку между Никки и Карой, но медлил раскрывать обложку. — Тут могут быть какие-то предсказания, и я прошу тебя первой просмотреть ее.

На тонко очерченном лице Никки отразилась озабоченность.

— Конечно, Ричард. Дай ее мне.

Ричард подал ей книгу и встал. Он не рисковал даже взглянуть на страницы, чтобы с запозданием обнаружить, что этого делать не следовало, и увидеть за спиною зверя, готового растерзать их всех. Особенно сейчас, когда он так приблизился к разгадке!

Никки уже листала книгу, Кара заглядывала ей через плечо.

— Смысла не улавливаю, — заявила Кара, ухватив глазами какие-то строки. Но Ричард видел, что Никки не разделяет ее мнения. Волшебница бледнела на глазах.

— Духи милостивые!.. — прошептала она еле слышно.

Затем Никки продолжила чтение, более не говоря ничего вслух. Ричард уселся на бугорке, в сторонке, под масличным деревом. Ствол был обвит лозой. Он потянулся, чтобы от нечего делать

сорвать листик — и тут же замер. Рука его остановилась в дюйме от матовых пестрых листьев.

Ледяные иголочки пронзили его кожу.

Он знал, что это за лоза.

Слова из «Книги Сочтенных Теней» всплыли в его памяти: «*Когда вступят в игру три шкатулки Одена, вырастет змеиная лоза*».

— Что с вами? — прошептала Джиллиан, подходя ближе. — Вы как будто призрака увидели!

— Тебе приходилось встречать такое растение в окрестностях вашей деревни?

— Нет, не припоминаю.

— Она права, — удивленно сказал дедушка Джиллиан. — Я прожил в этих краях всю жизнь. Такой лозы я прежде не видал... Хотя нет, один раз, почти три года назад... Да, кажется, так — нынешней осенью будет три года. Она появилась, а потом увяла. С тех пор я нигде такого не видел.

Ричард не увидел на стебле вновь проросшей лозы шелушки от цикад. Он осторожно сорвал один побег.

— Ричард, это чрезвычайно опасная книга, — сказала Никки с тревогой в голосе. Она вся погрузилась в чтение и не слышала, о чем говорили остальные. — Невероятно опасная. — Произнося эти слова, она не отрывалась от страниц. — Я прочла только начало, но это... Даже не знаю, как описать...

Ричард поднялся на ноги, держа перед собой веточку лозы.

— Мы должны уходить, — сказал он. — Немедленно.

Что-то в его тоне заставило Кару и даже Никки посмотреть на него.

— Лорд Рал, что с вами? — спросила Кара.

— Ты выглядишь так, словно увидел призрак отца, — сказала Никки.

— Нет, это еще хуже, — ответил Ричард, наконец оторвав взгляд от побегов лозы. — Я все понял. Я знаю, что происходит.

Он сбежал по ступеням вниз, в гробницу.

— Сильфида! Нам нужно немедленно отправляться!

— Но, Ричард, — встрепенулась Джиллиан, — ведь вы должны были помочь мне посеять сны, чтобы злые люди не пришли к нам!

— Прости, я должен уйти, и без промедления.

— Лорд Рал уже достаточно помог нам, — сказал старик, обнимая хрупкие плечи девушки. — Он сделал все, что мог сейчас. Если удастся, он еще вернется к нам.

— Непременно, — отозвался Ричард. — Если смогу, я вернусь. Спасибо тебе за помощь, Джиллиан. Ты даже представить не можешь, как важно то, что ты сделала нынче. Скажи своим сородичам, чтобы держались подальше от этой лозы.

— Ричард, — спустившись следом за ним, спросила Никки, — что на тебя нашло?

Он схватил Никки за рукав, Кару за руку.

— Мы отправляемся в Народный Дворец. Сию же минуту.

— Почему? Что случилось? Что ты узнал?

Ричард показал Никки веточку лозы, засунул ее в карман и потащил чародейку к колодцу.

— Это — змеиная лоза. Он прорастает только тогда, когда кто-то вводит в игру шкатулки Одена.

— Но шкатулки хранятся во дворце, там их никто не тронет! — возразила Кара.

— Значит, кто-то их тронул. Те же самые сестры могли пожелать обладания магией Одена. Сильфида! Перенеси нас в Народный Дворец.

— Прошу вас, подойдите, и мы отправимся.

Никки все еще упиралась.

— Ричард, я не вижу, какая тут связь с женщиной из твоих видений!

Ричард хлопнул по металлической пластинке, и потолок гробницы стал закрываться.

— До свиданья, Джиллиан! Еще раз — спасибо! Я когда-нибудь обязательно вернусь...

Девушка еще махала рукой на прощанье, а он уже снимал с плеча лук и колчан.

— Им понадобилась Кэлен, — сказал он Никки. — Она — последняя оставшаяся в живых Мать-Исповедница. Без нее

шкатулками Одена пользоваться нельзя. В книге, которую я выучил наизусть, говорится: «*Если тот, кто владеет шкатулками, не прочел сих слов сам, но услышал их из уст другого человека, в подлинности переданного знания он может убедиться лишь с помощью исповедницы*».

Потолок закрылся. Издалека до Ричарда донесся привет от Джиллиан:

— До свидания, Ричард! Доброго пути!

— Ричард, все это сплошное безумие. Это просто...

— Отложи споры на потом.

Он сказал это так властно, что Никки подчинилась.

Взобравшись на ограду колодца, Ричард помог обеим женщинам подняться.

— Погоди, — попросила Никки и открыла его мешок. — Это нужно хранить как зеницу ока. — Она затолкала книгу поглубже и старательно завязала тесемки.

— Можешь объяснить, про что эта книга? — спросил он.

Ее голубые глаза были очень серьезны.

— Насколько я могла понять из того, что успела прочесть, там приводится обоснование формулы заклинания, способного уничтожить все сущее.

— Уничтожить все сущее? — спросила Кара. — Что это значит?

— Не могу точно сказать. Но, кажется, там дальше идут рассуждения об особом применении магии. Если ее пустить в ход таким образом, это может привести к гибели всего живого в мире.

— Кому и для чего могло такое понадобиться? — удивился Ричард. — Хотя ведь теперь у них есть магия Одена...

Никки не ответила. Она не поверила в его объяснения, потому что они касались Кэлен.

— Итак, сильфида, пора. Перенеси нас в Народный Дворец!

Серебристая рука мягко сгребла их.

— Пойдемте. Мы отправляемся!

За мгновение до того, как они погрузились в прохладный серебристый расплав, Никки и Кара крепко ухватили Ричарда за руки.

Глава 63

Никки не сразу сообразила, где находится. Но едва она увидела мраморные стены, едва успела выдохнуть сильфиду и торопливо втянуть в себя порцию обычного воздуха, как Ричард уже дернул ее за руку, побуждая скорее спрыгнуть с ограды колодца.

Несмотря на спешку, она ухитрилась где-то в уголке души ощутить удовольствие от того, что он держит ее за руку — и неважно, зачем.

Еще в сильфиде, по пути в Народный Дворец она готовилась обдумать странное изменение мыслей Ричарда. Неужели он мог, найдя какую-то лозу, прийти к выводу, что кто-то затронул шкатулки Одена, — и все это в попытке доказать реальность Кэлен?

Выход из комнаты с колодцем прикрывал мощный щит. Ричард протащил через него Никки и Кару и помчался по мраморному залу к двери, украшенной серебряным рельефом с изображением озера.

— Я бывала здесь, — вспомнила Кара. — Я знаю, где мы.

— Хорошо, — не замедляя хода, отозвался Ричард, — тогда веди нас. И поторапливайся!

Никки порой почти жалела, что не исполнила просьбы Зедда, Энн и Натана и не очистила память Ричарда от следов Кэлен.

Но теперь у нее появился опыт. Она попыталась проделать это с одним из солдат Джеганя, которых захватила врасплох в Касске. При помощи Магии Ущерба она решила вычеркнуть из памяти этого человека все, что касалось императора. Она сделала именно то, что трое волшебников хотели сделать при ее помощи с Ричардом. Задача казалась простенькой.

Возникло лишь одно осложнение.

Воздействие убило того человека. Убило самым жутким образом.

Подумав о том, что она чуть было не погубила Ричарда, чуть было не дала себя уговорить, она ощутила такую слабость в коленках, что опустилась на землю рядом с умершим солдатом. Кара решила, что Никки теряет сознание. Ее потом еще целый час трясло от ужаса.

— Сюда, — показала Кара и повела их по лестнице в широкий коридор с частично застекленной крышей.

Сквозь стекло лился красноватый свет — значит, они застали либо закат, либо рассвет. Никки подосадовала, что не может определить время.

В залах было полно народу. Многие останавливались и оглядывались на бегущих. Стражники тоже заметили их и помчались навстречу с оружием наизготовку, пока не разглядели Кару в красном кожаном костюме. Кое-кто узнал и Ричарда. Люди опускались на одно колено, приветствуя его, но он не задерживался, чтобы ответить.

Голова шла кругом от этой гонки по переходам, мостикам, балконам, между рядами колонн и по анфиладам комнат. То и дело Кара сворачивала на внутренние лестницы и в служебные помещения — видимо, сокращая дорогу.

Никки поражалась великолепию и красоте дворца. Узоры из каменных плит на полу отличались удивительной точностью. Всюду стояли статуи — не такие необыкновенные, как та, в Алтур-Ранге, работы Ричарда, но тоже прекрасные. И огромные ковры-гобелены. На одном была изображена битва — одних только лошадей, наверное, сотня.

— Теперь сюда, — снова сказала Кара, указывая на очередной зал.

Огибая угол, Кара оказалась на другой стороне прохода и потянула Никки за собой. Волшебнице очень хотелось обсудить ряд важных моментов, задать несколько важных вопросов — но сейчас, на бегу, она могла только дышать. С тех пор, как она встретилась с Ричардом, бегать ей приходилось редко.

Приближаясь к резным дверям из красного дерева, Кара замедлила ход. Никки передернуло при виде змей на дверях. Ричард, не останавливаясь, взялся за ручку в виде бронзового черепа и распахнул дверь настежь.

В тихой, выстеленной коврами комнате четверо гвардейцев немедленно перекрыли Ричарду путь. Однако, увидев Кару, они удивленно взглянули на Ричарда, и один спросил неуверенно:

— Лорд Рал?

— Он самый, — бросила Кара. — Ну-ка, дайте пройти!

Гвардейцы немедленно расступились, приложив стиснутые кулаки к сердцу в знак почтения.

— Ничего не случилось в последнее время? — спросил Ричард, как только успокоилось дыхание.

— Что могло случиться?

— Приходили посторонние? Кто-нибудь пытался проскользнуть сюда?

Гвардеец фыркнул:

— Да что вы, лорд Рал! Если бы кто-то попытался, мы бы не пропустили!

Ричард поблагодарил кивком и помчался прямиком к мраморной лестнице, чуть не выдернув плечо Никки из сустава. Перебирая ногами ступеньки, Никки боялась, что прямо сейчас рухнет, не в силах сделать более ни шагу. Мышцы не слушались, но она продолжала двигаться — ради Ричарда.

Наверху лестницы уже собирались солдаты с арбалетами, заряженными и взведенными. Яркими пятнышками выделялось красное оперение стрел. Они ведь не знали, что это лорд Рал, а не какой-то наглец, пытающийся проникнуть в запретное место. Никки надеялась, что кто-нибудь успеет вовремя остановить их.

Но, судя по поведению, это были хорошо вышколенные солдаты, не склонные стрелять во что попало, не присмотревшись как следует. В этом им повезло, потому что Никки успела бы скорее.

— Вы — генерал Тримак? — спросил Ричард у офицера, прошедшего сквозь стальное кольцо, окружившее их.

Генерал тут же выпрямился и приложил кулак к груди.

— Лорд Рал! — Тут он заметил и морд-сит. — Кара?

Кара приветственно кивнула.

Ричард пожал генералу руку.

— У нас срочное дело. Кто-то проник сюда и унес шкатулки из Сада Жизни.

Генерал на мгновение застыл.

— Что? Лорд Рал, это невозможно! Вы, наверное, ошиблись. Никто не мог пройти сюда незамеченным. Здесь всегда все тихо. Впрочем, был у нас и один посетитель. Совсем недавно.

— Посетитель? Кто?

— Точнее, посетительница. Аббатиса Верна. Она прибыла во дворец проверить кое-что по книгам о магии, по ее собственным словам. А потом она сказала, что, раз уж ей довелось тут оказаться, она хотела бы взглянуть на шкатулки и убедиться, что с ними все в порядке.

— И вы допустили ее сюда?

Генерал вознегодовал, лицо его покраснело, и старый шрам выделился длинной белой полоской.

— Нет, лорд Рал. Я не позволил ей войти. Мы сошлись на том, что я разрешу открыть двери, чтобы она могла издали взглянуть и убедиться.

— Издали?

— Именно так. Я велел людям окружить ее, и они держали на взводе особые стрелы. Натан Рал обеспечил нас такими стрелами, они могут поразить даже волшебника. Мы просто взяли Верну в кольцо. Бедная женщина выглядела бы как подушечка для булавок, если бы ребята выстрелили.

Солдаты дружно закивали, подтверждая слова генерала.

— Она заглянула в сад и сказала, что теперь ей будет спокойнее. Я сам заглянул туда и увидел три черные шкатулки на каменной плите посередине лужайки. Но женщина не ступила внутрь ни шагу, клянусь!

Ричард вздохнул.

— И все? Никто больше не открывал эти двери?

— Нет, лорд Рал. Никого тут не было, кроме охраны. Никого! Даже в залы, прилегающие к Саду Жизни, посетители не допускаются. Вы же сами настаивали на этом, когда последний раз побывали здесь.

Ричард кивнул и указал наверх:

— Что ж, пойдемте посмотрим.

Стражники, бряцая оружием и доспехами, последовали за неожиданными посетителями по блестящему гранитному полу до высоких, украшенных золотом дверей.

Не дожидаясь никого, Ричард раздвинул тяжелые створки и вошел в сад. Солдаты задержались в дверях. В святилище мог

свободно входить лишь хозяин дворца, и без приглашения лорда Рала никто не посмел бы переступить порог. Ричард же и не подумал их пригласить, врываясь в сад.

Несмотря на усталость, Никки поспешила за ним по дорожке среди цветочных куртин. Наверху, за стеклянной крышей, небо приобрело цвет темного пурпура — значит, сейчас вечер, а не утро.

Как и Ричард, Никки не обратила внимания на поросшие плющом стены, деревья и прочую растительность. Несмотря на несомненное великолепие сада, ее взгляд был прикован к каменному алтарю, видному издали. На нем явно не было шкатулок. Какой-то другой предмет стоял на гранитном столе, но Никки не понимала, что это такое.

Ричард тяжело дышал — кажется, он знал, что там стоит.

Они пересекли травянистый круг и полосу вскопанной земли. Но Ричард вдруг застыл на полушаге и уставился на эту землю.

— Лорд Рал, — спросила Кара, — что с вами?

— Ее следы, — прошептал Ричард. — Я узнаю их. Их не прикрыли магией — Кэлен была здесь одна. — Он указал вниз рукой. — Четыре отпечатка. Она побывала здесь дважды. — Он оглянулся на траву, следя за чем-то, чего не видели другие. — А там, в траве, она опускалась на колени.

Он сорвался с места и подбежал к алтарю. Никки и Кара поспешили за ним.

Теперь Никки увидела, что именно стоит на гранитной плите.

Это была деревянная статуэтка, изображающая мраморную женщину с площади Свободы в Алтур-Ранге — та самая, про которую рассказывал Ричард, сделанная им самим. Та, которая, по его словам, изображала Кэлен. Никки заметила, что вся фигурка покрыта кровавыми отпечатками пальцев.

Ричард трясущимися руками схватил фигурку и прижал к груди, едва сдержав рыдание. Никки испугалась, что он сейчас упадет, но он устоял.

Через минуту Ричард повернулся к ним. Слезы текли по его щекам. Он протянул Каре и Никки гордо выпрямившуюся фигурку со вскинутой головой и упрямо стиснутыми кулаками.

— Я вырезал ее для Кэлен. Это — «Сильная духом». Именно ее не могло быть в Алтур-Ранге, потому что Кэлен носила ее с собой. Если с нее делали копию в Алтур-Ранге, в Древнем мире, как она попала сюда, а?

Никки смотрела на удивительную находку широко раскрытыми глазами, пытаясь осознать увиденное. Это противоречило всем ее рассуждениям. Она вспомнила, каково пришлось Ричарду, когда он пытался понять, что именно увидел в могиле Матери-Исповедницы. Теперь она понимала, что он тогда чувствовал.

— Ричард, я не понимаю, откуда она взялась здесь!

— Ее оставила Кэлен! Оставила, чтобы я ее нашел. Она унесла шкатулки Одена по приказу сестер! Неужели так трудно сообразить? Неужели ты не в состоянии разглядеть истину, когда она наконец стоит прямо перед тобою?

Не в силах добавить что-то еще, он снова прижал статуэтку к груди, как самое большое сокровище в мире.

Видя, как он страдает и радуется одновременно, Никки подумала: а мог он полюбить и ее так же сильно?

И все же, несмотря на смятение чувств, несмотря на огорчение от того, как страдает Ричард, она ощутила радость: как хорошо, что кто-то столь дорог ему, кто-то может вызвать в его душе такую страсть... даже если он сам ее выдумал. Никки все еще не уверилась в существовании жены Ричарда.

— Теперь-то ты понимаешь? — спросил он. — Дошло до тебя?

Кара, столь же ошеломленная, как и Никки, потрясла головой.

— Нет, лорд Рал, не понимаю...

Он поднял статуэтку:

— О ней никто не помнит. Она прошла мимо охраны, и о ней тут же забыли, точно так же, как вы обе забыли те тысячи раз, когда общались с нею. Она одна, без друзей, в руках четырех сестер, и они заставили ее прийти сюда и забрать шкатулки. Посмотрите — видите на фигурке пятна крови? Это ее кровь! Вы должны понять это. Можете вы представить себе, каково ей — одинокой, забытой, не замечаемой никем на свете? Наверное, она оставила статуэтку в надежде, что кто-нибудь увидит и вспомнит о ее существовании.

Он сунул фигурку в руки сперва Каре, потом Никки.

— Взгляните! Она вся покрыта кровью! И на алтаре есть кровь. И на полу. А вон там видны следы ног. Как можно объяснить, что шкатулки исчезли, а взамен появилась эта вещь? Кэлен была здесь, но ее никто не видел — вот и все!

В дворцовом саду настала мертвая тишина. Никки была так смущена, что уже не понимала, чему верить: своим глазам или рассудку? Все это казалось невероятным.

— Верите вы мне теперь или нет? — спросил Ричард.

— Лорд Рал, — с трудом выговорила Кара, — я верю вам, но по-прежнему не вспоминаю ее.

Когда его жесткий взгляд упал на Никки, у той тоже горло перехватило, но, верная самой себе, она ответила:

— Ричард, я не знаю, что происходит. Ты привел веские доказательства — но я, как и Кара, по-прежнему не помню Кэлен. Прости, но я не могу лгать и говорить то, что тебе хочется услышать, лишь бы порадовать тебя. Я говорю правду. Я все еще не понимаю, что происходит.

— Конечно, не понимаешь, — сказал он неожиданно мягко, сочувственно. — Именно об этом я и толкую. Происходит нечто ужасное. Как можно полностью стереть память об одном человеке у всех остальных? Для этого, без всякого сомнения, нужно было применить мощное и чрезвычайно опасное волшебство, доступное лишь немногим наиболее могущественным людям, обладающим обеими сторонами дара. Опасное настолько, что сведения о нем запрятали в книгу, погребенную древними волшебниками в подземелье, за щитами, в надежде, что никто не доберется до нее!

— *Огненная Цепь!* — прошептала Никки. — Но из прочтенного мною отрывка явствует, что с ее помощью можно уничтожить все живое...

— А разве сестрам есть дело до этого? — с горечью спросил Ричард. — Они уже, не задумываясь, ввели в игру шкатулки Одена. Уничтожая жизнь, они намерены подольститься к Владетелю мира мертвых. Ты должна понимать это лучше всех.

Никки приложила руку ко лбу, чувствуя, как от ужаса немеют пальцы.

— Духи милостивые, боюсь, ты прав. Судя по всему, Огненная Цепь напоминает тот прием, который по просьбе Зедда, Энн и Натана я должна была применить к тебе: использовать Магию Ущерба, чтобы ты забыл про Кэлен. Возможно, сестры сделали нечто большее, но в том же роде — они заставили забыть о ней многих людей.

Никки посмотрела прямо в его серые глаза — глаза, в которых она готова была потеряться. Слезы страха текли по ее щекам.

— Ричард, я попробовала применить этот прием...

— Какой?

— Я попыталась заставить одного из солдат там, в Касске, забыть о Джегане. Он умер. А что, если Огненная Цепь приводит к тому же — но убивает многих?

Ричард сердито вздохнул.

— Ладно... Пойдем!

Он вышел из сада и направился к генералу и гвардейцам, дожидавшимся возле входа в Сад Жизни.

— Лорд Рал, — воскликнул генерал, — я не вижу шкатулок на месте!

— Их украли.

Челюсти у ошарашенных солдат отвисли. Генерал Тримак широко раскрыл глаза.

— Украли... но кто же, кто мог их украсть?

Ричард поднял статуэтку повыше и показал людям.

— Моя жена.

Генерал Тримак, видимо, не знал, как поступит, — яростно заорать или покончить с собою тут же на месте. Не сделав ни того, ни другого, он крепко растер подбородок, пытаясь усвоить услышанное и увязать со всем, что знал. Он посмотрел на Ричарда таким суровым взглядом, какой мало кто мог себе позволить даже среди высших чинов армии.

— Мне постоянно присылают рапорты, лорд Рал. Я настоял на том, чтобы все рапорты попадали ко мне — ведь никогда заранее не известно, какие именно сведения могут оказаться полезными. Генерал Мейфферт тоже присылает рапорты. Поскольку он в настоящее время находится неподалеку, они доходят за несколько

часов. Вскоре он вместе с войсками выступит на юг, тогда поступление рапортов замедлится, но пока я их получаю свежими.

— Хорошо. Продолжайте!

— Ну, не знаю, важно ли это, но в последнем рапорте, полученном мною сегодня рано утром, сказано, что наши солдаты нашли женщину, старую женщину, раненую мечом. Она в тяжелом состоянии. Не знаю, зачем генерал Мейфферт решил доложить мне о таком незначительном происшествии — но он очень проницательный человек и не стал бы меня беспокоить, если бы в этом случае не было чего-нибудь чертовски странного!

— Далеко ли до него? — спросил Ричард. — То есть до армии. Далеко ли?

— Верхом? — генерал пожал плечами. — Если поторопиться, за час-другой доехать можно.

— Тогда приготовьте мне лошадей. Немедленно!

Генерал Тримак приложил руку к сердцу и знаком подозвал к себе двоих солдат.

— Бегом на конюшню, пусть приготовят лошадей для лорда Рала. — Он поглядел на Ричарда, потом на Кару и Никки. — Три лошади?

— Да, три, — подтвердил Ричард.

— И эскорт из состава внутренней гвардии для сопровождения и охраны!

Солдаты кивнули и стремглав помчались выполнять указания.

— Лорд Рал, право, я не знаю, что и сказать. Я, конечно, подам в отставку...

— Не делайте глупостей. С тем, что произошло, вы ничего поделать не могли; вас обманули при помощи магии. Я сам виноват, что допустил такую оплошность. Лорд Рал должен бы помнить, что защита от магии — его дело...

Никки подумала: а ведь он пытался стать защитником от магии, но его никто не понял...

Не тратя времени на отдых, Ричард, Кара и Никки, сопровождаемые гвардейцами, вновь зашагали по роскошным, просторным залам и коридорам обители предков Ричарда. Встречные люди расступались, раздвинутые клином гвардейцев. Сразу

за гвардейцами, впереди Ричарда шла Кара; Никки держалась сбоку.

Когда добрались до более узкого, почти безлюдного коридора, Ричард пошел медленнее и вдруг остановился. Гвардейцы остановились тоже — поодаль, так, чтобы быть под рукой, но не мешать разговору. Ричард смотрел на проем, ведущий куда-то в сторону. Каре стало явно не по себе.

— Здесь жили морд-сит, — объяснила Кара, отвечая на вопросительный взгляд Никки.

— Комната Денны была вон там, с той стороны зала, — взмахнул рукою Ричард. — А твоя здесь, Кара.

— Откуда вы знаете? — заморгала Кара.

Он мельком взглянул на нее с непроницаемым выражением лица.

— Я помню, как побывал там.

Кара стала краснее своего кожаного костюма.

— Вы... помните?

Ричард кивнул.

— Но как же... Вы все знаете? — прошептала она подавленно.

— Конечно же, я все знаю, — мягко сказал он.

Ее глаза наполнились слезами.

— Но откуда?

Он указал на ее правое запястье.

— Я как-то прикоснулся к твоему эйджилу, и мне стало больно. Эйджил может причинить боль только тому, кого обучали с его помощью — или тогда, когда морд-сит желает причинить боль.

Она зажмурилась.

— Лорд Рал... Простите меня...

— Все уже в прошлом. Ты была тогда совсем иной, а я был врагом тогдашнего лорда Рала. Времена меняются, Кара.

— Вы уверены, что я изменилась достаточно?

— Ты была такой, какой тебя сделали другие люди. А теперь ты стала такой, какой хотела сама. — Он улыбнулся. — Помнишь, как я исцелил тебя после нападения зверя?

— Я никогда об этом не забуду!

— Ну, значит, ты знаешь, как я к тебе отношусь.

Она улыбнулась, утешенная. Но Ричард вдруг нахмурился.

— Прикосновение... — глаза его блеснули от неожиданной догадки. — Меч!

— Что? — встрепенулась Никки.

— Меч Истины. В то утро сестры чарами усыпили меня крепче обычного, чтобы я не помешал им увести Кэлен. Но я держал руку на мече. Я касался Меча Истины, и когда они, опять-таки чарами, заставили всех забыть о Кэлен, меч защитил меня от их магии. Вот почему я все помню. Меч Истины послужил преградой их намерениям.

Ричард пошел дальше по коридору.

— Идемте, нам нужно добраться до лагеря и посмотреть, что там за раненая женщина.

Недоумевающая Никки последовала за ним.

Глава 64

Лагерь войска империи и Д'Хара удивил Никки. Она так привыкла к порядкам, свойственным орде Джеганя, что и не догадывалась о возможности других.

Уже настала ночь, но костры горели, и она ожидала, что привлечет к себе нежелательное внимание, что мужчины осыплют ее самыми грязными шутками в расчете потрясти, унизить или напугать. Солдаты Ордена всегда орали и улюлюкали ей вслед, делали непристойные жесты, громко гоготали, когда она проходила мимо.

Конечно, и здесь мужчины поглядывали на нее. Никки понимала, что такие женщины, как она, редко появляются на войсковом биваке. Однако они только смотрели. Беглый взгляд, восхищенная улыбка, приветственный наклон головы — вот и все. Тут могло сказаться то, что она ехала рядом с лордом Ралом и мордсит в красном кожаном наряде, но Никки понимала, что дело не в этом. Здесь были другие люди. Они умели достойно вести себя.

Стоило встречным завидеть Ричарда, как они приветствовали его, гордо выпрямившись, прикладывая руки к сердцу, а некоторые бежали следом за его конем. Солдаты явно были счастливы видеть, как он проезжает по лагерю, и знать, что их лорд Рал снова с ними.

И порядка в этом лагере было намного больше. Этому способствовала отчасти сухая погода; под дождем любой лагерь выглядел бы уныло. Но в первую очередь во всем заметен был хозяйский, заботливый подход. Лошадей держали в загонах, где они не могли случайно причинить ущерб людям и имуществу. Фургоны не загромождали проезды, а располагались по сторонам.

Усталость после перехода чувствовалась в людях, но палатки стояли правильными рядами. В войсках Имперского Ордена всякий ставил палатку где хотел, не заботясь о других. Костры здесь были небольшие и горели там, где нужно. Никто не палил огромных костров, чтобы плясать вокруг них, орать песни и куролесить.

Другое огромное различие заключалось в отсутствии пыточных шатров. Орден всегда отводил в лагере участок для пыток. Непрерывным потоком туда тащили пленников на допрос, и столько же изуродованных тел вытаскивали обратно. Крики и стоны жертв постоянно разносились по лагерю.

Здесь было тихо. Люди доедали ужин и укладывались спать. А в лагере Ордена никогда не наступала тишина.

— Сюда, — сказал один из солдат эскорта, указывая на палатки командиров, еле различимые в потемках.

Услышав конский топот, из одной палатки вышел светловолосый офицер. Видимо, его уже предупредили, что лорд Рал направляется к нему.

Ричард спрыгнул с седла и удержал офицера, чтобы не вздумал становиться на колени и кланяться.

— Генерал Мейфферт, я рад снова видеть вас, но на поклоны у нас нет времени.

Офицер склонил голову:

— Как вам будет угодно, лорд Рал.

Никки заметила, что голубые глаза генерала исподтишка обратились к Каре, когда она подошла и остановилась рядом с Ричардом. Он поспешно пригладил и без того гладкие волосы.

— Госпожа Кара!

— Здравствуйте, генерал.

— Жизнь слишком коротка, чтобы вам стоило притворяться, будто вы не дороги друг другу, — сердито бросил Ричард. — Вы

должны понимать, что всякая минута, проведенная вместе, драгоценна, и нет ничего дурного во взаимной симпатии. Это ведь тоже разновидность свободы, а мы боремся за свободу, не правда ли?

— Да, лорд Рал, — ответил несколько озадаченный генерал Мейфферт.

— Мы приехали сюда в связи с рапортом, присланным вами, насчет раненой женщины. Она еще жива?

Молодой генерал кивнул.

— Последние пару часов я не проверял, но вечером была жива. Мои хирурги оказали ей помощь — но рана тяжелая, и их умения не хватает. Она ранена в живот. Ей предстоит долго и мучительно умирать. Но мы думали, что она умрет раньше.

— Как ее зовут, знаете? — спросила Никки.

— Пока была в сознании, она отказывалась назваться — но потом, в бреду, когда ее спросили снова, сказала, что ее зовут Тови.

Ричард взглянул искоса на Никки и спросил:

— Как она выглядит?

— Пожилая полная женщина.

— Похоже, — сказал Ричард и растер лицо рукой. — Нам нужно увидеть ее. Немедленно.

— Тогда пойдемте, — сказал генерал. — Я проведу вас.

— Погодите! — остановила его Никки.

— Что такое? — резко обернулся к ней Ричард.

— Если ты явишься к ней, она ничего не расскажет. Мы с Тови не виделись уже очень давно. В последний раз я еще была рабой Джеганя, а она избежала этой участи. Я могу поговорить с нею так, что она откроет всю правду.

Никки видела, что Ричарду не терпится добраться до одной из виновниц похищения его любимой женщины. Он верил в это. А сама Никки уже не знала, чему верить. Сейчас ей пришло в голову, что она не хочет верить в реальность этой женщины просто из-за того, что она сама хотела быть на ее месте.

— Ричард, — подойдя к нему вплотную, сказала она тихо, — позволь мне сделать это. Если ты пойдешь к ней, то все испортишь. Я же могу заставить ее говорить!

— Каким образом?

— Слушай, ты хочешь узнать, что случилось с Кэлен, или тебе больше нравится спорить со мной?

Он поджал губы и махнул рукой.

— Ладно, даже если ты вздумаешь выдергивать ее кишки по дюйму в минуту, мне все равно. Главное — узнай все подробно!

Никки коротко коснулась его плеча и пошла за генералом. Однако в лагере было уже так темно, что вскоре она приблизилась к нему и пошла рядом. Она уже понимала, почему Кара находила его привлекательным. Он был одним из тех красивых, открытых людей, которые не умеют лгать.

— Да, кстати, — спохватился он, почувствовав ее взгляд, — я — генерал Мейфферт.

— Бенджамин, — добавила Никки.

Он остановился посреди темной дорожки, удивленный:

— Откуда вы знаете?

— Кара рассказывала мне про вас, — улыбнулась Никки. Бенджамин словно прирос к месту. Она взяла его за руку и повела дальше. — А морд-сит редко отзываются о мужчинах с таким уважением.

— Кара отзывалась обо мне с уважением?

— Конечно. Она любит вас. Но вы и так это знаете.

Заложив руки за спину, генерал пошел вперед.

— Тогда, значит, вам известно, что я много думаю о ней.

— Конечно.

— Но, простите, кто же вы, если позволено узнать? Лорд Рал, к сожалению, вас не представил.

Никки, помедлив, ответила:

— Возможно, вы слыхали обо мне. Меня называют госпожа Смерть.

Генерал Мейфферт споткнулся и чуть не поперхнулся словами. Он так закашлялся, что лицо его покраснело.

— Госпожа Смерть? — наконец выдавил он. — Люди боятся вас даже больше, чем самого Джеганя!

— И не без оснований.

— Именно вы захватили лорда Рала и увели его в Древний мир?

— Верно, — спокойно сказала она.

Какое-то время он шел молча, обдумывая новость.

— Я полагаю, что вы с тех пор изменились, иначе лорд Рал не общался бы с вами.

Она только улыбнулась в ответ, загадочно и лукаво. Скрыв неловкость, он указал рукою направо:

— Нам сюда. До палатки, где лежит раненая, уже недалеко.

Никки придержала его за локоть. Она не хотела, чтобы Тови издалека услышала ее голос.

— Беседа займет немало времени. Пожалуй, вам стоит вернуться к Ричарду и передать, что он пока может отдохнуть. Да и Каре отдых не помешает. Почему бы вам не позаботиться об этом?

— Что ж, я могу этим заняться.

— Отлично. Но имейте в виду, генерал, если моя подруга Кара не уедет отсюда с улыбкой, блуждающей на губах, я вас заживо растерзаю.

Его глаза округлились. Никки не смогла сдержать улыбку.

— Это фигуральное выражение, Бенджамин. — Она приподняла бровь. — У вас целая ночь впереди. Не тратьте время зря!

Он наконец понял и улыбнулся в ответ.

— Спасибо, сударыня...

— Никки.

— Спасибо, Никки. Я о ней все время думаю. Вы не представляете, как я скучал — и как беспокоился.

— Почему же, хорошо представляю. Но вы лучше скажите об этом ей, а не мне. Итак, где находится Тови?

Он указал рукою направо.

— Здесь, последняя палатка в ряду.

Никки кивнула и попросила:

— Сделайте мне одолжение: проследите, чтобы нас никто не побеспокоил. Даже врачи. Мне нужно быть наедине с нею.

— Сделаем. — Он повернулся и почесал в затылке. — Эх... Это, конечно, не мое дело, но скажите: вы... — он неопределенно помахал рукою, — вы и лорд Рал, ну, вы понимаете...

Никки не нашла в себе сил ответить так, как ей хотелось.

— Время уходит. Не заставляйте Кару ждать!

— Да, вы правы. Спасибо, Никки. Надеюсь, утром встретимся!

Она подождала, пока его шаги затихли в темноте, потом сосредоточилась на деле. Она не хотела пугать генерала разговорами про госпожу Смерть, но ей нужно было вернуться к полузабытому состоянию, настроиться на прежний лад — так, чтобы относиться ко всему с ледяным безразличием.

Она откинула полог палатки и проскользнула внутрь. Единственная свеча на железной подставке, воткнутой в землю, слабо освещала походную койку. В палатке было тепло и душно. Пахло потом и запекшейся кровью.

Тови лежала на спине, тяжело дыша.

Никки тихо присела на складной табурет рядом с раненой женщиной. Тови этого не заметила. Никки взяла Тови за запястье и направила на нее частичку своей силы, чтобы облегчить ее состояние.

Тови ощутила присутствие дара и приподняла голову. Глаза ее расширились, дыхание участилось. Она застонала от боли и прижала руки к животу. Никки увеличила приток силы, и Тови со вздохом облегчения откинулась на подушки.

— Никки, откуда ты появилась? Каким ветром тебя занесло?

— С каких это пор тебя интересует моя жизнь? Сестра Улиция и все вы оставили меня в когтях у Джеганя. Вы допустили, что он сделал меня своей рабой, позволили этой свинье лишить меня свободы!

— Но ты же избавилась от этого!

— Избавилась? Сестра Тови, ты в своем уме? Никто не может ускользнуть от сноходца — кроме вас пятерых.

— Нас четверо. Сестра Мерисса умерла.

— Что с ней случилось?

— Глупая сучка попыталась сыграть в собственную игру с Ричардом Ралом. Ты же помнишь, как она ненавидела его — хотела искупаться в его крови.

— Помню.

— Сестра Никки, что же ты делаешь здесь?

— Вы отдали меня на растерзание Джеганю. — Никки склонилась над койкой, чтобы Тови могла видеть ее гневный взгляд. — Вы понятия не имеете, на какие мучения меня обрекли. Но потом

его величеству потребовались сведения, и он отправил меня добывать их. Он знает, что я сумею это сделать.

— О да! — улыбнулась Тови. — Он заставляет тебя сходиться с мужчинами и выуживать у них все, что ему нужно!

Никки оставила эти слова без ответа.

— Так вот, я случайно услышала о том, что какая-то глупая женщина, столкнувшись с грабителем или вроде того, ухитрилась получить удар клинком. По описанию эта женщина весьма походила на тебя, вот я и решила удостовериться сама.

Тови кивнула.

— Боюсь, мое дело плохо.

— Надеюсь, что тебе больно. Я пришла полюбоваться, как ты умираешь. Я хочу, чтобы ты страдала. Ты должна расплатиться за то, что оставила меня во власти Джеганя, а сама с остальными удрала, даже не побеспокоившись поделиться со мной сведениями о том, как это можно сделать!

— Мы не могли предупредить тебя. Нам выпал шанс, и мы должны были использовать его, вот и все. — Хитрая усмешка тронула ее губы. — Но ты тоже можешь освободиться от Джеганя.

Никки нависла над нею:

— Как? Как я могу освободиться?

— Исцели меня, и я все тебе расскажу!

— То есть «исцели меня, и я тебя предам, как раньше». Не выйдет, Тови. Ты расскажешь мне все — или я посижу здесь и понаблюдаю, какими страданиями ты проложишь себе путь к вечным объятиям Владетеля. Я могу добавить тебе капельку силы, чтобы ты прожила подольше. — Она поудобнее устроилась на табурете. — Тогда ты дольше будешь чувствовать боль.

Тови вцепилась пальцами в складки платья Никки.

— Прошу тебя, сестра, помоги мне! Такая ужасная боль...

— Говори, сестра.

Она разжала пальцы и, откинувшись на подушки, отвернулась от Никки.

— Все дело в присяге лорду Ралу. Мы присягнули ему.

— Сестра Тови, если ты считаешь меня настолько глупой, я заставлю тебя так страдать, что ты пожалеешь об этом.

Тови вскинулась на постели:

— Но это правда!

— Как можно присягать тому, кого желаешь уничтожить?

— Сестра Улиция придумала ловкий ход, — ухмыльнулась Тови. — Мы поклялись ему в верности — но при условии, что он нас отпустит, не давая сразу многих поручений.

— Твоя история становится все более нелепой!

Никки выдернула руку из пальцев Тови, тем самым лишив ее своей помощи, и встала. Тови застонала от боли.

— Прошу, поверь, сестра Никки, это правда! — Она снова ухватила Никки за руку. — Мы обещали ему добыть то, чего он хочет, а он — отпустить нас.

— Чего мог хотеть лорд Рал настолько, чтобы согласиться отпустить свору сестер Тьмы? Нелепее этого ничего не слыхала!

— Он хотел женщину.

— Что-о?

— Женщину.

— Лорд Рал может раздобыть себе любую женщину, какую пожелает. Ему нужно лишь выбрать и приказать привести ее к нему на ложе — если только она не предпочтет взойти на плаху. Обычно они предпочитают ложе. Ему незачем нанимать сестер Тьмы в качестве поставщиков.

— Нет, нет, ему нужна была не такая женщина. Ту женщину он сильно любил.

— Ясно, — выдохнула Никки. — Всего хорошего, сестра Тови. Передай Владетелю мертвых мое почтение, когда предстанешь перед ним. Прости, но мне кажется, что твое свидание с ним откладывается еще на денек-другой. Сожалею.

— Прошу тебя! — Она шевелила пальцами в воздухе, надеясь ухватиться за единственную свою спасительницу. — Сестра Никки, пожалуйста, выслушай, и я все расскажу!

Никки села и снова взяла Тови за руку.

— Хорошо, сестра — но помни, что я могу использовать силу по-разному.

Тови изогнулась дугой от ужасного приступа боли.

— Нет! Пожалуйста!

Никки не испытывала никакого сожаления от того, что делала сейчас. Она знала, что слуги Имперского Ордена прибегают к подобным способам — а как правило, и к более жестоким. Но ей пришлось поступить так лишь ради спасения ни в чем не повинных людей. Имперский Орден использовал пытки как орудие подчинения и захвата, устрашения противников. Иногда его приспешники находили в пытках и наслаждение — ведь при этом они чувствовали себя могущественными владыками не только боли, но и самой жизни. Впрочем, человеческая жизнь для Имперского Ордена не имела никакой ценности.

Когда-то Никки разделяла их точку зрения. Теперь она думала иначе. Но спасать хороших людей приходится разными способами...

Никки направила на раненую частицу целительной силы, и Тови улеглась, расслабившись, со слезами облегчения. Лоб женщины покрылся испариной.

— Пожалуйста, сестра, поддержи меня, и я все тебе расскажу!

— Начнем с того, кто ударил тебя мечом.

— Это был Искатель.

— Искатель — это Ричард Рал. Думаешь, я поверю в твои басни? Ричард Рал снес бы тебе голову одним взмахом меча!

Голова Тови качнулась из стороны в сторону.

— Нет, нет, ты не понимаешь! У этого человека был Меч Истины. — Она указала на свой живот. — Уж как-нибудь я распознаю Меч Истины, когда меня протыкают им чуть не насквозь! Он застал меня врасплох и ударил прежде, чем я заметила, кто он и чего хочет, ублюдок.

Никки в замешательстве потерла брови.

— Лучше уж начни с самого начала!

Тови уже впадала в оцепенение, но Никки усилила приток магии, создавая у нее чувство выздоровления. Однако исцелять ее рану она не собиралась. Никки нужно было, чтобы сестра Тьмы оставалась беспомощной. Внешне Тови выглядела, как добрая бабушка, но была подколодной змеей.

Никки скрестила ноги и потянулась. Ночь обещала быть долгой.

Как только Тови очнулась, Никки села прямо.

— Итак, вы принесли присягу Ричарду как лорду Ралу, — сказала Никки, как будто их беседа не прерывалась. — И таким образом защитились от сноходца.

— Именно так.

— И что дальше?

— Нам удалось уйти от него. Мы взялись за выполнение воли нашего повелителя и при этом следили за Ричардом. Нам нужно было забросить крючок.

Никки не спрашивала, кто их повелитель — она это отлично знала.

— Что значит «забросить крючок»?

— Для того, чтобы исполнить желание Владетеля, мы должны были отбить у Ричарда Рала желание вмешиваться. И мы придумали, как подловить его. Мы нашли!

— Что нашли?

— Нечто, связывающее его с нами, чем бы мы ни занимались. Это была блестящая находка!

— Какая же?

— Жизнь!

Никки нахмурилась, не уверенная, что правильно расслышала. Положив руку на рану Тови, она сосредоточилась на снятии боли.

Когда Тови пришла в себя от приступа, Никки спросила тихо:

— При чем тут жизнь?

— Ну как же, — наконец сказала Тови. — Это же для него наивысшая ценность!

— И что же?

— Сестра, подумай сама: чтобы освободиться от власти сноходца, мы должны быть постоянно связаны с Ричардом Ралом. Мы не рискуем отклониться от присяги даже на минуту. И все же, кто наш настоящий господин?

— Владетель мертвых. Ему вы присягнули раньше.

— Вот именно. Но если бы мы сделали что-то во вред жизни Ричарда, например, впустили бы Владетеля в мир живых, то мы нарушили бы свою клятву Ричарду. А тогда выходит, что прежде, нежели бы мы освободили Владетеля, Джегань в этом мире смог бы захватить нас.

— Сестра Тови, не пора ли объясниться подоходчивее? Я теряю терпение — и поверь, тебе не понравится, когда я потеряю его окончательно. Совсем не понравится. Я хочу знать, что вы устроили, чтобы вновь занять свое место!

— Конечно, конечно. Понимаешь ли, Ричард очень ценит жизнь. Он даже статую в ее честь соорудил, мы ее видели в Древнем мире. Статую жизни...

— Я уже поняла. Дальше!

Тови повернула голову, чтобы видеть лицо Никки.

— Итак, моя дорогая, что мы должны были совершить в согласии с нашей клятвой?

— Освободить Владетеля.

— И какую награду мы ожидаем за это?

— Бессмертие, — холодно сказала Никки.

Тови ухмыльнулась:

— Совершенно верно!

— Если высшая ценность Ричарда — жизнь, значит, вы намерены обеспечить ему бессмертие?

— Да-да. Мы трудимся на пользу его благородного идеала!

— Но он может и не захотеть бессмертия.

Тови удалось даже пожать плечами.

— Возможно. Но мы не намерены спрашивать его. Посмотри, какой блестящий план изобрела сестра Улиция! Мы не делаем ничего, что оскорбило бы его чувства — наши дела не затрагивают его высшую ценность, даже если и идут против его желаний. Соответственно, мы не нарушаем нашей связи с лордом Ралом, защищаясь тем самым от сноходца — и в то же время трудимся ради Владетеля. Видишь, как все укладывается одно к одному?

— Но бессмертие дарует Владетель, а не вы. Вы не можете никого наделить бессмертием.

— Не можем, если только не попросим Владетеля.

— Ну и как же вы тогда можете такое обещать? Ведь это не в вашей власти!

— А вот и можем, можем!

— Как?

Тови закашлялась, и Никки пришлось заняться ее раной, чтобы не дать старой женщине умереть. Прошло не менее двух часов, пока она снова пришла в сознание и успокоилась.

— Сестра Тови, — сказала Никки, когда та открыла глаза и посмотрела на нее осмысленно. — Я отчасти привела в порядок твое здоровье. Теперь, прежде чем я продолжу исцеление, чтобы ты могла получить жизнь в награду, я желаю знать всю историю. Любопытно, как вы ухитритесь даровать бессмертие, которым не можете распоряжаться?

— Мы похитили шкатулки Одена и намерены использовать их для уничтожения жизни... кроме той, разумеется, которая понадобится нам. С помощью силы Одена мы обретем власть над жизнью и смертью. Тогда мы сможем обеспечить бессмертие Ричарду Ралу. Понимаешь? Присяга не нарушена!

У Никки голова шла кругом.

— Не верю, Тови! Наверняка все намного сложнее, чем ты изображаешь.

— Ну, в наш план входит и кое-что еще. Мы обнаружили катакомбы под Дворцом Пророков...

Никки понятия не имела о существовании катакомб — но хотела услышать всю историю и потому не стала перебивать.

— С этого все началось. У нас появилась идея. Понимаешь, мы скитались повсюду, изыскивая способы удовлетворить Владетеля... — Тови впилась в руку Никки, оцарапав ее ногтями. — Он проникает в наши сны. Ты сама это знаешь. Ведь он приходит и к тебе тоже. Он приходит и мучает нас, заставляя исполнить его требования, работать, чтобы освободить его.

Никки разжала ее пальцы, похожие на когти, и высвободила руку.

— Катакомбы?

— Да. Катакомбы. Мы нашли древнее подземелье и в нем много книг. Одна из них называлась «Огненная Цепь».

Мурашки пробежали по телу Никки.

— Что значит «Огненная Цепь»? Это заклинание?

— О, это намного больше и сложнее, чем просто заклинание. Это изобретение древних времен. В те годы волшебники создали

новую теорию об изменении памяти. Согласно этой теории, реальные события можно изменить при помощи Магии Ущерба — причем так, чтобы все разорванные связи и остатки воспоминаний мгновенно перестроились независимо друг от друга, образовав новую и непротиворечивую вязь. Соответственно, можно сделать, чтобы человек как бы исчез для окружающих — все забудут о его существовании в их прошлом. Более того, его будут забывать даже те, кто минуту назад видел его. Но волшебники, придумавшие все это, проявили нерешительность, побоялись испробовать свое изобретение — не только из-за того, что подобное воздействие причинило бы невосполнимый ущерб личности пострадавшего, но и потому, что они не научились управлять действием этих чар. Один раз запущенные в ход, дальше они развиваются и поддерживаются самостоятельно.

— Что же это означает? Как оно действует?

— Оно стирает у всех людей память об одном определенном человеке — но дальше события нарастают каскадом, направление и масштабы которого нельзя ни предсказать, ни изменить. Огненная Цепь расползается во все стороны по связям одного события с другими, смежными, ну и так далее. В итоге часть действительности неисправимо искажается. Однако для наших целей это несущественно, потому что жизнь как таковая нас не интересует. Боясь, как бы кто не выследил нас, мы уничтожили и книгу, и катакомбы.

— Но чего ради вам стирать память о ком-то?

— Не о ком-то, а о вполне определенном человеке. Нам нужно было обеспечить забвение женщины, ради которой Ричард Рал согласился на союз с нами. Это Кэлен Амнелл, его возлюбленная. Мы пустили в ход Огненную Цепь, и теперь об этой женщине никто не помнит!

— Не понимаю, какой вам толк от этого?

— Весьма немалый: шкатулки Одена. Мы использовали ее для похищения шкатулок, и вскоре сможем освободить Владетеля. Обладая шкатулками, мы можем предоставить Ричарду вечную жизнь — и при этом оказать услугу Владетелю!

Скривившись от боли, женщина перевела дух и продолжила:

— Владетель нашептал нам во сне, что Ричард знает секрет, как открывать шкатулки. Эти знания хранятся в его памяти — и

более нигде. Об этом поведал Владетелю Даркен Рал. Ричард знает, как получить доступ к тайнам Одена — но на этот раз мы не попадемся на ту уловку, которая погубила Даркена Рала. В той книге, которую он заучил наизусть, говорится, что шкатулки может открыть только Исповедница. И теперь в нашем распоряжении есть Исповедница, которую никто не помнит — а значит, и беспокоиться о ней некому!

— А как насчет исчезновения пророчеств? Это связано с Огненной Цепью?

— Да, это одно из последствий его применения. Об этом тоже было написано в той книге. В своей начальной стадии Огненная Цепь сжигает пророчества точно так же, как и память людей — потому что вместо подлинной памяти создается новая, ложная, и пророчества теряют прежний смысл. В тех местах, где на развилках имеются пустые места, оставленные пророками на случай, если в будущем кто-то пожелает дополнить предсказание, появляется соответствующий текст с вплетенной в него формулой Огненной Цепи. Так он поджигает и уничтожает все пророчества целой ветви, смежные по смыслу и времени. В данном случае мы одновременно устранили и реальную женщину, Кэлен, и все связанные с нею пророчества.

— Похоже, вы все основательно продумали, — сказала Никки.

Тови ухмыльнулась, несмотря на боль.

— Все еще лучше, чем ты думаешь.

— Лучше? По-моему, и так уже все весьма изящно завязано!

— Есть средство противодействия Огненной Цепи, — злорадно хихикнула Тови.

— Противодействие? То есть все-таки существует риск, что Ричард найдет способ восстановить разрушенное вами, и тогда весь замысел потерпит крах?

Тови попыталась сдержать хихиканье, но оно вырывалось наружу само. Хотя ей от этого становилось больно, ей слишком нравилось говорить на эту тему.

— Здесь кроется самая тонкая часть замысла! Древние чародеи, разработавшие идею Огненной Цепи, понимали, насколько это опасная штука. Поэтому они создали некий противовес, на случай, если Огненная Цепь вдруг будет кем-то применена.

Никки стиснула зубы.

— Что это за противовес?

— Шкатулки Одена.

Глаза Никки округлились от изумления.

— Шкатулки Одена были созданы в противовес Огненной Цепи?

— Именно так. Правда, прелестно? Более того, мы занялись и шкатулками тоже.

Никки глубоко вздохнула.

— Да, вы, несомненно, обо всем позаботились.

Тови скривилась.

— Ну... почти обо всем. Но есть одна небольшая загвоздка.

— А именно?

— Понимаешь, глупая сучка принесла только одну шкатулку, когда мы послали ее. Мы не могли допустить, чтобы шкатулки кто-то увидел — потому что, в отличие от зазнобы Ричарда, люди не забыли бы, что видели шкатулки Одена. А у Кэлен, видите ли, не хватило места в мешке. Сестра Улиция разъярилась и основательно избила девчонку — тебе бы понравилось это, сестра Никки, — а потом велела ей вынуть, если понадобится, вещи из мешка, чтобы поместились туда остальные две шкатулки.

Тови зажмурилось от накатившей боли.

— Но мы боялись ждать ее там. Сестра Улиция отправила меня и сказала, что догонит позже... — Тови застонала от нового приступа. — Первая шкатулка была у меня. Но Искатель — ну, во всяком случае, человек с Мечом Истины — напал на меня, ранил и отобрал шкатулку. Поскольку Кэлен забрала оставшиеся две, сестра Улиция, думая, что третья у меня, прежде чем покинуть дворец, пустила в ход магию Одена.

Никки, пошатываясь, поднялась на ноги. Ее подташнивало. Она с трудом верила своим ушам. Но сомневаться в правдивости умирающей не приходилось. Значит, Ричард прав во всем. Основываясь на крупицах сведений и на своем чувстве, он сумел разглядеть суть событий. И никто не желал прислушаться к нему... никто во всем мире, который сейчас незаметно погибал от ничем не сдерживаемой Огненной Цепи.

Глава 65

Душераздирающий вопль нарушил тишину ночи. Ричард, спавший в палатке, вскочил, мгновенно выпутавшись из одеяла. От этого вопля волосы становились дыбом. Он длился, не переставая, и Ричард почувствовал, что лоб его покрывается испариной. Казалось, крик проникает во все щели, заполняет все уголки обширного лагеря, рассеивая семена ужаса.

С тяжело бьющимся сердцем Ричард выскочил из палатки, поставленной вне ряда специально для него. Люди стояли повсюду, напряженно всматриваясь в темноту. Среди них Ричард разглядел и генерала Мейфферта.

Ричард уловил слабое свечение ложной зари, как в то утро, когда исчезла Кэлен — женщина, любимая им и позабытая всеми. Если бы она закричала так же, ее никто бы не услышал.

И вдруг вопль оборвался. Ночь стала еще чернее, чем была — как будто весь мир окунулся в бездну забвения, навсегда потерялся в море смерти. Ричард содрогнулся от прикосновения чего-то чуждого и одновременно манящего.

Однако тьма рассеялась так же быстро, как и настала. Люди озирались, не в силах что-либо сказать. Ричард подумал, что у змеи теперь осталось лишь три головы. Обращенные к нему лица выражали немой вопрос.

— Владетель забрал то, что ему принадлежало, — объяснил он. — Нужно радоваться, что преступная душа покинула мир. И пусть все те, кто служит смерти, обретут ее и получат по заслугам!

Улыбаясь и перешептываясь, люди разошлись по палаткам, наверстывать упущенные сны. Генерал Мейфферт внимательно посмотрел на Ричарда, коснулся кулаком груди и лишь затем последовал за остальными.

В полумраке лагерь казался теперь населенным только палатками и повозками. Ричард сразу уловил движение между ними — это Никки медленно приближалась к нему. Что-то нехорошее чувствовалось в ее походке и фигуре. Видимо, она только что пережила

приступ ярости — причину которой, пожалуй, только он один мог правильно понять и оценить.

Волосы ее развевались на ходу, она казалась орлицей, слетевшей с неба, явившейся из ночи — сгусток напряжения, хищно изогнутые когти. Но по щекам ее ручьем текли слезы, зубы были стиснуты, и Ричард ощутил ее ярость и боль, ее грозную силу и хрупкость. Выражение ее глаз говорило больше, чем он мог воспринять. Отступив к палатке, он стал ждать, боясь вопросами разбудить спящих и привлечь ненужное внимание.

Она ворвалась в палатку, как штормовая волна взлетает над береговыми утесами. Он отошел к дальней стенке, не понимая, что с ней и чего она хочет.

Плача навзрыд от безграничного отчаяния, она упала наземь перед ним и обхватила его ноги. В одной руке у нее было зажато что-то белое. Ричард с ужасом узнал принадлежавшее Кэлен платье Матери-Исповедницы.

— Ох, Ричард, я так виновата! — едва выговорила она, содрогаясь от рыданий. — Прости, прости меня за все, что я с тобой делала... Прости... — твердила она снова и снова.

Он наклонился и погладил ее по плечу.

— Никки, что с тобой?

— Прости! — выкрикнула она, цепляясь за его ноги, словно осужденная на смерть и молящая короля о жизни. — Духи милостивые, как же я могла так вести себя!

Он присел и, разжав ее пальцы, снова спросил:

— Никки, что с тобой стряслось?

Плечи ее сотрясались от плача. Когда она подняла голову, Ричарда поразила ее мертвенная бледность.

— Ох, я так сожалею, что не верила тебе! Если бы я хоть чуточку задумалась, поверила бы, тогда могла бы тебе помочь — а вместо этого лишь мешала на каждом шагу. Прости, прости меня!

Такое глубокое горе ему редко приходилось видеть.

— Никки...

— Пожалуйста, — плача, попросила она, — пожалуйста, Ричард, покончи с этим!

— Что?

— Я не хочу больше жить. Мне так больно! Прошу, возьми свой нож и покончи с этим! Умоляю! Я так виновата перед тобою... Я не верила... хуже того, я тебе мешала на каждом шагу...

Он попытался поднять Никки, но она повисла, как тряпичная кукла, у него на руках. Сознание собственной неправоты убивало ее.

— Я теперь знаю, что ты был совершенно прав во всем, что говорил, и даже больше, чем думал сам. Теперь все пропало, и это моя вина. Прости... Я должна была верить тебе...

Она опять осела на пол. Ричард опустился рядом с нею и обнял, как недавно обнимал Джиллиан.

— Никки, ты единственная заставила меня продолжить поиски, когда я готов был сдаться. Если бы не ты, я отказался бы от борьбы!

Никки обняла его за шею. От душевных терзаний она пылала, как в лихорадке.

Долго еще она плакала и причитала, твердя, что виновата во всем и хочет умереть.

Ричард положил ее голову себе на плечо и нашептывал, что все будет хорошо, утешал бессвязными словами, весь смысл которых заключался в сочувствии, и укачивал ее, как маленькую.

Он вспомнил первую ночь, проведенную рядом с Кэлен. Им пришлось забраться на одинокую сосну. Кэлен чуть не затянуло в потусторонний мир, и он едва успел удержать ее. Она тогда точно так же плакала от горя и ужаса, но и от облегчения — ведь у нее теперь появился кто-то, способный подать руку помощи...

До того у Кэлен не было близких людей, чтобы утешить ее, когда она заплачет.

Он знал теперь, что и у Никки такого никогда не бывало.

Мало-помалу, согретая его лаской, она утихла и, доведенная до изнеможения, уснула. Тогда и он, чувствуя глубокое облегчении оттого, что сумел дать ей покой, позволил себе тихонько поплакать, пока она спала у него на руках.

Видимо, он ненадолго задремал, потому что, открыв глаза, увидел бледный свет, сочащийся сквозь полотно палатки. Когда он поднял голову, Никки пошевелилась, свернувшись клубочком, как ребенок, не желающий просыпаться.

Но она все же проснулась, вспомнила, где находится, и посмотрела на него такими скорбными глазами, что можно было ожидать продолжения вчерашнего.

— Ричард... — прошептала она еле слышно.

Он прижал палец к ее губам, не давая заговорить.

— У нас сегодня много дел. Расскажи, что тебе удалось узнать, и будем действовать.

Она вложила ему в руки белое платье.

— Ты оказался прав почти во всем — хотя и не знал, что именно происходит. Сестра Улиция и ее шайка хотели избавиться от власти сноходца, точно, как ты и говорил. Они решили, поскольку ты ценишь жизнь, дать тебе бессмертие. На этом фоне все то зло, что они творили, казалось им несущественным. И так они могли беспрепятственно служить Владетелю.

Глаза Ричарда становились все шире.

— Они обнаружили сведения об Огненной Цепи, — продолжила Никки, — и с его помощью заставили всех забыть о Кэлен — а ее заставили украсть шкатулки Одена. Твой отец, Даркен Рал, в потустороннем мире известил Владетеля, что ты заучил наизусть необходимую ему книгу. Они знают, что для добычи этих сведений им нужна Исповедница. Кэлен нужна им для двух задач: похитить шкатулки и помочь добыть недостающие знания. В исчезновении пророчеств повинен не червь, описанный Зеддом, а Огненная Цепь. В руках у сестер сейчас две шкатулки Одена, и они используют их. Они приступили к этой части своего плана по двум причинам. В-первых, они хотят использовать магию Одена, чтобы вызвать Владетеля в мир живых, во-вторых — шкатулки Одена были созданы как противовес действию Огненной Цепи.

Ричард заморгал.

— Как это понимать: «у них две шкатулки»? Я думал, они заставили Кэлен забрать все! В Саду Жизни хранились все три.

— Кэлен вынесла сперва одну шкатулку. Ее отдали Тови, и та сразу же отбыла с нею, не дожидаясь, пока Кэлен принесет остальные...

— Они послали ее по второму разу? — нахмурился Ричард. — Чего ты не договариваешь?

Никки облизала пересохшие губы, но выдержала его взгляд.

— То, из-за чего Тови так кричала.

Слезы подступили к глазам Ричарда. Горло перехватило. Никки коснулась ладонью его груди.

— Мы найдем ее, Ричард.

Он стиснул зубы и кивнул.

— Расскажи, что было дальше?

— Новый Искатель напал на Тови, пронзил ее мечом и отобрал шкатулку Одена, которую она увозила прочь от Народного Дворца.

— Нам нужно начать поиски. Остальные не могли уйти далеко.

— Они давно уже ушли, Ричард. И следы свои скрыли точно так же, как при похищении Кэлен. Обычными способами мы их не обнаружим.

Ричард вскинул голову.

— Новый искатель — Самюэль... Меч Истины оказал свое действие. Когда я отдал ему меч, он, видимо, узнал всю правду о Кэлен. — Он рассеянно обвел взглядом палатку, соображая, что предпринять. — Это нужно хорошенько обдумать. Собрать все сведения, какие найдутся, и опередить наконец злодеек. Потому что до сих пор опережали нас они.

— Я помогу, Ричард. Сделаю все, что понадобится. Помогу тебе вернуть Кэлен. Она — твоя, теперь я это знаю.

Он кивнул, радуясь, что железная воля вновь вернулась к ней.

— Думаю, нам нужно немедля кое-что уладить и найти опытных помощников.

Она несмело улыбнулась:

— Вновь слышу голос Искателя, какого я знаю!

У палатки уже собирались люди — все хотели видеть лорда Рала. Из толпы вышла Верна.

— Ричард! Благодарение Создателю — он услышал наши молитвы! — Она обняла его. — Как ты, Ричард?

— Где же ты была?

— Лечила раненых. Наши разведчики натолкнулись на вражеский отряд. Генерал Мейфферт послал за мною, и я тотчас вернулась.

— Как раненые?

— Отлично, — улыбнулась она. — Итак, ты здесь, с нами, и мы вместе встретим решающую битву!

Он взял ее за руку.

— Верна, в прошлом я доставил тебе немало неприятностей.

Она широко улыбнулась, надеясь, что прошлое миновало — но, увидев выражение его лица, сразу посерьезнела.

— Боюсь, тебе придется еще потерпеть, — продолжил он. — Ты должна принять на веру то, что я сейчас скажу, иначе можно сразу идти сдаваться Ордену.

Ричард отпустил ее руку и взобрался на ящик, чтобы людям было лучше слышно. Ему показалось, будто он очутился среди волнующегося моря.

В первом ряду стояли рядом Кара и генерал Мейфферт.

— Лорд Рал, вы поведете нас в бой? — спросил Бенджамин.

— Нет!

Громко и отчетливо прозвучало его слово в тихом утреннем воздухе. Взволнованный шепот прокатился по толпе. Ричард вскинул руки:

— Слушайте все! — Люди притихли. — У меня мало времени. Мне следовало бы объяснить вам все подробно, однако я не могу себе это позволить. Тут ничего не поделаешь. Я изложу вам факты, и решайте сами.

Он сделал паузу.

— Продвижение войск Имперского Ордена на юг нам удалось замедлить. — Ричард помахал руками, предупреждая взрыв радостных возгласов. — Я тороплюсь. Слушайте внимательно! Вы — воины, вы — сталь, вставшая стеною против стали. Я — чародей, и мне положено противостоять чарам. В предстоящей битве нам понадобится и то, и другое. Но если я останусь и возглавлю вас в бою как воин, у нас останется мало надежды на победу. Силы врага огромны. Вы и сами это знаете. Если я пойду сражаться бок о бок с вами, большинству из нас предстоит погибнуть.

— Прямо скажем, такое будущее мало кого устраивает! — вскликнул генерал Мейфферт.

Гул угрюмых голосов подтвердил его слова.

— А что можно этому противопоставить? — выкрикнул какой-то солдат.

— Вы должны выполнить свою часть задачи — при помощи стали остановить Орден, не дать ему продвинуться вглубь наших земель и разорить их. Между тем я займусь своим делом и применю магию против магии. Махать мечом могут многие; я же могу сделать такое, что недоступно никому другому, и найти способ победить врага так, чтобы вы все остались целы. Я хочу при помощи своей силы прогнать или уничтожить врага еще до того, как вам придется столкнуться с ним. Я не могу ручаться, что это мне удастся. Если я потерплю неудачу, то погибну, и тогда вы останетесь последним оплотом нашей свободы.

— Значит, вы можете остановить их какой-то магией? — спросил другой солдат. Никки, повернувшись к нему, живо ответила:

— Лорд Рал уже поднял народ Древнего мира против войск Джеганя. Мы сражались там, на их собственной земле, в надежде лишить их поддержки в дальних походах. Если вы потребуете, чтобы лорд Рал остался с вами, вы не дадите ему проявить его исключительные способности, а в итоге все умрете. Я, его соратница, прошу вас понять, что он — не просто полководец, он — лорд Рал, так пусть же действует по-своему, пока вы будете исполнять свой долг!

— Я не сказал бы лучше, — подхватил Ричард. — Теперь вы все знаете. Делайте же свой выбор!

Люди начали вдруг опускаться на колени. От движения многочисленной толпы поднялось облако пыли. И дружный хор завел речитатив:

— *Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.*

Солнце поднялось над горизонтом, осветив море склоненных голов. Речитатив повторили еще два раза, как было принято в полевых условиях. Завершив ритуал, люди поднялись на ноги.

— Лорд Рал, полагаю, вы поняли наш ответ, — громко сказал генерал Мейфферт. — Идите и разделайтесь с этими негодяями!

Люди откликнулись дружно и радостно.

Ричард спрыгнул на землю и протянул руку, чтобы помочь Никки сойти. Она, словно не заметив этого, соскочила с ящика сама. Ричард повернулся к Каре.

— Все, мне пора. Мы очень спешим. Кара, имей в виду, что я ничуть не буду возражать, если ты решишь остаться с... войском.

Кара, нахмурившись как черная туча, скрестила руки на груди.

— Вы с ума сошли? — Она оглянулась через плечо на генерала. — Я же говорила, что он сумасшедший. Видишь, каково мне с ним приходится?

Генерал Мейфферт очень серьезно кивнул:

— Не представляю, как ты справляешься, Кара!

— Постоянные упражнения, — доверительно сообщила она и, коснувшись пальцами его щеки, улыбнулась так, как Ричарду еще не приходилось видеть. — Береги себя, генерал.

— Слушаюсь, сударыня! — Он улыбнулся Никки и склонил голову. — Я к вашим услугам, госпожа Никки.

Ричард уже думал о другом.

— Пойдемте. Время не ждет!

Глава 66

Они вновь быстро шли по залу, облицованному деревянными панелями — впереди Рикка, за нею Ричард и Кара, Никки в арьергарде. Дошли до прохода с высоченным, под две сотни футов, сводчатым потолком. Слева и справа с равными промежутками мелькали желобчатые колонны. Сквозь широкие окна вверху видны были массивные наружные устои, поддерживавшие стены. Полосы света из верхних окон и маленьких круглых окошек пониже скрещивались в воздухе, накрывая идущих. Перестук каблуков эхом разносился по холодному залу.

Плащ Ричарда, словно вытканный из золота, бился у него за спиной, как будто он бежал против штормового ветра. Золотые символы на черной тунике то и дело вэблескивали, попадая в полосу солнечного света, а от серебряных пряжек на сапогах, на ши-

роком поясе, от браслетов на запястьях разлетались блики, возвещая приход боевого чародея.

Ярости любой морд-сит было достаточно, чтобы у большинства людей кровь стыла в жилах — но от холодного гнева, исказившего красивое лицо Кары, эта кровь сразу превратилась бы в лед. Бывшая госпожа Смерть во всем черном выглядела не менее внушительно. Когда Ричард впервые встретился с Никки, ему показалось, будто воздух вокруг нее потрескивает от рвущейся наружу силы; сейчас у него было такое же впечатление.

Ричард проходил мимо ниш, уставленных мягкими стульями и столиками. Уложенные углом к проходу ковры приглашали присесть, отдохнуть в уютных уголках. Ричард огибал ковры — ему нравилось слышать, как стучат сапоги по полированному граниту. Его спутницы тоже не наступали на ковры. Звук шагов отражался от стен, множился, и уже казалось, будто целое войско ворвалось в заповедный замок.

Не замедляя хода, Рикка обернулась и показала направо.

— Они там, лорд Рал.

Ричард срезал угол и ворвался, миновав высокие двойные двери, в изысканную библиотеку. Резные дубовые перегородки делили каждую створку на двенадцать застекленных панелей. Полки доходили до самого потолка на высоте тридцать пять футов, лестницы с бронзовыми перилами позволяли подняться до самого верха. Массивные опоры красного дерева поблескивали в лучах солнца, льющегося из высоких окон. Но внизу все-таки было темновато, и потому здесь горели лампы.

Огромный стол, тоже красного дерева, излюбленного волшебниками, с точеными ножками толще самого Ричарда в обхвате, стоял напротив дверей. По сторонам его высились опоры, поддерживающие свод потолка. Углы комнаты тонули в тени.

Энн удивленно вскинулась:

— Ричард! Что ты здесь делаешь? Ты ведь должен быть с войсками!

Ричард, не обратив на нее никакого внимания, вытащил из-под локтя книгу с красным кожаным переплетом. Используя книгу, как щетку, он размел книжную россыпь и очистил перед тремя

волшебниками широкую блестящую дорожку. Потом швырнул книгу на стол. Она упала со стуком, прозвучавшим как гром.

В сумеречном освещении блеснули золотые буквы: «Огненная Цепь».

— Что это? — растерянно спросил Зедд.

— Доказательство, — сказал Ричард. — Одно из доказательств. Я ведь обещал их предоставить!

— Это очень древняя книга, — добавила Никки. — В ней есть формула Огненной Цепи.

Зедд недоумевающе уставился на нее:

— Это еще что такое?

— Конец света, насколько мы понимаем, — сурово сказал Ричард. — То, что создали древние, неотвратимо приводило к противоречию, к нарушению Девятого Правила. Поэтому они пришли к выводу, что малейшая попытка применить Огненную Цепь приведет к катастрофическим последствиям.

Натан нахмурился и взглянул на Никки — очевидно, надеясь на мудрость и опытность бывшей сестры Света.

— О чем он толкует?

— В древние времена волшебники разработали теорию процесса, позволяющего стирать память о чем-то с помощью Магии Ущерба, одновременно восполняя разорванные части воспоминаний независимо одно от другого — то есть создавая ложную память, заполняющую образовавшиеся пустоты. Этот процесс, в частности, позволял сделать какого-то человека невидимым для всех, стирая память о нем на всех уровнях. Люди немедленно забывали бы о таком человеке сразу после встречи с ним — а иногда еще глядя на него. Однако при дальнейшем рассмотрении выяснилось, что развитие событий уже невозможно ни предсказать, ни сдержать. Изменения следуют одно за другим, как каскад или снежная лавина. Еще точнее сравнение с лесным пожаром — он расползается во все стороны, выжигая и память о других людях, лишь случайно знакомых с тем человеком. Мало-помалу он разрушает все вокруг себя.

— И еще он действует как червь, пожирающий пророчества, — добавил Ричард. — Такой червь, возможно, и существует — однако в данном случае пророчества исчезают из-за того, что кто-то

запустил Огненную Цепь. Вокруг человека, с которого началось горение, образуется пустота — так, словно пророк оставил в своей книге пустое место для будущих исследований. Постепенно пустота заполняется новым пророчеством, включающим в себя формулу Огненной Цепи. От этого загораются и исчезают все пророчества данной ветви, связанные либо темой, либо последовательностью событий. В нашем случае произошло и то и другое: Кэлен исчезла и из вашей памяти, и из пророчеств, согласно следствию из формулы Огненной Цепи.

Натан тяжело опустился на стул.

— Духи милостивые!

Энн, засунув руки в рукава, не проявляла ни удовлетворения, ни беспокойства.

— Все это мило и замечательно, — сообщила она. — Мы охотно изучим книгу и выясним, есть ли хоть какой-то смысл во всех твоих выдумках. Но это — задача не первостепенной важности. Ты должен был остаться с войсками. Должен возглавить их, когда начнется решающая битва. Поэтому тебе следует немедленно отправляться туда. Пророчество совершенно прозрачно. Пророчество утверждает, что если ты этого не сделаешь, мир падет перед тенью смерти!

Ричард, по-прежнему словно не замечая Энн, посмотрел на своего деда.

— Догадайся, что служит противовесом Огненной Цепи?

Зедд пожал плечами, озадаченный поведением Ричарда.

— Откуда же мне знать?

— Есть лишь один противовес. Его создали специально для этой цели.

— И что же это? — спросил Зедд.

— Шкатулки Одена.

Зедд застыл, разинув рот.

— Ричард, этого просто не...

Ричард сунул руку в карман и бросил на стол ветку с несколькими листьями. Зедд широко раскрыл глаза.

— Разрази меня гром, Ричард, но это же змеиная лоза!

— Помнишь, как сказано в «Книге Сочтенных Теней»? Когда шкатулки Одена войдут в игру, вырастет змеиная лоза!

— Но, но... — запинаясь, проговорил Зедд, — шкатулки Одена находятся в Саду Жизни, в Народном Дворце, под особой охраной!

— Более того, — вставил Натан, — я лично снабдил стражу, охраняющую Сад, оружием, убивающим даже чародеев. Туда никто не может войти без твоего позволения!

— Вот-вот, — подхватил Зедд, — это исключено!

Ричард обернулся, и Кара подала ему предмет, завернутый в ткань. Сдернув обертку, он бережно поставил фигурку «Сильной духом» на стол лицом к троим старикам; вышло так, будто она гордо вскинула голову, противясь их попыткам сделать из нее иллюзию.

— Вот, это — Кэлен. Эта фигурка сделана с нее и принадлежала ей. Она оставила ее в Саду Жизни вместо шкатулок, чтобы дать людям знать о себе. Огненная Цепь стерла память о ней у всех, кто знал ее прежде. Даже те, кто видят ее, мгновенно забывают о ней.

Энн взмахом руки как бы отмела от себя и книгу, и лозу, и статуэтку.

— Но все это, все — сплошные догадки, Ричард! Кому мог прийти в голову такой бредовый замысел?

— Сестре Улиции, — сказала Никки. — Она все придумала и вовлекла в заговор сестер Цецилию, Эрминию и Тови.

— Откуда ты знаешь? — нахмурилась Энн.

— Тови призналась мне во всем. Перед смертью.

Изумлению Энн не было предела.

— Призналась... Чего это вдруг она разоткровенничалась? Как тебе вообще удалось найти ее?

— Она бежала с одной из шкатулок Одена, — сказал Ричард. — На нее напал тот человек, которому я отдал Меч Истины, ранил ее и похитил шкатулку.

Зедд, лишившись дара речи, хлопнул себя по лбу и упал в кресло.

— Тови также рассказала мне, — продолжала Никки, — что они побывали здесь, в Эйдиндриле, и устроили ложную могилу Матери-Исповедницы — на тот случай, если Ричард надумает раскопать ее. Он захочет убедить людей в своей правоте, а ему никто не поверит. Уж не знаю, откуда они взяли тело, но платье

добыли во дворце Исповедниц. Так они рассчитывали убедить всех в том, что Ричард безумен. Кстати, полагаю, вам следует узнать, что мы побывали на развалинах древнего города Касска в южной Д'Харе. Там мы наткнулись на разведчиков Имперского Ордена. Я испытала на одном из них тот способ, которым вы намеревались излечить Ричарда. Я применила к нему Магию Ущерба.

Энн осторожно спросила:

— И что же?

— Он прожил после этого считанные мгновения.

Зедд, побелев как полотно, закрыл лицо руками.

— Я уверена, что это может еще оказаться... полезным, — смущенно сказала Энн, — и хорошо, что ты все это открыла. Но главное от этого не меняется. Ты должен присоединиться к своим войскам, Ричард. Не буду напоминать о том чрезвычайно важном пророчестве, которое мы тебе давно сообщили. Ты — *fuer grissa ost drauka*, твое место — в рядах бойцов! Все, что ты нам рассказал, довольно любопытно, однако исполнение пророчества — превыше всего! Не можем же мы допустить, чтобы мир погрузился во тьму!

Ричард потер пальцами виски, набираясь терпения. Он напомнил себе, что эти люди пытались исполнить свой долг. Глубоко вздохнув, он посмотрел на них в упор.

— Когда же вы наконец поймете? — Он указал на веточку лозы. — Вот *это* и есть решающая битва. Сестры Тьмы используют шкатулки Одена. Ради того, чтобы впустить Владетеля мертвых в мир живых, они готовы на все. Им наплевать, что случится со всеми прочими людьми — ведь они рассчитывают обрести бессмертие для себя! Именно поэтому мир стоит на грани тьмы. Понимаете? Если бы вы трое, стремясь подогнать события по образцу пророчества — буквы пророчества! — добились своего, я не пережил бы попытки излечения. Я умер бы. И так вы, пытаясь исполнить предсказанное, обеспечили бы успех сестрам Тьмы — и миру живых пришел бы конец. И тогда вы, а не сестры, были бы виновны в этом. Только свободная воля — воля Никки, моя воля — предупредила крушение человечества, которое вы готовили, слепо веруя в однозначное толкование нескольких слов.

Теперь уже и Энн рухнула на стул, потому что ноги ее не держали.

— Духи милостивые, он прав! — прошептал Зедд. — Искатель только что спас трех старых дураков от самих себя...

— Нет! Не нужно резких слов, — сказал Ричард. — Все мы порой делаем глупости, если не даем себе труда задуматься. Потому главное — вовремя распознать ошибку и не повторять ее. Научиться чему-то и быть осмотрительнее впоследствии. Я ведь пришел сюда не затем, чтобы обзывать вас дураками, — это было бы несправедливо. Мне нужна ваша помощь. Я хочу, чтобы вы пустили в ход силу своего разума. Каждый из вас обладает блестящими способностями. Вы обладаете такими знаниями, каких не осталось, наверно, более ни у кого в этом мире.

Он хмуро улыбнулся.

— Женщина, которую я люблю, женщина, ставшая моей супругой, была похищена сестрами Тьмы и подвергнута воздействию Огненной Цепи. Теперь этот огонь выжигает души тех, кто знал ее, а потом распространится и на всех остальных. — Он указал на статуэтку. — Я вырезал эту фигурку в честь несгибаемого духа своей любимой, Зедд. Она хранила фигурку как драгоценность — но догадалась оставить ее в Саду Жизни, на каменном алтаре, всю покрытую ее кровью. Я хочу вернуть ее. Но мне нужна помощь. Ни Никки, ни Кара не помнят Кэлен, но они уже знают, отчего это происходит — доказательства содержатся вот в этой книге. Каждый из вас вместе с памятью о Кэлен потерял дорогую частичку души. Вы потеряли нечто ценное, не восполнимое никакими средствами. Вы...

Ричард умолк, горло его перехватил спазм. Слезы пролились из глаз. Никки положила руку ему на плечо:

— Все будет хорошо, Ричард. Мы найдем ее!

Кара положила свою руку на другое его плечо:

— Лорд Рал, крепитесь! Мы вернем ее вам.

Ричард только кивнул — губы его дрожали, и слова не выговаривались.

Зедд встал.

— Ричард, надеюсь, ты не думаешь, что мы подведем тебя снова? Верь нам. Даю тебе слово как Первый волшебник.

— Я бы предпочел услышать слово от своего деда...

— Это само собой разумеется, мой мальчик, — улыбнулся Зедд сквозь слезы. — Само собой!

Натан тоже вскочил на ноги.

— Мой меч также послужит тебе, малыш!

— Твой меч? — нахмурилась Энн. — Как это понимать?

— Так и понимать, — сказал Натан, жестами показывая выпад и удар мечом. — Я собираюсь хорошо подраться!

— Он собирается драться! А как насчет помощи в поисках Кэлен?

— Разрази меня гром, женщина, я...

Энн метнула в Зедда негодующий взгляд.

— Это ты научил его ругаться? Он прежде никогда не употреблял таких выражений!

Зедд состроил невинную физиономию.

— Честное слово, не я!

Энн еще грознее уставилась на обоих волшебников, стоящих по сторонам от нее, но, взглянув на Ричарда, улыбнулась.

— Я помню, как ты родился, Ричард. Ты был тогда просто комочком жизни на руках у матери. Она так гордилась тем, что ты умеешь плакать! Теперь она еще более гордилась бы тобою, уже с большими основаниями. И мы все рады, что ты вырос таким.

— Истинно так, — поддакнул Зедд и вытер нос рукавом.

— Если можешь, прости нас, — добавила Энн. — Мы постараемся вместе остановить угрозу. Я лично готова взяться за наших прекрасных сестер.

Никки пожала руку Ричарда.

— Боюсь, тебе придется устанавливать очередь, чтобы мы не передрались: всем хочется заняться ими!

Кара сокрушенно вздохнула:

— Разумеется, тебе легко говорить! Ведь ты уже разделалась с сестрой Тови!

Глава 67

Ричард стоял у зубцов крепостной стены, поставив одну ногу на каменный выступ. Он смотрел, как тени пушистых белых облаков

бегут по широкой долине и солнечный свет заливает раскинувшийся внизу Эйдиндрил.

Зедд подошел и остановился рядом с Ричардом. Какое-то время он молча созерцал чудесный вид, потом наконец сказал:

— Я не могу припомнить Кэлен. Как ни старался, не получается.

— Я знаю, — ответил Ричард, не оборачиваясь.

— Но если уж ты выбрал ее, значит, она — замечательная женщина!

Ричард не удержался от улыбки.

— Она лучше всех.

Зедд положил костлявую руку на плечо Ричарда.

— Мы найдем ее, мальчик. Я помогу, все помогут тебе. У нас получится, я тебе обещаю.

Широко усмехаясь, Ричард обнял деда за плечи.

— Спасибо, Зедд. Без вашей поддержки я не обойдусь.

Зедд наставительно поднял палец:

— Нужно начинать немедленно!

— Я и намерен начать, — отозвался Ричард. — Мне нужно сперва найти себе меч.

— Э, меч мало что решает. Он — лишь орудие. Меч Истины — источник силы, но ты даже без меча все равно остаешься Искателем.

— Кстати об этом, Зедд. Знаешь, я подумал, и мне теперь кажется, что Шота вовсе не ради самолюбия потребовала у меня меч в обмен на рассказанное мне.

— Почему?

— Смотри: Меч Истины питается моим даром. Когда я использую свой дар — как в тот день в библиотеке, когда я прочитал пророчество из книги, — это вызывает появление зверя.

Зедд потер подбородок.

— А что, это вполне возможно. Таким образом ты оказался хотя бы частично защищен от угрозы. — Он искоса взглянул на Ричарда. — Но она отдала меч Самюэлю! А он — вор!

— И что же он украл с тех пор, как заполучил обратно меч?

Зедд посмотрел на Ричарда, прищурив глаз:

— Что украл? Не знаю. Что ты имеешь в виду?

— Он тяжело ранил сестру Тьмы и унес шкатулку Одена, которую она везла. Тем самым он помешал остальным сестрам собрать их все и воспользоваться магией Одена.

Зедд нахмурился еще сильнее.

— И что же, по-твоему, этот вор-коротышка будет делать со шкатулкой?

Ричард пожал плечами.

— Не знаю — но так или иначе он выиграл для нас немного времени. Теперь мы можем добраться до него и не дать сестрам завладеть всеми тремя шкатулками — а это уже хорошо.

Зедд поскреб впалую щеку и искоса взглянул на Ричарда.

— Как-то напоминает мне все это прошлый раз... помнишь, когда Даркен Рал заполучил последнюю шкатулку?

Ричард, нахмурившись, посмотрел на деда:

— Что ты сказал?

Зедд пожал плечами.

— Да так, ничего.. сказал, и все.

— Что сказал?

— Просто вспомнил, что было в прошлый раз. — Зедд похлопал Ричарда по плечу. — Ладно, пойдем. Рикка уже приготовила обед. Мы как следует перекусим, прежде чем сядем думать и решать.

— Это звучит заманчиво!

— С чего ты взял? Я ведь даже не сказал тебе, что именно она приготовила!

— Нет, я о другом... Ладно, все это чепуха. Пойдем!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Гудкайнд Терри

**Девятое Правило Волшебника,
или Огненная цепь**

Ответственный редактор В. Гончаров
Редактор В. Леонидов
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерная верстка: М. Белякова
Технический редактор О. Панкрашина
Корректор Н. Мазова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов «Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

Сколько крови должно пролиться,
прежде чем наконец настанет мир?
Скольких еще друзей и соратников предстоит
потерять легендарному Ричарду Сайферу,
лорду Ралу, Искателю Истины?
Быть может, что-то решит наконец открытая битва
с безжалостным Сноходцем Джеганем,
завоевывающим все новые земли и утверждающим
на них ужасную власть Тьмы?
На этот вопрос не могут — или не желают —
ответить Исповедницы, для которых нет тайн.
Значит, Ричарду предстоит вновь выйти на бой
с повелителем Мрака — и в громе оружия и молчании
павших познать Девятое Правило Волшебника...

Век Дракона

ISBN 5-17-040869-2